Jes. 1108 w
(2

ІЕЗУИТЫ

ВЪ РОССІИ,

СЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II-й

И ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

обнимающая исторію іезуитовъ въ царствованіе Александра I-го.

Священника Михаила Морошкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1870.

Іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ, не только благодарности, но и подданнической присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ Россійскихъ Законовъ, выслать, подъ присмотромъ полиціи, за предѣлы государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію (слова, взятыя изъ всеподданнѣйшаго доклада Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, 13-го Марта 1820-го года).

Желательно, чтобъ вы устранили русскихъ поповъ отъ ученія вѣры вашихъ воспитанниковъ. Попы сіи, по моему мнѣнію, всегда будутъ первыми вашими врагами. Повѣрьте, что если избавитесь такихъ наставниковъ, то одержите совершенную побѣду . . . Всѣ согласны теперь въ томъ, что въ Россіи одно только истинное училище, а именно іезуитское. Когда единожды дано направленіе машинѣ, то сколько она произведетъ отличныхъ мужей! (См. рукопись «переписка іезуитовъ, № 113»).

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать позволяется. С.-Петербургъ, Сентября 27 дня 1869 года.
Цензоръ Архимандритъ *Ефремъ*.

Bayerische Staatsbibliothek München

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

80/40305

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ІЕЗУИТЫ ВЪ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внезапная смерть Павла I-го была для іезуитовъ не только неожиданностію, но и нравственнымъ пораженіемъ. Іезуиты боятся Палена. Удаленіе отъ дѣлъ правленія Палена принято было іезуитами за хорошее предзнаменованіе. Самостоятельное правленіе Александра I-го если не возбуждало въ іезуитахъ большихъ надеждъ, то и не представляло большихъ опасностей для ихъ ордена. Воспитаніе, образованіе и характеръ Императора Александра I-го. Лица, стоявшія близко къ Александру I-му, были или прямые защитники и покровители іезуитовъ, или косвенно содѣйствовали ихъ видамъ и дѣламъ. Іезуиты сознаютъ твердость почвы подъ собою. Письмо Грубера къ Александру I-му въ день пасхи. Въ этомъ письмѣ Груберъ между прочимъ даетъ разумѣть, что ему извѣстно о полученіи русскимъ правительствомъ папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи, а слѣдовательно наступило время обнародовать его. Письмо Грубера осталось безъ отвѣта. Груберъ прибѣгаетъ къ ходатайству папы по этому дѣлу. Пій VII въ поздравительномъ письмѣ своемъ къ Александру I-му, по случаю восшествія Его на престолъ, говоритъ, что онъ послалъ Павлу I-му бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи, т. е. напоминаетъ Государю о необходимости обнародовать это бреве. Александръ I-й на письмо папы отвѣчалъ вѣжливымъ письмомъ, но бреве всетаки не было обнародовано. Причины такой устойчивости и твердости Александра I-го. Снятіе опалы съ Сестренцевича—врага іезуитовъ и учрежденіе особой коммисіи по дѣлу объ удаленіи его

отъ епархіальнаго управленія и предсѣдательства въ духовной коммисіи. Правительство познакомилось изъ этого дѣла съ обстоятельствами весьма невыгодными для репутаціи іезуитовъ. Беклешовъ защитникъ Сестренцевича и противникъ іезуитовъ. Къ дѣлу Сестренцевича прибавились еще жалобы на іезуитовъ священика Масклэ и нѣкоторыхъ синдиковъ петербургской Латинской церкви. Правительство ограничиваетъ іезуитовъ въ ихъ привиллегіяхъ: запрещаетъ имъ распространять свои заведенія, безъ Высочайшаго разрѣшенія, далѣе Полоцка; а также возвращать имъ такъ называемыя поіезуитскія имѣнія, наконецъ не позволяетъ завладѣть Виленскимъ университетомъ. Ходатайство папы предъ русскимъ правительствомъ по дѣлу іезуитовъ болѣе было вредно для нихъ, чѣмъ полезно. По дѣламъ малтійскаго ордена образовались худыя отношенія между русскимъ правительствомъ и папою. Пій VII отказывается признать Павла I-го великимъ магистромъ малтійскаго ордена. Переговоры по этому случаю съ папою. Вопросъ о признаніи Павла I-го Гросмейстеромъ малтійскаго ордена и утвержденіе въ достоинствѣ великаго магистра Томаси дѣлается необходимымъ условіемъ принятія русскимъ правительствомъ папскаго посланника. Папа уступаетъ. Русскій дворъ принимаетъ посла папы, но только на 4 мѣсяца и притомъ въ званіи чрезвычайнаго, а не обыкновеннаго, посланника. Груберъ пользуется этимъ обстоятельствомъ и чрезъ Лопухина выхлопатываетъ обнародованіе папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи. Значеніе этого обнародованія для іезуитовъ, обнаружившееся въ перемѣнѣ взгляда іезуитовъ на самихъ себя, свои отношенія къ папѣ и свѣтскимъ властямъ. Письмо Грубера къ Александру по случаю смерти іезуитскаго генерала Кареу служитъ лучшимъ доказательствомъ этого взгляда. Выборы новаго генерала. Груберъ избранъ генераломъ іезуитовъ. Гохдихлеръ, землякъ Грубера, заступаетъ его мѣсто въ іезуитскомъ Петербургскомъ Коллегіумѣ.

Скоропостижная смерть Павла I-го была не только неожиданностію для іезуитовъ, застигнувшею ихъ среди обширныхъ ихъ замысловъ, плановъ и надеждъ, но и нравственнымъ ихъ пораженіемъ, показавшимъ имъ еще разъ несо-

стоятельность привиллегированнаго искусства ихъ ордена— все предузнавать, развѣдывать и шпіонствовать, а также обнаружившимъ всю шаткость ихъ положенія и зависимость ихъ существованія въ Россіи, не только отъ воли Государя, но и отъ личнаго расположенія Его министра, генералъ-губернатора, даже отъ минуты, случая, и наконецъ отъ придворной интриги и мановенія партіи, восторжествовавшей въ извѣстный моментъ. Еще утромъ того дня (11 Марта 1801 г.), въ который душа Павла предстала на судъ Божій, патеръ Груберъ по обыкновенію своему явился въ Михайловскій замокъ и былъ свидѣтелемъ неутомимой, живой и бодрой дѣятельности Императора; только пріемъ, сдѣланный во дворцѣ Груберу въ этотъ день, обнаружилъ чрезвычайную перемѣну въ придворныхъ отношеніяхъ къ о. іезуиту. По прежнимъ примѣрамъ, Груберъ прямо и смѣло шелъ къ дверямъ Государева кабинета и только лишь хотѣлъ переступить порогъ его, какъ длинная, мускулистая и холодная фигура Палена загородила ему дорогу въ кабинетъ и лаконически сказала патеру, что Императоръ теперь такъ занятъ важными государственными дѣлами, что не можетъ принять о. іезуита, и съ этими словами, быстро шмыгнулъ въ кабинетъ Павла и захлопнулъ за собою дверь кабинета. Изумленный Груберъ не успѣлъ ничего сказать Палену и остался въ предкабинетной залѣ ждать окончанія подписи Государемъ дѣлъ, пронесенныхъ Паленомъ къ Павлу, потому что іезуитъ на этотъ разъ явился во дворецъ съ весьма важнымъ дѣломъ, надъ которымъ онъ трудился почти четыре года, входилъ въ совѣщаніе съ бывшимъ папскимъ нунціемъ въ Петербургѣ Литтою, велъ чрезъ него переписку съ самимъ Римомъ и которое теперь вполнѣ окончено было имъ и нуждалось только въ санкціи Императора,—съ проектомъ о соединеніи Пра-

вославной церкви съ латинской [1]. Нѣсколько часовъ пришлось iезуиту простоять въ самомъ неловкомъ и мучитель-

[1] См. въ Имп. Пуб. Библ. Записки Анастасевича и письмо его къ Данилевскому, гдѣ онъ пишетъ: «Милостивѣйшiй Государь Александръ Ивановичь! Я недавно переселился въ Коломну, по офицерской улицѣ, за литовскимъ замкомъ, противу сада барона Раля, № 37-й, въ домъ Навроцкаго. Для сего-то я столько времени лишенъ удовольствiя видѣться съ вами у васъ и отчаяваюсь видѣть васъ у себя. Необременитесь моею просьбою по той части, для коей и вы посвящаете преимущественно ваше время—по исторiи нашего любезнаго отечества. Чрезъ друга вашего г. Тургенева, который у князя Голицына все одинъ можетъ, меня чувствительнѣйше обяжете копiею того представленiя покойному Императору Павлу 1-му со стороны римской церкви, по которому она желала соединиться съ нашею. Сiе дѣло было въ 1797—1800; въ немъ участвовалъ покойный генералъ Iезуитскiй *Груберъ* чрезъ папскаго нунцiя Литту. Оно оставлено втунѣ, по объясненiи отъ нашего Синода, что это старая пѣсня на новый ладъ, т. е. желанiе возобновить Флорентiйскiй Соборъ. Нельзя, чтобы Тургеневъ и по одной любви къ отечественной исторiи не зналъ сего обстоятельства, тѣмъ паче, когда теперь служитъ по части министерства иновѣрныхъ исповѣданiй. Какъ это дѣло производилось келейно—въ кабинетѣ, то можетъ быть не всякому иному извѣстно. Мнѣ оно исторически подробно извѣстно, недостаетъ только одного акта, которымъ вы крайне меня обяжете».

См. также труды Кiев. дух. ак. за Августъ мѣсяцъ 1867-го г., и въ нихъ рѣчь, произнесенную на годичномъ торжественномъ собранiи Имп. унив. Св. Владимiра, гдѣ говорится: «митрополитъ Амвросiй, вызвавши Болховитинова (Евгенiя) въ С.-Петербургъ, тотчасъ опредѣлилъ его учителемъ и префектомъ Александроневской академiи; потомъ чрезъ нѣсколько недѣль постригъ его въ монашество, съ именемъ Евгенiя, и посвятилъ въ архимандрита. Здѣсь на первыхъ же порахъ Евгенiй имѣлъ случай оказать значительную услугу своему покровителю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой церкви русской. Случай былъ такой. Въ 1800 г. iезуитскiй генералъ Груберъ, жившiй тогда въ Петербургѣ и имѣвшiй частный входъ въ кабинетъ Императора Павла 1-го, предложилъ Ему, по интригамъ папы, проектъ соединенiя нашей церкви съ латинскою, безъ сомнѣнiя въ томъ же родѣ, въ какомъ и прежде, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣлались намъ подобныя предложенiя, т. е. въ смыслѣ не соединенiя церквей, а подчиненiя православной русской церкви римско-

номъ ожиданіи окончанія Паленовскихъ докладовъ; желанная минута долго не являлась: Паленъ буквально завалилъ Павла докладами и не давалъ Ему покоя и возможности перевести духъ; мрачная, непроницаемая, какъ глубина ада, душа Палена хорошо понимала, что она имѣетъ дѣло съ іезуитомъ, который, можетъ быть, теперь является въ кабинетъ Государя съ самыми зловѣщими и самыми гибельными для предначертаній петербургскаго генералъ - губернатора извѣстіями — такихъ людей опасно допускать до интимныхъ бесѣдъ съ Государемъ, и притомъ въ такія минуты.. Паленъ употребилъ все свое искусство, чтобы недопустить

му церковному правительству или папѣ. Дѣло велось такъ хитро и искусно, что Государь, привлекаемый разными обѣщаніями отъ папы и іезуитовъ, видимо склонялся на ихъ предложеніе, даже нѣкоторые изъ духовныхъ были предрасположены въ пользу этого дѣла. Чрезъ министра Растопчина сдѣланъ былъ наконецъ запросъ и митрополиту. Но Амвросій, вмѣсто собственнаго отвѣта, представилъ написанную по его порученію Евгеніемъ записку о папской власти, и Государь, выслушавшій эту записку, перемѣнилъ мысли и съ тѣхъ поръ не велѣлъ впускать въ кабинетъ іезуита Грубера». Послѣдняя фраза исторически невѣрна, да и вообще во всемъ извѣстіи, передаваемомъ авторомъ рѣчи, много историческихъ обмолвокъ, неточностей, смѣшеній одной эпохи съ другой, перетасовки лицъ, вѣренъ только фонъ повѣствованія, т. е. фактъ существованія проекта о соединеніи православной церкви съ латинскою, обязанный своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ Груберу, бывшему тогда не генераломъ іезуитскаго ордена, а ректоромъ петербургскаго іезуитскаго коллегіума. Записка пр. Евгенія, написанная по случаю Груберовскаго проекта и надѣлавшая, какъ замѣчаетъ самъ Евгеній, много ему хлопотъ, или, какъ выражается онъ, много роптаній, въ перечнѣ неизданныхъ его сочиненій носитъ названіе: *каноническое изслѣдованіе о папской власти въ христіанской церкви*; она написана на латинскомъ и русскомъ языкахъ; на русскомъ языкѣ рукопись находится въ Кіево-Софійской библіотекѣ подъ № 592-мъ; подъ нею собственноручная записка преосвященнаго о поводѣ къ ея составленію (см. Ж. М. Н. П. г. 1867-й, мѣсяцъ Декабрь, статью г. Ивановскаго: біографія митрополита Евгенія).

въ этотъ день iезуита до объясненiй съ Императоромъ, и блистательно восторжествовалъ надъ Груберомъ. Государь примѣтно начиналъ терять терпѣнiе отъ множества представляемыхъ Ему Паленымъ докладовъ, потомъ начались припадки раздражительности и наконецъ, при подписанiи послѣдняго доклада, гнѣвный вопросъ, обращенный къ Палену: «ну, все ли тутъ и нѣтъ ли еще чего нибудь? Тогда Паленъ, ловко воспользовавшись такимъ душевнымъ состоянiемъ Павла, съ презрительною миною и ядовитою улыбкою отвѣчаетъ: все, Ваше Императорское Величество! «Только тамъ за дверьми кабинета, кажется, о. Груберъ хочетъ еще утомлять Васъ своимъ, столь извѣстнымъ Вашему Величеству, проектомъ о соединенiи русской церкви съ латинскою». Государь, уже приведенный въ раздражительное состоянiе, боявшiйся опоздать на разводъ, гнѣвно приказалъ Палену сказать патеру Груберу, чтобы онъ убирался съ своимъ проектомъ . . (1). Такой прiемъ, еще небывалый во все царствованiе Павла, былъ крайнимъ униженiемъ для Грубера, а вмѣстѣ громовымъ ударомъ среди яснаго неба. Въ ночь съ 11-го Марта на 12 Павелъ былъ уже бездыханенъ и еще большее пораженiе ожидало iезуитовъ на другой день, когда пронеслась по Петербургу вѣсть, что Павла I нестало и что Паленъ сталъ еще сильнѣе чѣмъ въ прежнее царствованiе (2). Теперь уже некогда было

(1) См. имѣющуюся у меня рукопись.

(2) Въ Гофъ-Фурьерскомъ журналѣ послѣднiй день жизни Павла 1-го представляется проведеннымъ такимъ образомъ: 1801-го г. Марта 11-го дня, въ понедѣльникъ (6-й недѣли великаго поста), по утру въ обыкновенное время Его Императорское Величество изволилъ, по выходѣ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ, присутствовать у развода. А съ 11-ти часовъ того же утра Ихъ Императорскiя Величества изволили нѣсколько времени препроводить въ верховомъ выѣздѣ: Государь

думать о какихъ нибудь проектахъ о соединеніи церквей, а приходилось позаботиться, можетъ быть, о сохраненіи

Императоръ съ оберъ-шталмейстеромъ Графомъ Кутайсовымъ, а Государыня Императрица съ фрейлиной Протасовой 2-й. Объденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8-ми кувертахъ, а къ столу приглашены: оберъ-камергеръ графъ Строгановъ, генералъ отъ инфантеріи Кутузовъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ, адмиралъ графъ Кушелевъ, вице-канцлеръ князь Куракинъ 1-й. Послѣ стола, въ 4 часа пополудни Ея Императорское Величество, съ приглашеніемъ фрейлины Протасовой 2-й, изволила выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Новодѣвичій Монастырь (Смольный), откуда и возвратилась обратно въ 6-ть часовъ.

Потомъ Ихъ Императорскія Величества изволили въ сей вечеръ препроводить время съ Ихъ Императорскими Высочествами: Государемъ Наслѣдникомъ, Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, Государынями Великими Княгинями и Великими Княжнами: Маріей Павловной и Екатериной Павловной, такъ же и съ обыкновенно приглашающимися въ собраніе знатными особами въ гостиной комнатѣ, изъ коей наконецъ вышедъ въ столовую, изволили имѣть вечернее кушанье на 19-ти кувертахъ, за которыми въ означенномъ числѣ находясь, отъ Его Величества начиная, съ правой стороны сидѣли: Великій князь Александръ Павловичъ, Великая княгиня Елизавета Алексѣевна, Великая княжна Марія Павловна, Статсъ-дама графиня Паленъ, камеръ-фрейлина Протасова, фрейлина Кутузова 2-я, генералъ отъ инфантеріи Кутузовъ, оберъ-камергеръ графъ Строгановъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, оберъ-камергеръ графъ Шереметьевъ, шталмейстеръ Мухановъ, фрейлина графиня Паленъ, сенаторъ князь Юсуповъ, статсъ-дама Ренне, статсъ-дама графиня Ливенъ, Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна и Великій Князь Константинъ Павловичъ». Далѣе продолжаетъ журналъ: «сегодня, во вторникъ 6-й недѣли вел. поста (12-го Марта), наложенъ глубокій трауръ на годъ и печальная коммисія учреждена въ павильонѣ Михайловскаго замка, подъ начальствомъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Каратыгина. Сей ночи въ первомъ часу съ 11-го на 12-е число Марта, т. е. съ понедѣльника на вторникъ, скончался скоропостижно въ Михайловскомъ замкѣ Государь Императоръ Павелъ Петровичъ».

Замѣчательно, что послѣднее пріобщеніе Павла I-го Св. Таинъ, бывшее въ субботу первой недѣли поста, было отлично отъ всѣхъ предшествовавшихъ: Павелъ, сдѣлавшись Императоромъ, всегда пріобщался

существованія самаго ордена. Впрочемъ, на дѣлѣ оказалось, что эти страхи со стороны іезуитскаго ордена были слишкомъ преувеличены: въ глазахъ Палена и его партіи Груберъ и его орденъ казались опасными, какъ политическіе, а отнюдь не религіозные, дѣятели; религіозная сторона іезуитскаго ордена имѣла мало, или почти никакого значенія въ глазахъ Палена; и когда Груберъ поставленъ былъ Паленомъ въ невозможность играть роль политическаго дѣятеля, и цѣль Палена была достигнута, тогда всякое страстное и непріязненное отношеніе Палена къ Груберу прекращалось, не имѣло никакихъ основаній и поводовъ къ своему существованію; Груберъ и его орденъ были безразличными для Палена, онъ пересталъ обращать на нихъ свое вниманіе.

Вообще Паленъ былъ равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ и духовно-церковнымъ дѣламъ, еслиже иногда и вмѣшивался въ нихъ и обнаруживалъ здѣсь съ свойственною ему жестокостію свое вліяніе, то вовсе не по религіозной страстности, или нетерпимости, а болѣе по другимъ причинамъ, напр. нѣмецкой національности, усердію къ исполненію Высочайшихъ повелѣній и т. под., какъ напримѣръ показываетъ дѣло о бракѣ Синодскаго регистратора Максимова,

Св. Таинъ по царски, т. е. самъ входилъ въ далматикѣ чрезъ царскія двери въ алтарь прямо къ престолу и здѣсь пріобщался Св. Таинъ, какъ пріобщаются обыкновенно священники, но послѣднее пріобщеніе Павла было такое же, какое бываетъ у всякаго частнаго православнаго христіанина; Государь, говоритъ гофъ-фурьерскій журналъ, снявши съ себя шпагу и ленту, сошедъ съ царскаго мѣста, изволилъ за духовникомъ произносить причастную молитву, послѣ которой Его Императорское Величество, бывъ въ мундирѣ, но безъ далматика, и не входя въ алтарь, а въ самыхъ онаго царскихъ дверяхъ изволилъ отъ духовника своего пріобщаться Св. Христовыхъ Таинъ».

насильно обвѣнчаннаго съ дочерью *портнаго мастера Клокенберга* ([1]).

([1]) Дѣло это представляетъ множество курьезныхъ сторонъ администраціи Павла I-го. Въ первый годъ царствованія Александра I-го поступила на Высочайшее имя просьба отъ Синодскаго регистратора Максимова такого содержанія, что прошедшаго 1800-го г. Іюля 10-го числа взятъ былъ онъ, Максимовъ, бывшимъ оберъ-полицмейстеромъ Рачинскимъ и представленъ къ С.-Петербургскому военному губернатору графу Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену, который объявилъ ему, Максимову, Высочайшее повелѣніе о обвѣнчаніи его съ (показанною) дочерью Клокенберга Катериною, и хотя онъ, Максимовъ, его, г. военнаго губернатора и просилъ, по нежеланію его, Максимова, и по неимѣнію склонности, избавить отъ сего брака, но на то отъ него, господина военнаго губернатора, объявлено, что ему дѣлать больше нечего, какъ только долженъ выполнить Имянное повелѣніе; потомъ приказалъ помянутому оберъ-полицмейстеру его, Максимова, отвезти въ церковь и обвѣнчать съ оною дочерью Клокенберга Катериною. Почему онъ, Максимовъ, тѣмъ оберъ-полицмейстеромъ вмѣстѣ съ нею, Катериною, отвезенъ былъ въ Казанскій Соборъ, гдѣ священникомъ онаго Степаномъ Михайловымъ съ тою дочерью Клокенберга Катериною въ началѣ 9-го часа по утру, до обѣдни, при ономъ оберъ-полицмейстерѣ, и обвѣнчанъ. При вѣнчаніи ихъ, когда священникъ спрашивалъ его, Максимова, имѣетъ ли онъ благое произволеніе взять ее себѣ въ жену? отвѣчалъ, что онъ выполняетъ волю Государя Императора. Продолжать супружескую съ нею, Катериною, жизнь онъ, Максимовъ, не желаетъ, потому что онъ обвѣнчанъ противъ своей воли и склонности, каковой онъ и нынѣ не имѣетъ. Прежде брака съ женою своею, дочерью нѣмца Клокенберга Катериною Ивановою, любовной къ ней склонности не имѣлъ и взаимнаго между имъ и ею къ браку согласія не было, кромѣ одного съ нею знакомства, по жительству его въ одномъ домѣ.

Когда началось слѣдствіе по просьбѣ Максимова, стали спрашивать и Катерину Клокенбергъ, какъ она сдѣлалась женою Максимова. Она показала, что прежде брака съ регистраторомъ Максимовымъ, по жительству его въ одномъ съ нею домѣ, любовную склонность къ нему имѣла, а съ его стороны была ли къ ней таковая склонность и взаимное съ нею къ браку согласіе, она не знаетъ. Когда же родители ея, замѣтя въ ней любовь къ нему, Максимову, стращали ее засѣчь до смерти, тогда она, убоясь сего наказанія и избравъ себѣ легчайшую смерть, прошедшаго

Между тѣмъ страхъ, наведенный смертію Павла I-го на іезуитовъ, имѣлъ для нихъ своего рода хорошую сторону и

1800-го г. Іюля 8-го числа, по утру, въ 9-мъ часу, бросилась въ рѣку Мойку, съ намѣреніемъ утопиться, но изъ оной полицейскими служителями была вытащена и представлена 1-й адмиралтейской части въ частный судъ, откуда, по отобраніи отъ нея частнымъ инспекторомъ о причинѣ ея намѣренія объясненія, отдана родителямъ ея, съ подтвержденіемъ имъ, чтобъ они впредъ съ нею такъ строго не поступали. На другой день послѣ того, т. е. 9-го числа Іюля въ вечеру, бывшій полицмейстеръ Зильбергарнишъ, взявъ ее, Катерину, съ матерью ея, представилъ къ г. военному губернатору графу Петру Алексѣевичу Фонъ-деръ-Палену, который спрашивалъ ее, Катерину, желаетъ ли она вступить въ бракъ съ помянутымъ регистраторомъ Максимовымъ, на что она ему, г. военному губернатору отвѣчала, что не желаетъ, а тоже самое и отъ матери ея было объявлено, но на сіе онъ, г. военный губернаторъ объявилъ имъ Имянное повелѣніе, и хотя мать ея и просила его, г. военнаго губернатора, чтобъ избавить ее, Катерину, отъ сего съ Максимовымъ брака, но онъ отозвался, что долженъ выполнить волю Государя Императора, и съ тѣмъ она, Катерина, и мать ея имъ, г. военнымъ губернаторомъ, отпущены были въ домъ свой, а 10-го числа Іюля по утру паки взята была она, Катерина, квартальнымъ офицеромъ въ домъ къ г. военному губернатору и оттуда вмѣстѣ съ регистраторомъ Максимовымъ бывшимъ оберъ-полицмейстеромъ Рачинскимъ отвезена въ Казанскій Соборъ, гдѣ священникомъ онаго Собора Стефаномъ Михайловымъ она, Катерина, съ тѣмъ Максимовымъ, въ началѣ 9 часа по утру, до обѣдни, при ономъ же оберъ-полицмейстерѣ и обвѣнчана. При вѣнчаніи жъ, на вопросъ священника объявляла-ли она, будучи тогда объята страхомъ, согласіе свое къ таковому браку, или нѣтъ, не знаетъ. Митрополитъ Амвросій, которому Государь приказалъ разсмотрѣть это дѣло, призналъ, что бракъ Максимова съ Катериною Клокенбергъ долженъ быть расторгнутъ. Но это было только частное мнѣніе Амвросія, когда же дѣло поступило на обсужденіе Синода, то Синодъ призналъ совершеніе его сообразнымъ съ церковнымъ чиноположеніемъ, а потому и не подлежащимъ расторженію. Тогда Государь чрезъ Трощинскаго далъ знать митрополиту, что хотя Св. Синодъ, признавая совершеніе брака Максимова съ дѣвицею Клокенбергъ сообразнымъ съ церковнымъ чиноположеніемъ, не можетъ приступить къ расторженію его, но Императоръ, видя, что всѣ обстоятельства, браку сему предшествовавшія и его сопровождающія, дока-

благіе результаты въ томъ отношеніи, что заставилъ ихъ обратиться за помощію и покровительствомъ къ вліятельнѣйшимъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ людямъ, пробудилъ энергію въ ихъ прежнихъ друзьяхъ и покровителяхъ, а также натолкнулъ ихъ на мысль заручиться новыми покровителями изъ той среды, которая начала обнаруживать свою силу съ новымъ царствованіемъ. Несмотря на самую пеструю смѣсь лицъ, окружавшихъ новаго 25-ти-лѣтняго Государя и старавшихся раздѣлить труды новаго правленія,—смѣсь, гдѣ величаво и сановито выступаютъ государственные люди временъ славнаго царствованія Екатерины Великой, и нерѣшительно вы-

зываютъ ясно, что не могъ онъ быть совершенъ съ согласія мужа, и участіе въ немъ полиціи есть между прочимъ такой признакъ принужденія, коего ничѣмъ опровергнуть невозможно и который одинъ составляетъ уже весьма важное противъ твердости сего брака предубѣжденіе, сколько бы впрочемъ соблюденіе при немъ обыкновенныхъ обрядовъ ни давало ему наружнаго вида законной силы, а потому приказалъ Вашему Высокопреосвященству, чтобы Вы, по долгу архипастырскому призвавъ къ себѣ сію чету, преподали ей средства, на совѣсти основанныя, къ лучшему и удобнѣйшему положенію жизни ихъ, какое только можетъ позволить имъ настоящее ихъ положеніе. При этомъ Государь прислалъ 1000 рублей и приказалъ выдать ихъ Максимову, если онъ согласится жить съ своею женою; если же нѣтъ, то эти деньги должны быть отданы его женѣ; оберъ-прокурору Св. Синода тайному совѣтнику Хвостову велѣно было имѣть Максимова въ особенномъ вниманіи. Максимовъ, по сдѣланномъ ему увѣщаніи митрополитомъ Амвросіемъ, выразилъ желаніе жить съ Клокенбергъ, какъ съ женою. Это много содѣйствовало къ промоціи Максимова на службѣ, какъ видно изъ оберъ-прокурорской переписки (см. въ арх. канц. Петербург. митрополитовъ дѣло 1801-го г. 23-го Мая, подъ № 122-мъ, о бракѣ Синодскаго регистратора Максимова, насильно обвѣнчаннаго съ дочерью портнаго мастера Клокенберга).

О другихъ самоуправныхъ и злонамѣренно жестокихъ дѣйствіяхъ Палена находятся поразительныя извѣстія въ рукописи, извѣстной подъ именемъ «Разсказы сенатора Ивана Даниловича Данилова».

глядывали суровыя лица Гатчинцевъ, и весело и какъ то эффектно улыбаясь, съ сознанiемъ своего превосходства, сновали люди новой эпохи, носители и распространители новыхъ идей; не смотря на преобладающее влiянiе въ первые мѣсяцы царствованiя Александра извѣстнаго трiумвирата, состоявшаго изъ Палена, Бенигсена и Платона Зубова, iезуиты не могли незамѣтить тутъ во первыхъ, многихъ лицъ, извѣстныхъ имъ по своему расположенiю къ ихъ ордену, или друзей и родственниковъ ихъ покровителей, или по крайней мѣрѣ людей знакомыхъ, или наконецъ по своимъ убѣжденiямъ отличавшихся совершеннымъ религiознымъ индифферентизмомъ, во вторыхъ, не могли не видѣть, что молодой Государь на столько умудренъ опытами жизни, на столько успѣлъ понять и изучить науку государственнаго управленiя и распознаванiя людей, что съумѣетъ стряхнуть съ себя влiянiе трiумвирата и избавится отъ непрошеной опеки надъ Нимъ. Влiянiе вдовствующей Императрицы на Своего царственнаго Сына и на дѣла управленiя не могли не имѣть важнаго значенiя для iезуитскаго ордена, особенно если припомнимъ, что Груберъ,— главный вождь этого ордена, пользовался благосклоннымъ вниманiемъ и особеннымъ расположенiемъ Марiи Θеодоровны. Нѣтъ сомнѣнiя, что iезуиты умѣли во время воспользоваться всѣми этими обстоятельствами для интересовъ своего ордена и заручиться всѣми средствами для огражденiя себя отъ враждебныхъ нападенiй съ какой бы ни было стороны. Но всетаки удаленiе Палена отъ дѣлъ правленiя и низведенiе Бенигсена и Зубова до второстепенныхъ ролей были привѣтствуемы iезуитами радостно и приняты были за весьма хорошее предзнаменованiе для ихъ ордена, особенно когда они узнали, что тутъ главнымъ

образомъ дало себя чувствовать вліяніе Императрицы Маріи Θеодоровны ([1]).

([1]) Императрица Марія Θеодоровна не могла спокойно видѣть Палена и Бенигсена, особенно перваго. Она употребляла съ Своей стороны всѣ средства, чтобы удалить Палена отъ дѣлъ правленія и даже, если можно, выпроводить его изъ Петербурга; но нѣсколько мѣсяцевъ усилія Ея не могли быть успѣшными. Шаги Александра I на первыхъ порахъ царствованія были такъ осторожно робки, державныя Его движенія такъ искусно сдержанны, что Онъ припуждалъ Себя терпѣть около Себя присутствіе Палена. Другія лица, къ которымъ обращалась вдовствующая Императрица за помощію въ этомъ дѣлѣ, почтительно вѣжливо отклоняли отъ себя Ея предложеніе и видимо выражали свой ужасъ, при представленіи себѣ холодной, вѣроломной, жестокой и непроницаемо темной Паленовской фигуры. Напрасно старались нѣкоторые изъ участія къ вдовствующей Императрицѣ дѣйствовать на воображеніе Палена разсказами о какихъ то чудесныхъ иконахъ, съ необыкновенными надписями; холодный, ничему невѣровавшій Паленъ, сухо выслушивалъ такіе разсказы, и съ рыцарскимъ хладнокровіемъ нещадно сѣкъ распространителей такихъ слуховъ. Тогда Марія Θеодоровна обратилась съ своимъ горемъ къ митрополиту петербургскому Амвросію. Амвросій возвышеніемъ своимъ на петербургскую каѳедру обязанъ былъ покойному Императору Павлу I, которому не могъ нравиться митрополитъ Гавріилъ, какъ любимецъ Матери Его Екатерины II и какъ человѣкъ, во многихъ случаяхъ прекословившій Государю, напр.: въ перенесеніи тѣла Императора Петра III-го изъ невской лавры въ петропавловскій соборъ, въ совершеніи бракосочетанія Великой Княжны Александры Павловны съ Палатиномъ Венгерскимъ Іосифомъ въ Гатчинской церкви, а не въ петербургской придворной. Павлу I-му особенно понравился Амвросій, бывшій тогда архіепископомъ казанскимъ, за свой острый отвѣтъ на возраженіе митрополита Гавріила, что народъ привыкъ видѣть семейныя царскія торжества въ Петербургѣ и раздѣлять такимъ образомъ съ Государемъ Его семейную радость, а не въ Гатчинѣ, куда никто не поѣдетъ, и гдѣ слѣдовательно и неумѣстно совершать бракосочетаніе Александры Павловны съ Венгерскимъ палатиномъ. Отвѣтъ Амвросіевъ на возраженіе Гавріила заключается въ слѣдующемъ: *идѣ-же пришествіе Царево, тамо и чинъ его пребываетъ*: т. е. гдѣ бываетъ Царь тамъ бываетъ и свита или собраніе, стеченіе народное (Слова эти заимствованы изъ службы на день св. Николая). Марія Θеодоровна была лично расположена къ Амвросію и спрашивала

Самостоятельное правленіе Александра I-го, начавшееся на 6-мъ мѣсяцѣ по восшествіи Его на престолъ

его совѣтовъ по многимъ предметамъ, какъ показываетъ хранящаяся въ Синодѣ переписка Ея съ митрополитомъ и много благодѣтельствовала ему и дарила его. Она въ правѣ была ожидать отъ облагодѣтельствованнаго Ею митрополита признательности и взаимной услуги, и на этотъ разъ не ошиблась въ своихъ надеждахъ, хотя, по нѣкоторымъ историческимъ свидѣтельствамъ и документамъ, признательность и великодушіе не принадлежали къ обыкновеннымъ качествамъ этого митрополита, какъ и многія другія христіанскія совершенства и добродѣтели (см. журналъ Яковлева, бывшаго въ Синодѣ оберъ-прокуромъ съ 1-го января по 7-е октября 1803 года, «съ послѣдующими обстоятельствами, или исповѣдь частнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность къ своему Государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія», гдѣ довольно густыми красками и часто подъ вліяніемъ желчи въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ выставлена личность Амвросія, но гдѣ среди часто преувеличенныхъ описаній разбросано весьма много правдивыхъ штриховъ о митрополитѣ и вполнѣ подтверждаемыхъ достовѣрными историческими документами; къ числу такихъ правдивыхъ описаній принадлежитъ, по нашему мнѣнію, и свѣдѣніе, сообщаемое Яковлевымъ о неблагодарности митрополита къ своимъ благодѣтелямъ и мстительности его). Амвросій показалъ столько благородства и мужества, что безотговорочно принялъ на себя это тяжелое и довольно опасное порученіе. Въ одинъ изъ большихъ праздничныхъ дней, отслуживши обѣдню въ Никольскомъ морскомъ соборѣ съ особенною торжественностію, въ парадной каретѣ, запряженной въ шестерню цугомъ, Амвросій подъѣхалъ къ квартирѣ петербургскаго генералъ-губернатора Палена, находившейся близь полицейскаго моста въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда гг. Косиковскимъ, а теперь Елисеевымъ. Медленно выходитъ онъ изъ кареты и долѣе обыкновеннаго останавливается у губернаторскаго подъѣзда, чтобы привлечь сюда какъ можно болѣе простаго народа. Когда дѣйствительно огромная масса народа хлынула къ подъѣзду губернатора, увидавши митрополита и тѣснясь за принятіемъ благословенія, тогда митрополитъ входитъ въ квартиру Палена. Послѣ обоюдныхъ привѣтствій и разговоровъ о пустякахъ, Амвросій объявляетъ Палену причины своего визита къ нему, беретъ его за руку, подводитъ къ окну, изъ котораго легко можно было видѣть огромную толпу собравшагося народа, и говоритъ Палену, что онъ совѣтуетъ ему, какъ можно скорѣе оставить Петербургъ, если онъ не хочетъ подвергнуться растерза-

представлялось іезуитамъ не въ такихъ мрачныхъ краскахъ, какъ зависимое отъ Палена ([1]). Правда, въ характерѣ Александра была какая-то неуловимость и, такъ сказать, неосязаемость, не поддающаяся самому тщательному психологическому анализу, правда, въ Александрѣ I-мъ необъяснимымъ и непонятнымъ образомъ

нію въ клочки отъ народа, который уже не скрываетъ своей ненависти къ нему за его страшныя дѣянія, и которому стоитъ только сказать два слова, какъ не останется въ живыхъ не только петербургскій генералъ-губернаторъ, но и камня на камнѣ изъ дому губернаторскаго. Съ этими словами митрополитъ поспѣшно оставляетъ Палена и ѣдетъ во дворецъ извѣстить вдовствующую Императрицу, что онъ исполнилъ возложенное на него порученіе. Тогда изъ дворца посылается Беклешовъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ Палену, чтобы онъ сейчасъ оставилъ Петербургъ. Паленъ спокойно выслушалъ Беклешова и улыбаясь сказалъ ему, что онъ уже ожидалъ этого приказанія и уже все приготовилъ къ отъѣзду и уложилъ всѣ свои вещи. По прошествіи двухъ часовъ послѣ этой сцены Паленъ уже оставилъ Петербургъ и былъ въ дорогѣ въ Ригу (см. Рус. Архивъ, ч. 6-й, стр. 49, письмо князя Куракина; также разсказъ А. А. Павлова, слышанный имъ отъ митрополита Серафима лично, а этимъ послѣднимъ лично отъ митрополита Амвросія, и записанный Павловымъ въ одной изъ своихъ рукописей; Histoire d'Alexandre I, par Rabbé, tom I, pag: 267—268; Mémoires historiques sur l' Empereur Alexandre, chap. II, pag: 35, par M-eur de Choiseul-Gouffier; Записки Вигеля, ч. I, гдѣ, впрочемъ есть неточности въ опредѣленіи времени господства Палена въ первые мѣсяцы царствованія Александра I-го. Вигель говоритъ въ своихъ запискахъ, что первые три мѣсяца послѣ кончины Павла I-го графъ Паленъ царствовалъ въ Россіи, кажется болѣе, чѣмъ Императоръ Александръ. (Число мѣсяцевъ показано Вигелемъ невѣрно, какъ видно изъ Собранія Законовъ). Онъ хотѣлъ быть главою государства; старый преступный временщикъ былъ однакоже обманутъ притворною скромностію молодаго царя и въ одинъ мигъ съ высоты могущества низринутъ въ ссылку. Сей первый примѣръ искусства и рѣшимости новаго государя, коего положеніе было не безъ затрудненій, могъ удивить и при Павлѣ, когда такія извѣстія почитались обыкновенными.

([1]) См. Собр. Зак. съ Марта 1801 г. по Августъ, изъ котораго видно, что Паленъ господствовалъ 6 мѣсяцевъ.

соединялись самыя непримиримыя и противорѣчивыя черты: необыкновенная живость, впечатлительность и удобоувлекаемость, и въ тоже время пассивность, нерѣшительность, самоуглубленность, проницательность и сдержанность, прямота и честность, а тутже скрытность и притворство, обманывавшія самыхъ искусныхъ и ловкихъ придворныхъ интригановъ и такихъ людей, каковъ былъ Наполеонъ, простота и въ тоже время утонченность и изысканность до эффектности; самообладаніе до самоотверженія и христіанскаго великодушія и раздражительность и гнѣвъ, напоминавшіе страшные взрывы Петра I-го и Елизаветы Петровны (¹); но, не смотря на эту неопредѣленность характера Александра, для всѣхъ ясны и извѣстны были симпатіи Его къ вѣротерпимости, Его любовь къ законности, уваженіе къ личности и свободѣ человѣческой, стремленіе ко всему возвышенному, благородному, благоговѣніе предъ просвѣщеніемъ, Его глубокое отвращеніе ко всему, что отзывалось насиліемъ, нарушеніемъ права дру-

(¹) Thiers, Histoire du Consulat et de l'Empire, tom III, pag. 8—10; такъ же Alexandre I et le prince Czartoryski, pag. 102. «L'Empereur avait un regard sevère et fixe, qui me rappela les yeux hagards qu'il avait à l'epoque d'Austerlitz; Schnitzler, la Russie en 1812 an. Rastoptchine et Koutousof, tableau de moeurs et essai de critique historique, pag. 91. «Alexandre, habituellement si bienveillant, ne supportait pas les epigrammes et ne pardonnait jamais les offenses personnelles: elles lui ôtaient son sang-froid, au point qu'il cedait alors à des suggestions qu'il avait, dans tout autre moment, repoussés avec mepris comme indignes de son attention;» тамъ же, pag. 304; тамъ же Tourgueneff, la Russie et les Russes, tom. II, pag. 202—203; и записки Вигеля, гдѣ онъ въ разныхъ мѣстахъ описываетъ характеръ Александра I-го; Materiaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastoptchine, rassemblés par son fils, pag. 262 и другія; также «Графъ Блудовъ и его время», Ковалевскаго, стр. 61, 62, 147—149.

гихъ, жестокостію и крутостію мѣръ. Воспитаніе, данное Великою Екатериною любимому своему царственному внуку, было таково, что если не внушало іезуитамъ большихъ надеждъ на Него, то и не возбуждало въ нихъ сильныхъ опасеній за ихъ настоящее и даже будущее положеніе. Начертавши планъ воспитанія для Своихъ Внуковъ по системѣ Локка и Руссо, Екатерина предоставила осуществленіе его сыну свободной и республиканской Швейцаріи Лагарпу, пропитанному до самыхъ костей идеями XVIII-го вѣка (¹). При многихъ несомнѣнно хорошихъ сторонахъ такого воспитанія, развившаго въ Александрѣ много хорошаго и возвышеннаго, опытный взглядъ наблюдателя не могъ не замѣтить здѣсь и много несовершеннаго и страннаго. Не говоря уже о томъ, что Великая Екатерина въ системѣ воспитанія Своего царственнаго Внука допустила ту же самую ошибку, въ которой Она упрекала Тетку Свою Императрицу Елизавету, взявшую отъ Нея Сына Ея съ самаго перваго дня Его рожденія и недававшую ей, какъ выражается Она, никакой воли въ воспитаніи Его (²), си-

(¹) M. de La Harpe manquait peut-être de ce qu'on est convenu d'appeller de l'ésprit; il n'avait point su d'evelopper celui de son élève, mais il l'aimait tendrement et lui donna tout ce qu'il possedait lui-même, en lui inspirant l'horreur du mal, bien plus précieuse que les sciences, pour un prince qui ne connait de frein à sa volonté que sa volonté même. Ce fut M. de la Harpe qui entretint chez Alexandre ce profond respect pour la dignité humaine qu'il conserva jusqu'au son dernier soupir (см. Vie de Madame de Krüdner, par Charles Eynard, tom. I, pag. 325); такъ же Histoire du Consulat et de l'Empire, par Thiers, tom. III, pag. 8—10, гдѣ говорится: L'éducation donnée à ce jeune prince (Alexandre) avait été fort étrange. Elevé par le colonnel La Harpe, qui lui avait inspiré les sentiments et les idées d'un républicain suisse, Alexandre avait subi avec sa facilité ordinaire l'influence de son précepteur.»

(²) См. записки Храповицкаго по рукописи Н. И. Греча, г. 1793, 20 Іюля. «Въ продолженіи разговора, пишетъ Храповицкій, вышла по-

стема воспитанія, усвоенная Екатериною для Ея Внука, страдала двумя самыми яркими и рѣзкими недостатками, бросавшимися въ глаза всякому: отсутствіемъ народнаго элемента вообще и религіозно православнаго въ частности. Будущій Державецъ русскаго государства весьма хорошо и до мельчайшихъ подробностей зналъ республиканскія учрежденія Швейцаріи, либеральныя установленія Англіи, восхищался результатами, добытыми философіей XVIII-го вѣка, но мало и поверхностно знакомъ былъ съ русской исторіей, съ вопіющими злоупотребленіями своей страны ([1]), даже не могъ совершенно правильно выражаться и писать на отечественномъ языкѣ ([2]). Неудивительно, что

хвала физическому и моральному воспитанію Великаго Князя Александра Павловича. Ежели у него родится сынъ и тою же англичанкою также семь лѣтъ воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола россійскаго утверждено на 100 лѣтъ. Какая разность между воспитаніемъ Его и отцовскимъ! Тамъ небыло Мнѣ воли съ начала, а послѣ по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина; всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ Онъ пропалъ; примѣть, что пядень Его руки и слѣдъ ноги доказываютъ, каковъ долженъ быть Его ростъ.»

([1]) Александръ разъ удивился, узнавши, что помѣщики продаютъ крестьянъ безъ земли, также въ одиночку, разлучая мужа съ женою и дѣтьми, и старался всячески отрицать существованіе такого факта предъ иностранцами, какъ однажды во время пребыванія своего за границею получаетъ жалобу отъ крестьянъ одной помѣщицы, продавшей ихъ безъ земли извѣстному заводчику Берду. Жалоба эта пристыдила Александра и привела въ гнѣвъ: Онъ велѣлъ разсмотрѣть ее Государственному Совѣту. Совѣтъ, а преимущественно одинъ изъ членовъ его, графъ Кочубей, въ свою очередь очень удивлены были повелѣніемъ Императора. Всѣхъ членовъ Совѣта поразило незнаніе Государемъ факта, чуть не ежедневно совершавшагося, какъ выразился Кочубей, предъ окнами зимняго дворца (изъ разсказа, слышаннаго мною отъ Н. И. Тургенева, бывшаго очевидцемъ этой сцены, происшедшей въ Государственномъ Совѣтѣ). А между тѣмъ это было не въ первые годы царствованія Александра I-го.

([2]) См. Графъ Блудовъ и его время, Е. Ковалевскаго, стр. 62.

воспитаніе давало поводъ къ критикѣ, выражавшейся, если непрямо, такъ въ баснѣ ([1]). Религіозная сторона воспитанія въ духѣ православномъ была также небезупречна и не безъ недостатковъ. Приписывая многіе недостатки въ характерѣ Павла между прочимъ и тому, что монахъ Платонъ былъ Его законоучителемъ ([2]), и имѣя много поводовъ быть недовольною многими поступками Платона ([3]),

([1]) Басня Ивана Андреевича Крылова о воспитаніи львенка орломъ, говорятъ, написана была на воспитаніе Александра Лагарпомъ. Г. Кеневичъ въ примѣчаніи къ этой баснѣ говоритъ: «не безъ основанія думаютъ, что авторъ своею баснею намекалъ на неправильное образованіе Императора Александра 1-го, которое бабка его, Екатерина Великая, поручила Женевцу Лагарпу, человѣку благороднаго образа мыслей, но незнавшему Россіи (См. истор. Рус. Словесности древней и новой, соч. Галахова, стр. 309, и Кеневичъ въ примѣч. къ баснямъ Крылова, стр. 142 и 143 и 93).

([2]) Записки Анастасевича, г. 1814-й, стр. 119. Когда въ 1801-мъ г. Александръ 1 прибылъ въ Москву для коронаціи, то Платонъ (митрополитъ), съ намѣреніемъ уколоть князя Платона Зубова, сказалъ ему: «дай Богъ, чтобы Александръ долго царствовалъ, дабы не утруждать такъ часто нашу старость, такимъ обрядомъ (мvропомазаніемъ), ибо онъ короновалъ и Павла 1-го. Князь Платонъ на сіе: будьте спокойны, владыко, вы уже не будете имѣть нужды вновь подъять такой трудъ: Александръ не вашъ ученикъ». См. тоже въ Рус. Архивѣ, г. 1866-й, стр. 539. Воспоминанія И. М. Снегирева.

([3]) Екатерина недовольна была многими поступками Платона, какъ-то: стремленіемъ возвышать и выдвигать впередъ людей бездарныхъ и не давать ходу людямъ даровитымъ, съ тою цѣлію, чтобы, какъ Она выражалась, *ихъ самихъ непревзошли*; самоуправствомъ, доходившимъ до того, что онъ облагалъ священно и церковнослужителей Московской епархіи сборомъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ, преслѣдованіемъ изъ какой-то непонятной злобы протоіерея Московскаго Архангельскаго собора Петра Алексѣева; мелкою завистію къ священнику Матвѣю Десницкому (впослѣдствіи Петербургскому митрополиту Михаилу); непотизмомъ, наконецъ рѣзкими отзывами о нѣкоторыхъ лицахъ и распоряженіяхъ правительственныхъ (см. записки Храповицкаго, стр. 59, 33, гдѣ говорится о новоспасскомъ архимандритѣ Павлѣ, худо говорившемъ рѣчь Екатеринѣ

Екатерина поручила протоіерею Андрею Афанасьевичу Самборскому быть законоучителемъ Своихъ царственныхъ Внуковъ. Вліяніе уроковъ Самборскаго на будущаго Царя Россіи было слабое, какъ отзывается Самъ царственный ученикъ, и ограничивалось только знаніемъ краткаго катихизиса, сочиненнаго для сельскихъ школъ, и формальнымъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ православныхъ, безъ знанія ихъ смысла и значенія ([1]). Лагарпъ если могъ внушить Александру понятіе о Верховномъ Существѣ, о какой-

о секретномъ указѣ, данномъ Екатериною Еропкину, чтобы тотъ принялъ въ свое защищеніе Архангельскаго собора протоіерея Петра). Вообще Екатерина иногда весьма невыгодно отзывалась о Платонѣ (см. тѣже записки Храповицкаго, стр. 33). Записки Анастасевича также показываютъ, что было нѣсколько лицъ изъ современниковъ Платона, которые смотрѣли на него, какъ на человѣка, не далеко ушедшаго отъ посредственности. «Московскій митрополитъ Платонъ, говоритъ Анастасевичъ, путешествуя почти предъ своею смертію въ Кіевъ, чрезъ Бѣлоруссію, для поклоненія мощамъ, хотя и дѣлалъ записки свои пристрастно къ своей сторонѣ Грецизму, но издавшій сіи пустые по его смерти, крайне обидные его памятники, какъ хорошаго проповѣдника и столь высокаго сановника церкви, поступилъ весьма неразумно. Сіи записки путешествія показываютъ простаго попа, напитаннаго правилами требника, а не наставника Наслѣдника Рос. Престола Павла 1-го. См. также письма его къ Августину и Амвросію, помѣщенныя въ майской книжкѣ Православнаго Обозрѣнія, въ которыхъ онъ является съ своею свѣтлой и темною сторонами.

([1]) См. имѣющійся у меня дневникъ квакера Грелье, гдѣ онъ описываетъ свой разговоръ съ Александромъ и сужденіе Александра о своемъ религіозномъ воспитаніи. Il (l'Empereur) nous a donné des détails sur la manière, dont il a été élevé sous la surveillance de sa Grande-Mère, l'Impératrice Catherine. Les gouverneurs qui étaient placés auprès de Lui avaient quelques bonnes qualités; mais ce n'étaient point des chrétiens croyants, par conséquent sa première éducation l' a éloigné de toutes imprèssions sérieuses, et cependant, conformement à l'église Grècque, il a été habitué à répéter certaines prières formelles soir et matin, mais cette pratique lui déplaisait.

то невидимой, непостижимой и таинственной силѣ и поселять въ душѣ будущаго Государя сѣмена мистицизма (¹), то вліяніе Самборскаго на Александра едвали могло простираться далѣе области изученія имъ на память вопросовъ и отвѣтовъ изъ катихизиса и механическаго затверживанія молитвъ. По образованію своему Самборскій былъ не великій богословъ; онъ обучался, по его оффиціальному засвидѣтельствованію: латинскому языку въ бѣлгородской семинаріи, а потомъ въ Кіевской Академіи, гдѣ *отчасти Богословіе слушалъ* (²). По складу ума своего, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, это былъ болѣе хорошій агрономъ, чѣмъ богословъ; англичанинъ, чѣмъ православный русскій священникъ (³),

(¹) La Baronne de Krüdner, par M. Capefigne, pag. 76. Le Czar avait eu pour précepteur le colonnel suisse Laharpe, lié aux loges maçoniques et aux martinistes. Sous ces inspirations Alexandre suivit une politique trés-libérale.

(²) Въ арх. канц. об. пр. Св. Синода дѣло подъ № 496, г. 1765-й, по доношенію иностранной коллегіи, коимъ представляетъ о смерти находившагося въ городѣ Лондонѣ при россійской церкви священника Стефана Ивановскаго и о опредѣленіи на мѣсто его другаго священника, знающаго греческій языкъ, прошеніе въ Св. Синодъ церковника при греко-россійской церкви въ Лондонѣ Андрея Самборскаго, гдѣ онъ пишетъ, что онъ, нижайшій, обучался латинскому языку прежде въ бѣлгородской семинаріи, а потомъ въ академіи кіевской, гдѣ отчасти богословіе выслушалъ».

(³) Изъ причетниковъ Лондонской церкви онъ произведенъ былъ во священники къ той же церкви. Какъ человѣкъ, хотя не совершенно разумѣвшій греческій языкъ, однако могшій отправлять на ономъ все церковное священно-служеніе, и притомъ знавшій англійскій языкъ, который крайне нуженъ для англичанъ, воспріявшихъ нашей православной церкви законъ (см. въ томъ же дѣлѣ); женился онъ на англичанкѣ въ Амстердамѣ, по принятіи ею православной вѣры; въ Лондонѣ онъ пробылъ съ 1761-го по 1780-й годъ, въ который по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ протоіереемъ собора въ городѣ Софіи (т. е. въ Царскомъ Селѣ), во всемилостивѣйшемъ уваженіи на похвальное поведеніе его и ра-

можетъ быть, болѣе развитый, чѣмъ современные ему духовные, но зато, можетъ быть, болѣе прочей своей братіи

дѣтельное смотрѣніе за учащимися въ Англіи земледѣльной и другимъ домостроительнымъ наукамъ россійскими молодыми людьми (тамъ же). Самборскому много обязанъ своею планировкою царскосельскій садъ. Будучи протоіереемъ и законоучителемъ, Самборскій во многомъ отличался отъ нашихъ православныхъ священниковъ; такъ онъ брилъ бороду и этимъ очень скандализировалъ многихъ, и разъ по этому случаю былъ у него споръ съ митрополитомъ Гавріиломъ. Храповицкій характеристично описываетъ этотъ споръ митрополита Гавріила съ Самборскимъ въ своихъ запискахъ. Когда въ 1788 г. 20-го Мая духовенство собралось для освѣщенія царскосельской Софійской церкви, то предъ освященіемъ въ алтарѣ, до прибытія Императрицы, произошла ссора у митрополита (Гавріила) съ Самборскимъ *за бороду*, т. е. изъ за бороды, которую брилъ Самборскій (см. записки Храповицкаго, стр. 63). Императоръ Павелъ послалъ Самборскаго въ Венгрію состоять домовымъ священникомъ при Александрѣ Павловнѣ, бывшей въ замужествѣ за эрцъ-герцогомъ Австрійскимъ и палатиномъ Венгерскимъ Іосифомъ. По смерти Великой Княгини, Самборскій оставался въ Иромѣ при церкви, сооруженной надъ тѣломъ Александры Павловны, но въ помощь ему при отправленіи Богослуженія, по его просьбѣ, назначенъ былъ состоявшій при Туринской миссіи и жившій тогда въ Тріестѣ священникъ Николай Музовскій. Это было въ 1803-мъ г. Самборскій въ это время уже жаловался на свою старость и на слабость своихъ силъ (см. въ арх. канц. петерб. митроп. дѣло 1803-го г. подъ № 299-мъ, о переведеніи находящагося въ Тріестѣ, бывшаго въ Туринской миссіи, священника Николая Музовскаго въ Венгрію въ помощь протоіерею Самборскому). Въ 1804-мъ г., при лестныхъ письмахъ отъ самаго палатина и министра австрійскаго Кобенцеля, при рескриптѣ самаго Государя Александра, Самборскій оставилъ Венгрію и пріѣхалъ въ Петербургъ. (*) Но здѣсь ему не

(*) Вотъ эти письма и рескриптъ. «Mon très révérend Père! J'ai reçu avec plaisir votre lettre d'Yrom du 11/23 mois courant de Mai, ou vous me demandez à vous délivrer un tèmoignage sur la manière dont vous vous êtes accquitté des fonctions de votre sainte ministère. J'ai me à déférer d'autant plus volontiers à ce juste désir de votre part, que non seulement Feue ma Sérénissime Epouse de bien aimée mèmoire avait toujours été souverainement contente du zèle particulier que vous avez mis à remplir chaque partie des devoirs de votre emploi et de la manière exemplaire avec laquelle vous avez vaqué au service divin, mais aussi puisq'après la mort

удалившійся отъ чистоты и духа православія. Самъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Амвросію даетъ разумѣть,

суждено было играть не только политической роли, но и занимать какое нибудь почетное мѣсто въ духовной іерархіи.

Мѣсто главнаго лица въ придворномъ вѣдомствѣ занято было человѣкомъ хотя стоявшимъ далеко ниже его по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, но имѣвшимъ поддержку при дворѣ и Синодѣ (см. отзывъ о немъ Яковлева въ вышеприведенномъ нами журналѣ, хотя и желчный, но справедливый, какъ свидѣтельствуютъ другіе историческіе документы).

déplorable de madame mon Epouse de pieuse mémoire vous vous êtes prêté avec les mêmes bonnes volonte et pieté à l'exercice des fonctions sacrées dans l'église, qui a été constante à cette fin, de sorte que mon coeur en a éprouvé une satisfaction complète. En vous remettant ainsi ce témoignage bien mérité de votre conduite louable dans vos fonctions, je vous souhaite du fond de l'ame une prospérité constante, et ne cesserai point d'être avec bienveillance, mon très Réverend père, votre affectionné Joseph Palatin.»

Monsieur! Au moment où les ordres de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies vous font quitter les fonctions que vous avez exercèes à Bude, je m'empresse de vous donner au nom de mon maître un témoignage de sa satisfaction de la conduite, que vous avez tenue ici, ainsi que des regrets que cause votre dèpart. En remplissant à cet égard les intentions de sa Majesté, il m'est très agréable de saisir en même temps cette occasion de vous renouveller l'assurance de la parfaite considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Louis C. Cobenzel.

Отецъ протоіерей Самборскій? Съ того времени, какъ возложена была на васъ должность наставника Закону Божію при мнѣ, а равно и исполненіе всѣхъ по званію вашему отправляемыхъ должностей съ отличностію, обратили вниманіе мое, въ знакъ коего справедливымъ нахожу Всемилостивѣйше пожаловать васъ брилліантовыми знаками ордена Святыя Анны, которыя препровождая при семъ, пребываю къ вамъ благосклонный.

Александръ.

NB Всѣ эти три документа находятся въ дѣлѣ, хранящемся въ канц. об. пр. Св. Синода, подъ № 744 мъ, годъ 1805-й, и озаглавляющемся такъ: «По доношенію находящагося при Венгерской миссіи протоіерея Самборскаго, съ приложеніемъ копіи съ Высочайшаго рескрипта, при которомъ присланы были къ нему орденскіе знаки».

что о его религіозномъ настроеніи въ духѣ православія ходили слухи не совсѣмъ благопріятные для него. «Ваше

Это лице былъ духовникъ Ихъ Величествъ и Высочествъ, отецъ Исидоръ, по выраженію Яковлева, добрый и глупый человѣкъ, подписывавшій въ Синодѣ все, что приказывалъ ему митрополитъ Амвросій. Должность главнаго священника арміи и флота принадлежала человѣку, находившемуся въ близкомъ родствѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ и весьма дѣятельному и лукавому, племяннику Амвросіеву Озерецковскому. Второстепенной роли Самборскій, вѣроятно, не хотѣлъ играть, а потому почелъ за лучшее вовсе удалиться отъ дѣлъ. Симпатіи державнаго питомца къ своему бывшему законоучителю ограничились при этомъ вышеупомянутымъ рескриптомъ и посылкою бриллъянтовыхъ знаковъ на орденъ св. Анны. Самборскій въ уединеніи утѣшалъ себя только воспоминаніями: онъ устроилъ у себя въ домѣ походную церковь изъ одеждъ умершей Александры Павловны и здѣсь, когда позволяли ему силы его, служилъ съ однимъ причетникомъ Василіемъ Щербинскимъ, взятымъ имъ изъ канцеляристовъ харьковской консисторіи (см: въ арх. канц: пет. митр: дѣло 1806-го г. подъ № 385-мъ, по Высоч. новелѣнію о дозволеніи протоіерею Самборскому совершать священнослуженіе въ домовой его церкви). Послѣ смерти его, случившейся въ 1815-мъ году, по ходатайству кн. Голицына семейству его оставлена была Государемъ квартира въ михайловскомъ замкѣ, гдѣ жилъ Самборскій, имѣлъ тутъ свою домовую, вышеупомянутую, церковь, и гдѣ и скончался. Всего на содержаніе свое Самборскій получалъ 11.260 руб., изъ коихъ 7.600 руб., изъ кабинета, 1.000 отъ В. кн. Константина Павловича, 660 изъ орденскаго капитула и 2000 отъ Венгерскаго палатина. Послѣ Самборскаго осталась дочь Анна, дѣвица, которой обращено въ пансіонъ 6.600 руб.; да квартира отца ея въ михайловскомъ замкѣ, и прощенъ банковскій долгъ, простиравшійся до 36.000; церковная утварь и образа, оставшіеся послѣ великой княгини Александры Павловны, оставлены ей же. Дочь Самборскаго просила, чтобы ей выдали изъ казны заимообразно 50.000 руб. на уплату частныхъ ея долговъ, но въ этомъ Государь ей отказалъ. При Самборской находилась племянница ея, а Самборскаго внука, Елизавета Малиновская, крестница Государя и Импер. Маріи Θеодоровны, для которой Самборская просила обратить въ пожизненный пансіонъ 1.000 руб. изъ получаемыхъ Самборскимъ отъ Венгерскаго палатина 2.000, но и эта просьба не была удовлетворена (см: въ арх. канц. оберъ-прок. св. синода дѣло подъ № 108, г. 1815-й, по письму дочери протоіерея

отмѣнное ко мнѣ благоволеніе и вниманіе, пишетъ онъ къ митрополиту Амвросію, оказанныя во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ мѣстахъ, тѣмъ драгоцѣннѣе, полезнѣе и спасительнѣе для меня, *что я, какъ внутри любезнѣйшаго моего отечества, такъ и внѣ онаго, вкушалъ горькіе и опасные плоды страшнаго суевѣрія*. Мое рѣшительное повиновеніе благонамѣреннымъ (sic) Божіимъ помазанникамъ навлекло на меня различныя толкованія. Время, содержащее въ себѣ строгое испытаніе всему; исполненіе моего многотруднаго служенія, одобренія и безпристрастныя свидѣтельства Высочайшихъ лицъ, должны теперь положить единый и ясный смыслъ на оныя многоразличныя толкованія (1)». Екатерина, при назначеніи Самборскаго въ законоучители для Своего Внука, главнымъ образомъ имѣла въ виду предохранить его отъ религіознаго фанатизма и поставить Его выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей, но отъ этого въ сердцѣ Его образовалась религіозная пустота, въ которой Онъ впослѣдствіи торжественно признавался (2). При такомъ воспитаніи и образованіи, Александръ I-й не могъ питать особенныхъ симпатій къ іезуитскому ордену, какъ ко всякому исключительному и дисгармонирующему съ Его воззрѣніями на человѣчество, свободу, отношенія человѣческихъ обществъ и самое Божество, учрежденію. Сами іезуиты хорошо знали это внутреннее отношеніе Александра къ ихъ

Андрея Самборскаго о крайнемъ ея состояніи съ сиротами, послѣ кончины родителя.

(1) См. въ арх. канц. петерб. митр. дѣло 1806-го г., подъ № 385-мъ, по Высоч. повелѣнію о дозволеніи протоіерею Самборскому совершать священнослуженіе въ домовой его церкви, и тамъ письмо его къ митрополиту Амвросію.

(2) Графъ Блудовъ и его время, Ег. Ковалевскаго, стр. 58—63, также Eylert, Characterzüge, T. I. 246—248.

ордену и въ своихъ сочиненіяхъ отзывались о Немъ, какъ о Государѣ, имѣвшемъ отъ самой юности своей и вслѣдствіе воспитанія своего отвращеніе отъ ихъ ордена и самыя страшныя предубѣжденія противъ него ([1]). Но это не очень ихъ пугало, потому что также они хорошо знали, что въ характерѣ Государя были такія черты, которыя не только парализировали Его симпатіи и антипатіи, но даже не позволяли имъ проявиться въ дѣйствительности или осуществиться. Эти черты, прирожденныя Ему, усилены были Его воспитаніемъ и особенностями Его положенія. Большая доля женственности въ характерѣ Александра, развитая и усиленная сильнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ на него Екатерины, хотя и Великой, но все таки женщины; слишкомъ продолжительное пребываніе Его подъ опекою женскою; постоянное раздѣленіе своихъ чувствованій между Бабкою, Матерью и Отцомъ, даже между людьми двухъ дворовъ, постоянное опасеніе, чтобы какимъ нибудь прямымъ, открытымъ и рѣшительнымъ поступкомъ не сдѣлать неловко-

([1]) Lettres et opuscules de Joseph de Maistre, tom. I, pag. 344: «Sa Majesté Impériale, пишетъ Деместръ объ Александрѣ I, est peut-être le prince qui a les plus terribles préventions contre l'ordre des jésuites; такъ же pag. 42 и 49, гдѣ тотъ же іезуитъ въ короткомъ платьѣ такъ выражается объ Александрѣ: «L'Empereur était d'abord assez imbu de ces idées (des alluminés), qui les ont présentés comme dangereux pour le gouvernement; mais certains hommes d'État lui ayant soutenu que la souveraineté au contraire n'avait pas dans ce moment d'armes plus fortes pour se défendre, il s'est défait de ses premières idées, ou du moins elles ont perdu presque toute leur force... Je doute cependant que l'Empereur agi en celà, sans avoir à surmonter quelques répugnances de jeunesse et d'éducation, mais il est très capable d'agir par raison contre ses inclinations. Il l'est même de surmonter une répugnance personnelle, et c'est un trés-beau côté de ce caractère.

сти, могущей оскорбить ту, или другую сторону, вѣчная удержъ себя отъ всего, что можетъ даже подать поводъ къ подозрѣнію какому нибудь той и другой сторонѣ,—все это сообщило характеру Александра нерѣшительность, колебаніе, неувѣренность въ себѣ, неопредѣленность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ единства въ предначертаніяхъ, во всемъ полумѣры, полуволю и даже отрѣченіе отъ своей воли, доходящее до того, что Онъ терпѣлъ при дворѣ и даже на должностяхъ министерскихъ такихъ людей, которыхъ глубоко презиралъ и питалъ къ нимъ полное отвращеніе, принималъ мнѣнія совершенно противныя Его личнымъ убѣжденіямъ, отказывался отъ своихъ любимыхъ плановъ, не имѣя достаточной твердости осуществить ихъ (1), или довольствовался начертаніемъ ихъ на бумагѣ, не имѣя энергіи провести ихъ въ жизнь народа. Этими качествами, или лучше слабостями характера Государя, іезуиты съумѣли воспользоваться какъ нельзя лучше. Посѣдѣлые и обогащенные трехвѣковыми опытами въ бояхъ съ правительствами, обществомъ и народами, воины Лойолы опытно дознали, что кто не поражаетъ ихъ, или не от-

(1) Alexandre I et le prince Czartoryski, correspondance particulière et conversations 1801—1823, publiées par le prince Ladislas Czartoryski, pag. 15, 27, 30 и 54, гдѣ между прочимъ говорится: cette manière d'être indécis qui ne produit que des demi-mesures, et des actes de demi-volonté, est tout ce qui peut arriver de plus nuisible et de plus dangereux dans les affaires. Il n'y a plus d'unité et de conséquence dans ce qui s'est fait dépuis. Je sentais bien que pour opérer d'heureux et de grands changements dans l'ordre social, il fallait plus d'élevation, de force, d'ardeur, de confiance en soi-même, que n'en laissait apercevoir le grand-duc. См. также Вѣстникъ Европы, г. 1869, Февраль, статью: «Русскія отношенія Бентама, гдѣ онъ отзывается объ Александрѣ, что Ему недоставало храбрости или твердости для осуществленія задуманныхъ Имъ реформъ.

ражаетъ ихъ ударовъ энергически, сильно и рѣшительно, тотъ будетъ ими побѣжденъ и пораженъ, а потому видѣли въ характерѣ Александра болѣе хорошихъ предзнаменованій для себя, чѣмъ угрожающихъ и неблагопріятныхъ.

Если сопоставимъ съ личнымъ характеромъ Александра І-го направленіе и внутреннія убѣжденія Его министровъ, лицъ вліятельныхъ при Его дворѣ, близкихъ къ нему, или имѣвшихъ какое нибудь общественное значеніе, то увидимъ, что здѣсь іезуиты имѣли или прямыхъ защитниковъ и покровителей себѣ, даже учениковъ своихъ и друзей, которыхъ можно назвать іезуитами въ короткихъ платьяхъ, дѣйствовавшихъ въ интересахъ іезуитскихъ положительно изъ любви къ этому ордену, изъ расположенія къ его правиламъ, духу и ученію, или же іезуиты встрѣчали людей, по видимому преслѣдовавшихъ совсѣмъ другія цѣли и имѣвшихъ въ виду не прямое и положительное содѣйствіе интересамъ іезуитскаго общества, а распространеніе напримѣръ просвѣщенія, либеральныхъ учрежденій въ Россіи, какое-то заоблачное единеніе человѣчества, гуманное отношеніе ко всякой идеѣ, ко всякому ученію, будетъ ли оно политическое или религіозное, даже ко всякой фантазіи, и совершенное равнодушіе и какъ будто презрѣніе къ народнымъ стихіямъ, къ отечественной исторіи и прародительской вѣрѣ и роднымъ преданіямъ, безсознательно разчищавшихъ почву для іезуитовъ и работавшихъ въ пользу іезуитскихъ интересовъ. Къ первой категоріи относились по преимуществу вліятельныя лица временъ Александровскихъ изъ польской аристократіи, обломки французской эмиграціи, выходцы итальянскіе, или русскіе люди, получившіе воспитаніе у іезуитовъ, таковы были: Чарторыйскіе, Ильинскіе, Четвертинскіе, Огинскіе, Ланжероны, Сэнъ-При, Ришелье, Паулуччи, Деместры, Завадовскіе, Разумов-

скіе и множество другихъ ([1]) Ко второй принадлежали любимцы Александра I-го изъ такъ называемой англоманской школы, получившіе воспитаніе или въ Англіи, какъ Новосильцевъ, или раздѣлявшіе идеи англоманскія и думавшіе

([1]) Ненужно опускать изъ вида, при описаніи александровской эпохи, вліянія женщинъ на направленіе дѣятельности тогдашнихъ администраторовъ. Мемуары, относящіеся къ александровскому времени, постоянно говорятъ намъ о вліяніи многихъ женщинъ на ходъ многихъ правительственныхъ и даже политическихъ дѣлъ. Вліяніе извѣстной въ то время красавицы Марьи Антоновны Нарышкиной, урожденной Четвертинской, не ограничивалось, какъ показываютъ мемуары Растопчина, предѣлами салоновъ, но простирались даже на область политическую и государственную.

Записки Анастасевича упоминаютъ (см. стр. 106 и 113) о вліяніи на дѣла католическія жены Кутузова, Бенигсена, Чичагова; а переписка іезуитовъ показываетъ, какое огромное вліяніе имѣли на своихъ мужей Толстая, Бутурлина, Голицына, Растопчина, Гагарина, Шувалова, Куракина и другія. Удивительно ли, послѣ того, если мы скажемъ, что Марья Антоновна, которая была духовною дочерью одного изъ іезуитовъ, и другія польки и француженки, вышедшія за мужъ за русскихъ, или невышедшія, но игравшія роль въ русскомъ обществѣ и бывшія подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ, весьма много работали въ пользу іезуитовъ и склоняли русскій правительственный барометръ болѣе на ясно для іезуитовъ, чѣмъ на бурю или дождь.

По нашему разумѣнію, не слѣдуетъ во имя исторической правды игнорировать этотъ фактъ и причины его происхожденія и существованія, отъ чего, во 1-хъ, для общественнаго сознанія закрывается и совершенно исчезаетъ довольно многочисленная масса историческихъ дѣятелей, болѣе или менѣе значительно вліявшихъ на ходъ историческихъ событій, болѣе или менѣе двигавшихъ историческими судьбами нашего отечества; во 2-хъ, остается неизвѣстною для общества большая часть внутреннихъ и, такъ сказать, первыхъ пружинъ и причинъ многихъ историческихъ явленій; въ 3-хъ, многія событія историческія отъ этого освѣщаются фальшивымъ свѣтомъ, представляются не подъ истинными углами зрѣнія, даже являются въ искаженномъ видѣ и грѣшатъ противъ исторической истины; въ 4-хъ, отъ общественнаго и народнаго сознанія ускользаетъ можетъ быть одна изъ сильныхъ язвъ общества, которую пора врачевать или по крайней мѣрѣ указать обществу.

реформировать Россію по образцу Англіи, какъ Кочубей и Строгановъ, или только реформировать ее во что бы то ни стало и по какому бы то ни было образцу, по англійскому ли, или по выработанному кровавыми событіями французской революціи, но только не на народныхъ началахъ, и отрѣшившись отъ исторической почвы и необращая вниманія на народный русскій смыслъ. Къ этому разряду нужно причислить и князя А. Н. Голицына, бывшаго министра духовныхъ дѣлъ и иностранныхъ исповѣданій, хотя его и нельзя заподозрить въ англоманскихъ стремленіяхъ и въ какихъ-то высшихъ просвѣтительныхъ побужденіяхъ и взглядахъ. Этотъ странный и повидимому добрый человѣкъ, изучившій до тонкости и до малѣйшихъ подробностей науку царедворскую, хитрый придворный, умѣвшій ловко и безопасно пролавировать между дворскими Сциллами и Харибдами при трехъ царствованіяхъ, не совсѣмъ похожихъ другъ на друга (только при Павлѣ I-мъ сорвалось), (см. Рус. Арх. 1867 г. стр. 242) былъ совершенный младенецъ въ религіозныхъ предметахъ, почти невѣжа въ православіи и жалкое игралище всѣхъ сектантовъ, всѣхъ религіозныхъ утопистовъ, представителей всѣхъ религіозныхъ теорій, начиная съ масоновъ и кончая изуродованнымъ и полуразложившимся скопцемъ Селивановымъ и полубѣснующеюся Татариновой. Въ этой душѣ, неимѣвшей прочной и опредѣленной религіозной подкладки и фундамента, спокойно умѣщались и уживались всѣ религіозныя вѣрованія, какъ бы они противорѣчивы ни были и какъ бы они не исключали себя взаимно. Іезуиты замѣтили это и не преминули въ этой религіозной тюрричеллевой пустотѣ Голицына отмежевать для себя порядочный уголокъ. Они искусно воспользовались простодушнымъ мистицизмомъ Голицына, бредившаго о какой-то божественной силѣ,

связывавшей его съ іезуитскимъ генераломъ ([1]), лукаво поддакивали его фразѣ, между собою смѣялись надъ простотою князя и ловко обдѣлывали чрезъ него свои дѣла. Для людей этой второй категоріи всѣ вѣроисповѣданія были одинаково хороши, всѣ одинаково терпимы, имѣли одинаковое право на правительственное покровительство, а іезуитское ухо въ этихъ словахъ слышало такія фразы: всѣ вѣроисповѣданія, терпимыя и покровительствуемыя вами—одинаково худы, не имѣютъ права на ваше покровительство, у васъ нѣтъ вѣры, слѣдовательно васъ нужно просвѣтить вѣрою, и это мы беремъ на себя; мы сдѣлаемъ васъ вѣрующими; да вы сами предоставляете намъ право взять на себя этотъ трудъ, и мы принимаемъ его ([2]) охотно. Соображая всѣ эти обстоятельства, хорошо и съ должною справедливостію оцѣненныя и взвѣшенныя іезуитами, мы нимало не удивимся, когда услышимъ, съ какою смѣлостію, рѣшительностію іезуиты заговорятъ съ русскимъ правительствомъ въ царствованіе Александра I-го, какъ они явно и тайно, прямо и окольными путями будутъ всячески противодѣйствовать видамъ правительства внутри русскаго государства, интриговать противъ него въ Римѣ, въ Китаѣ; не удивимся, когда они, по выраженію Самарина ([3]), заговорятъ у насъ такимъ голосомъ, какого конечно не потерпѣлъ бы ни Филиппъ II, ни Людовикъ XIV,—и припомните—это было тогда, когда желѣзная рука Наполеона безжалостно сокрушала власть Папы, подвергала ее

([1]) См. іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, Самарина, стр. 329, Ce qui nous nuit est divin письмо Голицына къ Березовскому генералу іезуитовъ.

([2]) См. вышеприведенное сочиненіе г. Самарина, стр. 327.

([3]) Тамъ же, стр. 325.

всякаго рода униженіямъ и заставляла трепетать предъ собою римскаго владыку!

Лучшимъ доказательствомъ того, какъ тверда была въ эпоху Александровскую, по сознанію іезуитовъ, почва подъ ихъ ногами, служитъ письмо Грубера къ самому Государю, отправленное на другой день похоронъ Павла I ([1]), гдѣ отъ лица общества ректоръ петербургской іезуитской коллегіи безъ всякой застѣнчивости проситъ у Александра опубликованія папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи, также аудіенціи для себя у Государя и рекомендуетъ свой институтъ въ покровительство Императора. Письмо это, какъ весьма замѣчательное по своему содержанію и тону, мы приведемъ здѣсь цѣликомъ. «Государь! іезуитское общество, сохраненное въ Россіи благостію Вашей Августѣйшей Бабки, покойной Императрицы Екатерины Второй, всенижайше повергаетъ свои поздравленія съ счастливымъ восшествіемъ Вашего Величества на престолъ. Государь, благость, съ какою Вы принимаете всѣхъ Вашихъ подданныхъ, ободряетъ это самое общество просить Вашей милости, чтобы Ваше Императорское Величество благоволили сохранить его въ Вашемъ Государствѣ и покровительствовать ему Вашимъ сильнымъ заступничествомъ предъ папою Піемъ VII, у котораго блаженной памяти покойный императоръ письменно просилъ утвержденія и публичнаго и торжественнаго признанія іезуитскаго общества. Существо-

([1]) Письмо Груберовское отправлено было къ Им. Александру на 12-й день его царствованія, въ самый день Пасхи, которая въ 1801-мъ г. приходилась 24-го Марта, а похороны Павла I-го были въ великую Субботу, или 23-го Марта (см. гоф-фурьерскій журналъ 1801-го г. 23-го Марта, гдѣ между прочимъ говорится, что Его Величество шествовалъ за гробомъ, имѣя на себѣ черную мантію и распущенную на головѣ шляпу съ флёромъ.

ваніе іезуитовъ въ русской имперіи было признано законнымъ двумя послѣдними папами: Климентомъ XIV и Піемъ VI; первый призналъ его таковымъ въ частномъ письмѣ къ покойной Императрицѣ, а второй устно епископу Бениславскому, котораго Ваша Августѣйшая Бабка, покровительствовавшая іезуитовъ съ нѣжностію матери предъ лицомъ Европы, посылала къ римскому двору для переговоровъ по этому дѣлу.

Между тѣмъ чувствовалось, что признаніе только устное, а не публичное и торжественное, не могло доставить іезуитскому обществу тѣхъ выгодъ, которыхъ оно было въ правѣ ожидать отъ него, потому что это признаніе совершенно неизвѣстно въ другихъ государствахъ, откуда множество ученыхъ изъ членовъ этого общества желаетъ придти сюда и увеличить этимъ его силы. Вотъ причина, почему наше общество ходатайствовало предъ покойнымъ Императоромъ удостоивавшимъ насъ своей милости по примѣру Вашей Августѣйшей Бабки, просить у нынѣ царствующаго папы Пія VII публичнаго и торжественнаго признанія его. Послано было письмо и со дня на день ожидается удовлетворительный отвѣтъ на него.

Позвольте, Государь, нашему обществу находить покровительство у Августѣйшаго трона Вашего Величества. Удостойте его Вашимъ Императорскимъ благоволеніемъ и защитою. Въ своей признательности оно неперестанетъ благословлять десницу, благоволившую поддерживать его, и возносить къ небу самыя горячія молитвы о сохраненіи Государя, который, задолго прежде восшествія на тронъ, уже царствовалъ въ сердцахъ всѣхъ своихъ подданныхъ.

Вторая милость, которую осмѣливаюсь просить у Вашего Величества, состоитъ въ томъ, чтобы позволено было мнѣ устно и лично Вамъ выразить чувства глубочайшаго

почтенія и сообщить множество важныхъ предметовъ, касающихся блага Вашей Имперіи.

Видя, Государь, что Вы всѣ ваши минуты ознаменовываете новыми знаками благодѣяній, клонящихся къ счастію Вашего народа, я надѣюсь, что Ваше Величество не отринете услышать голосъ общества, ревнующаго доказать своему Августѣйшему Государю, что нѣтъ у него подданныхъ столь неизмѣнно ему преданныхъ и столь вѣрныхъ, какъ члены этого самаго общества. Пребываю, Государь, съ глубочайшимъ почтеніемъ, Вашего Императорскаго Величества нижайшій и покорнѣйшій слуга и подданный Гавріилъ Груберъ, ректоръ іезуитской коллегіи (1).

(1) Письмо Грубера къ Александру писано на французскомъ языкѣ и обязательно доставлено мнѣ К. Ст. С—чемъ. Вотъ оно въ подлинникѣ: «Sire, la Compagnie de Jésus qui a été conservée en Russie par les bontés de Votre Auguste Ayeule la feue Imperatrice Catherine Séconde, vienne déposer jusqu'au Trône ses plus respectueuses felicitations sur l'heureux avenement de Votre Majesté à l'Empire. La bonté, Sire, avec laquelle vous accueillez tous vos sujets, enhardit cette même Compagnie à implorer Votre clémence pour que Votre Majesté Imperiale daigne la maintenir dans Ses États et la proteger de ses faveurs puissantes auprès du pape Pie sept, auquel le feu Empereur de glorieuse mémoire a demandé par lettre l'approbation et confirmation publique et solennelle de la Compagnie de Jésus.

L'existence des Jésuites dans l'Empire de Russie a été réconnue legitime par les deux derniers papes Clement quatorze et Pie six; le premier l'a declarée dans une lettre particulière à la feue Imperatrice et l'autre de vive voix à l'évêque Benislawski que Votre Auguste Ayeule qui protegeait les Jésuites à la face de l'Europe avec une tendresse de mère, avait envoyé à la cour de Rome, pour negocier cette affaire.

Cependant on a senti qu'une approbation qui était de vive voix seulement et qui n'était pas publique et solennelle ne pourrait faire produire à la Compagnie de Jésus les avantages qu'on avait droit d'en ésperer, attendu que cette approbation n'était pas même connue dans les autres États où nombre de savans qui ont été membres de cette Compagnie se seraient

Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторыя поясненія, по нашему мнѣнію, необходимыя для читателей частію для уразумѣнія смысла самаго письма Грубера, а частію подробностей будущаго нашего расказа. Папское бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи незастало въ живыхъ Императора Павла и получено было его преемникомъ. Груберъ чрезъ своихъ лазутчиковъ, бывшихъ во всѣхъ административныхъ инстанціяхъ, хорошо зналъ, что это бреве получено русскимъ правительствомъ, но до сихъ поръ не обнародывается имъ и не сообщается іезуитамъ. Въ вышеприведенномъ письмѣ къ Александру Груберъ

empressés d'y rentrer et d'en augmenter les forces. C'est pourquoi le feu Empereur qui à l'exemple de Votre Auguste Ayeule nous honorait de ses bontés fut supplié par notre Compagnie d'en demander la confirmation publique et solennelle au pape regnant Pie sept. La lettre a été écrite et l'on attend d'un jour à l'autre une réponse satisfaisante.

Souffrez, Sire, que notre Compagnie trouve un appui à l'abri du Trône Auguste de Votre Majesté. Daignez lui accorder Votre bienveillance et protection Imperiale. Elle ne cessera dans sa reconnaissance de benir la main qui daignera la soutenir, et d'élever vers le ciel les voeux les plus ardents pour la conservation d'un souverain qui bien avant de monter sur le trône regnait deja dans les coeurs de tous ses sujets.

La séconde grace que j'ose demander à Votre Majesté, c'est qu'il me soit permis de Lui temoigner de bouche et à Elle-même nos sentimens de la plus respectueuse soumission et de Lui communiquer plusieures choses importantes qui régardent le bien de son Empire.

En Vous voyant, Sire, marquer tous Vos momens par de nouveaux traits d'une bienfaisance attentive au bonheur de ses peuples, j'ai l'éspoir que Votre Majesté ne refusera pas d'entendre la voix d'une compagnie jalouse de marquer à Son Auguste Souverain qu'il n'a pas de sujets plus inviolablement devoués et plus fideles que les membres de cette même compagnie.

Je suis avec le plus profond réspect, Sire, de Votre Majesté Imperiale le très humble et très obeissant serviteur et sujet Gabriel Gruber, recteur du collège de la compagı ' de Jésus.»

*

даетъ видъ, что бреве папское о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи еще не получено русскимъ правительствомъ и ожидается только со дня на день, а вмѣстѣ съ тѣмъ между строками даетъ разумѣть, что іезуитамъ очень хорошо извѣстно, что русское правительство имѣетъ уже въ своихъ рукахъ папское бреве о возстановленіи ихъ ордена въ Россіи ([1]), и что они крайне удивлены такимъ образомъ дѣйствій русскаго Императора, и это письмо должно послужить новымъ побужденіемъ для русской администраціи скорѣе обнародовать это бреве; тутъ же іезуитъ давалъ такую нотацію правительству Александра І-го, что оно такимъ своимъ поступкомъ неисполняетъ мысли Екатерины Великой, по стопамъ которой онъ обѣщался идти въ своемъ манифестѣ о восшествіи на престолъ, и неуважаетъ памяти Павла І-го, своего отца, а въ заключеніе безъ всякой застѣнчивости іезуитъ какъ бы требуетъ у русскаго правительства обнародованія бреве о возстановленіи его ордена, на томъ основаніи, что его существованіе въ Россіи признано двумя папами, какъ будтобы для русскаго правительства должны быть обязательны какія бы то ни было папскія распоряженія въ Россіи, хотя при этомъ іезуитская совѣсть неустыдилась клеветать на двухъ папъ, уже умершихъ, Климента XIV и Пія VI, и приписать покойникамъ такія дѣйствія, въ которыхъ они были неповинны.

([1]) Mémoires du Cardinal Consalvi, Secretaire d'Etat du pape Pie VII avec une introduction et des notes par J. Cretineau-Joly, tom. II, pag. 305—337. Pie VII composa le Bref du rétablissement de la Compagnie de Jésus pour les divers parties de l'empire russe; il revoqua, en tant que c'était nécessaire, l'acté Clementin, puis avec le Bref de résurrection, il adressa une lettre très-affectueuse à l'Empereur Paul. Mais la triste mort de ce prince était arrivée quand le Bref et la depêche parvinrent à Saint-Pétersbourg.

Намекъ правительству сдѣланъ былъ іезуитомъ такъ неприлично и нагло, что оно почло себя въ правѣ не отвѣчать на іезуитскую выходку; въ аудіенціи, просимой Груберомъ, было также отказано. Но Груберъ былъ человѣкъ не изъ десятка робкихъ и совѣстливыхъ, а также способныхъ падать духомъ при первой неудачѣ, онъ имѣлъ и крѣпкій или мѣдный лобъ, и хорошо зналъ сердце человѣческое, а также душу и характеръ русскаго правительства. Испытавши неудачу въ своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, онъ началъ дѣйствовать на него посредствомъ римскаго двора; іезуитъ думалъ, что русское правительство, отказавши въ прошеніи ему, какъ частному человѣку, какъ своему подданному, не можетъ неудовлетворить его въ его просьбѣ, если она будетъ подкрѣплена ходатайствомъ уже не частнаго лица, а Государя, или такого же, равнаго, Русскому по своему достоинству, правительства; тѣмъ болѣе, что русскій Государь выразилъ намѣреніе жить въ мирѣ со всѣми правительствами и слѣдовательно по возможности удовлетворять ихъ желаніямъ и отстранять все, что можетъ подавать поводъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ и несогласіямъ.

Въ папскомъ письмѣ, адресованномъ Императору Александру I-му по случаю восшествія Его на престолъ, послѣ обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ фразъ о скорби по умершемъ Императорѣ и поздравленія новаго Императора съ восшествіемъ Его на престолъ, весьма короткихъ и какъ бы оброненныхъ случайно, главнымъ образомъ напирается на то, что римское правительство Пія VII въ послѣднее время писало два письма покойному Императору Павлу I-му, въ отвѣтъ на Его письма къ папѣ. Первое письмо отъ Пія VII послано было въ отвѣтъ на желаніе Павла получить санкцію формальную и торжественную отъ папы на существованіе

іезуитскаго ордена въ Россіи. На это желаніе римскій дворъ отвѣчалъ посланіемъ Павлу папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи. Вторымъ письмомъ Павелъ, предлагалъ намъ, пишетъ Пій VII, убѣжище въ своемъ государствѣ въ случаѣ, если бы когда нибудь теперешнія обстоятельства принудили насъ оставить нашу резиденцію; но Промыслъ Божій избавилъ насъ отъ тѣхъ опасностей, которыя заставляли столь обязательную для насъ заботливость покойнаго Императора бояться за нашу безопасность. Мы не преминули на это второе письмо отвѣчать также письмомъ, въ которомъ мы выразили, какъ мы были тронуты такого рода участіемъ. Потомъ далѣе предлагаетъ папа русскому Государю, чтобы онъ принялъ его нунція, и этимъ бы далъ такъ сказать, торжественное свидѣтельство того, что Онъ питаетъ и будетъ питать къ римскому престолу, и латинской церкви, и латинскимъ своимъ подданнымъ, тѣже чувства какія имѣлъ Его отецъ (1). Но не да-

(1) Вотъ подлинникъ этого письма, писанный собственноручно Піемъ VII-й. «Notre très cher fils! Nous sommes persuadés que Votre Majesté Imperiale aura trésbien compris par la sensibilité de son coeur, combien nous avons été penetrés d'affliction à la nouvelle du decés de son auguste père le feu Empereur Paul I. Nous avions de Lui adresser deux lettres en réponse de celles, qu'il nous avait écrites dernièrement. Et comme par la première il nous avait marqué son désir d'obtenir de nous une sanction formale à l'existence des jésuites dans l'Empire de Russie. Nous avons été bien aise de lui prouver notre égard à sa démande par le bref que nous lui avons envoyé. Par la séconde lettre il nous avait offert un asile dans ses États, si jamais les circonstances du moment nous eussent contraints de nous éloigner de notre résidence. Mais la providence de Dieu qui sans aucun motive de notre part nous a elevés à cette chaire apostolique, a écarté aussi tous les dangers que l'obligeante sollicitude de l'Auguste père de Votre Majesté Imperiale le faisait craindre pour notre sureté. Nous n'avons pas omis cependant de lui temoigner dans notre réponse, comme nous avons été touché par tant d'interêt et la bonté de sa part. Et nous ne man-

ромъ латиняне вообще и iезуиты въ частности дѣлаютъ неблагопрiятный отзывъ объ отношенiяхъ и чувствованiяхъ Александра I-го къ латинской церкви [1]. Государь на

querons pas aussi d'assurer Votre Majesté Imperiale que connaissant parfaitement la bienveillance et amitié de Son Auguste Père pour notre personne, nous en sentons bien vivement la perte. Mais nous croyons Vous avec la même sincerité, que même consalation, et nos ésperances trouvent le plus grand appui dans les mêmes de Votre Majesté Imperiale les sentiments qu'Elle a fait paraître à la vue de ses sujets et de toute l'Europe, avant même de monter sur le trône de ses ancêtres, nous assurant d'avance, qu'Elle surpassera Son Auguste Père dans la gloire de ses entreprises, dans la protection et le faveur, qu'Elle daignera accorder à la réligion et à ses sujets catholiques, dans l'interêt, qu'Elle prendra pour la cause de l'église romaine, et nous croyons avec la confiance, dans l'affection et l'amitié pour notre personne. Comme Son Auguste père avait deja marqué son agrement pour recevoir de notre part un ambassadeur à Sa Cour Imperiale pour les affaires qui concernent les églises catholiques de la Russie, ainsi nous avions deja donnés des ordres en consequence à notre envoyé l'archevêque de M-eur nonce à Colonie, et depuis quelque temps demeurant à Saxe. Nous ésperons que Votre Majesté Imperiale nous fasse connâitre Ses désirs et Son agrement, car rien ne nous tient plus à coeur que de cimenter et reserver avec Sa Cour les liens de la plus intime reciprocité. Nous ne tarderons pas en attendant à Lui presenter nos felicitations très sinceres pour Son heureux avenement au trône Imperiale de toutes les Russie. Elle voudra bien agreer nos voeux pour Son bonheur, pour celui de Son Auguste épouse et pour la prosperité de Son Empire. Et nous prions Dieu tout-puissant qu'il daigne répandre Sur Votre Majesté Imperiale et Sur Votre famille les trésors de ses lumières, de sa grace».

Pius P. P. VII.

Rome ce 27 Auril 1801. (См. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Картон. «Rome, 1801—1804, № 3-й, Lettres de Cabinet.

(1) См. Mémoires du Cardinal Consalvi, Secretaire d'Etat du pape Pie VII, tom. II, pag. 308, гдѣ государственный секретарь Пiя VII такъ выражается объ Александрѣ: «Le successeur (du Paul I) bien que moins favorablement disposé que Paul en faveur des Iésuites»..., также имѣющуюся у меня рукопись» Dissertatio historica exhibens vicissitudines Romano-Catholicae in Imperio Rossiaco existentis ecclesiae, praesertim in formula gubernationis ecclesiasticae usque ad erectionem Ministerii diver-

письмо папы отвѣчалъ вѣжливымъ письмомъ, въ которомъ благодаритъ его за чувствованія выраженныя въ письмѣ, соглашается принять папскаго посланника, увѣдомляетъ папу о назначеніи Корсини русскимъ посланникомъ при немъ, чѣмъ еще больше утвердятся связи дружбы и взаимности между русскимъ и римскимъ дворами ([1]). Но дѣло

sarum religionum legibus Imperialibus Sancita, Cap. V, Gaspar Borowski:» Non est dubium, Imperatorem Paulum I etiam academiae Vilnensis jesuitis restitutionem in mente habuisse, verum, quominus ista in antiquas possessiones reducendi consilia suum effectum consequerentur, mors Pauli I. impedivit: *ex quo tempore fortuna jesuitorum retro-fluere coepit*».

([1]) Отвѣтъ Александра I-го Пію VI-му. Très saint père! Nous avons vu avec une extrême sensibilité par la lettre, que Votre Sainteté a bien voulu nous ècrire, toute la part qu'elle a prise au juste sujet d'affliction que Nous a causé la mort de l'Empereur, Notre Auguste Père, les regrets qu'elle donne à Sa mémoire et les voeux qu'elle Nous adresse pour notre prosperité et celle de l'Empire, au gouvernement duquel la divine Providence Nous a appelé. Vivement touché de l'expression de ces sentiments, ceux qui Nous animent pour un pontife, dont l'élevation au milieu de tant de fleaux qui ont affligé l'église Romaine, honore autant ses vertus que Son courage, ne sont ni moins sincères, ni moins affectueux. Nous partageons avec plaisir la veneration commune qu'ils inspirent et nous faisons le voeux les plus ardens pour que les travaux apostoliques de Votre Sainteté soient couronnés d'un plus heureux succés.

Notre tendre sollicitude pour tous nos fideles sujets en general et pour ceux de la religion Catholique-Romaine en partuculier nous fait qu'ils trouvent dans le chef de leur église tous les secours dont ils peuvent avoir besoin et que leur pieté filiale leur obtienne l'amour de leur père spirituel. Sous ce rapport, de même que dans toute autre circonstance, nous sommes disposés à cultiver les liaisons d'amitié et de la plus parfaite intelligence, qui peuvent être d'une utilité, comme et Nous ne faisons aucune difficulté d'agréer la nomination d'un ambassadeur de la part de Votre Sainteté qui sera chargé plus particulierement de suivre tout ce qui peut avoir rapport à ce double objet. Notre ministère aura ordre de s'entendre à cet égard avec les personnes qu'elle jugera à propos de désigner. Nous avons en attendant et par reciprocité nommé au chargé d'affaires près le S-te siège le C-te Corsini, qui y a deja residé en qualité de consul general et il ne

пока только ограничилось вѣжливостями и обѣщаніями со стороны русскаго государя, и вопросъ о обнародованіи бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи, а равно о принятіи папскаго нунція, недвигался впередъ, не смотря на то, что Груберъ, неограничиваясь вышеприведеннымъ нами письмомъ, докучалъ всѣмъ, кто имѣлъ власть и силу, убѣдить Государя обнародовать столь желанное для іезуитовъ бреве о возстановленіи ихъ ордена въ Россіи. Чтобы объяснить себѣ причины такой устойчивости и неподатливости русскаго правительства тогдашней эпохи, то ихъ нужно искатъ не въ одномъ только дерзкомъ и оскорбительномъ намекѣ Груберовскаго письма, но и въ другихъ явленіяхъ, происходившихъ тогда въ средѣ латинской церкви въ Россіи, также въ отношеніяхъ нашихъ къ папѣ, въ интересы котораго іезуитское русское общество замѣшано было тогда болѣе, чѣмъ когда либо, и въ видахъ котораго начало дѣйствовать болѣе и усерднѣе, чѣмъ въ какое либо другое время.

Самымъ крупнымъ и выдающимся событіемъ въ жизни латинской церкви въ Россіи было явленіе на церковно-общественной аренѣ вѣчнаго и недававшаго спокойно спать іезуитской партіи кошмара и врага—митрополита Сестренцевича. Правда, митрополитъ явился изъ своей ссылки полуразбитымъ нравственно, разочарованнымъ во многомъ,

tiendra pas à Notre bonne volonté que ces liens et cette heureuse harmonie n'acquiesent un nouveau degré de force et d'utilité. Votre Sainteté trouvera dans ces dispositions un gage certain des sentimens de la haute considération et d'attachement que Nous professons pour elle. Ils ne sont pas moins sincères que les voeux que Nous adressons au Tout-Puissant pour la gloire et la prosperité de son pontificat». (Тамъ и тотъ же Картонъ «Rome», г. 1801-й, Copie de la lettre de Sa Majesté L'Empereur au pape du 26 Aôut 1801).

потерявшимъ много лучшихъ своихъ надеждъ, безъ прежней энергіи, безъ прежняго пыла и отваги; правда, онъ чувствовалъ себя полуодинокимъ среди группы новыхъ людей, выступившихъ на административное поприще, странно пораженнымъ многими новыми порядками, новыми распоряженіями, предначертаніями и реформаторскими дѣйствіями правительства; но этотъ левъ иногда пробуждался отъ своей летаргіи и давалъ врагамъ своимъ чувствовать свою силу; самое присутствіе его въ Петербургѣ было страшно для іезуитовъ; самое слабое движеніе этого полусраженнаго и полуразбитаго борца наносило іезуитскому дѣлу, если не смертельные удары, то останавливало быстрый ходъ его, или немного уклоняло отъ даннаго ему направленія, а иногда даже или направляло его въ противоположную сторону, или совсѣмъ останавливало его и прекращало. Этому-то появленію митрополита на сценѣ или возвращенію его изъ ссылки въ Петербургъ нужно главнымъ образомъ приписать медленіе нашего правительства въ обнародованіи папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи. Обстоятельства, которыми сопровождалось возстановленіе Сестренцевича во всѣхъ его прежнихъ должностяхъ и возвращеніе его изъ ссылки, представили нашему правительству факты, рисующіе іезуитовъ съ весьма нелестной для ихъ репутаціи стороны, и давали Сестренцевичу сильное оружіе противъ нихъ. Извѣстно, что первымъ актомъ царствованія Александра I-го, первымъ, такъ сказать, движеніемъ Его державной воли было повелѣніе о пересмотрѣ списка всѣхъ заключенныхъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ, сосланныхъ въ Сибирь и другія мѣста въ предшествовавшее царствованіе. Слѣдствіемъ этого пересмотра было освобожденіе и возвращеніе изъ ссылки и другихъ мѣстъ цѣлыхъ десятковъ тысячъ, подпавшихъ опалѣ въ

царствованіе Павла. Въ числѣ этихъ несчастныхъ были и жертвы іезуитской интриги и злобы. Къ такому разряду принадлежалъ извѣстный намъ изъ прежняго нашего разсказа латинскій епископъ Одинецъ, брошенный по Груберовской интригѣ въ петербургскій петропавловскій равелинъ. Новое царствованіе даровало свободу и этой несчастной жертвѣ о. Грубера. Мы видѣли изъ прежняго нашего повѣствованія, какими чувствами признательности и любви проникнутъ былъ этотъ человѣкъ къ своему благодѣтелю—митрополиту Сестренцевичу, и какъ искренно, самоотверженно онъ привязанъ былъ къ своему начальнику. Могъ ли онъ теперь, почувствовавъ всю прелесть и блаженство свободы, невспомнить, что благодѣтель его еще томится въ ссылкѣ, подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ окруженный шпіонами, заключенный въ своемъ сельскомъ домѣ, какъ неприступной и уединенной крѣпости? Благородное и честное чувство Одинца настойчиво твердило ему, что онъ нравственно обязанъ напомнить новому правительству о бѣдствіяхъ своего благодѣтеля и указать ему на эту жертву мести іезуитовъ. При этомъ въ Одинцѣ, можетъ быть, говорило и то тревожное и пугливое чувство, что интрига іезуитская съумѣетъ истолковать новое распоряженіе правительства такъ, что въ этомъ случаѣ благодѣтельныя дѣйствія его не прострутся на Сестренцевича, какъ на лице, живущее въ своемъ помѣстьѣ, а незаключенное въ крѣпости и сосланное въ Сибирь. Да даже, если бы новый законъ обнималъ и категорію лицъ, сосланныхъ подобно Сестренцевичу въ прежнее царствованіе въ свои помѣстья, то кто могъ поручиться, что при вліяніи Грубера на многихъ тогдашнихъ администраторовъ, при его неистощимой интригѣ и мстительности, не будетъ сдѣлано исключенія изъ закона именно только въ примѣненіи его къ митрополи-

ту? Благородное сердце Одинца содрогалось при представленіи о такой участи своего благодѣтеля, и онъ рѣшился тотчасъ по своемъ освобожденіи употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы избавить митрополита отъ тяготѣющей надъ нимъ опалы. Первымъ дѣломъ Одинца, по его выходѣ изъ петропавловскаго равелина, было написать прошеніе къ Государю о возстановленіи митрополита во всѣхъ его прежнихъ правахъ и возвращеніи его изъ ссылки въ Петербургъ. Прошеніе Одинца произвело свое дѣйствіе: тотчасъ послано было Высочайшее повелѣніе на имя бѣлорусскаго губернатора Тарбеева объ освобожденіи отъ полицейскаго надзора Сестренцевича ([1]), а 16-го Іюня 1801-го г. посланъ былъ генералъ-прокурору Беклешову Высочайшій указъ объ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ его специальной коммисіи изъ сенаторовъ Потоцкаго и Вельегорскаго и бывшаго куратора французовъ, находящихся въ Петербургѣ, и капелляна мальтійскаго ордена, Маскле, которая обязана была, на основаніи каноническихъ правъ латинской церкви и государственныхъ узаконеній имперіи, возстановить митрополита въ его прежнихъ правахъ и устроить управленіе латинскою церковію на болѣе цѣлесообразныхъ основаніяхъ ([2]). Еще

([1]) 12-го Марта Александръ I-й взошелъ на престолъ, а 15-го Марта Сестренцевичъ получилъ свободу. «L'an 1801 le 11 Mars l'Empereur Paul mourut, Alexandre monta sur le trone. Le 15 le Métropolitain recupera sa liberté, d'aprés un ordre signé par l'Empereur, vint à Pétersbourg et obtint le 14 Iuin un rescript, *adressé* au procureur General M-r de Beclechew, par lequel il a du être retabli au gouvernement de son diocèse et à la charge métropolitaine (см. въ арх. М. Ин. Дѣлъ, Картонъ «Jésuites» и тамъ lettre du ci-devant sécretaire du Métropolitaine á son ami sur la démande des causes du mécontentement de Rome contre lui). См. такъ же Рус. архивъ, г. 1867-й стр. 563.

([2]) Simulatque majorum suorum thronum Conscenderat Alexander I,

за два дня до указа 16-го Іюня митрополитъ вслѣдствіе оффиціальнаго отношенія къ нему Беклешова, явился въ Петербургъ, вѣроятно, для того, чтобы лично благодарить за милость Государя Императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Беклешова и Одинца. Появленіе митрополита въ Петербургѣ было равносильно для іезуитовъ страшному явленію руки, писавшей на валтасаровскомъ выраженіи страшныя слова. Первая встрѣча Сестренцевича съ Бениславскимъ и Груберомъ еще болѣе встревожила ихъ и всю ихъ партію. Хотя дѣло митрополита не было рѣшено окончательно и онъ еще не былъ формально возстановленъ въ своей президентской должности, даже вступленіе его въ отправленіе епархіальной должности, не было утверждено канонически, а только освящено Государственною властію, но митрополитъ при этомъ свиданіи показалъ столько достоинства, со-

lex Ejus prima, quam sancivit, erat ut quiantea in profundiorem Russiam religati sunt, aut carceribus propter crimina leviora mancipati, libertate donarentur: in quorum numero erat episcopus Odynec, qui e loco desertionis reversus, confestim Augustisimo Imperatori Supplicium libellum povrexit, ut pro sua benigna voluntate archiepiscopum in integrum restitueret, nec diu prodiit Imperatorium rescriptum ad gubernatorem Albae Russiae directum, ut metropolitanus omni libertate legali persruatur, et paulo post, scilicet 16 Iunii ad generalem Procuratorem Bekleszew missa est suprema dispositio de Commissione instituenda, per quam administratio ecclesiastica principiis religionis Catholicae et legibus Imperii conformis constitui et metropolitanus ad sua officia revocari debeat» «(См. имѣющуюся у меня рукопись» Dissertatio historica, exhibens vicissitudines romanae-Catholicae in imperio Rossiaco existentis ecclesiae, praesertim in formula gubernationis ecclesiasticae usque ad erectionem Ministerii diversarum religionum legibus Imperialibus sancita, Gaspar Borowski); такъ же Собр. Зак., г. 1801-й, 13-е Ноября, № 20,053, «о возстановленіи духовнаго и церковнаго правительствъ Римско-Католическаго закона въ Россіи;» и собр. на Лат. языкѣ всѣхъ Государ. Законовъ, относящихся до Латинской церкви въ Россіи, г. 1801-й, 16-е Іюня, Imperatorium Rescriptum ad Generalem-Procuratorem Bekleschew de instituta Commissione quomodo revocari debet Metropolitanus ad sua officia.

знанія своей воли и власти, что смутилъ іезуитовъ. При первомъ объясненіи съ Бениславскимъ и Груберомъ, Сестренцевичъ необинуясь сказалъ имъ, что ихъ проискамъ и коварству, подкапывавшимъ его достоинство, онъ обязанъ былъ ссылкою и лишеніемъ всѣхъ должностей въ предшествовавшее царствованіе ([1]). Кровь бросилась въ голову у Грубера отъ такой встрѣчи и такихъ объясненій, злоба закипѣла въ душѣ его, и онъ еще былъ увѣренъ, что дѣло митрополита онъ еще можетъ испортить, а іезуитское поправить; онъ еще думалъ, что есть еще возможность отмстить митрополиту, по крайней мѣрѣ схватиться съ нимъ и, если, несовершенно одолѣть его, то все таки нанести нѣсколько ударовъ болѣе или менѣе чувствительныхъ для него, переломить ему одно или два ребра, и такимъ образомъ показать, что общество Лойолы не можетъ быть никѣмъ поражаемо безнаказанно и безъ отмщенія. Отчаяніе никогда не было въ числѣ смертныхъ грѣховъ въ іезуитскомъ кодексѣ, а тѣмъ болѣе могли быть іезуиты неповинны въ этомъ грѣхѣ теперь, когда явленіе митрополита въ Петербургѣ было почти мгновенное и онъ вскорѣ оставилъ столицу и возвратился въ Могилевъ—въ резиденцію своей архіепископіи, слѣдовательно не могъ имѣть непосредственнаго и сильнаго вліянія на ходъ и направленіе разсужденій и опредѣленій коммисіи, а между тѣмъ іезуиты обладали

([1]) Zbior Wiadomosci o kosciele i religii katolickiey w cesarstwie Rossijskiem, Poznau, 1823, Отдѣленіе VIII. «При объясненіи съ Бениславскимъ и ректоромъ Груберомъ, говоритъ Шантырь, митрополитъ сваливалъ на нихъ всю вину, имъ приписывалъ всѣ происки и коварства, подкопавшія его достоинство, и этими словами такъ подѣйствовалъ на перваго, какъ человѣка мягкаго сердца (?!) и тяготившагося (?) возложеннымъ на него бременемъ, что тотъ съ болѣзнованіемъ смотря на скорбь митрополита, причиненную ему лишеніемъ прежняго сана, высказывалъ желаніе уступить ему свое мѣсто» (?).

всѣми средствами дѣйствовать на коммисію. Правда, президентъ коммисіи Беклешовъ былъ покровителемъ Сестренцевича ([1]), но зато у іезуитовъ была сильная подпора въ Бышковскомъ, отъявленномъ врагѣ митрополита, іезуитѣ, пародіи Грубера, втертомъ въ коммисію по интригѣ Грубера, дѣйствовавшемъ во всемъ по мановенію сего послѣдняго и опиравшемся quasi на каноническое право латинской церкви, которое было вещью недоступною для пониманія Беклешова и чуждою для Потоцкаго и Вьельгорскаго, можетъ быть, и желавшихъ изъ угожденія Беклешову сохранить законы безпристрастія и справедливости. А іезуиты, понявши, въ чемъ заключается слабая сторона членовъ коммисіи, главнымъ образомъ начали сражаться противъ митрополита оружіемъ каноническаго латинскаго права. Что касается до Маскле, то онъ, такъ еще недавно пришибленный рукою Грубера и неопамятовавшійся отъ этого удара, игралъ въ коммисіи болѣе пассивную, чѣмъ дѣятельную, роль ([2]). Былъ даже слухъ, что Груберъ регулярно являлся въ комнату, ведущую въ зало собранія коммисіи, конечно, съ тою цѣлію, чтобы вдохновлять Бышковскаго и давать направленіе его мыслямъ въ совѣщаніяхъ ([3]). Такимъ образомъ, не смотря на видимое меньшинство іезуитскаго элемента въ коммисіи по дѣлу Сестренцевича, іезуитская партія имѣла тутъ преобладающее вліяніе, благодаря тому

([1]) Il (Metropolitain) revenait toujours au temoignage de la reconnaissance qu'il portait envers le procureur géneral, à qui il était redevable du dit réscript Imperial, en vertu duquel il était restitué dans toutes ses charges.» (См. въ арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Картонъ «Jesuites» и въ немъ Lettre du ci-devant sécretaire du Métropolitain à son ami....).

([2]) Тамъ же, № 11—19, годъ 1801-й, объ опредѣленіи аббата Маскле къ Римско-Католической церкви въ С.-Петербургѣ, гдѣ помѣщено письмо его къ Государственному Канцлеру.

([3]) Въ вышеприведенномъ письмѣ или Lettre du ci-devant sécretaire à

роду оружія, которое избрала іезуитская партія и искуству владѣть этимъ оружіемъ, и благодаря неумѣнію прочихъ членовъ коммисіи обращаться съ этимъ оружіемъ и почти совершенному незнанію механизма этого оружія. Тогда какъ опытный канонистъ легко могъ бы доказать на опытѣ, что каноническое право есть оружіе обоюду острое, довольно ненадежное и предательное для тѣхъ, кто вздумаетъ единственно на немъ одномъ сражаться и опираться; Беклешовъ, Потоцкій и Вьельгорскій съ Маскле спокойно оставили Бышковскаго подъ этимъ неуязвимымъ забраломъ и никакъ не могли состязаться съ нимъ каноническимъ способомъ и въ области церковнаго права. Здѣсь превосходство было на сторонѣ Бышковскаго. Когда Беклешовъ указывалъ въ дѣлѣ Сестренцевича на нарушеніе всѣхъ формъ судопроизводства и всѣхъ юридическихъ правилъ, Бышковскій бросалъ ему въ глаза каноническія правила, церковныя законоположенія, которыя всѣ въ концѣ сводились къ одному, что Сестренцевичъ, разъ лишенный епархіальнаго управленія и званія президента Коллегіи, не можетъ быть возстановленъ канонически въ этихъ должностяхъ безъ особеннаго разрѣшенія папы и оффиціальнаго и торжественнаго отреченія отъ этихъ должностей Бениславскаго, какъ законно и канонически получившаго и наслѣдовавшаго эти должности отъ митрополита, по удаленіи его отъ нихъ. Недовольствуясь открытымъ нападеніемъ на митрополита и явнымъ противодѣйствіемъ возстановленію его въ прежнихъ правахъ, іезуиты прибѣгли

son ami..... говорится, что il detailloit les points dans lesquelles le procureur-genéral fit sa defense dans le commité dont il était président, et où un membre ecclesiastique, nommé Byszkowski a été précisement son unique et qui a voulu le desservir, que le père Gruber ne manquait pas d'assister regulièrement dans l'antichambre où se tenait le Commité, mais qu'il n'agissait cependant qu'accidentellement contre lui...

къ обыкновенному своему ремеслу — къ тайной и закулисной интригѣ противъ митрополита, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ движителемъ и дѣятелемъ былъ тотъ же о. Груберъ. Явились безымянныя записки—произведеніе груберовскаго пера, въ которыхъ изъ всѣхъ силъ, какъ говорятъ, съ множествомъ выписокъ и цитатъ изъ Тридентскаго Собора, папскихъ буллъ и т. под., доказывалось, что митрополита не слѣдуетъ допускать ни къ должности епархіальнаго архіерея, ни президента коллегіи, потому—что коадъюторъ его, разъ занявъ епархію, по его отреченіи, облеченномъ всею оффиціальностію и каноническими формами, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть удаленъ отъ занимаемаго мѣста безъ собственнаго его на то согласія и утвержденія папы, а равнымъ образомъ коадъюторъ митрополичій не можетъ быть лишенъ и президентскаго мѣста въ коллегіи, потому что онъ самъ не проситъ объ увольненіи его отъ этой должности (1). Тутъ же прибавлено было, что все нестроеніе и всѣ вражды въ латинскомъ духовенствѣ Россіи происходили именно отъ злоупотребленія митрополита своею слишкомъ обширною властію. Записки эти видимою и невидимою рукою раздавались членамъ Комитета, такъ же постороннимъ вліятельнымъ лицамъ, наконецъ одинъ экземпляръ подобной записки очутился у самого Государя. Сестренцевичъ происхожденіе всѣхъ этихъ записокъ безусловно приписываетъ одному Груберу (2), но Шантырь, хорошо посвященный въ тайны

(1) Zbior Wiadomości o kościele i religii... Отдѣленіе VIII.

(2) Въ арх. М. Ин. Дѣлъ, «Jesuites», № 24—à 29, статью «изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія, въ Россіи пребывающемъ, отъ того времени, какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу-Богушу, гдѣ Сестренцевичъ пишетъ: «Въ

іезуитскаго общества, какъ іезуитъ и другъ іезуитовъ, свидѣтельствуетъ, что Груберъ подговорилъ еще одного, довольно виднаго въ іерархіи, человѣка, принадлежавшаго по происхожденію своему къ высшему польскому обществу, слѣдовательно имѣвшаго значеніе и вѣсъ въ духовенствѣ, обществѣ и у правительства, жмудскаго епископа Гедроица (князя), написать Государю съ своей стороны также письмо или лучше протестъ противъ Сестренцевича. Гедроицъ, какъ кровный польскій князь, смотрѣлъ на Сестренцевича, происходившаго отъ незначительнаго шляхетскаго рода, свысока и не могъ забыть его прежней труженической жизни, когда онъ, въ качествѣ домашняго учителя, снискивалъ себѣ кусокъ хлѣба, перекочевывая изъ одного вельможескаго польскаго дома въ другой. Высшій постъ, занимаемый Сестренцевичемъ, тяготилъ Гедроица и кололъ ему глаза, его

1801-мъ г. царствующимъ Государемъ Императоромъ возстановленъ митрополитъ во всѣ прежнія его достоинства, а чтобы и регламентъ для Римско-Католическаго духовенства учиненъ былъ основательный, то повелѣно составить комитетъ. Опасность, дабы новое разсматриваніе необратило мыслей комитета на развращенное состояніе монаховъ и ихъ безначаліе, заставила попечителей іезуитскихъ употребить всѣ силы и средства, сопряженныя съ происками, чтобъ помѣстить въ число членовъ Бышковскаго, какъ извѣданнаго своего поборника. А патеръ Груберъ съ своей стороны особенно способствовалъ раздаваніемъ записокъ, изъ которыхъ объ одной, довольно извѣстной разнымъ особамъ и нѣкоторымъ членамъ комитета, внушая онымъ о подтвержденіи въ регламентѣ тѣхъ постановленій Тридентинскаго Собора, которыя могутъ служить въ пользу монаховъ, и разныхъ папскихъ положеній, къ ихъ выгодѣ относящихся, и сіе будто длятого, что въ особѣ митрополита состоятъ всѣ духовныя власти, и будто отъ сей власти его вся вражда въ духовенствѣ происходитъ. Сверхъ того, для подкрѣпленія сей новой клеветы, или для иныхъ какихъ видовъ, доведена была до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества подобнаго же содержанія записка, которая вмѣстѣ съ докладомъ, поднесеннымъ отъ комитета, препровождена на разсмотрѣніе въ правительствующій сенатъ».

княжеское сознаніе не могло простить Сестренцевичу его іерархическаго превосходства. Гедроицъ былъ нерасположенъ къ Сестренцевичу по сословнымъ, или іерархическимъ, отношеніямъ. Но они не сходились между собою и по принципамъ и взглядамъ: Гедроицъ былъ сторонникъ іезуитовъ и пропитанъ ихъ идеями, Сестренцевичъ былъ ихъ врагъ и шелъ наперерѣзъ ихъ намѣреніямъ. Отсюда постоянная вражда между этими двумя лицами. Груберъ хорошо зналъ взаимныя отношенія этихъ прелатовъ и воспользовался этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей. Гедроицъ, подученный Груберомъ, съ своей стороны, написалъ письмо къ Императору, хотя болѣе умѣренное и сдержанное, чѣмъ груберовское, протестующее только противъ возстановленія митрополита въ достоинствѣ президента коллегіи, а отнюдь не противъ возвращенія ему должности епархіальнаго архіерея (1); но это письмо имѣло то важное значеніе для іезуитской партіи, что представляло для нея однимъ союзникомъ больше, придавало видъ законности требованіямъ Грубера, раздѣляемымъ и лицами высшей латинской іерархіи, которыя чужды, по видимому, іезуитскимъ интересамъ, а слѣдовательно показывало, что требованія Грубера принадлежатъ не однимъ только іезуитамъ и не суть дѣло одной какой нибудь исключительно партіи или котеріи духовенства, но какъ бы всего латин-

(1) Zbior Wiadomości... Отдѣленіе VIII. Не подѣйствовали на Государя и два письма противъ Сестренцевича. Первое было представлено епископомъ, княземъ, Іосифомъ Гедроицомъ, бывшимъ въ то время въ столицѣ. Онъ доказывалъ, что, съ одной стороны, нужно возвратить Сестренцевича на епархію, но, съ другой стороны, недостойно сажать его въ коллегію, какъ президента оной, когда мѣсто это еще занято Бениславскимъ, который отъ него не отрекается и долженъ остаться на немъ, по желанію епископовъ и духовенства».

скаго духовенства. Тутъ расчетъ іезуитскій прямо билъ на то, чтобы произвесть сильнѣйшее впечатлѣніе на Государя, и юнаго, и чувствительнаго, и уважающаго законность и права. Къ счастію Сестренцевича, въ комитетѣ предсѣдательствовалъ Беклешовъ, который умѣлъ распутывать эти хитросплетенные клубки іезуитской интриги и представлялъ эту интригу Государю во всемъ ея разоблаченномъ видѣ, а потому Государь оба эти письма сдалъ въ комитетъ для обсужденія ихъ, а самъ отъ себя не далъ на нихъ никакой резолюціи. Засѣданія комитета продолжались уже нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ дѣло Сестренцевича все еще далеко было до рѣшенія: записки Грубера не остались безъ слѣда и вліянія на членовъ комитета. Беклешову въ такихъ обстоятельствахъ оставалось прибѣгнуть къ рѣшительной и смѣлой мѣрѣ, — онъ такъ и сдѣлалъ. Хорошо зная, что, при уваженіи Александра къ такъ называемой законности, при упорствѣ іезуитовъ держаться въ дѣлѣ Сестренцевича именно только на почвѣ закона и каноническаго права, ничего нельзя сдѣлать въ пользу митрополита, неприбѣгнувши къ тому же самому средству, которымъ такъ крѣпко оградили себя іезуиты, т. е. къ каноническому праву, Беклешовъ переноситъ дѣло Сестренцевича въ область каноническаго права и, заручившись этимъ средствомъ, начинаетъ дѣйствовать въ пользу митрополита. Если оффиціальное отреченіе Сестренцевича отъ прежнихъ его должностей служитъ для него каноническимъ препятствіемъ къ возстановленію его въ этихъ должностяхъ; если для каноническаго возстановленія митрополита въ прежнемъ его достоинствѣ требуется формальное отреченіе отъ должностей Бениславскаго, занявшаго, во время опалы Сестренцевича, всѣ его обязанности и вступившаго во всѣ митрополитальныя права; то значитъ, разсуждалъ Беклешовъ,

все рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, чтобы Бениславскій формально отрекся отъ должностей, наслѣдованныхъ имъ отъ митрополита и сложилъ бы ихъ съ себя въ пользу митрополита. Но заставить Бениславскаго добровольно отречься отъ должностей, наслѣдованныхъ имъ канонически отъ митрополита, была задача не легкая; это значило бы, заставить іезуита наложить руки на самого себя, совершенно убить іезуитское дѣло, измѣнить іезуитской партіи, вступить въ соглашеніе съ стороною митрополита, и это все сдѣлать въ глазахъ Грубера, Бышковскаго и всего іезуитскаго общества, имѣя въ виду протесты Грубера и Гедроица, произведшіе сильное и благопріятное движеніе въ пользу іезуитскаго дѣла въ правительственныхъ кружкахъ;—это было бы безсмысліе, или явная измѣна со стороны Бениславскаго, это была нравственная невозможность для такого іезуита, каковъ былъ коадъюторъ Сестренцевича; на это необычайное требованіе Бениславскій могъ согласиться только вслѣдствіе какихъ либо чрезвычайныхъ и выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ мѣръ, какихъ нибудь необыкновенныхъ средствъ и рѣшеній Беклешова. Дѣйствительно, обыкновенными мѣрами тутъ ничего нельзя было сдѣлать съ такими людьми, каковы были іезуиты вообще и Бениславскій въ частности. Генералъ-прокуроръ зналъ и изучилъ іезуитовъ настолько, чтобы умѣть обращаться съ ними,—онъ въ этомъ случаѣ избираетъ средство самое необыкновенное и чрезвычайное. Бениславскій, по соображеніямъ Беклешова, могъ отказаться отъ должностей, наслѣдованныхъ имъ отъ митрополита, только поставленный въ положеніе не только совершенно изолированное и независимое отъ вліянія Грубера и всей іезуитской партіи, но и застигнутый врасплохъ, перенесенный вдругъ въ новое, чрезвычайное положеніе, обставленное необыкновенными

для него принадлежностями, такъ сказать, ошеломленный внезапно чрезвычайною, могущественною силою, которой нельзя противиться, а которой безсознательно должно покориться и отречься отъ самого себя и забыть всѣ свои права. Бениславскій вдругъ позванъ былъ во дворецъ на удіенцію къ Государю; поставленный съ глазу на глазъ съ Императоромъ, онъ потерялъ все присутствіе духа, а потому, когда Государь предложилъ Бениславскому вопросъ и, вѣроятно, такимъ тономъ, въ которомъ слышалось все присутствіе силы и власти и выражалась вся невозможность уклончиваго отвѣта, а тѣмъ болѣе отрицательнаго: «вы хотите остаться епархіальнымъ архіереемъ и президентомъ коллегіи?» то Бениславскій растерялся, или, какъ выражается писатель-іезуитъ, оказалъ такую слабость, что думалъ больше показать съ своей стороны героизмъ въ отреченіи отъ своихъ правъ, нежели недопущеніемъ Сестренцевича къ власти и управленію принести пользу церкви; не предвидя отъ этого для духовенства никакого зла, которое со вступленіемъ митрополита въ управленіе неминуемо должно обнаружиться въ новыхъ злоупотребленіяхъ, онъ высказалъ Государю слѣдующія слова, несчастныя для всей католической іерархіи въ Россіи: «Всемилостивѣйшій Государь! я желаю мира; возвратясь въ свое уединеніе, я съумѣю и тамъ служить Вашему Императорскому Величеству, а затѣмъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества я складываю всѣ мои права» ([1]). Александръ, продолжаетъ не безъ горечи тотъ же писатель, принялъ съ прирожденною Ему ласковостію это самоотреченіе; въ слабодушіи Бениславскаго Онъ думалъ видѣть благородство, покорность, высокое благочестіе и добродѣтель; но ревностные католи-

([1]) Zbior Wiadomości o kościele i religii... Отдѣленіе VIII.

ки, зная намѣренія и образъ мыслей Сестренцевича, были поражены этимъ, особенно іезуиты ([1]). «Такое впечатлѣніе, или, какъ выражается Шантырь, такое пораженіе, произведенное на іезуитовъ отреченіемъ Бениславскаго, совершенно понятно: оно совсѣмъ развязало руки Беклешову и разомъ уничтожило тѣ препятствія къ возстановленію митрополита въ прежнихъ должностяхъ, которыя іезуитская партія считала непреодолимыми для своихъ враговъ, и Сестренцевичъ теперь выходилъ на сцену, получалъ каноническую санкцію на всѣ прежнія свои должности, по милости одного изъ іезуитской партіи. Сестренцевичъ теперь торжествовалъ, а іезуиты повѣсили головы. Отпраздновавъ великолѣпнымъ обѣдомъ въ Могилевѣ свое возстановленіе, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для управленія своею епархіею въ его отсутствіе, митрополитъ явился въ Петербургѣ, уже облеченный всею силою власти. Іезуиты, неимѣвъ возможности воспрепятствовать возвращенію Сестренцевича къ прежнимъ его должностямъ, проигравъ дѣло здѣсь, хотѣли предохранить себя отъ его вліянія на будущее время, сдѣлать его вліяніе на дѣла латинскаго духовенства безсильнымъ, а свой орденъ почти независимымъ отъ него, однимъ словомъ, совершенно парализировать дѣйствія митрополита и, проигравъ сраженіе въ борьбѣ съ нимъ въ одномъ мѣстѣ, вознаградить себя побѣдою надъ нимъ въ другомъ. Къ несчастію, неопытность Беклешова въ латинскомъ каноническомъ правѣ, довольство его своею побѣдою надъ іезуитами въ дѣлѣ Сестренцевича, отвлекшее дальнѣйшее его вниманіе на послѣдующія работы комитета, находившагося подъ его предсѣдательствомъ, записки Грубера и Гедроица, непрошедшія безслѣдно для

([1]) Тамъ же.

членовъ комитета и вліятельныхъ лицъ въ сенатѣ и другихъ правительственныхъ сферахъ, сильное вліяніе на ходъ работъ въ комитетѣ іезуита Бышковскаго ([1]), находившагося въ свою очередь подъ опекою и управленіемъ Грубе-

([1]) Что касается до Бышковскаго, пишетъ Сестренцев ъ, который, сверхъ званія каноника, митрополитомъ произведенъ въ Инфулаты, стараніемъ его помѣщенъ въ члены коллегіи, получилъ приходъ въ Невлѣ и мѣсто при первомъ кадетскомъ корпусѣ, то и онъ, вмѣсто признательности и вмѣсто того, чтобъ скрывать по крайней мѣрѣ злобу свою, питаемую противъ митрополита за его къ нему доброхотство, не устыдился въ комитетѣ, гдѣ онъ въ 1801-мъ г. присутствовалъ, явно говорить и настаивать, что сего архіерея не должно паки возвратить къ его митрополіи, будто по церковнымъ правиламъ, которыя онъ подобравъ для подкрѣпленія своего мнѣнія, имѣлъ безстыдство и показывать, молча и тая о томъ, что митрополитъ отставленъ былъ не по правиламъ церковнымъ и не по своему желанію, но по той только надобности, чтобъ онъ не стоялъ камнемъ претыканія въ безконечныхъ замыслахъ іезуитовъ, которые, имѣя намѣреніе до чего нибудь достигнуть, никого не щадятъ, кто бы онъ ни былъ, ежели хотя мало можетъ имъ препятствовать». См. въ арх. М. Ин. Дѣлъ «Jesuites», № 24—а 29, Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія, въ Россіи пребывающемъ, отъ того времени, какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу-Богушу.

Примѣчаніе къ жалобѣ нѣкоторыхъ прихожанъ петербургской латинской церкви па іезуитовъ. Знаменитый кавалеръ Д'Огардъ, малтійскій кавалеръ (см. въ арх. малтійскаго ордена, г. 1801-й, 16-е Марта, Высоч. повелѣніе, которымъ, въ уваженіе тридцатилѣтней службы статскаго совѣтника и кавалера Д'Огарды, обращается ему въ пансіонъ годовое его жалованье двѣ тысячи четыреста рублей, которое онъ получалъ во время пребыванія своего въ Мальтѣ, въ званіи министра), а вмѣстѣ и іезуитъ, называетъ выдумкою всю распрю Петербургскихъ іезуитовъ съ прихожанами, и особеннымъ письмомъ къ Имп. Александру требуетъ отъ него продолженія покровительства іезуитамъ, какое оказывала имъ Екатерина II (См. внутреннюю переписку іезуитовъ, № 218-й); тамъ же № 231-й, записка о учрежденіи католической миссіи въ Петербургѣ и о причинахъ бывшаго несогласія между католическимъ причтамъ (?) и іезуитами.

ра,—все это какъ нельзя болѣе способствовало іезуитамъ регламентировать новое постановленіе о латинской церкви въ Россіи совершенно въ свою пользу и сильный ущербъ власти митрополита и епархіальныхъ архіереевъ вообще. Хотя самъ сенатъ, какъ пишетъ Сестренцевичъ, которому поднесена была записка вмѣстѣ съ докладомъ комитета, нашелъ ее ничтожною по содержанію, и въ докладѣ объ ней Государю выразился такъ: что приличнѣе не кому быть первенствующимъ въ коллегіи, какъ митрополиту Сестренцевичу, и что власть его весьма ограничена ([1]), однакоже комитетскій докладъ, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ Бышковскаго или іезуитской партіи, принятъ былъ сенатомъ безусловно и въ такомъ видѣ утвержденъ Государемъ, и существенная польза, по выраженію митрополита ([2]), какая новымъ уставомъ 1801-го г. произведена въ исправленіи прежнихъ, въ 1800-мъ г. сочиненныхъ Бениславскимъ, пунктовъ, не простерлась далѣе того: «1-е, что зависимость монаховъ отъ епархіальныхъ архіереевъ осталась сомнительною и всякое даже предоставленное власти архіерейской взысканіе съ монастырей сдѣлалось неудобнымъ къ исполненію; 2-е, что, вмѣсто того, чтобъ назначить по указу 1797-го г. опредѣленіе въ духовную коллегію непремѣнныхъ отъ короны членовъ, по одной половинѣ изъ свѣтскихъ, а по другой изъ духовныхъ, устоялъ выборъ, какъ по пунктамъ 1800-го г. назначено изъ каждой епархіи чрезъ 3 года, дабы Бениславскому и Бышковскому тѣмъ удобнѣе было помѣщать туть единомысленныхъ себѣ и подпирать монашескіе институты, и 3-е, что двое сихъ духовныхъ получили большіе противъ другихъ оклады

([1]) Тамъ же.
([2]) Тамъ же.

жалованья на счетъ убавки онаго у бѣдныхъ канцелярскихъ служителей (¹)». Новое постановленіе о латинской церкви предоставляло монашескимъ орденамъ самоуправленіе независимое отъ вліянія епархіальныхъ архіереевъ, и начальники монастырей, равно какъ и монастыри, имѣли только формальное или номинальное отношеніе к епархіальнымъ архіереямъ; архіереи обязаны были доносить коллегіи о всякомъ, свѣдѣнія достойномъ, происшествіи въ монастыряхъ, находящихся въ ихъ епархіяхъ, о выборѣ монашескихъ начальниковъ и управителей, о состояніи монастырей, монашествующихъ и живущихъ въ нихъ, объ имѣніяхъ и капиталахъ монастырскихъ, долгахъ, заведеніяхъ, но не имѣли права вмѣшиваться во внутреннее управленіе монастырей, какъ то: избраніе монастырскихъ начальниковъ, провинціаловъ, хозяйственныя распоряженія, монастырскую дисциплину, поведеніе монаховъ и т. п. Еще новымъ постановленіемъ возлагалось на архіереевъ быть посредствующимъ органомъ между монастырями и коллегіей и передавать послѣдней то, что донесутъ имъ монастырскіе начальники или монастыри (²). Неудивительно, послѣ этого, что Сестренцевичъ, явившись въ Петербургъ и ознакомившись съ новымъ положеніемъ о латинской церкви въ Россіи, потерялъ большую долю своей веселости и энергіи и долженъ былъ признать себя во многомъ побѣжденнымъ іезуитскою партіею. Правительство, по своему образу дѣйствій, обнаружило и здѣсь полумѣры, колебаніе на ту и

(¹) См. вышеприведенное дѣло «Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія....»

(²) Собр. Зак. № 20,053, 1801-го г. Ноября 13-го, о возстановленіи духовнаго и церковнаго правительства Римско-Католическаго закона въ Россіи; такъ же Wiadomości niektóre do dziejów kościoła katolickiego w Polsko-Rossyjskich Prowinciach, Ustęp 7. Стр. 40—44.

другую сторону, стремленіе удовлетворить той и другой сторонѣ, но сдѣлало только половину дѣла, исполнило только половину желаній той и другой, оставило ту и другую сторону въ какомъ то недоумѣніи, лишало ихъ рѣшимости и смѣлости въ будущихъ ихъ дѣйствіяхъ, но въ то же время не примиряло ихъ между собою и не поставляло ихъ внѣ возможности схватываться между собою при всякомъ случаѣ, какой, по соображеніямъ ихъ, представится удобнѣйшимъ имъ для борьбы. Положеніе митрополита въ коллегіи было также парализировано новымъ уставомъ и давало много простора дѣйствіямъ партіи противной ему. Сестренцевичь очень ясно все это понималъ, а потому на всей его дѣятельности теперь началъ отражаться отпечатокъ нерѣшительности, уступчивости, даже заискиванія предъ іезуитами, особенно предъ Груберомъ, котораго онъ сталъ приглашать даже на обѣды къ себѣ, совѣтоваться съ нимъ по епархіальнымъ своимъ дѣламъ [1]. Вѣроятно, по вліянію этой же іезуитской партіи, онъ обнаружилъ ультрамонтанскую ревность въ пропагандѣ латинства между греко-унитами и сдѣлалъ такое распоряженіе по своей епархіи, которое содѣйствовало къ переходу въ латинство болѣе ста тысячъ уніатовъ [2].

Для іезуитовъ исходъ дѣла Сестренцевича немогъ также остаться безъ нѣкоторыхъ послѣдствій и неотозваться на ихъ дѣйствіяхъ. Іезуиты чувствовали себя полупобѣжденными, недостигшими всего того, что имѣлось у нихъ на умѣ. Живое участіе, принятое Беклешовымъ въ Сестренцевичѣ, веденіе дѣла митрополита Беклешовымъ въ комитетѣ, самый исходъ этого дѣла, неблагопріятный для іезуи-

(1) Zbior Wiadomości.... Отдѣленіе VIII.

(2) Тамъ же.

товъ и вполнѣ обязанный Беклешову, безуспѣшность въ этомъ дѣлѣ множества іезуитскихъ интригъ, разбитыхъ Беклешовымъ и представленныхъ Государю въ ихъ разоблаченномъ видѣ, были пораженіемъ для іезуитовъ и отбивали сильно у нихъ охоту къ другимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ выходкамъ. Чутье говорило имъ, что правительство познакомилось изъ дѣла Сестренцевича съ такими подробностями объ ихъ институтѣ и дѣйствіяхъ его, о которыхъ, лучше бы было для іезуитовъ, еслибо оно незнало, и которыя неотразимо повліяли на рѣшеніе дѣла Сестренцевича въ такомъ видѣ, а не въ другомъ, столь желательномъ для іезуитовъ. Этимъ много отнималось силы и отваги у іезуитскаго общества.

Дѣло Масклѐ, въ которомъ приняли участіе и нѣкоторые изъ синдиковъ церкви св. Екатерины, подвернулось тутъ также весьма некстати и роняло іезуитовъ въ глазахъ правительства. Дѣло это показывало, какъ безцеремонно, нагло, безъ всякаго уваженія къ достоинству человѣческому, даже безъ всякаго состраданія къ людямъ, іезуиты способны были поступать съ тѣми, которые стояли на дорогѣ имъ и мѣшали ихъ планамъ и намѣреніямъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1800-го года, пишетъ Маскле къ графу Воронцову, «Его Императорское Величество Императоръ Павелъ І-ый благоволилъ, для улучшенія моей участи, наименовать меня капелляномъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, съ жалованьемъ 600 рублей. Я пользовался этими двумя мѣстами (Маскле былъ и приходскимъ священникомъ при церкви св. Екатерины до завладѣнія ею іезуитами) три съ половиною мѣсяца. Въ мѣсяцѣ Октябрѣ того же года я вдругъ очутился лишеннымъ моего прихода и почти изгнаннымъ изъ церкви, и принужденъ былъ бѣжать во дворецъ св. Іоанна, гдѣ я оставался въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ одинъ,

въ заключеніи, боясь даже показываться людямъ, чтобы меня не сослали куда нибудь дальше, какъ мнѣ и угрожали. Въ чемъ состояло мое преступленіе, Господинъ графъ, я незнаю. Я былъ увлеченъ паденіемъ другихъ; но если тутъ есть что нибудь истиннаго, такъ это то, что я подвергнутъ наказанію, потому что я лишенъ,—и позволю себѣ сказать, къ сожалѣнію всего моего прихода, моей бенефиціи; я немогу получить ни малѣйшаго удовлетворенія, не смотря на повелѣніе Его Величества, и въ продолженіи 6 мѣсяцевъ принужденъ довольствоваться на всѣ мои издержки 50 рублями въ мѣсяцъ, получаемыми мною отъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго (¹)».

Дѣло Масклѐ тѣсно связано было съ протестомъ вообще синдиковъ католической церкви противъ завладѣнія ею іезуитами. Хотя іезуиты, благодаря образовавшемуся раз-

(¹) En 1800 au mois de Juin Sa Majestè Imperiale l'Empereur Paul I-er, писалъ Масклѐ къ графу Воронцову, a daigné, pour ameliorer mon sort, me nommer chapelain de l'ordre de St. Jean de Jérusalem avec 600 roubles d'appointemens. J'ai joui de ces deux places trois mois et demi. Au mois d'Octobre de la même année je me suis vû tout - à coup privé de ma cure et presque chassé de l'église, et alors je me suis refugié au palais de St. Jean, où je suis resté seul 4 mois, enfermé, sans oser paraître dans la crainte d'être renvoyé plus loin, comme j'en étais menacé. Quel fut mon crime, Monsiers le Comte, je l'ignore. J'ai été entrainé par la chûte des autrês; mais ce qu'il y a de vrai, c'est que j'ai subi la punition, puisque j'ai été privé de mon benefice, et j'oserai même dire, au regrêt de toute ma communautè; je n'ai pû obtenir la moindre indemnité, quoiqu'elle été ordonnée par Sa Majesté, et depuis six mois je suis réduit à fournir à toutes mes dépenses, avec 50 roubles par mois que je reçois de l'ordre de St. Jean de Jérusalem (см. въ арх. М. И. Д. Глав. Арх. № 11 — 19, г. 1801-й, № 2-й, «объ опредѣленіи аббата Масклѐ къ Римско-Католической церкви въ С.-Петербургѣ, и тутъ же прошеніе синдиковъ Кат. церкви Кюлѐ, Граби и другихъ къ графу Воронцову, чтобы вмѣсто іезуитовъ возстановлены были въ должностяхъ приходскихъ священниковъ при означенной церкви прежніе священники).

дѣленію между синдиками церкви св. Екатерины, а главнымъ образомъ, благодаря вліянію синдика Пирлинга, богатаго купца, торговавшаго тогда въ такъ называемыхъ нюренбергскихъ лавкахъ, находившихся въ домѣ католической церкви, тайнаго іезуита [1] и дѣйствовавшаго въ пользу ихъ всѣми средствами и на всѣхъ административныхъ людей александровской эпохи, успѣли оставить за собою все хозяйственное управленіе церковію и безграничное и почти безконтрольное распоряженіе ея доходами [2],

(1) Настоятель теперешней русской іезуитской общины въ Парижѣ сынъ этого Пирлинга, онъ находился мальчикомъ при своемъ отцѣ въ эпоху пребыванія іезуитовъ въ Петербургѣ и получилъ воспитаніе въ ихъ пансіонѣ. Воспитаніе это, какъ видно, принесло добрые плоды. Наши русскіе іезуиты: Гагаринъ, Мартыновъ, Балабинъ и другіе имѣютъ въ Парижѣ достойнаго настоятеля и отчасти земляка. Пирлингъ былъ самымъ гостепріимнымъ прихожаниномъ и угощалъ іезуитовъ самыми вкусными обѣдами, точно также, какъ одинъ изъ ихъ прихожанъ, содержавшій кафересторанъ въ домѣ католической церкви, послѣ урочнаго времени, въ которое должна закрываться кофейня, принималъ туда почти все іезуитское общество, жившее при церкви, и здѣсь іезуиты сами по своему вкусу приготовляли себѣ свой любимый и привилегированный ихъ ордена напитокъ. Пребыванія іезуитовъ на угощеніяхъ у Пирлинга и содержателя кафересторана не имѣли въ себѣ ничего аскетическаго: жирныя кушанія, вино въ разнообразныхъ видахъ, присутствіе женщинъ, у которыхъ лице давно разсталось съ краскою цѣломудрія, а особенно жены содержателя кафересторана, разговоры о новостяхъ дня, о семейныхъ скандалахъ, но отнюдь не о небѣ и спасеніи души, да еще о нѣкоторыхъ русскихъ овечкахъ, загнанныхъ уже іезуитами въ спасительную латинскую овчарню, или еще приготовляемыхъ къ тому при помощи ихъ апостольской ревности,—были главной и почти исключительною принадлежностію такихъ угощеній. Это разсказъ ученика іезуитовъ, бывшаго очевидцемъ всего этого. У самаго Пирлинга три сына вступили въ іезуитское общество (см. Внутр. переписку іезуитовъ, № 262).

(2) Что предписаніе о томъ, чтобы іезуиты давали ежегодно отчетъ въ употребленіи церковныхъ доходовъ избраннымъ отъ католическаго общества членамъ, въ безкорыстіи и въ усердіи къ пользѣ церкви испытан-

а такъ же исключительное право отправленія Богослуженія при ней, но открывшіяся злоупотребленія іезуитовъ въ управленіи церковію, распоряженіи доходами ея и дома при ней, страшная нерадивость въ отправленіи церковныхъ требъ, выставленныя противною іезуитамъ партіей синдиковъ съ поразительною яркостію, — все это обрисовыва-

нымъ, въ самый почти моментъ своего появленія должно было обратиться въ пустую только формальность и оставить іезуитовъ безконтрольными распорядителями всѣхъ церковныхъ доходовъ,—это всего лучше открылось изъ слѣдующаго факта: когда римско-католическая коллегія, посылая означенный указъ Груберу и генералу іезуитскому Кару, включила такое отъ себя распоряженіе, впрочемъ основывающееся на указѣ и регламентѣ 1769 года, для католической церкви изданномъ, что, такъ какъ департаменту котолическому небезъизвѣстно, что срокъ выбраннымъ синдикамъ уже миновалъ, то и предписать ему, ректору (Груберу), чтобы отобралъ отъ общества свѣдѣніе, когда оное для избранія вновь синдиковъ можетъ собраться, и донесъ бы о томъ департаменту, дабы, на основаніи помянутаго Высочайшаго регламента главы V-й могъ департаментъ назначить какъ день къ выбору, такъ и командировать члена, такъ какъ за силою упомянутаго Высочайшаго указа іезуты членамъ должны отдавать ежегодно отчетъ, то члены коллегіи изъ іезуитовъ протестовали противъ включенія въ указѣ словъ о выборѣ синдиковъ и обязанности іезуитовъ отдавать ежегодно синдикамъ отчетъ въ употребленіи церковныхъ капиталовъ, а также противъ того распоряженія департамента, чтобы патеръ Груберъ доставилъ въ департаментъ Высочайшій указъ, по силѣ котораго іезуиты введены были въ здѣшнюю (С.-Петербургскую) католическую церковь. Это были вице-президентъ департамента или коллегіи Бышковскій, членъ коллегіи, каноникъ Супинскій и самъ прокуроръ Скржендзевскій. Послѣдній взошелъ съ формальнымъ предложеніемъ въ коллегію, чтобы пунктъ, ссылающійся на V-й гл. Высоч. регламента касательно выбора синдиковъ и командированія члена отъ коллегіи при выборѣ синдиковъ, былъ исключенъ изъ указа коллегіи (см. въ арх. Кат. кол. дѣло 1801 г., по указу прав. сената объ оставленіи іезуитовъ въ С.-Петербургѣ при церкви св. Екатерины при отправленіи Богослуженія и проч.). Дѣло было ведено такъ, что іезуиты дѣйствительно остались безконтрольными распорядителями всего имущества церковнаго и всѣхъ доходовъ.

ло іезуитовъ въ глазахъ правительства съ весьма невыгодной стороны, заставляло его смотрѣть на нихъ подозрительно, сдерживало его въ его благодушіи къ нимъ, давало ему случай припоминать ему кое что изъ прошедшаго іезуитовъ и даже сводить счеты съ ними по нѣкоторымъ старымъ дѣламъ, гдѣ приходилось іезуитамъ терпѣть порядочные недочеты и оставаться въ проигрышѣ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время, такъ что правительство, дѣлая уступки имъ въ одномъ, лишало ихъ привиллегій въ другомъ, и уступка далеко невознаграждала лишенія или потери. Такъ было въ дѣлѣ спорномъ у іезуитовъ съ синдиками о церкви. Правительство, оставляя іезуитовъ при полномъ управленіи доходами церкви и такъ же отправленіи Богослуженія при ней, вдругъ какъ будто ни съ того, ни съ сего, и совершенно невзначай обраниваетъ такія многознаменательныя и весьма непріятныя для іезуитскаго уха слова: «впрочемъ оставляя орденъ іезуитскій какъ при отправленіи Богослуженія въ церкви св. Екатерины, такъ и при существующемъ въ Полоцкѣ новиціатѣ, дозволяемъ ему умножать свои заведенія токмо въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, далѣе же распространять неиначе, какъ по предварительномъ о томъ донесеніи и полученіи нашего разрѣшенія: почему и имѣнія поіезуитскаго во владѣніе ордена не отдавать, равнымъ образомъ невводя іезуитовъ въ Виленскій университетъ, оставить оный на прежнемъ основаніи и въ нынѣшнемъ благоустроенномъ его положеніи (1)». Вопросъ о обнародованіи папскаго бревѐ о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи такъ же не двигался впередъ, благодаря тѣмъ фактамъ, которые сдѣлались извѣстны правительству въ это время и которые заставляли его быть не въ такой мѣрѣ

(1) См. Собр. Зак., 1801-й г: Мая 11, № 19, 865.

щедродательнымъ къ ордену Лойолы, какъ хотѣлось членамъ этого общества (¹).

Ходатайство папы о формальномъ возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи едвали не оказало іезуитамъ больше вреда, чѣмъ пользы. У нашего правительства образовались, помимо его намѣренія, какія-то странныя отношенія къ римскому двору: мы хотѣли жить съ нимъ дружно, но должны были поссориться съ нимъ чуть не въ первые дни царствованія Александра I-го, а потомъ съ весьма немногими перерывами почти постоянно возникали у насъ

(¹) Какъ напр. фактъ о крещеніи іезуитами двухъ еврейскихъ мальчиковъ посредствомъ обольщенія или насилія (см. собр. зак. 1801-й г., Августъ, № 19.987-й, о подтвержденіи всѣмъ монастырямъ и властямъ, чтобъ непривлекали соблазнительными мѣрами иновѣрныхъ къ своей вѣрѣ) и многіе другіе.

Въ дополненіе къ примѣчанію (¹) приводимъ разсказъ П. П. Липранди, обучавшагося, подобно многимъ нашимъ баричамъ, у іезуитовъ Петербургскихъ. Меня, говорилъ онъ мнѣ, соблазнялъ въ католицизмъ патеръ Бонна или Бони, извѣстный бонвиванъ и пьянчужка, проводившій всѣ вечера у сардинца Гидели, имѣвшаго шоколадную въ домѣ католической церкви, на невскомъ проспектѣ,—личности весьма темной и сомнительнаго поведенія, едвали неторговавшаго своею красавицею женою, и бывшаго въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ графомъ де-Местромъ, своимъ землякомъ. Гидели самъ былъ старикъ, а жена его была молода и очень красива. Шоколадная была полна посѣтителей, по большей части приходившихъ не столько для того, чтобъ пить шоколадъ, а чтобы куртизанить съ женою Гидели. Здѣсь была самая пестрая масса посѣтителей, слышались разговоры почти на всѣхъ языкахъ Европы, здѣсь можно было наслушаться всякихъ новостей со всѣхъ концовъ свѣта. Ночью, когда шоколадная была заперта для посѣтителей, являлись сюда іезуиты, какъ они выражались, для макаронъ, т. е. будто бы ѣсть макароны, а собственно для попоекъ, ночныхъ оргій и для собранія всѣхъ новостей дня. Шоколадная Гидели служила въ рукахъ іезуитовъ однимъ изъ средствъ для распространенія римской пропаганды въ Петербургѣ и западнею для уловленія или неопытныхъ, или развратныхъ, или преданныхъ чувственнымъ удовольствіямъ, въ сѣти латинства, а также очень полезнымъ учрежденіемъ для шпіонства.

съ нимъ недоразумѣнія. Оказалось, что всѣ государства, а въ числѣ ихъ и папское, были хороши къ намъ только тогда, когда мы жертвовали своими государственными интересами, своею честію и достоинствомъ въ пользу ихъ, а лишь только мы растворяли уста о выгодахъ Россіи, о сохраненіи нашей чести, тогда эти друзья тотчасъ снимали свою овечью шкуру и являлись настоящими волками по отношенію къ намъ. Римскій дворъ не уступалъ прочимъ въ вѣроломствѣ относительно насъ, если еще не превосходилъ ихъ въ этомъ, и даже предварилъ ихъ въ этомъ и обнаружилъ прежде всѣхъ свою неблагодарность къ русскому правительству времени Александра I-го. Столкновеніе произошло у насъ съ римскимъ дворомъ по дѣламъ Малтійскаго ордена. Хотя Императоръ Александръ, по восшествіи Своемъ на престолъ, отказался отъ званія гросмейстера Малтійскаго ордена и приказалъ взять хранившіяся въ брилліянтовой комнатѣ зимняго дворца регаліи Мальтійскаго гросмейстера: золотую корону, съ золотымъ череномъ обоюдоострый кинжалъ или ножъ; и перевезти ихъ въ домъ капитула ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго [1], но Онъ не отказался отъ званія покровителя этому ордену, принялъ живое участіе въ его судьбахъ, для охраненія достоинства и чести

[1] Въ гофъ-фурьерскомъ журналѣ это событіе описывается такъ: 1801-го г. 7-го Мая около 8-ми часовъ вечера, по волѣ Его Императорскаго Величества, взяты находившіяся до сего въ зимнемъ дворцѣ, въ комнатѣ вещей брилліантовыхъ, Малтійскаго гросмейстера регаліи (золотая корона и съ золотымъ череномъ кинжалъ или ножъ не малой величины, съ остріемъ на обѣ стороны) и перевезены господами оберъ-церемоніймейстеромъ и церемоніймейстеромъ въ дворцовой цугомъ каретѣ въ домъ капитула ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, которыя изъ означенной компаты, при помянутыхъ чинахъ, въ подъѣздъ до кареты, на бархатной малиновой подушкѣ съ золотымъ гасомъ и кистями, двора Его Величества двумя гофъ-фурьерами были вынесены.

Своего родителя, а также для поддержанія достоинства и значенія собственно Своей короны и власти (1).

«Желая изъявить державному ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго, писалъ Александръ, знакъ Нашего доброжелательства и особеннаго благоволенія, объявляемъ, что Мы принимаемъ оный подъ Наше Императорское покровительство, и что употребимъ все стараніе Наше къ сохраненію его правъ, почестей, преимуществъ и принадлежностей. Въ семъ намѣреніи повелѣваемъ Мы нашему генералъ-фельдмаршалу Бальи графу Николаю Салтыкову продолжать исправлять званіе поручика великаго магистра и сопряженную съ онымъ власть,—созвать священный совѣтъ для объявленія оному, что по Нашему соизволенію сія Императорская столица имѣетъ быть почитаема главнымъ мѣстомъ державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго впредь до того времени, пока обстоятельства не позволятъ дать ему великаго магистра сообразно статутамъ и древнимъ его постановленіямъ.

До того же, яко протекторъ, повелѣваемъ священному совѣту продолжать управлять орденомъ и извѣстить отъ Нашего имени всѣ языки и пріорства о семъ соизволеніи Нашемъ, такъ же пригласить оныя для собственной ихъ пользы повиноваться повелѣніямъ, которыя издаваемы будутъ отъ сего совѣта.

Утверждая чрезъ сіе объявленіе два великія пріорства Наши, Россійское и Католическое, установленныя въ Имперіи Нашей, съ тѣмъ, дабы оныя пользовались всѣми

(1) См. въ арх. малтійскаго ордена № 55-й, г. 1801-й, Declaration de Sa Majesté Imperiale L'Empereur Alexandre I-er, en date 16 Mars, изъ которой видно, что Александръ предписалъ графу Салтыкову продолжать исправленіе должности поручика (лейтенанта) или намѣстника великаго магистра и управлять орденомъ.

*

принадлежностями, преимуществами и управленіемъ, которыя имъ были пожалованы, соизволяемъ Мы, чтобы оныя отъ имени Нашего въ качествѣ протектора управляемы были порутчикомъ великаго магистерства Нашимъ генералъ-фельдмаршаломъ Бальи графомъ Николаемъ Салтыковымъ.

Какъ скоро съ согласія прочихъ дворовъ можно будетъ назначить мѣсто и средства къ созыву генеральнаго капитула державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, то первый подвигъ Нашего покровительства будетъ содѣйствіе къ избранію великаго магистра достойнаго предводительствовать орденомъ и возстановить оный въ древнее его состояніе» ([1]).

Изъ этого видно, что Александръ I-й не былъ такъ равнодушенъ къ судьбамъ малтійскаго ордена, какъ обыкновенно думаютъ, но напротивъ принималъ живое участіе въ немъ. Происходило ли это отъ политическаго соперничества съ Наполеономъ, было ли это дѣйствіе политическаго честолюбія, хотѣвшаго въ первый разъ заявить Европѣ свое значеніе и свое вліяніе, или это была со стороны юнаго монарха первая проба себя въ политическихъ дѣлахъ Европы, но проба такая, которая бы показывала *ex unque leonem*, только во всякомъ случаѣ Александръ весьма глубоко вмѣшался въ дѣла Малтійскаго ордена. Но здѣсь-то пришлось Александру испытать неудачу или сопротивленіе его видамъ, тѣмъ болѣе оскорблявшія Его честолюбіе, что эта оппозиція явилась не со стороны могущественнаго государя, а со стороны слабаго, трепетавшаго взора Наполеона, униженнаго и доведеннаго до состоянія простаго епископа Рима,

([1]) См. въ арх. малтійскаго ордена «Declaration de Sa Majesté L'Empereur Alexandre I-er, en date du 16 Mars 1801.

папы Пія VII,—явилась со стороны человѣка, такъ недавно пресмыкавшагося предъ Павломъ I-мъ и такъ заискивавшаго у преемника его и такъ безстыдно неблагодарнаго... По повелѣнію Александра, собравшійся въ Петербургѣ священный совѣтъ ордена Іоанна Іерусалимскаго составилъ опредѣленіе, которое потомъ разослано было во всѣ пріорства этого ордена, такого содержанія, чтобы: 1-е, всѣ провинціальные капитулы изъ всѣхъ языковъ или народовъ объявили чрезъ подачу голосовъ (балотировкою), кого они съ своей стороны почитаютъ достойнымъ занять мѣсто или званіе великаго магистра, и имена этихъ кандидатовъ прислали въ Петербургъ въ священный совѣтъ ордена, съ тою цѣлію, чтобы изъ такихъ частныхъ пріорскихъ показаній можно было составить общій списокъ кандидатовъ на должность великаго магистра; 2-е, чтобы списокъ этотъ предложенъ былъ священному совѣту, а тотъ въ свою очередь представитъ его папѣ, съ такимъ прошеніемъ, чтобы онъ, какъ глава римской церкви и начальникъ всѣхъ духовныхъ орденовъ, изъ числа представленныхъ ему пріорствами кандидатовъ избралъ одного, коему и предоставлено будетъ великое магистерство, но съ тѣмъ условіемъ, что отъ этого не произойдетъ въ будущее время никакого нарушенія и никакого ущерба правамъ и преимуществамъ ордена. Сверхъ того, священный союзъ будетъ просить первосвященника латинской церкви, чтобы онъ извѣстилъ всѣ католическія націи о такомъ избраніи великаго магистра письменно, въ формѣ бреве, и приказалъ бы всѣмъ кавалерамъ ордена оказывать повиновеніе такимъ образомъ избранному великому магистру. Поэтому всѣ пріоры обязаны возбуждать и увѣщавать провинціальные капитулы, подчиненные имъ, чтобъ они объявили прямо и точно, согласны ли они на такой способъ избранія вели-

каго магистра и на такой образъ представленія кандидатовъ на эту должность. Для этой цѣли священный союзъ обращаетъ вниманіе великихъ пріоровъ на то, чтобъ они тщательно старались, сколько станетъ ихъ силъ и благоразумія въ такомъ положеніи вещей, недопускать вторгаться въ провинціальныя капитулы пристрастію и гнуснѣйшей язвѣ партій, но чтобы въ число кандидатовъ вносились только тѣ, которые дѣйствительно представляются способными къ должности магистра и которыхъ качества душевныя такъ извѣстны, что можно надѣяться, что орденъ совершенно возстановленъ будетъ ими въ прежнихъ своихъ уставахъ и дисциплинѣ ([1]).

Въ тоже время собраны были въ Петербургѣ генеральные капитулы пріорствъ ордена русскаго и русско-католическаго, подъ предсѣдательствомъ священнаго совѣта ордена, для балотированія кандидатовъ на званіе великаго магистра. Результатъ балотировки оказался въ пользу Бальи Іоанна Батиста Томаси, именно: 23 голоса избирательныхъ изъ числа 33 голосовъ, а другіе кандидаты получили весьма малое число голосовъ сравнительно съ Томаси: 2—Пигнателли, 5—Фляхсляндеңъ, 3—Мануилъ Горжао. Кромѣ этихъ лицъ, балотированы были еще Коллоредо, Пфуртъ-Блюмбергъ, Пинто, но они не получили ни одного избирательнаго шара. Русское правительство сильно домогалось дать званіе магистра Томаси, и всячески старалось недопустить къ этой должности Фляхсляндена, стараго генерала галеръ малтійскаго ордена, пользовавшагося особеннымъ располо-

([1]) См. въ архивѣ малтійскаго ордена Decretum Sacri Consilii ordinis S-ti Joannis Hierosolimitani, контрассигнованный намѣстникомъ великаго магистра, графомъ Салтыковымъ, и великимъ канцлеромъ ордена, княземъ Куракинымъ.

женіемъ Франціи, близко знакомаго Наполеону и, кажется, участвовавшаго въ предательской сдачѣ ему Мальты. Князь Куракинъ послалъ довольно рѣзкій выговоръ герцогу Беррійскому за то, что капитулъ іерусалимскихъ кавалеровъ ордена, пребывавшихъ въ Лондонѣ, избралъ Фляхсляндена въ кандидаты на должность великаго магистра ордена (1). Въ свои виды касательно кандидатуры великаго

(1) См. въ архивѣ малтійскаго ордена chapitre des chevaliers Commandeurs de l'ordre de St. Jean de Jérusalem d'Angleterre, 19-го Mars 1802 an, гдѣ помѣщено письмо герцога Беррійскаго къ князю Куракину, извѣщающее его о томъ, что капитулъ кавалеровъ ордена Іоанна Іерусалимскаго въ Англіи, въ собраніи своемъ, состоявшемъ изъ трехъ лицъ: Делятуръ-Кентэна, Гужона и Фитцъ-Жама, избралъ въ кандидаты на великую магистратуру Фляхсляндена. Куракинъ на это письмо отвѣчалъ герцогу, что не слѣдовало собирать капитула изъ малтійскихъ кавалеровъ Англіи по причинѣ малаго числа находящихся тамъ членовъ ордена; что тѣмъ менѣе благоразумно было объявлять объ этомъ въ газетахъ и оглашать для публики. Герцогъ Беррійскій въ письмѣ своемъ къ Куракину всячески старался извинить свой поступокъ. Онъ доказывалъ Куракину, что онъ не зналъ и не могъ опредѣлить, потеряли ли право избранія въ настоящее время кавалеры малтійскаго ордена, живущіе подъ теперешнимъ правленіемъ Франціи, и что онъ имѣлъ основаніе предполагать, что въ числѣ ихъ не мало находится такихъ, которые принадлежатъ къ его пріорству. По такимъ то побужденіямъ и въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы отвѣчать намѣреніямъ священнаго совѣта ордена Іоанна Іерусалимскаго, онъ созвалъ свой провинціальный капитулъ. Что касается до того, что я употребилъ газеты для оповѣщенія кавалеровъ ордена о будущемъ капитулѣ, то я сначала раздѣлялъ, пишетъ герцогъ Куракину, съ вами ту мысль, что благоразумнѣе бы было неприбѣгать въ этомъ случаѣ къ помощи журналовъ, ни къ какому либо другому гласному способу, но не было никакой возможности избѣжать этого пути. Въ заключеніе своего письма герцогъ отказывается отъ лица его капитула отъ сдѣланнаго имъ выбора кандидата, такъ какъ число членовъ его пріорства не имѣетъ надлежащаго числа дла образованія капитула и по этой причинѣ присоединяетъ свой частный голосъ къ голосу священнаго совѣта ордена (см. архивъ малтійскаго ордена, chapitre

магистра русское правительство старалось вовлечь и другіе европейскіе дворы, какъ то: Англію, Германію, Италію и другіе. Чѣмъ живѣе мы принимали къ своему сердцу дѣло объ избраніи кандидата на должность великаго магистра ордена, тѣмъ чувствительнѣе казались удары, наносимые нашему самолюбію какою бы то ни было оппозиціей и антагонизмомъ. Самымъ сильнымъ противникомъ намъ въ этомъ дѣлѣ явился Наполеонъ, возбужденная имъ и настроенная Испанія, и сжатый имъ въ тиски и поставленный въ жалкое положеніе папа Пій VII. Послѣдній оскорблялъ наше правительство не столько прямымъ своимъ сопротивленіемъ, сколько своимъ малодушіемъ, колебаніемъ, своею неблагодарностію, смѣсью низости и дерзости, малодушія и притязательности. Боясь прямо объявить себя въ пользу того или другаго кандидата на великое магистерство ордена, папа еще увеличилъ свое затрудненіе и усложнилъ свое положеніе, а также еще болѣе вооружилъ противъ себя русское правительство, возбужденіемъ вопроса, давно уже рѣшеннаго и перешедшаго въ область совершившихся фактовъ, именно: законно ли было, или незаконно, принятіе Павломъ I-мъ на себя званія великаго магистра ордена Іоанна Іерусалимскаго, такъ какъ онъ былъ не католикъ, а православный, а по статуту ордена великій гросмейстеръ непремѣнно долженъ принадлежать къ латинской церкви? Отсюда возникалъ рядъ другихъ вопросовъ, какъ то: о законности всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя были сдѣланы Павломъ I-мъ въ качествѣ великаго магистра, а слѣдовательно о законности существованія учрежденныхъ Павломъ орденскихъ пріорствъ въ Россіи: русскаго, русско-като-

19 Mars 1802, и тамъ переписку герцога Беррійскаго съ княземъ Куракинымъ), т. е. избираетъ Томаси, а не Фляхсляндена.

лическаго, слѣдовательно о законности самаго священнаго совѣта ордена, находящагося въ Россіи и предлагающаго папѣ кандидатовъ на званіе великаго магистра и дѣйствующаго какъ бы отъ лица самого магистра, или по крайней мѣрѣ въ качествѣ самаго главнаго и высшаго правительственнаго учрежденія ордена. Мало того: папа еще непризналъ торжественно отреченія Гомпеша отъ званія великаго магистра ордена, или колебался признать его совершенно лишеннымъ этой должности, и давалъ ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, въ мѣстечкѣ Фермо, хотя извинялъ такія свои дѣйствія предъ нашимъ правительствомъ уваженіемъ своимъ къ мадритскому двору, который будтобы особенно покровительствуетъ Гомпешу и дозволилъ ему пріѣхать въ Испанію, и угожденіемъ вѣнскому двору, который защищаетъ его, прислалъ его въ папскія владѣнія, не спрося папскаго согласія, и выдалъ ему отъ себя деньги на проѣздъ въ Испанію [1]. Русское правительство поставлено бы было въ самое неловкое и оскорбительное для его достоинства положеніе, еслибы папа не призналъ Павла І-го великимъ магистромъ малтійскаго ордена и объявилъ недѣйствительными всѣ сдѣланныя русскимъ императоромъ распоряженія. Намъ нехотѣлось

[1] См. въ арх. Мин. Ин. Дѣлъ картонъ «Rome», г. 1801-й, № 4-й, шифрованную депешу нашего посланника въ Римѣ Лизакевича, гдѣ папа, между прочимъ, оправдывается предъ нашимъ посланникомъ тѣмъ, что Гомпешъ поселился въ Фермо противъ его воли и безъ его дозволенія. Какъ основательно было это оправданіе, открывается изъ послѣдующихъ отношеній папы къ Гомпешу, изъ которыхъ открывается вся двуличневость поведенія папы и его колебаніе въ дѣлѣ малтійскаго ордена (см. Rome, г. 1802-й, депеши нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при римскомъ дворѣ Кассини къ министру иностранныхъ дѣлъ подъ №№ 31-мъ и 39-мъ).

также видѣть въ этомъ дѣлѣ перевѣсъ Наполеона и дать свободный ходъ его преобладанію, тѣмъ болѣе, что у насъ уже стали накапливаться весьма горючіе матеріалы для вражды съ нимъ. Мы боялись потерпѣть неудачу на первыхъ нашихъ шагахъ въ европейской политикѣ и притомъ въ дѣлѣ такъ мало политическомъ и европейскомъ.

Мы съ какою-то судорожною дѣятельностію принялись за дѣло малтійскаго ордена и съ какимъ-то безпокойнымъ нетерпѣніемъ старались покончить его въ нашихъ видахъ и планахъ. Мы дѣйствовали на папу съ двухъ сторонъ, хотѣли расположить его къ рѣшенію этого дѣла въ нашихъ интересахъ двумя путями—обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ. Недовольствуясь прямымъ и положительнымъ наставленіемъ, даннымъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Римѣ, Графу Кассини, касательно малтійскаго ордена, гдѣ всѣ вопросы поставлены были самымъ категорическимъ образомъ (1); признавая какъ бы недостаточными

(1) См. въ арх. Мин. Ин. Дѣлъ картонъ «Rome», г. 1802-й, №№ 1 и 2-й, Resevits au Cassini, гдѣ русское правительство, послѣ увѣренія своего папы въ томъ, что оно будетъ поддерживать свѣтскую и духовную власть папы, а такъ же покровительствовать русскимъ подданнымъ изъ католиковъ, но съ тѣмъ только, чтобъ они не позволяли себѣ права преобладанія надъ господствующею вѣрою, прямо переходитъ къ вопросу о дѣлахъ малтійскаго ордена и Александръ отъ своего лица говоритъ такъ: «Un autre objet qui est ègalement du ressort de l'autorité Spirituelle du pape, et auquel je suis interessé, c'est tout ce qui concerne l'ordre de S-t Jean de Jérusalem dans les circonstances où se trouve actuellement cet ordre militaire et religieux.

Feu l'Empereur en a été réconnu Grand-Maître; a son decés je me suis empressé de lui accorder ma protection, qui a preservé cet ordre de n'être pas tombé dans un total aneantissement. Engagé par là et par les bienfaits que lui a accordée la munificence de Feu l'Empereur à continuer de lui donner des marques d'interêt et de cette même protection, et voulant d'un autre côté terminer la part àctive que je prends à tout ce qui le con-

въ этомъ дѣлѣ усилія одного лица, обыкновеннаго повѣреннаго нашего, или обыкновеннаго политическаго агента,

cerne, comme étranger aux interêts de mon Empire, j'ai prescrit au Conseil resté en activité de s'occuper des moyens les plus prompts comme les plus adoptables dans les conjonctures actuelles aux anciens usages de l'ordre, pour faire proceder à l'élection d'un grand-maître Capitulaire, et en qui se trouve réuni tout ce qui est préscrit par les anciennes institutions de l'ordre. J'ai eu la déference pour le Souverain pontife de lui attribuer le choix de celui des Candidats qui lui seront presentés par le Conseil de l'ordre d'aprés les élections des differens grands Prieurés, qu'il croira le plus digne d'être élevé à cette place. Lorsque d'un autre côté mes bons offices ont contribué aussi efficacement à faire restituer à l'ordre l'ixle de Malthe, c'est avoir fait tout ce qui pouvait dépendre de Moi pour le retablir dans son ancienne existence.

Ces mesures bienfaisantes seront surement appreciées par le S-t père, et j'ai tout bien de croire qu'il s'empressera d'y concourir par Son adhesion comme chef spirituel de l'ordre; mais comme par suite de la vacance du S-t Siège et des autres troubles qui ont agité l'Italie dans ces derniers temps, il n'a pas été possible de recouvrir á Son autorité spirituelle, pour avoir la confirmation de tous les arrangemens qui ont été pris tant ici que dans les autres prieurés, il est à desirer qu'il donne cette sanction par les bulles d'usage dont la prèrogative lui est reservée dens les transactions qui régardent la religion catholique.

Cette bulle doit confirmer, ratifier et sanctionner: 1-e, la fondation du grand prieuré Russe-catholique, établi par la convention du $^{4}/_{15}$ Janvier 1797; 2-e, abdication du grand maître Hompesch faite entre les mains de feu l'Empereur, par sa lettre du 6 Juillet 1799; 3-e, tous les actes en general émanés ici par l'Empereur Paul I-er jusqu'à la création et l'installation du nouveau grand maître ainsi que toutes les dispositions faites relativement aux prieurés qui se sont réunis à la Russie, et notamment la fondation du grand prieuré de Baviere et la convention preliminaire avec la Cour de Naples; 4-e, il est également necessaire que le S-t pére s'engage à donner sans aucun frais les brefs particuliers qui lui seront demandés en consequence des actes et des dispositions ci-dessus énoncés. Il rèsulte trop d'avantages pour l'ordre de ces dispositions qui ont toutes eu pour objet de le sauver de l'aneantissement dont il ètait menacé et de réparer les pertes qu'il avait éprouvées, pour que je ne doive pas m'attendre qu le S-t pére montrera autant de bonne volonté que de zèle á les confirmere et à concourir par là au retablissement de cet ordre.

мы послали въ Римъ еще чрезвычайнаго, такъ сказать, посланника, возложивъ на него специальную обязанность—убѣдить и расположить римскую курію принять и утвердить все то, что имѣетъ въ виду русское правительство касательно ордена. Лице, избранное для этой цѣли, отличалось всѣми необходимыми для такой миссіи качествами,—это былъ Берни, архіепископъ Альбійскій, викарій великаго Омонье при церкви великаго пріорства русско-католическаго ([1]). Берни участвовалъ самымъ дѣятельнымъ образомъ въ избраніи двухъ папъ—Климента XIV и Пія VI-го, зналъ лично всѣхъ почти кардиналовъ Пія VII-го, всесторонне знакомъ былъ со всѣми тайнами римскаго двора, глубоко изучилъ всѣ его дурныя стороны, а еще болѣе свойства самаго папы и его государственнаго секретаря,—умъ проницательный и тонкій, вполнѣ придворный въ совершенномъ значеніи этого слова, слѣдившій за всѣми событіями въ мірѣ и знавшій весь міръ ([2]); вотъ какого человѣка избра-

([1]) См. въ арх. малт. ордена, г. 1800—1810, Nomination de l'archevêque d'Alby à la place de vicaire du grand Aumônier et des abbés Masclat et de Cezâris à la place d'aumônier: «Нашему Священному Совѣту»

Всемилостивѣйше пожаловавъ архіепископа Альбійскаго де-Берниса викаріемъ великаго Омонье при церкви великаго пріорства Россійско-Католическаго, да при сей же церкви священниками аббатовъ Масклета и Чезари, повелѣваемъ производить ежегодно первому по двѣ тысячи рублей, послѣднимъ же двумъ по шести сотъ рублей каждому изъ доходовъ державнаго ордена.

Павелъ.

Павловскъ,
Іюня 10-го дня
1800-го года.

([2]) Вотъ какъ отзывается о Берни авторъ дипломатической исторіи конклавовъ Петручелли: «De Bernis a beaucoup d'esprit, beaucoup de pénetration, sagacité fine, jugement solide, pensée elevée, manières fort courtoises, et avec cela généreux et moderé. Il connâit tout le monde. Il fut

ло русское правительство для переговоровъ съ римскими дворами по дѣламъ Малтійскаго ордена! Берни дана была особенная инструкція, чего онъ категорически долженъ былъ требовать отъ Пія VII-го. Чтобы требованіе это было полновѣснѣе, то Берни приказано было дѣйствовать вмѣстѣ съ нашимъ повѣреннымъ въ Римѣ графомъ Кассини, которому даны были такъ же положительныя и ясныя инструкціи касательно Малтійскаго дѣла ([1]). Требованія эти своди-

l'âme du dernier pontificat. De Bernis, habile et gracieux, séduisait et faisait avaler, sans trop de murmures, les remontrances des quatre cours alliées (Histoire diplomatique des Conclaves par Petruccelli della Gattina, 4 Volume, 1866, pag. 191 et 213).

([1]) См. въ арх. Мин. Ин. Дѣлъ картонъ «Rome», г. 1802-й, № 3-й, Projet d'un depêche du vice-Chancellier prince de Kourakin au Comte Cassini chargé d'affaires de Sa Majesté Imperiale à la Cour de Rome, гдѣ между прочимъ говорится:» Quoique Sa Majesté Imperiale ait jugé ainsi dans sa sagesse, ne pas devoir prendre une part aussi active que feu l'Empereur à ce qui peut desormais avoir rapport à l'ordre de St. Jean de Jérusalem et qu'Elle l'ait envisagé comme trop étranger aux interets de Son Empire, Elle n'en a pas moins reconnu la necessité de pourvoir aux moyens de consolider tout ce qui a été fait en sa faveur dans Son Empire et de contribuer par Sa protection à lui donner une existence solide et conforme à son ancienne institution. C'est dans cette vue que Sa Majesté Imperiale a jugé à propos de préscrire au Conseil de l'ordre, qui était resté en activité sous Sa protection, de faire connaître à tous les grands prieurés Son désir qu'on s'occupat dans le plus court delais de l'élection d'un grand maître, en observant autant que les circonstances pourraient le permettre toutes les formalités puisées dans les anciens usages et les institutions de l'ordre qui puissent donner une legalité suffisante à cette élection. Les grands prieurés d'Allemagne, de Bohème, de Bavière et des deux Siciles se sont empressés de suivre cette direction, la seule praticable dans les circonstances. Reconnaissant qu'ils ne peuvent devoir qu'á la protection de l'Empereur leurreintégration dans leur droit et le retablissement de l'ordre, ils n'ont pu que temoigner à Sa Majesté Imperiale combien ils étaient sensibles à l'interet qu'Elle voulait bien lui accorder dans cette occasion et nous avons tout lieu de croire que les grands prieurés d'Espagne et de

лись на два пункта: 1) избраніе великаго магистра мальтійскаго ордена, и 2) санкцію всѣхъ актовъ, совершившихся современи основанія пребыванія этого ордена въ Россіи. Касательно перваго пункта положено было, чтобы папа самъ избралъ великаго магистра изъ числа представленныхъ ему кандидатовъ. Не стѣсняя, повидимому, папу въ выборѣ кандидатовъ, на званіе великаго магистра ордена, русское правительство тѣмъ не менѣе давало разумѣть папѣ чрезъ Берни, чтобы этотъ выборъ палъ на человѣка вполнѣ достойнаго этой высокой должности, и тутъ же подсказывало напр. на Бальи Томаси, какъ получившаго большинство голосовъ при балотировкѣ въ двухъ русскихъ пріорствахъ и какъ человѣка по репутаціи добродѣтельнаго, честнаго и вполнѣ достойнаго этого важнаго мѣста. Берни вмѣстѣ съ Кассини должны были употребить всѣ усилія, чтобы расположить папу и его государственнаго секретаря въ пользу Томаси ([1]). Что же относится до втораго пункта, то архіепископъ Альбійскій вмѣстѣ съ Кассини долженъ былъ представить государственному секретарю папы, что въ этомъ случаѣ папа долженъ немедленно утвердить всѣ акты и всѣ перемѣны, происшедшіе и совершившіеся въ

Portugal se reuniront à cette mesure salutaire, seule capable de sauver l'ordre et qu'ils ne sentiront pas moins, que ceux d'Allemagne et de Sicile, le prix de cette auguste protection.

([1]) См. въ арх. малт. орд. подъ № 53-мъ, an 1802, Août 9, Permission accordée a Mgr d'Alby de pouvoir rétirer ses appointemens en Son absance dans les pays étrangers. «Sans s'attacher à recommander personellement aucun de ces candidats, en laissant à sa sainteté liberté entiére sur son choix, on ne peut s'empêcher, прибавлялось въ инструкціи Берни, de desirer qu'il tombe sur un dignitaire dont le merite soit bien reconnu, tel, par exemple, que le bailli Tommasi, qui a obtenu la majorité des suffrages des deux prieurés de Russie d'aprés la réputation d'homme vertueux, intègre et vraiment digne de cette place eminente».

орденѣ во время гросмейстерства Павла I-го и безъ всякихъ оговорокъ и околичностей признать Павла гросмейстеромъ малтійскаго ордена, и недожидаться тутъ согласія и мнѣнія испанскихъ пріорствъ, какъ будтобы необходимыхъ, по мнѣнію папы, для того, чтобы онъ могъ дать свою санкцію на гросмейстерство Павла, а съ точки зрѣнія русскаго правительства вовсе ненужныхъ и могущихъ только замедлить ходъ дѣла и умножить затрудненія (1). Наконецъ необходимо настоять, такъ предписывалось Берни, чтобы папа безъ всякой проволочки, для доказательства своихъ первыхъ искреннихъ и почтительныхъ отношеній къ русскому двору, призналъ добровольное отреченіе барона Гомпеша отъ гросмейстерства; что онъ столько разъ обѣщалъ, предлагалъ и никогда неисполнялъ (2). На эти главные предметы, такъ заключалась инструкція, данная Берни, должно быть обращено вниманіе альбійскаго архіепископа.

Несмотря на все искусство нашихъ двухъ повѣренныхъ, дѣло малтійскаго ордена двигалось не только медленно, но даже папа рѣшительно отказывался признать Павла I-го гросмейстеромъ ордена, а слѣдовательно утвердить всѣ распоряженія, сдѣланныя въ орденѣ Павломъ въ качествѣ великаго магистра этого учрежденія (3). Нашъ дворъ былъ

(1) Тамъ же. Sur le second point, une observation essentielle à presenter au Cardinal secretaire d'État, qu'il est inutile d'attendre les suffrages des prieuré, Espagnols et le serait vouloir multiplier les lenteurs et les difficultés.

(2) Тамъ же. Il est essentiel d'insister que pour premiére marque de sincerité et d'égards envers la cour de Russie, le pape procède sans delai à la reconnaissance de l'abdication volontaire du baron de Hompesch, reconnaissance tant de fois offerte, promise et jamais effectuée.

(3) См. въ арх. Мин. Ин. Дѣлъ картонъ «Rome», № 6, Кассини извѣщаетъ наше правительство, что la Cour de Rome se montre peu disposé à

изумленъ этимъ неожиданнымъ упорствомъ папы. Пій VII придумывалъ разные предлоги къ такому отказу, то выставлялъ опасеніе оскорбить этимъ признаніемъ Наполеона, то ссылался на амьенскій трактатъ, будтобы непозволяющій ему признать Павла великимъ магистромъ ордена (1), то находилъ препятствіе къ тому въ томъ, что Павелъ не былъ латинскаго исповѣданія (2). Нашъ дворъ былъ сильно раздраженъ такимъ поступкомъ папы и прибѣгъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ это время римскій дворъ весьма занятъ былъ всегдашнею своею любимою мыслію— имѣть при русскомъ дворѣ своего нунція и изъ всѣхъ силъ хлопоталъ объ этомъ. Наше правительство воспользовалось этимъ обстоятельствомъ и схватилось за него, какъ обыкновенно говорятъ, обѣими руками. Вопросъ о принятіи нунція поставленъ былъ въ полную зависимость отъ способа рѣшенія папою дѣла о гросмейстерствѣ Павла; Кассини приказано было дать знать папѣ, что если онъ не дастъ санкціи полной и рѣшительной всѣмъ актамъ, совершившимся въ гросмейстерство Павла I-го, и не признаетъ его великимъ магистромъ малтійскаго ордена, то русское правительство никакъ не допуститъ къ себѣ папскаго посланника и не согласится никоимъ образомъ имѣть при дворѣ своемъ представителя папы (3).

reconnaître la validité de tous les actes de la grande-maîtrise de feu l'Empereur, aussi bien que celui que l'a proclamé grand maître de l'ordre de St. Jean de Jérusalem, et j'ai de la peine à concevoir, comment le St. père se porterait à donner sa Sanction partielle à ceux de ces actes, qui ne sont qu'une emanation et l'effet de la reconnaissance de l'Empereur Paul I-er en qualité de grand-maître.

(1) Тамъ же, тотъ же №, а такъ же № 18-й.

(2) Тамъ же и тѣже № №.

(3) Тамъ же № 7-й. «Si le St. père, приказано было Кассини объявить римскому двору, n'est point determiné à donner Sa Sanction pure et simple

Мало того: папѣ стали угрожать если не совершеннымъ разрывомъ всякихъ политическихъ отношеній между имъ и русскимъ дворомъ, то опасными послѣдствіями, которыя могутъ произойти отъ упорства его (1). Русская дипломатія поставила папу въ тиски и онъ волей и неволей долженъ былъ согласиться на требованіе наше: папа узако-

à tous ces actes, т. е. признанія Павла I-го за великаго магистра малтійскаго ордена, sans aucune réserve, ni exception quelconque, et jusque là que cette sanction ne soit effectuée à la satisfaction de Sa Majesté Imperiale, Elle n'admettra point à sa Cour l'ambassadeur de sa Sainteté; cette admission devait être une suite de cette marque d'une juste deference de la part de la Cour de Rome pour ce qui lui est demandé au nom de l'Empereur.

Toutes contestations et controverses sur cet objet seraient desormais superflues et deplacées. Je ne m'arréterai pas d'avantage à rélever les contradictions qui résultent de l'incertitude des résolutions du St. pére, lorsqu'il vient reconnaitre la validité de certains actes, tels que l'erection du grand prieuré de Bavière et cetera et cetera... faite par les soins et sous la sanction du feu l'Empereur comme grand maître de l'ordre, tandis que ces actes seraient nuls dans leur essence, si on conteste un instant qu'il ait pu exercer legitimement les fonctions du Magistère.

Je ne puis donc que Vous répeter, monsieur, ce que je Vous ai deja preservé dans ma précedente depêche, de ne Vous écarter en rien du sens le plus stricte de Vos instructions. Si la cour de Rome n' a point voulu apprecier la pureté, le desinteressement et la bienfaisance des intentions de l'Empereur, qui avaient toutes pour unique objet le retablissement de l'ordre de St. Jean suivant son ancienne institution; si pour son propre interet même elle ne montre pas autant d'empressement à les seconder, qu' elle y met jusqu'ici d'obstacles, elle aura à s'imputer à elle-même les suites qui en résulteront infailliblement pour son autorité spirituelle sur cet ordre religieux. Les reflexions que je vous ai transmises, monsieur, à la fin de la depêche ostensible, que Vous avez été chargé de remettre au ministère du S-t pére, auraient deja du appeller son alteration sur les suites possibles de sa resistance, et il eût été facile de pressentir que dans ce cas et pour ce qui concerne l'Empereur, il reste à Sa Majesté Imperiale des moyens qui ne dependent que de sa puissance de prendre à l'égard de l'ordre de St. Jean dans les États en partie aussi conforme à sa dignité qu'aux intérêts de son Empire.

(1) Тамъ же и тотъ же №.

нилъ и утвердилъ все, совершившееся въ малтійскомъ орденѣ со времени гросмейстерства Павла I-го, и призналъ его великимъ магистромъ ордена (¹). Удовлетворивши этому требованію Россіи, Пій VII считалъ себя въ правѣ на полученіе благодарности Россіи, а потому дѣло объ учрежденіи римской нунціатуры въ Россіи почиталъ уже поконченнымъ и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія къ назначенію лица для этой миссіи и отправленію его въ Сѣверную столицу. Но здѣсь получилъ онъ неожиданный отказъ, поразившій его, какъ выражается Кассини (²), подобно гро-

(¹) La mort de Paul I-er n'avait pas fait cesser l'embarras et la position critique du saint-siège, говоритъ Консальви въ своихъ запискахъ. Son successeur Alexandre ne prit pas le même gout à l'affaire de Malte. Il ne tenait pas à la grande maîtrise de l'ordre, et il ne voulut même pas en porter les insignes; mais il cherchait à sauvegarder sa dignité et l'honneur de sa couronne. Or, arguer de nullité les actes de Paul I-er et nier qu'il fût grand maître de Malte, c'ètait blesser cette même dignité. Ainsi donc, sans se preoccuper de ce titre, la cour de Russie, par l'intermédiaire d'un consul, se mit à diriger les affaires de l'ordre et specialement l'election du nouveau grand maître. On se proposait de combiner, apres cette cérémonie, un moyen pour regulariser les actes de Paul I-er. Quand il s'agit de l'élection, la cour de Russie ordonna que tous les prieurs de l'ordre designeraient un nombre de candidats au magistère, proportionné à l'importance et à la qualité de chacun des prieurés. Aprés avoir rempli ces intentions, les candidats devaient être presentés au pape par la cour de Russie, afin que le saint-siége pût choisir pour grand maître celui qu'il jugerait le plus digne. Le pape prit connaissance de tout cela. En égard aux circonstances, il passa outre sur le mode de la présentation. De son autorité privé il légalisa ce qui n'était pas conforme aux statuts de l'ordre, statuts qu'il était impossible d'observer, puisque la situation de l'île de Malte ne le permettait pas». (Mémoires du Cardinal Consalvi, sécretaire d'État du pape Pie VII, avec une introduction et des notes par S. Cretineau-Joly, tom. II, pag. 9—10).

(²) См. въ арх. М. Ин. Д. картонъ «Rome», г. 1801 № 15—16, депешу Кассини слѣд. содержанія: «La foudre n'aurait pu frapper plus vivement ce ministère, que l'ont fait mes conseils et mes insinuations personnelles

мовому удару. Папа считалъ себя уже расквитавшимся съ Россіей, послѣ того, какъ онъ согласился признать законными всѣ перемѣны, происшедшія въ малтійскомъ орденѣ въ эпоху гросмейстерства Павла I-го, но не такъ смотрѣлъ на это русскій дворъ, почитавшій себя въ правѣ требовать отъ папы, какъ законнаго долга, утвержденія Томаси въ званіи великаго магистра малтійскаго ордена. Къ несчастію, выполненіе этого послѣдняго условія было если невыше силъ папы, то всячески ставило его въ самое затруднительное и опасное положеніе; вопросъ объ избраніи гросмейстера малтійскаго ордена ставилъ папу между двухъ перекрестныхъ огней, дѣлалъ его безвыходно врагомъ одной изъ державъ,—или Россіи, или Франціи. Та и другая изъ этихъ державъ оспаривали другъ у друга первенство въ политическихъ дѣлахъ Европы и соперничествовали между собою во вліяніи на судьбу Европы; та и другая преслѣдовали различные интересы. Одна старалась препятствовать осуществленію плановъ другой; одна поставляла преграды проектамъ другой. Кромѣ того, Франція имѣла на Мальту свои особенные тайные виды, направленные прямо противъ Англіи и Россіи. Для Наполеона поэтому весьма важно было рѣшеніе вопроса о малтійскомъ гросмейстерѣ согласно съ его видами на этотъ островъ. Главною мыслію его при этомъ было удаленіе отъ избранія въ гросмейстеры лицъ, находившихся въ сношеніяхъ съ русскимъ дворомъ. Наше правительство, съ своей стороны, никакъ не хотѣло видѣть гросмейстеромъ лицо, имѣющее какое-либо отношеніе къ

pour tacher de le detourner de cet projet (т. е. отправленія въ Петербургъ папскаго нунція), et je puis avoir l'honneur d'assurer Votre Majesté Imperiale qu'il m'a été aisé de lire dans le fond de son coeur l'impression douloureuse et poignante que cet annonce venait de lui causer.

*

Наполеону, а напротивъ желало имѣть на этой должности человѣка, преданнаго Россіи и соотвѣтствующаго ея видамъ. Легко представить себѣ, послѣ этого, то затруднительное положеніе, въ которое поставленъ былъ папа такимъ стеченіемъ обстоятельствъ. Онъ охотно бы отказался отъ чести избранія гросмейстера, сопряженной съ такими опасностями для него, еслибы не удерживалъ его отъ этого стыдъ показать этимъ отказомъ свою слабость и трусость. Наконецъ римская курія нашла средство выдти изъ затруднительнаго положенія—такъ по крайней мѣрѣ думала она,—она рѣшилась не удовлетворять желаній ни Россіи, ни Франціи, и такимъ образомъ, съ своей точки зрѣнія, не оскорбить ни той, ни другой стороны. Такой путь для исхода изъ опаснаго положенія указало папѣ римское пріорство малтійскаго ордена, избравшее кандидатомъ на гросмейстерство бальи Русполи, изъ княжеской фамиліи и подданнаго папы ([1]). Чтобы не возбудить такимъ своимъ поступкомъ неудовольствія въ русскомъ правительствѣ, чтобы какъ нибудь и чѣмъ нибудь прикрыть свой отказъ, папа имѣлъ безстыдство увѣрять наше правительство, что назначеніемъ Русполи въ гросмейстеры онъ хотѣлъ дать новый залогъ своего почитанія къ священной особѣ русскаго Императора ([2]). Наше правительство давало видъ, что оно вѣ-

([1]) Консальви говоритъ о Русполи, какъ о человѣкѣ въ высшей степени честномъ, истинно достойномъ тѣхъ похвалъ, которыми онъ пользуется (Mémoires du Cardinal Consalvi, t. II, pag. 309—310). Кассини описываетъ Русполи такъ: новоизбранный великій магистръ имѣетъ отъ 49 до 50 лѣтъ; онъ уменъ, твердъ и способенъ, но, какъ говорили мнѣ, немного горячъ, впрочемъ съ годами, съ заботами, трудами и занятіями по орденскимъ дѣламъ, эти недостатки сами собою исчезнутъ (См. Rome, депеша Кассини подъ № 15-мъ).

([2]) См. въ арх. М. Ин. Д. «Rome» г.1801-й, № 15—16: Папа говорилъ

ритъ словамъ папы (1) и принимаетъ съ удовольствіемъ назначеніе Русполи, а въ тоже время приказало Кассини дать знать папскому правительству, сначала неоффиціально, а потомъ и прямо формально, что русскій дворъ неохотно принимаетъ предложеніе папы объ учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ и желаетъ, чтобы отправленіе папскаго посланника въ Россію было отсрочено на неопредѣленное время (2). Напрасно находившійся въ Петербургѣ папскій повѣренный Бенвенутти

Кассини, что онъ empressé de donner à Sa Majesté Imperiale un nouveau gage de sa veneration pour sa personne sacrée.

(1) Тамъ же № 10-й, Папа собственноручнымъ письмомъ извѣстилъ Императора Александра объ избраніи Русполи въ гросмейстеры малтійскаго ордена. На письмо папы приказано было Кассини отвѣчать римскому двору, что наше правительство съ удовольствіемъ принимаетъ назначеніе Русполи гросмейстеромъ ордена.

(2) Тамъ же № 9-й. «Independemment des motifs, писалъ Министръ Ин. Дѣлъ Кассини, qui vous sont connus, monsieur, du peu dispositions que l'Empereur a temoigné de reçevoir içi l'ambassadeur du St. pére, Sa Majesté Imperiale par d'autres considérations encore désire que l'envoi de cet ambassadeur puisse être suspendu et remis à un autre temps. Comme il devient nécessaire que cette intention de l'Empereur soit connue de la cour de Rome, sans cependant que cette opposition puisse avoir un caractère trop marqué de desobligence, j'ai reçu l'ordre de vous charger, monsieur, de l'annoncer au Cardinal secretaire d'État, en termes géneraux, mais trés polis et qui ne puissent pas faire supposer aucune rupture des liaisons qui subsistent, mais seulement le peu d'utilité dont serait dans ce moment la residence içi d'un ministre de ce rang. Sans que vous ayez à révenir à cette occasion, sur les sujets qui peuvent y determiner l'Empereur, cette cour saura bien elle même s'y conformer, pour continuer à se concilier encore d'avantage par là les dispositions favorables de Sa Majesté Imperiale et qui ayant été toujours entretenues de la manière la plus satisfaisante par l'abbé Benvenutti, chargé d'affaires du S-t. siège ici, pourraient fort bien continuer à être l'objet de ses soins exclusifs. En vous acquittant de cette manière de l'ordre que vous reçevez, vous donnerez l'assurance de tous les égards, que l'Empereur aura toujours pour sa Sainteté dans toute autre circonstance, où Sa Majesté Imperiale ne sera pas genée de les lui temoigner par des considerations de la nature de celles-çi.

возобновлялъ свои просьбы и домогательства касательно принятія нунція въ Россіи; русское правительство на всѣ ходатайства Бенвенутти отвѣчало положительнымъ отказомъ, говоря, что такого рода миссіи допускаются обыкновенно только при католическихъ дворахъ, гдѣ требуютъ присутствія нунціевъ дѣла римской церкви, но положеніе Россіи въ этомъ отношеніи совершенно различно отъ католическихъ государствъ, потому что въ Россіи римско-католическое исповѣданіе находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя ([1]). Мщеніе папѣ со стороны нашего правительства только еще начиналось; мы, какъ бы подражая ему, отыскивали съ каждымъ днемъ новыя препятствія къ принятію папскаго посланника, постоянно держали его между страхомъ и надеждою, сегодня отнимали у него то, что обѣщали ему вчера, завтра опять давали ему то, что отняли сегодня.

Даже въ то самое время, когда папа сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи Ареццо изъ Вѣны въ Петербургъ въ качествѣ нунція при русскомъ дворѣ, вдругъ объявлено было Консальви, государственному секретарю папы, что лучше бы не посылать Ареццо въ Петербургъ, не только въ качествѣ нунція, но и обыкновеннаго посланника. Консальви былъ уничтоженъ такимъ объявленіемъ, а папа чуть не заплакалъ и сталъ умолять Кассини, чтобы тотъ съ своей стороны употребилъ всѣ зависящія отъ него средства—избавить его отъ позора, которому подвергается онъ теперь по милости русскаго правительства въ глазахъ цѣлой Европы, тѣмъ болѣе, что Ареццо уже выѣхалъ изъ Вѣны и находится теперь на полдорогѣ къ Петербургу. Кассини, снабженный напередъ инструкціями и полномо-

([1]) Тамъ же № 10-й.

чіемъ отъ нашего правительства, какъ бы изъ состраданія къ папѣ, предложилъ такой единственно возможный будто бы въ подобныхъ обстоятельствахъ исходъ дѣла—обратить обыкновенное и постоянное посланничество Ареццо въ чрезвычайное и временное, такъ чтобы срокъ пребыванія Ареццо при петербургскомъ дворѣ совершенно зависѣлъ отъ воли русскаго правительства, и чтобы это посольство могло быть уничтожено во всякое время, когда вздумается нашему правительству ([1]). Папа хорошо понималъ, что русское правительство этимъ хочетъ наложить на него такую узду, на которой будетъ водить его, какъ будетъ угодно Россіи, и посредствомъ этого будетъ постоянно держать надъ головою его дамокловъ мечь, но, для избѣжанія стыда и униженія предъ цѣлою Европою, согла-

([1]) См.: въ арх. М. Ин. Д. «Rome», № 15—16. Папа, по словамъ Кассини, говорилъ, что онъ не можетъ остановить отправленія Ареццо въ Петербургъ, когда это стало извѣстно всей Европѣ и когда Ареццо находится на полдорогѣ въ Петербургъ; что это было бы самымъ оскорбительнымъ униженіемъ для папы. Далѣе въ депешѣ подъ № 39-мъ Кассини такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на папу и Консальви объявленіемъ объ отказѣ русскаго правительства принять папскаго посланника: «Il m'a annoncé (т. е. Консальви) que sur le rapport qu' il avait fait au S-t père du sujet qu'a fait l'objet de notre conference de l'avant veille, le S-t père avait manqué d'en mourir de douleur; qu'il me priait de répresenter en son nom à Sa Majesté L'Empereur et à votre altesse tout le poignant de sa position; la delicatesse qu'exigeait de lui S-t père, la démarche à laquelle je le conseillais, et que son respect pour la personne de Sa Majesté Imperiale, et les égards qu'il lui doit en face de l'Europe en tière, lui defendaient d'adherer; l'humiliation à laquelle le reduirait ce rappel; les desavantages qui ne manqueraient d'en resulter au S-t siège; le blâme general qu'il s'exposerait; son désir, enfin, de lui faire rétracer par son ambassadeur pres d'Elle ses sentimens de reconnaissance pour les interêts generaux qu'Elle daigne prendre à Sa personne et à la prosperité de ses États, tout lui conseillait de reclamer du coeur magnanime de Sa Majesté Imperiale l'admission de cet ambassadeur.

сился на то, чтобы посольство Ареццо было чрезвычайное и временное. Русское правительство вполнѣ торжествовало надъ папою; оно заручилось теперь сильнымъ оружіемъ противъ папы не только въ дѣлѣ малтійскаго ордена, но и въ другихъ, Оно почло себя обязаннымъ воздать должную дань благодарности своему повѣренному въ дѣлахъ Рима Кассини за то, что онъ далъ мысль нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прибѣгнуть къ такому образу дѣйствій въ отношеніи римскаго двора [1].

Между тѣмъ почти помимо намѣреній римскаго двора дѣла малтійскаго ордена устроились такъ, какъ желало того русское правительство. Новоизбранный гросмейстеръ находился не въ предѣлахъ папскихъ владѣній, а былъ въ Америкѣ, откуда, по слухамъ, возвратился въ Англію, но никто не могъ опредѣлить, въ какомъ именно пунктѣ того государства находится Русполи—въ Ирландіи, или Шотландіи, или въ другомъ какомъ мѣстѣ. Папа отправилъ къ новому гросмейстеру чрезвычайнаго курьера, въ сопровожденіи командора Бюзи, родственника Русполи. Папскій курьеръ и Бюзи должны были ѣхать въ Англію чрезъ Парижъ, гдѣ должны были прямо адресоваться къ Талейрану и получить отъ него необходимые для путешествія паспорты; папскій легатъ при французскомъ правительствѣ, кардиналъ Капрара, долженъ былъ представить ихъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ и ходатайствовать или

(1) Тамъ же, г. 1803-й № 1-й, Projet de lettre du chancellier à m-r Cassini. Канцлеръ въ такихъ выраженіяхъ благодаритъ Кассини: par l'insinuation que vous avez faite dans votre conference avec le Cardinal sécretaire d'État, d'exprimer dans les lettres de créance, dont l'ambassadeur, qui vient ici, sera muni, la qualitè d'ambassadeur extraordinaire, ce qui fera que son sejour ici ne sera pas long, vous avez non seulement rempli, mais même prévenu les intentions de Sa Majesté Imperiale.

хлопотать предъ французскимъ правительствомъ о выдачѣ имъ паспортовъ. Талейранъ обѣщалъ Капрарѣ, что онъ безъ всякой проволочки выдастъ паспорты какъ папскому курьеру, такъ и командору Бюзи, для путешествія ихъ въ Англію. Но когда Капрара явился къ первому консулу въ Сенъ-Клу и объявилъ ему о прибытіи папскаго курьера и о назначеніи Русполи гросмейстеромъ малтійскаго ордена, а также объ отправленіи папою къ Русполи этого курьера и командора Бюзи съ извѣщеніемъ о назначеніи его въ должность гросмейстера, то Наполеонъ принялъ это извѣстіе съ совершеннымъ равнодушіемъ, не показывая ни радости, ни недовольства, и даже сначала не сказалъ ни одного слова по этому случаю, и потомъ уже спустя нѣсколько минутъ сказалъ Капрарѣ, что онъ отъ его министра иностранныхъ дѣлъ узнаетъ его мысли касательно этого предмета. Дѣйствительно въ тотъ же день Тальеранъ пригласилъ къ себѣ Капрару и объявилъ ему, что первый консулъ не соизволяетъ на отправленіе въ Лондонъ ни папскаго курьера, ни командора Бюзи, и что они оба должны остаться въ Парижѣ, а что Капрара пусть напишетъ простое письмо Русполи, въ которомъ извѣститъ его о назначеніи его гросмейстеромъ, и тутъ же отъ себя сдѣлаетъ такую приписку, что онъ приглашаетъ его пріѣхать въ Парижъ и представиться первому консулу, который желаетъ познакомиться съ нимъ, а что касается до отправленія его въ Мальту, то первый консулъ положительно не позволяетъ ему это иначе сдѣлать, какъ сѣдши на корабль въ Тулонѣ, гдѣ онъ найдетъ одинъ или нѣсколько кораблей, назначенныхъ собственно для этой цѣли, точно также не позволяетъ ему ѣхать въ Римъ благодарить папу за свое назначеніе, или отправиться въ Мальту какимъ нибудь другимъ путемъ. Капрара исполнилъ приказаніе Наполеона: онъ написалъ Русполи письмо имен-

но въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ продиктовалъ ему министръ перваго консула. Письмо Капрары Тальеранъ отправилъ съ своимъ курьеромъ на имя нѣкоего господина Оштъ, которому приказано было отыскать Русполи, гдѣ бы онъ ни находился,—въ Ирландіи, или Шотландіи, и передать ему письмо Кардинала Капрары. Цѣль такихъ дѣйствій Наполеона не трудно было отгадать; ее хорошо понялъ и самъ Русполи, который наотрѣзъ отказался отъ предложенной ему чести. Первому консулу хотѣлось познакомиться съ гросмейстеромъ малтійскаго ордена, чтобы вывѣдать его мысли, потомъ посвятить его въ свои виды и намѣренія, расположить его къ исполненію ихъ частію обѣщаніями, частію подарками, а не то и угрозами. Въ мысли Наполеона, чтобы Русполи изъ Тулона отправился въ Мальту, а не отъ какого либо другаго пункта въ Европѣ, скрывалась такая цѣль, что первый консулъ даетъ малтійскому ордену великаго магистра, а не Англія, которая, перевозкою Русполи на своихъ корабляхъ могла бы, кромѣ того, воспользоваться для увеличенія своихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ, а таже для усиленія своей партіи въ Мальтѣ. Въ нежеланіи Наполеона, чтобы новоизбранный гросмейстеръ ѣхалъ въ Римъ, скрывалась та мысль, чтобы не дать королю Неаполитанскому сдѣлаться обладателемъ Мальты и вмѣшаться въ дѣла этого острова, что легко бы могло случиться, если бы Русполи, возвращаясь изъ Рима въ Мальту, сѣлъ бы на корабль въ какомъ нибудь неаполитанскомъ портѣ (1). Русполи никакъ не хотѣлъ сдѣлаться игрушкой

(1) Rome, № 39-й. «Que le but du premier Consul de faire la connaissance du nouveau grand maître a pour objet d'explorer sa façon de penser; de tacher de le ranger dans ses vues par des promesses, des largesses, ou des menaces; que son idée de vouloir qu'il s'embarque à Toulon a le double

Наполеона, а потому несмотря на всѣ убѣжденія, угрозы папы, не смотря на всѣ представленія командора Бюзи, несмотря на всѣ переговоры, длившіеся нѣсколько времени между имъ и Бюзи, положительно отказался отъ высокаго своего назначенія (¹). Даже собственноручное письмо папы, исполненное то кроткихъ обѣщаній и просьбъ, то угрозъ и укоризнъ (²), не могло поколебать его рѣшимости. Такое направленіе дѣлъ малтійскаго ордена снова ставило папу въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ только что вышелъ, давало поводъ къ разнымъ домогательствамъ и интригамъ, снова возбуждало соперничество европейскихъ правительствъ и игру страстей.

Первымъ результатомъ такого неопредѣленнаго состоянія ордена было то, что король испанскій вздумалъ образовать у себя особое или отдѣльное гросмейстерство малтійскаго ордена и самаго себя провозгласилъ великимъ магистромъ его (³). Затѣмъ Франція снова начала интриговать противъ

but de se procurer à lui la gloire apparente d'avoir donné le grand maître à l'ordre de Malte et d'ôter cette même gloire aux Anglais, qui par le transport de ce souverain augmenteront leur forces navalles dans la Mediterranée ainsi que leur partie à Malte; que l'idée de ne vouloir qu'il vienne à Rome tient à ce que, comme pour se transporter ensuite à Malte, il ne pourrait guère éviter de s'embarquer dans quelque port du royaume de Naples, le premier Consul ne croit pas convenable à ses intérêts de mettre Sa Majesté Sicilienne suzeraine de Malte, dans le cas de s'être immiscée dans cette affaire.

(¹) Тамъ же, № 49. Кассини совѣтовалъ папѣ силою принудить Русполи къ принятію гросмейстерства.

(²) Тамъ же, № 60. Папа угрожалъ Русполи лишеніемъ бенефицій, въ случаѣ отказа.

(³) Тамъ же, № 21. Кассини извѣщалъ нашъ дворъ, что испанскій король объявилъ себя гросмейстеромъ малтійскаго ордена in temporalibus en separant les deux langues Espagnoles de leur chef ordre. Папа протестовалъ противъ этого.

Россіи и выставляла то новыхъ своихъ кандидатовъ на гросмейстерство, какъ то: пріора Капрару и пріора баварскаго Пфурда-Блимберга ([1]), то требовала новаго созванія пріоровъ для балотированія новыхъ кандидатовъ.

Нашъ повѣренный въ Римѣ всячески долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы папа не допускалъ новой балотировки кандидатовъ на малтійское гросмейстерство, а равно не избиралъ въ эту должность кандидатовъ, назначаемыхъ Наполеономъ ([2]), а домогаться, чтобы избранъ былъ Томаси. Дѣйствительно Кассини успѣлъ уговорить папу,—и Томаси утвержденъ былъ въ должности великаго магистра. Избраніе Томаси было торжествомъ и побѣдою Александра надъ Наполеономъ, побѣдою тѣмъ болѣе пріятною, что это была первая побѣда русскаго императора на дипломатичес-

([1]) Memoires du Cardinal Consalvi, tom. II, pag. 312—313. La France non seulement ne voulait pas un candidat russe, mais elle exigeait qu'on acceptât ou le prieur Caprara—ou un prieur bavarois dont le nom m'échappe.

([2]) Арх. М. И. Д. «Rome», г. 1801-й, № 30. Le Gouvernement (de Rome) пишетъ Кассини, est toujours en attente de la reponse du nouveau grand-maître de l'ordre de St. Jean de Jérusalem—reponse qu'il ne peut avoir avant le 15 du courant. Ce ministre Cucault a dit à quelque personne que dans le cas où le grand-maître nommé ne voudrait accepter la dignité à laquelle il vient d'être élevé par le saint père, il faudrait derechef inviter tous les *prieurés* de l'ordre à assembler et émaner des voeux nouveaux. Sur cela, j'ai été chez le cardinal secrétaire d'État et lui ai répresenté l'inutilité et l'incongruité d'une telle démarche, dont il pourraient s'en suivre des desagrémens incalculables et peut-être *insurmontables* pour l'ordre lui-même; que le saint-père et son éminence elle-même ne pouvaient à moins que d'en sentir les conséquences dont ils seraient seuls résponsables; que je ne vois point la nécessité d'avoir des voeux nouveaux des prieurés; sa sainteté pouvait se permettre le choix d'un autre grand-maître pris parmi la même liste des candidats qui lui a été transmise à cet effet. Le cardinal ministre ne m'a paru guère persuadé de ce raisonnement et m'a répondu: *nous verrons*. Mais Votre altesse peut compter qu'à l'occasion j'insisterai fermement sur mes représentations.

комъ поприщѣ (1). Мы торжествовали избраніе Томаси, какъ будто разбили стотысячную армію сильнаго непріятеля. Кассини праздновалъ въ Римѣ избраніе Томаси двухвечернею иллюминаціей (2), стоившей довольно значительныхъ издержекъ. Томаси очень хорошо зналъ, что онъ обязанъ своимъ гросмейстерствомъ единственно и исключительно русскому правительству, а потому онъ прислалъ императору Александру письмо, извѣщающее о его избраніи, а вмѣстѣ выражающее чувства его признательности къ русскому государю, а канцлеру русскому грамоту на званіе кавалера ордена Іоанна Іерусалимскаго (3). Папа избраніемъ Томаси наносилъ чувствительный ударъ самолюбію Наполеона: онъ хорошо сознавалъ это и старался оправдаться предъ нимъ стеченіемъ обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ тутъ помимо его намѣренія, а также стремленіемъ удовлетворить чувству законности и справедливости, такъ какъ Томаси имѣетъ на своей сторонѣ большинство избирательныхъ голосовъ, а слѣдовательно послѣ отказа Русполи никто болѣе его не имѣетъ правъ на малтійское гросмейстерство, наконецъ даже зашелъ въ своихъ оправданіяхъ такъ далеко, что сталъ доказывать, что онъ избраніемъ Томаси

(1) Тамъ же годъ 1803-й, №№ 1 и 6-й, «Rome», Projet de lettre du Chancellier à Mr de Cassini à Rome, гдѣ между прочимъ говорится:» on a été ici très content de voir cette affaire amenée à son terme.

(2) Тамъ же, г. 1804, № 8, Кассини депешею изъ Венеціи извѣщаетъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, что оно не возвратило ему суммы, издержанной имъ на двухвечернюю иллюминацію, по случаю избранія Томаси въ гросмейстеры малтійскаго ордена.

(3) Тамъ же, г. 1803, № 6. Русскій канцлеръ отказался отъ предложенной ему чести; точно также поступилъ и министръ папы Консальви, которому Томаси прислалъ малтійскій крестъ, осыпанный брильянтами и предложилъ командорство, приносящее ежегодно дохода до 2000 экю (см. Mémoire du Cardinal Consalvi, tom. II, pag. 314).

имѣлъ намѣреніе угодить Наполеону, потому что Томаси по происхожденію итальянецъ, а слѣдовательно подданный Наполеона, и обладателю Италіи безъ всякаго сомнѣнія пріятнѣе видѣть великимъ магистромъ малтійскаго ордена своего подданнаго, чѣмъ нѣмца или Русскаго, или португальца (1). Конечно трудно было такими оправданіями обмануть и успокоить такого человѣка, какъ Наполеонъ, особенно при тѣхъ заискиваніяхъ и тѣхъ предупредительныхъ угожденіяхъ предъ русскимъ правительствомъ со стороны папы, которыя не могли укрыться отъ ястребинаго взора повелителя Франціи (2). Но заискиванія эти и угод-

(1) См. Mémoires du Cardinal Consalvi, tom. II, pag. 313. Ne plaisant pas à la France, on chercha à plaire à la Russie, mais de manière que la France ne fût pas trop fachée. Le prieuré de Russie avait presenté quatre candidats. Heureusement l'un de ces candidats était Italien, c'était le bailli Tommassi, de Sienne, homme probe et estimé. Le pape le désigna, croyant que le choix d'un Italien serait plus agreable à celui qui possedait l'Italie que le choix d'un Allemand, d'un Russe, d'un Portugais etc.

(2) См. въ арх. М. И. Дѣлъ картонъ «Rome», г. 1802, № 31. Папа, прежде нежели назначить содержаніе Гомпешу, спросилъ у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Кассини, не оскорбится ли этимъ наше правительство? Кассини на это отвѣтилъ ему, что вѣроятно св. отецъ будетъ совершать это благочестивое дѣло въ непроницаемой тайнѣ.

См. также № 12, г. 1803. Кассини потребовалъ у римскаго двора удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное русскому двору тѣмъ, что на римскомъ театрѣ представлена была комедія «Прутскій миръ», въ которой Петръ I-й и Екатерина I-я изображены въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ. Папа, чтобы угодить Россіи, приказалъ перваго комика посадить въ тюрьму и держать его тамъ до дальнѣйшихъ распоряженій Кассини, комедію запретить и, хотя объявлено уже было въ афишахъ о представленіи этой комедіи въ слѣдующій день, актеръ однако же долженъ былъ объявить публикѣ въ особенной рѣчи объ отмѣнѣ ея; наконецъ адвокатъ-цензоръ надъ театрами долженъ былъ явиться лично къ Кассини и просить у него извиненія. Папа не принялъ во вниманіе при этомъ случаѣ того оправданія цензора, что комедія эта была представляема на театрѣ въ Туринѣ, Флоренціи и Ливорно.

ливость предъ Русскимъ дворомъ привели къ довольно скуднымъ результатамъ, хотя папа радъ былъ и имъ, чтобы только избѣжать позора, да еще покончить такое нескончаемое дѣло, какимъ угрожало быть избранiе малтiйскаго гросмейстера: мы за всѣ угожденiя намъ папы согласились принять его посланника Ареццо, но съ тѣмъ непремѣннымъ условiемъ, чтобъ его пребыванiе въ Россiи продолжилось неболѣе 4-хъ мѣсяцевъ и въ это время онъ не смѣлъ бы вмѣшиваться въ церковныя дѣла латинской общины въ Россiи, и чтобъ его присутствiе не имѣло ничего похожаго на нунцiатуру (¹). Такъ кончилось пресловутое дѣло малтiйскаго ордена, при всей видимой незначительности его, грозившее завлечь насъ въ разныя политическiя комбинацiи и международныя столкновенiя, которымъ трудно было предвидѣть конецъ и исходъ!

Груберъ зорко слѣдившiй за всѣми перипетiями нашихъ отношенiй къ Риму, также за всѣми движенiями мысли нашего правительства, напрягавшаго тогда всѣ усилiя къ просвѣщенiю своего народа, не просмотрѣвшiй и того знаменательнаго для iезуитовъ обстоятельства, что Государь, на пути Своемъ въ Мемель для свиданiя съ Прусскимъ Королемъ, посѣтилъ полоцкiй iезуитскiй коллегiумъ, остался весьма доволенъ всѣми учебными тамошними iезуитскими

(¹) Тамъ же, г. 1802-й, № 51-й. Здѣсь мы должны опровергнуть одну изъ тысячи клеветъ, взведенныхъ на Сестренцевича iезуитскою и ультрамонтанскою партiями. Писатели этихъ котерiй обыкновенно приписываютъ интригамъ Сестренцевича короткое пребыванiе Ареццо въ Петербургѣ и высылку его изъ Россiи. Клевета эта опровергается категорически документами нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Происходитъ-ли эта ложь писателей ультрамонтанской и iезуитской партiй отъ незнанiя этихъ документовъ, или она преднамѣренная,—мы не беремся рѣшать этого.

заведеніями и выразилъ даже свое удовольствіе, наконецъ простеръ свое вниманіе и любезность къ іезуитамъ до того, что сдѣлалъ визитъ іезуитскому генералу Карею, пораженному тогда тяжкою болѣзнію и находившемуся при смерти (1), съ свойственнымъ ему искусствомъ воспользовался всѣмъ этимъ для того, чтобы вырвать у русскаго правительства торжественное обнародованіе папскаго бреве о формальномъ возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи. Іезуитъ нѣсколько разъ дѣлалъ приступы къ вліятельнымъ лицамъ при дворѣ Александра, нѣсколько разъ умолялъ Лопухина, чтобы онъ употребилъ всѣ зависящія отъ него средства къ обнародованію столь желаннаго папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи; всѣ эти подступы и всѣ эти просьбы Грубера оставались безъ послѣдствій. Ходатайство папское въ этомъ дѣлѣ болѣе вредило ему, чѣмъ помогало, пока нерѣшилось дѣло малтійскаго ордена согласно желаніямъ и видамъ нашего правительства. Теперь всѣ препятствія, доселѣ существовавшія и непозволившія обнародовать бреве, были устранены, мало того, явились даже благопріятные для іезуитовъ симптомы, которыми непростительно бы было не воспользоваться, а именно: самое сильное со стороны русскаго правительства стремленіе просвѣтить свой народъ, поставить его по степени цивилизаціи въ уровень съ народами Европы, образовать его во что бы то нистало, какими бы то нибыло учителями, необращая строгаго вниманія на вѣроисповѣдныя разности этихъ учителей съ ихъ учениками, но только образовать. Іезуиту стоитъ на время, или на словахъ притаить свои іезуитскія тенденціи, преобразиться изъ латинскаго миссіонера въ на-

(1) См. Russland unter Alexander dem Ersten; eine historische Zeitschrift, herausgegeben von Heinrich Storch, IV Band, Seite 349.

ставника и цивилизатора народнаго вообще и даже агронома—и тогда дѣло о формальномъ возстановленіи его ордена въ Россіи авось двинется и приметъ счастливый оборотъ. Груберъ такъ и поступилъ: во всѣхъ его теперешнихъ просьбахъ о обнародованіи папскаго бреве стоитъ на первомъ планѣ мысль объ іезуитскихъ училищахъ, о просвѣщеніи, которыя не могутъ должнымъ образомъ процвѣтать и достигать своей цѣли безъ обнародованія папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена; мысль о образованіи русскаго юношества служитъ главнымъ мотивомъ груберовскихъ прошеній о обнародованіи папскаго бреве. Невольно удивляешься такому безкорыстному великодушію іезуита, готоваго жертвовать почти всѣмъ для образованія грубаго русскаго народа и забывшаго даже свою іезуитскую миссію и лойоловское призваніе! Но не бойтесь за іезуита, онъ не исчезнетъ въ учителѣ, онъ просто лжетъ предъ русскимъ правительствомъ, когда хочетъ претвориться въ учителя, онъ хлопочетъ не о русскомъ народѣ, не о видахъ русскаго правительства, а объ іезуитскомъ обществѣ, о совращеніи русскаго народа въ латинство, онъ идетъ на помощь не видамъ русскаго Государя, но желаніямъ папы и прирожденнымъ, такъ сказать, стремленіямъ учениковъ Лойолы. Само правительство несовсѣмъ-то довѣряло клятвамъ іезуита и всячески старалось оградить себя отъ іезуитскихъ интригъ; дозволяя обнародованіе папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи, русское правительство въ тоже время напоминало Груберу и его обществу, что эта уступка дѣлается іезуитамъ подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы они никакъ не смѣли пропогандировать латинства среди русскаго юношества и чтобъ они дали обѣщаніе свято исполнять это условіе, въ противномъ же случаѣ они подвергнутся не только строгому на-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

казанію, но и лишатся всякаго покровительства со стороны русскаго правительства и даже не будутъ терпимы въ Россіи. «Я, пишетъ Лопухинъ Груберу, докладывая Его Императорскому Величеству о неоднократныхъ вашихъ просьбахъ о обнародованіи папскаго бреве, посланнаго іезуитскому генералу, касательно существованія этого ордена въ Россіи, въ тоже время упомянулъ Его Величеству о всѣхъ тѣхъ увѣреніяхъ, которыя вы нѣсколько разъ повторяли мнѣ объ особенной способности вашего ордена къ воспитанію юношества въ принадлежащихъ ему коллегіяхъ, о вашей заботливости, чтобы при изученіи всѣхъ прочихъ наукъ былъ преподаваемъ и русскій языкъ, о вашихъ стараніяхъ, чтобы въ вашихъ монастыряхъ или коллегіяхъ не могло никогда случиться что нибудь такое, что можетъ представляться оскорбленіемъ для господствующей вѣры. Этими соображеніями руководствовался Его Императорское Величество при дарованіи позволенія на обнародованіе упомянутаго бреве. А потому, посылая его къ вамъ, для того чтобы вы отправили его въ Полоцкъ, я въ тоже время долженъ присовокупить здѣсь, что Его Императорское Величество надѣется, что вы исполните обѣщанія, данныя вами отъ имени ордена. Сверхъ того Императоръ приказалъ объявить, что въ случаѣ нарушенія обѣщанія, особенно если орденъ позволитъ себѣ обращать въ католичество юношество, исповѣдующее другую вѣру, то такое нарушеніе условія строго будетъ наказано, и это будетъ поводомъ отказать во всякомъ покровительствѣ ордену, даже въ терпимости его въ Россіи [1]. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ

[1] Вотъ въ подлинникѣ письмо Лопухина къ Груберу. «Ayant rendu compte à Sa Majesté Imperiale des instances reiterées, que vous avez faites,

свято іезуиты исполнили свое обѣщаніе; какъ нагло и дерзко было обмануто ими наше правительство. Но іезуиту какое дѣло до святости обѣщанія, когда у него одна цѣль,— это интересы его ордена, а для достиженія этой цѣли всѣ средства хороши! Іезуиту нужно было какими бы то ни было средствами вырвать изъ рукъ русскаго правительства папское бреве о возстановленіи его ордена, нужно было заручиться этимъ важнымъ документомъ, а тамъ можно было въ глаза смѣяться русскому правительству и явно презирать всѣ его угрозы, даже можно вслухъ, а не въ іезуитской кельѣ, заливаться смѣхомъ надъ русскою довѣрчивостію и простотой. Само правительство, можетъ быть, не столько

m-r, pour l' expedition du bref que le pape a adressé au père géneral des jesuites relativement à l'existence de cet ordre en Russie, j'ai en même tems soumis à Sa Majesté toutes les assurances que vous m'avez répétées de l'application particulière de votre ordre à l'éducation de la jeunesse dans les colléges qui lui appartiennent; de votre attention à ce que l'étude de toutes les sciences y soit introduite en langue Russe, et de vos soins qu'il ne puisse jamais se rien faire dans vos couvents ou collèges qui presentat le moindre inconvénient pour la religion dominante. Ces considérations ont décidé Sa Majesté Impériale à accorder la permission que le bref susmentionné fût expédié. Je vous l'envoie en conséquence pour que vous le fassiez parvenir à Polotzk et je dois en même tems ajouter ici que Sa Majesté Impériale se flatte que vous serez exact à remplir les promesses que vous avez transmises au nom de votre ordre. L'Empereur entend d'ailleurs qu'en cas de contravention et surtout si l'on se permettra de porter la jeunesse professant une autre religion que la Catholique-Romaine à embrasser celle-ci, il soit recherché avec severité et que ces motifs soient comme sous entendus du refus de toute protection à l'ordre des jésuites et même à la tolérance en Russie. См.: въ арх. М. Ин. Д.: Affaires relatives aux jesuites en Russie, № 1 — 16, 1800 — 1816, отвѣтъ министерства патеру Груберу на его домогательство объ обнародованіи папской буллы о возстановленіи Іезуитскаго ордена въ Россіи, отъ 8-го Сентября 1802-го года.

понимало значеніе обнародованія папскаго бреве, сколько іезуиты, которые съ этого времени уже опять вступаютъ въ роль папскихъ аргусовъ, дѣлаются вѣрною папскою гвардіей, покорно повинуются мановенію папы, дѣлаются шпіонами его и презираютъ всѣ предписанія свѣтскихъ властей тамъ, гдѣ сталкиваются интересы государей и папы; теперь они уже не пресмыкаются и не ползаютъ предъ государями, не называютъ себя вѣрноподданными государей, а гордо возвѣщаютъ, что они status in statu, что они сами защитники государей противъ ихъ подданныхъ, спасители ихъ противъ революціонной язвы — и горе тѣмъ изъ нихъ, которые не хотятъ внимать ихъ спасительному зову и ученію; горе тѣмъ изъ нихъ, которые не поручатъ имъ воспитанія и образованія своихъ подданныхъ; потому-что истинные носители просвѣщенія и цивилизаціи они— іезуиты, а не кто нибудь другой. Другое, не менѣе важное, значеніе обнародованія папскаго бреве заключалось въ томъ, что оно служило сигналомъ къ собранію въ одно и сосредоточенію разсѣянныхъ членовъ іезуитскаго общества, къ образованію вездѣ іезуитскихъ центровъ, имѣющихъ внутреннее и ближайшее отношеніе къ главному центру — русскому; съ этого времени мы видимъ вездѣ группированіе іезуитовъ, скученіе ихъ въ общины и провинціи, заимствующія жизнь и силу отъ Полоцка или Петербурга. Отсюда постоянныя, облеченныя во всѣ законныя формы, сношенія іезуитовъ англійскихъ, американскихъ, итальянскихъ, французскихъ, германскихъ съ русскими; отсюда постоянныя переселенія изъ за границы въ Полоцкъ или Петербургъ и вообще въ Россію разныхъ іезуитскихъ личностей, а также и путешествіе русскихъ іезуитовъ за границу; отсюда оживленная переписка іезуитскаго генерала со всѣми іезуитами, разсѣянными по всему лицу земли,

начиная отъ Пекина или Новой Голландіи до Парижа, или Лондона. Съ этого также времени особенно быстро дѣлается овидіевское превращеніе разныхъ обществъ съ іезуитскимъ характеромъ, но носящихъ различныя наименованія, въ родѣ отцевъ вѣры или фиденистовъ, или священнаго сердца, или трапистовъ, въ чисто іезуитскія, съ присвоеніемъ себѣ названія іезуитскаго общества.

Первымъ послѣдствіемъ обнародованія папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи былъ поступокъ Грубера, вполнѣ характеризующій взглядъ іезуита на себя и свой орденъ, а такъ же на тѣ законные и формальные пути, которые начертаны и установлены государственною властію для всѣхъ такъ называемыхъ юридическихъ дѣлъ. Мы уже упоминали выше о болѣзни Кареу; 30 Іюля 1802 года онъ скончался. По правиламъ недавно вышедшаго устава, сочиненнаго самими іезуитами, временно заступающій мѣсто умершаго генерала или такъ называемый генеральный викарій долженъ былъ донести о смерти своего начальника римско-католической коллегіи. Генеральнымъ викаріемъ былъ тогда ректоръ полоцкой іезуитской коллегіи Вихертъ. Вихертъ удовольствовался извѣщеніемъ одного только митрополита о смерти Кареу ([1]) и этимъ закончилъ

([1]) Вашему Высокопреосвященству съ крайнимъ сожалѣніемъ доношу, репортовалъ Вихертъ Сестренцевичу, отъ 31-го Іюля 1802-го года, что ордена нашего генералъ Францискъ Кареу, по продолжительной и жестокой болѣзни, вчерась по утру, въ началѣ десятаго часа, волею Божіею помре, и что я по правиламъ ордена нашего назначенъ генеральнымъ викаріемъ; того ради Вашего Высокопреосвященства покорнѣйше прошу предпринять принадлежащія мѣры для выбора на мѣсто умершаго новаго ордена нашего генерала (см. въ архивѣ Римско-Католической Духовной Коллегіи дѣло подъ № 731-мъ, г. 1802-й, о выборѣ новаго іезуитскаго генеральнаго викарія на мѣсто умершаго Франциска Кареу).

всѣ свои труды по этому дѣлу; дальнѣйшія хлопоты по нему принялъ на себя Груберъ, которому, судя по его рангу или посту въ орденѣ, повидимому, менѣе всѣхъ слѣдовало бы принимать участіе въ немъ, но вліяніе и значеніе Грубера зависѣло не отъ его офиціальнаго положенія въ обществѣ іезуитскомъ, а отъ его ума, силы воли, его неофиціальнаго значенія въ русскомъ высшемъ обществѣ. Въ этомъ случаѣ всякая офиціальность и формальность, всякая законность и всѣ обыкновенные юридическіе пріемы, Груберу казались лишними и слишкомъ тривіальными, онъ ихъ совершенно обошелъ и, минуя всѣ правительственныя инстанціи, прямо обратился къ самому Государю съ извѣщеніемъ о смерти Кареу и съ испрашиваніемъ позволенія приступить къ выборамъ новаго начальника іезуитскаго общества. До насъ не дошло самое письмо Грубера къ Государю, но мы можемъ узнать содержаніе его изъ отвѣта на него тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея. Но для насъ важно здѣсь не содержаніе письма — содержаніе это не представляетъ никакого особеннаго интереса, — а смѣлость іезуита прямо обращаться къ Государю съ извѣщеніемъ о такомъ предметѣ, который имѣетъ важность только для одной, чуждой и паразитной для государственной жизни Россіи горсти людей, и не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго отношенія къ государству, или государственнымъ дѣламъ; для насъ представляетъ тутъ особенный интересъ стремленіе іезуита обойдти всѣ законныя инстанціи и трактовать о частномъ іезуитскомъ дѣлѣ, какъ о самомъ важномъ государственномъ дѣлѣ, съ самимъ Государемъ, какъ будто посредствующія между Государемъ и его подданными власти слишкомъ малы для того, чтобы удостоиться получить вѣсть изъ первыхъ устъ о такомъ важномъ событіи въ государствѣ русскомъ, какъ смерть іезуитскаго начальника и

выборъ на мѣсто его новаго. Здѣсь уже проглядываетъ попытка іезуита смотрѣть на себя, какъ на лице высшее всѣхъ государственныхъ учрежденій въ Россіи, какъ на представителя государства въ государствѣ. Государь, слишкомъ много довѣрявшій Кочубею, находившемуся въ близкихъ отношеніяхъ къ Груберу и его обществу, вмѣсто того, чтобы сдѣлать Груберу выговоръ или замѣчаніе за неумѣстное и ничѣмъ неоправдываемое отступленіе отъ общепринятыхъ законныхъ формъ, снизошелъ до того, что благодушно принялъ письмо Грубера и приказалъ Кочубею отвѣчать іезуитскому вождю на его письмо. «Милостивый государь, пишетъ Кочубей Груберу, Его Императорское Величество, прочитавъ письмо, писанное вами ему отъ 9-го числа сего мѣсяца, извѣщающее о смерти отца Франциска Кареу, генерала іезуитовъ, повелѣлъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ даетъ полное Свое согласіе на избраніе новаго начальника, по обычаямъ и уставамъ вашего ордена. Спѣша поэтому увѣдомить васъ объ этомъ, я впрочемъ остаюсь съ чувствомъ совершеннаго уваженія вашимъ покорнѣйшимъ слугою Кочубей ([1]).» Изъ записки Сестренцевича мы узнаемъ еще новыя побужденія, руководившія

([1]) Письмо Кочубея Груберу написано на Французскомъ языкѣ; мы приведемъ его въ подлинникѣ. Monsieur, Sa Majesté Imperiale, qui a lu la lettre que Vous Lui avez écrite le 9 de ce mois, pour Lui annoncer la mort du père François Kareu, géneral des jésuites, me charge de vous prévenir, qu'Elle donne son entier agrement à ce que l' on procede, suivant les usages et constitutions de votre ordre, à l'élection d'un nouveau chef. Je m'empresse donc de vous en transmettre l'avis, étant d'ailleurs avec les sentimens d'une parfaite éstime (13 Août 1802 an). Monsieur, votre très-obéissant serviteur de Kotschoubey. (См. въ арх. Рим. Кат.: Колл. дѣло подъ № 731-мъ, г. 1802-й, о выборѣ новаго Іезуитскаго Генеральнаго викарія на мѣсто умершаго Франциска Кареу).

Груберомъ въ его стремленіяхъ обойдти законные пути при избраніи преемника Кареу и имѣть въ этомъ дѣлѣ непосредственное сношеніе съ самимъ Государемъ. Въ іезуитскомъ обществѣ еще живы были преданія, какъ Сестренцевичъ при Екатеринѣ повредилъ было избранію Черневича, и только могущественное вліяніе Потемкина, къ которому успѣли забѣжать іезуиты, спасло ихъ отъ бѣды. Кто поручится, что, когда дѣло объ избраніи преемника Кареу пойдетъ обычнымъ и законнымъ путемъ, т. е. чрезъ коллегію, то тотъ же Сестренцевичъ не представитъ какихъ нибудь законныхъ или незаконныхъ препятствій іезуитскому дѣлу, напримѣръ не позволитъ будущему начальнику іезуитскаго общества называться генераломъ, а опредѣлитъ ему имя начальника общества, или генеральнаго викарія, какъ онъ и всегда называлъ начальниковъ русскаго іезуитскаго общества! Если это названіе главы іезуитскаго общества казалось оскорбительнымъ и отнимало много блеску и обаянія у него въ прежнія времена, то тѣмъ обиднѣе, неблаговременнѣе и неприличнѣе это представлялось теперь, когда іезуитское общество формально возстановлено папою въ Россіи, когда объявленіе папскаго бреве о возстановленіи его сзывало всѣхъ іезуитовъ со всѣхъ концевъ свѣта группироваться во едино, подъ одною главою, называвшеюся всегда обаятельнымъ и какъ-то магически звучащимъ для всякаго іезуита именемъ генерала. Для іезуита въ этомъ имени заключалась вся исторія его ордена, его сила, его несокрушимость, его независимость, его слава и величіе, наконецъ все его будущее. А Сестренцевичъ дѣйствительно намѣревался уничтожить названіе начальника русскихъ іезуитовъ генераломъ, и Груберъ своимъ поступкомъ предупредилъ намѣреніе митрополита и уничтожилъ его. Мы приведемъ здѣсь въ подлинникѣ самый разсказъ Сестренце-

вича объ этомъ событіи. «Такое положеніе (новый регламентъ для католической церкви, сочиненный іезуитами во время удаленія митрополита отъ администраціи), по намѣренію іезуитскаго общества, не вовсе удавшееся, не постановило, однакожъ, препятствія патеру Груберу въ томъ, что онъ, забывъ содержаніе онаго, хотя недавно состоявшееся, по которому обязанъ былъ о смерти своего начальника и о выборѣ вмѣсто его другаго извѣстить коллегію, осмѣлился мимо своей духовной власти завести сношеніе чрезъ министерство и посредствомъ онаго учинить о томъ донесеніе самому Государю Императору въ августѣ 1802 года; способомъ же употребленной притомъ лжи воспользовавшись дозволеніемъ выбрать новаго шефа, не пренебрегъ возведеніемъ своимъ не въ шефы, по силѣ сего дозволенія, но въ званіе іезуитскаго генерала на мѣсто умершаго своего предшественника Кареу, который не былъ никогда настоящій того ордена генералъ, но только генеральный викарій провинціальнаго іезуитскаго ордена, что̀ тоже есть, какъ и провинціалъ въ другихъ орденахъ; а сіе для того точно, чтобъ подъ именемъ генерала, котораго въ другихъ монашескихъ орденахъ, въ Россіи находящихся, имѣть не позволено, избыть всякой подчиненности и защищаться правомъ своего института, отбывая отъ должной зависимости, взысканія и разныхъ по ордену отчетовъ своему епархіальному архіерею и коллегіи [1].»

[1] См. въ арх. М. И. Д. Les affaires ecclesiastiques, № 24—29, изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія, въ Россіи пребывающемъ, отъ того времени, какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу-Богушу; см. также записку Сестренцевича, писанную имъ для кн. Голицына въ 1807-мъ году, гдѣ митрополитъ между прочимъ пишетъ: «мѣстные архіереи не имѣли никакого права

Поставивши Сестренцевича въ невозможность отнять название генерала у преемника Кареу, Груберъ отправился изъ Петербурга въ Полоцкъ на выборы. 4-го Октября 1802 года собрались, по приглашенію Вихерта, всѣ іезуитскіе професы въ Полоцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ для выбора своего начальника, а 10-го Октября состоялся выборъ: Груберъ избранъ былъ генераломъ іезуитскаго ордена, о чемъ коллегія и извѣщена была рапортомъ іезуитскаго общества ([1]). Коллегіи послѣ этого ничего болѣе не оставалось, какъ утвердить новоизбраннаго іезуитскаго генерала и увѣдомить объ этомъ, какъ самого Грубера, такъ и ла-

на орденъ езуитскій, и только, въ случаѣ требованія ихъ, рукополагали іеромонаховъ и святили церкви. Когда бы случилось вамъ прочитать Езуитскій институтъ, въ Прагѣ напечатанный, то бы вы изволили усмотрѣть всю власть ихъ генерала, которая освобождаетъ и его, и орденъ отъ зависимости даже самаго папы. Государи собственно собою непоставляли надъ ними генераловъ, но генералы были выбираемы, какъ выше сказано, отъ самихъ Езуитовъ. А хотя недавно и изданы буллы отъ нынѣшняго папы въ пользу покойнаго Грубера, но сіе случилось по слѣдующей причинѣ: поелику въ Россіи Езуитское общество, какъ во всемъ свѣтѣ упраздненное и здѣсь *терпимое подъ строгимъ надзоромъ*, какъ о томъ можно видѣть изъ многихъ указовъ, *до 1802-го года отъ папы не было признано*, то напослѣдокъ папа возстановилъ буллою сіе общество въ Россіи и въ Неаполѣ, о чемъ видно изъ газетъ россійскихъ, въ прошломъ году напечатанныхъ подъ № 79-мъ. Так. обр. возстановился самъ собою и генералъ надъ обществомъ, и когда сего общества въ Россіи бывшій генеральный викарій Кареу умеръ, то покойный Груберъ исходатайствовалъ указъ, съ котораго прилагается у сего копія, дозволяющій Езуитамъ избрать *шефа*, *а отнюдь не генерала*, каковое званіе покойный Груберъ присвоилъ себѣ *ложно*, да и предшественники его, отъ времени уничтоженія Езуитовъ, не были никогда названы генералами, но викарными и со властію весьма ограниченною, ибо они во всемъ должны были повиноваться епарх. архіерею, какъ главному своему препозиту..

([1]) См. вышеприведенное дѣло подъ № 731-мъ, годъ 1802-й.

тинскую могилевскую консисторію. Должность ректора при С.-Петербургскомъ коллегіумѣ заступилъ землякъ Груберовъ Гохбихлеръ (1).

(1) Гохбихлеръ до этого времени былъ профессоромъ въ Аугсбургскомъ университетѣ, потомъ поступилъ въ Полоцкій Іезуитскій коллегіумъ, откуда Груберъ перевелъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ вмѣсто себя ректоромъ Петербургскаго коллегіума (см. Russland unter Alexander dem Ersten, von Storch, Erster Band, Seite 249; такъ же Catalogus Personarum et officiorum Societatis Jesu in Imperio Rossiaco, ex anno 1805 in Anum 1806, стр. 18 и 30.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Съ избраніемъ Грубера въ генералы іезуитскаго ордена Полоцкъ утрачиваетъ свое значеніе, а Петербургъ пріобрѣтаетъ его. Груберъ, послѣ короткаго пребыванія въ Полоцкѣ, возвращается въ Петербургъ, который представляетъ всѣ удобства для осуществленія замысловъ іезуитскаго генерала. Пособники Груберу въ его планахъ Николь и Де-Местръ. Свѣдѣнія о томъ и другомъ. Первымъ дѣломъ Грубера по возвращеніи изъ Полоцка въ С.-Петербургъ было торжественное открытіе благороднаго пансіона въ новопостроенномъ іезуитскомъ зданіи. Противорусскій и противоправославный характеръ воспитанія русскаго юношества въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ. Вызовъ Груберомъ въ Россію въ значительномъ количествѣ эксъ-іезуитовъ и бывшихъ членовъ общества священнаго сердца фидентистовъ изъ всѣхъ мѣстъ Европы. Необыкновенное умноженіе іезуитовъ въ Россіи въ самый короткій срокъ управленія Груберовскаго іезуитскимъ орденомъ. Замѣчательныя личности въ іезуитскомъ орденѣ, вызванныя Груберомъ изъ Европы въ Россію. Характеристика іезуитовъ: Розавэна, Роотчана, Гривеля и Журдана. Цѣлію Грубера, при вызовѣ въ Россію, разныхъ личностей изъ эксъ-іезуитовъ, и бывшихъ фидентистовъ или членовъ общества священнаго сердца, было то, чтобы сосредоточить все даровитое, лукавое и фанатичное изъ іезутскаго общества въ Петербургѣ и Россіи, въ виду предстоящей огромной работы для дѣятельности іезуитовъ на русской землѣ.

Не долго новоизбранный генералъ пробылъ въ Полоцкѣ; центръ тяжести іезуитскаго общества переносился теперь въ Петербургъ; Полоцкъ терялъ теперь значительную долю своего значенія и вліянія. Надобно согласиться, что потеря

Полоцкомъ своего значенія началась еще при Кареу, когда Груберъ переселился въ Петербургъ и оттуда сталъ управлять судьбами ордена; но пребываніе въ Полоцкѣ іезуитскаго генерала всетаки давало ему хотя нѣкоторый внѣшній видъ величія и блеска; а теперь съ назначеніемъ Грубера генераломъ ордена утрачивалось даже и внѣшнее обаяніе Полоцка. Онъ оставался дорогимъ для іезуитовъ по своимъ воспоминаніямъ, по преданію, по своему прошедшему; это была колыбель іезуитизма въ Россіи, даже іезуитскій Іерусалимъ, но это былъ городъ прошедшаго, а не настоящаго и будущаго; это была воспитательно-образовательная школа іезуитовъ, приготовляющая ихъ для дѣятельности въ Петербургѣ, во всемъ мірѣ; это было перепутье для всѣхъ даровитыхъ личностей іезуитскихъ, направляющихся въ Петербургъ и во всѣ концы свѣта. Груберъ явился въ Полоцкъ, чтобы соблюсти извѣстныя орденскія формальности, получить санкцію на свою новую должность, распредѣлить приличныя роли лицамъ, облеченнымъ извѣстными правами и властію въ іезуитскомъ обществѣ, а потомъ спѣшилъ отправиться въ Петербургъ. Такъ какъ съ переселеніемъ іезуитскаго генерала въ Петербургъ, вся власть надъ іезуитами Бѣлоруссіи сосредоточивалась теперь въ рукахъ полоцкаго ректора и провинціала; то постъ этотъ становился тѣмъ важнѣе, а слѣдовательно выборъ такого лица долженъ быть тѣмъ строже и разборчивѣе. Новый генералъ произвелъ нѣкоторыя измѣненія въ правительственныхъ сферахъ іезуитскаго общества. Вихертъ при Кареу былъ ректоромъ полоцкой коллегіи, но онъ былъ уже довольно старъ и слабъ [1], чтобы замѣнить собою отсутствующаго генерала

[1] Вихертъ родился въ 1734 г., (см. Catalogus Personarum et officiorum Societatis Jesu in imperio Rossiaco, ex Anno 1805 in Annum 1806, стр. 34), слѣдовательно въ 1803 г., ему 69-ть лѣтъ.

и держать въ рукахъ своихъ кормило правленія довольно многочисленною іезуитскою общиною, поэтому Груберъ перемѣстилъ его изъ Полоцка въ Оршу на должность ректора, а на мѣсто его назначилъ ректора могилевской коллегіи и провинціала Люстига, съ оставленіемъ его и въ послѣднемъ званіи (¹); не довѣряя совершенно какъ бы и Люстигу, Груберъ далъ ему въ помощники или ассистенты одного изъ самыхъ старыхъ и лукавѣйшихъ іезуитовъ итальянца Десперамо, который наблюдалъ за самимъ ректоромъ и доносилъ генералу о всѣхъ его поступкахъ; адмониторомъ на мѣсто умершаго Любовицкаго сдѣланъ былъ Струсинскій, занимавшій доселѣ должность ректора мстиславскаго коллегіума. Съ передвижкою упомянутыхъ лицъ выступили на сцену новые люди въ іезуитской іерархіи: ректоромъ динабургскаго коллегіума сдѣланъ былъ Рогалинскій, могилевскаго — Тыванкевичъ, мстиславскаго — Оброmпольскій (²). Ѳаддей Бржозовскій (Березовскій) остался секретаремъ, какъ это было и при прежнемъ генералѣ (³), а Ржевусскій ректоромъ витебскаго коллегіума.

Такая дѣятельная, изобрѣтательная и неутомимо работающая голова, какъ Груберъ, не могла успокоиться и предаться спокойно-созерцательной жизни, ставши у кормила правленія, когда онъ, занимая и второстепенный постъ, сообщалъ безпрестанно жизнь и движеніе всему іезуитскому обществу. Напротивъ, можно ожидать, судя по характеру

(¹) См. въ арх. Рим. Кат. коллегіи дѣло подъ № 668, г. 1802-й, о выборѣ іезуитскаго провинціала Люстигъ.

(²) Петербургскаго-Гохбихлеръ, землякъ Грубера.

(³) Catalogus Personarum et officiorum loc. lem. ex anno 1805—1806, стр. 1, также внутреннюю переписку іезуитовъ, № № 101, 162, изъ которыхъ видно, что въ Полоцкѣ были безпорядки, къ которымъ принадлежатъ ночныя обращенія между молодыми людьми.

Грубера, по его положенію въ обществѣ русскомъ, по особеннымъ условіямъ самаго русскаго общества, что, съ назначеніемъ на такую важную должность, дѣятельность его удесятерится, приметъ самое обширное развитіе и смѣло перешагнетъ тѣ границы, которыя положило отмежевать для іезуитскаго института наше правительство. Дѣйствительно такъ и случилось. Груберъ возвратился изъ Полоцка въ Петербургъ съ головою, переполненною разными планами и проектами; въ душѣ его возникали мысли одна другой смѣлѣе, роились предположенія одно другаго обширнѣе. Самый городъ, гдѣ онъ основалъ свою резиденцію, какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ Груберу въ его замыслахъ. Въ центрѣ русской правительственной дѣятельности, въ этой мастерской всѣхъ правительственныхъ движеній, мыслей, проектовъ и мѣропріятій, іезуитскій генералъ, какъ паукъ изъ своей паутины, легче, смѣлѣе и быстрѣе могъ развернуть свое вліяніе на всю Россію и на весь міръ, зорче подмѣчать всѣ движенія правительственнаго пульса, удобнѣе направлять ихъ къ своей цѣли, предупреждать во время противодѣйствія своихъ враговъ, призывать въ случаѣ опасности на помощь себѣ своихъ друзей, здѣсь лучше можно и шептать, и ползать, стращать, льстить и унижать, притворяться вѣрноподданнымъ и предательствовать; здѣсь давали работу головѣ Грубера и католическая коллегія, и рвавшееся изъ всѣхъ силъ въ объятія латинства русское родовитое барство, и дѣятельность гуманнаго правительства, стремившагося просвѣтить своихъ подданныхъ и нуждавшагося для этого труда во всякаго рода пособникахъ; здѣсь были друзья и враги іезуитскаго общества; здѣсь были Сестренцевичи и Де-Местры. Полоцкъ былъ малъ и тѣсенъ для обширной дѣятельности Грубера. Изъ Петербурга лучше было простирать свое вліяніе на Римъ и

Лондонъ, на Китай и Америку, на Брюссель и Архипелагъ, на Парижъ и Саратовъ, на Ригу и Крымъ. Даже контингентъ для латинскаго прозелитизма и іезуитской миссіонерской дѣятельности Петербургъ доставлялъ не такой мизерный, какъ Полоцкъ и вообще Бѣлоруссія, гдѣ обманомъ или насиліемъ можно было совратить въ латинство какихъ нибудь грязныхъ еврейскихъ дѣтей, или полуголоднаго и оборваннаго шляхтича изъ уніатъ; напротивъ, тутъ обильною жатвою для іезуитовъ былъ цвѣтъ русскаго общества, все лучшее, прекрасное, вліятельное, сильное, богатое, настоящая слава Россіи и будущія ея надежды, управляющее теперь судьбами Россіи или имѣющее и готовящееся къ этой высокой должности. Въ Петербургѣ, и только въ Петербургѣ, можно такъ сильно вліять на русскую высшую администрацію, на высшее русское общество, управлять его мнѣніемъ, направлять его въ свою пользу и во вредъ всѣмъ русскимъ интересамъ. Только въ Петербургѣ могъ Груберъ найдти себѣ такихъ пособниковъ, которые, не имѣя привиллегированной одежды ордена, были до самыхъ костей проникнуты ревностію къ интересамъ іезуитскаго общества и почитали своею профессіею—пропагандировать среди русской знати идеи латинства, каковы были аббатъ Николь съ своей кампаніей и сардинскій эксъ—министръ Де-Местръ.

Такъ какъ эти двѣ личности будутъ играть въ нашемъ разсказѣ довольно замѣчательную роль, то мы считаемъ нужнымъ сообщить объ нихъ здѣсь нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія. Въ числѣ безчисленнаго множества Французскихъ эмигрантовъ, явившихся въ Россію въ царствованіе Екатерины II-й, былъ и знаменитый Графъ де-Шуазель. Екатерина благосклонно относилась къ французскому аристократу; Шуазель самъ былъ воспитанникъ

іезуитовъ, а потому для воспитанія своихъ дѣтей взялъ къ себѣ іезуита Николя, или, какъ обыкновенно называли его тогда, аббата Николя. Шуазель, принятый благосклонно при дворѣ, съ отверстыми объятіями встрѣчаемъ былъ во всѣхъ нашихъ барскихъ домахъ. Семейство Шуазеля было такъ же скоро представлено Екатеринѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и другъ семейства его и отличный педагогъ Николь. Слава о Николѣ, какъ необыкновенномъ педагогѣ, распространилась, благодаря старанію Шуазеля и прочихъ французскихъ эмигрантовъ, въ высшихъ русскихъ аристократическихъ сферахъ. Наши барыни стали умолять Шуазеля, непозволитъ ли онъ ихъ сыновьямъ вмѣстѣ съ своими слушать великую премудрость у французскаго эксъ-іезуита. Этого счастія могли удостоиться только весьма немногіе сыновья русскихъ вельможъ, а между тѣмъ стремленіе почерпнуть просвѣщеніе у знаменитаго французскаго педагога пробудилось въ сердцахъ многихъ сыновъ православной Россіи. Нельзя было аристократическій домъ французскаго графа обратить въ какой то пансіонъ для дѣтей русской знати; сама собою являлась мысль о необходимости открыть въ Петербургѣ французскій пансіонъ или институтъ для дѣтей русскихъ баръ, подъ главнымъ управленіемъ аббата Николя. На Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова, явился аристократическій пансіонъ аббата Николя. Первымъ воспитанникомъ изъ русскихъ, въ этомъ французскомъ пансіонѣ, былъ сынъ князя Юсупова, за нимъ пошли дѣти князя Голицына, такъ какъ жена князя Юсупова, княгиня Татьяна Васильевна, была родная сестра Голицыной и всячески убѣждала послѣднюю отдать сыновей своихъ въ пансіонъ Николя, и наконецъ достигла своей цѣли. За Юсуповыми и Голицыными потянулся длинный рядъ нашихъ боярскихъ сыновей,

стремившихся получить просвѣщеніе отъ Николя, или, какъ выражается біографъ Николя, переработаться изъ сыновей Россіи въ дѣтей Франціи ([1]). Здѣсь получили воспитаніе братья Орловы, Голицыны (Алексѣй и Михаилъ), Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, сынъ принца Виртембергскаго, Плещеевы, Бенкендорфы, Волконскіе, Полтарацкіе, Дмитріевы и другіе ([2]). Сотрудниками Николю, въ работѣ преобразованія русскихъ дѣтей въ сыновъ Франціи, были іезуиты Септавò (Septavaux), Гочье и Фромонъ ([3]). Отцы и матери воспитанниковъ Николя писали ему самыя восторженныя и проникнутыя самымъ горячимъ чувствомъ признательности письма; даже дядюшки восхищались методою воспитанія, пройденнаго ихъ племянниками въ пансіонѣ аббата, и считали своимъ долгомъ благодарить Николя и пѣть похвальный гимнъ его пансіону, какъ это видно изъ письма, столь извѣстнаго у насъ за самаго русскаго, графа Растопчина ([4]). Чтобы затруднить входъ въ свой пансіонъ людямъ посредственнаго состоянія, педагогъ - іезуитъ, вѣрный традиціямъ и духу своего

([1]) Vie de l'abbé Nicolle vicaire genéral et chanoine honorable de Paris, par l'abbé Frappaz, pag. 24. «Quand vinrent les jours où de formidables armées convirent le sol de la patrie, tous ces chefs de vaillantes troupes, autrefois ses élèves et toujours ses amis, montrèrent à la France qu'il n'étaient point ingrats, et il put dire avec verité qu'en élevant de jeunes Russes, il avait travaillé pour la France.

([2]) Тамъ же стр. 49—51: «Dans l'institut se groupaient autour de leur maître et de leur ami, les descendants de toutes les hautes renommées de l'empire, les Orloff Alexis et Michel, les Galitzin, les Narischkin, les Gagarin, les Menschikoff; le duc Louis de Würtemberg ne croit pas pouvoir donner à celui qu'il appelait son cherissime ami une plus grande marque de sa confiance que de placer sous sa tutelle paternelle l'objet de toutes ses affections, son fils Adasch.

([3]) Тамъ же, стр. 57.

([4]) Тамъ же, стр. 51, 64 и 134.

ордена—уловлять въ сѣти по преимуществу знатное и богатое въ человѣческихъ обществахъ—назначилъ самую безсовѣстную, по тогдашнему времени, цѣну за воспитаніе: 1.500 рублей въ годъ съ каждаго воспитанника ([1]), а по нѣкоторымъ, 2.000 рублей ([2]).

Николь очищалъ дорогу для Грубера и былъ его піонеромъ въ педагогическо-образовательной средѣ; мы съ нимъ еще встрѣтимся на этой дѣятельности въ другомъ мѣстѣ, а потому оставимъ его до времени, и обратимся къ другому пособнику Грубера, избравшему своей профессіей—пропагандированіе латинства среди отцевъ и матерей тѣхъ дѣтей, которыя воспитывались у Николя,—имѣвшему въ виду олатинить наше высшее общество, получившему за эту дѣятельность историческую извѣстность ([3]),—къ зна-

([1]) Записка г. Вигеля, ч. I, гл. 14-я. «Тайный іезуитъ, аббатъ Николь, завелъ въ Петербургѣ аристократическій пансіонъ, онъ объявилъ, что одни только сыновья вельможъ будутъ въ немъ воспитываться, и сколько съ намѣреніемъ затруднить вступленіе въ него дѣтямъ небогатыхъ состояніемъ, столько изъ видовъ корысти, положилъ непомѣрную плату, ежегодно по 1.500 рублей, нынѣшнихъ шесть тысячъ. Обстоятельства способствовали успѣхамъ сего заведенія, которое находилось у Обухова моста на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего къ аббату Николю, коего чрезвычайно поддерживала; будучи сестрою княгини Голицыной, она письменно и ее убѣждала прислать туда же младшихъ сыновей своихъ, начто послѣдняя долго неизъявляла согласія.»

([2]) Mémoires pour servir à l'histoire des évenements de la fin du dix-huitième siècle, pas l'abbé Georgel, t. VI pag. 348—350.

([3]) Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre, t. I, notice biographique, pag. 22. «Il n'est donc point surprenant que le comte de Maistre se soit trouvé alors en butte à quelques soupçons, et que les ennemis du catholicisme et surtout le prince Galitzin, ministre des cultes, se soient imaginé qu'il exerçait une sorte de proselytisme, attribuant à lui, autant qu'aux jésuites les nombreuses conversions qui s'operaient chaque jour.

менитому графу Де-Местру. Въ числѣ низверженныхъ Наполеономъ королей былъ и сардинскій; наше правительство приняло его подъ свое покровительство, выдавало ему ежегодно пансіонъ въ 75.000 рублей ([1]) и трактовало его, какъ дѣйствительнаго короля; отъ эксъ-короля явился въ Петербургѣ даже посланникъ, — это графъ Де-Местръ. Цѣлію посольства Де-Местра была адвокатура предъ нашимъ правительствомъ за права сардинскаго короля и возбужденіе Россіи къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла Сардиніи противъ французскаго правительства ([2]). Политическія обстоятельства были не въ пользу домогательствъ Де-Местра, и онъ вскорѣ перемѣнилъ роль политическаго агента на профессію апостола латинства въ Петербургѣ. Не имѣя силъ преслѣдовать революціонныя идеи, и остановить ихъ въ области политики, Де-Местръ думалъ поражать ихъ въ сферахъ религіозныхъ, чрезъ религію дѣйствовать на политику, а религія съ его точки зрѣнія была не что иное, какъ латинство. Будучи непосредственнымъ свидѣтелемъ всѣхъ явленій революціи, испытавшій по милости ея всякаго рода бѣдствія: потерю имущества, лишеніе отечества, двадцатилѣтнюю разлуку съ семействомъ,

([1]) Въ Арх. М. И. Д. Rome, г. 1802, № 52—59.

([2]) Тамъ же, г. 1804-й, № 56, «Le comte de Maistre ministre de Sardaigne ici a fait au nom de sa cour la démande qu'un corps de troupes russes soit envoyé en Sardaigne pour la defense de cette isle et sette démarche a été aggrée par l'ambassadeur d'Angleterre chevalier de Warzen qui m'a remis également une note relative à cet objet. Тамъ же, № 57, гдѣ говорится, что наше правительство, опасаясь, чтобы Наполеонъ, раздраженный нотою, посланною къ нему отъ насъ, по случаю умерщвленія имъ принца Энгіенскаго, необрушился, въ безсильной злобѣ своей на Россію, на тѣхъ королей, которыхъ мы приняли подъ свое покровительство, и особенно на эксъ-короля сардинскаго, предложило послѣднему пріѣхать въ Россію и утѣшало его всячески.

невольное изгнаніе, скитальческую жизнь со всѣми неизбѣжными ея принадлежностями, Де-Местръ видѣлъ въ революціи что-то сатанинское, какъ онъ самъ выражался, что нужно преслѣдовать всѣми силами души, со всею силою воли. Исходный пунктъ всѣхъ разсужденій Де-Местра — французская революція, перевернувшая весь міръ политическій, всю область умственную и нравственную, смѣшавшая и сбившая всѣ понятія въ головѣ Де-Местра и произведшая въ немъ самомъ странный переворотъ, разбившая его внутренній міръ идей на двѣ части. Съ одной стороны, Де-Местръ какъ бы хочетъ держаться стараго строя идей и началъ, а въ тоже время въ немъ являются симптомы новаго человѣка, порожденнаго той же самой революціей, но только не политической, а умственной, которая заключалась въ первой. Отсюда у него какая-то смутность въ идеяхъ, смѣшеніе въ понятіяхъ, безпорядочность въ мысляхъ, излишество въ выраженіяхъ, парадоксальность во взглядахъ, тонъ вызывающій, остроты, искры и молніи, съ одной стороны напоминавшія Вольтера и давшія нѣкоторымъ поводъ называть Де-Местра Вольтеромъ наизнанку, съ другой обнаружившія въ немъ смѣлую попытку представить изъ себя какого-то пророка, посланнаго едвали не самимъ Богомъ, чтобы гремѣть громами Іеговы противъ умственнаго растлѣнія своего времени.—И дѣйствительно, онъ походилъ болѣе на іудейскаго пророка, нежели на благовѣстника христіанскаго: онъ болѣе поражалъ молніями, страшными образами, онъ болѣе провѣщалъ, чѣмъ училъ, наставлялъ и назидалъ. Для проведенія своихъ мыслей въ жизнь, для доказательства ихъ, онъ готовъ былъ дойдти до самыхъ крайнихъ выводовъ, до самыхъ безобразныхъ парадоксовъ, не блѣднѣлъ и не содрагался даже и тогда, если бы для осуществленія ихъ понадобилась рука палача,

или костеръ и пытка инквизитора, доходилъ до клеветы, исторической лжи, до застращиванія и доносовъ: въ этомъ громко сказалась его іезуитская натура. Устрашать, чтобы спасти, дѣлать ампутаціи, чтобы вылечить, распространять латинство, даже посредствомъ ликторовъ и меча,—вотъ какимъ способомъ хотѣлъ Де-Местръ дѣйствовать на своихъ современниковъ скептиковъ и равнодушныхъ къ вѣрѣ и истинѣ. Онъ не спорилъ, какъ Банальдъ, и не пѣлъ какъ Шатобріанъ, онъ пророчествовалъ и угрожалъ. Самый слогъ его отличался какою-то савойярскою грубостію, дикостію его альпійской родины, онъ не имѣлъ ничего общаго съ слогомъ современной литературы, изнѣженной, шаткой, безъ убѣжденій и вѣры; это слогъ Монтайня, но Монтайня дикаго, упоеннаго вѣрою. Совершившаяся умственная революція въ европейскомъ обществѣ той эпохи, не осталась безъ вліянія на Де-Местра, но оставила свои слѣды на немъ и до нѣкоторой степени сдѣлала его своимъ сыномъ. Де-Местръ сознаетъ всю глубину революціи, потрясшей всѣ нравственныя основы общества, ниспровергшей прежнія правила, поколебавшей власть, показавшей несостоятельность религіи въ формѣ латинства и безсиліе ея удовлетворять требованіямъ и нуждамъ новаго общества; революція обнажила и открыла развалины религіи, но она же очистила мѣсто и для новаго ея зданія. Какъ самъ, увлеченный потокомъ тогдашнихъ революціонныхъ идей, Де-Местръ является своего рода религіознымъ революціонеромъ; онъ хочетъ совершить революцію въ самомъ латинствѣ посредствомъ латинской церкви и—что всего замѣчательнѣе—посредствомъ Франціи, которая за свои грѣхи, за свою революцію, должна быть, по его мнѣнію, искупительницею грѣховъ всего человѣчества, должна быть въ одно и тоже время жрецомъ и жертвою, оживотворяющими міръ и искупляющими его своимъ рели-

гіознымъ воскресеніемъ и обновленіемъ. Главная система его философіи есть католическое христіанство, какъ норма для всѣхъ обществъ, какъ единственно вѣрный регуляторъ для жизни и стройнаго развитія всѣхъ государствъ, всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеній, какъ законъ міровой и неизмѣняемый. Де-Местръ почиталъ себя миссіонеромъ такой религіи и апостоломъ, потому что, по его мнѣнію, теперь уже прошло то время, когда духовенство одно обязано было учить, проповѣдывать и распространять ученіе христіанское; напротивъ, теперь дошла очередь до *лаиковъ*, когда они гораздо успѣшнѣе и съ болѣе плодотворными результатами могутъ заняться апостольствомъ среди невѣрующаго и развращеннаго міра. Революція не только разрушила старыя правительства, но и вычеркнула старыя ученія и старые споры. Де-Местръ поднимаетъ ихъ снова, но онъ употребляетъ новыя доказательства въ спорахъ, потому что, говоритъ онъ, старыхъ доказательствъ теперь не слушаютъ. Священникъ по тому самому, что онъ священникъ, возбуждаетъ въ слушателяхъ недовѣрчивость и подозрѣніе къ своимъ словамъ, и всякій отворачивается отъ него, въ томъ предубѣжденіи, что онъ будетъ повторять уже давно извѣстное всѣмъ, а слѣдовательно и ни для кого неубѣдительное. Напротивъ, когда лаикъ начинаетъ говорить о такихъ высокихъ предметахъ, каковы вопросы религіозные, его слушаютъ охотно, потому что его доказательства не такого рода, какія обыкновенно употребляли и употребляютъ духовные, а, такъ сказать, мірскія, т. е. *раціональныя*. Тексты, ссылки на авторитеты отцевъ церкви, говаривалъ Ламэне, не производятъ никакого впечатлѣнія на умы въ наше время, какъ я замѣчалъ это самъ всякій день. Я знаю многихъ лицъ, которыя были самыми христіаннѣйшими, но въ послѣдствіи сдѣлались отчаянными

невѣрами отъ чтенія апологетическихъ христіанскихъ сочиненій. Съ тѣхъ поръ, какъ разумъ заявилъ себя господиномъ, нужно идти прямо на встрѣчу къ нему, схватить его на его престолѣ, и принудить его подъ угрозами смерти преклониться предъ умомъ Божественнымъ. Это ученіе нельзя уже назвать ученіемъ истинно-латинскимъ, въ немъ вѣетъ и носится уже новый духъ. Преслѣдуя революцію политическую во всѣхъ ея проявленіяхъ, Де-Местръ самъ преобразуется въ революціонера религіознаго и философскаго, онъ раціонализируетъ христіанскій догматъ, вводитъ въ самое святилище таинства умъ, какъ авторитетъ; онъ не отвергаетъ старыхъ богословскихъ доказательствъ, основанныхъ на чудесахъ, но онъ оставляетъ ихъ, какъ непригодныя для употребленія (1). Изъ этого очерка читатели могутъ составить понятіе о томъ могущественномъ вліяніи Де-Местра, какое онъ долженъ былъ производить на высшее русское общество, о томъ важномъ, обширномъ и многостороннемъ пособіи, какое онъ могъ доставить Груберу въ его подземной работѣ олатиненія высшаго русскаго общества. Мы съ намѣреніемъ долго останавливались на описаніи этой личности, чтобы дать возможность читателямъ уяснить себѣ тѣ дѣйствія Де-Местра, которыя займутъ въ нашемъ разсказѣ не одну страницу, и отчасти причины необыкновеннаго успѣха ихъ въ средѣ нашего высшаго общества.

(1) Лучшая характеристика Де-Местра представлена, по нашему мнѣнію, въ Revue des deux mondes, г. 1858-й, въ статьѣ Луи-Бино «Ioseph De-Maistre, pag. 610—645; весьма вѣрно и мѣтко изображена его литературная дѣятельность Ламартиномъ въ его «Nouvelle confidences, Paris, 1861, pag. 318.

Теперь перейдемъ къ описанію дѣятельности самого Грубера.

Первымъ дѣломъ Грубера, по возвращеніи его изъ Полоцка въ Петербургъ, было торжественное открытіе благороднаго пансіона для воспитанія знатнаго русскаго юношества, въ новоотстроенномъ іезуитскомъ великолѣпномъ домѣ. Хотя и до этого времени уже были у іезуитовъ въ школѣ дѣти нѣкоторыхъ русскихъ знатныхъ (1), но ихъ было и не много, и учились они какъ бы вмѣстѣ и смѣшанно съ дѣтьми другихъ сословій; существованіе отдѣльнаго, при іезуитской петербугской церкви, благороднаго пансіона не было торжественно объявлено и не сопровождалось обычными іезуитскими рекламами; наконецъ и нельзя было открывать пансіона благороднаго въ широкихъ размѣрахъ, потому что въ церковномъ іезуитскомъ домѣ не было достаточнаго и комфортабельнаго помѣщенія для пансіона. Теперь зданіе для пансіона было совершенно готово, а слѣдовательно медлить открытіемъ его не представлялось особенной причины; но интересы ордена, расчеты матеріальные и другія соображенія требовали при этомъ и сохраненія при церкви училища для дѣтей средняго сословія; это было выгодно въ матеріальномъ отношеніи для іезуитовъ, а съ другой стороны, расширяло ихъ вліяніе на общество, а также служило предлогомъ увеличивать составъ членовъ іезуитской общины въ Петербургѣ, въ видахъ огромной потребности въ нихъ для педагогическо-образовательныхъ цѣлей, на самомъ же дѣлѣ для распространенія латинства среди русскаго населенія. И такъ наступленіе новаго **1803** года встрѣчено было петербургскими іезуитами открытіемъ благороднаго пансіона или конвикта въ но-

(1) Ч. 1. «Іезуиты въ Россіи...» стр. 433—434, также примѣч. 1-е.

воотстроенномъ домѣ ([1]). Открытію предшествовало приличное объявленіе о такомъ важномъ для Россіи событіи и предпослана была реклама о планѣ воспитанія въ іезуитскомъ пансіонѣ. Вѣроятно, эта реклама вышла изъ подъ пера самого Грубера и съ нею стоитъ познакомиться читателямъ, чтобы по достоинству оцѣнить планъ воспитанія, начертанный іезуитами для дѣтей русской знати.

I. «Вѣра и нравственность, гласитъ іезуитская реклама, суть незыблемое основаніе для всякаго правленія и человѣческаго общества, почему они и составляютъ главную цѣль христіанскаго воспитанія. Евангеліе есть первая книга, коей познаніе необходимо людямъ. Въ семъ-то и состоитъ особенный предметъ попеченія наставниковъ сего училища. Они преподаютъ частыя и безпрерывныя наставленія для раскрытія и изъясненія всѣхъ должностей человѣка-христіанина, живущаго въ обществѣ, и внушаютъ дѣтямъ исполненіе ихъ на самомъ дѣлѣ, бдительно наблюдая за всѣмъ тѣмъ, что они исполняютъ въ разсужденіи обязанностей къ Богу и человѣкамъ. Воспитанники безотлучно находятся предъ глазами одного или многихъ бдительныхъ наставниковъ; въ самую даже ночь пріемлются строжайшія предосторожности противу всякаго безчинія».

II. «Здѣсь обучаютъ всему, что нужно молодому человѣку знать для прохожденія съ честію различныхъ должностей, къ какимъ онъ можетъ быть призванъ въ обществѣ; здѣсь обучаютъ языку латинскому, только необходимому для того, кто хочетъ снискать твердыя познанія и образовать се-

([1]) См. въ арх. М. Н. Пр. дѣло подъ № 79-мъ, г. 1813-й, по рапорту ректора Полоцкой іезуитской академіи, объ открытіи лекцій въ оной академіи, о состояніи оной и подвѣдомыхъ ей училищъ, съ 1813 г. по 1820 г.

бя по тѣмъ же образцамъ, по коимъ образовались всѣ ученые и знаменитые писатели во Франціи, Италіи, Англіи и во всѣхъ странахъ Европы. Здѣсь также обучаютъ основательно языкамъ: французскому и русскому, а желающихъ нѣмецкому и англійскому, исторіи священной и гражданской, древней и новой, баснословію, землеописанію, лѣтосчисленію, словесности, риторикѣ, логикѣ, метафизикѣ, различнымъ отраслямъ математики, начальнымъ основаніямъ права естественнаго, гражданскаго и политическаго. Это пространное поле, которое требуетъ и порядка, и времени. Безъ порядка не можно ничему научиться, какъ должно, а съ скороспѣшностію только поверхностно предмета касаются. Увѣрять родственниковъ, что дѣти ихъ въ два или три года могутъ познать всѣ сіи науки, значило бы обманывать ихъ довѣріе. На сіе посвящается 6 лѣтъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

III. «Первый годъ обучаютъ дѣтей читать, произносить и писать по французски, всеобщему землеописанію, четыремъ простымъ правиламъ счисленія, грамматикѣ французской и латинской до словосочиненія. Присовокупляются учители рисованья и танцованья».

IV. «Вторый годъ продолжаютъ обученіе начаткамъ французскаго и латинскаго языковъ, переводить съ одного языка на другой, какого нибудь легкаго писателя, чтобы пріобычить дѣтей дѣлать принаровку правилъ, имъ показанныхъ; обучаютъ частной географіи главнѣйшихъ царствъ, особливо россійской, священной исторіи, началамъ Богословія, сложнымъ правиламъ численія, дробямъ, тройному правилу. Учители увеселеній тѣже, какіе и въ предыдущемъ году».

V. «Третій годъ. Къ языкамъ предыдущихъ лѣтъ присоединяется основательное обученіе россійскому; занимаютъ

дѣтей переводами лучшихъ писателей, дабы образовать ихъ въ одно время и во вкусѣ и въ слогѣ. Сверхъ сего, обучаютъ ихъ въ сей третій годъ исторіи древней и римской, лѣтосчисленію, алгебрѣ и начаткамъ геометріи. На мѣсто учителя танцованья даютъ имъ учителя музыки».

VI. «Четвертый годъ обучаютъ стихотворенію на русскомъ и французскомъ, упражняютъ въ сочиненіи писемъ, повѣстей, басенъ на сихъ двухъ языкахъ; обучаютъ исторіи новѣйшей, преимущественно россійской, продолжаютъ геометрію даже до тригонометріи включительно; имѣютъ, какъ и въ предыдущемъ году, учителей рисованія и музыки. Желающіе обучаться нѣмецкому или англійскому языкамъ могутъ въ сей годъ начать».

VII. «Пятый годъ обучаютъ риторикѣ по русски и по французски, зодчеству гражданскому и военному; снова даютъ учителя танцованья; для желающихъ прибавляютъ учителя фехтованья, неоставляя рисованья и музыки, если успѣхъ есть въ нихъ; продолжаютъ обученіе нѣмецкому или англійскому».

VIII. «Шестой годъ. Обучаютъ логикѣ, метафизикѣ, опытной физикѣ, механикѣ, основаніямъ права естественнаго, гражданскаго и политическаго. Но невозможно, чтобы всѣ сіи науки были довольно объяснены въ теченіи одного года И такъ желательно, чтобы воспитанники занялись философіею еще годъ, который можетъ особенно посвященъ быть на изученіе физики и правоискусству. Продолжаютъ тѣже языки и тѣже пріятныя исскуства».

IX. «Чтобы быть допущеннымъ въ сей пансіонъ, надобно поработить себя начертанному плану. Ни одинъ воспитанникъ не будетъ изъ сего исключенъ подъ предлогомъ, что какая нибудь наука ему безполезна. Всѣ науки тѣсно между собою связаны, и кто знаетъ какую нибудь изъ нихъ, тотъ

по крайней мѣрѣ много пріобрѣлъ удобности къ познанію другихъ. Смѣло увѣрять можно, что юноша, воспитанный по сей методѣ, будетъ способенъ ко всѣмъ званіямъ, къ какимъ можетъ стремиться молодой человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе».

X. «Годъ ученія начинается 1-го Сентября и оканчивается въ исходѣ Іюля. Въ теченіи сего послѣдняго мѣсяца будетъ всегда открытое испытаніе, на коемъ воспитанники каждаго класса будутъ давать отчетъ въ годовомъ ученіи».

XI. «Мѣсяцъ Августъ назначается для вакаціи и отдохновенія въ ученіи. Оно непрерывается совершенно—не бываетъ только настоящихъ классовъ. Время сіе особенно посвящается на приготовленіе воспитанниковъ къ кругу наукъ, которыя они будутъ начинать, и на усовершеніе тѣхъ, кои отстали въ прежнемъ кругѣ наукъ; чаще занимаютъ ихъ пріятными искусствами, чаще водятъ ихъ прогуливаться, даютъ имъ рекреаціи, сельскія увеселенія, однимъ словомъ, все то, что можетъ оживить духъ молодаго человѣка послѣ важнаго занятія, какого отъ нихъ требуютъ цѣлый годъ; тщательно избѣгаютъ всего того, что, поселяя въ нихъ много разсѣянности, отнимаетъ у нихъ охоту къ ученію. По сей-то причинѣ поставляется, какъ бы въ неизмѣняемое правило, не позволять воспитанникамъ проводить сіе время у своихъ родителей. Опытъ насъ научаетъ, что отлучка дѣтей изъ училища въ теченіи воспитанія обращается всегда во вредъ ихъ ученію. И такъ несумнѣваемся, чтобы родители, кои болѣе имѣютъ на сердцѣ истинное благо своихъ чадъ, нежели минутное удовольствіе, непризнали первые мудрость сего правила».

XII. «Желательно, чтобы родители сами приходили видѣть дѣтей своихъ въ пансіонѣ; впрочемъ незапрещается дѣтямъ два раза въ мѣсяцъ обѣдать у нихъ, но никогда, ни

подъ какимъ предлогомъ непотерпится, чтобы воспитанники ночевали внѣ пансіона. Они могутъ выходить только въ воскресенье, и то отслушавъ прежде литургію; всегда же возвращаться зимой въ 8, а лѣтомъ въ 9 часовъ».

XIII. «Величайшее прилагается попеченіе о здоровьи дѣтей, даются имъ рекреаціи и нужныя отдохновенія, содержится самая исправнѣйшая чистота, пища здоровая и избыточная, совершенно таже воспитанникамъ, какая и главнѣйшимъ изъ воспитателей; нанимается лекарь отъ дому для бдѣнія надъ здоровьемъ, для предваренія болѣзней или для скорѣйшей помощи».

XIV. «Цѣна за пансіонъ тысяча рублей; за полгода всегда платится впередъ, дабы содержатели могли снабдить себя нужными припасами. Учитель танцованья, рисованья, музыки и фехтованья, лекарь и русскій священникъ получаютъ плату отъ дому. Издержки на аптеку состоятъ на отчетѣ родителей, также мытье бѣлья, книги и другія мелочные расходы воспитанниковъ».

XV. «Возрастъ приличнѣйшій для начатія училищнаго воспитанія полагается 9 или 10 лѣтъ; никого непринимаютъ выше 12 и ниже 7 лѣтъ. Пріемъ воспитанниковъ бываетъ только въ мѣсяцѣ Августѣ, потому что какъ ученіе начинается 1-го Сентября, то позже поступившіе могутъ отстать отъ другихъ. Умоляются родители, чтобы, если они захотятъ взять дѣтей своихъ изъ пансіона, предварительно извѣщали, покрайней мѣрѣ за три мѣсяца, дабы можно было расположить ихъ мѣстами» (1).

(1) См. въ арх. канц. Петербургск. митрополита дѣло подъ № 637-мъ, г. 1812-й, относительно преподаванія Закона Божія въ Іезуитскомъ институтѣ; также въ канц. об. пр. Св. Синода, г. 1813-й, № 253-й, дѣло по отношенію къ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому на

Рекламѣ Грубера вторило сто голосовъ Д'Огардовъ, Де-Местровъ, Герцогинь Тарантъ, Шуазелей, Сэнъ-При, Литтъ, Капріоло и проч. и проч. Какъ же было неоткликнуться на эту рекламу нашимъ княгинямъ Софьямъ Алексѣевнамъ, или графинямъ Марьямъ Петровнамъ? Рванулась русская знатная молодежъ въ открытыя настежъ двери іезуитскаго пансіона, или лучше ее вталкивали туда собственными своими руками сами маменьки и папеньки, немогшіе противиться убѣжденіямъ своихъ женъ. Въ какіе нибудь два года въ іезуитскомъ петербургскомъ пансіонѣ уже было 56 воспитанниковъ, изъ которыхъ болѣе трехъ четвертей были дѣти русской православной знати. Тутъ были дѣти Голицыныхъ, Толстыхъ, Гагариныхъ, Растопчиныхъ, Шуваловыхъ, Кутузовыхъ, Вяземскихъ, Сѣвериныхъ, Строгановыхъ, Новосильцовыхъ, Пушкиныхъ, Одоевскихъ, Рюминыхъ, Каменскихъ, Глинки и другихъ (1). Такъ свойственное женщинамъ нашего высшаго общества легкомысліе въ вещахъ самыхъ серьезныхъ никогда невыступало такъ ярко и съ такою поразительностію, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о воспитаніи ихъ сыновей. Кажется, для нихъ было гораздо труднѣе рѣшить задачу о цвѣтѣ бальнаго платья, или о покупкѣ шляпки, или прическѣ волосъ, чѣмъ вопросъ о воспитаніи своихъ дѣтей. Тутъ на слово вѣрили всякому выходцу, незадумывались долго ни надъ чѣмъ, и скорѣе удаляли изъ подъ отеческаго крова свое дѣтище, въ какой нибудь пансіонъ аббата Николя или отца Грубера, и совершивши такой ве-

счетъ замѣченной безуспѣшности въ Законѣ Божіемъ по Іезуитскому институту.

(1) См. имѣющійся у меня списокъ воспитанниковъ іезуитскаго пансіона, съ показаніемъ лицъ, на попеченіи которыхъ они состоятъ.

ликій педагогическій подвигъ, спокойно спали нѣжные родители, ожидая великихъ и благотворныхъ плодовъ для Россіи и для себя отъ такого неусыпнаго и внимательнаго образованія своихъ дѣтей. Образцемъ такого легкомысленнаго взгляда матерей высшаго общества, на воспитаніе своихъ дѣтей, служитъ слѣдующее письмо Графини Растопчиной къ своему мужу: «кавалеръ Д'Огардъ (извѣстный пройдоха и іезуитъ), мой другъ сообщилъ мнѣ необходимыя свѣдѣнія о заведеніи іезуитскомъ; въ немъ 56 пансіонеровъ; преподаваніе устроено весьма хорошо, о здоровьѣ и нравственности воспитанниковъ заботятся самымъ внимательнымъ образомъ. Питомцы православные имѣютъ законоучителя изъ русскихъ священниковъ. Годичная плата за каждаго воспитанника 600 рублей, считая тутъ все, если только не желаютъ имѣть еще особеннаго учителя, за что платятъ отдѣльно» [1]. На такихъ-то данныхъ не одна Растопчина, а цѣлые десятки русскихъ матерей, подобно Растопчиной, толкали въ іезуитскій вертепъ своихъ сыновей, не провѣря съ должнымъ вниманіемъ безстыдныхъ восхваленій какихъ нибудь іезуитовъ Д' Огардовъ и братіи его. А между тѣмъ опытъ показалъ самые плачевные результаты воспитанія, полученнаго русскими юношами въ іезуитскомъ пансіонѣ. Дѣти православныхъ родителей те-

[1] Materiaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Theodore Rastoptchine, rassemblés par son fils, pag. 423. «Le chevalier d'Augard vient de me donner, mon ami, les informations nécessaires au sujet de l'établissement des Jésuites: les pensionnaires sont en nombre de cinquante six; les études dans ce moment sont très bien dirigées; et on porte la plus grande attention à la santé des éleves et à leur moralité. Ceux de la religion grecque ont pour l'instruction religieuse un prêtre russe. On paye six cents roubles par an, tout compris, à moins qu'on ne désire avoir quelque maître particulier, qu'on paye separement.»

ряли здѣсь и вѣру своихъ отцевъ, и языкъ своей родины, и даже переставали быть русскими и превращались въ космополитовъ, подобно своимъ учителямъ, для которыхъ несуществовало на земли отечества, кромѣ ихъ ордена. Интересно прослѣдить, по имѣющимся у насъ подъ руками документамъ, процессъ образованія или лучше превращенія въ іезуитскомъ пансіонѣ русскихъ православныхъ дѣтей въ латинянъ и какихъ-то космополитовъ. Пріемы, употребляемые іезуитами для достиженія этой цѣли, показываютъ все искусство и лукавство сыновъ Лойолы. Ограничимся пока описаніемъ того, что дѣлали іезуиты съ преподаваніемъ Закона Божія православнымъ воспитанникамъ. Мы будемъ здѣсь говорить словами бывшихъ питомцевъ петербургскаго іезуитскаго пансіона и офиціальными доношеніями бывшихъ православныхъ законоучителей въ этомъ пансіонѣ. «Я поступилъ, говоритъ бывшій іезуитскій питомецъ, графъ Александръ Николаевичъ Толстой, въ заведеніе патера Грубера въ 1802 г. вмѣстѣ съ Сѣверинымъ (бывшимъ россійскимъ посланникомъ въ Мюнхенѣ) и барономъ Веліо (бывшимъ царскосельскимъ комендантомъ). На насъ съ перваго дня такъ повѣяло чѣмъ-то совершенно намъ чуждымъ, что—какъ будто теперь вижу—мы усѣлись въ трехъ разныхъ углахъ и стали горько плакать. На другой же день насъ повели въ католическую церковь и начали учить латинскому языку. Впослѣдствіи (времени) всякой день насъ нетолько заставляли читать утреннюю, трапезныя и вечернюю молитвы и Евангеліе по латынѣ, но во время католической обѣдни прислуживать патерамъ въ качествѣ церковнослужителей (enfants de choeur) и отвѣчать на ихъ латинскіе возгласы; наконецъ, Законъ Божій преподавалъ намъ по римскому катихизису патеръ Крушинскій..... Каждое утро въ $^3/_4$ осьмаго часа всѣ должны идти

въ церковь на молитву. По воскресеньямъ, послѣ полудня, объяснялось христіанское ученіе, само собою разумѣется, въ духѣ латинскомъ, на эти благочестивыя ежедневныя и воскресныя экзерциціи должны были являться и православные русскіе питомцы. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одна бойкая русская барыня не посѣтила пансіонъ, гдѣ наши дворяне получали такое чудовищное воспитаніе. То была знаменитая графиня Марья Алексѣевна ([1]) (урожд. княжна Голицына), супруга графа Петра Александровича Толстаго (роднаго дяди покойнаго), бывшаго главнокомандующимъ въ Москвѣ, которая и въ послѣдующіе годы пользовалась тамъ такимъ авторитетомъ, что Грибоѣдовъ заключилъ послѣднее дѣйствіе «Горе отъ Ума» восклицаніемъ: Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить княгиня

([1]) Не долго, или напрасно ратовали за православіе подобныя Марьѣ Алексѣевнѣ тетушки и маменьки; нѣкоторыя изъ нихъ скоро сами оставили православіе и перешли въ латинство, да еще увлекли за собой и мужей своихъ, а нѣкоторыя въ родѣ Новосильцовой, думая наблюдать и слѣдить за своимъ сыномъ, часто посѣщая іезуитскій пансіонъ, невидали того, что̀ слѣдовало видѣть, только возбуждали іезуитовъ къ большимъ мѣрамъ предосторожности и къ большей хитрости въ пріемахъ по отношенію къ ихъ дѣтямъ, и сами въ глазахъ іезуитовъ дѣлались только смѣшными по своей близорукости. Вотъ что напримѣръ писалъ Московскій іезуитъ къ Петербургскому: «Сейчасъ только посѣтилъ меня Новосильцовъ, сообщившій мнѣ письмо отъ жены своей на подобіе журналовъ. Признаюсь, что не могъ удержаться отъ смѣху, по случаю частыхъ явленій сей дамы въ вашемъ домѣ. Какъ человѣкъ опытный, опасаюсь, чтобы сіе непослужило вашимъ молодымъ людямъ къ насмѣшкамъ. Возможно ли сей доброй дамѣ имѣть такъ мало догадки, чтобъ непримѣтить, что она должна тяготить весь вашъ домъ. Какъ она могла согласиться на предложеніе особой комнаты, чтобъ видѣть своего сына во время рекреацій! Подлинно ничего болѣе не остается, какъ приносить ей туда ея обѣдъ, работу и наконецъ постель. Г. Новосильцовъ сказалъ на ея счетъ: «желательно, чтобы открыли глаза женѣ моей въ такой нескромности, но я не хочу мѣшаться». (Внутр. переп. іезуитовъ, № 113-й).

Марья Алексѣвна»! Эта почтенная дама очень подробно стала распрашивать патеровъ и самихъ пансіонеровъ, и когда узнала, въ чемъ дѣло относительно уроковъ Закона Божія, то настояла, чтобы преподованіе его передано было православному священнику. Іезуиты непреминули избрать наименѣе образованнаго изъ петербургскихъ священниковъ и назначили ему для лекцій одинъ часъ въ недѣлю,—какой, вы думаете? Послѣдній предъ роспускомъ, въ субботу вечеромъ. Но мало того, что дѣти по неволѣ слушали его разсѣянно, думая каждый о возвращеніи въ свою семью, патеры самымъ утонченнымъ образомъ поучали шаловливую молодежь издѣваться надъ своимъ законоучителемъ и дѣлать ему всевозможныя школьничества. Дошло наконецъ до возмутительныхъ скандаловъ, вслѣдствіе которыхъ іезуиты принуждены были допустить на каѳедру Закона Божія отличнаго теолога, тогдашняго протоіерея Симеоновской церкви ([1]). Мы незнаемъ имени перваго православнаго законоучителя въ іезуитскомъ пансіонѣ; чтоже касается до другихъ, то съ 1809 г. по 1811-й былъ протоіерей Воскресенскаго собора Бедринскій, отличавшійся въ свое время знаніемъ Французскаго языка и переведшій съ Французскаго на русскій слѣдующія сочиненія: «Вопль истины противъ соблазна міра»; «Величіе души»; «церковную исторію»; и «политику, почерпнутую изъ Священнаго Писанія»; и прославившійся ученостію, зачто избранъ былъ въ члены нашей академіи наукъ; съ 1811 по 1812-й годъ

([1]) Рус. Инвал. г. 1866-й, № 212-й, некрологъ графа Александра Николаевича Толстова, также особую о Толстомъ брошуру, Толстой здѣсь ошибается, назвавъ втораго законоучителя въ іезуитскомъ пансіонѣ протоіереемъ Симеоновской церкви, это былъ протоіерей Воскресенскаго Собора Бедринскій.

преподавалъ Законъ Божій въ іезуитскомъ пансіонѣ священникъ Сергіевскаго всей артиллеріи Собора Іоаннъ Данковъ, извѣстный знаніемъ нѣмецкаго языка и даромъ проповѣдничества; съ 1813 по 1815-й г. священникъ Сергіевскаго же собора Малиновскій, человѣкъ, какъ свидѣтельствовалъ о немъ митрополитъ Амвросій, доказавшій на опытѣ свое знаніе и свои способности еще въ то время, когда онъ учился въ академіи, а потомъ, когда онъ училъ въ здѣшней семинаріи ([1]). Но вотъ что офиціально доносили эти законоучители, когда спрашивали ихъ о причинѣ безуспѣшности русскихъ дѣтей въ Законѣ Божіемъ. Сознаваясь въ дѣйствительности этого факта, законоучители представляли причины его и объясняли его единственно преднамѣреннымъ стремленіемъ іезуитскаго генерала сдѣлать преподованіе православнаго Закона Божія въ іезуитскомъ пансіонѣ одною только пустою формальностію, средствомъ унизить и уронить въ глазахъ православныхъ воспитанниковъ ихъ родную вѣру, а въ тоже время отнять возможность зорче слѣдить за совращеніемъ русскихъ дѣтей у тѣхъ, коимъ вѣдать это надлежало, и русскимъ священникомъ, какъ ширмою, прикрывать свою пропаганду среди русской молодежи. «Ученіе катихизическое, доносилъ о. Данковъ митрополиту Амвросію, преподается одинъ только разъ въ недѣлю, во вторникъ. Когда я вступилъ въ долж-

([1]) См. послужные списки, приготовленные въ С.-Петербургской духовной консисторіи, по силѣ указовъ изъ Св. Синода 1798-го Декабря 31-го и 1802-го годовъ Марта 11 числъ, о находящихся въ С.-Петербургской епархіи при Соборахъ и церквахъ протопопахъ за 1816-й годъ, также дѣло подъ № 253-мъ, г. 1813-й, въ канц. об. прок. Св. Синода, по отношенію къ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому на счетъ замѣченной безуспѣшности въ Законѣ Божіемъ по іезуитскому институту.

ность законоучителя, то, сдѣлавъ краткое испытаніе ученикамъ, нашелъ, что изъ всѣхъ ихъ, даже самыхъ возрастныхъ, никто немогъ отвѣтствовать на первоначальные катихизическіе вопросы, представляя причину, что во все продолженіе прошедшаго времени незанимались изученіемъ уроковъ и неимѣли для сего потребныхъ книгъ; многіе же изъ нихъ нашлись неразумѣющими вовсе читать церковной печати. Далѣе о. Данковъ говоритъ, что ректоръ намѣренно непокупалъ для дѣтей православныхъ катихизисовъ, или покупалъ ихъ въ маломъ количествѣ, и то послѣ самыхъ усиленныхъ и докучливыхъ напоминаній и вымаливаній со стороны православнаго законоучителя». Впослѣдствіи времени, продолжаетъ о. Данковъ, возрастные ученики 6-го класса открылись явно мнѣ, что они, слушая уже философическія лекціи, не желаютъ и никакъ несогласны проходить катихизическое ученіе, свойственное только малолѣтнимъ дѣтямъ, и подъ симъ предлогомъ всячески отклонялись отъ изученія изустныхъ уроковъ, о чемъ я также относился къ ректору, прося его отвратить учениковъ отъ сего предубѣжденія, послѣ чего хотя показалась въ нихъ нѣкоторая перемѣна, но совершеннаго успѣха весьма долго непослѣдовало, ибо во всякій разъ ученики предлагали новыя противорѣчія и отговорки, и весьма примѣтно было, что *они въ семъ случаѣ несвоими руководствуются мыслями*. Сему примѣру слѣдовали возрастные ученики 4 и 3-го класса. Я съ великимъ прискорбіемъ видѣлъ въ нихъ нетолько крайнее пренебреженіе, но и даже ненависть къ христіанскому (православному) ученію, а потому ревностными убѣжденіями, совѣтами и увѣщаніями едва могъ въ продолженіи времени возбудить въ нихъ надлежащее вниманіе къ священнымъ истинамъ и ослабить въ нихъ всякой духъ противленія. Маловозраст-

ные 2 и 1-го класса ученики отзывались также много разъ, что имъ ни одного свободнаго часа въ недѣли неназначалось для изученія катихизическихъ уроковъ, въ чемъ, по неоднократной моей употребленной просьбѣ къ г. ректору, хотя и послѣдовало удовлетвореніе, но ученики и послѣ того оставались на нѣсколько времени еще неисправными въ урокахъ, ибо, по всеобщему показанію ихъ, хотя они и пользовались свободными часами, но отъ надзирателей своихъ ничего неслыхали, для чего оные часы даны имъ, а потому, считая сіе временемъ отдохновенія, проводили ихъ праздно, безъ всякаго занятія ([1]). Мы небудемъ комментировать этотъ рапортъ о. Данкова—онъ и безъ комментаріевъ ясенъ и самъ говоритъ за себя, а приведемъ свидѣтельство другаго православнаго законоучителя объ іезуитскомъ петербургскомъ пансіонѣ. 1) «Въ пансіонѣ сего братства, доноситъ о. Малиновскій митрополиту Амвросію, нѣтъ 4-й доли дѣтей римско-католическаго исповѣданія. 2) Дѣти греко-россійскіе, при повѣркѣ уроковъ, никогда незнаютъ вѣрно и для будущаго отчета надежно. 3) Справляются съ какимъ-то постороннимъ катихизисомъ и въ отвѣтахъ помѣщаютъ французскія слова; почему можно заключить, что они или обучаются другому закону, кромѣ греко-россійскаго, или симъ послѣднимъ занимаются на французскомъ языкѣ. 4) Воспитанники, особливо старшіе, предлагаютъ вопросы приличные папистамъ, какъ то: о первенствѣ папы, раздѣленіи церквей, о чистилищѣ и мытарствахъ, о Причащеніи подъ однимъ видомъ, о опрѣснокахъ, и притомъ съ видомъ увѣренія и настоятельно. Поелику же дѣти, неимѣя другихъ книгъ, кромѣ католи-

([1]) См. въ арх. канц. петерб. митр. дѣло подъ № 637-мъ, г. 1812-й, относительно преподаванія Закона Божія въ іезуитскомъ институтѣ.

ческихъ, не могутъ о семъ имѣть свѣдѣнія, развѣ изъ внушеній своихъ наставниковъ, то можно заключить, что братство сіе занимаетъ ихъ бесѣдою о своемъ законѣ. 5) Воспитанники въ извиненіе себя приводятъ краткость времени, ибо имъ на Законъ назначенъ одинъ часъ въ недѣлю; а младшіе открыли прошлаго Октября 19 и 26 дней и послѣ многократно подтверждали, что они россійскому Закону обучаются однажды, а римскому дважды (въ недѣлю), именно, въ воскресенье и среду. 6) Воспитанники утреннее и вечернее моленіе Богу совершаютъ на французскомъ языкѣ, по книжкѣ, для сего изданной въ Полоцкѣ. 7) Воспитанники, особливо вновь поступившіе, обнаруживая злоупотребленія своихъ наставниковъ, просятъ неоткрывать ихъ именъ, опасаясь тѣмъ подвергнуться продолжительному гнѣву своихъ воспитателей ([1]).

Касательно самаго ректора и воспитателей о. Малиновскій доносилъ слѣдующее: 1) о всякой неисправности извѣщается г. ректоръ, но дѣло почти всегда кончится одними обѣщаніями; если же настоятельствомъ иногда и доводится до того, чтобъ наказать виновныхъ, то, кажется, безъ полезнаго для законоучителя внушенія; ибо дѣти послѣ того дѣлаются еще неистовѣе. 2) Нельзя и думать, чтобъ воспитатели сіи захотѣли внушать и питать въ дѣтяхъ касательно законоучителя довѣріе и нѣкое предубѣжденіе (безъ чего не можно обучать съ вѣрными успѣхами), ибо они его самаго, по окончаніи часа, не давъ окончить урока, высы-

([1]) См. въ арх. канц. об. пр. св. Синода дѣло подъ № 253-мъ, г. 1813, по отношенію къ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому на счетъ замѣченной безуспѣшности въ Законѣ Божіемъ по іезуитскому институту.

лаютъ съ грубостію, или воспитанникамъ приказываютъ безъ его позволенія выходить, что между прочими примѣрами показалъ отецъ Журданъ прошлаго 26-го дня Октября. 3) Когда предложено ректору, чтобъ онъ прекратилъ обученіе римскому закону, то прежде всего съ разсѣянностію отозвался, что необучаютъ; на подтвержденіе же, что воспитанники то говорятъ, и что законоучитель почтетъ долгомъ донести о семъ своему начальству, сказалъ: «небоюсь». 4) Замѣчено, что воспитатели сіи или необучаютъ дѣтей Священной Исторіи, или преподаютъ ее поверхностно. 5) Поелику воспитатели по конституціи своего братства не принадлежатъ ни къ какой націи (большая часть изъ нихъ Поляковъ и Французовъ), то и въ созрѣвающихъ воспитанникахъ болѣе примѣтны космополиты или эгоисты, нежели зарождающіеся сыны отечества. 6) Одно повидимому льститъ родителямъ, что дѣти ихъ обучаются всѣмъ наукамъ на французскомъ языкѣ, русскій же совсѣмъ въ пренебреженіи; почему изъ воспитанниковъ нѣкоторые не могутъ изъясняться по русски ([1]), а большая часть затрудняется въріисканіи приличныхъ словъ.

([1]) Для полноты картины іезуитскаго воспитанія я почитаю нужнымъ привести разсказъ еще одного русскаго, обучавшагося у петербургскихъ іезуитовъ, К. В. Чевкина. «Въ первые два года моего воспитанія у іезуитовъ, разсказывалъ почтенный В. К. Чевкинъ, у насъ совершенно не было православнаго законоучителя и Законъ Божій предподавали намъ сами патеры іезуиты, конечно въ латинскомъ духѣ. Преподаваніе все шло на французскомъ языкѣ, такъ что русскія дѣти, поступившія въ іезуитскій пансіонъ съ правильнымъ и достаточнымъ знаніемъ русскаго языка, выходили оттуда, совершенно забывши свой родной языкъ, какъ случилось и со мною, такъ что отецъ мой, чистый русскій и неумѣвшій говорить по французски, пріѣхавши въ Петербургъ для свиданія со мною, послѣ четырехлѣтней разлуки, страшно пораженъ былъ, когда увидѣлъ, что я совершенно позабылъ свой родной языкъ и не могъ объясняться на немъ. Матери русскихъ дѣтей, подъ предлогомъ, быть ближе къ дѣ-

7) Прошлаго 31-го Октября ректоръ открылъ, что онъ и самъ обучалъ Грекороссійскому Закону. 8) Сверхъ сего, по его же словамъ, въ училищѣ вольноприходящихъ болѣе 70-ти грекороссіянъ, коимъ непреподается Законъ, а долгъ его требовалъ бы представить о семъ куда слѣдуетъ. 9) Никогда не приглашается законоучитель къ частнымъ испытаніямъ. 10) Законоучитель не можетъ испросить у ректора надлежащаго списка воспитанниковъ и неполучаетъ извѣстія не о выбывающихъ изъ училища, ни о временно-отлучающихся ([1]).

Кажется, читатель изъ приведенныхъ свидѣтельствъ легко можетъ вывесть заключеніе о томъ, въ какой мѣрѣ іезуитскій пансіонъ въ Петербургѣ содѣйствовалъ развитію духа православнаго и русскаго среди православнаго и русскаго юношества. Но іезуиты не удовольствовались тѣмъ, что поставили православнаго законоучителя въ своемъ пансіонѣ въ чисто формальное, жалкое и почти ничтожное положеніе; они употребляли всѣ средства совершенно парализировать дѣйствіе и слабыхъ его уроковъ и даже совершенно

тямъ, помѣщались въ квартирахъ іезуитскато дома, разсказывалъ Чевкинъ, а между тѣмъ это была удочка со стороны іезуитовъ, чтобы ловить въ латинство и маменекъ русскихъ питомцевъ. Не малую роль играли и грѣховныя побужденія, т. е. просто развратъ нашихъ барынь, которыя особенно льнули къ іезуиту Журдану, а этотъ ad majorem gloriam Dei и распутство употреблялъ какъ средство для совращенія русскихъ въ латинство. Средство это оказалось могущественнымъ, что никто изъ петербургскихъ іезуитовъ за исключеніемъ Розавена и де-Местра, необратилъ столько въ латинство нашихъ барынь, какъ Журданъ; но за то никто съ о. Журданомъ немогъ поспорить въ распутствѣ и любовныхъ интригахъ. Это былъ истинный Фоблазъ въ честномъ іезуитскомъ обществѣ.

([1]) См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ о замѣченной безуспѣшности въ Законѣ Божіемъ по іезуитскому институту объясненіе о.о. Данкова и Малиновскаго».

([2]) Тамъ же.

изгнать русскаго священника изъ своего пансіона и такимъ образомъ удалить отъ русскихъ питомцевъ даже внѣшнее напоминовеніе о ихъ прародительской вѣрѣ, объ ихъ русскомъ происхожденіи. Іезуитская изобрѣтательность истощала себя въ пріисканіи всѣхъ средствъ для достиженія этихъ цѣлей: то іезуиты старались какъ можно долѣе не замѣщать должности законоучителя въ своемъ пансіонѣ, когда прежній законоучитель выходилъ изъ ихъ пансіона и когда нужно было опредѣлить на мѣсто его новаго, съ тою очевидно цѣлію, чтобы въ такой продолжительный промежутокъ времени русскіе питомцы позабыли и то не многое, что они узнали отъ своего православнаго законоучителя, а между тѣмъ въ тоже время самъ ректоръ іезуитскаго пансіона, или какой нибудь другой іезуитъ въ родѣ патера Крушинскаго брали на себя обязанность законоучителя русскихъ воспитанниковъ и читали имъ Законъ Божій въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и конечно уже не въ православномъ духѣ, а прямо ему враждебномъ; то ректоръ или генералъ іезуитскій смѣло, безъ всякихъ церемоній, прямо обращались къ самому Государю Императору и просили Его, чтобы онъ запретилъ русскому священнику, т. е. законоучителю въ іезуитскомъ пансіонѣ, отзываться обиднымъ образомъ о католической религіи ([1]), т. е. опровергать заблужденія латинства и отступленія римской церкви отъ православія. Наконецъ у іезуитовъ всегда была задушевная мысль, какъ бы совершенно удалить православнаго законоучителя изъ своего пансіона. Вотъ что на примѣръ писалъ іезуитъ Сюрюгъ къ іезуиту Билли: «семейство Пушкиныхъ все предано вамъ. Графъ Владиміръ въ институтѣ іезуитовъ; желательно чтобы вы устранили русскихъ

([1]) См. внутр. переп. іезуитовъ № 244.

поповъ отъ ученія вѣры вашихъ воспитанниковъ. Попы сіи, по моему мнѣнію, всегда будутъ первыми вашими врагами. Графъ Пушкинъ въ послѣднюю свою поѣздку въ Тверь встрѣтился съ попомъ, къ которому онъ былъ благосклоненъ и который обучалъ воспитанниковъ вашихъ Закону Божію. Сей попъ сказалъ ему: «оказываемыя мнѣ вами, милостивый государь, милости обязываютъ меня предувѣдомить васъ объ одномъ самомъ важномъ обстоятельствѣ; есть между дѣтьми самыя ужасныя привычки; вы понимаете? . . Я былъ духовникомъ сихъ молодыхъ людей, и вы можете мнѣ въ томъ повѣритъ». «Повѣрьте, что если избавитесь такихъ наставниковъ, то одержите совершенную побѣду. Здѣшніе русскіе господа просятъ меня давать ихъ дѣтямъ уроки въ вѣрѣ (это московскіе наши князья и графы просятъ іезуита учить ихъ дѣтей Закону Божію), поелику, говорятъ они, попы ихъ ничего несмыслятъ. Вы согласитесь, что я долженъ взять предосторожность, и что я на то нерѣшусь, необезпечивъ себя напередъ. Я требую, чтобы дѣти были смѣшаны съ дѣтьми католиковъ [1]». Іезуиты, сами получая огромныя деньги съ дѣтей русской знати, православному законоучителю платили весьма скудно сравнительно съ вознагражденіемъ другихъ учителей, именно 200 р. асс. въ годъ, да и при этомъ употребляли разнаго рода прижимки, дѣлали недодачи, подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ уменьшилось число пансіонеровъ, а слѣдовательно произошелъ недостатокъ въ суммѣ необходимой для вознагражденія законоучителя, по своему

(1) Тамъ же № 114, также III тетрадь, письма іезуитскаго генерала къ кн. А. Н. Голицину и графу Разумовскому, гдѣ говорится, что ежели публика недовольна отвѣтами воспитанниковъ въ катихизисѣ, то причиною сему русскій попъ, а не іезуиты. «Обыкновенный и вполнѣ достойный іезуитовъ пріемъ!»

произволу возвышали и уменьшали это жалованье, и наконецъ даже просто обсчитывали ([1]).

Въ виду расширяющагося каждый день пространства для іезуитской педагогической дѣятельности, при открывающемся каждонедѣльно обширномъ полѣ миссіонерскихъ трудовъ среди избраннаго русскаго общества, наконецъ для осуществленія огромныхъ плановъ, наполнявшихъ голову Грубера, и обнимавшихъ самые разнородные предметы и всѣ страны свѣта, іезуитское общество нуждалось во многихъ рабочихъ силахъ, во многихъ даровитыхъ, всесторонне, или лучше разносторонне, развитыхъ личностяхъ. Груберъ озаботился всѣ лучшія силы іезуитскаго общества, также института свящ. сердца и вѣры разбросанныя и разметанныя по всему лицу земли, собрать во едино и сосредоточить ихъ въ Россіи, около іезуитскаго центра. У него по всей Европѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, заведены были своего рода особыя конторы для вербовокъ кандидатовъ для русскаго іезуитскаго общества и отправленія ихъ въ Россію. Мѣстами этими были: Аугсбургъ, Диллингенъ, Нантъ, Амстердамъ, Падерборнъ, Неаполь, Римъ, Вѣна, Миланъ и другіе. Особенныя лица назначены были Груберомъ для вербовки волонтеровъ для русскаго воинства Лойолы. Эти лица или были старые іезуиты, оставшіеся въ разныхъ мѣстахъ Европы и подъ платьемъ свѣтскимъ или другихъ монашескихъ орденовъ скрывавшіе свои іезуитскія стремленія, или іезуиты, посланные Груберомъ изъ Россіи въ Европу съ разными порученіями, въ числѣ которыхъ было возложено на нихъ вербованіе кандидатовъ для іезуитскаго общества Россіи.

([1]) См. въ дѣлѣ относительно преподаванія Закона Божія въ іезуитскомъ институтѣ, 1812 г. № 637, объясненіе священника Малиновскаго и отношеніе Мин. Нар. Пр. Разумовскаго къ митрополиту Амвросію.

Къ первой категоріи можно причислить Мореля, Эша, Фонтэня, Драгетти, Генриха, Руссо, Келлера, Боннета, Ампера, Брюсселя ([1]), Мовви, Пенклера, Перелли, Пигнателли, Стриклонда, Стона и другихъ; ко второму разряду принадлежатъ: Паницциони, Зюнингъ, Анжіолини и другіе ([2]). Дѣйствія всѣхъ этихъ вербовщиковъ были такъ успѣшны, что иногда вдругъ являлось 25 іезуитовъ эмигрантовъ въ Полоцкѣ, которые потомъ сортировались по группамъ, смотря по ихъ способностямъ, и, по усмотрѣнію полоцкаго ректора, опредѣлялись къ разнымъ должностямъ и занятіямъ, оставлялись или въ самомъ Полоцкѣ, или отсылались въ Петербургъ, гдѣ въ свою очередь мощное слово Грубера или приковывало ихъ къ Петербургу, или бросало въ Китай, Римъ, Сицилію, Лондонъ, въ саратовскія степи, Крымъ, на Кавказъ, въ Америку ([3]). При-

([1]) Внут. переп. іезуитовъ, № 132, «Большой пакетъ писемъ почти изъ всѣхъ европейскихъ земель, особливо же изъ Нанта, Парижа, Амстердама, Падерборна, Аугсбурга, писанныхъ слѣд. лицами: Эшемъ, Генрихомъ, Гёрнемъ, Руссо, Фонтэнемъ, Остнеромъ, Боннетомъ, Ампероромъ, Брюсселемъ, Морелемъ, Драгетти, іезуитами или эксъ-іезуитами. Почти всѣ сіи письма заключаютъ извѣстія о людяхъ, посланныхъ или посылаемыхъ въ Россію для общества іезуитскаго, и видно изъ оныхъ, что іезуиты, Морель, Эшъ, Фонтэнь и другіе жили во Франціи, Фландріи, Голландіи и Германіи, для того только, чтобы набирать молодыхъ людей для іезуитскаго ордена. Два письма отца Эша изъ Падерборна, Августа 1810 г., содержатъ извѣстія объ отъѣздѣ четырехъ кандидатовъ изъ Фламандцевъ въ Россію, также № 255».

([2]) Тамъ же № № 88, 42. *Примѣчаніе.* Въ Бреславлѣ жилъ іезуитъ Келлеръ, на котораго возложена была обязанность экзаменовать и приготовлять всѣхъ кандидатовъ, которые желали присоединиться къ іезуитамъ, проживающимъ въ Россіи (письма Березовскаго во внут. перепискѣ іезуитовъ).

([3]) Notices historiques sur quelques membres de la société des Pères du Sacré-coeur et de la Compagnie de Jésus, par le P. Achille Guidée, tom. II, pag. 84 и дальнѣйшія; также tom. I, pag. 109.

няты были всѣ мѣры къ тому, чтобъ этотъ приливъ іезуитовъ изъ Европы въ Россію облегченъ былъ всячески и совершался безъ всякихъ затрудненій: изъ Россіи іезуитскій генералъ посылалъ паспорты для тѣхъ, которые объявили его агентамъ желаніе свое поступить въ русское іезуитское общество; митрополитъ Сетренцевичь, по одному только письменному удостовѣренію какого нибудь іезуита, пребывающаго въ Россіи, что новоприбывшій эмигрантъ іезуитъ имѣетъ священническую степень, допускалъ его до священнослуженія и совершенія всѣхъ священническихъ обязанностей (1); наконецъ, какъ обнаружилось впослѣдствіи, отъ этихъ выходцевъ нетребовали присяги на русское подданство, и большая часть изъ нихъ пріѣхала въ Россію на деньги нашихъ баръ (2), а нѣкоторые подъ

(1) Внутр. переп. іезуит. № 132, гдѣ говорится о высылкѣ русскаго паспорта іезуиту Колеботи, пребывавшему въ Дрезденѣ; тамъ же № 219, изъ котораго видно, что князь А. Н. Голицинъ тогда только сталъ не такъ легкомысленно выдавать, по требованію іезуитскаго генерала, паспорты для іезуитскихъ выходцевъ, когда они совратили въ латинство племянника его, см. тамъ-же въ арх. Рим.-Кат. коллегіи, «опись бумагамъ церквей С.-Петербургскихъ, Псковской, Рижской, Саратовскихъ, Астраханской и Одесской, съ 1797 г. по 1814, состоявшихъ въ вѣдѣніи іезуитовъ, №№ 96, 97, 101, напр. іезуитъ Пингелли свидѣтельствуетъ, что аббе Фромонъ священникъ изъ аміенской епархіи, и Батистъ Брюномей священникъ изъ ліонской епархіи, и мы видимъ, что оба эти іезуита какъ оказалось впослѣдствіи, на основаніи одного этого свидѣтельства, допускаются до священнослуженія, но такихъ случаевъ было множество.»

(2) Внутр. пер. іезуит. № 202, «копія съ отвѣта на слѣд. вопросы сдѣланные могилевскою консисторіею: почему нѣкоторыя дух. особы въ могилевской епархіи не присягали на вѣрность Россіи? Въ какое время вступили иностранныя дух. особы въ орденъ іезуитскій? Кто опредѣлилъ ихъ къ занимаемымъ ими нынѣ должностямъ? Тамъ же № 132». Похвала князю Голицину за то, что онъ 4-хъ фламандскихъ

фальшивыми именами. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что iезуитскiй орденъ въ Россiи въ какiе нибудь три года Груберовскаго управленiя имъ возросъ до 330 членовъ вмѣсто прежнихъ 220 человѣкъ; послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что все умнѣйшее, лукавѣйшее все фанатичное въ латинской церкви, все это теперь сосредоточилось въ Россiи, и по преимуществу въ Петербургѣ. (¹) Мы упомянемъ здѣсь только о знаменитостяхъ первой величины изъ этой iезуитской фаланги, которыхъ имена сдѣлались историческими нетолько въ iезуитскомъ обществѣ, но и въ другихъ сферахъ, которыхъ имя стало чѣмъ-то типическимъ и напоминаетъ все мрачное и все беззаконное въ этомъ орденѣ. Таковы были: Розавенъ, Роотганъ, Гривель и Журданъ. Едвали кто нибудь изъ iезуитовъ столько совершилъ совращенiй среди русскихъ нашихъ барынь и нашей знатной молодежи, какъ Розавенъ. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о дѣятельности его и товарищей его, когда будемъ расказывать о совращенiяхъ въ латинство лицъ православнаго исповѣданiя въ цар-

iезуитовъ отправляющихся въ Россiю содержалъ на своемъ иждивенiи. Monde, № 92, г. 1869, Nouvelles de l'Etranger, Etats-Romains: «On lit dans l'Osservatore Romano du 1 Avril.» Le 22 Mars 1869, est mort à Castel-Gandolfo, son pays natal, à l'âge de 77 ans, Mgr. D. Ambrogio Campadonico, prélat de la maison de Sa Sainteté et chanoine de la basilique liberienne. Dans sa jeunesse il était allé en Russie pour convertir les hétérodoxes; plus tard il a successivement été chargé des affaires du saint-siège à Turin, puis nommé chanoine de la basilique liberienne et recteur de l'Université de Rome. Между тѣмъ по всѣмъ каталогамъ iезуитовъ, жившихъ въ Россiи, такого имени не находится; значитъ Кампадонико былъ въ Россiи подъ другимъ именемъ, тѣмъ болѣе, что у iезуитовъ такое явленiе было нерѣдкостiю.

(¹) Catalogus Personarum et officiorum societatis Jésu in imperio Rossiaco, ex anno 1805 in annum 1806.

ствованіе Александра I-го; здѣсь мы сдѣлаемъ только нѣсколько штриховъ о каждомъ изъ нихъ. По происхожденію Бретонецъ (1), Розавенъ отличался необыкновенною настойчивостію и упрямствомъ характера; въ совращеніяхъ нашихъ русскихъ баръ и барынь доходилъ до какого-то безстрашія и дерзости, удивлявшихъ даже самыхъ смѣлыхъ въ іезуитскомъ орденѣ. При огромномъ запасѣ лицемѣрія и ханжества, скрывавшихъ несовсѣмъ чистыя и цѣломудренныя чувства (2), Розавенъ пользовался у іезуитовъ славою святаго (3); способность къ діалектики и софистикѣ была причиною того, что іезуиты считали его философомъ, и Груберъ препоручилъ ему преподаваніе философіи въ петер-

(1) Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. VII pag. 388—457, par Guizot: le père Rozaven, Breton aussi obstiné que sincère (послѣднее не было принадлежностію Розавена).

(2) Внутр. переп. іезуит. № 216, «Пакетъ бумагъ, принадлежавшихъ кавалеру Д'Огарду и найденныхъ у іезуита Розавена. Онѣ содержатъ въ себѣ извлеченіе изъ многихъ поэмъ, разные анекдоты и небывшие въ печати отрывки; планъ записокъ о японской торговлѣ, назначаемой къ поднесенію князю Зубову, также два портфеля съ записочками, волосами, картинками и прочими женскими сувенирами; нѣкоторыя письма за подписью»: Катинька Т. (Толстая).

(3) Письмо русскаго іезуита Гагарина ко мнѣ, отъ 4-го сентября 1868 года, гдѣ онъ считаетъ ложными всѣ слухи о нечистыхъ помыслахъ и поступкахъ о. Розавена. «Что касается до писемъ Розавена, пишетъ Гагаринъ ко мнѣ, о которыхъ вы изволили говорить, я вполнѣ убѣжденъ, что они подложныя, или были переведены не такъ, какъ были написаны. Ко всему тому, что я имѣлъ честь вамъ про это сказать, прибавлю одно примѣчаніе. Письма эти не могли находится ни въ какомъ случаѣ въ домѣ іезуитовъ, а въ домѣ графини Т., однакожъ обыскъ былъ сдѣланъ у іезуитовъ, а не въ домѣ графини. Какъ-же нашлись эти письма? Во всякомъ случаѣ надобно вамъ добраться до французскихъ писемъ, потому что русскія тутъ ничего незначатъ».

бургскомъ іезуитскомъ благородномъ пансіонѣ [1]. Самый фанатическій врагъ православія, онъ писалъ опроверженія на всѣ сочиненія, являвшіяся въ русской и французской литературѣ и направленныя противъ ученія латинской церкви. Такъ перу Розавена принадлежитъ возраженіе на сочиненіе Филарета: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ», написанное по случаю совращенія Розавеномъ молодаго князя Голицына, племянника министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына [2]; онъ же защищалъ іезуитское общество противъ взводимыхъ въ царствованіе Александра I-го на него обвиненій; Розавенъ былъ апологетомъ идей графа Де-Местра и литературнымъ оппонентомъ Ляменэ, Стурдзы и всѣхъ такъ называемыхъ философскихъ или раціоналистическихъ идей [3]. Всѣ дѣловыя, полемическія и оффиціальныя бумаги при преемникѣ Грубера были произведеніемъ Розавена [4]. Роль

[1] Catalogus personarum et officiorum societatis Jésu in Imperio Rossiaco, ex anno 1805 in annum 1806, стр. 19.

[2] Bibliothèque des écrivains de la Compagnie de Jésus, par les P. P. Augustin et Alois de Backer, tom. VI, pag. 574—575 art. Rozaven, гдѣ перечисляются всѣ сочиненія Розавена, и между ними слѣд.: 1) Considerations sur la doctrine et l'ésprit de l'église orthodoxe par un jeune Russe, написанное по случаю совращенія имъ въ латинство князя Голицына и въ опроверженіе сочиненія Филарета: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ;» 2) La verité défendue et prouvée par les faits contre les calomnies anciennes et modernes; 3) L'église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe, написанное противъ сочиненія А. Стурдзы: «Изслѣдованіе о ученіи и духѣ православной церкви», явившагося въ Веймарѣ и отпечатаннаго на счетъ самого Императора Александра I-го, пожертвовавшаго на изданіе его до 20.000 рублей. Много сочиненій Розавена было напечатано въ L'Ami de la Religion, безъ полнаго имени автора.

[3] Тамъ же.

[4] Внутр. переп. іезуит. №№ 243—249. Черновая просьба Е. Имп. Вел.

его необыкновенно выросла въ послѣдніе годы пребыванія іезуитовъ въ Россіи и потомъ все поднималась кресцендо, такъ что, наконецъ, можно сказать, судьбы іезуитскаго ордена находились въ рукахъ его, когда онъ получилъ званіе ассистента французской іезуитской провинціи или представителя французскихъ іезуитовъ при іезуитскомъ генералѣ и папѣ и переселился въ Римъ. Онъ содѣйствовалъ избранію Фортиса въ іезуитскіе генералы на мѣсто умершаго Березовскаго; между нимъ и Роотганомъ долго колебались избирательные голоса іезуитскихъ професовъ, когда дѣло шло о выборѣ генерала послѣ Фортиса, и хотя избранъ былъ въ генералы Роотганъ, но Розавенъ и послѣ того не пересталъ имѣть преобладающаго вліянія и значенія въ іезуитскомъ обществѣ; его голоса слушался папа и его внушеніямъ и рѣшеніямъ покорялся иногда самъ

генерала Березовскаго, въ коей, по уваженію возстановленія ордена іезуитовъ въ другихъ странахъ, проситъ дозволить ему отправиться въ Римъ на неопредѣленное время съ двумя другими іезуитами. Просьба эта сочинена отцомъ Розавеномъ. № 247. Отпускъ просьбы Е. Имп. Вел. генерала ордена Березовскаго, коею проситъ, чтобы священнику русскому, учащему Закону Божію въ іезуитскомъ институтѣ, запрещено было отзываться обиднымъ и непристойнымъ образомъ о католической религіи, или же, чтобы впредь въ институтъ принимаемы были одни только дѣти католиковъ, или же, чтобы институтъ сей былъ переведенъ въ Полоцкъ. (Сія просьба также писана отцомъ Розавеномъ, замѣчаетъ Ребиндеръ, который вообще всегда писалъ значущія бумаги къ Правительству на французскомъ языкѣ) № 245. Начало рапорта о. Розавена относительно миссіи (кажется въ Ригѣ), въ которомъ говоритъ онъ, что народъ жаждетъ слова Божія, и что онъ и его товарищи проводили по 15 часовъ за исповѣдью, и что число прихожанъ возрасло до трехъ тысячъ человѣкъ. № 249. Наставленіе отца Турнемина управляющимъ іезуитскими институтами, въ коемъ, между прочимъ, говорится о средствахъ, коими можно привязывать къ себѣ дѣтей. Манускриптъ о 50-ти страницахъ, писанный рукою отца Розавена.

Роотганъ ([1]). Розавенъ умѣлъ побѣдить антипатіи папы Льва XII къ іезуитскому ордену и до такой степени подчинить его своему вліянію, что онъ даже своего любимаго племянника отдалъ на воспитаніе іезуитамъ ([2]). Смерть Розавена, случившаяся въ 1851-мъ году, поразила все іезуитское общество и почиталась общимъ горемъ и несчастіемъ для всего іезуитскаго института ([3]).

([1]) Notices Historiques sur quelques membres de la societé des pères du sacré coeur et de la Compagnie de Jésus, par le A. Achille Guidée, tom. I, VIII, Le P. Jean Rozaven, pag. 138—139. «Le père Brzozowski, en mourant, avait nommé vicaire general le Père Pierre Petrucci pour gouverner la Compagnie jusqu'à l'élection d'un nouveau général. La congregation fut convoquée: c'était la vingtième, et la première depuis le rétablissement. Indiquée pour le 14 Septembre 1820, elle ne s'ouvrit que le 9 Octobre suivant. Le P. Rozaven, qui y assistait en qualité de vice-provincial de France, rendit dans cette circonstance les plus importants services à son ordre. Une intrigue s'était formée dans le but de modifier les constitutions dans les plusieurs points essentiels. Sans comprendre peut-être toute la portée de cette intrigue, le P. Petrucci s'en était fait l'agent. Le P. Rozaven contribua puissament à dejouer une partie des trames, en hâtant par une initiative hardie l'arrivée des deputés de la Pologne. Expulsé ensuite de la congregation générale par Petrucci, sous pretexte que les deputés de France et d'Angleterre n'étaient pas investis de pouvoir réguliers, il y rentra aussitôt, rappelé à la pluralité de voix, et déploya dans toute cette affaire délicate un tact et une fèrmeté dignes de sa haute réputation. Le P. Louis Fortis ayant été élu le 18 Octobre, le P. Rozaven fut nommé assistant de France dès le premier scrutin, le 23 du même mois. Также Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. II, pag. 62—63, 293, par Cretineau-Joly: «Le père Roothaan, long-temps balloté avec le Père Rozaven»; также Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. VII, pag. 388—457, par Guizot; Гизо описываетъ могущественное вліяніе іезуитовъ вообще и ихъ генерала Роотгана на папу Григорія XVI, и вліяніе Розавена на самого іезуитскаго генерала.

([2]) Notices Historiques... tom. I, pag. 265. Nous y avons en ce moment, пишетъ Розавенъ Голицыной, un neveu de Leon XII, que son oncle y avait placé étant deja prélat, lui faisant déposer les insignes de la prélature pour se revetir du pauvre habit de ces séminaristes.

([3]) Тамъ же, pag. 167—169.

Въ Роотганѣ ожилъ духъ знаменитаго Аквавивы; характеръ его весьма удачно воспроизведенъ Эженемъ Сю въ извѣстномъ романѣ его «Вѣчный жидъ» подъ псевдонимомъ Родена. Родиной Роотгана былъ Амстердамъ (онъ родился 23-го Ноября 1785-го года). Въ странѣ протестантизма Роотганъ родился отъ католиковъ и былъ самый фанатическій приверженецъ латинства и самый заклятый врагъ протестантизма и православія. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ амстердамскомъ Атенеѣ, гдѣ отличался необыкновеннымъ терпѣніемъ, усидчивостію и прилежаніемъ, и успѣхами своими въ наукахъ, а особенно въ знаніи еврейскаго и греческаго языковъ, обратилъ на себя вниманіе учителей. Замѣчательно то, что Роотганъ явился въ 1804-мъ году въ динабургскій іезуитскій коллегіумъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ протестанта: это было письмо отъ учителя его Фанъ Ленеппа, знаменитаго въ свое время знатока литературы (¹). Этотъ оригинальный способъ рекомендовать себя по достоинству оцѣненъ былъ знатоками сердца человѣческаго, и Роотганъ былъ сдѣланъ преподавателемъ грамматики, риторики, а потомъ греческаго и еврейскаго языковъ, въ динабургскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Во все время пребыванія своего въ Россіи, Роотганъ какъ бы скрывается въ тѣни и невыступаетъ на сцену. Послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи личность и значеніе Роотгана вдругъ выростаетъ; его посылаютъ въ Швейцарію, и онъ является преподавателемъ риторики въ

(¹) См. Bibliotheque des Ecrivains de la Compagnie de Jésus, ou Notices Bibliographiques par Augustin et Alois de Backer, sixième serie, pag. 682. Также Histoire de la Compagnie de Jésus, par Cretineau-Joli tom. VI, pag. 295, Note 2. Catalogus personarum et officiorum societatis Jésu in Imperio Rossiaco ex anno 1805 in annum 1806, pag. 39.

Бриггѣ, отсюда переносится въ Туринъ и дѣлается ректоромъ іезуитскаго благороднаго коллегіума. Сардинское королевство въ эту эпоху представляло изъ себя какой-то іезуитскій муравейникъ, гдѣ кишмя кишѣли іезуиты и работали съ неутомимостію муравьевъ на всѣхъ пунктахъ этого королевства и во всѣхъ общественныхъ сферахъ. Вся территорія сардинскаго королевства покрыта была частою сѣтью заведеній учениковъ Лойолы. Отъ Турина до Ниццы повсюду выставлялись коллегіи, резиденціи, домы, костелы іезуитовъ; повсюду бросалось въ глаза необыкновенное вліяніе на страну іезуитизма; господство іезуитовъ сказывалось и во дворѣ короля и бѣдной хижинѣ савойяра. Тайное увлеченіе въ іезуитскій орденъ самого сардинскаго короля Карла Эммануила, бездна сардинской знати, втянутой въ іезуитскій омутъ, благоря Роотгану и его помощнику Грасси, подняла Роотгана во мнѣніи его собратовъ до чрезвычайной высоты и проложила ему дорогу къ генеральству. 9-го Іюля 1829 г. Роотганъ былъ предпочтенъ Розавену и выбранъ въ начальники іезуитскаго общества, не смотря на то, что первый былъ безвѣстнымъ и скромнымъ учителемъ въ динабургскомъ коллегіумѣ, въ то время, когда послѣдній наполнялъ славою своею всѣ гостиныя петербургской знати, гремѣлъ своимъ именемъ по всей Россіи и цѣлой Европѣ и въ эпоху избранія преемника Фортису пользовался огромнымъ вліяніемъ на судьбы іезуитскаго общества [1]. Но іезуиты рѣдко ошибаются въ вы-

[1] Histoire de la Compagnie tom VI, pag. 281—303. Также внутр. переп. іезуит. № 258-й. Письмо бывшаго сардинскаго короля къ Березовскому, писанное по слабости его зрѣнія от. Россопи, 23-го Сент. 1815 г. Въ немъ содержится извѣстіе о вступленіи его въ Генварѣ того же года, послѣ болѣзни въ іезуитское общество, вслѣдствіе сдѣланнаго имъ обѣщанія.

борѣ людей вообще и начальниковъ себѣ въ особенности. Они хорошо знаютъ характеръ, умъ, совершенства и недостатки избираемыхъ ими лицъ; они вѣрно оцѣниваютъ потребности эпохи и зорко предугадываютъ состояніе политической атмосферы; а потому при избраніи должностныхъ лицъ всегда имѣютъ въ виду то, до какой степени онъ можетъ быть полезенъ ордену въ данную эпоху и поддержать знамя ихъ учрежденія, и выборъ ихъ въ этомъ случаѣ рѣдко бываетъ ошибоченъ. Такіе закаленные въ опытахъ жизни избиратели, какъ о. о. Павани, Грасси, Финетти, Лефлеръ, Година, Гловеръ, Синео, Ляндесъ, Корсакъ, Ришардо, Дрюлье, Бирдъ, Оливьери, Нарбоннъ, Пти-Жанъ, Драхъ, Вюлье, Сорентино, Скарлата, Брокъ, Кенней, Санчо и Янсекъ, знали, почему они избирали Роотгана, а не Розавена, и руководились при этомъ весьма важными соображеніями (1). Дѣйствительно трудно было сдѣлать выборъ столь удачный, какой сдѣлали іезуиты, передавая управленіе своимъ орденомъ въ руки Роотгану. Розавенъ, не смотря на свои огромныя достоинства, оцѣниваемыя съ іезуитской точки зрѣнія, былъ, подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ, слишкомъ живъ и сангвиниченъ, чтобы сохранять спокойствіе при тогдашнемъ положеніи Европы, при тогдашнемъ направленіи умовъ и возбужденности тогдашняго общественнаго мнѣнія противъ іезуитскаго института; Розавенъ, не смотря на свою холодность, сдержанность и вѣрность духу ордена, былъ слишкомъ откровененъ, искрененъ, вспыльчивъ и либераленъ, чтобы, при тогдашнемъ общественномъ движеніи Европы, онъ ни шагу не уступилъ изъ прерогативъ ордена, ни словомъ, ни движеніемъ неизмѣнилъ преданіямъ и духу своего инсти-

(1) См. Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. VI, pag. 293.

тута, чтобы какъ нибудь и гдѣ нибудь не проговорился въ пользу тогдашняго либеральнаго движенія. Розавенъ можетъ быть совѣтникомъ правителя ордена, его правою рукою, но не болѣе того; чтобы быть кормчимъ іезуитскаго общества въ ту эпоху, для этого нужна была другая рука, не тонкая рука француза, а мускулистая и тяжелая рука голландца. Исторія іезуитскаго ордена показываетъ, что самые холодные, жестокіе непроницаемые, упрямые, властолюбивые и даже лукавые генералы въ этомъ обществѣ были изъ голландцевъ. Роотганъ былъ самымъ нагляднѣйшимъ доказательствомъ этого. Это было по внѣшности самое холодное, самое спокойное и неподвижное, какъ голландскія болота и озера, существо; для него несуществовало, повидимому, ни радости, ни горя, ни одинъ мускулъ не двигался на лицѣ его ни при самыхъ жестокихъ и возмутительныхъ сценахъ, ни при самыхъ восторгающихъ душу явленіяхъ; никакая нечаянность непоражала его и невырывала изъ груди его звука испуга; ни при какой жестокости и злодѣяніи недрогала его рука, неповорачивалось сердце, незаговаривала совѣсть и непоказывалась слеза на рѣсницѣ. Никто немогъ проникнуть въ эту мрачную и замкнутую, какъ могила, и темную, какъ глубина моря, душу; никто немогъ прочитать въ этихъ неподвижныхъ и оловянныхъ глазахъ какой нибудь мысли, какого нибудь движенія чувства; это безстрастное и холодное лице невыражало ничего, или лучше оно выражало полное равнодушіе ко всему окружающему, какое-то отрѣшеніе отъ окружающаго міра и какое-то нежеланіе знать происходящаго за стѣнами іезуитской кельи. А между тѣмъ подъ этою маскою холодности, спокойствія и неподвижности роился цѣлый міръ идей, одна другой разнообразнѣе, постоянно проходилъ длинною вереницею и смѣнялся планъ

за планомъ, одинъ другаго смѣлѣе и обширнѣе, клокоталъ цѣлый вулканъ страстей, сталкивались и боролись самыя противорѣчивыя чувства; а между тѣмъ подъ этою маскою равнодушія къ окружающему міру скрывалось самое жгучее любопытство знать все происходящее во всѣхъ концахъ свѣта, обдумывались проекты борьбы противъ идей, волнующихъ человѣческія общества, предпринимались всѣ мѣры, какія только изобрѣтательность іезуитская и лукавство могли придумать; задумывался походъ на завоеваніе всего европейскаго общества и покореніе его престолу Лойолы [1]. Вотъ какимъ представляется намъ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, Роотганъ! Время вступленія Роотгана въ должность генерала было самое тревожное для іезуитскаго ордена; противъ него всюду враждебно было настроено общественное мнѣніе; во всѣхъ явленіяхъ жизни, шедшихъ въ разрѣзъ съ общественнымъ настроеніемъ, подозрѣвали невидимую іезуитскую руку, даже общественныя бѣдствія, поражавшія тогда Европу, приписывали іезуитамъ [2]! Неудовольствіе противъ іезуитовъ было почти

(1) Histoire de la Compagnie de Jésus... t. VI, pag. 295. Jean Roothaan, le nouveau général de l'ordre, n'aquit à Amsterdam le 20 Novembre 1785. Son caractère, assemblage des qualités contraires, était calme et froid au dehors, ardent et sensible à l'interieur. La moderation dans les actes comme dans les paroles était sa vertu dominante, il la devait autant à la force de sa nature, qu'à son éducation première. Панегиристъ іезуитовъ очевидно болѣе намекаетъ на характеръ Роотгана, чѣмъ изображаетъ, но изъ намековъ ужъ можно догадываться и заключать о качествахъ этой личности. У насъ имѣются свѣдѣнія о немъ отъ очевидцевъ и лично знавшихъ его.

(2) Mémoires... par. Guizot, t. IV, pag. 96—97. «Когда въ 1830-мъ году явилась холера въ Испаніи, простой народъ сталъ подозрѣвать монаховъ, а преимущественно іезуитовъ, въ отравленіи людей. Народъ вѣрилъ, что іезуиты отравляютъ фонтаны, и вслѣдствіе этого въ Мадридѣ произошло

всеобщее во всей Европѣ, а особенно во Франціи; стали громче и громче раздаваться голоса въ самомъ Римѣ, около самого папы, объ изгнаніи іезуитовъ изъ такого-то и такого-то государства и даже объ уничтоженіи этого ордена. При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ нужно было іезуитскому генералу имѣть твердую голову и изворотливость змѣи. Роотганъ смѣло пошелъ на встрѣчу грозѣ и бурямъ; опасности развивали въ немъ энергію и производили въ немъ какое-то воодушевленіе; онъ, какъ ловкій пловецъ, играющій волнами моря среди бушующей бури, спокойно и какъ бы шутя выноситъ удары общественной бури и, немигнувъ глазомъ, твердо идетъ къ своей цѣли. Прежде всего онъ забираетъ въ свои руки самого упрямаго и властолюбивѣйшаго старика папу Григорія XVI-го, дѣлаетъ его орудіемъ своихъ видовъ, даже жалкою какою то игрушкою, оставляетъ ему внѣшній призракъ власти, а на самомъ дѣлѣ самъ становится папою и распорядителемъ судебъ латинскаго міра, но ведетъ это дѣло съ такимъ искусствомъ, что властолюбивый старикъ остается въ полной увѣренности, что онъ самостоятельно управляетъ всею латинскою церковію, что онъ дѣйствительный папа, а не номинальный, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Совершивши этотъ подвигъ, Роотганъ смѣло потомъ пошелъ на встрѣчу всѣмъ либеральнымъ идеямъ, смѣялся надъ всѣми современными требованіями, презиралъ революцію іюльскую во Франціи и явно глумился надъ революціонными порывами Италіи; умѣлъ не только отстоять существованіе ордена во Франціи, спасти его въ Италіи, но и дать ему

возмущеніе, во время котораго много было убито іезуитовъ на Мадритскихъ улицахъ, потомъ буйная толпа, предводительствуемая народною гвардіей, устремилась на іезуитскій монастырь»...

вліяніе на общественное воспитаніе въ Европѣ, даже на общественныя и государственныя дѣла Европы, и совершить все это среди всеобщаго взрыва негодованія, среди криковъ палатъ, журналистики. Преслѣдуемые въ одномъ мѣстѣ, изгоняемые изъ одной области, іезуиты, по мановенію своего вождя, являлись въ другомъ мѣстѣ, не имѣя возможности являться въ толпѣ въ плащѣ іезуита, они спокойно совершали свои темныя дѣла въ платьѣ мѣщанина, во фракѣ франта, или блузѣ поденьщика (1). Благодаря сво-

(1) Весьма отчетливо Гизо изображаетъ могущество Роотгана при Григоріи XVI-мъ, пользуясь для этого матеріалами, доставленными ему тогдашнимъ французскимъ посланникомъ при папскомъ дворѣ Росси. Извѣстно, что іезуиты, находившіеся еще подъ остракизмомъ во Франціи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и непризнанные формально французскимъ правительствомъ за общество, имѣвшее право на законное существованіе въ государствѣ, громко стали ратовать, вопреки духу и началамъ своего ордена, за свободу образованія юношества, конечно имѣя въ виду захватить въ свои руки все французское молодое поколѣніе и охолостить его отъ либеральныхъ идей. Французское общество было сначала изумлено такою неожиданностію, потомъ поняло западню, поставляемую ему; догадалось, что іезуитъ понимаетъ слово «свобода» своеобразно и иначе, нежели другіе смертные, и отказало іезуитамъ въ конкурренціи воспитанія юношества съ другими воспитательно-образовательными заведеніями. Начались споры въ журналистикѣ, палатахъ, объ этомъ предметѣ; въ жару спора противная іезуитамъ сторона вспомнила вдругъ, что этотъ орденъ существуетъ во Франціи незаконно, воровски, вопреки государственнымъ постановленіямъ, и требовала немедленнаго уничтоженія. Въ журналистикѣ и палатахъ раздавались голоса, что іезуиты въ продолженіе 3-хъ вѣковъ ничему ненаучились, ни отъ какихъ своихъ прежнихъ притязаній неотказались, до сихъ поръ остаются врагами свободнаго изслѣдованія, противодѣйствуютъ свѣтской власти, строятъ ей ковы и замѣшаны во всѣхъ интригахъ. Незабыто было тутъ и то, сколько было іезуитскихъ заведеній во Франціи, какими они владѣли имѣніями, школами и другими учрежденіями; высказано было также и то, что нужно привесть въ исполненіе законы, изданные противъ іезуитовъ во время прежнихъ правительствъ, во время имперіи и реставраціи. У французскаго прави-

ему ловкому и неустрашимому кормчему, іезуитскій корабль спокойно выдержалъ бурю въ тридцатыхъ годахъ и съ надеждою пустился въ дальнѣйшее кругосвѣтное

тельства завязались длинные переговоры по случаю іезуитовъ съ римскимъ дворомъ. Росси, французскому посланнику при папѣ, пришлось выдержать страшную борьбу съ Роотганомъ и іезуитами, которые при Григоріи XVI были, по выраженію Росси, замѣшаны во всѣхъ дѣлахъ, имѣли своихъ сторонниковъ во всѣхъ лагеряхъ, были предметами ужаса и надеждъ для всѣхъ, которые вполнѣ убѣждены были и другихъ старались увѣрить, что чрезъ нѣсколько лѣтъ вездѣ въ Европѣ будетъ теократизмъ и повсюду будутъ господствовать іезуиты. Упрямый, властолюбивый, врагъ просвѣщенія и желѣзныхъ дорогъ, Григорій XVI, писалъ конфиденціально Росси къ Гизо, несоотвѣтствуетъ видамъ іезуитовъ и неудовлетворяетъ ихъ планамъ: они желаютъ папы, болѣе независимаго, чѣмъ нынѣшній. Это любимая мечта іезуитовъ и ихъ генерала Роотгана, который играетъ въ Римѣ такую же роль, какую дожъ въ Венеціи въ послѣднее время существованія этой республики. Что касается до папы, то онъ ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ въ Европѣ и Франціи, и ни о чемъ неимѣетъ правильнаго понятія. Іезуиты дѣйствуютъ неутомимо; ихъ генералъ посѣщаетъ папу во всякое время, когда хочетъ. Здѣсь Ламбрушини неимѣетъ того значенія, какое имѣютъ министры иностранныхъ дѣлъ, и приходится вести дѣла съ папою и съ высшимъ совѣтомъ іезуитовъ. Недавно папа сдѣлалъ сцену Ламбрушини за то, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Франціи съ другими 4-мя кардиналами и противъ іезуитовъ; а Роотганъ пришелъ въ неистовство, когда узналъ, что папа далъ повелѣніе закрыть во Франціи всѣ іезуитскія учрежденія. Когда явился къ іезуитскому генералу Ламбрушини съ извѣстіемъ о такомъ распоряженіи папы, Роотганъ спокойно выслушалъ его и сказалъ, что нужно подчиниться такому папскому опредѣленію, и что онъ дастъ по этому предмету надлежащія приказанія іезуитамъ Франціи. Между тѣмъ все осталось безъ всякой перемѣны: ни одно іезуитское заведеніе во Франціи не было закрыто, іезуиты недвигались изъ Франціи, давая видъ, что они сбираются скоро оставить королевство, а въ тоже время недвигались ни съ мѣста, и день за днемъ откладывали свой отъѣздъ, повинуясь конечно въ этомъ тайному внушенію своего генерала и слѣпо исполняя волю его. Напрасно Роотгану представляли всѣ тѣ опасныя для іезуитовъ послѣдствія, которыя неминуемо должны произойдти отъ такого его упорства, онъ или молчалъ при этихъ случаяхъ, или отдѣлывался неяс-

плаваніе; выдержалъ штурмъ 1848-го года, и экипажъ его благосклонно принятъ на материкѣ Европы, господствуетъ во Франціи, Римѣ, Ирландіи, Америкѣ, и дѣлаетъ удачныя экскурсіи въ Азіи, въ Греціи, Болгаріи, Молдавіи, Валахіи и еще кое гдѣ...

Послѣ такихъ исполиновъ въ іезуитскомъ мірѣ, каковы были Розавенъ и Роотганъ, всякая другая личность, даже крупная, покажется уже малою и ея дѣйствія незначительными, а слѣдовательно не возбудитъ въ читателѣ такого живаго интереса, какой она могла бы возбудить, еслибы стояла не рядомъ съ великанами; а потому о Гривелѣ и Журданѣ мы сообщимъ читателямъ нѣсколько короткихъ свѣдѣній, могущихъ охарактеризовать ихъ, такъ какъ обѣ эти личности стоятъ далеко ниже Розавена и Роотгана.

ными полуфразами о томъ, что сдѣлалъ надлежащія распоряженія по этому предмету. Наконецъ самъ Розавенъ подвигся и уступилъ гнёту обстоятельствъ, но Роотганъ оставался непреклоненъ и спокоенъ, какъ будто бы около него непроисходитъ ничего необыкновеннаго, хотя въ душѣ его клокоталъ въ это время цѣлый адъ страстей. Розавенъ представляется Роотгану, яркими красками изображаетъ положеніе французскаго правительства въ виду грозной и распаленной сопротивленіемъ его палаты, бѣшенной журналистики, враждебнаго ему общественнаго мнѣнія; Роотганъ уступаетъ убѣжденіямъ своего друга, но хочетъ, по крайней мѣрѣ, какъ нибудь и чѣмъ нибудь отмстить французскому правительству и его усердному и ловкому агенту въ Римѣ. Вдругъ папскій дворъ, по настоянію Роотгана, объявляетъ французскому правительству, что онъ не можетъ имѣть Росси посланникомъ при своемъ дворѣ, такъ какъ у него жена протестантка, и такъ какъ еще въ 1826 г. римскій дворъ объявилъ вѣнскому, что онъ неприметъ его посланника Лебзелтерна, женившагося на греческой схизматичкѣ, урожденной княжнѣ Трубецкой, и дѣйствительно непринялъ. Было бы обидно для вѣнскаго двора, если бы папа сталъ терпѣть при себѣ французскаго посланника, имѣющаго жену несхизматичку, а эритичку. Росси принужденъ былъ оставить посланническій постъ при римскомъ дворѣ, и Роотганъ отчасти отмстилъ ему за себя и свой орденъ (см. Mémoires pour servir à l' histoire de mon temps, t. VII, pag. 388—457, par Guizot).

Гривель былъ изъ первыхъ членовъ общества отцевъ священнаго сердца и раздѣлялъ съ ними всѣ случайности, пока въ 1803-мъ г. вмѣстѣ съ Розавеномъ не поступилъ въ іезуитское общество. Сначала онъ былъ въ полоцкой коллегіи, потомъ посланъ въ саратовскія колоніи, оттуда переведенъ въ Петербургъ, гдѣ преподавалъ риторику. Какъ на берегахъ Волги онъ отличался нетерпимостію къ протестантамъ и православнымъ, такъ и въ Петербургѣ былъ дѣятельнымъ миссіонеромъ въ распространеніяхъ латинства среди русской знати [1]. Не отличаясь строгостію нравовъ, какъ показываютъ найденныя у него разныя весьма нецѣломудреннаго содержанія, любовныя французскія и русскія пѣсенки, какъ напр. поэма «парижская монахиня» и другія [2], большой говоруънъ, Гривель умѣлъ втереться въ высшія сферы нашего общества и, если вѣрить французскимъ писателямъ, особенно вышедшимъ изъ іезуитскихъ питомниковъ, то проникъ даже до дворца, умѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе Императора Александра I-го и даже дошелъ до дерзости рекомендовать ему латинство, какъ единственно истинное и неискаженное ученіе христіанское [3]. По изгнаніи изъ Петербурга, Гривель въ 1816-мъ г. посылалъ былъ генераломъ Березовскимъ въ Англію въ качествѣ визитатора, потомъ исправлялъ должность товарища (Socius) провинціала французскихъ іезуитовъ при Ришардо. Какъ лицо значительное въ орденѣ, Гривель отправленъ былъ отъ

(1) Vie de R. P. Joseph Varin, pas Achille Guidée, pag. 30, Примѣч. 1-е.

(2) Внутр. переп. іезуит. № 232.

(3) Histoire de la Russie, par A. De Lamartine, tom. II, pag. 265. Такъ же Dicionario Moroni, Napoli, 1847, статью: «Россія», и Tendances Catholiques dans la Societé Russe, par le P. S. Gagarin, pag. 32, гдѣ приписывается генералу Мишò стремленіе внушить Александру I-му латинскія убѣжденія и привлечь Его въ латинство.

французскихъ іезуитовъ депутатомъ въ 1820-мъ г. въ Римъ для избранія новаго генерала на мѣсто умершаго Березовскаго. Впослѣдствіи Гривель преподавалъ богословіе молодымъ іезуитамъ во Франціи и Англіи. Пробывши два года въ Англіи, Гривель перенесся въ новый свѣтъ и очутился въ Мариландѣ; объѣздилъ Америку въ разныхъ направленіяхъ и умеръ въ Соединенныхъ Штатахъ (¹).

О Журданѣ мы уже отчасти говорили, и теперь если опять возвращаемся къ нему, то единственно съ тою только цѣлію, чтобы показать, что у іезуитовъ всѣ средства хороши, если они только ведутъ къ предположенной ими цѣли. Вѣтряный, пустой, повѣса, человѣкъ безъ правилъ и убѣжденій, по складу своего характера, болѣе способный лощить паркеты залъ и болтать въ свѣтскихъ гостиныхъ, чѣмъ жить въ кельѣ и вести жизнь аскетическую, Журданъ вызывается Груберомъ изъ Могилева въ Петербургъ; здѣсь его свѣтскость и легкость нрава, прокладываютъ ему дорогу въ домъ герцогини Таранъ, гдѣ было сборное мѣсто для Свѣчиной, Головиныхъ, Голицыныхъ, Барятинскихъ, Армфельдъ, Толстыхъ и другихъ, и гдѣ іезуитъ Фоблазъ уловляетъ русскихъ барынь въ латинство неблагочестивыми размышленіями, некраснорѣчивыми проповѣдями, даже не блестками французскаго остроумія, а просто напѣвами любви и прелестями сладострастія, и для успокоенія совѣсти слабыхъ женщинъ, смущенныхъ профанаціей своихъ священныхъ чувствъ, предлагаетъ имъ обратить въ латинство своего слугу негра и окрестить его по обряду латинской церкви (²); а чтобы лучше скрыть такое пре-

(¹) Vie du R. P. Joseph Varin, pag. 30, № 1.

(²) См. внутр. переп. іезуит. № 229-й. «Бумаги отца Журдана, по большей части незначительныя. Замѣчательны только слѣдующія: 1) Записка о

ступленіе, онъ совѣтуетъ русской барынѣ перепродать его французской герцогинѣ. Вотъ какихъ дѣятелей вызвалъ Груберъ на жатву всего знатнаго и вліятельнаго въ Россіи! Мы упомянули здѣсь только о маломъ числѣ этихъ дѣятелей, и ничего ни сказали о другихъ, какъ напр. Кольманн, Сюрогѣ, Билли и подобныхъ имъ, потому что хотѣли только дать возможность читателю самому опредѣлить по этимъ личностямъ свойства и характеръ другихъ членовъ іезуитскаго общества, вызванныхъ Груберомъ со всѣхъ концовъ свѣта въ Россію, а не имѣли въ виду излагать біографіи каждаго изъ нихъ, чтò завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и потому что со многими изъ нихъ мы еще надѣемся встрѣтиться нѣсколько разъ въ продолженіи нашего разсказа, гдѣ сообщимъ и необходимыя свѣдѣнія о нихъ.

послѣднихъ минутахъ и кончинѣ графини де-Таранъ; 2) наставленіе для духовниковъ; 3) письма дружескія графовъ Людовика и Еммануила де-Сентъ-При, писанныя изъ разныхъ мѣстъ въ 1812, 13 и 14 годахъ; 4) небольшія записки графа Армфельда о его племянникѣ, воспитывающемся у іезуитовъ, письма жены его и барона Армфельда о томъ же. Двѣ цидулки княгини (sic) де-Таранъ объ негрѣ, котораго она уступила графинѣ Толстой. Она спрашиваетъ у отца Журдана наставленія, какимъ образомъ въ объясненіи, требуемомъ отъ нея на счетъ упомянутаго негра, умолчать объ имени графини». Изъ этой же переписки узнаемъ, что негръ этотъ очутился у князя Голицына и будто бы выразилъ самъ желаніе принять латинство, о чемъ Голицынъ извѣщаетъ Таранъ. Вся эта комедія дѣлается для того, чтобы отнять всякую возможность узнать совратителя этого негра, потому что негръ этотъ уже былъ крещенъ въ православной вѣрѣ, и скрыть всѣ слѣды къ распутанію этого узла, ежели бы кто вздумалъ развязывать его. См. объ этомъ также въ описи бумагъ церквей, состоявшихъ въ вѣдѣніи іезуитовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Перемѣна во взглядѣ Грубера и іезуитовъ на общества св. сердца и вѣры. Слитіе этихъ двухъ обществъ въ одно подъ названіемъ общества вѣры или Пакканаристовъ. Груберъ и его агенты въ Римѣ не только не содѣйствуютъ самостоятельному и независимому существованію общества Пакканаристовъ, но стремятся къ совершенному сліянію его съ іезуитскимъ и поглощенію его послѣднимъ. Борьба іезуитовъ съ Пакканари. Маневры іезуитовъ произвесть разложеніе въ обществѣ Пакканаристовъ. Іезуиты производятъ разладъ и раздѣленіе между членами этого общества. Слѣдствіемъ этихъ іезуитскихъ интригъ было выдѣленіе многихъ членовъ изъ общества и присоединеніе ихъ къ русскому іезуитскому обществу. Не уничтожая совершенно общества Пакканаристовъ, Груберъ поставляетъ начальниками надъ значительными отдѣленіями его или іезуитовъ, или людей, всецѣло преданныхъ интересамъ іезуитскаго ордена. Агенты Грубера въ Римѣ Паниццони и Анжіолини постоянно поддерживаютъ въ Пакканаристахъ надежды на скорое возстановленіе іезуитскаго ордена во всемъ свѣтѣ. Намѣренное преувеличеніе Груберомъ значенія папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи. Усилія іезуитовъ возстановить свой орденъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, чтобы произвесть большее обаяніе на Пакканаристовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь членовъ этого общества отъ своего института и пріобщить ихъ къ іезуитскому. Пигнателли и Анжіолини начинаютъ дѣйствовать въ этихъ видахъ на папу, перваго министра неаполитанскаго короля и королеву. Неожиданныя препятствія къ возстановленію іезуитовъ въ Неаполѣ, возбужденныя папою. Король неаполитанскій раздраженъ такими поступками Пія VII и пишетъ ему рѣзкое письмо. Наконецъ папа даетъ бреве на возстановленіе іезуитовъ въ неаполитанскомъ королевствѣ. Торжества по этому случаю въ Неаполѣ. Оборотная сторона этого факта.

Мы не исчерпали бы всѣхъ причинъ быстраго умноженія членовъ іезуитскаго общества въ Россіи, если бы не-упомянули при этомъ еще объ одномъ обстоятельствѣ. Въ

первой части нашего сочиненія мы говорили о образованіи обществъ священнаго сердца и вѣры, совершенныхъ сколковъ съ Іезуитскаго института и имѣвшихъ цѣлію сохраненіе и поддержаніе Іезуитскаго духа и Іезуитскихъ правилъ подъ другимъ только именемъ, и по уничтоженіи Іезуитскаго общества; мы также упоминали, какъ бѣлорусскіе Іезуиты радостно привѣтствовали эти общества и какую солидарность сознавали они между своимъ обществомъ и этими братствами ([1]). Теперь, когда Іезуитское общество формально было возстановлено въ Россіи, взглядъ Іезуитовъ вообще и Грубера въ особенности на эти общества измѣнился весьма много и сталъ почти противоположенъ прежнимъ воззрѣніямъ Іезуитовъ на эти учрежденія. Нужно сказать, что съ того времени, на которомъ мы оставили эти общества въ нашемъ разсказѣ, въ нихъ произошли значительныя перемѣны: они слились въ одно общество, перестали существовать подъ двумя разными именами и усвоили себѣ одно общее имя отцевъ вѣры или фидентистовъ, или Пакканаристовъ, такъ какъ первый учредитель общества вѣры былъ нѣкто Пакканари, молодой, живой и пылкій Итальянецъ, родившійся въ Тарентѣ, поставившій задачею своей жизни возстановленіе Іезуитскаго общества. Проектъ Пакканари былъ благосклонно принятъ римскимъ викаріемъ, кардиналомъ Делля Сомогліемъ и самимъ папой. Сомогліа позволилъ даже носить Іезуитское платье Пакканари и его подчиненнымъ. Первыми послѣдователями идей Пакканари были докторъ Дела-Ведова и два духовныхъ Французскихъ Гальна и Эпинетъ; потомъ общество его постепенно возрастало, особенно современи совершеннаго Пакканари и его первыми товарищами пилигримства въ Лоретто къ чудотворному образу

([1]) См. 1-ю ч. іезуиты въ Россіи, гл. 7-ю, стр. 240—243.

Богоматери и одобренія плана Пакканари старымъ генераломъ кордильеровъ Темпіо. Въ ораторіи Каравита было главное собраніе членовъ общества вѣры; но изъ Рима они предпринимали разныя путешествія по всѣмъ направленіямъ итальянскаго полуострова. Преимущественно ласковый пріемъ Пакканаристы встрѣтили у епископа Сполетты, который даже поручился за нихъ предъ республиканскимъ французскимъ правительствомъ, завладѣвшимъ тогда большею частію Италіи, что они чужды всякой политической интриги. Между тѣмъ одинъ изъ первыхъ товарищей Пакканари о. Гальна узналъ чрезъ аббата Пея о существованіи въ Германіи общества священнаго сердца, имѣющаго цѣлію также возстановленіе Іезуитскаго ордена. Это открытіе навело Пакканари на мысль соединить свое общество съ обществомъ священнаго сердца въ одно. Началась по этому предмету оживленная переписка между Пакканари и Пеемъ, кончившаяся тѣмъ, что положено было лично объясниться Пакканари и Варэну, тогдашнему начальнику общества священнаго сердца, по этому обстоятельству. Результатомъ этихъ личныхъ объясненій начальниковъ двухъ одинаковыхъ обществъ было сліяніе ихъ въ одно, подъ главнымъ управленіемъ Пакканари. Это событіе совершилось въ Гагенбрюннѣ, главномъ мѣстопребываніи и центрѣ общества священнаго сердца, 1799-го г. 18-го Апрѣля. Прежній начальникъ общества священнаго сердца Варэнъ былъ сдѣланъ ректоромъ Гагенбрюнскаго коллегіума, а Синео делла Торре провинціаломъ Германіи. Архигерцогиня австрійская Анна Марія, покровительница общества священнаго сердца, перенесла теперь свою любовь на общество вѣры и на главнаго начальника его Пакканари. Назначивши всѣмъ членамъ общества вѣры приличныя роли и профессіи и начертавши планъ новымъ

заведеніямъ въ Диллингенѣ, Аугсбургѣ, Падерборнѣ, Берлинѣ, Амстердамѣ, Моравіи, Франціи, Англіи, Италіи, Швейцаріи Пакканари отправился въ Римъ [1]. До сихъ поръ согласіе не нарушалось между іезуитами и пакканаристами. Но вотъ необыкновенное расположеніе Императора Павла I къ іезуитамъ, находившимся въ Россіи, его ходатайство предъ папою о формальномъ возстановленіи іезуитскаго ордена, пробудившее въ русскихъ іезуитахъ и Груберѣ въ особенности новые планы, новыя идеи, совершенно измѣнило прежнія отношенія іезуитовъ къ пакканаристамъ и поставило начальниковъ этихъ двухъ обществъ во враждебное положеніе другъ къ другу. Для переговоровъ съ папою о возстановленіи іезуитскаго ордена, отправленъ былъ Груберомъ самый старый и лукавый іезуитъ Алоисъ Паниццони [2], который и послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена Климентомъ XIV продолжалъ учить итальянское юношество въ бывшей іезуитской коллегіи въ Прато, но потомъ принужденъ былъ оставить Италію и присоединиться къ полоцкимъ іезуитамъ. Когда Груберъ пріобрѣлъ довѣріе Павла I и успѣлъ склонить правительство къ ходатайству предъ папою о возстановленіи іезуитскаго общества, тогда

(1) Vie du R. P. Varin, chap. VIII—IX, pag. 72—91.

(2) Bibliothèque des Ecrivains de la Compagnie de Jésus, ou Notices bibliographiques, par Augustin et Alois de Backer, cinquième série, pag. 565. Panizzoni Aloys né à Vicence, le 1 Juin 1729, entra dans la Compagnie le 3 Novembre 1745. Apres la suppression de la Compagnie, il continua d'enseigner au collège de Prato, jusqu'à ce qu'il se joignit aux jesuites russes. Le p. Kareou l'envoya à Pie VII pour demander le retablissement de la Compagnie dans le monde entier. Le pontife n'exauça pas ses voeux pour le moment, mais il lui remit en 1814 le bref tant désiré. Panizzoni mourut à Rome au noviciat S. André, le 11 Aôut 1820, il était âgé de 91 ans; также Catalogus personarum et officiorum societatis Iesu, ex anno 1801 in annum 1802, pag. 3.

для помощи нашему посланнику при папскомъ дворѣ при переговорахъ по этому дѣлу данъ былъ и посланъ изъ Россіи въ Римъ старый іезуитъ, всесторонне знакомый со всѣми тайнами римской куріи — Паниццони. Іезуитскій агентъ въ Римѣ не могъ не видѣться съ Пакканари и не войдти съ нимъ въ близкія отношенія, тѣмъ болѣе, что іезуиты смотрѣли на общество вѣры, какъ на свой будущій контингентъ и главный матеріалъ для своего института и считали существованіе пакканаристовъ временнымъ питомникомъ для іезуитскаго ордена. Этотъ питомникъ долженъ былъ, по воззрѣніямъ іезуитовъ, перестать существовать и слиться съ іезуитскимъ обществомъ, по возстановленіи послѣдняго ([1]). Съ такими напередъ построенными взглядами

([1]) Внутр. переп. іезуитовъ №№ 221 и 259-й. Въ первомъ говорится, что возраждающееся во Франціи іезуитское общество надѣется найдти свой главный и почти единственный источникъ въ обществѣ вѣры или фидентистахъ. Во второмъ статья, принадлежащая Ле-Блану говоритъ тоже самое. См. также Vie du Varin, Chap. XVIII, pag. 169—173. Воззрѣніе іезуитовъ на общество вѣры самымъ яркимъ образомъ выразилось въ письмѣ Розавена къ Варэну. Въ этомъ письмѣ такъ изображаетъ Розавенъ побужденія, заставившія его оставить общество фидентистовъ и присоединиться къ іезуитамъ: «tous les membres qui composaient autrefois la Société du Sacré-Coeur, et tous ceux qui font actuellement partie de la Société de la Foi, en France, se sont crus appelés à la Compagnie de Jésus, et ils n'ont demandé leur admission dans l'une ou l'autre de ces Sociétés, que par le désir d'entrer dans la Compagnie: or, il est de fait que la Société de Saint-Ignace est présentement rétablie par cette même autorité qui l'a dissoute, celle du Saint-Siége; son rétablissement à Naples va faire tomber un bruit malicieusement répandu, et montrer à tous qu'on a des moyens de connaître les désirs et la volonté du pape, lors même que des raisons de prudence l'empêchent de les consigner dans des actes publics. Enfin il est évident que la Compagnie de Jésus, s'etablissant par l'autorité du Saint-Siége, celle de la Foi ne peut continuer d'exister sans élever autel contre autel, sans former une Société à part et toute autre que celle instituée par Saint Ignace. De là il résulte que tous les membres de la

вступилъ Паниццони въ сношенія съ Пакканари, которыя всѣ направлены были къ тому, чтобы напомнить начальнику общества вѣры, что его общество есть только ступень для вступленія въ іезуитскій орденъ, а потому оно не можетъ быть ни самостоятельнымъ, ни постояннымъ, ни независимымъ отъ начальника іезуитскаго ордена. Каково же было удивленіе Паниццони, когда Пакканари на слова его отвѣчалъ какими-то бѣглыми и уклончивыми фразами, сталъ избѣгать сношеній съ нимъ, а между тѣмъ расширялъ свои учрежденія въ Лоретто, Сполетто и Римѣ. Паниццони тогда рѣшается писать къ Пакканари и убѣждать его, чтобы онъ сдѣлалъ шагъ къ соединенію своего общества съ іезуитскимъ ([1]). Пакканари уѣхалъ изъ Рима въ Вѣну, убѣгая отъ докучливыхъ убѣжденій и напоминаній Паниццони. Но въ Вѣнѣ онъ осажденъ былъ подобными же представленіями и предложеніями; здѣсь даже вошли въ іезуитскіе виды и планы вельможи и дворъ и повели дѣло такъ далеко, что на венеціянскаго сенатора Реццонико, отправлявшагося въ Петербургъ, возложено было особенное порученіе—хлопотать о соединеніи пакканаристовъ съ рус-

Société de la Foi doivent faire leurs efforts pour entrer dans celle des jesuites; cette démarche est l'unique moyen de suivre leur veritable vocation. Au reste, malgré les préventions bien légitimes que la conduite équivoque de Paccanari a inspirée aux jésuites contre la Société de la Foi, le R. P. géneral n'en est pas moins franchement disposé à admettre dans la compagnie tous ceux, qui seront jugés propres à l'Institut.»

([1]) Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. V, pag. 504, par Cretineau. Вотъ что писалъ Паниццони къ Пакканари. «Si vous desirez sincérement travailler à la dilatation de la Compagnie, c'est à vous de chercher à vous y faire incorporer. En attendant, vous devez vous procurer quelque ex-jésuite versé dans la theorie et dans la pratique des Constitutions pour l'enseigner aux Novices selon la methode de la Société.»

скими іезуитами ([1]). Хитрый Пакканари притворился, что онъ раздѣляетъ мысли вѣнскихъ вельможъ и двора; онъ написалъ изъ Вѣны къ Паницциони письмо, въ которомъ выражалъ ту мысль, что его сердечное желаніе состоитъ въ возстановленіи іезуитскаго ордена для блага религіи и святой церкви, и что у него нѣтъ никакого другаго намѣренія, кромѣ того, чтобы возстановить это общество, подъ именемъ ли общества вѣры, или подъ прежнимъ названіемъ іезуитскаго общества, какъ это угодно будетъ намѣстнику І. Христа ([2]). Между тѣмъ дѣйствія Пакканари совершенно противорѣчили его словамъ: покровительница Пакканари, эрцъ-герцогиня австрійская Маріанна, сестра австрійскаго императора, изъ всѣхъ силъ хлопотала предъ папою, чтобы онъ призналъ Пакканари за главу и генерала общества вѣры, а самое общество за іезуитское общество ([3]); въ то же время Пакканари всѣми мѣрами старался членовъ своего общества поселить въ герцогствѣ Пармскомъ и убѣдить герцога въ совершенномъ тождествѣ своего ордена съ іезуитскимъ, а слѣдовательно и въ ненадобности членовъ этого послѣдняго для герцогства ([4]). Такіе поступки Пакканари

([1]) Histoire de la Compagnie de Jésus, t. V, pag. 504.

([2]) Тамъ же и таже страница.

([3]) Арх. М. И. Д. Картонъ «Rome», г. 1801, № 6, депеша нашего посланника Лизакевича, въ которой онъ пишетъ нашему правительству, что другое непріятное обстоятельство огорчаетъ его святѣйшество, а именно: игуменья эрцъ-герцогиня Маріанна, сестра императора австрійскаго, безпрестанно безпокоитъ его и докучаетъ просьбами своими, чтобы онъ призналъ Пакканари за главу и генерала новаго общества, подъ именемъ *Compagnie de Foi*, а его общество за іезуитское, хотя оное не имѣетъ іезуитской конституціи, ни правилъ, а носитъ токмо іезуитскую одежду.

([4]) Тамъ же. «Герцогъ пармскій увидавъ, что нѣкоторые члены сего общества прибыли въ Парму просить его защиты и дозволенія учредить домъ, поручилъ іезуиту Паницциони, прибывшему изъ Россіи, изслѣдовать, имѣютъ ли Пакканаристы какое либо сходство съ правилами іезуитовъ»..

грозили явнымъ разрывомъ и раздѣленіемъ іезуитскаго общества, оспаривали у Грубера достоинство единственнаго генерала іезуитовъ, проводили мысль о возможности образованія новаго іезуитскаго общества, независимаго отъ русскихъ іезуитовъ и отъ русскаго генерала, а состоящаго подъ главнымъ начальствомъ Пакканари, которому должны покориться и русскіе іезуиты и ихъ генералъ, если не хотятъ раздѣленія своего царства самаго на себя, и уничтоженія самаго ордена, — такіе поступки вывели іезуитовъ изъ наблюдательнаго положенія; началась борьба между старыми бойцами и новичкомъ; интригѣ противопоставлена интрига; опасность, которая грозила всему старому іезуитскому институту отъ новаго, пылкаго, дѣятельнаго и хитраго реформатора, вызвала на сцену богатый запасъ изобрѣтательности и энергіи іезуитской въ борьбѣ съ своимъ врагомъ, — и старые борцы еще разъ показали свѣту превосходство своихъ силъ надъ молодыми выскочками, вздумавшими вступить въ борьбу съ ними; къ прежнимъ жертвамъ іезуитской злобы прибавилась еще новая — Пакканари. Перипетіи этой борьбы или лучше іезуитской интриги противъ Пакканари такъ разнообразны и, можно сказать, такъ интересны, что представятъ богатый и любопытный матеріалъ для нашего повѣствованія.

Извѣстно, что самъ Пій VII и его свита оказывали благоволеніе къ Пакканари и его обществу; извѣстно, что эрцъ-герцогиня австрійская, покровительница Пакканари и его общества, купила для фидентистовъ театинскую церковь въ Римѣ, домъ и сады св. Сильвестра на Монте-Кавалло; торжественно и съ большою свитою папа посѣтилъ всѣ заведенія новаго общества; потомъ всегда оказывалъ всѣ знаки благосклонности къ начальнику общества вѣры; наконецъ папа позволилъ Пакканари основать при домѣ св.

Сильвестра пансіонъ для дѣтей благородныхъ фамилій. Насупротивъ базилики Петра стоялъ дворецъ Сальвіато, который эрцъ-герцогиня купила также для общества вѣры. Число членовъ общества вѣры въ одномъ Римѣ возрасло до 110 человѣкъ ([1]). Іезуитамъ прежде всего нужно было уронить Пакканари въ глазахъ папы и его придворной свиты. Съ каждымъ днемъ громче и чаще начали раздаваться въ Ватиканѣ слухи о гордости, честолюбіи, деспотизмѣ, нехристіанской жизни Пакканари; въ правилахъ, начертанныхъ имъ для своего общества, видѣли болѣе мірскаго, чувственнаго, чѣмъ духовнаго и подвижническаго; находили, что въ число упражненій членовъ общества внесены рекреаціи, игры, вакаціи, что̀ вовсе не шло къ обществу духовному. Брошена была тѣнь подозрѣнія и на отношенія Пакканари къ эрцъ-герцогинѣ. Мы не отрицаемъ справедливости многихъ изъ взведенныхъ іезуитами на Пакканари обвиненій, но мы не можемъ не обратить вниманія читателя на побужденія, которыми руководились іезуиты, обвиняя Пакканари въ показанныхъ преступленіяхъ; мы хотѣли бы только напомнить приэтомъ читателямъ о нравственныхъ качествахъ самихъ обвинителей Пакканари и объ ихъ слишкомъ мягкихъ и снисходительныхъ отношеніяхъ къ самымъ гнуснымъ порокамъ или членовъ своего общества, или тѣхъ, которые не враждебны ихъ обществу, а благожелательны и благосклонны. Мы вполнѣ увѣрены, что іезуиты не только бы простили Пакканари всѣ упомянутыя выше преступленія, но и другія еще большія, еслибы онъ не отдѣлился отъ нихъ; мы убѣждены

([1]) Notices Historiques sur quelques membres de la Société des pères du Sacré-Coeur et de la Compagnie de Jésus, par Achille Guidée, tom. II, chap. XVI, pag. 90—94.

что они провозгласили бы его святымъ, выдумали бы нѣсколько чудесъ, совершенныхъ будто-бы имъ еще при жизни, ублажали бы его вѣчно по смерти, написали бы не одно похвальное сочиненіе о его благочестивой жизни, если бы онъ присоединился къ нимъ. Но теперь, когда онъ осмѣлился отдѣлиться отъ нихъ, онъ сталъ для нихъ отверженнымъ, нечестивцемъ, чувственнымъ и развратнымъ человѣкомъ; теперь ему раздавались изъ устъ іезуитовъ не ублаженія, а проклятія, теперь онъ достоинъ смерти,—и вотъ они начинаютъ рыть яму Пакканари. Іезуиты умѣютъ губить своихъ враговъ; въ этомъ исскуствѣ мало найдется соперниковъ этому ордену. Подъ вліяніемъ слуховъ, усердно распускаемыхъ Паниццони и его сторонниками, началось сначала охлажденіе въ отношеніяхъ папской свиты къ Пакканари, потомъ почти совершенное прерваніе всякихъ сношеній съ нимъ, наконецъ явились и официальные доносы, соединенные съ секретными обвиненіями, поданные папѣ на Пакканари бывшими его подчиненными и старыми іезуитами, имѣвшіе результатомъ повелѣніе папы, чтобы Пакканари оставилъ Римъ и удалился въ Сполетто. Концемъ всей іезуитской интриги было каноническое осужденіе Пакканари и заключеніе его въ крѣпости св. Ангела, откуда онъ вышелъ по милости Французовъ, завладѣвшихъ Римомъ и самимъ папою. Мщеніе и злоба іезуитская этимъ неограничились. Пакканари палъ подъ кинжаломъ убійцы, вѣроятно нанятаго и подкупленнаго іезуитами, если не самаго переряженнаго въ платье слуги іезуита, и тѣло его брошено было въ Тибръ и унесено было желтыми волнами его въ невѣдомыя мѣста [1]. Іезуиты и писатели ихъ ис-

[1] На второй годъ его заключенія въ крѣпости Ангела, говоритъ Гидэ, Французы силою захватили папу и отправили его изъ Рима въ Са-

торіи какъ то неохотно и глухо говорятъ о послѣднихъ годахъ жизни Пакканари и наводятъ глубокій туманъ на конецъ его жизни. Поражая лично начальника общества вѣры, іезуиты въ тоже время старались всячески произвесть разложеніе въ самомъ обществѣ и наносили ему смертельные удары. Они напрягали всѣ усилія раздѣлить членовъ общества вѣры на два враждебныхъ лагеря и такимъ образомъ отторгнуть большую часть изъ нихъ къ себѣ, къ своему ордену; раздѣляя и разлагая общество вѣры внутри его, іезуиты въ тоже время недавали ему возможности представлять изъ себя для постороннихъ, а особенно для глазъ свѣтскихъ правительствъ, учрежденія самостоятельнаго, сходнаго съ іезуитскимъ обществомъ до такой степени чтобы оно могло замѣнять собою послѣднее и дѣлать существованіе этого послѣдняго излишнимъ для государствъ, желающихъ имѣть у себя духовныя учрежденія, съ направленіемъ іезуитскимъ.

вону, и отворили Пакканари двери его темницы; онъ отвѣчалъ, что, будучи лишенъ свободы по приказанію папскому, онъ приметъ ее только отъ власти папской, а не отъ другой какой. Его оставили въ тюрьмѣ, но спустя нѣсколько времени его принудили выдти изъ крѣпости. Что сдѣлалось съ нимъ послѣ? Куда онъ удалился? Какой былъ конецъ его? Касательно всего этого ходитъ столько разнорѣчивыхъ, несходныхъ и противоположныхъ слуховъ, что нельзя сказать обо всемъ этомъ ничего опредѣленнаго и точнаго. Нѣкоторые говорятъ, что онъ палъ отъ кинжала какого то слуги и брошенъ былъ въ Тибръ; другіе говорятъ, что Пакканари удалился въ Швейцарію, жилъ здѣсь и умеръ подъ другимъ именемъ. Счастливъ онъ, восклицаетъ іезуитъ-писатель, если онъ воблаго употребилъ это униженіе, заслуженное справедливо его гордостію, и если онъ до конца жизни пребылъ въ чувствахъ покаянія, которыя онъ показалъ во время своего заключенія въ монастырѣ Ассизъ и Рими.» (Notices Historiques, par Guidée, tom. II, pag. 93—96). Какая христіанская заботливость со стороны іезуита о вѣчномъ спасеніи врага своего ордена, и какое тщательное стремленіе не говорить о подробностяхъ смерти своего врага!

Для достиженія первой цѣли, іезуиты прибѣгли къ пріему, обличающему въ нихъ глубокихъ психологовъ и тонкихъ знатоковъ движеній сердца человѣческаго. Отъ проницательности іезуитской не могло укрыться то обстоятельство, что не смотря на слитіе и соединеніе въ одинъ союзъ членовъ общества священнаго сердца и вѣры, у первыхъ всегда въ глубинѣ оставался осадокъ неудовольствія и оскорбленнаго самолюбія, образовавшійся сколько отъ униженія французскаго національнаго чувства, принужденнаго поступиться своими правами предъ простыми и мало развитыми Итальянцами, каковы были члены общества вѣры, столько же отъ слишкомъ поспѣшнаго и неумѣреннаго проявленія смиренія начальника общества сердца, такъ быстро и неожиданно для своихъ подчиненныхъ сложившаго съ себя начальство надъ своимъ обществомъ и передавшаго его Пакканари, и позволившаго обществу вѣры поглотить въ себѣ общество священнаго сердца, а не наоборотъ [1]. На это-то, можетъ быть, съ годами и отъ продолжительности времени заснувшее и улегшееся чувство, и стали теперь дѣйствовать глубокіе знатоки всѣхъ изгибовъ человѣческаго сердца, это-то чувство и стали будить и разстравлять іезуиты въ членахъ общества вѣры, принадлежавшихъ нѣкогда къ обществу священнаго сердца; пущена была въ ходъ вѣсть, что іезуиты и ихъ генералъ дѣлаютъ строгое различеніе между членами священнаго сердца и членами общества вѣры; на первыхъ они смотрятъ благосклонно, какъ на истинныхъ союзниковъ и по-

(1) Vie du R. P. Varin, pag. 31—37. «Les péres du Sacré-Coeur le (Paccanari) reçurent avec joie, mais avec une certaine réserve; потомъ далѣе Гидэ какъ бы оправдываетъ Варэна въ его рѣшимости подчинить себя и свое общество Пакканари.

слѣдователей іезуитскаго ордена, а на вторыхъ совершенно иначе и относятся къ нимъ совершенно подъ другимъ угломъ зрѣнія. Этотъ іезуитскій взглядъ во всей его цѣлости выразилъ Розавэнъ въ письмѣ своемъ къ Варэну. «Я долженъ присовокупить, пишетъ Розавэнъ, что въ Россіи дѣлаютъ большое различіе между отцами, составлявшими нѣкогда конгрегацію священнаго сердца, и между отцами, образовавшими общество вѣры, или тѣми, которые вошли въ него послѣ соединенія этихъ двухъ обществъ; они отдаютъ также предпочтеніе тѣмъ членамъ изъ этого общества, которые поступили въ него во Франціи и Англіи, и невысоко цѣнятъ тѣхъ, которые вошли въ него въ Италіи (¹). Такъ какъ Французы, Белгійцы и даже нѣкоторые нѣмцы, принадлежавшіе къ обществу вѣры, преслѣдуемые французской арміей и революціоннымъ правительствомъ, бросились въ Англію и здѣсь въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ Лондонѣ, образовали довольно многочисленную колонію подъ предводительствомъ и руководствомъ оставшихся тамъ послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ или эксъ-іезуитовъ, то туда теперь главнымъ образомъ и устремлено было вниманіе Грубера, туда преимущественно и направлены были интриги іезуитовъ. Нѣкто богатый англичанинъ Ѳома Вэльдъ (²), далъ прибѣжище въ свой землѣ бѣжавшимъ изъ Бельгіи іезуитамъ, именно въ мѣстечкѣ Стонгурстъ. Здѣсь заведена была іезуитская школа, отсюда іезуиты распространяли и свою пропаганду. Когда объявлено была бреве Пія VII о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи, тогда зашевелились іезуиты англійскіе, шотландскіе и ирландскіе, въ нихъ пробудилась мысль объ образованіи іезуит-

(¹) Vie du R. P. Varin, pag. 173.

(²) Тамъ же Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. VI, pag. 80—85.

ской провинціи въ Англіи. Главнымъ начальникомъ и душею англійской іезуитской общины былъ нѣкто отецъ Мармадухъ-Стонъ (1). Сюда устремились и члены общества вѣры и приняты были старыми іезуитами радушно; мало того, при содѣйствіи эксъ-іезуитовъ, члены общества вѣры изъ французовъ основали въ Кенсигтонѣ близъ Лондона коллежъ, куда поступило много духовныхъ изъ французовъ. Главными двигателями общества вѣры, основавшагося въ Лондонѣ, были Розавэнъ и Брольи (2). Въ Стонгурстѣ явился іезуитъ Стрикландъ, съ порученіемъ отъ Грубера устроить здѣсь англійскую іезуитскую общину и присоединить ее къ обществу іезуитовъ, существовавшему въ Россіи, а въ тоже время уничтожить отдѣльное и самостоятельное существованіе общества вѣры въ Англіи (3).

(1) Ston Marmaduke, né à Drakot le 28 Novembre 1748, entra au noviciat à l'âge de 19 ans. Il fut président du collége de Liège, et après la suppression de cette maison, il alla se fixer à Stonyhurst. Le 27 Mai 1803, il fut nommé provincial d'Angleterre, charge qu'il exerça jusq'au 8 Septembre 1817. Sa faible vue ne lui permettant plus de s'occuper serieusement, il se retira à Lowe-House, en 1829, il mourut le 21 Août 1834 (Bibliothéque des Ecrivains de la Compagnie de Jésus, par Augustin et Alois de Backer, Sixième série, pag. 682). Съ Стономъ вмѣстѣ жили іезуиты: Гальна (Halnat) и Симпсонъ, оба они были французы, но послѣдній свое французское имя Сіоннетъ (Sionnet) перемѣнилъ во время пребыванія своего въ Англіи на англійское Симпсонъ, подъ которымъ онъ и былъ извѣстенъ во Франціи, когда возвратился изъ Англіи въ свое отечество. Іезуиты очень часто носили и принимали фальшивыя имена, какъ мы покажемъ въ послѣдующемъ нашемъ расказѣ (Vie du Varin, pag. 129, Note I, 219, Not. I).

(2) Notices Historiques sur quelques membres de la Société du Sacré-Coeur, par Guidée, tom. II, pag. 84. Брольи былъ суперіоромъ Кенсингтонскаго коллежъ, а Розавэнъ назначенъ былъ отъ Пакканари суперіоромъ всѣхъ отцевъ вѣры, жившихъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

(3) См. внутр. переп. іезуит. № 13-й, письмо о. Стона къ Березовскому. «Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, что папа Пій VII позволилъ уже однажды

Стрикландъ такъ хорошо повелъ дѣло, что скоро пересталъ существовать коллежъ, основанный членами общества вѣры близъ Лондона, а потомъ выселились въ Россію изъ Англіи и самые члены этого общества; выселеніе было такъ сильно, что совершалось не отдѣльными личностями, а цѣлыми массами, напр. въ количествѣ 25-ти человѣкъ въ одинъ разъ; такъ что въ цѣломъ англійскомъ королевствѣ едва осталось три члена изъ общества вѣры, но и тѣ жили, какъ частные люди, или бѣлые духовные, а не какъ члены какого нибудь ордена или общества ([1]). Со стороны іезуитовъ сдѣлано было все для облегченія присоединенія отцевъ вѣры къ іезуитскому обществу, стоило только члену общества вѣры явиться къ о. Стрикланду, объявить ему желаніе свое поступить въ іезуитскій орденъ, и одного слова Стрикланда достаточно было, чтобы тотъ преобразился въ члена русскаго іезуитскаго общества, и ему свободно отворялись всѣ пути въ Россію, Полоцкъ, Петербургъ и такъ далѣе ([2]).

отцу Груберу пріобщить къ обществу іезуитовъ, существующему въ Россіи, отцевъ, живущихъ въ Англіи, и снабдить ихъ различными правами, дабы такимъ образомъ сколько можно восприсоединить нашу англійскую провинцію.»

([1]) Notices Historiques, tom. II, pag. 85. «Le P. de Broglie resta à Londres après le départ du P. Rigoletti et y vécut comme prêtre séculier. Broglie resta avec deux ou trois compagnons.

([2]) Тамъ же. Les membres (du Sacré-Coeur) jugeant bien les intentions de Paccanari, qui se montrait peu disposé à opérer la réunion avec les jésuites, prirent les premiers leur parti: ils écrivirent, au mois de mars 1804 an au pére Gruber, géneral des jésuites de Russie, pour demander d'être admis de la manière qu'il jugerait convenable. On leur répondit de se presenter au P. Strickland, ancien profès, et que ceux qui seraient reçus par lui pourraient se rendre en Russie».

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутыхъ нами лицъ, жившихъ близь Лондона

Но нельзя же было всѣхъ членовъ общества вѣры перевесть изъ Европы въ Россію и присоединить ихъ къ іезуитамъ русскимъ; невозможно было даже лишить Европу всѣхъ даровитыхъ личностей какъ изъ общества вѣры, такъ изъ іезуитскаго ордена, и сгруппировать ихъ въ одной Россіи: это слишкомъ бы било въ глаза правительству русскому и невыгодно бы отозвалось на самомъ іезуитскомъ обществѣ, а положеніе Европы было не до такой степени нивеллировано, чтобы можно было вдругъ всѣхъ членовъ вѣры, всѣхъ эксъ-іезуитовъ тотчасъ преобразовать въ настоящихъ іезуитовъ. Члены общества вѣры (священнаго сердца) могутъ быть богатымъ контингентомъ для пополненія іезуитскаго ордена, могутъ усердно послужить намѣреніямъ и цѣлямъ іезуитовъ, но только при умномъ направленіи ихъ, при особомъ надзорѣ за ними остраго и проницательнаго взгляда іезуита, при постоянномъ, т. сказать, напоминаніи имъ, что ихъ состояніе есть переходное, временное, которое скоро должно кончиться соединеніемъ ихъ съ іезуитами, и для этого нужно только по возможности пользоваться всякими случаями и всякими благопріятными явленіями, совершающимися въ іезуитскомъ обществѣ, какъ симптомами, указывающими на скорый конецъ этого переходнаго состоянія. Даже въ видахъ предупрежденія попытокъ отдѣленія общества вѣры (священнаго сердца) отъ іезуитскаго ордена, подобныхъ обнаруженнымъ Пакканари, нужно было, чтобы нѣкоторыя даровитыя личности изъ іезуитовъ, или изъ членовъ (священнаго) вѣры, но всецѣло преданныхъ интересамъ іезуитскаго ордена, были не въ Рос-

въ общинѣ священнаго сердца, тутъ находились также между прочими: Кольманъ, Синео, Борегардъ, Гривель, Риголетти.

сіи, а внѣ ея, находились ближе къ мѣстопребыванію всѣхъ такого рода обществъ, и парализировали бы быстро всѣ попытки враждебныя для іезуитскаго ордена, и могли бы пользоваться всякимъ случаемъ къ возстановленію іезуитскаго ордена и содѣйствовать его интересамъ. А потому, Груберъ убивши и поразивши на смерть самаго Пакканари, раздѣливши общество вѣры на самого себя, отвлекши у него богатый запасъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, мастерски воспользовался даннымъ ему Пакканари урокомъ, и началъ напрягать всѣ свои силы къ распространенію вліянія іезуитскаго общества въ Европѣ и возрожденію его.

Прежде всего Груберъ употребляетъ все стараніе, чтобы главными отдѣленіями или провинціями общества вѣры завѣдывали и управляли іезуиты стараго закала, поступившіе въ орденъ еще до уничтоженія его Климентомъ XIV-мъ, слѣдовательно, которые бы содѣйствовали соединенію общества вѣры съ іезуитскимъ орденомъ, и уничтожали бы всякую мысль о самостоятельномъ и независимомъ существованіи общества вѣры. Такимъ образомъ во главѣ многихъ группъ общества вѣры стали настоящіе іезуиты или эксъ-іезуиты, какъ то: Мигацци, Пигнателли, Синео, Перелли, Гловеръ, Клоривьеръ и другіе. Но въ членахъ общества вѣры нужно было постоянно питать и поддерживать мысль о скоромъ возстановленіи іезуитскаго ордена въ цѣломъ свѣтѣ, а не въ одной Россіи, чтобы они ни на минуту не забывали о скоромъ поглощеніи ихъ общества іезуитскимъ институтомъ. Для этой цѣли Груберъ употреблялъ всѣ возможныя средства, дѣлалъ все, что только могло вводить другихъ въ обманъ и заблужденіе касательно этого предмета. Не довольствуясь присутствіемъ въ Римѣ агента русскихъ іезуитовъ Паницони, на котораго возложены были разныя обязанности отъ іезуитскаго гене-

рала, а главнымъ образомъ хлопоты о возстановленіи іезуитскаго ордена въ цѣломъ свѣтѣ ([1]), Груберъ послалъ въ Римъ Кайстана Анжіолини, какъ генералъ-прокурора іезуитскаго общества, т. е. какъ представителя іезуитскаго ордена, законно существующаго и официально признаннаго папою ([2]).

Особенно сильное впечатлѣніе должно было произвесть на всѣхъ, а на членовъ общества вѣры и іезуитовъ въ особенности торжественное представленіе Анжіолини папѣ Пію VII-му. Анжіолини среди папскаго двора явился въ своемъ іезуитскомъ костюмѣ, давно уже невиданномъ въ столицѣ латинства, явился не одинъ, но предшествуемый русскимъ посланникомъ при римскомъ дворѣ. Папа не только не возмущается іезуитскимъ костюмомъ Анжіолини, но привѣтствуетъ въ немъ что-то родное, возвращающееся подъ свой домашній кровъ послѣ долгаго странствованія,

([1]) Внут. пер. № 221-й. Переводъ письма изъ Рима къ о. генералу, отъ 6-го августа 1863 г. (кажется, отъ Паниццони), въ коемъ убѣждаютъ его искать ходатайства въ Импер. Александрѣ, который по выраженію сочинителя, имѣетъ больше чѣмъ кто либо, вліянія побудить римскій дворъ къ возстановленію въ Римѣ іезуитскаго общества. Не нужно для сего посылать изъ Россіи священниковъ, потому что въ Римѣ и окрестныхъ мѣстахъ есть довольное число старинныхъ іезуитовъ; сіе предположеніе выдумано первѣйшими особами.

([2]) Cajetan Angiolini, le troisième des cinq frères, né à Plaisance, le 27 Novembre 1745, entra au noviciat en Italie, le 17 Octobre 1765, et professa quelque temps à Ferrare. Après la suppression, Angiolini prêcha à Milan, à Ravenne et dans d'autres villes d'Italie, mais il alla bientôt rejoindre ses confrères dans la Russie-Blanche. Il passa plusieures années à Polotzk et à Vitepsk dans l'enseignement de la philosophie et de l'architecture. En 1802 on l'envoya à S. Petérsbourg en qualité de prédicateur italien; trois ans après il fut nommé provincial de la Sicile. Le p. Angiolini mourut à Rome, le 17 Novembre 1816; 3-я ч. стр. 46, Bibliothèque des Ecrivains de la Compagnie de Jésus. Backer.

благословляетъ Груберовскаго посланника, орошаетъ его даже слезами и дѣлаетъ съ этого времени его своимъ задушевнымъ собесѣдникомъ, повѣряетъ ему тайны сердца своего и даетъ самыя секретныя порученія ([1]). Къ дополненію впечатлѣнія, произведеннаго на латинскій міръ вообще, а на общество членовъ вѣры въ частности, явленіемъ Анжіолини въ Римѣ, Груберъ намѣренно преувеличиваетъ въ своихъ корреспонденціяхъ значеніе папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи и старается всячески показать заграничнымъ іезуитамъ и фидентистамъ, что скоро іезуитскій орденъ возстановленъ будетъ всюду, а потому Груберъ совѣтовалъ всѣмъ прежнимъ іезуитамъ образовать группы, общества, провинціи, и съ этою цѣлію посылалъ даже изъ Россіи агентовъ своихъ, для образованія іезуитскихъ провинцій, или же тайныхъ іезуитскихъ обществъ; такъ Стриклендъ отправленъ былъ Груберомъ въ Англію между прочимъ для сгруппированія воедино живущихъ тамъ іезуитовъ и образованія тамъ іезуитской провинціи. Образованіе такого рода іезуитскихъ союзовъ или группъ, основанное на обѣщаніи и словахъ Грубера, приняло въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, напр. въ Англіи, такіе размѣры и совершалось такъ нецеремонно, что обратило на себя вниманіе англійскаго Парламента и пугало самаго папу, который принужденъ былъ сдерживать слишкомъ порывистыя и смѣлыя дѣйствія іезуитовъ, какъ незаконныя, проистекавшія изъ лживыхъ слуховъ и могшія поставить самого его въ затруднительное положеніе предъ государями Европы. Переписка англійскихъ іезуитовъ весьма хорошо представляетъ маневръ Грубера, употребленный имъ для поддержанія и воз-

([1]) Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. V, pag. 508.

бужденія надеждъ въ іезуитахъ на возстановленіе ордена ихъ во всемъ мірѣ. Вотъ что писали іезуиты Стонъ, Стрикландъ и другіе, пребывавшіе въ Англіи, къ преемнику Грубера Березовскому (Бржезовскому): «отецъ Груберъ, изъ усердія къ распространенію ордена, слишкомъ обѣщалъ іезуитамъ англійскимъ и слѣдственно много разъ выходилъ изъ предѣловъ своей власти. Помянутое присоединеніе ихъ (къ русскимъ іезуитамъ) тѣмъ для нихъ желательнѣе, что доселѣ существованіе ихъ въ Англіи никакимъ актомъ необезпечено, и что они находятся въ ежедневной опасности быть оттуда изгнанными, о чемъ уже нѣкоторые лорды предлагали въ Парламентѣ, но отцы нашли способъ отразить сей ударъ, пользуясь важнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ друзей своихъ». По письму о. Гловера изъ Палермо, пишетъ Стрикландъ къ Березовскому въ другомъ письмѣ, мы имѣемъ основательныя причины думать, что всѣ наши старанія о возстановленіи нашего дражайшаго общества въ Англіи, Ирландіи и Америкѣ, безполезны, поелику они проистекали изъ лживаго и вымышленнаго источника. Сіе громкое прорицаніе папы Пія VII, которое столько разъ превозносили и на которомъ основывалась вся наша надежда, сіе, говорю, прорицаніе получило свое начало и силу въ двусмысленномъ выраженіи кардинала Консальви въ отвѣтѣ его на письмо о. Грубера, въ коемъ сей послѣдній жаловался папѣ, что указъ его святѣйшества о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи ни мало не удовлетворяетъ намѣренію и требованію Императора Павла, который преимущественно желалъ, чтобъ возстановленному въ Россіи ордену позволено было имѣть миссіонеровъ въ другихъ государствахъ, а особливо въ Китаѣ. Кардиналъ Консальви такъ отвѣчаетъ на жалобу Грубера: «Папа желаетъ, чтобъ общество Іисусово было непоколе-

блемо и вѣчно, и потому должно принимать въ оное подданныхъ всѣхъ державъ». Мнѣ даже кажется почти невозможнымъ, продолжаетъ Стрикландъ, чтобъ о. Груберъ по сему одному двусмысленному выраженію почелъ себя въ правѣ назначать намѣстниковъ въ другихъ земляхъ и тамъ учреждать коллегіи и домы для новопріемлемыхъ. Отецъ Гловеръ прибавляетъ, что папа весьма охуждаетъ сіи тайныя собранія, и что нѣтъ ни малѣйшей надежды получить отъ него на оныя словесное или письменное согласіе ([1]). Чтобы очарованію и надеждамъ іезуитовъ придать болѣе дѣйствительности, или чтобы увѣрить іезуитовъ въ осуществленіи ихъ мечты о повсемѣстномъ возстановленіи ихъ ордена въ самомъ близкомъ будущемъ, Груберъ отказываетъ нѣкоторымъ іезуитамъ въ удовлетвореніи ихъ просьбъ о переселеніи въ Россію и соединеніи съ іезуитскимъ русскимъ обществомъ. Правда, истинною причиною подобныхъ отказовъ было то, что просители эти или были такъ стары, какъ Борегардъ, что едва могли доѣхать до Полоцка, да если бы и доѣхали, то только для того, чтобы вскорѣ тутъ же положить свои старыя кости, а дѣятельности полезной для института отъ нихъ не было бы никакой, и ожидать ее было бы слишкомъ смѣло и неумѣстно, или эти просители сидѣли въ это время въ темплѣ или другихъ какихъ нибудь тюрьмахъ, какъ напр: Клоривьеръ ([2]), но Груберъ въ письмахъ своихъ ко всѣмъ такимъ лицамъ мотивировалъ свой отказъ на ихъ просьбы совершенно другими обстоятельствами и причинами, а именно: надеждами и увѣреніями въ скоромъ возстановленіи іезуитскаго

([1]) Внутр. пер. іезуит. № 13-й.

([2]) Notices historiques sur quelques membres de la Société des pères du Sacré-Coeur, t. I, біографіи Борегарда и Клоривьера.

общества во всей Европѣ [1]. Письма Грубера, вводившія въ обманъ самихъ просителей, обольщали пустыми надеждами и цѣлыя группы іезуитскія быстро переходили отъ однихъ къ другимъ и прочитывались съ жадностію: обманъ Грубера достигалъ предположенной имъ цѣли—держалъ въ постоянномъ ожиданіи цѣлыя массы іезуитовъ, пребывавшихъ въ Европѣ, и питалъ ихъ мечты о скоромъ возстановленіи ихъ ордена въ Европѣ, а этого только и хотѣлось Груберу, чтобы этимъ средствомъ сгруппировать во едино іезуитовъ и заставить фидентистовъ ближе и тѣснѣе примыкать къ іезуитскому обществу и недать имъ образовать изъ себя не только самостоятельнаго и независимаго общества, но и отнять у нихъ всякую мысль о томъ.

Конечно, дѣло іезуитское и планы Грубера получили бы блистательное торжество и произвели бы необыкновенный эффектъ, если бы они не ограничились одними мечтами, увѣреніями, пустымъ обманомъ, а сопровождались бы явленіями дѣйствительными, свидѣтельствующими о скоромъ осуществленіи этихъ надеждъ. Хорошо бы было, еслибы какое нибудь правительство въ Европѣ, кромѣ русскаго, заявило желаніе формально возстановить орденъ и выхлопотало бы у папы оффиціальное позволеніе на это. Какое впечатлѣніе произвело бы это на іезуитскій орденъ и на фидентистовъ! Какіе бы результаты были достигнуты этимъ! Тогда бы іезуиты убѣдились, что обѣщанія ихъ генерала не обманъ и не мечта, а дѣйствительность, совершающаяся во очію ихъ; тогда бы и фидентисты скорѣе и охотнѣе бросились бы въ объятія іезуитскаго института и

(1) Тамъ же, стр. 311. Письмо Клоривьера изъ тампля къ Груберу и отвѣтъ, данный ему уже по смерти Грубера; такъ же стр. 284, гдѣ приводится письмо Борегарда къ Груберу.

позволили бы поглотить себя послѣднему. Даже свѣтскія правительства увлеклись бы въ этомъ случаѣ можетъ быть примѣромъ одного изъ своихъ собратовъ и открыли бы дверь у себя іезуитамъ. Особенно было бы хорошо, если бы это сдѣлало одно изъ итальянскихъ правительствъ, гдѣ по преимуществу былъ центръ Пакканаристовъ, и гдѣ одинъ изъ правителей совсѣмъ было склонялся къ тому, чтобы допустить ихъ въ своемъ государствѣ, и только благодаря искусству одного изъ іезуитскихъ собратовъ эта попытка была уничтожена; только Паниццони могъ убѣдить герцога Пармскаго, что общество Пакканаристовъ или Фидентистовъ неимѣетъ ничего общаго съ іезуитскимъ орденомъ, кромѣ одежды (¹). Если бы удалось такое дѣйствіе, тогда бы разомъ достигались двѣ цѣли: отнималась бы надежда у Фидентистовъ на самостоятельное существованіе, независимо отъ іезуитскаго общества, и они скорѣе бы преобразились въ іезуитовъ, окрилялись бы надежды собственно такъ называемыхъ іезуитовъ, а свѣтскія правительства неимѣли бы повода смѣшивать и принимать за тождественныя эти два различныя общества. Іезуиты незадумы-

(¹) Герцогъ пармскій, увидавъ, что нѣкоторые члены сего общества (пакканаристы) прибыли въ Парму, пишетъ нашъ посланникъ въ Римѣ Лизакевичъ министру иностранныхъ дѣлъ, просятъ его защиты и дозволенія учредить домъ, поручилъ іезуиту Паницпони, прибывшему изъ Россіи изслѣдовать, имѣютъ-ли Пакканаристы какое либо сходство съ правилами іезуитовъ, и получа донесеніе, что неимѣютъ ни малѣйшаго, а напротивъ сіе общество совсѣмъ противно и ненавидитъ іезуитовъ, его королевское высочество выслалъ ихъ и запретилъ Пакканаристамъ входъ и пребываніе въ своихъ областяхъ. Дабы избавиться отъ всегдашнихъ домогательствъ эрцъ-герцогини Маріанны, папа учредилъ конгрегацію изъ трехъ кардиналовъ, а именно: Сомагліа, Антонелли и Борджіа, съ предписаніемъ, чтобъ они, изслѣдовавъ основаніе и конституцію сего общества, донесли его святѣйшеству» (арх. Мин. Ин. Д. «Rome», 1801, № 6-й).

вались долго надъ осуществленіемъ этого проекта и начали ткать свою паутину интриги и лукавства. Главную работу въ этомъ дѣлѣ приняли на себя двѣ личности: кардиналъ Пигнателли и Анжіолини; эти два человѣка стоили цѣлой арміи интригановъ и хитрецовъ; обѣ эти личности умѣли завоевать себѣ полное и почти безграничное довѣріе неаполитанскаго короля и папы. На эти два пункта теперь устремлены были виды и удары двухъ искусныхъ бойцевъ; ни одно изъ итальянскихъ государствъ не представляло такихъ выгодныхъ условій для возстановленія іезуитскаго ордена, какъ неаполитанское, остававшееся единственнымъ въ то время государствомъ на итальянскомъ полуостровѣ, неподпавшимъ революціонному французскому правительству и сохранившимъ у себя на престолѣ Бурбоновъ, враждебныхъ всѣмъ новымъ идеямъ и горячихъ приверженцевъ всѣхъ старыхъ идей, порядковъ и всѣхъ старыхъ институтовъ. Самъ папа ни въ одномъ государствѣ не могъ дѣйствовать съ большею свободою и независимостію въ дѣлѣ возстановленія іезуитскаго ордена, какъ только въ неаполитанскомъ королевствѣ, потому что, по воззрѣнію римской куріи и по установившемуся издревле обычаю въ Римѣ, неаполитанскій король считался ленникомъ папы, и папа имѣлъ надъ нимъ право инвеституры (1). Личныя отношенія Пигнателли и Анжіолини къ неаполитанскому королю и папѣ какъ нельзя лучше содѣйствовали и успѣшному веденію переговоровъ по іезуитскому дѣлу, и обѣщали

(1) Mémoires du Cardinal B. Pacca sur le pontificat de Pie VII, t. I, pag. 47 Тайлеранъ такъ отрицалъ право папской инвеституры надъ неаполитанскими королями: «un des nombreux abus de l'autorité pontificale, né dans les siècles obscurs du moyen âge, tombé en desuétude, et ne pouvant d'ailleurs se soutenir devant le moindre examen critique».

самый благополучный исходъ ему. Политическое положеніе папы невольно заставляло его бросаться въ объятія или лучше въ пучину іезуитизма и не пренебрегать услугами, которыя могли оказать ему іезуиты за благодѣянія, полученныя ими отъ него. И такъ началась работа; пришли въ движеніе іезуитскіе мозги. При этомъ потребовалось со стороны Пигнателли много искусства, чтобы сравнять и сгладить нѣкоторыя шероховатости, существовавшія между папскимъ и неаполитанскимъ дворами, а со стороны Анжіолини много трудовъ, хлопотъ и хитрости, чтобы умѣть начать это дѣло и вести его такъ искусно, чтобы іезуитская цѣль была достигнута, а рука іезуита, заправлявшая этою работою, была скрыта, и чтобы иниціатива возстановленія іезуитскаго ордена въ Неаполѣ будто бы принадлежала не самимъ іезуитамъ, а неаполитанскому королю. Къ счастію, у насъ сохранились самые любопытные и обстоятельные документы объ этой іезуитской интригѣ, въ депешахъ нашего посланника при римскомъ дворѣ Лизакевича къ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ. Прежде нежели приведемъ въ подлинникѣ самыя депеши, мы считаемъ нужнымъ сказать, что приступъ свой на неаполитанскаго короля Анжіолини и Пигнателли начали съ министра его Актона, который дѣйствовалъ на короля чрезъ королеву, дочь извѣстной ханжи—Маріи-Терезіи. Пигнателли, въ родѣ и крови котораго іезуитизмъ былъ чѣмъ то наслѣдственнымъ и сжился уже съ нѣсколькими генераціями этого дома ([1]), успѣлъ такъ повести дѣло, что король выразилъ свое согласіе своему министру вступить въ переговоры съ Анжіолини, касательно образа или способа возстановленія іезуитовъ въ его королевствѣ. «О. Анжіоли-

([1]) Encyklopedia Powszechna, 1865 г., Warszawa, tom. XX, стр. 701.

ни, приводимъ подлинныя слова депешъ Лизакевича, третьяго дня отправился отсюда (изъ Рима) въ Неаполь, куда приглашалъ его пріѣхать министръ Актонъ чрезъ кардинала Караффу де-Бельведеръ, по тому случаю, что его сицилійское величество желаетъ совѣщаться съ нимъ о возстановленіи іезуитовъ въ своемъ королевствѣ на такихъ же основаніяхъ, на какихъ они существуютъ въ Россіи: именно такая фраза употреблена министромъ въ письмѣ его къ Караффѣ. Предъ отъѣздомъ своимъ отсюда, Анжіолини имѣлъ аудіенцію у св. отца, которому онъ изложилъ причину своего путешествія въ Неаполь, просилъ его въ случаѣ, если онъ устроитъ это дѣло и получитъ согласіе у его величества сицилійскаго, оказать благосклонность тому обществу, уничтоженіе котораго принесло столь много золъ алтарю, тронамъ и гражданскому обществу. Св. отецъ, по словамъ Анжіолини, отвѣтилъ ему на это, что если его величество формально и категорически будетъ просить его о возстановленіи іезуитовъ, то онъ съ величайшимъ удовольствіемъ исполнитъ его просьбу; но чтобы эта просьба была непремѣнно представлена формально, чтобы папа могъ этимъ оградить себя противъ протеста со стороны Испаніи. Здѣсь, какъ и въ Неаполѣ, надежда, что этотъ орденъ скоро будетъ возстановленъ, производитъ почти всеобщее удовольствіе. Во время пребыванія здѣсь этого духовнаго онъ велъ себя примѣрно, но постоянно занимался вербовкою новиціевъ для Россіи и полученіемъ отъ св. отца какъ можно большихъ привиллегій для русскаго іезуитскаго общества, въ числѣ которыхъ дарованіе права іезуитамъ распространяться далѣе предѣловъ Россіи, въ которой они возстановлены папскимъ бреве, составляетъ самую существенную часть, но эта уступка могла бы подать поводъ къ безконечнымъ протестамъ противъ римскаго двора. Анжіо-

лини нѣсколько разъ пытался расположить меня къ тому, чтобы я содѣйствовалъ ему въ его домогательствахъ, стараясь дать мнѣ понять, что таковы намѣренія Государя Императора, и для увѣренія меня въ томъ показывалъ мнѣ даже письма своего генерала; но я, совершенно убѣжденный въ томъ, что ваше превосходительство рекомендовали мнѣ смотрѣть на эти письма, какъ на матеріалъ для библіотеки, всегда отказывался мѣшаться въ его дѣла, говоря, что я не могу этого сдѣлать, потому что я неполучалъ никакихъ инструкцій отъ моего двора по этому предмету. Если бы не встрѣтилось этого новаго обстоятельства, заставившаго Анжіолини отправиться въ Неаполь, то онъ думалъ возвратиться въ Россію въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ, но теперь возвращеніе его по всей вѣроятности будетъ замедлено (1). Потомъ Лизакевичъ извѣщаетъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, что по письмамъ Анжіолини изъ Неаполя, онъ принятъ былъ тамъ какъ нельзя лучше ихъ величествами, а также и первымъ министромъ и что онъ питаетъ большую увѣренность въ возстановленіи іезуитовъ въ этомъ королевствѣ; но до сего времени, впрочемъ, папу непросили объ этомъ ни король, ни его первый министръ (2). Наконецъ чрезъ кардинала Караффу представлена была папѣ просьба неаполитанскаго короля о возстановленіи іезуитскаго ордена въ его королевствѣ (3). Но въ то самое время, когда повидимому непредставлялось никакихъ препятствій возстановить іезуитскій орденъ въ неаполитанскомъ королевствѣ; когда король неаполитанскій согласился призвать къ себѣ іезуитовъ, и папа привѣтствовалъ это дѣло,

(1) См. въ арх. М. И. Д. Картонъ «Rome», г. 1804-й, № 16-й.
(2) Тамъ же, № 82-й.
(3) Тамъ же, № 86-й.

когда только начиналось оно, радостно, теперь, когда оно приблизилось къ концу и требовалось только одного почерка папскаго пера, чтобы оно получило полное осуществленіе и перешло въ совершившійся фактъ, вдругъ и неожиданно для всѣхъ папа представляетъ затрудненія ему и отказывается санктифировать его. Римскій дворъ ничего и ни для кого недѣлаетъ даромъ, онъ все продаетъ; такъ точно и теперь онъ припомнилъ старые свои счеты съ неаполитанскимъ дворомъ и думалъ коечто выторговать у него, воспользовавшись подвернувшимся такъ кстати іезуитскимъ дѣломъ. Дѣло состояло въ томъ, что неаполитанское правительство занимало своими войсками папскія владѣнія Понте-Корво и Беневентъ и невозвращало ихъ папѣ, несмотря на неоднократныя напоминанія ему со стороны римской куріи (1). Неаполитанскій дворъ питалъ особенную страсть къ этимъ двумъ городамъ и никакъ не хотѣлъ разстаться съ ними. Даже изъ Рима неохотно выведены были неаполитанскимъ правительствомъ его войска, и то только изъ страха и опасенія встрѣтиться лицемъ къ лицу съ войсками Бонапарта. Для занятія Понте-Корво и Беневента Актонъ каждый день находилъ новые предлоги и оправдывалъ свои дѣйствія предъ папою разными причинами одна другой благовиднѣйшими (2). Въ цер-

(1) Mémoires du Cardinal Consalvi, tom. II. pag. 266—267... «Mais cette tactique, говоритъ Консальви о неаполитанской политикѣ, portant la cour des Deux-Siciles à restituer au pape ses provinces de Terracine à Rome, perdait de sa valeur en ce qui regardait Bénevent et Ponte-Corvo, enclaves au milieu du pays napolitain».

(2) Тамъ же. Le cabinet de Naples n'avait point l'intention de restituer au pape ces deux territoires. N'osant pas dans ce moment assez peu propice s'en emparer à force ouverte, il s'obstinait à y rester sous de frivoles prétextes. Chaque jour il faisait un pas de plus. Ne se renfermant pas dans

ковныхъ дѣлахъ неаполитанскій король также немогъ сойдтись съ папою, преимущественно по вопросу объ уменьшеніи числа епископовъ въ королевствѣ. Къ этому присоединились еще новыя недоразумѣнія, какъ то: объ уплатѣ извѣстной дани неаполитанскимъ правительствомъ папѣ, какъ своему сюзерену, и притомъ съ особенною, обычною при этомъ случаѣ церемоніею ([1]). Папа, когда вышло на сцену дѣло о возстановленіи іезуитовъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, схватился за такой случай, чтобы свести свои счеты съ неаполитанскимъ королемъ и разомъ взять съ него всѣ накопившіяся за многіе годы недоимки. Папѣ не нравилось даже и то, что во главѣ неаполитанскаго министерства стоялъ Актонъ, Ирландецъ, другъ Нельсона и знаменитой лэди Гамильтонъ ([2]). Какъ неаполитанскій министръ вымышлялъ разныя причины для того, чтобы не исполнить просьбъ папскаго двора, такъ теперь въ свою

les limites d'une occupation militaire, il exerçait avec perfidie d'autres actes de juridiction civile. Il serait difficile, même si j'en avais le loisir, de raconter toutes les intrigues et les fourberies du general Acton dans cette entreprise....

([1]) Тамъ же, pag. 268—272.

([2]) Вотъ краткая біографія Актона, начертанная Консальви, хотя и далеко небезпристрастная: «Joseph Acton, premier ministre du roi de Naples, était un de ces nombreux aventuriers qui, vers la fin du dix-huitième siècle, remplirent l'Europe du bruit de leurs noms. Né en 1736, à Bezançon, d'une famille d'origine irlandaise, il vint s'établir à Naples, après de longues courses sur mer et sur terre. Il gagna la confiance du roi Ferdinand et de la reine Caroline; puis, à force d'intrigues, il arriva à gouverner l'État. De concert avec l'amiral Nelson et la fameuse Emma Lyons plus connue sous le nom de lady Hamilton, ce ministre exerça sur les Deux-Siciles un despotisme qui ne pouvait que rendre odieuse la famille royale. Ce trio d'Anglais, présidé par une courtisane avide et fantasque, amena les crimes ou les sanglantes répressailles de 1799, que l'histoire a si souvent réprochées à la cour de Naples;» pag. 267, Note 1.

очередь и папа прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, чтобы недавать положительнаго рѣшенія касательно вопроса возстановленія іезуитовъ въ Неаполѣ и неудовлетворять настояніямъ неаполитанскаго короля. То папа объявлялъ неаполитанскому правительству чрезъ его посланника въ Римѣ, что какъ онъ лично ни расположенъ удовлетворить просьбѣ короля и какъ онъ лично ни убѣжденъ въ той пользѣ, какую могутъ принести іезуиты воспитаніемъ неаполитанскаго юношества, но такъ какъ уничтоженіе этого религіознаго общества допущено было главнымъ образомъ по настоянію испанскаго двора, то необходимо и даже неизбѣжно, чтобы его величество неаполитанскій король, по примѣру императора Павла I-го, прямо письменно изложилъ папѣ свою просьбу, для того, чтобы онъ могъ этимъ оправдать свои дѣйствія предъ его католическимъ величествомъ и избѣжать со стороны его упрека въ недостаткѣ уваженія къ нему ([1]). То римскій дворъ старался найдти предлогъ къ проволочкѣ дѣла о іезуитахъ въ опасеніяхъ гнѣва со стороны французскаго правительства, у котораго было основнымъ правиломъ, чтобы ни во Франціи, ни во всѣхъ земляхъ, завоеванныхъ ею, не было никакихъ монашескихъ орденовъ, и Италія нуждается не въ монахахъ, а солдатахъ ([2]), и съ которымъ

([1]) Арх. М. И. Д. Rome, 1804-й г. № 86. «Comme l'abolition, говорилъ папа Караффѣ, de ce corps réligieux a été principalement accordée aux instances de la cour d'Espagne, il est essentiel et même indispensable que S. M. le roi de Naples, à l'exemple de S. M. l'Empereur Paul I, lui en fasse directement la démande par écrit, afin de pouvoir justifier par-là sa demarche auprès de S. M. Catholique et éviter d'être taxé par Elle de manque d'égard».

([2]) Mémoires du cardinal B. Pacca sur le pontificat de Pie VII, tom. I, pag. 83. «Quant aux affaires ecclesiastiques d'Italie, l'empereur exigeait les trois conditions suivantes: 1-e qu'il n'y eût plus d'ordres religieux, par la

и безъ того папскій дворъ находится въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ, по случаю переговоровъ о расторженіи брака Наполеонова брата Іеронима съ дочерью негоціанта Соединенныхъ Штатовъ Патерсона (¹). Давая видъ, что въ Неаполѣ дѣйствительно вѣрятъ представляемымъ папою причинамъ отказа возстановленіи іезуитовъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, и какъ бы неподозрѣвая истинныхъ и дѣйствительныхъ причинъ проволочки этого дѣла, неаполитанское правительство начинаетъ вести съ испанскимъ дворомъ по іезуитскому вопросу конфиденціальную переписку, отнимая у ней всякій оффиціальный характеръ. Переписка производится не министрами двухъ поименованныхъ дворовъ, а ихъ королевами. Неаполитанская королева Каролина пишетъ письмо испанской королевѣ, въ которомъ проситъ ее ходатайствовать предъ своимъ мужемъ, чтобъ онъ непрепятствовалъ возстановленію іезуитовъ въ неаполитанскомъ королевствѣ и запретилъ бы посланнику своему при римскомъ дворѣ дѣлать какія либо затрудненія къ осуществленію намѣренія неаполитанскаго правительства касательно этого предмета. Испанскій король, осажденный докучливыми просьбами своей жены, къ которымъ одновременно присоединились и настоянія неаполитанскаго посланника при испанскомъ дворѣ, далъ знать своему посланнику при папѣ, что съ его стороны нѣтъ препятствія къ возстановленію іезуитскаго ордена въ Неаполѣ (²). Такимъ обра-

raison qu'il n'y en avait pas au temps des apôtres; que l'Italie avait besoin de soldats, et non de moines et de frères».

(¹) Revue des deux Mondes, 1 Mai 1867, L'Église Romaine et le Premier Empire. pag. 96—101.

(²) Кассини доносилъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ: «Cette innovation (т. е. домогательство со стороны неаполитанскаго правительства о

зомъ отнятъ былъ одинъ предлогъ къ отказу въ просьбѣ неаполитанскаго короля. Но папа съумѣлъ отыскать вмѣсто отнятаго у него предлога къ отказу неаполитанскому королю еще новый. Въ просьбѣ короля о возстановленіи іезуитовъ въ Неаполѣ неговорилось ничего о цѣли, съ какою онъ хочетъ или домогается папскаго бреве о возстановленіи этого ордена, папа потребовалъ, чтобы король объяснилъ ему цѣль возстановленія іезуитскаго общества въ Неаполѣ. Неаполитанскій король наконецъ выведенъ былъ изъ терпѣнія такими проволочками и придирками со стороны папы и въ перепискѣ своей съ папою выражалъ все свое неудовольствіе на такія дѣйствія папы. «Сіе (возстановленіе іезуитскаго ордена въ неаполитанскомъ королевствѣ) предпріемлется, писалъ Фердинандъ IV Пію VII, для блага его подданныхъ, чего никто лучше его знать неможетъ, и что поелику іезуиты разсѣяны по настоянію многихъ государей, то папа не въ правѣ отказывать въ новомъ соединеніи сихъ духовныхъ, по домогательству одного изъ тѣхъ же государей. Сверхъ того, если его святѣйшество согласился на воз-

возстановленіи ордена іезуитовъ) on avait été longtems combattue par l'Espagne, dont le ministre à Rome avait eu ordre d'empêcher très énergiquement l'exécution: ce que mettait le St père dans l'impossibilité de complaire et d'adherer aux désirs de S. M. Sicilienne et aux siens; mais S. M. la reine de Naples, ayant pris la resolution de prier directement la reine d'Espagne d'interceder du roi cette faveur; le roi, sollicité en même temps par l'ambassadeur de S. M. Sicilienne, a enfin adheré à la demande et a fait écrire à son ministre à Rome d'ôter toute obstacle ou opposition quelconque à cet effet. En consequence de quoi le bref de rétablissement de ce corps a été émané par le St père le 25 Juillet et envoyé à S. M. Sicilienne. Je crois encore devoir ajouter à V. Altesse que S. M. Catholique a enjoint à son ministre à Rome de ne plus se mêler dorenavant des affaires des jésuites, faisant au St père la liberté de faire tout ce qu'il voudrait à ce sujet.» Арх. М. И. Д. Rome, № 31-й, г. 1804-й.

становленіе іезуитовъ въ Россіи, по просьбѣ ихъ начальника, подкрѣпленной ходатайствомъ Его Величества Императора Россійскаго, государя иного исповѣданія (heretique), то нельзя отказать въ сей благосклонности его католическому величеству королю неаполитанскому (¹).» Пигнателли и Анжіолини были озабочены такимъ оборотомъ дѣлъ и старались всячески побѣдить упорство Пія VII, выставляя ему на видъ, что при вѣроломномъ образѣ дѣйствія Наполеона, при его стремленіи почти явномъ наложить руку не только на владѣнія папы, но и на него самого, нѣтъ основанія слишкомъ озабочиваться гнѣвомъ Наполеона и сдерживаться въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ; напротивъ—нужно броситься въ объятія неаполитанскаго короля, какъ единственнаго независимаго отъ Наполеона государя во всей Италіи, а неоскорблять его или отказомъ въ его просьбѣ, или проволочкою дѣла, и тѣмъ заграждать себѣ дорогу къ спасенію себя въ случаѣ бѣды и опасности, или къ убѣжищу отъ преслѣдованій своего ненасытимаго и честолюбиваго врага. Убѣжденія Пигнателли подѣйствовали на Пія VII; можетъ быть, въ это время припомнилось Пію и то обстоятельство, какъ онъ, отправляясь въ Парижъ короновать геніальнаго солдата короною Людовика Святаго, вручалъ Пигнателли глубочайшую свою тайну—письменное отреченіе отъ папскаго престола, въ случаѣ насильственнаго задержанія его Наполеономъ во Франціи (²); можетъ быть, ему приходило на умъ, что подобнаго рода обстоятельство повторится и при теперешнихъ зловѣщихъ событіяхъ, а слѣдовательно и еще понадобится услуга со стороны Пигнателли;—отвергать представленія такихъ друзей

(¹) Внутр. пер. іезуитовъ №№ 14 и 15.

(²) Encyklopedia Powszechna, tom. XX. стр. 701, 1865 г. Warszawa.

опасно и гибельно, и Пій VII склонился на убѣжденія своего совѣтника и друга. При этомъ Пигнателли и іезуитская партія непреминули обратить вниманіе папы на тѣ благопріятные для іезуитовъ симптомы, которые обнаружилъ въ отношеніи къ нимъ вѣнскій дворъ: здѣсь Императоръ и большая часть его придворныхъ расположены были къ іезуитамъ и выражали желаніе возстановить этотъ орденъ въ австрійской имперіи, но только министры австрійскіе подставили тутъ такого рода условіе, чтобы іезуиты явились въ Австріи и существовали въ этомъ государствѣ не въ своей обыкновенной орденской одеждѣ ([1]).

30-го Іюля 1804 г. Пій VII прислалъ іезуитскому генералу Груберу бреве о возстановленіи іезуитовъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. «Нашъ любезнѣйшій во Христѣ сынъ, король Обѣихъ Сицилій, Фердинандъ, пишетъ папа Груберу, недавно объявилъ намъ, что ему представляется весьма

([1]) Mémoires du Cardinal Consalvi. tom. II, pag. 308 — 309. «Il s'en fallut de peu qu'ils (jésuites) ne rentrassent aussi à Vienne. La Cour les demanda, disons mieux, l'Empereur les réclama; mais dés que le ministre eut vent de cette démarche, il accumula tant et de si énergiques manoeuvres qu'elles firent avorter ce sage projet. On consentait à avoir des Jésuites, mais de telle façon et sous une telle forme qu'ils n'auraient plus été jesuites. Le pape ne se prêta point à les rétablir dans ces conditions, et la Cour impériale ne les ayant pas acceptés tels qu'il étaient, on ne parla plus de l'affaire». Въ перепискѣ вѣнскаго нунція Габріэля съ іезуитскимъ генераломъ о присылкѣ въ Вѣну одного іезуита для занятія мѣста исповѣдника въ Итальянской церкви, на предложеніе генерала—прислать туда одного іезуита, который не будетъ носить орденскаго платья, нунцій отвѣчалъ: «думаю, что мы мало доставимъ выгоды обществу, помѣстивъ къ упомянутой должности іезуита не въ своемъ видѣ, но переодѣтаго; по моему мнѣнію, лучше ожидать благопріятнѣйшаго времени (№ 49-й). Іезуитъ Ребель въ письмѣ изъ Вѣны, отъ 1-го Марта 1805-го г., къ русскому іезуиту упоминаетъ о расположеніи Императора Франца къ возстановленію іезуитовъ, но министры единогласно тому противятся (№ 72-й).

полезнымъ для лучшаго воспитанія юношества его королевства, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ, возстановить въ своемъ государствѣ общество іезуитовъ, на такомъ же основаніи, какъ оно существуетъ въ Россіи, подчиняясь уставу св. Игнатія, а этотъ уставъ въ числѣ обязанностей, налагаемыхъ на членовъ этого общества, предписываетъ преимущественно заниматься воспитаніемъ и образованіемъ юношества въ коллегіяхъ или общественныхъ гимназіяхъ. Обращая, по долгу нашихъ пастырскихъ обязанностей, вниманіе на желанія короля Обѣихъ Сицилій,—желанія, которыя имѣютъ предметомъ своимъ благо, какъ духовное, такъ и временное, его подданныхъ, а преимущественно славу Божію и спасеніе душъ, Мы, по зрѣломъ разсужденіи, въ твердомъ нашемъ сознаніи и съ полною нашею апостольскою властію, рѣшились и королевству Обѣихъ Сицилій дать такія же апостолическія письмена, какія даровали для Россійской имперіи. А потому мы уполномочиваемъ васъ принимать—лично ли, или чрезъ нашего возлюбленнаго сына, генеральнаго прокурора Кайетана Анжіолини,—въ возстановленное нашею властію въ Петербургѣ іезуитское общество всѣхъ тѣхъ, изъ королевства Обѣихъ Сицилій, которые пожелаютъ вступить въ него. Равнымъ образомъ мы позволяемъ всѣмъ членамъ іезуитскаго общества, соединеннымъ въ одинъ или многіе дома, и живущимъ по первоначальному уставу св. Игнатія, подъ вашимъ послушаніемъ и вашихъ преемниковъ, воспитывать юношество на всемъ протяженіи королевства Обѣихъ Сицилій, учить его доброй нравственности, религіи и словесности, управлять коллегіями и семинаріями, выслушивать исповѣди вѣрныхъ, возвѣщать слово Божіе, совершать таинства, по обычномъ одобреніи. Мы присоединяемъ и пріобщаемъ іезуитовъ Неаполитанскаго королевства, ихъ домы, коллегіи

и семинаріи, которые они устроятъ, къ обществу іезуитскому, основанному въ Россіи. Мы беремъ ихъ подъ наше покровительство и принимаемъ подъ наше непосредственное и святаго престола подчиненіе ([1])».

Лишь только получено было папское бреве въ Неаполѣ, тотчасъ приступили къ акту торжественнаго обнародованія папскаго рѣшенія и объявленію о возстановленіи іезуитовъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Пигнателли и Анжіолини употребили все свое исскуство и всю свою изобрѣтательность, чтобы придать этому торжеству какъ можно больше блеска и пышности. Неаполитанская королева, сестра Маріи Антуанетты и дочь Маріи-Терезіи, содѣйствовавшая своимъ дѣятельнымъ участіемъ, планамъ и намѣреніямъ іезуитовъ, попреимуществу была теперь фанатизирована и вдохновляема Пигнателли и Анжіолини. Король, истый бурбонъ, тутъ былъ только орудіемъ іезуитовъ и своей жены. Король явился въ сенатъ и приказалъ къ государственнымъ актамъ присоединить и бреве Пія VII о возстановленіи іезуитовъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. А такъ какъ въ числѣ государственныхъ законовъ королевства, былъ законъ и объ изгнаніи іезуитовъ изъ Неаполитанскаго королевства, то король объявилъ сенату свое повелѣніе объ уничтоженіи этого закона и замѣненіи его новымъ, о возстановленіи іезуитовъ въ королевствѣ. Потомъ, отмѣнивши такъ же всѣ прежнія законоположенія государства, запрещавшія пріобрѣтать іезуитамъ имѣнія въ Неаполитанскомъ королевствѣ, король началъ щедро надѣлять ихъ разными предметами; приказано было въ три дня очистить и приготовить домъ, занимаемый до того монахами францисканскаго ордена и вмѣщавшій въ себѣ до 180 человѣкъ; затѣмъ

([1]) Histoire de la Compagnie de Iésus, tom. 5 pag, 509—510.

отданы были домы, въ которыхъ помѣщались гражданскіе суды, пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, и прежній іезуитскій домъ, гдѣ былъ и новиціатъ іезуитскій, слѣдовательно четыре дома. Щедрость короля къ іезуитамъ простерлась до того, что онъ приказалъ возвратить іезуитамъ за отобранныя при уничтоженіи ихъ ордена имѣнія, въ видѣ вознагражденія 290.000 неаполитанскихъ дукатовъ, что равнялось нашимъ 290.000 рублей. Днемъ торжественнаго возстановленія іезуитовъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ назначенъ былъ праздникъ Успенія Богоматери. Въ этотъ день, въ присутствіи королевской фамиліи и двора, торжественно совершена была литургія въ костелѣ основателя іезуитскаго ордена. Король, королева и наслѣдный принцъ въ тотъ день пріобщались св. таинъ въ іезуитской церкви. Послѣ литургіи читано было папское бреве о возстановленіи ордена, объявлена была милость короля, что онъ ежегодно будетъ жертвоватъ на іезуитскій коллегіумъ 172.000 франковъ; королева изъ своихъ собственныхъ денегъ отпустила значительную сумму на меблированіе коллегіума. По примѣру королевской фамиліи, неаполитанская знать щедро сыпала свои богатства для іезуитовъ: въ одинъ день сумма такихъ пожертвованій со стороны частныхъ лицъ простиралась до 80.000 дукатовъ. Кромѣ того разныя лица жертвовали іезуитамъ разными движимыми и недвижимыми предметами: князья Никандри принесли имъ въ даръ два помѣстья; архіепископъ Тарентскій богатую свою библіотеку. Открытіе іезуитскаго дома въ Неаполѣ было сигналомъ къ собранію во едино всѣхъ эксъ-іезуитовъ, разсѣянныхъ нетолько въ разныхъ мѣстахъ Неаполитанскаго королевства, но и во всѣхъ углахъ Италіи, даже Франціи, Англіи и другихъ государствъ, а вмѣстѣ служило смертнымъ приговоромъ обществу Пакканаристовъ и убивало наповалъ какъ

самаго Пакканари, такъ и его институтъ: недаромъ послѣ возстановленія іезуитовъ въ Неаполѣ быстро пошло къ разложенію общество Пакканари, и самъ основатель его вдругъ сходитъ со сцены и умираетъ политически, а затѣмъ и физически. Натискъ въ іезуитскій неаполитанскій домъ былъ такъ силенъ, что членовъ этого ордена въ самый почти день открытія іезуитскаго костела простиралось до 160 человѣкъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ до 300, между которыми были прибывшіе изъ Лондона іезуиты-французы: Обри и Бовэ, такъ же изъ Вѣны, Испаніи; даже поступили въ іезуитскій орденъ 3 епископа и сынъ извѣстнаго неаполитанскаго министра Тануччи. Іезуитскій коллегіумъ въ Неаполѣ и разныя іезуитскія школы въ этомъ городѣ переполнялись молодежью, стремившеюся сюда изо всѣхъ мѣстъ королевства. Пиньнателли и Анжіолини давали жизнь и движеніе всѣмъ іезуитскимъ учрежденіямъ Неаполя; первый назначенъ былъ Груберомъ въ провинціалы неаполитанскаго іезуитскаго общества [1]. Изъ Неаполя разсѣялись іезуиты по всему Неаполитанскому королевству и ихъ заведенія росли, какъ грибы, въ разныхъ углахъ этого государства. Въ 1805 г. іезуиты явились въ Палермо, гдѣ завладѣли тремя домами, нѣкогда принадлежавшими имъ, и открыли въ нихъ свои коллегіумы; потомъ въ Колтаниссеттѣ; наконецъ имъ ввѣрено было воспитаніе юношества

[1] Всѣ эти свѣдѣнія почерпнули мы изъ книги «o Powrocie Iezuitów, Roku 1805, стр. 225,» Nowiny naypewnicysze pod dniem 2 Sierpnia 1804 z Neapolu pisane, zawieraią, co następuie; такъ же Notices Historiques, tom. II, pag. 92. Deja le 31 Juillet 1804, Pie VII, à la démande de Ferdinand IV, avait publié un bref pour le retablissement des jésuites dans le royaume de Naples. Un grand nombre des Paccanaristes quitterent alors la Société de la Foi pour entrer dans la Compagnie à Naples.

во всемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій (¹). Іезуиты старались обратить на себя вниманіе общества и дѣйствовать на воображеніе его торжественностію и сценичностію религіозныхъ обрядовъ; особенно день своего патрона и основателя ихъ института праздновали съ особеннымъ великолѣпіемъ и пышностію, а такъ же день Франсуа-Ксавье, знаменитаго въ іезуитскихъ лѣтописяхъ генерала. На этихъ торжествахъ обыкновенно присутствовали всѣ члены королевской фамиліи, дворъ, министры, сенатъ и вся знать; эти церемоніи удостоивали своимъ присутствіемъ принцы церкви, кардиналы Руффо и Салуццо; при нихъ позволялось быть и простому народу, который стекался сюда въ огромномъ количествѣ; музыка, извѣстнаго въ то время Паэзіелло, оглашала своды іезуитскаго храма (²). Повидимому, всѣ до-

(¹) Chronik des XIX Iahrhunderts, Zweiter Band, 1804—1805, 416—417, Courier du Bas-Rhin, 1805, № 7-й, pag. 53. Suivant les lettres de Naples, la dernière fête de St. François-Xavier y a été celebrée dans l'église des Jésuites avee une pompe extraordinaire. Le roi, la reine, toute la famille royale, le senat, les cardinaux Ruffo et Saluzzo, et une foule innombrable de peuple, ont assisté au service divin, qui fut embelli par une musique composée par le celebre Paësiello, также № 20, 157. «Avec le commencement de l'année l'ouverture des écoles publiques, dans lesquelles l'instruction est confiée aux Iesuites, devait avoir lieu dans toute le royaume».

(²) Внутр. переп. іезуитовъ № 51-й, письма о учрежденіи іезуитской коллегіи въ Колтаписеттѣ, что въ Сициліи, и о безразсудныхъ покушеніяхъ нѣкоторыхъ іезуитовъ, завладѣть нѣкоторыми домами и имуществами. Главнымъ центромъ пребыванія іезуитовъ въ Сициліи были города: Палермо и Мессина (см. Chronik, Zweiter Band, 609, scite).

Примѣчаніе. Возстановленіе іезуитскаго ордена въ Неаполѣ было праздновано въ Римѣ съ особенною торжественностію. 31-го Іюля приходился день памяти Игнатія Лойолы. За восемь дней до праздника Игнатія, начались торжественныя церковныя службы въ костелѣ іезуитскомъ. Въ самый день праздника прибыли на торжество нѣсколько кардиналовъ, огромное число духовныхъ и народа. Римскій сенатъ сдѣлалъ отъ себя

вольны были іезуитами, и іезуиты были довольны всѣмъ, и жизнь подданныхъ короля неаполитанскаго и успѣхи ихъ въ нравственности, при такихъ благонамѣренныхъ, строго нравственныхъ воспитателяхъ, совершалась самымъ стройнымъ и гармоническимъ образомъ. Судя по офиціальнымъ донесеніямъ и рекламамъ іезуитскихъ писателей, радость была всеобщая при обнародованіи бреве о возстановленіи ордена іезуитовъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и всѣ довольны были іезуитами, и съ этого времени настало царство благодати, нравственности во владѣніяхъ короля Обѣихъ Сицилій (¹). Но не то узнаемъ мы изъ неофиціальныхъ источниковъ, изъ интимной переписки іезуитовъ между собою. Тутъ мы встрѣчаемся съ явленіями, рисующими іезуитское дѣло далеко не въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, въ какомъ представляютъ его офиціальные документы; здѣсь мы видимъ, что за внѣшнею блистательною декораціею скры-

въ этотъ день пожертвованіе деньгами для поддержанія благолѣпія храма въ честь основателя іезуитскаго ордена. Съ неменьшею торжественностію праздновалъ былъ этотъ день и въ костелѣ Квиринальскомъ, гдѣ до уничтоженія іезуитовъ, находился іезуитскій новиціатъ (о Powrocie Iezuitów, стр. 217—218, такъ же Chronik des XIX Iahrhunderts, Zweiter Band, Seite 416).

(¹) O Powrocie Iezuitów, стр. 225—233; такъ же въ арх. М. И. Д. Rome, г. 1804-й, № 31-й, депеша Кассини. «Cette nouveauté a occassionné une joie generale autant à Rome qu'à Naples; et il en sera de même dans tout le reste du catholicisme non français, ou sous la dependance de la France vû l'esperance bien fondée que peut avoir maintenant chaque Etat d'obtenir aisement du St. siège la rehabilitation d'un corps aussi utile pour l'education de la jeunesse. Je crois même pouvoir assurer. V. Altesse que Sa Majesté l'Empereur et roi ne tardera pas à démander au pape le rétablissement de ce même corps en ses Etats, sachant, à n'en pouvoir douter, qu'il-y-a deux ans que ce Souverain est dans cette intention,—intention qu'il n'a pas jugé à propos de tenter de realiser apparement dans le crainte de s'exposer à une negative involontaire de la part de la Cour de Rome».

ваются грязь и самая отвратительная нечистота. Такъ мы узнаемъ изъ переписки iезуитской, что далеко не всѣ въ Неаполѣ были довольны возстановленiемъ iезуитовъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилiй, но была цѣлая партiя противившаяся возвращенiю iезуитовъ (¹), что iезуиты силою завладѣли нѣкоторыми домами (²), и этимъ безъ всякаго сомнѣнiя мало доставляли удовольствiя тѣмъ владѣльцамъ, которымъ эти домы принадлежали какъ собственность. Мало того, нравственность призванныхъ королемъ въ свое королевство воспитателей народныхъ, мало представляла надеждъ на доброе воспитанiе подданныхъ неаполитанскаго короля; примѣры жизни педагоговъ-iезуитовъ были нетолько неназидательны, но и крайне соблазнительны для всѣхъ. Хотя король неаполитанскiй, отвѣчая чрезъ маркиза Чирчелло на благодарственное письмо русскихъ iезуитовъ, за данное позволенiе поселиться имъ въ его владѣнiяхъ, увѣряетъ ихъ генерала въ томъ, что онъ со дня на день становится довольнѣе примѣрнымъ поведенiемъ iезуитовъ, поселившихся въ его областяхъ, и съ большимъ удовольствiемъ примѣчаетъ пользу, получаемую юношествомъ отъ iезуитскагѡ воспитанiя (³); но изъ интимной переписки

(¹) Внутр. переп. iезуит. № 48. Собранiе писемъ отца Анжiолини изъ Палермо къ Березовскому, касательно возстановленiя общества (iезуитовъ) въ Сицилiи, чего желаетъ королевская фамилiя, но препятствуютъ тѣ, кои захватили iезуитскiя имущества.

(²) Тамъ же, № 51-й. Письма объ учрежденiи iезуитской коллегiи въ Калтанисеттѣ и о безразсудныхъ покушенiяхъ нѣкоторыхъ iезуитовъ завладѣть нѣкоторыми домами и имуществами.

(³) Внут. пер. iезуит. №№ 91 и 92-й. Чирчелло писалъ также отъ себя iезуитамъ, отвѣчая на ихъ письмо къ нему. Маркизъ пишетъ, что онъ всегда обязанностiю себѣ поставлять будетъ, способствовать выгодамъ iезуитовъ, ибо, говоритъ онъ, воспитанiе мое я получилъ въ вашемъ

іезуитовъ мы узнаемъ совершенно противное. Здѣсь постоянно происходили споры и ссоры между членами іезуитскаго общества другъ съ другомъ и съ посторонними лицами; іезуиты неаполитанскіе часто не жили въ своихъ монастыряхъ или своихъ коллегіяхъ, а проводили цѣлые мѣсяцы въ деревняхъ съ молодыми особами обоихъ половъ; цѣлые дни бродяжничали по городу и переходили изъ одного дома въ другой; цѣлые ночи сибаритничали въ дѣвичьихъ монастыряхъ, посѣщали мнимо больныхъ женщинъ безъ свидѣтелей; неприкрывали даже своего разврата наружными покровами благопристойности (1). Хорошо еще, что эти іезуитскія сатурналіи были прекращены нашествіемъ французовъ на Неаполитанское королевство (2).

обществѣ, и ежедневно благодарю за сіе Бога. Тутъ же подъ № 92-мъ письмо Чирчелло іезуитамъ отъ имени короля.

(1) Тамъ же №№ 35, 37, 39, 130 и 156-й. Тутъ говорится о спорахъ іезуитовъ съ Палермскимъ архіепископомъ, о протестѣ Анжіолини противъ генерала своего ордена, о безнравственности нѣкоторыхъ членовъ неаполитанскаго іезуитскаго общества, о ссорѣ Анжіолини съ Зюнигомъ, о распутствѣ въ Палермской коллегіи, достигшемъ до того, что одинъ новопріемецъ непотребно сообщался съ однимъ изъ товарищей своихъ, и о снисхожденіи, какое отецъ Сольдевила оказываетъ къ такой распутной молодежи.

(2) Chronik des XIX Jahrhunderts, Dritter Band, § 246. Декретомъ неаполитанскаго короля Іосифа, брата Наполеона, приказано было іезуитамъ въ 3 дня оставить Неаполитанское государство, и только тѣ изъ нихъ могли остаться на неаполитанской землѣ, которые были природные неаполитанцы.

Примѣчаніе. 1. Испанскій дворъ неохотно уступилъ желаніямъ неаполитанскаго короля, какъ видно изъ депеши нашего посланника въ Римѣ. Лизакевичъ доноситъ М. И. Дѣл, что изъ Испаніи пріѣхалъ курьеръ въ Римъ и привезъ разные подарки, и между прочимъ денежный подарокъ кардиналу Карафѣ Трагетта, за то, что онъ содѣйствовалъ къ тому, что папа уступилъ мадридскому двору бенефиціи церковныхъ

имѣній, а главнымъ образомъ за то, что препятствовалъ возстановленію іезуитовъ въ Неаполѣ. По настоянію Франціи, Испанія требовала, чтобы испанскіе іезуиты, вступившіе въ неаполитанское іезуитское общество, оставили его и возвратились въ Испанію, и строго запретила входить іезуитамъ во всѣ ея владѣнія въ Европѣ. (Арх. М. Н. Д. «Rome», 1804-й г., № 77-й, депеша Лизакевича).

Примѣчаніе 2. Груберъ напечаталъ присланное ему отъ Пія VII бреве, о возстановленіи іезуитскаго общества въ Неаполѣ, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, что было нарушеніемъ государственныхъ законовъ имперіи. По этому случаю Сестренцевичъ пишетъ: «Какое имя наложить должно столь торжественному въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ обнародованію полученной Груберомъ папской буллы, хотя то учинено между статьями политическихъ происшествій въ Европѣ; ежели примется въ разсужденіе, что ни одной такой буллы не слѣдуетъ по закону инако въ дѣйство производить, пока она посредствомъ духовной власти не дойдетъ до разсмотрѣнія правительствующаго сената и отъ онаго не представится на Высочайшее усмотрѣніе. Что способомъ сего обнародованія учиняется недѣйствительнымъ въ тѣхъ же самыхъ вѣдомостяхъ 4-мя №№ прежде объявленный съ римскимъ дворомъ разрывъ, который, по возвѣщеніи той буллы въ предѣлахъ Россійской Имперіи, надлежитъ почитать успокоеннымъ; что подобнымъ образомъ и другихъ монашескихъ орденовъ начальники могутъ имѣть непосредственное съ Римомъ сношеніе, проискавъ къ поддержанію своихъ умысловъ такую же дорогу, какъ и Груберъ, и что наконецъ для преимуществъ господствующей религіи и для твердаго храненія единовластія въ государствѣ, никогда ни одна папская булла печати и всенародному извѣстію въ Россіи предана не была. Всѣмъ извѣстно, что всякое припечатаніе въ вѣдомостяхъ для Россійскихъ подданныхъ есть обнародованіе, и что Груберомъ полученная булла, дозволяющая и бѣлымъ духовнымъ вступать въ іезуитское общество, ни мѣстнымъ архіереемъ, ни сенатомъ ни разсматривана. И какъ же станетъ употреблять теперь митрополитъ ту данную ему отъ папы Пія VI власть, которая подтверждена имяннымъ указомъ 1804 г. августа 10-го, въ вѣдомостяхъ объявленная, когда посланіе Груберомъ полученное, учинившись послѣ того указа извѣстнымъ духовенству римско-католическому, представитъ въ глазахъ онаго облеченнымъ лишь въ суетное и бездѣйственное начальство. Каждый теперь усмотритъ сію истину, сколь пронырливо черное западнаго послѣдованія духовенство, и что скоро оно содѣлается когда неопаснымъ, такъ по крайней мѣрѣ пуще развращеннымъ, пока непоставится въ состояніе,

подобное находящемуся въ господствующей религіи». (Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія, въ Россіи пребывающемъ, отъ того времени, какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу-Богушу).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Груберъ, убивая попытки Пакканаристовъ къ образованію самостоятельнаго и независимаго отъ іезуитовъ общества, употребляетъ всѣ средства поставить въ независимое отъ митрополита Сестренцевича положеніе родной іезуитамъ по духу своему базиліанскій орденъ въ Россіи. Для достиженія этой цѣли Груберъ преслѣдуетъ судомъ и всякими средствами тѣхъ изъ базиліанъ, которые обнаруживали стремленіе стать въ независимое положеніе отъ іезуитовъ; доказательствомъ этого служитъ дѣло ушацкихъ и полоцкихъ базиліанъ; а въ тоже время возбуждаетъ и поощряетъ попытки тѣхъ, которые думали совершенно уподобиться іезуитамъ и ввести у себя, по примѣру ихъ, званіе протоархимандрита или генерала въ базиліанскомъ орденѣ. Дѣло Фальковскаго. Протестъ іезуитской партіи въ катол. коллегіи противъ опредѣленія сената по дѣлу Фальковскаго. Увольненіе изъ коллегіи членовъ: Бениславскаго, Бышковскаго и Скерневскаго; отрѣшеніе отъ должности и преданіе суду прокурора коллегіи Скрендзевскаго. Назначеніе прокуроромъ коллегіи Овцына. Папскій нунцій Ареццо дѣйствуетъ за одно съ іезуитской партіей. Домогательства его заключить конкордатъ съ русскимъ дворомъ. Переписка его съ латинскими епископами Россіи и съ римскимъ дворомъ. Перехваченныя нашимъ правительствомъ письма Ареццо открываютъ его незаконное вмѣшательство въ дѣла латинской церкви въ Россіи и заставляютъ нашъ дворъ уничтожить нунціатуру въ Россіи. Дѣло Вернега. Разрывъ нашъ съ папскимъ дворомъ. Сестренцевичу повелѣно управлять латин. церковью въ Россіи на основаніи буллы Пія VI-го. Планъ Сестренцевича образовать управленіе лат. церковью на правахъ галликанизма. Разстройство этого плана іезуитами.

Убивая попытки, направленныя къ ослабленію іезуитскаго ордена въ Европѣ и утверждая его тѣмъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ, въ то же время Груберъ неутомимо работалъ надъ укрѣпленіемъ и расширеніемъ вліянія свое-

го института въ Россіи, пользовался всякимъ случаемъ къ усиленію его, уничтожалъ покушеніе со стороны враговъ его, ограничить вліяніе іезуитизма и латинства въ Россіи. Для достиженія этого онъ старался поставить въ независимое отъ Сестренцевича положеніе родной и близкій къ іезуитскому обществу базиліанскій орденъ и возстановить въ немъ званіе генерала, противодѣйствовалъ Сестренцевичу въ его стремленіяхъ образовать въ Россіи управленіе латинскою церковію независимое отъ папы или на правахъ галликанизма, возбуждалъ противъ митрополита антогонизмъ въ коллегіи, въ духовенствѣ, чернилъ въ обществѣ и правительственныхъ сферахъ; наконецъ раскинулъ паутину своихъ миссій по всей Россіи и отсюда простеръ свои замыслы на весь свѣтъ. Собранныя и сосредоточенныя Груберомъ въ Россіи іезуитскія силы были такъ велики и могущественны, что съ ними можно было совершить и осуществить всѣ планы, наполнявшія Груберовскую голову, и вступить въ борьбу съ какими угодно врагами. Пришлая сила, явившаяся въ лицѣ папскаго нунція Ареццо, удвоила домашнія средства іезуитовъ и ихъ генерала. Въ первомъ томѣ нашего сочиненія мы показали отношеніе іезуитскаго ордена къ базиліанскому и базиліанскаго къ іезуитскому; тамъ мы сказали и представили факты, что базиліане были тѣже іезуиты, только подъ другимъ именемъ, а потому и назывались меньшими братьями іезуитовъ ([1]). Немногія, весьма рѣдкія личности изъ базиліанскаго ордена, и то болѣе водимыя личными интересами, иногда поднимали протестъ и возвышали голосъ противъ попранія всѣхъ

([1]) Іезуиты въ Россіи, ч. 1-я, глава восьмая, стр. 243—258; Die neuesten Zustände der Katholischen Kirche beider Ritus in Polen und Russland seit Katharina II bis auf unsere Tage, стр. 302—306.

правъ греко-уніатской церкви латинянами и совершеннаго поглощенія ея латинскою церковію. Голосъ этотъ иногда достигалъ и до официальныхъ сферъ русской администраціи. А это-то обстоятельство и даетъ намъ возможность познакомиться съ іезуитскою интригою, какъ она проявлялась въ отношеніи къ базиліанскому ордену—этому младшему брату іезуитскаго института. Здѣсь мы видимъ туже тактику и тѣже пріемы, какіе употребляли іезуиты по отношенію къ фидентистамъ или пакканаристамъ, т. е. они старались преслѣдованіями своими уничтожить тѣхъ, которые обнаруживали поползновеніе считать свой орденъ не латинскимъ орденомъ, и греко-уніатское исповѣданіе не латинскою вѣрою; всѣмъ такимъ дерзкимъ изъ базиліанскаго ордена, іезуитская партія зажимала ротъ судебными преслѣдованіями и преданіемъ уголовному суду. За то всякую попытку, обнаружившуюся въ базиліанахъ уподобляться іезуитскому ордену, подражать ему, сливаться съ нимъ и вводить у себя іезуитскіе обычаи, іезуиты привѣтствовали радостно, поддерживали, даже подстрекали и возбуждали къ ней. Первый пріемъ употребленъ былъ іезуитами по отношенію къ ушацкимъ и полоцкимъ базиліанамъ. Дѣло происходило такъ: сами отъ себя, или настроенные и наущенные іезуитами, ксендзы-миссіонеры Освейскаго монастыря пустили въ ходъ слухъ между униціатами, что русское правительство намѣрено обратить въ православную вѣру всѣхъ греко-уніатовъ, которые непримутъ латинства. Слѣдствіемъ этого было то, что многіе изъ уніатовъ бросились въ латинство. Іезуиты какъ нельзя лучше воспользовались простодушіемъ многихъ изъ нихъ, и особенно показали необыкновенное рвеніе къ апостольству въ центрѣ своего пребыванія—Полоцкѣ: здѣсь они обратили въ латинство обманомъ даже крестьянъ, жившихъ въ фольваркахъ, принадлежав-

шихъ базиліанскимъ монастырямъ. Такое наглое нападеніе на совѣсть и религіозное чувство вывело изъ пассивнаго положенія многихъ изъ базиліанъ, сохранившихъ въ себѣ еще остатки чутья и сознанія различія своего исповѣданія отъ латинства. Явились со стороны нѣкоторыхъ членовъ базиліанскаго ордена протесты; въ жару негодованія, можетъ быть, проронены были нѣкоторыми изъ нихъ слова жесткія о латинствѣ, но правдивыя. Но тутъ возмущена была іезуитская партія болѣе, не самими жесткими словами, сколько неожиданною смѣлостію, обнаруженною базиліанами, по отношенію къ латинянамъ вообще и іезуитамъ въ особенности, сколько выраженіемъ того духа, который вѣялъ въ этихъ явленіяхъ и развитіе котораго могло отозваться послѣдствіями, угрожающими обособленіемъ или по-крайней мѣрѣ нѣкоторымъ родомъ независимости базиліанскаго общества отъ іезуитскаго. Тутъ страшна была для іезуитовъ смѣлость со стороны базиліанъ, съ которою они заявляли свои права; тутъ опасно было покушеніе со стороны меньшаго брата къ возстанію на старшаго своего брата; гибиленъ былъ примѣръ потому, что онъ могъ быть заразителенъ. Такая дерзость должна быть наказана нещадно, чтобы и на все будущее время положить конецъ подобнымъ дерзостямъ и покушеніямъ и отбить охоту къ нимъ у самыхъ смѣлыхъ изъ базиліанскаго ордена. Дѣйствительно началось слѣдствіе надъ ушацкими и полоцкими базиліанами; для большой эффектности слѣдствіе производилось при соучастіи свѣтскихъ лицъ или коммисаровъ; дѣлу приданъ былъ совершенно уголовный характеръ; въ доносѣ о базиліанахъ сказано было, «что они произносили неистовыя слова противъ католической религіи», какъ то, что въ римскихъ святыхъ тайнахъ, которыми пріобщаются, нѣтъ Бога, и что всѣ католики суть погибшіе, и что религія

римская несоглашается съ святымъ Евангеліемъ, и что сія религія сама собою произошла и уже послѣ всѣхъ (¹). Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что подсудимые базиліане незахотѣли явиться на допросъ предъ свѣтскихъ коммисаровъ, латинская могилевская консисторія, наполненная сподручниками Бенеславскаго и воспользовавшись душевнымъ состояніемъ митрополита, еще непришедшаго въ нормальное свое положеніе отъ постигшаго его при Павлѣ I-мъ переполоха и неуспѣвшаго еще поправиться отъ нравственнаго надлома, представили базиліанъ, какъ возмутителей и ослушниковъ законной власти. Подъ тяжестію такихъ обвиненій базиліане явились и предъ судомъ коллегіи. Здѣсь іезуитская партія весьма могущественная своимъ вліяніемъ, потирала отъ удовольствія руки и торжествовала, что агенты ея могли раздуть дѣло до такихъ размѣровъ и придать ему такой страшный характеръ, и препроводила его отъ себя въ сенатъ. Но за базиліанъ, къ счастію ихъ, вступился Михельсонъ, бѣлорусскій военный губернаторъ, сообщившій Лопухину вѣрныя свѣдѣнія по этому дѣлу, и такимъ образомъ спасъ ушацкихъ и полоцкихъ базиліанъ отъ мщенія іезуитовъ, а то бы имъ пришлось дорого поплатиться за свою смѣлость. Оказалось, что уніаты обращены были въ латинство или обманомъ, или насиліемъ, и когда этотъ обманъ былъ имъ открытъ, они охотно пожелали оставить латинство и возвратиться въ унію, базиліане только не препятствовали такому стремленію уніатъ. Мало того: Михельсонъ самому Государю представилъ полное и вѣрное изображеніе этого дѣла, и по

(¹) См. въ арх. Рим. Кат. колл. дѣло подъ № 760-мъ, 1802 г. «по рапорту могилевской консисторіи о ушацкихъ и полоцкихъ базиліанахъ, хулившихъ римско-католическую вѣру.

этому представленію послѣдовалъ именный указъ на имя Михельсона «о защищеніи уніатовъ отъ притѣсненій, чинимыхъ имъ мѣстными католическими консисторіями [1]».

Совсѣмъ иначе іезуиты относились къ тѣмъ явленіямъ въ базиліанскомъ обществѣ, которыя показывали стремленіе базиліанъ подражать порядкамъ и обычаямъ іезуитскаго ордена. Къ фактамъ такого рода относится извѣстное покушеніе Фальковскаго ввести въ базиліанскомъ орденѣ должность протоархимандрита или генерала, по подражанію іезуитскому обществу, покушеніе, какъ оказалось по дознанію, подсказанное и внушенное іезуитами, особенно Бениславскимъ, и имъ же и Бышковскимъ съ братіею поддерживаемое и отстаиваемое въ коллегіи. Прежде нежели разскажемъ, какъ велось это дѣло іезуитами, считаемъ нужнымъ предварительно упомянуть, что для іезуитовъ представлялся весьма важнымъ вопросъ о введени званія генерала въ базиліанскомъ обществѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ положительномъ смыслѣ, не только было бы шагомъ впередъ для большаго сближенія базиліанъ съ іезуитами и большаго уподобленія базиліанскаго общества іезуитскому ордену, но служило бы огражденіемъ и гарантіей для самого іезуитскаго института противъ постоянныхъ протестовъ со стороны Сестренцевича, доказывавшаго незаконность

(1) Собр. Зак. г. 1802-й, №№ 20837 и 20838. Въ послѣднемъ указѣ на имя митрополита Сестренцевича говорилось: «Высочайшая воля Его И. В., чтобы ваше высокопреосвященство предложили сей указъ къ точному исполненію римско-католической коллегіи, и сверхъ того, по званію вашему архіепископа могилевскаго, приняли бы къ собственному и особенному вашему наблюденію и отвѣту, дабы ни подъ какимъ видомъ не только стѣсненій, или совращеній, но и малѣйшаго прикосновенія къ свободѣ уніатамъ отъ духовнаго католическаго духовенства не было наносимо».

званія генерала и должности его въ іезуитскомъ орденѣ [1]. Еслибы удалось утвердить и ввести званіе протоархимандрита или генерала въ базиліанскомъ орденѣ, этомъ меньшемъ братѣ іезуитскаго общества, тогда бы не имѣлъ ни какого значенія протестъ противъ званія генерала въ іезуитскомъ институтѣ, этомъ старшемъ братѣ базиліанъ. Наконецъ учрежденіемъ званія генерала у базиліанъ, этотъ орденъ становился въ почти совершенно независимое положеніе отъ архіерея, а это былъ новый ударъ для архіерейской власти вообще и для митрополичьей въ частности; это

[1] См. въ арх. М. И. Д., уже нѣсколько разъ цитированное нами, «Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія».... гдѣ Сестренцевичъ, сказавши о томъ,что Груберъ ложно присвоилъ себѣ званіе *генерала*, продолжаетъ: «сей примѣръ двигаетъ конечно честолюбіемъ и въ другихъ монашескихъ начальникахъ. Около того времени было покушеніе о возстановленіи и между базиліанами должности протоархимандрита, что то же самое значитъ, какъ и генералъ. 23 ордена монашескихъ числится, изъ которыхъ развѣ весьма не многихъ въ Россіи не находится, и въ каждомъ нельзя не быть безпокойнымъ головамъ, которыя жадно желаютъ учиниться генералами, не для пользы вѣры, но для того, чтобы прибрать въ свои руки тѣ знатныя имѣнія, которыми монастыри изобилуютъ. Упорное поведеніе патера Грубера непрестанно подстрекать ихъ въ томъ будетъ, пока не воспретится ему безъ вѣдома и воли духовныхъ властей выписывать изъ чужихъ краевъ, подъ именемъ іезуитовъ, всякихъ бродягъ и беспокойныхъ людей и разсылать ихъ по всей Россіи для произведенія въ дѣйство сокровенныхъ своихъ замысловъ.» См. также Внутр. пер. іезуитовъ № 266-й, «двѣ просьбы, поданныя въ 1805-мъ г. на Высоч. имя о. Люстигомъ генеральнымъ викаріемъ, въ коихъ проситъ онъ дозволенія приступить къ избранію новаго генерала на мѣсто умершаго Грубера,—избранію, безъ котораго орденъ не можетъ существовать, хотя право онаго и оспаривается. Здѣсь Люстигъ жалуется на интриги католическаго духовенства, старающагося разными происками и несправедливыми обвиненіями воспрепятствовать избранію новаго генерала, дабы подчинить себѣ іезуитовъ». Значитъ, не одинъ Сестренцевичъ но и многіе въ латинскомъ духовенствѣ были противъ существованія въ іезуитскомъ орденѣ званія генерала.

былъ бы новый отпоръ притязаніямъ митрополита распространить свое вліяніе на всѣ монашескіе ордена, а слѣд. и новый ударъ для него. Началась подпольная іезуитская работа. Уже давно (съ самаго присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи) запрещено было римскому духовенству въ Россіи имѣть у себя начальниковъ орденовъ, или генераловъ, или протоархимандритовъ, а на мѣсто этихъ должностей установлено или оставлено только званіе провинціаловъ, съ извѣстною зависимостію ихъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и подчиненіемъ ихъ власти послѣднихъ. Цѣлію этого запрещенія было уничтоженіе огромнаго вліянія, какое имѣютъ орденскіе начальники въ латинствѣ надъ своими подчиненными, и ограниченіе ихъ независимости отъ епархіальной власти. Запрещеніе это простиралось на всѣ ордена и на всѣ латинскіе институты, существовавшіе въ русскомъ государствѣ. Но извѣстно, что Россія въ нѣсколько пріемовъ присоединяла къ себѣ западныя свои области, а отъ этого происходило то, что уничтоженный уже давно какой нибудь обычай латинскаго духовенства въ Россіи существовалъ въ области, присоединяемой къ Россіи отъ Польши, и духовенство этой новой области, поступавшей въ составъ россійскаго государства, присоединялось къ общей массѣ латинскаго духовенства, существовавшаго въ Россіи, съ нѣкоторыми своими старыми обычаями, съ прежними своими должностями. Само собою разумѣется, это состояніе продолжалось недолго: какую нибудь провинцію извѣстнаго латинскаго ордена скоро присоединяли къ существовавшей уже въ Россіи провинціи этого ордена, а такимъ образомъ само собою уничтожалась должность или званіе начальника новоприсоединенной латинской провинціи, и онъ обыкновенно снисходилъ въ рядъ людей, подчиненныхъ начальнику, уже существую-

щему въ Россіи. То же случалось и съ такъ называемымъ званіемъ генераловъ или протоархимандритовъ латинскихъ орденовъ; точно также поступили у насъ и съ должностію протоархимандритовъ базиліанскаго ордена: всякій, имѣвшій ее, долженъ былъ сложить ее, поступая въ подданство Россіи; да еслибы кто получилъ и въ Россіи званіе генерала до изданія еще запрещенія имѣть это названіе, то долженъ бы былъ сложить его послѣ того, какъ явился законъ, уничтожающій это званіе въ латинскомъ монашествѣ. Такъ заставляетъ смотрѣть на это дѣло здравый смыслъ, такъ относились къ нему въ практикѣ жизни всѣ духовные, такъ наконецъ понимали это дѣло въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и сами іезуиты. Но вдругъ, по причинамъ уже показаннымъ нами выше, взглядъ іезуитскій на это дѣло перемѣняется. Пробѣгая списки начальниковъ и не начальниковъ разныхъ монашескихъ орденовъ, Бениславскій съ своей партіей въ коллегіи вдругъ отыскалъ, что существуетъ въ базиліанскомъ орденѣ нѣкто Аѳанасій Фальковскій, который въ 1793-мъ г. будтобы утвержденъ въ званіи протоархимандрита. Это открытіе для іезуитской партіи было чистою находкою огромнаго клада. На этомъ обстоятельствѣ, какъ на канвѣ, снуется и вышивается самая великолѣпная картина іезуитской интриги. Бениславскій, конечно, по наставленію всей іезуитской партіи и по внушенію Грубера преимущественно, входитъ въ тайную переписку съ Фальковскимъ, разжигаетъ и возбуждаетъ честолюбіе этого монаха, даетъ ему наставленіе, какъ дѣйствовать для достиженія своихъ честолюбивыхъ видовъ, ободряетъ и обнадеживаетъ вѣрною поддержкою въ коллегіи, обѣщаетъ несомнѣнный успѣхъ въ будущемъ. Возбужденный и настроенный Бениславскимъ честолюбивый монахъ въ одинъ прекрасный день присылаетъ въ латин-

скую коллегію такого содержанія рапортъ, что онъ еще въ 1793-мъ г. былъ утвержденъ въ званіи протоархимандрита базиліанскаго ордена, и не можетъ сложить съ себя этого званія дотолѣ, пока это сложеніе не будетъ совершенно законнымъ образомъ. Подъ рапортомъ Фальковскій подписался протоархимандритомъ базиліанскаго ордена. Съ радостію полученъ былъ рапортъ Фальковскаго въ коллегіи; іезуиты начали на немъ строить и выводить свои работы. На одномъ этомъ голословномъ заявленіи монаха коллегія постановляетъ свое странное опредѣленіе, *чтобы Фальковскій вступилъ въ управленіе своимъ орденомъ, ежели, по установленіямъ онаго, законно былъ избранъ, собралъ капитулъ для произведенія новыхъ выборовъ и, удаливъ всѣ къ произведенію капитула могущія случиться препятствія, избралъ для онаго и мѣсто* [1]. Фальковскій, заручившись такимъ опредѣленіемъ коллегіи, вступаетъ въ должность протоархимандрита, т. е. генерала или главнаго начальника базиліанскаго ордена, и составляетъ генеральный капитулъ. Мѣстомъ для капитула Фальковскій назначаетъ Тороканскій монастырь, чего онъ не могъ дѣлать даже по правиламъ своего ордена, безъ разрѣшенія начальства; предсѣдателемъ капитула назначилъ греко-унитскаго епископа Булгака,—подчиненный своего начальника; разослалъ созывные листы ко всему базиліанскому ордену, находящемуся въ Россіи, съ предписаніемъ явиться на капитулъ, имѣющій быть 8-го Сентября 1802-го года.

[1] Въ глав. архивѣ М. И. Д. дѣло 1803-го г., № 2-й, объ уничтоженіи установленнаго протоархимандритомъ Афанасіемъ Фальковскимъ въ базиліанскомъ орденѣ генеральнаго капитула и объ учиненіи епископу Бениславскому выговора; также въ арх. Рим. Кат. Коллегіи дѣло подъ № 872-мъ, г. 1803-й, по указу сената съ возвращеніемъ подлиннаго прошенія члена г-на Бышковскаго, для отдачи ему обратно.

При этомъ уничтожилъ бѣлорусскую базиліанскую провинцію, присоединивши ее къ литовской. Однимъ словомъ, Фальковскій, огражденный письменнымъ официальнымъ актомъ коллегіи, вдохновляемый изъ Петербурга неофиціальными письменными и словесными разными способами, совершенно взошелъ въ роль главнаго начальника всего базиліанскаго ордена и полномочнаго распорядителя дѣлами его. Прокуроромъ коллегіи былъ тогда нѣкто Скрендзевскій, креатура іезуитская и послушный рабъ Бениславскаго и Бышковскаго; онъ не только не протестовалъ противъ незаконнаго постановленія коллегіи, но даже намѣренно оставилъ безъ вниманія протестъ бѣлорусскаго провинціала Новаковскаго противъ законности званія генерала, предоставленнаго коллегіей Фальковскому, противъ правильности составленія Фальковскимъ генеральнаго капитула и избранія Булгака предсѣдателемъ въ этомъ капитулѣ. Чтобы скрыть отъ вниманія тѣхъ, которые должны были видѣть іезуитскія продѣлки въ коллегіи, Скрендзевскій, какъ истинный ученикъ послѣдователей Лойолы, вздумалъ отвлечь взоръ сената отъ важныхъ злоупотребленій коллегіи, устремивши его на мелочныя обстоятельства дѣла. Фальковскій встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія при собраніи капитула, какъ то: многіе депутаты не явились на капитулъ, возникли недоумѣнія по случаю уничтоженія Фальковскимъ цѣлой одной базиліанской провинціи, и нѣсколько другихъ. За разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ недоумѣній, самозванный базиліанскій генералъ обратился къ коллегіи. Здѣсь, къ немалому изумленію іезуитской партіи, произошло разногласіе во мнѣніяхъ. Прокуроръ коллегіи, за разрѣшеніемъ такихъ то вопросовъ, подавшихъ поводъ къ разномыслію между членами этого присутственнаго мѣста, прибѣгнулъ къ сенату, которому естественно долженъ былъ

представить и все дѣло, или правильнѣе сказать, Скрендзевскій взошелъ въ сенатъ съ протестомъ или жалобою на разногласіе членовъ коллегіи, что и было поводомъ къ истребованію самаго дѣла на разсмотрѣніе сената. Сенатъ, оставивши безъ вниманія сущность дѣла, занялся именно только тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ отвлечь его вниманіе Скрендзевскій отъ самаго важнаго въ дѣлѣ, именно: разсмотрѣніемъ протеста прокурора на разногласіе нѣкоторыхъ членовъ коллегіи, а пропустилъ безъ всякаго замѣчанія противозаконные поступки Фальковскаго и неправильное опредѣленіе коллегіи, позволяющее Фальковскому собрать генеральный капитулъ. Къ чести сената, въ немъ нашелся одинъ человѣкъ, котораго не удалось провесть іезуитской партіи и который вникнулъ въ дѣло съ должнымъ вниманіемъ: это былъ правящій должность оберъ-прокурора. Разсмотрѣвши дѣло, онъ нашелъ въ немъ вопіющія противозаконія. «Разсматривая вступившее въ правительствующій сенатъ, при рапортѣ римско-католической коллегіи, дѣло о установленіи базиліанскаго генеральнаго капитула, начавшееся въ оной коллегіи по рапорту называющагося протоархимандритомъ Аѳанасія Фальковскаго, нахожу, писалъ оберъ-прокуроръ, что коллегія поступила несогласно ни съ каноническими правилами, ни съ государственными узаконеніями. Коллегія къ дозволенію воспріять Фальковскому управленіе базиліанскимъ орденомъ, а потому и чинъ протоархимандрита, принимая поводомъ Высочайше конфирмованные въ 11 день Декабря 1800-го г. пункты, въ 1-мъ опредѣленіи своемъ приводитъ изъ оныхъ 18-й пунктъ неприлично; ибо нетолько симъ пунктомъ, но никоторымъ изъ нихъ и никакимъ изъ состоявшихся со времени возвращенія подъ россійскую державу Бѣлоруссіи касательно католическаго духовенства узаконеній, существованіе въ

россійскомъ государствѣ между монашествующими католиками чина протоархимандритовъ, или главныхъ начальниковъ монашескихъ орденовъ не дозволяется. Но напротивъ того, манифестомъ отъ 6-го сентября 1795 г., за подчиненіемъ монастырей архіепископу Бѣлорусскому, избираніе провинціальныхъ и генеральныхъ суперіоровъ, либо повиновеніе ихъ повелѣніямъ запрещается». Даже анализируя и разбивая на всѣхъ пунктахъ опредѣленіе коллегіи, и распутывая приказническіе узлы Скрендзевскаго, оберъ-прокуроръ предложилъ сенату «отмѣнить данную имъ резолюцію на опредѣленіе коллегіи, и всѣ производства католической коллегіи и послѣдовавшія за онымъ распоряженія Фальковскаго уничтожить, и коллегіи предписать, дабы она отнюдь никакихъ монашескихъ чинов вновь не установляла, и всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и начальникамъ монастырей подтвердила, что они, въ случаѣ надобности, въ избраніи провинціаловъ или другихъ начальниковъ монастырей, поступали по точной силѣ изданныхъ узаконеній» ([1]). Изъ дѣла базиліанскаго ордена видно, говорится въ запискѣ оберъ - прокурора сената, «что къ несообразнымъ требованіямъ того ордена іеромонаха Фальковскаго, назвавшаго себя и протоархимандритомъ и искавшаго присвоить себѣ всѣ права, прежде званію сему принадлежавшія, равномѣрно соединенія бѣлорусской провинціи съ литовскою и созванію генеральнаго капитула, подали поводъ письма епископа Бениславскаго, къ нему писанныя. Государю Императору угодно, чтобы

([1]) См. вышеприведенное дѣло объ уничтоженіи установленнаго протоархимандритомъ Афанасіемъ Фальковскимъ въ базиліанскомъ орденѣ генеральнаго капитула и объ учиненіи епископу Бениславскому выговора.

епископу Бениславскому учинено было соразмѣрное поступку его замѣчаніе, препоручивъ канцлеру о семъ изъясниться съ княземъ Петромъ Васильевичемъ (Лопухинымъ)» (¹). Но партія іезуитская такъ была избалована потворствомъ ей правительства, такъ была пріучена къ дерзости и неповиновенію государственнымъ законамъ имперіи, постоянною податливостію нашихъ правительственныхъ сферъ останавливаться въ проведеніи государственныхъ мѣръ въ католическомъ духовенствѣ предъ такъ называемымъ латинскимъ каноническимъ правомъ, что она рѣшилась оспаривать законность сенатскаго рѣшенія по дѣлу Фальковскаго. Сначала Скрендзевскій, получивъ сенатскій указъ, долго держалъ его у себя и необъявлялъ коллегіи; но такъ какъ нельзя было совершенно скрыть указъ, то наконецъ онъ объявилъ его коллегіи, но, объявляя, тутъ же предложилъ коллегіи сдѣлать представленіе сенату, что указъ его противенъ каноническому праву. Предложеніе прокурора коллегіи было такъ дерзко, что большая часть членовъ отказалась принять его; но іезуитская партія въ коллегіи охотно приняла его. Бениславскій, Бышковскій и Скерневскій подали, каждый отдѣльно, свое мнѣніе или протестъ противъ сенатскаго указа. Скрендзевскій мнѣнія Бениславскаго, Бышковскаго и Скерневскаго представилъ сенату. Отъ своего лица прокуроръ коллегіи донесъ министру юстиціи, что замѣчанія послѣдняго не приняты коллегіей (²). При всей снисходительности нашего правительства ко всѣмъ дерзкимъ выходкамъ духовныхъ иновѣрныхъ

(¹) Въ вышеприведенномъ дѣлѣ см. записку оберъ-прокурора.

(²) Zbiór Wiadomości.... Отдѣлъ IX-й «отъ возвращенія митрополита къ должности 1801-го г. до его усилій устроить коллегію и іерархію католической церкви въ Россіи 1806 года».

исповѣданій, оно не могло оставить безнаказанною подобную наглость. Приговоромъ сената велѣно было отставить членовъ коллегіи: Бениславскаго, Бышковскаго и Скерневскаго, а прокурора не только отставить, но и предать суду ([1]). Это было сильное пораженіе для іезуитской партіи.

([1]) Тамъ же, а такъ же Собр. Зак. 1804 г. № 21193, въ которомъ запрещается выбирать монахамъ генераловъ орденскихъ, кромѣ іезуитовъ, такъ же подтверждается начальникамъ монастырей повиноваться епархіальнымъ архіереямъ, хотя мнѣнія Бениславскаго, инфуланта Бышковскаго и прелата Скерневскаго стремились къ тому, чтобы монаховъ изъять совершенно отъ надзора епархіальныхъ архіереевъ и тѣмъ доставить имъ безпосредственное и самовольное самихъ собою управленіе. Къ утвержденію своего мнѣнія, они приводили указъ 11 Декабря 1800 г. и 13 Ноября 1801 г., гдѣ упоминается о монашескихъ правилахъ и институтахъ, и на сіи монашескіе институты и правила выводятъ, что генеральные орденскіе капитулы и генеральные начальники или генералы въ росс. государствѣ существовать должны, и приводятъ указъ 13 Августа 1802 г., коимъ дозволено іезуитскому обществу на мѣсто умершаго Кара избрать новаго шефа. Въ росс. имперіи, отъ присоединенія къ ней Бѣлоруссіи, т. е. съ 1772 г., генеральные орденскіе выборы и генералы, правительству извѣстные, не существовали, кромѣ генеральнаго іезуитскаго викарія, а были провинціальные начальники, по утвержденію сперва архіереевъ, а впослѣдствіи коллегіи, и сіи начальники, т. е. провинціалы, были въ ихъ орденахъ главные. Къ тому же изъ самаго исключительнаго дозволенія іезуитскому ордену имѣть орденскаго шефа утвержденія въ генеральности монашескихъ орденскихъ правилъ извлекать не можно, поелику Высочайшимъ именнымъ указомъ 1782 г. Іюня 25 числа, при дозволеніи іезуитскому ордену выбора генеральнаго викарія, онымъ же указомъ препорученъ надзоръ за онымъ орденомъ епарх. архіерею, съ тѣмъ, чтобы правила онаго ордена въ цѣлости сохраняемы были, поколику оныя согласны съ гражданскими постановленіями. Причемъ сенатъ, во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, не оставилъ 12 Сентября 1782 г. учинить предписаніе, чтобъ іезуитскій орденъ, за таковымъ яснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, во избѣжаніе должнаго епархіальному архіерею повиновенія, не приводилъ по прежнему ордена ихъ правила, разумѣя, что нѣтъ для нихъ другихъ правилъ, какъ Выс. Вашего Имп. Вел. закона. Для лучшаго изъясненія, что наблюденіе монашескихъ

Но за это пораженіе іезуиты могли быть утѣшены побѣдой своею въ другомъ мѣстѣ; даже и въ этомъ случаѣ для нихъ было немалымъ вознагражденіемъ въ своей потерѣ то, что преемникомъ прежняго прокурора коллегіи назначенъ былъ нѣкто Овцынъ, симпатизировавшій всегда іезуитскому ордену, а потому постоянно хвалимый іезуитами и писателями ихъ партіи. Можно подозрѣвать, что избраніе Овцына произошло не безъ вліянія іезуитовъ; присутствіе тутъ руки Груберовской трудно отвергать, особенно зная его характеръ и его силу въ нашихъ административнихъ сферахъ ([1]).

орденскихъ правилъ въ полной мѣрѣ допустить не можно, безъ нарушенія изданныхъ Высоч. узаконеній, служатъ приводимыя здѣсь нѣкоторыя изъ институтовъ и правилъ орденскихъ статьи, какъ то: 1) въ институтахъ орденовъ августинскаго и доминиканскаго есть статья на листѣ 139, № 12, въ заглавіи: «объ отлученіи отъ церкви: монахи, кои безъ дозволенія своего начальника прибѣгаютъ къ суду государей, навлекаютъ на себя отлученіе отъ церкви; 2) тридентинскаго собора засѣданія 25, гл. 4, о монахахъ въ опредѣленіи св. конгрегаціи 1587 г., предписывается монахамъ аппеляцію производить такъ: отъ настоятеля монастырскаго къ провинціалу, отъ провинціала къ генералу, отъ генерала къ протектору, а отъ сего къ св. конгрегаціи и папѣ». Мы съ намѣреніемъ сдѣлали пространныя выдержки изъ этого закона, чтобы читатель видѣлъ, какую солидарность іезуитскаго общества съ базиліанскимъ находила іезуитская партія въ коллегіи, и какъ эта партія всячески усиливалась объединять эти два ордена и найдти между ними какъ можно больше точекъ соприкосновенія.

([1]) Овцынъ поступилъ на должность прокурора римско-католической коллегіи изъ казанскихъ губернскихъ прокуроровъ. Будучи губернскимъ прокуроромъ въ Казани, онъ сдѣлалъ доносъ на казанскаго губернатора. Вслѣдствіе этого доноса, наряжена была сенатская ревизія казанской губерніи, ревизоромъ посланъ былъ сенаторъ Пестель. Ревизія вполнѣ подтвердила справедливость доноса Овцына. Изъ Казани его перевели въ Петербургъ на должность прокурора коллегіи. Іезуитская партія всегда была имъ довольна, и онъ—іезуитами. На должности прокурора коллегіи,

Утѣшеніе въ своихъ неудачахъ іезуиты получили себѣ какъ мы сказали, въ успѣхахъ и достиженіи своихъ цѣлей на другихъ пунктахъ, хотя впрочемъ не безъ примѣси горечи и тутъ,—мы разумѣемъ успѣхъ іезуитовъ въ разстройствѣ плана Сестренцевича образовать въ Россіи Латинскую церковъ на правахъ галликанизма. Мы упоминали выше о томъ, на какихъ условіяхъ и съ какими ограниченіями до-

Овцынъ составилъ записку «о римско-католическомъ и уніатскомъ монашествѣ и бѣломъ духовенствѣ,» и представилъ ее покойному Государю Александру I. Было ли сдѣлано какое нибудь практическое употребленіе въ царствованіе Александра I, мы не знаемъ. Послѣ смерти Александра I, въ числѣ прочихъ бумагъ, бывшихъ въ кабинетѣ Императора, найдена была и эта записка, и препровождена княземъ А. Н. Голицынымъ въ 1826 г. къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія и главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, адмиралу А. С. Шишкову. Въ этой запискѣ Овцынъ, отзываясь не одобрительно о нравственности всего латинскаго духовенства въ Россіи и о злоупотребленіяхъ его церковными имуществами и капиталами, хвалитъ іезуитовъ и исключаетъ ихъ изъ общей рубрики. «Съ тою же самою справедливостію, которая побуждала представить всѣ неустройства духовенствъ католическаго и унитскаго вообще, должно сказать, къ чести ордена іезуитовъ, что они, владѣя довольно знатнымъ имѣніемъ недвижимымъ, до 14,000 душъ простирающимся, весьма ощутительно обращаютъ оное къ пользѣ общей, содержа, во первыхъ, въ наилучшемъ благолѣпіи зданія церковныя, устрояя домы училищные съ знатнымъ иждивеніемъ, просвѣщая юношество во всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ познаніяхъ, и вмѣстѣ съ симъ не небрежа и о заведеніяхъ человѣколюбивыхъ (мы увидимъ впослѣдствіи примѣры іезуитскаго человѣколюбія). Словомъ, еслибы оставить безъ вниманія общее предубѣжденіе, многими вѣками оправданное, что цѣль всѣхъ ихъ похвальныхъ подвиговъ обращена къ преднамѣренному покоренію во власть свою умовъ народныхъ и къ распространенію тайнаго вліянія на всѣ даже отрасли государственнаго благосостоянія, то, кромѣ совершенной признательности, на счетъ сего братства отнести невозможно, тѣмъ болѣе, что, по самому рачительному обозрѣнію дѣлъ духовной коллегіи, ни малѣйшаго слѣда къ предосужденію ихъ не примѣтно».

пущенъ былъ къ намъ правительствомъ нашимъ папскій нунцій Ареццо. Прибытіе его въ Петербургъ радостно было встрѣчено одною только іезуитской партіей и врагами митрополита.

Наше правительство неохотно приняло его и смотрѣло на него, какъ навязаннаго ему насильно; а зная еще личный характеръ Ареццо и вообще всѣ замашки и тенденціи такъ называемыя папскихъ нунціевъ, не могло смотрѣть на прибываніе его въ Россіи благосклонно. Сестренцевичь, посвященный въ тайны римской куріи и испытавшій лично на себѣ плоды пребыванія папскихъ нунціевъ въ Россіи и во время нунціятуры Литты, не могъ дружески относиться къ Ареццо. Правительство наше и Сестренцевичъ могли бы еще примириться съ Ареццо, еслибы онъ былъ уступчивѣе въ отношеніи требованій перваго и несталъ интриговать съ іезуитской партіей противъ послѣдняго. Приписывая интригамъ Сестренцевича и вліянію его на русское правительство то упорство, съ какимъ оно отказывалось принимать къ себѣ папскаго нунція, и тѣ условія или ограниченія, съ которыми оно наконецъ согласилось имѣть у себя папскаго нунція, Ареццо принялъ за правило во всѣхъ своихъ поступкахъ въ отношеніи къ Сестренцевичу унижать его и показывать ему, что онъ ничѣмъ неотличается отъ обыкновеннаго и рядоваго епископа, мало того, что въ глазахъ нунція и папы онъ стоитъ ниже прочихъ епископовъ, какъ человѣкъ скомпрометировавшій себя предъ римской куріей нѣсколько разъ, а преимущественно въ послѣднее время и послѣдними своими дѣйствіями [1].

[1] Не говоря о томъ, что римская курія приписывала интригамъ Сестренцевича экстраординарную и временную нунціатуру Ареццо въ Россіи, она не могла простить ему также того, что французскіе такъ на-

Наше правительство домогалось выхлопотать у папы кардинальское достоинство для Сестренцевича и подтверж-

зываемые конституціонные епископы приглашали его на національный французскій соборъ, бывшій 29 Іюня 1801 г. въ Парижѣ. Соборъ этотъ состоялъ изъ 45 епископовъ и 80 разныхъ духовныхъ. Засѣданія его происходили въ Notre Dame. Хотя соборъ въ первомъ же засѣданіи заявилъ, что онъ неотдѣляется отъ единенія съ римскою церковію, но папа строго запретилъ присутствовать на немъ епископамъ и духовнымъ такъ называемымъ не конституціоннымъ. (Chronik des neunzehnten Jahrhunderts, erster Band, von Bredow, Seite 50—52), и въ Римѣ смотрѣли враждебно на всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ соборѣ и ни какъ не могли простить имъ того, что они вздумали устроить безъ разрѣшенія папы самоличное собраніе. На этотъ соборъ получилъ приглашеніе и Сестренцевичъ, и хотя онъ неявился туда, но уже самое приглашеніе на соборъ, сдѣланное митрополиту со стороны ненавистныхъ Риму конституціонныхъ французскихъ епископовъ, дѣлало его въ глазахъ Рима солидарнымъ съ французскими конституціонными духовными, а потому подозрительнымъ и ненавистнымъ. Переписка, по этому случаю происходившая между Сестренцевичемъ и канцлеромъ, а также отвѣтъ Сестренцевича французскимъ епископамъ, сохранились въ нашемъ М. И. Д. Митрополитъ, представляя Воронцову полученное имъ приглашеніе, пишетъ канцлеру: «Monsieur, conformement aux lois de l'Empire j'ai l'honneur de présenter à Votre Excellence l'invitation à Paris au Concile national que m'ont adressé les evêques de France. Comme cette matière plutôt politiqué qu'elle ne régarde mon état de metropolitain suspendu prèsentement par le gouvernement; je prie Votre Excellence très respectuesement de m'y dicter la réponse et de vouloir bien compter sur la soumission que je professe». При этомъ предложенъ былъ Сестренцевичемъ и проектъ отвѣта его на письмо французскихъ духовныхъ, съ особымъ письмомъ къ Воронцову. «Monseigneur, je présente à votre Altesse, писалъ Сестренцевичъ, la minute de ma réponse à Mgrs les Evêques de France qui m'ont invité à leurs concile national. Elle est seche. Je n'ai pas osé l'attendrir par des souhaits du succés de leurs pieux travaux, car je n'ai point d'èchelle politique et ne sais point à quel degré peut monter notre humeur confreriale. Je prie votre Altesse de vouloir bien m'indiquer ses remarques sans lesquelles je ne me crois pas autorisé à expedier cette reponse». Самый отвѣтъ Сестренцевича французскимъ епископамъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Mes seigneurs, L'invitation pour le 29 Iuin au

деніе тѣхъ правъ, кои онъ получилъ отъ папы Пія VI и коимъ теперь истекъ срокъ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ нѣсколько разъ входило въ переговоры по этимъ предметамъ съ Ареццо, но всегда встрѣчало не только уклончивый отвѣтъ, но и прямой отказъ; напротивъ, Ареццо какъ бы издѣвался надъ всѣми этими домогательствами нашего правительства и находилъ особенное для себя удовольствіе въ униженіи Сестренцевича и низведеніи его на одинъ уровень съ подчиненными ему епископами [1]. Такія дѣйствія, само собою разумѣется, немогли расположить къ Ареццо ни нашего правительства, ни митрополита Сестренцевича. Но на этомъ одномъ не остановился папскій посланникъ. Онъ началъ докучать нашему правительству и осаждать его при всякомъ удобномъ случаѣ своими домогательствами о заключеніи конкордата [2]. Въ тоже время Ареццо

concile national que Vos Grandeurs m'ont bien voulu envoyer, ayant été adressée à la capitale pendant mon absence, et de là à ma cathedrale, et y étant arrivée aprés mon départ pour la capitale, me parvint enfin hier. Il ne me reste donc que d'en accuser la réception. Je me prevaux de cette occasion pour temoigner le respect avec lequel j'ai l'honneur d'être et caetera.... (Арх. М. И. Д. Affaires relatives aux Jesuits en Russie, № 1—16, 1800—1816, дѣло о приглашеніи архіепископа Могилевскаго Сестренцевича въ Парижъ къ собору духовенства французской націи).

[1] Въ арх. М. И. Д. «Rome» г. 1803-й № 7, «о правахъ и преимуществахъ, принадлежащихъ могилевскому архіепископу Сестренцевичу, какъ митрополиту римско-католическихъ церквей въ Россіи, и о правахъ прочихъ епархіальныхъ епископовъ.» Изъ всей переписки нашего министерства по этому предмету съ Римомъ видно, что Ареццо недалъ Сестренцевичу ничего лишняго противъ прочихъ епархіальныхъ архіереевъ и низвелъ его до степени простаго епархіальнаго архіерея, лишилъ его власти надъ монахами и, по наущенію Дедерко, Гедроица и Бениславскаго, постоянно дѣйствовалъ во вредъ митрополита. Около Ареццо собиралась вся іезуитская партія и находилась съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

[2] Wiadomości niektóre do dziejów kościoła Katolickiego w Polsko-

разстроивалъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковнаго управленія латинскою паствою въ Россіи строй и установившійся порядокъ отношеній латинскихъ епископовъ къ митрополиту, такъ же монашескихъ орденовъ и самой латинской паствы. Епископы, монахи, особенно іезуиты, сгруппировались около Арецци, нехотѣли знать Сестренцевича, обращались за рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ къ папскому нунцію, оппонировали ему и интриговали противъ него. Вопреки кореннымъ законамъ Имперіи, помимо правительственныхъ учрежденій Имперіи, открылась полная свобода каждому латинянину для прямыхъ и непосредственныхъ сношеній съ папою. Канцелярія нунція служила самымъ удобнымъ средствомъ и самымъ лучшимъ передатчикомъ и курьеромъ для всѣхъ подобныхъ корреспонденцій съ Римомъ. Самъ нунцій завелъ обширную переписку со всѣми латинскими епископами и прелатами россійскаго государства. Мотивомъ большей части этихъ писемъ была интрига, стремленіе возвысить и обогатить кого нибудь изъ своихъ креатуръ, особенно какого нибудъ іезуита [1].

Rossyiskich Prowinciach, plebana Szarzyńskiego, стр. 45. «Dosyć na tem iż piwrócił ambassodor apostolski, po kilku miesiącach pobytu w Petersburgu nazad do Rzymu, źadnego niezawarłszy Konkordatu, такъ же Zbiór Wiadomośçi o kościole i religii.... Отдѣлъ IX, также Mémoires de Consalvi, tom II, pag 316. «On traita plusieurs affaires ecclesiastiques relatives aux diocéses et aux evéques, ainsi qu'à certaines lois auxquelles Rome dęsirait qu'on apportât des modifications».

(1) Арецци велъ свою переписку съ латинскими епископами, находившимися въ Россіи, по большей части на латинскомъ языкѣ, но запечатывалъ свои письма не своею печатью, а Бениславскаго. Письма Арецци перехватывались, переводились съ латинскаго языка на французскій и въ переводѣ представлялись Канцлеру Воронцеву, а подлинники по назначенію отправляли къ тому лицу, которому адресованы были. Одно изъ этихъ писемъ, переведенное съ латинскаго на французскій прелатомъ Ванковичемъ,

Корреспонденція Ареццо съ Римомъ о русскихъ дѣлахъ была не въ пользу русскаго правительства и ни къ чести его рас-

привелось видѣть намъ, и мы приводимъ его здѣсь. Видно, что оно было въ рукахъ Сестренцевича, который сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній къ нѣкоторымъ фразамъ его. Письмо адресовано минскому епископу Дедерко; нунцій проситъ Дедерко, чтобы онъ употребилъ свое стараніе объ избраніи каноника Супинскаго (извѣстнаго іезуита) (*) въ члены коллегіи на

(*) О Супинскомъ, котораго такъ выхваляетъ Ареццо, Сестренцевичь говоритъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ письму Ареццо и въ извѣстной своей статьѣ «Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія». Въ примѣчаніяхъ Сестренцевичь между прочимъ дѣлаетъ такой вопросъ: «En ministre, Mgr Arezzo ne pouvait que donner de louanges à ce chanoine (Soupinski); mais chacun demande: à quel propos sont elles prodiguées sans économie?» Въ статьѣ: «Изображеніе происшествій»..... Сестренцевичь прямо называетъ Супинскаго іезуитомъ.—На все то не взирая, митрополитъ, пишетъ Сестренцевичь о себѣ, обыкшій почитать мщеніе за свойство подлыхъ и низкихъ душъ, вступя въ прежнюю свою должность первенствующимъ въ коллегіи, предалъ забвенію всѣ свои досады и огорченія, и старался возстановить рвеніе между членами для успѣха въ дѣлахъ и для самой пользы службы. А какъ Бениславскому и Бышковскому, кои такъ же присутствовали тогда въ коллегіи, было то не по мысли, ибо надобно или было несоглашаться въ разныхъ случаяхъ съ мнѣніями митрополита и, при помощи еще двухъ ассесоровъ, изъ бывшихъ же, какъ они, *іезуитовъ Мачульскаго и Супинскаго*, удерживать всегда рѣшенія, или оспаривать дѣлаемыя постановленія, какъ о томъ могутъ свидѣтельствовать разныя дѣла, и въ коллегіи имѣющіяся, и въ правительствующій сенатъ на разсмотрѣніе поступившія, а все сіе точно для того, чтобъ, наскуча митрополиту, заставить его отказаться отъ своего мѣста, и дать имъ волю производить въ дѣйство свои умыслы о попущеніи безначалія во всѣхъ монашескихъ орденахъ, доставивъ ихъ онымъ пагубнымъ и въ благоучрежденныхъ областяхъ нетерпимыхъ управленіемъ, чрезъ своихъ генераловъ и протоархимандритовъ. Остается въ волѣ каждаго хвалить, или порочить такое хладнокровное поведеніе митрополита, который, не уважая ни злонамѣренныхъ надъ собою подысковъ, ни тайныхъ совѣщаній къ возведенію на него разныхъ клеветъ, и презирая оными, остался непреклоннымъ въ исполненіи присяги своей и обязанности къ службѣ Божіей, въ вѣрности къ Государю и преданности къ отечеству. Однакожъ и тутъ неизбѣгаетъ укоризнъ, будто утѣ-

поряженій касательно латинской церкви въ Россіи. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были перехвачены нашимъ

наступающее трехлѣтіе. «La lettre de felicitation, que Votre Excellence m'a écrite sur mon arrivée, пишетъ Арещо, dans cette cour Imperiale, et que je viens de recevoir, m'a était tres agreable. J'y lis votre dévouement envers le saint-siège apostolique, votre amour et l'affection particulière envers moi et l'attachement que vous avez au bien de l'église et au salut des ames. J'estime ces sentimens et je vous en présente mes remercimens. Mon predecesseur a travaillé á l'oeuvre excellent de la fondation de ce diocése qu'il a érigé de nouveau, et qu'il a commis au soin pastoral de Votre Excellence. Il vous a ouvert un vaste champ pour exercer votre pieté vive. L'exemple et la preuve de ce soin brille fortement dans cet excellent personnage de M-r Soupinski et que je connais (une fois vû, замѣчаетъ Сестренцевичъ) parfaitement bien, qui n'a rien omis de ce que l'on peut attendre du meilleur des hommes et d'un ministre fidéle; qui par sa prudence, doctrine, humilité s'est concilié la bienveillance de tous les gens de bien (Jesuites, опять замѣчаетъ Сестренцевичъ), qui a administré et administre la justice sans partialité, et qui s'est comporté et comporte tellement, qu'il est extremement utile à l'église et qu'au temoignage de toutes bons gens il fait grand honneur á Votre Excellence. J'en suis très satisfait, j'en remercie Dieu, et je fais mon compliment à Votre Excellence de ce qu'elle sait choisir pour remplir les charges écclesiastiques des personnes doués abondemment des vertus que vous connaissez et que vous approuvez. Je prie Votre Excellence de saluer amplement votre bon clergé de ma part; je me recommande fortement à leurs priéres quotidiennes et aux votres devant Dieu. Je suis avec une haute consideration et éstime». (М. И. Д. 1864 Rome, № 4-й). См. такъ же Vicissitudes de l'eglise catholique des deux rites en Pologne et en Russie, par le comte de Montalambert, tom. II, pag. 297 и слѣдующія. Арецщо особенно возставалъ противъ учрежденія католической коллегіи и по внушенію Рима работалъ вмѣстѣ съ латинскими епископами Россіи надъ уничтоженіемъ ея. «Les evêques des cinq dio-

сняетъ духовенство, и находятся защитники, кои неосновательно, а можетъ быть, и пристрастно признаютъ за утѣшеніе то, что духовная коллегія, гдѣ митрополитъ предсѣдательствуетъ, назначаетъ базиліанскому провинціалу, который въ столицѣ проживаетъ цѣлый годъ праздно, безъ всякой нужды и дозволенія, отправиться къ своему мѣсту для управленія 30 монастырями, его вѣдомству подлежащими»... Вотъ какимъ людямъ покровительствовалъ Арецщо.

правительствомъ, и оно воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобъ покончить съ нунціатурой Ареццо въ Петербургѣ. Воронцовъ взошелъ съ особымъ докладомъ къ Государю объ интригахъ Ареццо, и тутъ же представилъ проектъ ноты, которая должна быть вручена папскому нунцію. «Нарочитое число подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, исповѣдующихъ римско-католическій законъ, содѣлываетъ, докладывалъ Воронцовъ Александру, необходимыми частыя съ папскимъ стуломъ сношенія по части религіи ихъ. Съ самаго присоединенія къ Россіи бѣлорусскихъ провинцій и учрежденія въ оныхъ католической епархіи положено было правило, чтобы архіерей ея во всѣхъ потребностяхъ своихъ прямо къ папѣ неотносился, но чинилъ бы то чрезъ посредство министерства россійскаго. Сіе узаконеніе осталось въ своей силѣ и понынѣ, когда уже, послѣ окончательнаго раздѣла Польши, не одна, но многія католическія епархіи находятся въ россійскомъ владѣніи, и постановленный надъ ними митрополитомъ архіепископъ Сестренцевичь тщательно наблюдаетъ, какъ ему потребныя разрѣшенія неиспрашивать прямо отъ папы, такъ и его буллы неиначе принимать, какъ изъ рукъ министра, или Вашего Величества».

«Доселѣ всѣ дѣла сіи поручаемы были отъ папы нунці-

céses et le nouveau nonce apostolique Thomas Arezzo, archevêque de Seleucie, essayérent de tous les moyens en leur pouvoir pour détourner le metropolitain de cette monstruosité, l'engageant à rénoncer à ses absurdes usurpations sur le pouvoir de l'église, et à rendre à celle-ci la liberté qu'il détruisait par l'établissement de ce tribunal ecclesiastique, mais ils n'y purent réussir. L'indigne prélat, de son côté, ne négligea rien pour faire servir ce collége ecclesiastique à accroître son déspotisme religieux..... Il en eloigna tous ceux qui temoignaient un interêt véritable pour l'église sous le prétexte qu'ils étaient en correspondance secrète avec Rome et cherchaient à éluder les lois de l'Empereur»....

*

ямъ его, а въ ихъ небытность повѣреннымъ въ дѣлахъ, чрезъ коихъ иностранный департаментъ и производилъ съ римскимъ дворомъ переписку свою касательно нуждъ католиковъ, подданныхъ Россіи. Нынѣ же, когда миссія Вашего Величества въ Римѣ учреждена быть имѣетъ, всѣ дѣла, въ коихъ разрѣшеніе или благословеніе папы, яко первосвященника римской церкви, потребны будутъ римско-католическому духовенству, должны перейдти въ руки министра нашего, при римскомъ дворѣ акредитованнаго, а тѣмъ самымъ отнимется отъ повѣренныхъ папы всякое здѣсь вліяніе, прекратятся способы къ интригамъ и сплетнямъ, къ коимъ желаніе расширенія власти ихъ нудитъ ихъ безпрестанно».

«Если Вы, Всемилостивѣйшій Государь, сіе представленіе апробовать соизволите, то требованія, учиненныя нынѣ митрополитомъ Сестренцевичемъ, и которыя уже на усмотрѣніе Вашего Величества поднесены были, послѣднею будутъ негоціацією между нами и дворомъ римскимъ чрезъ посредство ихъ агентовъ ([1])».

При докладѣ приложенъ былъ и проектъ ноты. «На усмотрѣніе Вашего Величества, писалъ Воронцовъ, подношу проектъ ноты, которая, по апробаціи Вашей, вручена будетъ папскому послу. Находя нужнымъ симъ средствомъ дворъ римскій побудить къ скорѣйшему соглашенію на разныя требованія, о коихъ у него домогались для пользы и лучшаго теченія духовныхъ дѣлъ подданныхъ Вашего Величества, которые римскій законъ исповѣдуютъ. Ласкаюсь я, сверхъ того, что содержанія и правила, въ ней изложенныя, убѣдить должны римскій дворъ, что тщетно бы было для него помышлять о властвованіи надъ тѣми, кои въ Россіи исповѣдуютъ римскую вѣру».

([1]) См. въ М. И. Д. С.-Пб. Госуд. Арх., № 4-й, г. 1804-й.

«Неменьше же нужнымъ я почитаю, чтобы и духовные сей религіи, находящіеся въ разныхъ провинціяхъ Россіи, удостовѣрены были, что никому изъ нихъ имѣть не должно безпосредственнаго сношенія съ римскимъ дворомъ, нунціями и всякою духовною властію, внѣ государства пребывающею, а для сего и осмѣливаюсь представить здѣсь проектъ письма моего къ римско-католическому митрополиту Сестренцевичу; если оный удостоится Высочайшей апробаціи Вашей, то списокъ съ онаго взнесу я въ правительствующій сенатъ, для нужнаго съ его стороны наблюденія за точнымъ исполненіемъ данныхъ предписаній».

«Запрещеніе подданнымъ Вашимъ, принадлежащимъ къ латинской церкви, сноситься безпосредственно съ римскимъ дворомъ и агентами его, издавна существовало; нынѣ же тѣмъ болѣе справедливо подтвердить оное, что Ваше Величество на сей токмо конецъ и миссію въ Римѣ учредить изволили».

Апробованное Императоромъ письмо Воронцова на имя Сестренцевича и получившее силу закона гласило, что «не смотря на всѣ запрещенія, положительно и неоднократно подтвержденныя, дошло до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что многія общества и частные жители римско-католическаго исповѣданія дерзнули имѣть прямое сношеніе съ римскимъ дворомъ и его послами. Недовольный такимъ образомъ дѣйствій, Государь поручилъ мнѣ сообщить вашему преосвященству, чтобы вы имѣли строгое за этимъ наблюденіе, и сообщить вамъ порядокъ, какому вы должны слѣдовать въ этомъ отношеніи. Буде бы по ввѣренной управленію вашему митрополіи послѣдовало какое происшествіе, по свойству своему заслуживающее вниманія, или какое дѣло, требующее посредства римскаго двора, то епархіальный епископъ обязанъ отнестись

къ вамъ о томъ, дабы могли сами рѣшить, если существо дѣла непревосходитъ вашей власти, а въ противномъ случаѣ отнестись къ Императорскому министерству, которое, по испрошеніи Высочайшихъ повелѣній, неоставитъ предписать россійскому министру въ Римѣ о учиненіи при папскомъ дворѣ надлежащихъ представленій. Равнымъ образомъ, еслибы случилось (чего недолжно и предполагать), что римскій дворъ безъ всякаго къ постановленнымъ узаконеніямъ уваженія прислалъ прямо къ Вамъ, или какому нибудь изъ духовныхъ, или въ какой монастырь буллу, декретъ, или наставленіе, по какому бы то случаю нибыло; то, безъ упущенія времени, имѣете ваше преосвященство прежде всего представить таковую буллу къ свѣдѣнію Императорскаго министерства, не позволяя и не допуская никогда оглашать оной безъ особеннаго на то повелѣнія отъ верховнаго правительства». Тутъ же сдѣлана была такая прибавка: «чтобъ отнынѣ впредь симъ единымъ, а не инымъ путемъ, проходили всѣ дѣла, требующія сношенія между папою и церквами, или подданными римскаго исповѣданія, во всей имперіи находящимися (1)».

Въ нотѣ, данной Ареццо Воронцовымъ, въ назначеніи посланника русскаго въ Римъ (2), въ рескриптѣ Сестрен-

(1) Собр. Зак., г. 1803-й, Дек. 13, № 21078, рескриптъ митрополиту Сестренцевичу, о строжайшемъ запрещеніи всѣмъ обществамъ и частнымъ жителямъ римско-католич. исповѣданія имѣть непосредственное сношеніе съ римскимъ дворомъ. См. также имѣющуюся у меня рукопись о «духовномъ управленіи римско-католич. исповѣданія въ Россійской Имперіи».

(2) Посланникомъ въ Римѣ назначенъ былъ Бутурлинъ, но его посольство несостоялось въ это время, хотя ему дана была даже инструкція, какъ онъ долженъ былъ вести дѣла съ Римомъ и какія мысли проводить во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ (см. послѣдняя судьба папской политики въ Россіи, А. Н. Попова, стр. 125—126).

цевичу, во всѣхъ этихъ актахъ нашего правительства произнесенъ былъ смертный приговоръ нунціатурѣ Арецпо въ Россіи и пропѣтъ вѣчный реквіемъ римской нунціатурѣ въ Россіи вообще. Арецпо долженъ былъ оставить Россію, къ величайшей горести іезуитской партіи въ Россіи и враговъ Сестренцевича. Но чаша несчастія была еще выпита не до дна іезуитами, ихъ ждала еще бо̀льшая бѣда: подошло несчастное, какъ выражается Консальви въ своихъ мемуарахъ, дѣло Вернега ([1]), заставившее Россію прервать всякое сношеніе и съ самимъ Римомъ. Есть даже основаніе думать, что начавшіеся по этому случаю переговоры между русскимъ и римскимъ дворами и день ото дня принимавшіе все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, не остались безъ слѣда и вліянія на распоряженія и мѣры нашего правительства по отношенію къ нунціатурѣ Арецпо. По крайней мѣрѣ въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, мы, по свойственной намъ привычкѣ всегда показывать себя непомѣрно мягкими и черезчуръ деликатными къ представителямъ всѣхъ иновѣрныхъ обществъ, никакъ необнаружили бы столько рѣшимости и твердости въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Арецпо. Дѣло Вернега придало дѣйствіямъ правительства при этомъ случаѣ и силу, и особенную остроту.

Приключеніе съ Вернегомъ, послужившее причиною нашего разрыва съ римскимъ дворомъ, представляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ эпизодовъ нашей дипломатической исторіи царствованія Александра I-го. Вернегъ былъ одинъ изъ тѣхъ французскихъ эмигрантовъ, которые разсыпались по всей Европѣ въ наполеоновскую эпоху и мечтали о

([1]) Mémoires du Cardinal Consalvi, Tom II, pag 317. Консальви называетъ дѣло Вернега la déplorable aventure de Vernegues.

Verger

истребленіи сына революціи и самой революціи, составляли для этого разные проекты, устроивали машины, возбуждали къ этому другихъ, вербовали себѣ агентовъ и увѣряли всѣхъ въ скоромъ осуществленіи своихъ мечтаній. Портфель подобныхъ личностей всегда набитъ былъ проектами и огромной корреспонденціей. Въ 1802 г. кавалеръ де Вернегъ, какъ онъ называлъ себя, явился въ Римѣ съ графами Д'Авареи и Де-ля-Мезонфоръ, такими же эмигрантами и авантюристами, какъ онъ самъ. Какая-то роковая сила влекла Вернега къ сближенію съ русскимъ посольствомъ въ Римѣ. Въ это время было у насъ въ Римѣ два посланника—одинъ дѣйствительный или настоящій нашъ посланникъ при римскомъ дворѣ,—это графъ Кассини, другой графъ Лизакевичь, эксъ-посланникъ при Сардинскомъ королѣ, жившій въ Римѣ по случаю уничтоженія Сардинскаго королевства, и также принимавшій участіе въ посланническихъ дѣлахъ. Между этими двумя посланниками была постоянная вражда, и одинъ интриговалъ противъ другаго всѣми возможными способами. Къ Лизакевичу обратился Вернегъ съ просьбою о принятіи его въ число чиновниковъ его посольства. Лизакевичь охотно принялъ просьбу Вернега и французскій эмигрантъ сдѣлался нетолько русскимъ подданнымъ, но и чиновникомъ русскаго посольства. Хотя Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и сдѣлало Лизакевичу выговоръ за его самовольный и превышающій его власть поступокъ ([1]), но дѣло уже было сдѣла-

([1]) Арх. М. И. Дѣлъ, «Rome», г. 1802-й, №№ 52 и 59-й, гдѣ дѣлаетъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ выговоръ Лизакевичу, во первыхъ, за то, что онъ вмѣшивается не въ свои дѣла, именно римскія, во вторыхъ, за то, что принялъ въ службу Вернега и употребляетъ его при своей миссіи, тогда какъ, по выраженію Министра И. Д., нѣтъ никакой нужды для нашего двора умножать на содержаніи своемъ число эмигрантовъ.

но и поворотить его было нельзя. Такимъ образомъ Вернегъ сдѣлался русскимъ чиновникомъ и спокойно являлся вездѣ, на всѣхъ улицахъ Рима и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ въ русскомъ мундирѣ. Между тѣмъ надъ нимъ собралась страшная гроза: 26-го Октября 1803 г. пріѣхалъ къ французскому посланнику въ Римѣ, кардиналу Фешу, чрезвычайный курьеръ изъ Парижа. Этотъ посланецъ привезъ отъ перваго консула Франціи самый строгій приказъ посланнику потребовать отъ римскаго правительства арестованія и немедленной выдачи французскаго эмигранта, кавалера де-Вернега. Въ депешѣ, присланной Фешу, говорилось положительно, что въ рукахъ перваго консула находятся рѣшительныя улики и несомнѣнныя доказательства того, что Вернегъ злоумышлялъ и теперь еще злоумышляетъ на жизнь Наполеона, и что онъ стоитъ во главѣ страшнаго заговора, слѣды и сѣти котораго французскому правительству непремѣнно нужно открыть. Преступленіе, взводимое на Вернега, было таково, что по законамъ международнаго права преступникъ долженъ быть выданъ римскимъ правительствомъ французскому, съ которымъ первое находилось въ дружественныхъ отношеніяхъ. Губернатору Рима дано было повелѣніе отъ папы арестовать Вернега. Кардиналъ Фешъ утверждалъ, что Вернегъ находится въ Римѣ. Замѣчательно то, что Вернегъ хорошо зналъ о сдѣланныхъ римскимъ правительствомъ распоряженіяхъ арестовать его, но, не смотря на это, не только не думалъ скрываться, но еще нарочно старался показываться во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ и собраніяхъ. Но начальникъ римскихъ сбировъ Баргелло, на котораго возложена была обязанность арестовать Вернега, никакъ не могъ схватить его; онъ всегда, по какому-то стеченію обстоятельствъ, ускользалъ изъ рукъ полиціи, и, послѣ

тщетныхъ усилій поймать его, полиція римская пришла наконецъ къ такому убѣжденію, что Вернегъ оставилъ Римъ. Въ такомъ смыслѣ римское правительство отвѣчало и Фешу. Дядя Наполеона, извѣщаемый своими агентами о пребываніи Вернега въ Римѣ, въ тоже время давимый настояніями и гнѣвными приказами своего племянника, упорно требовалъ отъ папы арестованія Вернега. Наконецъ Вернегъ былъ схваченъ и арестованъ. Мы не можемъ утверждать того, знало, или незнало римское правительство о принятіи Вернегомъ русскаго подданства—Консальви говоритъ, что незнало,—только этимъ римскій дворъ поставилъ себя въ самое затруднительное и почти безвыходное положеніе ([1]). Предлагали было Вернегу бѣжать и давали всѣ средства къ тому, но тотъ, почитая себя безопаснымъ подъ русскою кокардою, упорно отказывался отъ дѣлаемаго ему предложенія. Папа былъ поставленъ такимъ оборотомъ дѣла въ такое затрудненіе,что почелъ необходимымъ лично объясниться съ кардиналомъ Фешемъ. Напрасно при этомъ свиданіи Пій VII представлялъ французскому посланнику безвыходность своего положенія и трудное стеченіе обстоятельствъ, Фешъ оставался непреклоненъ и на всѣ представленія папы отвѣчалъ съ корсиканскимъ нетерпѣніемъ—требованіемъ выдачи Вернега, какъ французскаго дезертира и притомъ злоумышленника на жизнь перваго консула и, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, прибавлялъ, что въ рукахъ консула находятся несомнѣнныя доказательства преступности Вернега, и что выдачи Вернега онъ требуетъ во имя

([1]) Исторія съ Вернегомъ подробно разсказана Консальви въ его мемуарахъ, tom II, pag. 317—338, также въ арх. М. И. Д. «Rome», № 86, 1804-й годъ. Въ нашемъ министерствѣ находится довольно значительная корреспонденція Вернега.

международнаго права. Наконецъ въ заключеніе Фешъ сказалъ папѣ, что онъ завтра же оставитъ Римъ, если папа невыдастъ ему Вернега. Подъ этою угрозою папа немогъ болѣе крѣпиться; онъ обѣщалъ Фешу выдать Вернега, но не выдавалъ, а посадилъ его только въ крѣпость Ангела, надѣясь, что Вернегъ убѣжитъ оттуда и этимъ избавитъ римскій дворъ отъ той неразрѣшимой дилеммы, которая образовалась для него по несчастному стеченію обстоятельствъ. Между тѣмъ Феликсъ Помароли поскакалъ отъ папы чрезвычайнымъ курьеромъ въ Петербургъ; въ тоже время летѣли курьеры въ Петербургъ отъ посланниковъ нашихъ Кассини и Лизакевича. Папскій курьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ прежде курьеровъ Кассини и Лизакевича. Реляція папская представляла дѣло такъ, что римскій дворъ выходилъ правъ въ дѣлѣ Вернега. Депеша Кассини была также болѣе примирительнаго и успокоивающаго свойства, чѣмъ раздражающаго. Но не таково было донесеніе Лизакевича. Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство: въ это же время получено было русскимъ правительствомъ извѣстіе объ арестованіи въ Саксоніи француза, тоже русскаго подданнаго, графа д'Энтрега. Раздраженный совпаденіемъ этихъ двухъ событій и подъ впечатлѣніемъ донесенія Лизакевича, русскій дворъ отвѣчалъ папѣ, что, не смотря на всѣ обстоятельства, побудившія римское правительство арестовать Вернега, онъ тѣмъ не менѣе почтетъ себя оскорбленнымъ, если папа выдастъ французамъ Вернега, а не самъ будетъ судить его въ Римѣ. Римскій дворъ умолялъ русскій пощадить его и извинить въ его дѣйствіяхъ; послалъ въ Петербургъ другаго курьера съ меморіей, гдѣ представлялъ гнетъ на него французскаго правительства, угрожающаго ежеминутно напасть на Римъ; въ тоже время посланъ былъ курьеръ и во Францію съ подобными же мольбами къ кон-

сулу. Но русскій Императоръ и французскій консулъ оставались непреклонными и каждый стоялъ на своемъ. Вражда между обоими дворами—французскимъ и русскимъ дошла до такой возбужденности, что ни тотъ, ни другой нехотѣли уступить другъ другу. Положеніе папы было между молотомъ и наковальней. Но Россія хотя и была страшна для папы, но была отдѣлена отъ Рима нѣсколькими тысячами верстъ, а Франція уже грозно стояла съ своими войсками у самыхъ воротъ Рима и занимала большую часть Италіи; слѣдовательно тяготѣніе и давленіе на папу перваго консула было страшнѣе, а потому въ своемъ критическомъ положеніи папа склонился на то, чтобы угодить Франціи и сдѣлать непріятность Россіи (¹). Вернегъ взятъ былъ изъ крѣпости Ангела, перевезенъ въ Пезаро и тамъ переданъ французскимъ солдатамъ. Съ непріятною вѣстію о выдачѣ французамъ Вернега папа отправилъ въ Петербургъ нарочнаго курьера. Съ курьеромъ послано было письмо папы къ Императору Александру I-му, но отвѣта на него не было дано отъ русскаго правительства, или лучше на него отвѣчали рескриптомъ на имя Сестренцевича, извѣщающимъ о прекращеніи всякихъ нашихъ сношеній съ римскимъ дворомъ и о предоставленіи вслѣдствіе этого разрыва особенныхъ правъ митрополиту въ управленіи имъ латинскою церковію въ Россіи (²). Замѣчателенъ проектъ этого рескрипта, и мы хо-

(¹) Mèmoires du Cardinal Consalvi, tom. II, pag. 331—336.

(²) Собр. Зак. № 21421, г. 1804, такъ же дѣло въ рим.-кат. колл. подъ № 992-мъ, г. 1804, о предоставленіи власти митрополиту отъ папы Пія VI доставленной, гдѣ приведенъ самый рескриптъ. «Господинъ митрополитъ римскихъ въ Россіи церквей Сестренцевичь! Признавъ за благо прервать всякія съ римскимъ дворомъ сношенія, доколѣ продолжатся обстоятельства, къ тому насъ побудившія, повелѣваемъ, чтобы вы, яко митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Имперіи нашей, имѣли бдительное по-

тимъ познакомить съ содержаніемъ его нашихъ читателей. «Совершенная подчиненность римскаго двора французскому, пишетъ нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, показывала намъ уже съ нѣкотораго времени необходимость прекратить политическія сношенія, между нами и папою существующія. Болѣзнуя объ утѣсненномъ состояніи Государя сего, сколь ни желали Мы отклонить таковое печальное событіе, но недавнее происшествіе, ознаменовавъ нетокмо чрезмѣрное вліяніе перваго консула на державу сію, но даже безпредѣльное ему порабощеніе папы римскаго, пожертвовавшаго справедливостію и человѣколюбіемъ въ угожденіе частному мщенію, рѣшило Насъ неотлагать болѣе мѣры, хотя строгой, но неизбѣжной. Вслѣдствіе сего, уничтоживъ взаимныя миссіи, объявили папѣ, что прежнія съ нимъ сношенія не прежде возобновлены будутъ, какъ когда освободится онъ отъ ига чужеземнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ получимъ Мы удостовѣреніе, что происшествія, подобныя возбудившему негодованіе Наше, въ Римѣ болѣе мѣста имѣть не будутъ. Увѣдомляя васъ о семъ, повелѣваемъ, чтобы вы, яко верховный пастырь въ имперіи Нашей христіанскаго стада римскаго исповѣданія, приняли нужныя мѣры къ безпрепятственному прохожденію возложеннаго на васъ важнаго служенія и пеклись объ отвращеніи всякихъ неудобствъ, на пути вамъ встрѣтиться могущихъ. А

печеніе, дабы подданные Наши римскаго исповѣданія, какъ духовнаго званія, такъ и свѣтскаго, неоставались въ нуждахъ своихъ безъ справедливаго удовлетворенія, и на таковой конецъ имѣете употреблять всѣ права и преимущества, и власть отъ папы Пія VI вамъ доставленныя. Дознанное усердіе ваше къ службѣ Нашей есть вѣрнымъ для насъ залогомъ, что благоразумнымъ употребленіемъ власти, вамъ ввѣряемой, всероссійскія римско-католическія епархіи, подъ надзоромъ вашимъ состоящія, сохранятъ надлежащее устройство и тишину.»

дабы подданные Наши римско-католическаго исповѣданія, какъ духовные всякаго званія, такъ и свѣтскіе, прибѣгающіе къ вамъ въ нуждахъ своихъ, неоставались безъ справедливаго оныхъ удовлетворенія, повелѣваемъ, чтобы во все время остуды Нашей съ римскимъ дворомъ употребляли вы всѣ права, преимущества и власть, отъ папы Пія VI вамъ доставленныя. Благочестіе ваше и дознанное усердіе къ россійскому престолу служатъ Намъ залогомъ, что благоразумнымъ употребленіемъ власти вашей всѣ россійскія римско-католическія епархіи, управленію и надзору вашему ввѣренныя, сохранятъ надлежащее устройство и тишину (1)». Партія іезуитская была озадачена и встревожена

(1) См. М. И. Д. С. П. Г. А., г. 1804, № 11—19. О прекращеніи всѣхъ сношеній съ римскимъ дворомъ и объ обязанностяхъ митрополита Сестренцевича вслѣдствіе сего разрыва.

Примѣчаніе. На основаніи правъ, предоставленныхъ Піемъ VI Сестренцевичу, послѣдній получилъ полную власть опредѣлять къ приходамъ священниковъ, роздавать каноничества, прелатства, утверждать настоятелей въ монастыряхъ, смѣнять ихъ, разсматривать монастырскіе доходы и расходы, посѣщать церкви и монастыри, исправлять замѣченныя въ нихъ злоупотребленія, рѣшать дѣла бракоразводныя, давать позволеніе на вступленіе въ бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства, преподавать благословеніе умирающимъ съ совершенною индульгенціей, производить по установленной формѣ такъ называемый каноническій процессъ о способностяхъ и качествахъ нареченныхъ во епископа кандидатахъ, относиться ко всѣмъ латинскимъ епископамъ россійской имперіи, какъ митрополиту къ своимъ викарнымъ епископамъ, секуляризировать монаховъ и проч. (см. извѣстное «изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія»..; также рукопись «о соглашеніяхъ между римскимъ дворомъ и Россіей», также «о духовномъ управленіи римско-католическаго исповѣданія въ россійской имперіи»; «Vicissitudes de l'église Catholique des deux rites en Pologne et en Russie, tom. II. pag. 297.» Le métropolitain Stanislaus Siestrzencevicz profita du rappel du légat apostolique Litta, pour augmenter de jour en jour son pouvoir. Il aspirait au gouvernement absolu des Églises catholiques des deux rites en Russie... Siestrzencewicz

совершавшимися въ глазахъ ея явленіями и разражавшимися надъ ея головою ударами, но она на столько чувствовала прочною подъ своими ногами почву, на столько познакомилась съ характеромъ русскаго правительства и со всѣми высшими слоями петербургскаго общества, что не была поражена всѣмъ этимъ до столбняка, не опустила ни головы, ни рукъ своихъ. Она, можно сказать, болѣе приведена была въ бѣшенство отъ всѣхъ этихъ событій, чѣмъ поражена; она злилась, и злоба ея придавала ей силу и возбуждала въ ней энергію. Въ злобѣ своей она старалась оппонировать Сестренцевичу вездѣ, не соглашаться съ нимъ ни въ чемъ, придираться къ нему во всемъ и все дѣлать наперекоръ ему, однимъ словомъ, показывать ему, что, не смотря на права представленныя ему государственною властію имперіи, онъ для нея оттого не сталъ выше, но напротивъ она считаетъ его еще ниже, нежели онъ былъ до удаленія Ареццо и прерванія сношеній Россіи съ римскимъ дворомъ. Такое отношеніе іезуитской партіи къ Сестренцевичу всего ярче и выпуклѣе обрисовывалось и выдавалось въ коллегіи. Здѣсь іезуитская партія воздвигала препятствія митрополиту на каждомъ шагу: она не соглашалась на представленіе

ne s'en tint pas là; sa colère contre le nonce et le saint siège ne connut plus de bornes lorsqu'il se vit réfuser, par bref du 24 juillet 1802, la confirmation des pleins pouvoirs qu'il avait obtenus de Pie VI pour trois ans, sur toutes les institutions cloîtrées et régulières. Ce refus fut maintenu, malgré qu'il renouvelât auprès de Pie VII sa demande avec celle de pouvoirs plus étendus encore... Ces pouvoirs, que Rome lui refusait avec raison, puisqu'il en faisait un si cruel abus, Siestrzencewicz se les fit accorder par l'Empereur dans l'oukase du 16 Août 1804.» Изъ этого необширнаго отрывка видна вся злоба іезуитской партіи противъ Сестренцевича и открывается ихъ взглядъ на права, дарованныя ему Государемъ Александромъ I-мъ.

въ кандидаты для присутствованія въ коллегіи лицъ, рекомендуемыхъ Сестренцевичемъ, дѣлала возраженія на его опредѣленія, попирала его права и въ тоже время кричала всякому встрѣчному и поперечному о преобладающемъ вліяніи митрополита въ коллегіи и давленіи его надъ прочими членами этого учрежденія. Выходки этой партіи иногда были такъ дерзки и вызывательны, что иногда выводили митрополита изъ себя и заставляли его горячиться. Митрополитъ по необходимости долженъ былъ иногда оставлять предоставленные ему закономъ пути для обнаруженія его власти, или для осуществленія своихъ плановъ, а долженъ былъ прибѣгать къ тайному, неформальному и косвенному образу дѣйствованія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ всегда находилъ поддержку, совѣтъ, ободреніе, или благоразумное предостереженіе у министра юстиціи, князя Лопухина (1). Только при содѣйствіи его, Сестренцевичь могъ въ коллегіи помѣстить, на мѣсто отставленныхъ членовъ, ходя одного изъ преданныхъ себѣ (2); только при его же посредствѣ опредѣленія митрополита на дѣлахъ коллегіи, оспариваемыя почти постоянно іезуитскою партіей, утверждались сенатомъ и удостоивались Высочайшей санкціи. Буря, происшедшая въ коллегіи по случаю избранія въ кандидаты на должность ассесора Станкевича, наглость, съ которою дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ іезуитскаго партія противъ митрополита, заставила послѣдняго болѣе и болѣе заключаться въ себя, дѣлаться скрытнѣе и таинственнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ помощникамъ, а въ тоже

(1) См. Zbiór Wiadomości o Kościele i religii... Отдѣлъ X.

(2) Лопухинъ, не смотря на расположеніе свое къ іезуитамъ, принужденъ былъ во многомъ отказывать имъ и охладѣть къ нимъ, возмущенный ихъ наглостію и несправедливостями ихъ по отношенію къ митрополиту.

время попытаться стать истиннымъ главою латинской церкви въ Россіи и совершенно оградить свои права отъ всякихъ нападеній не только со стороны своихъ подчиненныхъ, но и Рима, вмѣшательство котораго во внутреннее управленіе латинской церкви въ Россіи главнымъ образомъ и питаетъ антагонизмъ латинскаго духовенства къ своему митрополиту.

Тайно отъ всѣхъ членовъ коллегіи Сестренцевичъ составилъ записку о состояніи церковнаго латинскаго управленія и проектъ преобразованія его, сообразно съ интересами Государства, а не съ стремленіями и замыслами Рима. Въ запискѣ предполагаются реформы латинской церкви въ Россіи такого рода, что онѣ обнимаютъ не только высшія сферы церковнаго управленія, но и даже церковное хозяйство. Говоря о необходимости реформированія коллегіи, Сестренцевичъ пишетъ, что въ настоящее время члены коллегіи болѣе служатъ представителями своихъ епархій и защитниками злоупотребленій и безпорядковъ духовенства, чѣмъ правдивыми и безпристрастными судьями; они не знаютъ законовъ государственныхъ и не умѣютъ прилагать ихъ къ дѣлу, многіе изъ членовъ не владѣютъ даже русскимъ языкомъ, тогда какъ въ коллегіи все дѣлопроизводство совершается на этомъ языкѣ. А потому, дѣлаетъ такой выводъ Сестренцевичъ изъ этой посылки, необходимо, чтобы члены коллегіи назначались не по выбору, а по Высочайшимъ указамъ, и чтобы число ихъ было уменьшено на половину, т. е. чтобы вмѣсто 8 было только 4. Далѣе Сестренцевичъ предлагаетъ подчинить монашескіе ордена епархіальнымъ епископамъ, уничтожить право патронатства; расширитъ права митрополита въ разрѣшеніи браковъ, снятіи обѣтовъ; также проситъ дать ему власть посвящать во епископы, какъ примасу, или легату a latere, и какъ дано

это право греко-унитскому митрополиту. О церковномъ имуществѣ Сестренцевичъ разсуждаетъ такъ, что оно не есть исключительная собственность извѣстной церкви, или извѣстнаго монастыря, но составляетъ собственность всего духовенства вообще. Управленіе церковными имуществами, пишетъ митрополитъ, нужно изъять изъ вѣдома экономовъ духовныхъ, а поручить его особой коммиссіи, составленной изъ двухъ членовъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ, по опредѣленію правительства. Коммиссія эта должна раздѣлять безпристрастно доходы съ этихъ имѣній между духовенствомъ, по нуждамъ и заслугамъ каждаго, а излишекъ отъ этихъ доходовъ долженъ быть отсылаемъ въ банкъ для приращенія и образованія капитала на непредвидѣнные случаи (¹). Записку эту Сестренцевичъ пред-

(¹) См. Catholicisme Romain en Russie, par Tolstoy, tom. II, pag. 150—153; такъ же Wiadomości niektóre do dziejów Kościoła Katolickiego, стр. 44—54.

Примѣчаніе. Мысль объ отобраніи имуществъ отъ латинскихъ монастырей и церквей была въ это время въ большомъ ходу. Даже Овцынъ, прокуроръ латинской коллегіи, представлялъ объ этомъ особой запиской Государю Александру I-му. Но какъ почитатель іезуитовъ, онъ дѣлаетъ исключеніе при этомъ въ пользу одного только іезуитскаго ордена. Такъ какъ записка Овцына составляетъ рѣдкость, а въ тоже время заключаетъ въ себѣ много интереснаго, то мы сдѣлаемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ. «По присоединеніи къ россійской державѣ разныхъ провинцій и областей отъ бывшаго королевства Польскаго, духовенство католическаго и унитскаго исповѣданій оставлено при прежнихъ владѣніяхъ и имуществахъ, говоритъ Овцынъ, кои въ разныя времена благочестивыми дателями церквамъ и монастырямъ посвящены были. Управленіе сихъ имѣній, составляя преимущественный предметъ занятій духовенства, было и есть непосредственною причиною многихъ тяжбъ, даже доселѣ непрерывно возникающихъ. Тяжбы сіи нерѣдко раждали несогласія и вражды между служителей церкви; нерѣдко возбуждали распри между подчиненныхъ и начальства и нерѣдко возстановляли самихъ прихожанъ противу пастырей

ставилъ Лопухину для доклада Государю; при этомъ митрополитъ просилъ министра юстиціи, чтобы онъ сохранялъ ее въ глубокой тайнѣ до тѣхъ поръ, пока она неудостоится Высочайшаго утвержденія.

своихъ. Таковымъ образомъ достояніе благочестивыхъ дателей, для благолѣпія церквей посвященное, обратилось въ семя раздора, толико истинному благочестію чуждаго. Событіе сего утверждается многими примѣрами процессовъ, въ римско-католической духовной коллегіи производившихся.

«Переходя отъ сего начальнаго обозрѣнія дѣлъ духовенства къ внутреннему управленію ихъ имѣніями, еще непріятнѣйшія встрѣчаются происшествіи, не только стыдъ состоянію сему наносящія, ибо изъ донесеній, отъ самыхъ начальствъ духовныхъ въ коллегію доставляемыхъ, видно: 1) что многіе пріоры монастырей и монашествующіе въ оныхъ предавались праздной и невоздержной жизни, вовся оставили исполненіе фундушевыхъ обязанностей, презрѣли уставы и предписаніи сана своего, а имѣнія довели до совершеннаго разоренія; 2) не токмо въ распоряженіяхъ доходами, но и въ самыхъ отчетахъ, вездѣ встрѣчаются упущеніи и недостатки, какъ то: во многихъ мѣстахъ фундушовыя крестьянскія души показаны невѣрно, и въ нѣкоторыхъ, неизвѣстно почему, вовсе пропущены, въ нѣкоторыхъ же означается совсѣмъ другое количество, нежели какъ прежде показано было, а по какимъ обстоятельствамъ таковое несходство произошло, о томъ никакого поясненія неимѣется; равнымъ образомъ, какъ бѣлаго, такъ и монашескаго, духовенства суммы либо показаны несходно съ прежними вѣдомостями, безъ объясненія тому причины, либо и вовсе неозначены, а равно и о процентахъ въ иныхъ мѣстахъ ничего несказано, а въ другихъ упомянуто только, что отъ нѣсколько и болѣе лѣтъ неполучаютъ, безъ прописанія однакожъ обстоятельствъ, почему таковая неуплата происходитъ; тоже самое примѣчается о суммахъ, показанныхъ невѣрными и пропадшими, поелику вовся необъяснено, по какимъ причинамъ и когда оныя сдѣлались невѣрными или пропадшими, кѣмъ и на какомъ обезпеченіи были отданы, и почему доходъ отъ оныхъ неполучается, или оспаривается. А въ разсужденіи расходовъ на содержаніе церквей индѣ двоякія суммѣ показаны.

«Убѣждаясь толь многоразличными безпорядками въ образѣ жизни духовенства и упущеніями въ управленіи имѣній ихъ встрѣчающимися, первою обязанностію моею счелъ я наблюсть и настоять, дабы къ возможному

*

Но Сестренцевичу нужно было бояться нескромности не со стороны министра Лопухина, а взять мѣры противъ домашней измѣны. Разсказъ о тѣхъ пріемахъ и тѣхъ средствахъ, какіе употреблены были іезуитами, чтобы выпы-

поправленію сихъ безпорядковъ сдѣлано было немедленное со стороны коллегіи распоряженіе и нужныя предписанія мѣстнымъ начальствамъ. Поелику же по всѣмъ замѣчаніямъ моимъ, донесенія, въ коллегію доставляемыя, не во всѣхъ частяхъ обнаруживаютъ неустройства, въ дѣлахъ римско-католическаго духовенства скрывающіяся, то непремѣннымъ долгомъ поставилъ я себѣ употребить осторожныя и приличныя средства извѣдать постороннимъ образомъ всѣ подробности о поведеніи ихъ и образѣ жизни, о правилахъ непремѣнныхъ и произвольно постановляемыхъ, о выгодахъ, кои имъ по узаконеніямъ принадлежатъ и кои ими по злоупотребленію пріобрѣтаются; словомъ, о всѣхъ обстоятельствахъ, кои для свѣдѣнія правительства нужны. Все то заключается въ слѣдующемъ:

Первое: духовенство католической религіи раздѣляется на два обряда, а именно: санъ монашествующій и санъ свѣтскій. Чины сего послѣдняго, по безбрачности своей, составляя, такъ сказать, бѣлое монашество, большею частію живутъ въ данныхъ имъ бенефиціяхъ и управляютъ имѣніями на правахъ владѣльцевъ, неоскорбляя ничьей личности, а по естественному положенію и слабостямъ человѣчества заключать должно, что таковой образъ жизни, сближаясь совершенно со всѣми случаями мирскихъ искушеній и соблазновъ, нерѣдко можетъ подвергать и самыхъ твердыхъ правилъ человѣка невольному и почти неизбѣжному преткновенію; а сіе во всякомъ уже случаѣ влечетъ за собою нареканіе насчетъ духовенства и даже оскорбленіе самой религіи. Духовенство монашествующее хотя и не имѣетъ всегдашняго пребыванія въ принадлежащихъ монастырямъ имѣніяхъ, но вмѣсто сего употребляетъ изъ себя для надзиранія за крестьянами собратій своихъ, кои, большею уже частію, ведутъ жизнь внѣ монастырей въ селеніяхъ, и совершенно уже, какъ многія донесенія ихъ начальствъ невольно свидѣтельствуютъ, удаляются отъ правилъ благочестія и жизни иноческой. Духовенство уніатскаго исповѣданія—монашествующіе во всемъ сходствуютъ съ католическими, а бѣлые, будучи женаты, живутъ въ приходахъ, управляютъ имѣніями и также весьма часто непозволеннымъ обращеніемъ съ крестьянами навлекаютъ справедливое на себя сѣтованіе.

Второе: женскій полъ владѣетъ имѣніями на тѣхъ же правахъ, какъ

тать тайну записки, поданной митрополитомъ Лопухину, притомъ разсказъ самаго виновника всей этой исторіи или продѣлки, поражаетъ всякаго своею циническою откровенностію. Въ нашей повѣсти объ этомъ событіи мы будемъ

и мужескій. Управленіе ихъ производится большею частію чрезъ прокураторовъ. Сіе намѣстничество управителей, по ихъ избранію совершаемое, ежели недѣлаетъ предосужденія на счетъ образа жизни самихъ владѣтельницъ, то безъ сомнѣнія тяготитъ судьбу крестьянъ ихъ, поелику временный наемникъ естественно не можетъ имѣть того попеченія о благосостояніи крестьянъ, каковое обязывается имѣть самъ владѣлецъ, а при томъ и присмотръ за управленіемъ сихъ наемниковъ по слабости пола самихъ владѣлицъ не можетъ быть достаточенъ.

Третіе: имѣній недвижимыхъ, во владѣніи духовенства состоящихъ, у монаховъ и монахинь 73.741 душа, у бѣлаго духовенства 68.249 душъ мужеска пола, а всего за ними 141.990 душъ; сверхъ сего капиталу серебряною монетою наличнаго у монаховъ и монахинь 2.906.231 рубль, да у бѣлаго духовенства 1.295.807 рублей, а всего 4.202.038 рублей. Всѣ сіи сокровища довольствуютъ 3402 монаха, 661 монахиню, да бѣлаго духовенства 4028, а всѣхъ вообще 8091 человѣкъ. Изъ общаго обозрѣнія состоянія имѣній Латинской церкви Овцынъ дѣлаетъ такіе выводы: 1) всѣ имѣнія, состоящія во владѣніи духовенства, взять въ управленіе казенное (исключеніе изъ этой общей мѣры онъ готовъ сдѣлать въ пользу іезуитскаго ордена); 2) для доставленія приличнаго и сообразнаго съ достоинствомъ каждаго духовнаго лица содержанія и обезпеченія его въ нуждахъ жизни, необходимо составить приличные штаты и въ нихъ постановить, чтобы, по соразмѣрности народа учреждено было число епархій, въ нихъ назначить число архіереевъ, домовъ архіерейскихъ, число монастырей, раздѣливъ оные на классы 1-й, 2 й и 3-й степени. Въ сихъ монастыряхъ будутъ вмѣщаться ордена, каждый при своемъ начальствѣ и на своихъ правилахъ и каноническихъ постановленіяхъ. Таковое учрежденіе распространить и на монашество женскаго пола. Опредѣлить извѣстное число приходовъ и бенефицій, кои прелаты, каноники и прочіе чины занимать должны, и снабдивъ каждый приходъ опредѣленнымъ жалованьемъ, устранить ихъ отъ всѣхъ занятій мірской жизни. Симъ образомъ, во первыхъ, приведется въ извѣстность все состояніе духовенства, устроится нѣкоторая связь и соотношеніе въ общемъ ихъ числѣ, уравнится каждый монастырь и орденъ въ содержаніи, огра-

стараться удержать типическія черты самаго этого разсказа. Разкащикъ этотъ іезуитъ Шантырь, взысканный милостями отъ Сестренцевича, который сдѣлалъ его членомъ коллегіи и далъ ему даже помѣщеніе въ своемъ домѣ. Особенная сосредоточенность митрополита въ себѣ и необычная замкнутость обратили на себя тщательное вниманіе іезуитской партіи; начались подсматриванія, вывѣдыванія;

ничится произвольный наборъ монашества, до того умножившійся, что число онаго, не смотря на малое пространство областей, въ коихъ живутъ (sic) несравненно превосходное число всѣхъ монашествующихъ греко-россійской церкви, какъ изъ прилагаемыхъ при семъ вѣдомостей видно; а при томъ и выгоды ихъ такъ несоразмѣрны, что иные совершенно утопаютъ въ изобиліи, а другіе и дневнаго почти пропитанія лишаются, хотя всѣ суть служители единыя церкви.

Четвертое: Сдѣлать непремѣнныя постановленія, при какихъ монастыряхъ быть семинаріямъ; какія преподавать въ оныхъ науки, и опредѣлить на содержаніе ихъ жалованье такъ, какъ все учреждено въ имперіи россійской,—и, кажется, необходимость требуетъ, подчинить оныя нѣкоторымъ образомъ министру просвѣщенія, сколько потому, чтобы надзирать, дабы между истиннымъ просвѣщеніемъ невкрадывалось поученій соблазнительныхъ и пагубныхъ, столько наипаче потому, что обыкновенно въ семинаріяхъ польскихъ воспитывается все шляхство, къ службѣ приготовляемое.

Пятое: Капиталы, духовенству принадлежащіе, оставивъ при нихъ нужное число на украшеніе и содержаніе, соединить въ общую сумму и, отдавъ въ вѣдомство общихъ въ государствѣ остаточныхъ суммъ, проценты обращать какъ на содержаніе самихъ монастырей, семинарій, бѣлаго духовенства, такъ и на основаніе богоугодныхъ заведеній въ прочномъ, постоянномъ и благопристойномъ видѣ. Поелику же изъ капиталовъ духовенства знатныя суммы, простирающіяся до двухъ милліоновъ рублей серебромъ, почитаются иныя невѣрными, а другія вовся потерянными, а также не маловажная часть въ займахъ у самого духовенства, то гражданскому начальству на мѣстѣ съ епархіальнымъ архіереемъ употребить приличныя мѣры къ возвращенію сихъ капиталовъ въ общую массу». Овцынъ во взглядѣ своемъ на имѣнія латинск. церкви въ Россіи почти совершенно сходится съ Сестренцевичемъ.

за этимъ появились разные слухи, предположенія о замыслахъ митрополита произвесть значительныя реформы въ латинской церкви. Іезуиты отличаются искусствомъ шпіонства и выпытыванія тайнъ; у нихъ были друзья во всѣхъ сферахъ петербургскаго общества; іезуиты и агенты ихъ бросились по всѣмъ мѣстамъ Петербурга, чтобы собрать свѣдѣнія о проектѣ реформы или запискѣ Сестренцевича, наконецъ разными путями дошли до увѣренности въ дѣйствительномъ существованіи проекта. Содержаніе проекта было такъ грозно для іезуитовъ и всего латинскаго духовенства, что члены коллегіи и партія іезуитская готовы были думать, что слухи и молва какъ обыкновенно, преувеличили его. Но съ другой стороны неотразимо стоялъ предъ ихъ воображеніемъ вопросъ: «а что будетъ, если эти слухи не преувеличены? Что, если этотъ проектъ будетъ утвержденъ Государемъ»? Пришли враги митрополита послѣ разныхъ совѣщаній къ такому рѣшенію: нужно достать во чтобы то ни стало самый проектъ Сестренцевича. У митрополита былъ въ родѣ секретаря нѣкто Сѣрпинскій; у Сѣрпинскаго былъ писаремъ нѣкто бѣднякъ Курдюковъ. Этотъ копіистъ или писарь владѣлъ прекраснымъ почеркомъ; Сѣрпинскій и митрополитъ обыкновенно давали ему переписывать всѣ бумаги, представляемыя отъ митрополита Государю, министрамъ и другимъ высшимъ лицамъ. Курдюковъ былъ сирота, получалъ самое ограниченное содержаніе или жалованье отъ митрополита. Вѣроятно, неминовала рукъ Курдюкова переписка послѣдней записки митрополита къ Лопухину; Курдюковъ долженъ знать содержаніе ея разсуждали враги митрополита. Но какимъ способомъ узнать это отъ Курдюкова, и какъ достать хотя бы копію съ этой записки? Надъ рѣшеніемъ этого вопроса іезуиты не долго задумывались: имъ хорошо извѣстна была

та почти повсемѣстная и поголовная язва нашего чиновничества, которая составляетъ рѣдкость въ другихъ странахъ Европы, или по крайней мѣрѣ исключеніе изъ общаго правила, а не правило,—язва извѣстная подъ именемъ взяточничества или подкупа и заражавшая въ то время не только темные и нищенскіе углы чиновническаго міра, но и высшіе, даже министерскіе посты. Іезуиты знали, сколько темныхъ дѣлъ совершили они въ Россіи посредствомъ подкупа русскихъ министровъ и самыхъ вліятельныхъ тузовъ въ высшихъ сферахъ,—они знали это и смѣло употребили это средство по отношенію къ темному и бѣдному Курдюкову. Если глаза многихъ русскихъ министровъ разгарались при видѣ порядочныхъ кушей золота и люди болѣе обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ Курдюковъ, продавали и тайны государственныя, и интересы своего отечества (1); то трудно будетъ какому нибудь тем-

(1) Записки Державина рисуютъ предъ нами многихъ государственныхъ мужей Александровской эпохи съ этой безобразной стороны; см. также Materiaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Theodore Rostoptchine, rassemblés par son fils, pag. 461; также записки Анастасевича и разсказы въ нихъ о Чичаговѣ и другихъ личностяхъ царствованія Александра I-го; записка А. И. Тургенева, въ которой онъ по матеріаламъ, извлеченнымъ имъ изъ англійскаго министерства, представляетъ неопровержимые факты взяточничества многихъ нашихъ министровъ, посланниковъ и другихъ высшихъ лицъ александровской эпохи; также «La Russie en 1812, Rostoptschine et Koutousof, par Schnitzler, 1863, pag. 60—61. Въ приведенныхъ нами выше матеріалахъ для будущей біографіи Ростопчина знаменитый главнокомандующій Москвы въ 1812-мъ г. такъ описываетъ современныхъ ему русскихъ дипломатовъ: «Parmi nos diplomates la moitié se compose de coquins. Pour le malheur de notre patrie, les postes les plus importants y sont occupés par des personnages, qui ne pensent nullement aux interêts de l'Empereur, ni à ceux de la Russie, mais qui restent à leurs places par ce qu'ils y trouvent leur profit personnel (pag. 511).

ному чиновнику удержаться отъ искушенія, при видѣ нѣсколькихъ рублей, и не выдать какой угодно ввѣренной ему тайны. Шантырь началъ особенно ласкать Курдюкова и фамильярничать съ нимъ; въ разговорахъ о томъ и о семъ лукавый іезуитъ навелъ простака Курдюкова на разсказъ о бумагахъ, недавно переписанныхъ имъ. «Въ это время, пишетъ разскащикъ-іезуитъ, Курдюковъ весьма нуждался въ деньгахъ на лекарства,—онъ былъ боленъ чахоткою». Когда несчастный проговорилъ только слово о запискѣ митрополита, переписанной имъ въ числѣ прочихъ бумагъ, іезуитъ какъ хищный ястребъ, бросающійся на свою добычу, тотчасъ пользуется этою минутою, предлагаетъ ему деньги, не въ долгъ, а въ даръ, но только съ однимъ условіемъ, если онъ доставитъ ему копію съ митрополичьей записки. Курдюковъ, подъ гнетомъ нищеты, болѣзни, подъ обояніемъ вкрадчиваго и вползающаго въ душу іезуита, обѣщался исполнить просьбу Шантыря—и дѣйствительно продалъ іезуитамъ тайну и предалъ имъ митрополита. Таже михинація употреблена была іезуитами и съ такими же счастливыми послѣдствіями для полученія копіи съ записки митрополита въ министерствѣ юстиціи. Когда іезуитская партія овладѣла столь драгоцѣннымъ для нея документомъ и изъ двухъ копій съ него совершенно убѣдилась въ дѣйствительности Сестренцевичева проекта, тогда она начала двигать всѣ силы видимыя и невидимыя, земли и ада, чтобы разрушить планъ митрополита. Послѣ многихъ переговоровъ, происходившихъ между іезуитскою партіею въ коллегіи и внѣ коллегіи, рѣшено было, чтобы написать апологію, въ которой бы опровергнуты были и разбиты пунктъ за пунктомъ всѣ положенія или тезисы митрополичьяго проекта. Роль апологета взялъ на себя Шантырь; это было естественно: тому, кто подкупилъ на

предательство Курдюкова, всего приличнѣе было ратовать противъ своего благодѣтеля—митрополита и стать чуть не во главѣ его враговъ. Въ своей апологіи Шантырь доказывалъ что проектъ митрополита о реформѣ монашескихъ уставовъ, бенефицій, церковнаго хозяйства, совершенно ниспровергаетъ все каноническое право латинской церкви (обыкновенный и самый избитый пріемъ, всегда и даже въ наше время употребляемый латинскимъ духовенствомъ, всегда и теперь озадачивавшій и озадачивающій нашихъ доморощенныхъ юристовъ, при ихъ совершенномъ незнаніи каноническаго права латинской церкви), а особенно іезуитъ доказываетъ всю опасность той мысли митрополита и всю неканоничность того его положенія, чтобы митрополиту даровано было право самому посвѣщать епископовъ, безъ испрашиванія каждый разъ разрѣшенія отъ папы, и чтобы онъ управлялъ латинскою церковію въ Россіи болѣе самостоятельно и независимо. «Мысль эта, утверждаетъ Шантырь, отзывается ересью, ведетъ къ отступничеству, схизмѣ, отпаденію отъ вѣры и основанію другой латинской церкви въ Россіи, или правильнѣе не церкви, а секты со всѣми ея послѣдствіями». Перо іезуита такъ расходилось, что нашло даже въ проектѣ Сестренцевича замыслы противъ правъ самодержавной власти, потому и внушалось Государю принять мѣры самосохраненія отъ злодѣйскихъ покушеній опаснаго властолюбца. На помощь Шантырю въ его знаменитомъ походѣ противъ митрополита пришелъ епископъ Гедроицъ, который написалъ отъ себя ноту, гдѣ проситъ Государя объ удаленіи отъ митрополита Сѣрпинскаго и Станкевича, какъ его фаворитовъ, злоупотребляющихъ его довѣріемъ и подсказывающихъ ему такіе проекты, каковъ поданный митрополитомъ князю Лопухину, и о назначеніи особеннаго ми-

нистра, къ которому бы католики исключительно могли относиться въ своихъ нуждахъ. Къ этимъ двумъ пресловутымъ произведеніямъ іезуитской интриги приложенъ былъ, по совѣту секретаря коллегіи Ранчевскаго,—креатуры и орудія іезуитовъ, третій документъ,—это прошеніе на Высочайшее имя отъ Шантыря, какъ члена латинской коллегіи. Теперъ предстоялъ вопросъ какъ и чрезъ кого всѣ эти документы представить Государю? Груберъ давно уже сблизился съ любимцемъ Императора Александра I-го и другомъ его съ самаго дѣтства кн. А. Н. Голицынымъ, занимавшимъ тогда постъ оберъ-прокурора Св. Синода. Этотъ человѣкъ, не свѣдущій въ предметахъ той вѣры, которой интересы онъ призванъ былъ оберегать, и гость въ дѣлахъ того вѣдомства, котораго оберъ-прокуроромъ онъ былъ назначенъ,—не соотвѣтствовалъ важному званію оберъ-прокурора православнаго собора и православной церкви. Этотъ гуманный и мягкій оберъ-прокуроръ Синода, вогнавшій во гробъ красоту и славу православной церкви Иннокентія Еп. Пензенскаго, убившій преслѣдованіями своими петербургскаго митрополита Михаила, и обоихъ ихъ погубившій потому только, что они нераздѣляли его мыслей, которыя навѣяны были ему Лабзинымъ, Поповымъ и другими, готовъ былъ сдѣлать все угодное для скопца Селиванова, іезуита Грубера и другихъ, хотя бы въ требованіяхъ ихъ былъ истинный вредъ для православной церкви. Дорога къ синодальному оберъ-прокурору давно была проторена всѣми сектантами, она хорошо извѣстна была Груберу, Гедройцу, Люстигу, Ляндесу, Шантырю и другимъ пособникамъ іезуитовъ. Къ нему-то и обратились теперь Гедройцъ и Шантырь съ своими апологіями и нотами. Просьба іезуитовъ и всѣ ихъ бумаги были благосклонно приняты Голицынымъ, къ которому, еще прежде

представленія бумагъ Шантыря и Гедройца, являлись уже тузы изъ польской аристократіи и ходатайствовали предъ нимъ о защищеніи латинской церкви противъ злоумышленій Сестренцевича. Тузы эти были: графы Илинскій и Потоцкій, Ворцель, Плятеры, Хоминскій, Голинскій, Шадурскій и другіе. Къ нимъ присоединили свои голоса графы изъ эмигрантовъ французскихъ, итальянскихъ, какъ-то Литта, Сэнъ-При, Капріоло и проч. проч. Князь, любившій эффектировать своими придворными манерами и щеголять своею чистѣйшею французскою утонченностію, охотно принялъ на себя ходатайство по такому близкому къ его обязанностямъ и его вѣдомству дѣлу. По какому-то роковому стеченію обстоятельствъ, Лопухинъ замедлилъ представленіемъ Государю проекта Сестренцевича. Голицынъ успѣлъ познакомить Императора съ опроверженіемъ записки митрополита прежде, нежели Государь имѣлъ у себя самую записку. Когда Лопухинъ сталъ докладывать Александру 1-му записку Сестренцевича, то Государь прямо далъ ему замѣтить, что эта записка ему уже хорошо извѣстна, и что онъ не раздѣляетъ мыслей и предположеній, заключающихся въ ней. Такъ интрига іезуитская испортила и погубила навсегда одинъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ для спокойствія Россіи и даже для блага исповѣдующихъ Латинскую вѣру въ Россіи проектовъ, потому что никогда обстоятельства политическія Европы вообще и Рима въ частности не благопріятствовали такъ осуществленію этого проекта. Но пусть бы тутъ примѣчалась только рука іезуита, заклятаго врага Россіи—поляка, или французскаго выходца, или итальянскаго авантюриста, нѣтъ, тутъ всегда приходится краснѣть за несообразительность и недальновидность нашихъ такъ называемыхъ государственныхъ мужей, тутъ всегда съ накипомъ желчи и

надрываніемъ сердца непремѣнно приходится видѣть, какъ русская рука усердно роетъ вмѣстѣ съ нашими врагами яму для своей вѣры, своей народности и своего отечества. Сейчасъ мы видѣли, какъ оберъ-прокуроръ св. Синода разрушаетъ проектъ, направленный всецѣло къ интересамъ нашего Государства, а въ слѣдующей главѣ будемъ зрителями того, какъ русскіе министры помогаютъ іезуитамъ въ ихъ миссіонерской дѣятельности и содѣйствуютъ имъ распустить свои іезуитскія сѣти по разнымъ мѣстамъ русскаго царства (1).

(1) Zbiór Wiadomości o Kościele i religii.....Отдѣлъ X. Также Wiadomości niektóre do dziejów Kościoła Katolickiego, Ustęp 9 и 10, стр. 50—58.

Примѣчаніе. Сестренцевичъ иногда самъ вредилъ себѣ и своимъ проектамъ излишнею своею откровенностію, граничившею близко съ болтливостію и хвастовствомъ. Такъ одинъ разъ, въ припадкѣ откровенности съ секретаремъ нунція Ареццо Лохманомъ де Мультцъ, митрополитъ проронилъ такія слова: «если бы я захотѣлъ быть папой въ Россіи, то могъ бы этого достигнуть». Потомъ въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ латинскихъ епископовъ митрополитъ высказывалъ мысли о независимости латинской церкви въ Россіи отъ папы, о необходимости дарованія ему правъ патріарха, о законности и каноничности посвященія епископовъ митрополитомъ, безъ сношенія съ папою. Все это противники митрополита съ жадностію ловили, увеличивали, распространяли и употребляли ко вреду митрополита (см. вышеприведенныя сочиненія); см. также записки Анастасевича.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Груберъ хлопочетъ объ учрежденіи латинскихъ миссій на восточныхъ окраинахъ Россіи. Наши министры Лопухинъ и Кочубей содѣйствуютъ Груберу въ осуществленіи его миссіонерскихъ плановъ. Іезуиты оставляютъ свой проектъ о миссіяхъ на Кавказѣ и въ Грузіи, а устремляютъ взоры свои на колоніи Саратовскія. Число іезуитовъ, прибывшихъ въ Саратовскія колоніи и дѣятельность ихъ въ этихъ мѣстахъ. Іезуиты въ Астрахани и ихъ дѣйствія. Экскурсіи іезуитскія изъ Саратова и Астрахани подъ разными предлогами въ наши города: Пензу, Воронежъ, Тамбовъ, Харьковъ и другіе. Основаніе іезуитской резиденціи на западной окраинѣ Россіи, именно въ столицѣ эсто-латышской Ригѣ. Изложеніе продѣлокъ іезуитовъ, чтобы вытѣснить изъ Риги францисканъ и утвердиться тамъ самимъ на мѣсто ихъ. Возбужденіе іезуитами и сторонниками ихъ вражды между членами рижской латинской общины. Достиженіе іезуитами своей цѣли и утвержденіе ихъ въ Ригѣ. Число іезуитовъ, прибывшихъ въ Ригу. Дѣятельность въ Ригѣ іезуита Коинса. Покровители рижскихъ іезуитовъ. Миссіонерская дѣятельность іезуитовъ въ Ригѣ. Основаніе при рижской латинской церкви двухъ латинскихъ училищъ: женскаго и мужскаго. Половина воспитанниковъ и воспитанницъ этихъ училищъ принадлежитъ къ категоріи православныхъ и лютеранъ. Могущественное средство, придуманное Коинсомъ для привлеченія въ іезуитское училище дѣтей православныхъ и лютеранскихъ родителей. Тайный пансіонъ при іезуитской церкви для дѣтей благородныхъ родителей. Сынъ графини Бриссакъ и племянникъ Армфельда тайные пансіонеры этого института.

Еще неуспѣли совершенно высохнуть чернила того указа, которымъ такъ прямо и такъ рѣшительно опредѣлялись границы іезуитскаго обладанія, далѣе которыхъ непозволялось имъ переходить ([1]), какъ Груберъ, до костей узнав-

([1]) Собр. Зак. № 19865-й, г. 1801-й.

ши нравственный характеръ современной ему русской высшей администраціи, началъ чуть не каждомѣсячно осаждать русское правительство своими проектами о іезуитскихъ миссіяхъ то въ одной, то въ другой мѣстности Россіи, проводилъ смѣло то чрезъ одного, то чрезъ другаго министра, свои предположенія о распространеніи латинской пропаганды въ нашемъ отечествѣ. То Лопухину Груберъ подноситъ свой проектъ о миссіяхъ на Востокѣ, хорошо извѣстный министру еще съ царствованія Павла, проектъ, не много передѣланный подъ новой редакціей Грубера и болѣе приспособленный къ современному правительству, но въ сущности весьма сходный съ проектомъ павловской эпохи и хорошо извѣстный намъ изъ первой части нашего сочиненія (1). То министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей вноситъ въ сенатъ предложеніе о томъ, чтобы дозволить іезуитамъ вводить католическую вѣру чрезъ своихъ миссіонеровъ между магометанскими и идолопоклонническими народами, живущими въ астраханской, оренбургской и сибирскихъ губерніяхъ (2). Всѣ эти проекты Груберовской производительности неотталкиваются съ перваго же разу нашими государственными мужами, какъ наглая насмѣшка іезуитская надъ недавно вышедшими Высочайшими повелѣніями, не возбуждаютъ въ нихъ чувства достойнаго негодованія; напротивъ, они принимаются съ какою то мягкостію и съ совершеннымъ согласіемъ на основательность тѣхъ мотивовъ, которые іезуиты проводятъ въ своихъ проектахъ. Такъ государственный канцлеръ Воронцовъ на представленный ему Лопухинымъ іезуитскій проектъ объ учрежденіи миссій въ Астрахани и Кеѳѣ (Ѳеодосіи), сдѣ-

(1) Іезуиты въ Россіи, ч. 1-я, стр. 451—457.

(2) Записки Державина, стр. 459.

лалъ съ своей стороны такого рода примѣчанія: «Учрежденіе домовъ іезуитскихъ въ Астрахани и Кефѣ признаю я полезнымъ, сколько частно для мѣстъ, въ которыхъ основаніе ихъ предполагается, получающихъ съ оными рукодѣліи и врачебныя пособіи, въ которыхъ доселѣ жители тѣхъ краевъ чувствуютъ недостатокъ, не менѣе и въ разсужденіи общихъ политическихъ пользъ, доставленіемъ сюда извѣстій о происшествіяхъ Анатоліи и прочихъ мѣстъ Азіи, гдѣ миссіонеры ихъ находиться будутъ. Смотря по успѣхамъ предполагаемыхъ двухъ заведеній іезуитскихъ въ Астрахани и Кефѣ, не безполезно будетъ завести таковое же на Китайской границѣ около Кяхты, чрезъ посредство коего могли бы учредиться сношеніи съ іезуитами, въ Пекинѣ проживающими, которые, какъ извѣстно, тамъ довольнымъ кредитомъ пользуются.

«Не находя ни мало, чтобы учрежденіемъ домовъ іезуитскихъ и отправленіемъ ихъ миссіонеровъ къ магометанамъ и идолопоклонникамъ причиняемъ былъ какой соблазнъ, нужнымъ считаю предписать поселяющимся въ Грузіи и Кефѣ, чтобы обращая въ римско-католическую религію не христіанъ, не только не касались они исповѣдающихъ господствующую здѣсь вѣру, но даже возбранить имъ обращать и Армянъ, соединенныхъ съ нашею церковію, а только на тѣхъ стараніи ихъ свободны быть могутъ, кои догматами своими сближаются съ исповѣданіемъ латиновъ. Въ каковомъ смыслѣ взять съ нихъ, при отправленіи ихъ, обязательство» (1).

Оградивши свою совѣсть и православіе русской церкви такою несокрушимою крѣпостію и гарантіей, какъ пись-

(1) М. И. Д. Г. С. П. А. г. 1803-й, № 2—9, «Примѣчанія Государственнаго Канцлера о предполагаемыхъ заведеніяхъ іезуитскихъ».

менное обязательство, взятое съ іезуитовъ, что они ненарушатъ правъ православной церкви, обязательство, подписывая которое, іезуиты едва удерживались отъ гомерическаго смѣха надъ простодушіемъ и близорукостію русскихъ государственныхъ мужей,—наши министры приносили въ портфеляхъ своихъ іезуитскіе проекты въ сенатъ, государственный совѣтъ, къ самому Государю, и съ видомъ глубокомысленности, широкаго пониманія государственныхъ интересовъ отечества тянули тутъ фальшивую ноту подъ іезуитскую дудку и играли одну изъ самыхъ жалкихъ и зловредныхъ для Россіи ролей. Правда, находились еще и среди нашихъ министровъ старики-ворчуны, обломки екатерининской эпохи, у которыхъ сохранилосъ русское чутье, русское сознаніе и русское пониманіе государственныхъ нуждъ и потребностей, но эти старики-екатерининцы скоро были признаны неспособными къ службѣ при новомъ царствованіи и сданы въ архивъ. При этихъ старикахъ іезуитскіе проекты въ сенатѣ не удостоивались такихъ благосклонныхъ пріемовъ, какіе они встрѣчали въ канцеляріяхъ нѣкоторыхъ министровъ. Державинъ въ своихъ запискахъ весьма типично описываетъ то фіаско, которое постигло въ сенатѣ груберовскій проектъ, принятый Кочубеемъ подъ свое покровительство. «Кочубей, пишетъ Державинъ, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлалъ предложеніе, чтобы дозволить іезуитамъ вводить котолическую вѣру и даже преклонять въ оную чрезъ миссіонеровъ магометанскіе и идолопоклонническіе народы, обитающіе въ Астраханской, Оренбургской и Сибирскихъ губерніяхъ. Державинъ говорилъ, что довольно терпимости вѣръ, какова оная существуетъ теперь въ Имперіи, а дѣлать католическую владычествующею не прилично и достоинству Имперіи, что можетъ потрясти

духъ народа и произвести современемъ мятежъ и возмущеніе, каковы были во Франціи и Нѣмецкой землѣ. Но лучше бы приложить стараніе о посылкѣ миссіонеровъ къ иновѣрнымъ идолопоклонническимъ и магометанскимъ народамъ, дабы ихъ привести въ религію греческаго исповѣданія, какъ дѣлалъ царь Иванъ Васильевичь, и пріучить ихъ къ хлѣбопашеству и прочимъ обычаямъ и правамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ, что умножило бы силу и твердость Имперіи, и какъ къ мнѣнію Державина присталъ графъ Румянцовъ, то Кочубеево по сей матеріи и не принято къ производству [1]».

Но неудача іезуитовъ въ своихъ миссіонерскихъ замыслахъ была только кратковременная и, можно сказать, мимолетная; противники ихъ скоро сошли съ политической арены; Чарторижскіе, Новосильцовы, Кочубеи и подобные имъ болѣе ненаходили ни въ сенатѣ, ни государственномъ совѣтѣ оппонентовъ себѣ въ родѣ Румянцова и Державина; ученики Лойолы скоро выдвигали изъ своей лабораторіи новый проектъ о новой миссіи и въ другой какой нибудь мѣстности Россіи, но мотивируя его нѣкоторыми особенностями, въ которыхъ проницательный взглядъ не могъ незамѣтить усилія іезуитовъ подладиться подъ тогдашнее настроеніе правительства. Груберъ насквозь разглядѣлъ современныхъ ему заправителей русской земли; онъ до мелчайшихъ подробностей зналъ сердечныя болѣзни этихъ опекуновъ русскаго народа, онъ видѣлъ всю скудость ихъ государственнаго смысла, все ихъ постыдное неуваженіе ко всему русскому, святому и родному, ихъ пустоту внутреннюю, при всей внѣшней обстановкѣ англійскаго лордства и при всѣхъ ихъ усиліяхъ казаться государствен-

[1] См. записки Державина, стр. 359—360.

ными мужами и великими реформаторами; Груберъ видѣлъ всю фальшь и государственную близорукость этихъ людей, и умѣлъ воспользоваться всѣми этими ихъ достоинствами для осуществленія своихъ замысловъ о латинской пропагандѣ на русско-православной землѣ. Бывало при Павлѣ I-мъ прямо говорилось въ докладахъ о подобныхъ предметахъ, такъ что въ такой то мѣстности нужно учредить іезуитскую миссію для распространенія христіанства, т. е. латинства, а проще сказать, потому что это нравится іезуитамъ; теперь такіе тривіальные и грубые подступы были бы слишкомъ просты и наивны. Эпоха Павловская прошла; царствованіе Александра I-го чревато было другими тенденціями; правленіе Александровской эпохи напрягало всѣ свои силы, чтобы развить гражданственность въ своемъ народѣ, просвѣтить его, сдѣлать изъ него нѣчто подобное народамъ Англіи, Швейцаріи и Германіи; чтобы полудикія, кочующія орды по степямъ саратовскимъ и оренбургскимъ и самыя пестрыя помѣси населенія низовьевъ Волги представляли изъ себя такое же благоустроенное, развитое и обезпеченное общество, какое встрѣчаетъ путешественникъ на берегахъ Рейна или Женевскаго озера. Іезуиты по этому нашли неудобнымъ и несовременнымъ предлагать русскому правительству Александровской эпохи свои миссіонерскіе проекты въ грубой формѣ Павловскихъ временъ. Теперь у нихъ въ ихъ проектахъ латинская пропаганда предлагается не въ простой формѣ религіозной пропаганды, но въ формѣ, если можно такъ выразиться, гражданственно-религіозной; на іезуитскій плащъ и сутану латинскаго миссіонера надѣвается теперь одежда агронома, фермера, садовника, дренажиста и народнаго врача. Теперь іезуиты трубятъ въ уши нашимъ государственнымъ мужамъ, что общество Лойолы можетъ служить самымъ лучшимъ

проводникомъ европейской гражданственности среди полукочующихъ и полудикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Саратовскимъ, астраханскимъ и крымскимъ; что ученики Лойолы лучше всѣхъ могутъ научить эти племена осѣдлости, земледѣлію, садоводству, съ прибавленіемъ къ всему этому доброй нравственности и просвѣщенія христіанствомъ, т. е. латинствомъ. Наши министры заслушивались до самозабвенія этой пѣсни іезуитской Сирены и безъ всякихъ возраженій принимали іезуитскіе проекты о миссіяхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи; сенатъ и совѣтъ безъ замедленія пропускали эти проекты, видя полное согласіе на нихъ министровъ и даже какое-то особенное и горячее ратованіе за эти проекты послѣднихъ.

Первый проектъ, выступившій на сцену, по удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ Державина и Румянцова, былъ объ учрежденіи іезуитской миссіи въ саратовскихъ колоніяхъ. Почему же, здѣсь невольно раждается вопросъ, іезуиты стремятся съ своею просвѣтительною дѣятельностію въ степи Волги, а оставляютъ такъ легко свои замыслы на Грузію и вообще востокъ? Дѣйствительно, съ перваго взгляда представляется странною такая уступчивость со стороны общества, съ такимъ постоянствомъ и упорствомъ преслѣдующаго извѣстную цѣль и стремящагося къ достиженію избраннаго и облюбленнаго ими предмета; такая уступчивость представляется странною, если сопоставимъ съ нею такое нетерпѣливое докучаніе іезуитовъ всѣмъ, начиная съ Потемкина, Безбородко, Зубова, Тамары до Лопухина, своими просьбами о своихъ миссіяхъ на Кавказѣ и за Кавказомъ. Эта уступчивость становится еще тѣмъ непонятнѣе, что теперь Грузія стала частію Россійской Имперіи, слѣдовательно миссіи ихъ были бы охраняемы и прикрываемы сильнымъ и могучимъ орломъ русскимъ. Вопросъ

этотъ, впрочемъ, не относится къ числу неразрѣшимыхъ, и уступчивость іезуитская перестаетъ быть странною, если мы обратимъ вниманіе на нравственный характеръ іезуитскаго ордена и положеніе латинства въ закавказскомъ краю. Только іезуиты сами кричатъ о себѣ, что ихъ орденъ проникнутъ духомъ христіанскаго героизма, самоотверженія, отреченія отъ себя и отъ благъ мірскихъ; напротивъ, это одинъ изъ множества латинскихъ орденовъ, по преимуществу проникнутый сибаритствомъ, самолюбіемъ, жадностію къ мірскимъ благамъ, гордостію и презрѣніемъ къ бѣднымъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ ихъ постоянное стремленіе вращаться въ высшемъ и богатомъ обществѣ, ихъ тайныя исповѣди, наполненныя фактами всякаго разврата, ихъ богатства, превосходящія богатства всѣхъ другихъ латинскихъ орденовъ. Закавказье, хотя и принявшее подданство Россіи, еще дымилось порохомъ и кровію; нетолько дороги по нему небыли безопасны, но нерѣдко у воротъ самой столицы Грузіи неистовствовалъ ятаганъ лезгинца; даже иногда въ самомъ Тифлисѣ, среди бѣлаго дня гулялъ кинжалъ въ рукахъ не мущины, а женщины, и наносилъ смерть опытному и искусному генералу русской службы [1]. Нервы іезуитовъ такъ женственно-

[1] Я разумѣю здѣсь извѣстное убійство, совершенное женою послѣдняго грузинскаго царя Георгія — Маріею и дочерью его Тамарою, генералъ-маіора Лазарева. Въ указѣ, данномъ на имя курскаго архіерея такъ говорилось о преступленіи царицы Маріи и ея дочери: «Грузинской царицѣ Маріи, при отправленіи ея изъ Грузіи, учинившей убійство изъ мщенія и злобы генералъ-маіору Лазареву, и дочери ея царевнѣ Тамарѣ, на равное злодѣяніе покусившейся, въ наказаніе совѣсти ихъ и къ заглаженію поступка сего раскаяніемъ, назначивъ пребываніе съ семействомъ ея въ Бѣлогородскомъ женскомъ Рождественскомъ монастырѣ, поручаю вамъ, по сношенію съ курскимъ гражданскимъ губернаторомъ, отвести имъ въ ономъ жилище. По неизвѣстности о числѣ семейства царицы, въ

аристократичны, что немогли выносить такихъ ужасающихъ сценъ. При такой обстановкѣ невозможенъ комфортъ и сибаритизмъ въ жизни; а о богатствѣ, которое составляетъ главный стимулъ іезуитскаго ордена, и думать нельзя было въ этой бѣдной, находившейся постоянно подъ ножами персовъ, турокъ и черкесовъ сторонѣ. Что же тутъ привлекательнаго могло быть для іезуитовъ? Самое латинство въ этой мѣстности, несмотря на утвержденіе его еще въ XVI вѣкѣ (1), не было прочно, неимѣло даже храма постоян-

Бѣлградъ, отправиться имѣющаго, не назначается оному никакого содержанія; но я желаю, чтобы вы сообразили съ гражданскимъ курскимъ губернаторомъ, какое приличное, но безъ всякаго излишества, содержаніе царицѣ въ монастырѣ положено быть можетъ, дабы о производствѣ онаго приняты быть могли надлежащія мѣры (см. имѣющуюся у меня рукопись)».

(1) Въ арх. М. И. Д. г. 1802, отвѣтъ главнокомандующаго въ Грузіи Кнорринга вице-канцлеру Куракину на письмо его о возвращеніи грузинскимъ католикамъ отнятыхъ у нихъ церквей. «Исполняя требованіе вашего сіятельства, содержащееся въ почтеннѣйшемъ сообщеніи вашемъ ко мнѣ, отъ 22 Ноября 1801 года, имѣю честь вамъ, милостивый государь, донести: 1-е, католическихъ церквей въ Грузіи было двѣ—одна въ Тифлисѣ, другая въ городѣ Гори; построены обѣ въ 1755 году католицкими патерами: Николаемъ (а фамиліи неизвѣстно) и Перeглиномъ. Но за 47 лѣтъ назадъ, царемъ Теймуразомъ, по подозрѣнію, что бывшій тогда грузинскія церкви католикосъ Антоній, яко бы склоняяся на увѣщаніи католицкихъ духовныхъ, намѣревался принять катол. исповѣданіе вѣры, у католиковъ упомянутыя церкви отняты, и послѣ цари грузинскіе хотя и обѣщались возвратить церкви тѣ католикамъ, однако осталось сіе безъ исполненія, а католики доселѣ принуждены были церковное служеніе свое отправлять въ домахъ; 2-е, католиковъ въ Грузіи считается 500, въ Тифлисѣ 300 и въ Гори 200; да кромѣ того есть еще нѣсколько семействъ, въ окрестныхъ селеніяхъ обрѣтающихся. Большая часть ихъ суть армяне, какъ древніе подданные грузинскіе, такъ и впослѣдствіи времени переселившіеся туда изъ областей турецкихъ, и 3-е, начало появленія въ Грузіи католицкихъ миссіонеровъ для обращенія въ вѣру своего исповѣданія относятъ за 200 лѣтъ назадъ. (Арх. М. И. Дѣлъ;

наго, наконецъ недѣлало никакихъ успѣховъ среди народонаселенія туземнаго и подвергалось всякаго рода случайностямъ и перемѣнамъ ([1]). Къ тому же тамъ происходила въ

также II томъ актовъ, собранныхъ кавказскою археографическою коммисіею, изданныхъ подъ редакціей предсѣдателя коммиссіи Берже, 1868 г.).

([1]) Куракинъ, на основаніи вышеприведеннаго письма Кнорринга, сдѣлалъ докладъ Государю объ отобраніи отъ православныхъ двухъ бывшихъ латинскихъ церквей, но съ тѣмъ наблюденіемъ, какъ выражается Куракинъ, со стороны вашей, чтобъ сіе возвращеніе имъ оныхъ безъ всякихъ непріятныхъ слѣдствій быть могло. Государь утвердилъ докладъ Куракина. Но вотъ что отвѣчалъ Кноррингъ Куракину по этому дѣлу: «По почтеннѣйшему письму ко мнѣ вашего сіятельства, отъ 27 Февраля сего года, старался я прибрать мѣры къ возвращенію католикамъ, въ Грузіи находящимся, двухъ церквей ихъ, въ Тифлисѣ и Гори состоящихъ, такъ чтобъ сіе неродило непріятныхъ слѣдствій, и сколько ни склонялъ католикоса грузинскаго и знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ къ уступленію католикамъ собственности ихъ, но всѣ отозвались, что симъ господство въ Грузіи вѣры греческой, въ исповѣданіе которой обращены уже оные оба храма, нарушится; что хотя католики имѣютъ неоспоримое право на церкви, ими построенныя, но отнятіе ихъ произошло такъ давно, что рѣдкіе изъ Грузинъ знаютъ дѣйствительныя тому причины; но что за всѣмъ симъ они готовы повиноваться Монаршему соизволенію, ежели Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ церкви оныя католикамъ присвоить.

«Донося о всемъ томъ вашему сіятельству и имѣя честь ожидать дальнѣйшихъ по предмету сему предписаній, есмь съ истиннымъ почтеніемъ Кноррингъ».

Государь, увидѣвъ изъ донесенія Кнорринга, какъ опасно оскорблять православное чувство большинства грузинскаго населенія въ угоду горсти католиковъ, приказалъ оставить упомянутыя церкви въ настоящемъ ихъ положеніи, т. е. не возвращать католикамъ. (Тамъ же).

Примѣчаніе. Послѣ Кнорринга главнокомандующимъ на Кавказѣ сдѣланъ былъ Циціановъ, кажется, армянинъ и едва-ли не армяно-католикъ. Онъ началъ горячо хлопотать о постройкѣ постоянныхъ храмовъ для латинянъ Тифлиса и Гори; но Циціановъ, при всей своей любви къ латинянамъ, не могъ уже снова поднимать вопроса о возвращеніи латинянамъ

настоящее время борьба между православными и латинянами о двухъ церквахъ, борьба, послѣдствій которой ожидали іезуиты съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобы по исходу ея опредѣлить будущій образъ своихъ дѣйствій въ этой мѣстности. Но борьба эта нѣсколько разъ колебалась то на ту, то на другую сторону. Іезуиты предоставили другимъ орденамъ на Кавказѣ очищать для себя дорогу, если бы судьба заставила ихъ когда нибудь дѣйствовать тамъ; капуцины, издавна поселившіеся въ Тифлисѣ, служили въ этомъ случаѣ кошками, вытаскивающими своими лапами горячіе каштаны изъ печки для іезуитовъ. Понимая очень хорошо, какой взрывъ негодованія и даже можетъ быть возмущенія встрѣтитъ притязаніе капуциновъ на возвращеніе имъ когда-то отнятыхъ у нихъ православными церквей; хорошо зная, какъ народъ-населеніе грузинское горячо предано православію и какое сильное питаетъ отвращеніе къ латинству, іезуиты предоставили капуцинамъ играть въ эту опасную игру и быть жертвою злобы народной, а можетъ быть и мщенія, а сами обратили взоръ свой на другія окраины Россіи, болѣе удобныя и болѣе безопасныя для нихъ. При Екатеринѣ Великой и Павлѣ І-мъ можно было въ проектахъ о восточныхъ миссіяхъ включать для краснаго словца и Кавказъ или Закавказье, потому что

отобранныхъ у нихъ церквей, а просилъ Государя позволить ему выдать латинянамъ грузинскимъ на построеніе ихъ храма въ Тифлисѣ изъ экстраординарной суммы, въ распоряженіи его находящейся, 6,000 рублей серебромъ. Государь разрѣшилъ Циціанову выдать изъ экстраординарной суммы, находящейся въ его распоряженіи, 6,000 рублей серебромъ на построеніе новой латинской церкви въ Тифлисѣ. Циціановъ потомъ выхлопоталъ у правительства жалованье патерамъ-капуцинамъ, устроилъ имъ домы, далъ земли для садовъ и огородовъ (см. II т. актовъ, собранныхъ кавказскою археографическою коммисіею.... г. 1868-й, подъ редакціей Берже).

эти области непринадлежали Россіи, и статья о миссіи въ Грузіи была неосуществимою мечтою, а слѣдовательно и неопасною для іезуитскаго спокойствія, но теперь совсѣмъ другое дѣло: теперь Грузія принадлежитъ Россіи, и мечта можетъ осуществиться, а потому нужно поскорѣе обратить вниманіе русскаго правительства въ другую сторону, напр: на саратовскія колоніи. При Екатеринѣ и Павлѣ Грузія предназначалась быть только временною стоянкою для іезуитскихъ миссіонеровъ, а главною цѣлію ихъ было возстановленіе ихъ общества въ Анатоліи, Архипелагѣ и востановленіе сношеній съ Индіей, а теперь Грузія могла обратиться въ постоянную ихъ резиденцію, чего іезуиты нехотѣли, и охотно предложили труженическую и бѣдную жизнь въ Грузіи капуцинамъ. Во всякомъ случаѣ, выжидательный способъ дѣйствованія приходился здѣсь, по соображеніямъ іезуитскимъ, болѣе пригоднымъ и удобнымъ, тѣмъ болѣе, что правительство въ это время охотно открывало ихъ дѣятельности другія мѣста Россіи, именно: колоніи саратовскія.

Со времени Екатерины Великой особенно усилилась колонизація саратовскихъ степей, Крымскаго полуострова или такъ называемаго Новороссійскаго края и окрестностей Петербурга. Главный контингентъ для нея доставляла Германія, и преимущественно Швабія, Виртембергъ, Дармштадтъ, за Германіей слѣдовали Греція, Молдавія и Булгарія. Прежде всѣхъ изъ этихъ окраинъ стала колонизироваться Саратовская губернія, въ которой явились нѣмецкіе колонисты въ 1774 г., въ числѣ слишкомъ 30.000 мужескаго и женскаго пола, и разсыпались по 101-й колоніи (1). Въ послѣдующіе за тѣмъ годы колонизація саратов-

(1) См. Storch, Russland unter Alexander dem Ersten, 7 Band, Fortschritte der Kolonisirung in Russland.

скихъ степей непрекращалась, но обнимала все бо̀льшія и бо̀льшія пространства и отсюда распространялась на Астраханскую губернію, Кавказъ и даже Уралъ. Тутъ сходились національности съ разныхъ угловъ свѣта; здѣсь же представлялась и самая пестрая смѣсь вѣроисповѣданій. Но большинство этого наплывнаго народонаселенія по вѣроисповѣданію принадлежало, особенно въ саратовскихъ колоніяхъ, къ латинянамъ и протестантамъ. Изъ 101-й саратовской колоніи 31 были католическія, именно: 14 на правой сторонѣ Волги, а 17 на лѣвой. Для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ жителей этихъ католическихъ колоній, учреждено было 9 приходовъ, или миссій, въ самыхъ многолюдныхъ и населенныхъ изъ нихъ, именно: Панинской, Екатериноштатской, Тонкошуровской, Раскатовской, Казацкой, Краснопольской, Грязноватской, Семеновской и Каменской. Богослуженіе и требы въ этихъ колоніяхъ отправляли сначала францискане, а потомъ даны были имъ въ помощники и доминикане. Съ самаго учрежденія здѣсь латинскихъ миссій, суперіору, или начальнику духовенства, даны были римскою пропагандою разныя власти и преимущества, совершенно сходныя съ правами суперіора капуциновъ, пребывавшихъ въ Грузіи и Астрахани [1]. Къ этимъ правамъ между прочимъ относилось и право совершать таинство мѵропомазанія надъ новокрещенными, что въ латинской церкви, какъ извѣстно, можетъ совершать только епископъ. Предъ эпохою вступленія іезуитовъ въ саратовскія колоніи, тамъ не во всѣхъ приходахъ были священники, и въ нѣкоторыхъ ихъ недоставало; духовные были въ слѣ-

[1] Первымъ суперіоромъ католическаго духовенства въ саратовскихъ колоніяхъ былъ францисканецъ Ленисъ (см. имѣющуюся у меня рукопись «о соглашеніяхъ между римскимъ дворомъ и Россіею»).

дующихъ колоніяхъ: Панинской, Топкошуровской, Раскатовской, Краснопольской, Грязноватской и Семеновской, а недоставало: въ Екатериноштатской, Казацкой и Каменской. Лица изъ францисканъ и доминиканъ, отправлявшіе требы въ этихъ колоніяхъ во время прихода туда іезуитовъ, были: Венцъ, Аганджановъ, Клингеръ, Платскій, Романовскій и Головко [1]. Мы отчасти уже знакомы съ поведеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; намъ такъ же извѣстно, что іезуиты непреминули воспользоваться нравственными паденіями этихъ лицъ, чтобы вытѣснитъ ихъ изъ колоній и самимъ занять ихъ тамъ мѣста. Въ офиціальныхъ, впрочемъ, бумагахъ, по крайней мѣрѣ въ докладахъ и предложеніяхъ Кочубея, слегка упоминается о безнравственности нѣкоторыхъ духовныхъ саратовскихъ колоній, а болѣе выступаютъ на сцену другія причины, побудившія правительство удалить францисканъ и доминиканъ изъ колоній, и ввести туда іезуитовъ, именно: незнаніе будтобы духовными этихъ орденовъ нѣмецкаго языка, хотя этому съ перваго же взгляда противорѣчитъ то обстоятельство, что тутъ же въ перечнѣ духовныхъ вы встрѣчаете на первомъ мѣстѣ имя Венца, потомъ Клингера, природныхъ нѣмцевъ, и хотя неподлежитъ никакому сомнѣнію, что между духовными этихъ орденовъ можно бы было найдти достаточное для саратовскихъ колоній число изъ нѣмцевъ, если бы только захотѣло этого правительство. Но истинная-то сторона этого дѣла въ томъ и заключалась, чтобы неотыскивать нѣмцевъ въ другихъ латинскихъ орденахъ, кромѣ іезуитскаго; а потому въ такомъ видѣ составленъ былъ докладъ Императору Кочубеемъ, и въ такомъ смыслѣ представлено

[1] См. въ арх. катол. коллегіи дѣло подъ № 782-мъ, г. 1803-й, «о назначеніи іезуитовъ въ саратовскія колоніи».

было это дѣло Государю, и оно удостоилось санкціи Императора потому именно, что было представлено Ему въ такой формѣ, а не въ другой. Докладъ Государю Кочубея весь вошелъ въ письмо его къ Сестренцевичу, гдѣ Кочубей выражается такъ: «въ колоніяхъ, въ Саратовской губерніи водворенныхъ исповѣдующихъ римско-католическую вѣру, доселѣ опредѣляемы были священники изъ ордена доминиканскаго и францисканскаго, по большей части незнающіе нѣмецкаго языка. Ваше высокопреосвященство легко представить себѣ можете неудобства, отъ таковаго недоразумѣнія между прихожанами и ихъ священниками происходящія, особливо когда недостатокъ сей и образомъ жизни сихъ послѣднихъ рѣдко вознаграждается, какъ то, по обозрѣнію, нынѣ произведенному, оказалось. Государь Императоръ, уваживъ сіи неудобства, Высочайше указать соизволилъ, чтобъ мѣста священниковъ въ сихъ колоніяхъ были наполнены изъ іезуитскаго ордена людьми достойными и знающими нѣмецкій языкъ.

«Сообщая вашему высокопреосвященству сію Высочайщую волю и прилагая при семъ списокъ какъ мѣстъ, такъ и самыхъ священниковъ, я буду ожидать вашего увѣдомленія о опредѣленіи другихъ на мѣста ихъ, дабы дать предписаніе о принятіи ихъ въ колоніяхъ. Сверхъ сего, Государь Императоръ соизволяетъ, чтобы и въ самомъ Саратовѣ, гдѣ опекунская контора, управляющая колонистами, существуетъ, опредѣленъ былъ изъ достойныхъ католическій священникъ, который и будетъ тамъ получать жалованья по 400 руб. (1).

Число іезуитовъ, прибывшихъ въ саратовскія колоніи, простиралось до 12-ти человѣкъ, изъ которыхъ было 9

(1) См. вышеприведенное дѣло о назначеніи іезуитовъ въ саратовскія колоніи.

священниковъ, одинъ настоятель и два лаика. Одни имена этихъ духовныхъ показываютъ, какихъ опытныхъ ловцовъ выпустилъ сюда Груберъ. Это были: Алоизій Ляндесъ (настоятель), Антонъ Постоль, Рафаилъ Зубовичъ, Янъ Майеръ, Алоизій Моритцъ, Игнатій Захаревичъ, Таддеушъ Гаттовскій, Алоизій Лефлеръ, Фиделисъ Гривель, Фердинандъ Местръ, Янъ Ришардъ и Алоизій Авердонкъ. Ляндесъ, какъ настоятель, поселился въ самомъ Саратовѣ. Въ Саратовѣ были польскія семейства, а такъ же немало французовъ, исправлявшихъ должность наставниковъ и гувернеровъ въ нашихъ дворянскихъ домахъ. Если послѣдніе не всѣ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ сочувственно отнеслись къ появленію въ этой мѣстности іезуитовъ, то поляки, а преимущественно польки, приняли ихъ съ распростертыми объятіями и съ готовностію на всякія для нихъ пожертвованія. Такъ нѣкто полякъ Здзарскій предложилъ въ Саратовѣ Ляндесу два дома и кромѣ этого обширную залу въ своемъ домѣ—первые для пребыванія и житья настоятеля и его прислуги, а послѣднюю для отправленія богослуженія, и все это даромъ и безъ всякаго вознагражденія. Мать Здзарскаго, урожденная Коссоковская, пожертвовала 100 рублей для построенія постояннаго Латинскаго храма въ Саратовѣ [1]. Наконецъ іезуиты склонили какую - то капитаншу Каролину Флоретову пожертвовать или уступить имъ землю для устроенія постояннаго храма, принадлежавшую ей и находившуюся на нѣмецкой улицѣ, во 2-й части города Саратова. Земли, уступленной Флоретовою іезуитамъ, было 800 квадратныхъ саженъ. На этомъ

[1] Opis Dziewięciu Missyi Saratowskich, któremi Io Xięża Jezuici w Saratowskim kraju zawiadają, prac oraz ich, i pożytków, które za Błogosławieństwem Pana Boga Ku Jego Chwale tam czynią.

пространствѣ іезуиты построили деревянную церковь на каменномъ фундаментѣ, съ жилыми флигелями при ней. Крыша церкви и флигелей покрыта была желѣзомъ, а стѣны какъ церкви, такъ и флигелей обложены были снаружи кирпичемъ и отштукатурены. Надъ церковію устроена была башня совершенно въ византійскомъ стилѣ. Кто-то даже пожертвовалъ въ іезуитскую церковь замѣчательную художественную рѣдкость—произведеніе Тиціана, знаменитую его картину, изображающую Богородицу съ младенцемъ Іисусомъ и св. Іоанномъ. При церкви не только было удобное и приличное помѣщеніе для священниковъ, но и разведенъ былъ прекрасный фруктовый садъ. Главными жертвователями въ іезуитскую церковь были: графъ Бѣлинскій, Адамовичъ, Оде-де-Сіонъ и родственники полковника Новикова (?) ([1]). Такъ же точно устроили іезуиты церкви и въ другихъ колоніяхъ напр: Семеновской, Грязноватской и Панинской ([2]).

Если вѣрить словамъ іезуитовъ, то религіозно-нравственное состояніе жителей колоній найдено было ими въ самомъ плачевномъ положеніи. Невѣжество колонистовъ въ самыхъ первыхъ христіанскихъ истинахъ было порази-

([1]) См. въ рим. катол. колл. «Визиты римско-катол. церквей Херсонской епархіи за 1850-й г.; гдѣ, говоря о Саратовской церкви, визитаторъ между прочимъ пишетъ: «алтарный камень, съ печатію митрополита Сестренцевича, вмѣщаетъ мощи св. мучениковъ: Паціента и Конкордіи, съ свидѣтельствомъ секретаря его Генриха-Валеріана Каміонки. Въ церкви много иконъ святыхъ іезуитскаго ордена, какъ-то Ксаверія, Борджіа, Лойолы и другихъ.

([2]) Тамъ же, визиты церквей: Семеновской, Грязноватской и Панинской. Семеновская церковь во имя Успенія Богоматери; антиминсъ освященъ въ 1803 г. епископомъ Бениславскимъ. Грязноватская церковь во имя св. Антонія, деревянная на каменномъ фундаментѣ. Панинская во имя распятія І. Христа, также деревянная на каменномъ фундаментѣ.

тельное: не только молодые, но даже пожилые и старики, незнали начатковъ вѣры и самые грубые пороки почитали за ничто. Тогда іезуиты—такъ они расказывали о себѣ—начали учить ихъ вѣрѣ, раздавать имъ отпечатанныя въ полоцкой іезуитской типографіи книжки о главныхъ истинахъ христіанства; цѣлые дни стали проводить въ исповѣданіи колонистовъ, такъ что число исповѣдавшихся каждый день доходило до 100 человѣкъ, въ тоже время постоянно раздавалась проповѣдь во всѣхъ колонистскихъ храмахъ, гдѣ іезуиты гремѣли противъ разныхъ грѣховъ колонистовъ, а особенно противъ такъ называемыхъ смѣшанныхъ браковъ. При этомъ незабыты были разныя церемоніи, чтобы дѣйствовать на воображеніе, какъ то: крестные ходы, хожденіе по деревнямъ съ тѣломъ Христовымъ и т. под. Эти церемоніи привлекали къ себѣ толпы народа, не только изъ католиковъ, но и изъ русскихъ православныхъ. Слѣдствіемъ всего этого было, по словамъ іезуитовъ, быстрое и умилительное возрастаніе духовно-религіознаго просвѣщенія и нравственности между колонистами латинскаго исповѣданія ([1]). Для привлеченія къ себѣ простаго народа іезуиты раздавали безмездно крестики, образки и книжечки; лекарское искусство играло тутъ также немаловажную роль; особенно имъ отличался іезуитъ Гаттовскій, котораго, впрочемъ, вся аптека ограничивалась святой водой и нѣсколькими травами. Даже, по свидѣтельству іезуитовъ о самихъ себѣ, они творили чудеса въ колоніяхъ: исцѣляли другъ друга отъ разныхъ болѣзней простымъ возложеніемъ рукъ, такъ іезуитъ Гаттовскій исцѣлилъ товарища своего Местра, страдавшаго глухотою нѣсколько мѣсяцевъ ([2]);

([1]) См. Opis dziewięciu Missyi Saratowskich....
([2]) Тамъ же, стр. 26

Майеръ молитвою своею многихъ изъ разновѣрцевъ вылечилъ отъ чаръ, хворобы, заразы, душевной тоски и т. под. Вѣра въ чудодѣйственную силу iезуитовъ будтобы такъ распространилась въ окрестностяхъ саратовскихъ, что сами русскiе священники посылали своихъ прихожанъ къ iезуитамъ за помощью отъ болѣзней (1), и преимущественно за избавленiемъ отъ бѣсовъ. Даромъ изгнанiя бѣсовъ отличался iезуитъ Ришардъ (2), который хвалился, что онъ можетъ совладать съ самимъ Вельзевуломъ и изгнать его изъ человѣка одною святою водою и молитвами. Мы представили поэтическую или идеалистическую сторону дѣйствiй iезуитовъ въ саратовскихъ колонiяхъ, теперь посмотримъ на нее съ прозаической точки зрѣнiя, перевернемъ медаль и разглядимъ, что говорятъ документы о дѣятельности iезуитовъ въ колонiяхъ, какъ отзываются о нихъ другiе, а не они сами. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы убѣждаемся, что iезуиты далеко непользовались у колонистовъ тѣмъ уваженiемъ, о которомъ они говорятъ сами; что они внесли въ саратовскiя колонiи не просвѣщенiе, а омраченiе, суевѣрiе, разстройство въ семейной жизни, возбудили противъ себя жалобы, ненависть и презрѣнiе. Среди даже потока самовосхваленiй iезуитскихъ слышится признанiе со стороны ихъ, и невольно вырывается изъ устъ ихъ жалоба, что въ нѣкоторыхъ колонiяхъ, напр: Гразноватской, жители католики называли проклятыми не только своего патера Зубовича, но и всѣхъ iезуитовъ вообще; осы-

(1) Тамъ же, стр. 27.

(2) Тамъ же, стр. 30—32. Ришардъ былъ старикъ 75 лѣтъ и самою преклонностiю лѣтъ привлекалъ къ себѣ въ простомъ народѣ особенное вниманiе. Онъ особенно занимался исцѣленiемъ душевныхъ болѣзней, когда напр. мужъ остывалъ въ любви къ женѣ, или жена вдругъ чувствовала охлажденiе къ мужу. Ришардъ приписывалъ такiя явленiя бѣсу.

пали ихъ бранью, разными насмѣшками и взносили разныя обвиненія (¹). Панинскіе колонисты приносили офиціальную жалобу на своего патера, іезуита Мэстра, что онъ ничего не дѣлаетъ, не служитъ, не говоритъ проповѣдей и не учитъ дѣтей, а только проводитъ все время въ праздности (²). Особенно зловредно вліяли іезуиты, какъ показываютъ историческіе документы, на семейную жизнь колонистовъ. Въ колоніяхъ, до прибытія туда іезуитовъ, хотя не безъ препятствій со стороны латинскаго духовенства, допускались очень часто, такъ называемые, смѣшанные браки между лютеранами и католиками. Іезуиты, лишь только вступили въ саратовскія колоніи, безпощадно стали преслѣдовать подобные браки. Самыя дикія угрозы расточаемы были іезуитами, тѣмъ, которые намѣрены были вступать въ подобные браки. Образчикомъ такихъ дѣйствій можетъ служить выходка іезуита Лефлера противъ дѣвицы Марьи Сандосъ. Вотъ что̀ пишетъ дѣвица Сандосъ въ жалобѣ своей къ митрополиту Сестренцевичу: «такого-то числа просила я патера Лефлера исповѣдать меня и удостоить св. причастія. Выслушавъ желаніе мое, спросилъ онъ: не я ли дѣвица Сандосъ, которая намѣрена соединиться бракомъ съ г. Шкоттомъ? и узнавъ отъ меня, что я та самая, возразилъ патеръ Лефлеръ мнѣ: что ни исповѣданія, ни св. причастія удостоена быть не могу, по той причинѣ, что желаю выдти замужъ за человѣка лютеранской вѣры, и за сіе намѣреніе, если онаго не перемѣню, буду проклята

(¹) Opis dziewięciu Missyi Saratowskich... стр. 35. «W Gresnowackiey Missyi niektórzy swego xiędza i wszystkich xięży Jezuitów wyklętemi nazywali; nie skąpili urągowiska, czernidła i obelg, któremi sławę xiędza swégo szarpali.

(²) Тамъ же, стр. 34—36.

какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей вѣчности, и когда душа моя переселится, то возьмутъ ее демоны [1].» Напрасно митрополитъ вразумлялъ іезуитовъ и доказывалъ имъ всю несообразность ихъ поведенія, они или безстыдно запирались въ своихъ поступкахъ, или нагло насмѣхались надъ его предостереженіями и продолжали нарушать семейное спокойствіе. Вмѣшательство въ семейныя дѣла колонистовъ, со стороны іезуитовъ, простерлось до того, что они неограничились только тѣмъ, чтобы препятствовать колонистамъ заключать смѣшанные браки, но и осмѣлились расторгать уже давно заключенные такого рода браки. Такъ, католики колоній Тонкошуровки офиціально жаловались на своего патера Алоиза Морица, что онъ разводитъ колонистку Марію Гильдъ съ мужемъ своимъ за то только, что Маргарита Гильдъ, чтобы развестись съ своимъ первымъ мужемъ Соммеръ, приняла лютеранство, а потомъ вступила во второй бракъ съ католикомъ Гильдомъ. Бракъ Маргариты съ первымъ ея мужемъ, былъ расторгнутъ при соблюденіи всѣхъ формальностей и съ вѣдома бывшаго суперіора духовенства колоній патера Маевскаго; такъ точно и обвѣнчаны они были по всѣмъ правиламъ церкви. Супруги Гильдъ благополучно прожили въ этомъ бракѣ 16 лѣтъ и прижили дѣтей, которыя еще тѣснѣе связали ихъ между собою, а хозяйство ихъ служило примѣромъ порядка во всей колоніи. Но вдругъ іезуитъ Морицъ начинаетъ доказывать Гильду, что бракъ его съ Маріею - Маргаритою незаконный, и дѣти, прижитыя

[1] Опись бумагамъ церквей С.-Петербургской и другихъ, и дѣло въ рим. кат. колл. по іезуитскому отдѣлу, № 926-й и №№ 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179. Митрополитъ приказалъ Лефлеру повѣнчать дѣвицу Сандосъ со Шкоттомъ.

имъ съ Маргаритою, такъ же суть дѣти незаконнорожденныя, а потому Гильду должно разойтись съ своей женой. Это такъ подѣйствовало на воображеніе супруговъ, что они предались отчаянію, бросили заниматься своимъ хозяйствомъ и пришли въ нищету. Положеніе Гильдовъ тронуло ихъ сосѣдей; послѣдніе, по участію къ несчастному положенію Гильдовъ, обратились съ просьбою въ опекунскую колонистскую контору; та въ свою очередь донесла министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею о такихъ продѣлкахъ Морица. Опекунская контора въ донесеніи своемъ министру о дѣйствіяхъ Морица по отношенію къ Гильдамъ присоединяла еще такія обстоятельства, что, кромѣ того, что на Морица жалуется весь его приходъ, онъ позволяетъ себѣ еще такія умствованія, которыя совсѣмъ неприличны приходскому священнику и означаютъ ежели не безпокойный его нравъ, то прямое изступленіе, ибо въ оныхъ осмѣливается онъ вводить историческіе примѣры о главахъ коронованныхъ, какъ то: о королѣ англійскомъ Генрихѣ VIII-мъ и прусскомъ Фридрихѣ II-мъ, и сравниваетъ оныя съ людьми простыми и неспособными вникать въ виды политическіе, которые нетолько до приходскихъ священниковъ, но и вообще до духовенства непринадлежатъ, и для того онаго Морица, какъ такого патера, котораго умствованія въ общежительствѣ не могутъ приносить пользы, который собрата своего, вѣнчавшаго Гильдовъ, какъ вѣроятно, незная его, осмѣливается не словесно токмо, но и письменно, порицать разными неблагопристойностями, не донося своему архипастырю, и который поведеніе свое употребляетъ къ раздору семействъ и ко вреду домостроительства, вмѣшиваясь въ дѣла брачныхъ разводовъ, вовсе ни къ суду, ни къ разсмотрѣнію его неслѣдующія, и присвояя себѣ тѣмъ власть, епархіальнымъ консисторіямъ принадлежащую, на

всегда отъ употребленія въ должности приходскаго священника и отъ исправленія всякихъ мірскихъ требъ тотчасъ отрѣшить, отдаля въ одинъ изъ монастырей іезуитскаго общества, о чемъ къ шефу того общества патеру Груберу послать указъ, съ тѣмъ, чтобы онъ всѣ мірскія требы исправляющимъ іезуитамъ подтвердилъ не мѣшаться отнюдь въ дѣла, до разводовъ брачныхъ касающіяся, и въ разныхъ своихъ отношеніяхъ не вводить умствованій неприличныхъ духовенству, или дерзостей, оскорбляющихъ своихъ собратій (1). Митрополитъ Сестренцевичъ въ коллегіи, куда передано было дѣло Кочубеемъ, совершенно согласился съ мнѣніемъ саратовской опекунской конторы. Груберъ принужденъ былъ покориться опредѣленію коллегіи, и Морицъ былъ удаленъ изъ колоній саратовскихъ.

Разрушительно вліяя на семейную жизнь колонистовъ, іезуиты производили зловредное дѣйствіе на всѣ стороны быта своихъ прихожанъ. Колонисты - католики далеко уступали своимъ сосѣдямъ - лютеранамъ въ образованности, внѣшнемъ довольствѣ и богатствѣ, въ трезвости, честности, трудолюбіи, цѣломудріи и другихъ качествахъ. Патеры - іезуиты заботились только о томъ, чтобы ихъ прихожане чаще ходили къ нимъ на исповѣдь, дѣлали приношенія (2), участвовали въ церковныхъ торжествахъ и

(1) См. въ арх. римско-катол. колл. дѣло подъ № 981-мъ, годъ 1804-й, «по предложенію митрополита отношенія министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, что іезуитъ Алоизъ Морицъ хочетъ развесть колонистовъ Гильдъ».

(2) Іезуиты въ Саратовскихъ колоніяхъ получали жалованье въ такомъ количествѣ: священникъ при Саратовской церкви—400 рублей, другіе же священники по 300 рублей въ годъ, да кромѣ того, они брали за исправленіе требъ отъ прихожанъ, получали разные подарки натурою, какъ-то: рыбою, фруктами, икрою, зеленью и подобными веществами (см. Le

разныхъ процессіяхъ, безпрекословно исполняли всѣ ихъ приказанія и прихоти, а все прочее считалось маловажнымъ, или могло легко загладиться, по воззрѣнію іезуитовъ ([1]).

Имѣя въ виду только захватъ какъ можно большаго пространства подъ свои резиденціи и распространеніе своего вліянія на возможно большее число прихожанъ, а вовсе не заботясь о нравственномъ возвышеніи своихъ овецъ и ихъ духовномъ просвѣщеніи, іезуиты старались всячески изъ колоній Саратовскихъ пробраться въ Астрахань и завладѣть тамошнею латинскою церковію. Главная конечно цѣль всѣхъ этихъ домогательствъ со стороны іезуитовъ была та, чтобы имъ успѣшнѣе распространять латинство между армянами, въ среду которыхъ уже отчасти проникла латинская закваска и производила свое дѣйствіе. Іезуиты видѣли, что Астрахань представляетъ имъ болѣе удобствъ для латинской пропаганды, чѣмъ саратовскія колоніи. Въ Астрахани нѣтъ ни опекунской конторы, которая непозволяетъ самоуправствовать іезуитамъ; тамъ нѣтъ ни этихъ проклятыхъ еретиковъ лютеранъ и кальвинистовъ, которые зловредно дѣйствуютъ даже на овечекъ

Catholicisme Romain en Russie, par Tolstoy, tom II pag. 172, примѣч. 1-е, также Собр .Зак. № 22, 935, г. 1808).

([1]) Вѣстникъ Европы, г. 1869, № 1-й, статья Кляуса «Духовенство и школы», стр. 150—156. «Если нравственный уровень приходскаго духовенства католическаго, при семинарскомъ его воспитаніи и безбрачной жизни, и протестантскаго, при его университетскомъ образованіи и семейномъ бытѣ, вообще относится всегда и вездѣ, какъ 2 къ 3, то это подтверждается и на нашихъ колоніяхъ того и другаго исповѣданія—положеніемъ въ нихъ школьнаго дѣла, нравственности и умственнаго развитія населенія, общественнаго благоустройства и частной состоятельности. Это различіе по исповѣданіямъ выражается даже въ наружной обстановкѣ колоній, въ постройкахъ, семейномъ быту и т. д.

іезуитскихъ, внушая имъ недовѣріе къ своимъ пастырямъ, и своимъ пытливымъ умомъ провѣряя слова о. о. іезуитовъ, находятъ въ нихъ или сущій вздоръ, или наглый обманъ. Астрахань—Азія, гдѣ невѣжество и простота умственная и религіозная, увлекающаяся внѣшностію, образностію, первымъ впечатлѣніемъ, безъ всякаго анализа его, представляетъ богатый матеріалъ для іезуитской дѣятельности. Самая давность явленія здѣсь латинства уже много ручалась за будущіе успѣхи іезуитовъ въ этой мѣстности.

Въ Астрахани явилось латинство еще въ первой четверти XVIII столѣтія въ 1722 г. Астраханскій архіерей доносилъ св. Синоду, что 1720 г. капуцинъ патеръ Антоній пробрался изъ Персіи и Кавказа съ переселяющимися оттуда армянами въ Астрахань и построилъ здѣсь, съ дозволенія губернатора Артемія Волынскаго, въ армянской слободѣ свою деревянную церковь Beatae Virginis Mariae. Первыми членами вновь построенной церкви были обращенные патеромъ Антоніемъ въ латинство тамошніе армяне. Потомъ при этой церкви явилось уже три капуцина вмѣсто одного, и это число сдѣлалось впослѣдствіи постояннымъ и нормальнымъ. Пропаганда латинства между армянами шла удачно и перешла даже къ живущимъ около Астрахани калмыкамъ и къ народамъ Кавказскаго края. Гражданское астраханское начальство, начиная съ извѣстнаго Волынскаго, покровительствовало патерамъ капуцинамъ. Въ 1734 г. латинскій костелъ въ Астрахани былъ обновленъ, съ дозволенія губернатора Измайлова и оберъ-коменданта Чирикова. Но вотъ собралась гроза надъ астраханскими капуцинами: въ 1735 г. явился указъ, которымъ воспрещалась всякая пропаганда въ русскомъ государствѣ: ни католики, ни лютеране не могли обращать въ свою вѣру даже язычниковъ. Синодъ обратилъ вниманіе и на латин-

скую астраханскую церковь и потребовалъ объясненія отъ астраханскаго архіерея Иларіона о причинѣ существованія ея. Иларіонъ доносилъ Синоду, что костелъ существуетъ и возобновленъ безъ вѣдома его, и представлялъ, что и существовать ему въ Астрахани неслѣдъ, понеже римскаго закону людей въ Астрахани, какъ служилыхъ, такъ и купечества, ни одного человѣка неимѣется, но токмо единые патеры ([1]). «Но не смотря на такое категорическое заявленіе пр. Иларіона о ненадобности существованія латинскаго костела въ Астрахани, онъ продолжалъ существовать: гражданская мѣстная власть отстаивала существованіе латинской церкви въ Астрахани и приводила въ основаніе своихъ доказательствъ то, что въ русской службѣ и прочихъ народовъ римской вѣры въ Астрахани довольное число ([2])». Пропаганду свою капуцины производили также успѣшно и дѣятельно не смотря на вышеупомянутый указъ. Такъ въ 1747 г. одна калмычка подала астраханскому архіерею прошеніе, въ которомъ между прочимъ писала, что «въ прошлыхъ годахъ, тому нынѣ 9 лѣтъ, отдана она въ замужество за калмыка-католика и что патеръ Феликсъ крестилъ ее въ свой католическій законъ» ([3]). Вслѣдствіе такихъ открытій коллегія иностранныхъ дѣлъ запретила указомъ отъ 31 Марта 1747 г. астраханскому патеру Иванесу пропаганду въ русскихъ владѣніяхъ на Кавказѣ, и тоже запрещеніе подтвердила въ слѣдующемъ

([1]) Разсказъ о введеніи латинства въ Астрахани, мы заимствуемъ изъ статьи г. Строжевскаго, помѣщенной въ Русской рѣчи и Московскомъ Вѣстникѣ, № 91, г. 1861, 12-е число Ноября, и составленной, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ имъ изъ архива астраханской консисторіи.

([2]) Тамъ же.

([3]) Тамъ же.

году явившимся на мѣстѣ Иванеса капуцинамъ Франциску Маріогроно и Габріелю Авиллафорію. Но всѣ эти запрещенія были для капуциновъ пустымъ клочкомъ бумаги. Въ 1755 г. армянскій епископъ Стефанъ извѣстилъ нашего астраханскаго архіерея, что капуцины совращаютъ въ латинство не только армянъ, но и православныхъ. При этомъ армянскій епископъ представилъ и списокъ лицъ изъ армянъ, обращенныхъ въ латинство. Начались допросы; допрашиваемые указывали на своихъ совратителей, въ числѣ которыхъ встрѣчается іезуитъ патеръ Лакартинъ. Капуциновъ потребовали къ суду, тѣ отказались явиться на судъ безъ предварительнаго извѣщенія о томъ и безъ полученія разрѣшенія на то отъ римскаго посланника въ Петербургѣ. Капуцинъ Сотеръ отправился въ Петербургъ, вслѣдъ за нимъ поѣхалъ туда же и другой капуцинъ Францискъ. Духовное астраханское правительство начало зорче слѣдить за капуцинами и ограничивало ихъ дѣятельность. За то и капуцины усилили свою энергію. Въ 1760 г. прибыли въ Астрахань три новые капуцина; ихъ принимали въ свои дома нетолько инородцы, но даже русскіе жители Астрахани. Архіереемъ православнымъ въ Астрахани въ то время былъ Меѳодій; онъ встревожился прибытіемъ капуциновъ, а особенно оказаннымъ имъ пріемомъ со стороны русскихъ астраханскихъ гражданъ. Новоприбывшіе капуцины съ перваго же разу обнаружили такую дерзость, что недали знать о себѣ мѣстному духовному православному правительству, что̀ они должны были сдѣлать чрезъ губернскую канцелярію. Меѳодій обратился за свѣдѣніями къ губернской канцеляріи; та отвѣтила ему, что «всѣ три патера-капуцины, Канутусъ, Кресценціусъ и Ромуальдусъ, пріѣхали въ Россію изъ Богемскаго королевства чрезъ Польшу, съ паспортами,

данными отъ римскаго императорскаго двора, за подписомъ венгеро-богемской королевы Маріи-Терезіи и находящагося при ономъ римскомъ дворѣ россійскаго чрезвычайнаго посланника графа Фонъ-Кейзерлинга». Двое изъ этихъ капуциновъ являлись въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, а третій не являлся; всѣ пріѣхали въ Астрахань чрезъ Москву, по указу римскаго папы, ради исправленія по ихъ закону духовныхъ требъ, въ чемъ имѣютъ они у себя и отъ онаго папы указы ([1]).

Изъ этихъ патеровъ, Ромуальдусъ имѣлъ степень доктора медицины. Въ 1760-мъ г. капуцины выхлопотали себѣ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указъ, которымъ позволялось патеру Ромуальдусу отправиться къ калмыцкому хану Дондукъ-Даши. Калмыки особенно уважаютъ знахарство и лекарское искусство, слѣдовательно отправленіе къ нимъ Ромуальдуса вѣрно расчитано было капуцинами на успѣхъ ихъ пропаганды, между этими инородцами. Крайній въ то время недостатокъ врачей въ астраханской мѣстности, при множествѣ господствующихъ тамъ болѣзней, по причинѣ нездороваго ея климата, доставлялъ уваженіе капуцинамъ, знавшимъ медицину, не у однихъ только калмыковъ, но и у русскихъ. Патеры день ото дня, болѣе и болѣе пріобрѣтали себѣ уваженіе у жителей Астрахани, и этимъ болѣе и болѣе возбуждали вниманіе къ себѣ со стороны Меѳодія. Въ 1761 г. патеръ Канутусъ просился для исправленія духовныхъ требъ въ Кизляръ. Меѳодій отпустилъ его туда только по особенному разрѣшенію Синода. Въ 1762-мъ г. Ромуальдусъ просится для этой же цѣли въ Персію (въ русскія владѣнія за Кавказомъ), Меѳодій уволилъ его только на одинъ годъ, съ обязатель-

([1]) Тамъ же.

ствомъ, «дабы онъ, кромѣ римлянъ, не изъ какихъ, будучи тамъ, законовъ въ свое исповѣданіе превращать не могъ (¹)». Но что значили всѣ эти запрещенія, безъ возможности со стороны мѣстнаго православнаго духовенства ни слѣдить за дѣйствіями капуциновъ, ни преслѣдовать ихъ за нарушеніе данныхъ имъ предписаній! А потому капуцины, не смотря на всѣ запрещенія ловили каждый случай, чтобы расширить свое вліяніе и распространить свою область. Въ 1762-мъ г. они начали строить каменную стѣну вокругъ своего деревяннаго костела. Мѣстное православное духовенство протестовало противъ этого, ссылаясь на указъ Императрицы Елизаветы Петровны, которымъ запрещалось не только строить въ Астрахани сгорѣвшій костелъ, но и не велѣно возобновлять старый. Консисторія представила свои соображенія инженерной командѣ, но послѣдняя дала такой отвѣтъ, что она позволила такое строеніе на томъ основаніи, что «оные римскіе патеры строеніе производятъ для житья своего и костелу возобновленія никакого нѣтъ (²)». При такомъ потворствѣ со стороны мѣстныхъ гражданскихъ властей капуцинамъ, они безстрашно приступили къ постройкѣ каменной церкви въ Астрахани, вмѣсто бывшей деревянной. Въ строеніи этой церкви употреблено было все, чтобы привлечь къ ней жителей города Астрахани. Восточный вкусъ жителей Астрахани, особенно армянъ и калмыковъ, на которыхъ больше всего разсчитывали капуцины, могъ найдти для себя удовлетвореніе въ этомъ массивно величественномъ зданіи византійско-итальянской архитектуры. Храмъ этотъ обращенъ алтаремъ къ востоку, по обычаю армянской и православной церкви, а не на западъ, какъ обыкновенно строятся церкви у лати-

(¹) Тамъ же.

(²) Тамъ же.

нянъ. Главнымъ орудователемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Ромуальдусъ ([1]). До самаго конца XVIII-го столѣтія капуцины владѣли латинскою астраханскою церквiю. Замѣчательно, что въ 1792-мъ г. въ астраханскую духовную семинарiю былъ опредѣленъ учителемъ латинскаго и французскаго языковъ капуцинъ аббатъ Антоновичъ.

Начало XIX-го столѣтiя было роковымъ для астраханскихъ капуциновъ. Iезуиты поняли всю выгоду Астрахани для будущей ихъ дѣятельности, они знали, какъ хороши мѣстныя условiя этого края для латинской пропаганды и какъ хорошо для этого подготовлена почва. Было бы немыслимо, съ iезуитской точки зрѣнiя, если бы они не воспользовались благопрiятными для нихъ теперь обстоятельствами для завладѣнiя астраханскою латинскою церковiю. Близость Астрахани къ Саратову и колонiямъ еще болѣе разжигала въ iезуитахъ страсть утвердиться въ Астрахани. Сначала iезуиты вошли въ знакомство съ армяно-католиками, живущими въ Саратовѣ; чрезъ нихъ начались сношенiя и переговоры съ астраханскими католиками. Отправленiе астраханскихъ купцевъ изъ армяно-католиковъ чрезъ Саратовъ на нижегородскую ярмарку послужило са-

([1]) При входѣ въ астраханскую латинскую церковь, на лѣвой сторонѣ ея можно видѣть портретъ капуцина среднихъ лѣтъ, выражающаго своими нѣсколько прищуренными глазами и сжатыми губами хитрость съ необыкновенной энергiей. Подъ этимъ портретомъ можно прочитать латинскую надпись: «Doctor Ecclesiae Romanocatholicae Astrachensis Pater Romualdus, ordinis Capucini, doctor medicinae, anno Domini 1762. Ромуальдусъ, говоритъ Сторожевскiй, представляетъ любопытный примѣръ миссiонерскихъ странствованiй капуциновъ. Въ 1765 г. онъ является на совершенно противоположномъ углу Европы въ Испанiи въ Сiеррѣ-Моренѣ, съ патентомъ генерала капуцинскаго ордена, уполномочивавшимъ его заботиться о спасенiи душъ нѣмецкихъ колонистовъ, переселенныхъ сюда, извѣстнымъ государственнымъ мужемъ Испанiи, Олавидесомъ (Тамъ же).

мымъ удобнымъ случаемъ для іезуитовъ войти въ непосредственныя сношенія съ астраханскими армянами и завязать болѣе прочное знакомство съ ними. Потомъ начались экскурсіи іезуитовъ изъ Саратова въ Астрахань подъ предлогомъ закупки рыбы, икры, винограда, риса и т. под.; а въ сущности для совѣщаній на мѣстѣ, о томъ, какъ лучше приготовить катастрофу капуцинамъ и завладѣть ихъ достояніемъ. Для этого употребленъ былъ такъ обыкновенный въ іезуитской практикѣ пріемъ: нѣсколько подговоренныхъ іезуитами личностей подаютъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ, или митрополиту Сестренцевичу, на своихъ духовныхъ и просятъ замѣнить ихъ іезуитами [1]. Министръ въ Петербургѣ осаждается ходатайствомъ съ разныхъ сторонъ въ пользу іезуитовъ; митрополитъ обыкновенно при этомъ поставляется въ такую пассивную роль, что ему остается только согласиться на прошеніе католиковъ извѣстной мѣстности и дать извѣстнымъ личностямъ іезуитскаго общества, избраннымъ генераломъ ордена, а не митрополитомъ, право совершать таинства, проповѣдывать, однимъ словомъ, все, что относится къ должности священника. Въ подобное же положеніе поставленъ былъ Сестренцевичъ и въ настоящемъ случаѣ. Вотъ что писалъ Сестренцевичъ чрезъ Грубера іезуитамъ Войцвилло и Малевэ отъ 28-го Января 1805-го г., по случаю назначенія ихъ въ Астрахань, «такъ какъ армяне-католики, живущіе въ Астрахани, просили у меня и у министра Его Императорскаго Величества священниковъ вашего общества, которые бы ревностно заботились о вѣчномъ ихъ спасеніи; то я даю вамъ вышеупомянутымъ отцамъ, и имѣющимъ занять ваше мѣсто и пріемникамъ вашимъ, право управлять астра-

[1] Opis dziewięciu Missyi Saratowskich... стр. 24—25.

ханскимъ приходомъ, какъ въ духовномъ отношеніи, такъ и временномъ. Если же кто дерзнетъ противиться, чего впрочемъ я не думаю, настоящему нашему распоряженію, то вы въ правѣ требовать себѣ отъ астраханскаго начальства должной и законной защиты и доносить ему на непокорныхъ» ([1]). На помощь Войцвилло и Малевэ Груберъ придалъ еще схоластика Родзевича ([2]). Вѣрные себѣ, іезуиты прежде всего занялись прибраніемъ въ свои руки воспитанія дѣтей и завладѣніемъ всякими способами чужой собственности. Для достиженія первой цѣли они завели при своемъ домѣ благородный пансіонъ или институтъ, гдѣ преподавались самими іезуитами слѣдующіе предметы: чистописаніе, священная исторія, русская исторія,

([1]) См. въ арх. рим. кат. колл. въ отдѣлѣ «описаніе іезуитскихъ церквей» дѣло подъ № 24-мъ «порученіе іезуитамъ астраханской церкви,» гдѣ Сестренцевичъ даетъ полномочіе на должность приходскихъ священниковъ іезуитамъ Войцвилло и Малевэ.» in imperio Suae Imperatoriae Majestatis Alexandri I Imperatoris et Autocratoris totius Rossiae et c. c. c. Domini nostri Clementissimi, Stanislaus Metropolitanus unicus omnium ecclesiarum Catholicarum in Rossia, reverendis patribus Ioanni Voyszwillo, Melchiori Malewé societatis Iesu benedictionem. Cum Armeni-Catholici, qui sunt Astrachani, petierint a me et a ministro Suae Majestatis Imperatoriae Sacerdotes vestrae Societatis, qui acternae corundem Saluti procurendae diligentem navarent operam: igitur vobis, patribus societatis Jesu suprascriptis, vel verstrum locum occupaturis, vel vobis Successuris, committo administrationem parochiae astrachanensis in spiritualibus et temporalibus. Quod si quis, quod non spero, aususfuerit, ordinationi praesent contradicere, vestrum erit a regimine Imperiali astrachanensi exorare debitam et legitimam protectionem, et in obedientes, qui ei subeerint, animadversionem.» Изъ самыхъ этихъ выраженій Сестренцевича видно, что далеко не всѣ католики астраханскіе желали іезуитовъ, и что утвержденіе ихъ въ Астрахани было дѣломъ одной, подговоренной іезуитами, фракціи общества, а потому митрополитъ и опасается сопротивленія его распоряженію касательно замѣны капуциновъ іезуитами.

([2]) Cathalogus personarum et officiorum societ. Jesu. г. 1805-й, стр. 21.

ариѳметика, катихизисъ, исторія всеобщая, геометрія, рисованіе, языки: русскій, французскій, нѣмецкій и латинскій. Воспитанники раздѣлялись на два класса: первый и вторый. Кромѣ благороднаго пансіона, іезуиты основали училище при своей церкви, имѣвшее тоже два класса и назначенное спеціально для дѣтей не богатаго народонаселенія Астрахани. Въ первомъ классѣ обучались дѣти чтенію, чистописанію, ариѳметикѣ и катихизису; во второмъ грамматикѣ русской и армянской, географіи, бухгалтеріи и переводамъ съ армянскаго на русскій и съ русскаго на армянскій. Число воспитанниковъ благороднаго пансіона всегда невосходило выше числа 10, а училища достигало до 30 и болѣе ([1]). Г. Сторожевскій такъ описываетъ педагогическую дѣятельность астраханскихъ іезуитовъ: «своею вкрадчивостію они постарались прежде всего заслужить вниманіе отцевъ и матерей: этого они добились не только отъ армянъ и другихъ жителей Астрахани, но даже и отъ русскихъ. Пансіонъ іезуитскій въ Астрахани посѣщали не одни благородные, которыхъ въ Астрахани слишкомъ не много, а пансіонъ былъ полонъ. Воспитанники духовной семинаріи астраханской были не послѣдними посѣтителями этого пансіона: здѣсь ихъ ласкали и обучали языкамъ; при обученіи языкамъ, іезуиты непропускали случаевъ дѣйствовать на своихъ воспитанниковъ и нравственно. Мы слышали отъ одного жителя Астрахани, помнящаго періодъ господства іезуитовъ въ Астрахани и даже учившагося у нихъ латинскому языку, что воспитанники семинаріи были безъ ума отъ ихъ вниманія, отъ ихъ

([1]) Арх. м. нар. пр. № 79-й, г. 1813-й, «по рапорту ректора полоцкой іезуитской академіи объ отрытіи лекцій въ оной академіи, о состояніи оной и подвѣдомыхъ ей училищъ».

привѣтливости, отъ ихъ исполненнаго любви старанія передавать мальчикамъ разныя знанія. Можно вполнѣ понять восхищеніе воспитанниковъ семинаріи, если вспомнить, какая грубость тогда господствовала въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и если взять вовниманіе практическій тактъ іезуитовъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы упрочить свое вліяніе. Съ властями астраханскими—гражданскими и духовными іезуиты стали въ самыя лучшія отношенія [1]. Эти хорошія отношенія іезуитовъ къ мѣстнымъ гражданскимъ и духовнымъ властямъ для нихъ были необходимы сколько для расширенія своей педагогической дѣятельности, столько же для прикрытія ихъ продѣлокъ при захватѣ чужаго имѣнія, и обогащенія себя всякими незаконными средствами. Такъ они, пользуясь несовершеннолѣтіемъ одного астраханскаго армянина и его умственною ограниченностію, а также несоблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей въ бумагахъ, завладѣли его домомъ и обратили въ свою собственность. Здѣсь, какъ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ, іезуиты дѣйствовали не сами непосредственно, но научали и настроивали какого нибудь пройдоху, или какого нибудь простака, убѣдивши его въ правомъ ихъ дѣлѣ и обѣщавши ему извѣстную плату за его труды [2]. При такомъ способѣ пріобрѣтенія себѣ собственности, іезуиты въ Астрахани успѣли въ короткое время обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ [3].

(1) См. въ Рус. Рѣчи, г. 1861, № 91-й, статью г. Сторожевскаго «капуцины и іезуиты въ Астрахани».

(2) См. въ описаніи іезуитскихъ церквей дѣло подъ №№ 54, 55, доношеніе отъ іезуита Войцвилло Сестренцевичу о дѣлѣ архимандрита Іосифа Тутеріана, касательно купленнаго имъ дома, и копія письма митрополита къ архимандриту Тутеріану, съ препровожденіемъ къ нему подлинныхъ документовъ.

(3) Визиты (въ арх. колл.) римско-католическихъ церквей Херсонской

Астраханскіе іезуиты, подобно своимъ товарищамъ, пребывающимъ въ Саратовскихъ колоніяхъ, принесли въ жизнь астраханскихъ армянъ разладъ, семейную рознь; неудовольствія и худые примѣры. Какъ въ Саратовѣ іезуиты съ ожесточеніемъ преслѣдовали, такъ называемые смѣшанные браки, такъ и въ Астрахани они разстроивали семейное спокойствіе жившихъ въ такихъ бракахъ. Такъ изъ внутренней переписки іезуитовъ видно, что они разстроили семейное согласіе одного астраханскаго жителя, по имени Россо, и довели его съ женою до того, что они стали жить между собою во враждѣ. Россо принужденъ былъ жаловаться на іезуитовъ астраханскому губернатору, и это обстоятельство такъ подѣйствовало на Россо, что онъ съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ іезуитовъ ([1]).

епархіи, гдѣ церковь астраханская и недвижимая при ней собственность описываются такъ: «астраханская приходская церковь каменная во имя Успенія Пресвятой Богородицы, построена въ 1762 г. стараніемъ бывшаго курата Ромуальда изъ капуцинскаго ордена, отъ добровольныхъ пожертвованій, и имъ освящена, имѣющая положеніе продолговатое, въ длину 15 саженъ ¾ аршина, въ ширину 9, а въ высоту 8 саженъ, крытая новымъ тесомъ, съ куполомъ и двумя спереди колокольнями, крытыми желѣзомъ, а кресты на куполѣ и на колокольняхъ золоченые, куполъ окрашенъ синей масляной краской, а крыша зеленой; внутри церкви 4 столба, поддерживающіе восьмигранный куполъ, въ коемъ 8 оконъ. Есть еще другая каменная церковь на кладбищѣ, построенная 1789 г. астраханскимъ купцомъ изъ армяно-католиковъ Михаиломъ Алабовымъ. При церкви приходской каменный дву-этажный домъ, крытый черепицею и построенный 1762 года стараніемъ того-же патера Ромуальда; есть еще, кромѣ этого дома другой деревянный, пріобрѣтенный покупкою (?) на церковныя деньги. Прихожанъ при астраханской церкви въ 1850 г. считалось 326 человѣкъ; изъ нихъ 248 поляковъ, 65 армянъ, 8 нѣмцевъ, 2 italiянца и 3 турка». Изъ этого можно видѣть, какое ничтожное число латинянъ было въ Астрахани въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го столѣтія, а также легко понять, съ какою главною цѣлію основалась здѣсь латинская духовная община.

([1]) Внутр. перепис. іезуитовъ № 275.

Іезуиты неограничивали пребыванія своего только въ предѣлахъ Саратова и Астрахани, напротивъ, они простерли экскурсіи свои до Тамбова и Казани. Всякое обстоятельство, всякій случай на этотъ разъ были предлогомъ для іезуитскихъ странствованій. Цѣлію всѣхъ этихъ путешествій было отысканіе католиковъ, стремленіе завязать съ ними общеніе и сношеніе, а тамъ далѣе распустить сѣти свои для уловленія въ Латинство и не латинянъ, а и православныхъ, лютеранъ, калмыковъ, татаръ и другихъ. Большая часть и главная доля этихъ экскурсій совершалась настоятелемъ іезуитской саратовской общины Ляндесомъ. Одна изъ такихъ экскурсій простиралась на большое пространство, да и самый предлогъ къ ней выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ событій и принадлежалъ къ разряду выходящихъ изъ круга обыкновенныхъ. Одинъ изъ католическихъ священниковъ, нѣкто Жамаръ, влюбился въ Пензѣ въ одну русскую и съ нею отправился отсюда въ Воронежъ, чтобы принять православіе и жениться на любимой имъ женщинѣ. Можно себѣ представить, какой переполохъ произвело это происшествіе во всѣхъ латинскихъ кружкахъ вообще и іезуитскомъ по преимуществу. Іезуитскій генералъ тотчасъ написалъ Ляндесу, чтобы онъ употребилъ всѣ усилія какъ нибудь прекратить соблазнъ, произведенный поступкомъ Жамара, и его самаго отклонить отъ его будущихъ намѣреній. Нужно было гдѣ нибудь настичь Жамара и объясниться съ нимъ лично; но Жамаръ постоянно переѣзжалъ съ своей возлюбленной изъ одного мѣста въ другое: изъ Пензы въ Воронежъ, изъ Воронежа въ Харьковъ, наконецъ совершенно потерянъ былъ и слѣдъ его. На подмогу Ляндесу въ отысканіи Жамара данъ былъ іезуитъ Авердонкъ, который наконецъ открылъ въ Воронежѣ слѣды пребыванія бѣглеца и отступника отъ латинства; но самаго

его лично видѣть не могъ. Преслѣдуя Жамара, іезуиты въ тоже время достигали своихъ цѣлей: они собирали свѣдѣнія о католикахъ, жившихъ въ Пензѣ, Харковѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, и другихъ мѣстностяхъ, входили въ близкія сношенія даже съ лютеранами этихъ мѣстностей. Одинъ изъ такихъ служилъ даже шпіономъ для Ляндеса и доносилъ ему, что Сестренцевичъ, несмотря на такое поведеніе Жамара, далъ ему полную власть совершать таинства и всѣ приходскія требы въ мѣстностяхъ, лежащихъ около Тамбова, Воронежа, Пензы и Харьковѣ, и что онъ самъ видѣлъ, какъ Жамаръ послѣ бѣгства своего изъ Пензы, преподавалъ католикамъ въ Воронежѣ таинства. Случай съ Жамаромъ пробудилъ въ іезуитахъ, какъ открывается изъ письма Ляндеса, сильное желаніе завладѣть тѣми мѣстностями, въ которыхъ дѣйствовалъ Жамаръ. Описывая Воронежъ, Ляндесъ извѣщаетъ своего генерала, что здѣсь живетъ нѣсколько католическихъ семействъ, но онѣ находятся въ невыгодномъ положеніи, по причинѣ отдаленности этого города отъ Саратова и Москвы. Смыслъ послѣдней недоговоренной фразы тотъ, что хорошо бы было въ Воронежѣ основать іезуитскую миссію или резиденцію. Далѣе іезуитъ выражается откровеннѣе: «есть, продолжаетъ онъ, почти 50 католиковъ и въ Симбирскѣ, — это французы, италья-

Примѣчаніе. Жамаръ едвали не былъ іезуитомъ. Во внутренней своей перепискѣ іезуиты называютъ его аббатомъ Жаномъ, если это только не ошибка переписчика рукописи. Возлюбленную его они называютъ берлинскою уроженкою, публичною женщиною, изъ за которой онъ хотѣлъ сдѣлаться русскимъ, т. е. принять православіе и русское подданстве, и жениться на ней въ Пензѣ. Два протестанта, живущіе въ Пензѣ, будто-бы воспрепятствовали ему въ этомъ, но онъ, однакоже, потомъ зажилъ съ этою Берлинкою въ Воронежѣ, выдавая себя за человѣка, утвержденнаго митрополитомъ къ отправленію католическаго служенія (sic). Внутр. переп. іезуит. № 114-й.

цы и нѣмцы, а въ Казани ихъ еще больше, и попреимуществу нѣмцы; въ Пензѣ ихъ немного, и большею частію нѣмцы. Всѣ католики, живущіе въ этихъ городахъ, говорятъ по русски. Впрочемъ, всѣ они находятся въ бѣдственномъ положеніи; вообще весьма опасно оставлять въ этихъ мѣстностяхъ одного священника, а необходимо нужно послать туда покраней мѣрѣ *двухъ апостоловъ* (т. е. іезуитовъ), которые бы нетолько знали языки, но были бы тверды въ догматахъ, нравственны и много опытны (1)». Вотъ какъ далего закидывали свои ловчія сѣти отцы іезуиты—эти ловкіе и искусные ловцы душъ человѣческихъ!

Забирая въ свои руки восточныя окраины Россіи, іезуиты немогли оставить безъ вниманія близскихъ къ Полоцку и Динабургу и давно памятныхъ имъ западныхъ оконечностей нашего отечества; не могли не бросать жадныхъ взоровъ на Ригу, которая жила еще въ традиціяхъ іезуитскихъ и была дорога обществу Лойолы по многимъ воспоминаніямъ. Столица эстолатышская давно считалась у іезуитовъ ихъ родною территоріей. Еще Стефанъ Баторій, извѣстный покровитель іезуитовъ, завоевавши Ригу, отнялъ у протестантовъ двѣ знаменитыя церкви св. Іакова и Маріи Магдалины, и отдалъ ихъ іезуитамъ. Знаменитый іезуитъ Скарга,

(1) См. въ арх. Римск. Катол. коллег. въ описаніи іезуитскихъ церквей № 171-й «Extractum ex epistola patris Landes ad R. P. Praepositum Generalem Societatis Jesu, гдѣ іезуитъ между прочимъ пишетъ:» Omnes, quotquot in istis urbibus (Pensa, Tambowa, Casani, Simbirsci, Woronez, Charkow et caet.) fixere domicilium Catholici, loquuntur Rossiace. Caeterum sunt hicatholici in gravissima necessitate; ut unus inter illos sacerdos constanter haereret, esset hoc utique periculosissimum; apostoli sint, oportet, qui ad illos mittantur duo saltem, non solum opus est, ut linguas calleant, sed etiam requiritur, ut sint solidae doctrinae, virtutis et magnae experientiae».

Лятерна и Винцерій были священниками при этихъ церквахъ и въ тоже время основателями и главными учителями устроеннаго ими коллегіума. Скоро число іезуитовъ въ Ригѣ возрасло до 9-ти человѣкъ. Здѣсь они спокойно царили до 1621 г., т. е. до завоеванія Риги Шведами, которые тотчасъ выгнали іезуитовъ, разрушили ихъ коллегіумъ, а церкви Іакова и Магдалины отдали опять лютеранамъ [1]. При шведскомъ владычествѣ положеніе латинства въ Ригѣ было самое печальное: реакція со стороны лютеранства противъ католицизма выражалась въ явленіяхъ самой ожесточенной нетерпимости; латинство не только лишено было законовъ покровительства, но и поражено остракизмомъ. Первая католическая церковь въ Ригѣ является въ 1743 г., но она была освящена Бениславскимъ только въ 1783 г. въ честь скорбящей Божіей Матери [2]. Съ Екатерины Великой Митава и Рига сдѣлались пристанищемъ многихъ французскихъ эмигрантовъ. Извѣстно, что въ Митавѣ была резиденція французскаго короля Людовика XVIII, здѣсь онъ жилъ совсѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ. Близость Риги къ Митавѣ и значительное превосходство первой надъ послѣднею привлекали въ столицу эсто-латышскую многихъ французовъ, оставшихся въ Митавѣ и окрестностяхъ Риги, послѣ удаленія и выселенія отсюда французскаго двора. Притокъ эмигрантовъ непрекращался, какъ мы знаемъ, и въ царствованіе Александра I-го. Для многихъ изъ этихъ эмигрантовъ жизнь въ Петербургѣ казалась слишкомъ шумною и блестящею, а несчастія, постигшія ихъ во время революціи располагали

[1] Historia Szkół w Koronie i wielkiem księstwie Litewskiem, przez Jozepha Łukaszewicza, tom. IV, стр. 145—147.

[2] Directorium officii divini et missarum generale за 1846-й г. въ департаментѣ Инос. Исповѣданій Мин. Внут. Дѣлъ.

ихъ болѣе къ уединенію и сосредоточенности въ себѣ, а можетъ быть, даже столичная жизнь была для нихъ и слишкомъ дорогою, а ихъ матеріальное благосостояніе было слишкомъ потрясено превратностями судьбы. Всѣ подобнаго рода люди предпочитали жить въ Ригѣ, которая по своему характеру такъ напоминала имъ европейскіе города и была такъ близка по своему географическому положенію къ Европѣ и все таки дорогой и любезной для нихъ Франціи, а въ тоже время такъ приходилась въ мѣрку съ ихъ душевнымъ и матеріальнымъ состояніемъ. Такимъ образомъ элементъ латинскій началъ болѣе и болѣе приливать въ Ригу. При Екатеринѣ нашли нужнымъ освятить здѣсь для латинянъ церковь. Въ рижской латинской общинѣ явилось много аристократическихъ личностей, какъ напр. герцогиня Де-Бриссакъ, урожденная Д'Армелье, баронесса Голькъ, Арманъ и другія [1]. На требованіе

[1] Самая знаменитая и вліятельная личность въ латинской рижской общинѣ была герцогиня Де-Бриссакъ, жена пера Франціи, губернатора парижскаго, главнаго начальника ста Швейцарцевъ королевской гвардіи, кавалера всѣхъ орденовъ, Луи-Геркулеса Тимолеона Де-Коссе, герцога Де-Бриссакъ родившагося, во Франціи въ 1734 г. и умерщвленнаго въ 1792 году. Обвиненный за свою преданность королю, онъ былъ перевезенъ въ Орлеанъ, отсюда въ Версаль, гдѣ былъ умерщвленъ въ первыхъ числахъ сентября 1792 года вмѣстѣ съ другими узниками. Герцогъ Бриссакъ долго боролся съ своими палачами, получилъ много ранъ и наконецъ палъ подъ ударомъ сабли. Онъ всегда отличался привязанностію къ Людовику XVI-му. Его нравственныя совершенства и смерть вдохнули Делилю прекрасные стихи въ 3-й пѣсни его поэмы «de la Pitié» (см. Biographie Universelle, par Michaud, tom. V. Статью «Brissac»). Революція и ея начала, нанесшія столько бѣдствій дому Бриссакъ, сдѣлались, такъ сказать, фамильнымъ пугаломъ этого семейства и предметомъ ужаса. Возвращеніе къ старому порядку вещей, существовавшему до французской революціи, было самымъ пламеннымъ желаніемъ фамиліи Бриссакъ. Но въ системѣ стараго порядка вещей іезуиты занимали самое видное и

ихъ объ устроеніи латинской церкви въ Ригѣ нельзя было отвѣчать отказомъ: церковъ дѣйствительно открыта была въ Ригѣ и Францискане назначены были отправлять при ней всѣ приходскія требы. Латинская община въ Ригѣ состояла по преимуществу изъ двухъ народностей—нѣмецкой и польской. Въ различіи склада воззрѣній этихъ двухъ племенъ, въ различіи ихъ интересовъ, даже въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ, наконецъ въ различіи вліянія представителей этихъ національностей на дѣла общины, церковное управленіе и хозяйство римской церкви, лежалъ зачатокъ розни, несогласій между членами латинской рижской общины. При подстреканіи извнѣ, при постороннемъ лукавомъ возбужденіи къ враждѣ, эта рознь и внутреннія несогласія общины могли разрѣшиться какимъ нибудь кризисомъ и катастрофой болѣе или менѣе значительной. Глазъ іезуитскій хорошо замѣтилъ внутреннее отношеніе членовъ рижской латинской общины другъ къ другу, условливаемое разностію ихъ племеннаго происхожденія. Сыны Лойолы не жалѣли силъ и средствъ, чтобы разжечь это внутренее несогласіе до возможно большихъ размѣровъ и довести до желанной ими катастрофы: въ возбужденіяхъ къ враждѣ и подстрекательствахъ къ несогласію не было недостатка со стороны іезуитовъ. Агенты іезуитскіе напрягали тутъ всѣ свои силы, а іезуиты оставались какъ бы чуждыми и непричастными во всѣхъ этихъ явленіяхъ и только отъ удовольствія потирали руки, смотря

важное мѣсто. Симпатіи герцогини Бриссакъ къ этому ордену были самыя сильныя, и она была одна изъ самыхъ фанатичныхъ сторонницъ іезуитовъ и болѣе всего хлопатала о призваніи ихъ въ Ригу. Связи ея съ высшимъ русскимъ обществомъ, даже съ дворомъ, заставляли правительственныхъ дѣятелей уважать ея голосъ.

на то, какъ другіе распинаются за ихъ дѣло и въ потѣ лица работаютъ за нихъ. Прежде всего начались споры между синдиками рижской латинской церкви нѣмецкой и польской народности,—между Рапцевичемъ и Давкшевичемъ, съ одной стороны, и между Кнофомъ, Кёрберомъ и Кофманомъ, съ другой. Споры дошли до того, что поступили формальныя жалобы митрополиту, латинской коллегіи и рижскому магистрату отъ обоихъ враждующихъ партій. (1) Вражда, возникшая между синдиками рижской латинской церкви, немогла некоснуться и духовныхъ ея; они не могли оставаться только безучастными ея зрителями, тѣмъ болѣе, что здѣсь отчасти наносились удары и ихъ правамъ. Но поведеніе францисканов было безукоризненно во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ и вообще во всей ихъ жизни: рижскій губернаторъ Рихтеръ и рижскій магистратъ отзывались о нихъ съ самой лучшей стороны (2). Все это, впрочемъ, неостановило ни іезуитской интриги и не спасло францисканъ отъ катастрофы. Самыми мелочными придирками стали друзья іезуитовъ и сторонники ихъ преслѣдовать францисканъ и доносили митрополиту о самыхъ пустыхъ случаяхъ, какъ о самыхъ важныхъ и чуть неуголовныхъ преступленіяхъ. Такъ прошеніе

(1) См. въ арх. римск.-катол. коллегіи «описаніе іезуитскихъ церквей» и тамъ дѣла подъ № № 18, 19 и 22. Нѣмцы всю вину несогласій въ рижской латинской общинѣ складывали на поляковъ, особенно на Рапцевича и Давшкевича; поляки въ свою очередь, упрекали нѣмцевъ въ злоупотребленіяхъ по церковному хозяйству, въ исключительномъ присвоеніи себѣ завѣдыванія имуществомъ церковной общины.

(2) См. Внутр. переп. іезуит, № 278-й. «Небольшой пакетъ бумагъ, относящихся до жалобы на Францисканцевъ, служащихъ при католической церкви въ Ригѣ. Жалоба сія отправлена прихожанами къ Сестренцевичу, съ просьбою прислать туда іезуитовъ, что кажется, все дѣлалось по наущенію самихъ іезуитовъ.»

рижской іезуитской партіи къ митрополиту Сестренцевичу о призваніи въ Ригу іезуитовъ мотивировано причинами наивными до смѣшнаго и даже до нелѣпаго. «Почтительнѣйше доносимъ вашему преосвященству, что состоящій до сего времени при здѣшней католической общинѣ пасторъ Фортунатъ Саресоо (Saresoo), въ однпъ день, подъ предлогомъ, что онъ хочетъ отправиться въ баню, тайно бѣжалъ отсюда и оставилъ общину. Такъ какъ теперь наступаетъ время многихъ праздниковъ, то здѣшняя община уже по необходимости должна была отложить опредѣленные дни для празднованія этихъ торжествъ, такъ какъ у ней остается только одинъ патеръ; а потому мы настоятельно и покорнѣйше просимъ ваше преосвященство Высочайшимъ указомъ назначить и прислать сюда священниковъ изъ іезуитскаго ордена [1]». Вслѣдъ за этимъ прошеніемъ послѣдовала новая просьба отъ синдиковъ рижской латинслой церкви къ Сестренцевичу, гдѣ они просятъ митрополита, чтобы онъ предписалъ іезуитскому генералу Груберу прислать скорѣе въ Ригу священниковъ изъ іезуитскаго

[1] Просьба прихожанъ рижской латинской церкви къ Сестренцевичу написана была несовсѣмъ грамотно. «Eure Eminenz benachrichtigen verpflichtschuldigt dasz der bisher bei der hiesiegen Katholischen Gemeinde gewesene Pastor Fortunatus Saresoo einen Tagen unter dem Vorwande als wollte er nach der Bad-Stübe gehen, sich von hier heimlich wegbegeben und die Gemeine verlassen hat. Jezt wo so viele Festage eintreten, hat die hiesige Gemeine ausschieben durchaus die bereite bestimten Festage, und so mehr nöthig, da nur noch ein einziger vorhanden ist; daher wir Eure Eminenz inständig und dringend bitten und die allerhöchst mittelst Ukase zu getheilten Priester vom Jesuiten Orden baldigst anhero zu senden.» Подписались синдики католической рижской общины: Кнофъ, Керберъ, Зелевичь и Косинскій (см. въ арх. Рим. Кат. Колл. въ описаніи іезуитскихъ церквей № 10-й прошеніе Сестренцевичу отъ прихожанъ Латинской рижской церкви).

ордена ([1]). Митрополитъ, осажденный этими просьбами и также домогательствомъ Грубера, вынужденъ былъ послать осмотрѣть состояніе рижской католической церкви священниковъ Шеноху и Лепенскаго ([2]). Неизвѣстны результаты этой ревизіи, но то несомнѣнно, что въ Петербургѣ посредствомъ многихъ вліятельныхъ лицъ, особенно посредствомъ оберъ-гофмаршала Толстова, графини Лаваль и другихъ знатныхъ лицъ, іезуиты достигли своихъ цѣлей и вытѣснили изъ Риги францисканъ и на мѣсто ихъ утвердились тамъ сами ([3]). Іезуитская община явилась въ Ригу немалочисленною: она состояла изъ 5 лицъ: настоятеля общины Іосифа Каменскаго, Іоанна Марцинкевича, Іосифа Зраницкаго, Ремигія Кюфферлина и коадъютора

([1]) См. въ арх. римско-католической колл. въ описаніи іезуитскихъ церквей, подъ 1804 г. 15-го марта, № 11, прошеніе отъ лица синдиковъ рижской церкви, подписанное, впрочемъ, однимъ Molloth-омъ, какъ Vorsteher-омъ общины, къ Сестренцевичу, чтобы онъ приказалъ Груберу распорядится присылкою іезуитовъ въ Ригу.

([2]) Внутр. пер. іезуит. № 278-й.

([3]) Изъ внутренней переписки іезуитовъ видно, какое дѣятельное участіе принималъ графъ Толстой, а особенно жена его, въ судьбѣ іезуитовъ (см. № 113-й). Жена оберъ-гофмаршала находиласъ въ близкихъ сношеніяхъ какъ съ заграничными іезуитами, такъ и съ нашими. Пинклеръ (іезуитъ въ Вѣнѣ и агентъ нашихъ іезуитовъ) писалъ Десперамусу, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ почтеніе его графини Толстой и объявилъ ей, что онъ за честь себѣ почтетъ быть готовымъ къ ея услугамъ, если только она сочтетъ его достойнымъ ихъ, и проситъ между тѣмъ принять на себя трудъ извинить его, что онъ предъ отъѣздомъ ея изъ Вѣны за болѣзнію не могъ съ нею проститься (№ 88). «Перелли, начальникъ іезуитовъ въ Римѣ, писалъ іезуитскому генералу, что графиня Толстая принята будетъ іезуитами, по пріѣздѣ ее въ Римъ, со всевозможнымъ уваженіемъ; потомъ увѣдомляетъ о ея пріѣздѣ и о приглашеніи къ себѣ сына ея; хотя графъ не посѣщалъ его, но изъявилъ величайшую радость получивъ въ подарокъ часть мощей св. Франциска Іеронима (№ 45).»

Франциска Инфельда ([1]). Такъ какъ рижская латинская община состояла изъ нѣмцевъ и поляковъ, то Груберъ отправилъ туда іезуитовъ двухъ національностей нѣмецкой и польской. Впослѣдствіи Зарницкій замѣщенъ былъ Іосифомъ Коинсъ, переведеннымъ изъ Динабурга въ Ригу, однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ, фанатичныхъ и лукавѣйшихъ іезуитовъ и пропагандистовъ латинства. Сильные покровительствомъ разныхъ князей, графовъ, графинь, герцогинь, принцевъ, принцессъ и даже Высочайшихъ Особъ ([2]), іезуиты въ Ригѣ безстрашно работали надъ своею главною задачею—распространеніемъ латинства среди довольно пестраго рижскаго народонаселенія. Смута, волненіе, обманъ, насиліе, безсовѣстность и лукавство сопровождали каждое ихъ здѣсь дѣйствіе. Тотчасъ, по прибытіи іезуитовъ въ Ригу, началось съ ихъ стороны нападеніе на смѣшанные браки: здѣсь употреблялись всякаго рода прижимки и проволочки, всякаго рода предлоги къ оттягиванію дѣла; Сестренцевичь осыпанъ былъ жалобами на подобнаго рода дѣйствія іезуитовъ ([3]). За этимъ слѣдовало порицаніе, оскорбленіе тѣхъ, которые твердо стояли въ своемъ намѣреніи—заключить бракъ съ лицемъ

([1]) Catalogus personarum et officiorum Societatis Jesu за 1805-й г. стр. 21. Сначала Груберъ послалъ въ Ригу только 3 іезуитовъ: Каменскаго, Марцинкевича и Пуелля, но скоро и почти въ слѣдъ за ними явились и другіе упоминаемые нами члены (Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. VI, pag. 43).

([2]) Внутр. переп. іезуит. № 113. Пять писемъ латинскихъ отца Коинса, пастора католической церкви въ Ригѣ, къ о. Десперамусу, заключающихъ извѣстія о католической школѣ, которую завела графиня Коссе. Ея Величество, царствующая Императрица, герцогиня Виртембергская, графъ Толстой и другіе покровительствовали сему заведенію.

([3]) Въ арх. рим.-катол. коллегіи, «въ описаніи іезуитскихъ церквей №№ 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 88 и другіе.

не латинскаго исповѣданія, или которые уже заключили подобные браки. Въ концѣ концовъ іезуиты условились между собою, что при такихъ бракахъ настоятельно нужно внушать одному изъ супруговъ латинскаго исповѣданія, чтобы онъ имѣлъ въ виду, при заключеніи своего брака, какъ можно болѣе распространять латинскую вѣру, т. е. научали его совращать въ латинство другое лице изъ супруговъ, а такъ же воспитывать дѣтей своихъ въ понятіяхъ и правилахъ латинства ([1]). Иногда такого рода прижимки и внушенія сопровождались благопріятными для іезуитовъ результатами, а иногда производили совершенно обратное дѣйствіе. Латинянинъ или латинка—прихожане іезуитовъ, наслушавшись разныхъ угрозъ, ругательствъ и анаѳемъ отъ своихъ отцевъ духовныхъ за то, что они имѣютъ намѣреніе вступить въ бракъ съ еретиками, или схизматиками, кончали тѣмъ, что объявляли іезуитамъ, что они оставляютъ латинство и принимаютъ православіе, или лютеранство. Тогда начинался переполохъ въ іезуитскомъ лагерѣ: они всячески старались остановить своихъ овечекъ, стремящихся къ погибели, но было уже поздно ([2]). Такіе факты дѣлали іезуитовъ осторожнѣе

([1]) Внутр. пер. іезуит. 179.

([2]) Въ описаніи іезуитскихъ церквей письмо суперіора рижской латинской церкви Каменскаго къ митрополиту Сестренцевичу. Каменскій въ этомъ письмѣ доноситъ митрополиту, что онъ незнаетъ, какъ ему поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда католики и католички перемѣняютъ свое вѣроисповѣданіе на господствующую въ Россіи вѣру для того, чтобы вступить въ бракъ съ лицомъ православнаго исповѣданія. Сестренцевичъ отвѣчалъ Каменскому, что мы не можемъ запрещать переходить католикамъ въ православіе, и что іезуиты даже недолжны принимать въ латинство, если бы кто пожелалъ перейдти въ него изъ лютеранскаго, или другаго исповѣданія, а отсылать ихъ къ православнымъ священникамъ (см.

и сдержаннѣе въ подобныхъ показаннымъ случаяхъ, но за то онѣ съ свойственною имъ наглостію направляли и устремляли свою дѣятельность въ другія стороны. Начались въ рижской церкви разныя религіозныя церемоніи, загремѣла проповѣдь противъ еретиковъ и схизматиковъ, открылись исповѣдальни для кающихся грѣшниковъ и грѣшницъ, паства латинская въ Ригѣ росла и умножалась, благодаря ревности и апостольству Каменскаго и преимущественно Коинса. Если вѣрить извѣстіямъ Розавена, то народъ въ Ригѣ жаждалъ слышать слово Божіе, и что онъ ([1]) и товарищи его проводили по 15 часовъ за исповѣдью, и что число прихожанъ латинскихъ возрасло до трехъ тысячь человѣкъ ([2]). Коинсъ въ своемъ интимномъ письмѣ къ Десперамусу говоритъ, что онъ каждый день приводитъ грѣшныя души въ паству (il ramène tous les jours des ames pécheresses au bercail) напр. двѣнадцать распутныхъ дѣвокъ ([3]). Плоды литературной іезуитской производительности наводнили въ тоже время Ригу. Изъ подъ станка полоцкой іезуитской типографіи выходили разные катихизисы, молитвенники, благочестивыя размышленія, главнымъ образомъ направленныя противъ ученія лютеранъ и кальвинистовъ и нестѣсняющіяся въ выраженіяхъ противъ послѣдователей его, называя ихъ еретиками, иллюминатами,

въ опис. церкв. іезуит. № 35). Безъ сомнѣнія іезуиты за это прокляли Сестренцевича, по обычаю своему обругали его кальвинистомъ, и продолжали втихомолку совращать лютеранъ и православныхъвъ латинство.

([1]) Розавенъ временно былъ въ Ригѣ и помагалъ Каинсу и его товарищамъ своими совѣтами, устроеніемъ дѣлъ по рижской іезуитской общинѣ и участіемъ въ пропогандѣ латинства.

([2]) Внутр. пер. іезуит. № 245.

([3]) Тамъ же, № 162.

франкъ-масонами, погибшими чадами и т. под. (¹) словами. Книги эти привозились въ большомъ количествѣ изъ Полоцка въ Ригу и здѣсь продавались по неимовѣрно дешевой цѣнѣ и даже раздавались даромъ. Съ книгами щедрою рукою іезуиты снабжали образками, крестиками, св. водою отъ мощей какого нибудь іезуитскаго святаго, хлопчатою бумагою отъ Боболи. Все это тянуло къ нимъ души простыя, живущія болѣе сердцемъ и воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ и самоуглубленіемъ.

Вся эта іезуитская дѣятельность направлена была противъ племени настоящаго и взрослаго; но іезуиты имѣютъ въ крови своей стремленіе къ порчѣ будущаго и молодаго поколѣнія. Воспитаніе молодаго поколѣнія или порча человѣчества съ самыхъ юныхъ его ногтей составляетъ спеціальность и душу іезуитскаго института. Коинсъ составилъ планъ для основанія въ Ригѣ двухъ училищъ въ іезуитскомъ духѣ—одного для дѣвушекъ, другаго для мальчиковъ. Пособницами себѣ и дѣятельными помощницами въ устроеніи перваго училища Коинсъ нашелъ себѣ вышеупомянутыхъ графиню Коссе - де - Бриссакъ, баронессу Голькъ, Императрицу Елизавету Алексѣевну, герцогиню Виртембергскую, графиню Толстую и множество другихъ. Наставниками въ этомъ училищѣ были іезуиты, по преимуществу Коинсъ, а надзирательницами и директриссами разныя француженки и нѣмки католички (²). Воспитаніе проникнуто было самымъ сильнымъ іезуитизмомъ. Воспи-

(¹) Histoire de la Compagnie de Jésus, par Cretineau, tom. VI, pag 43. Намъ приходилось видѣть нѣсколько такихъ книжонокъ, пропитанныхъ іезуитскимъ фанатизмомъ и нетерпимостью.

(²) См. Внутр. переп. іезуит. №№ 113, 137, 141. Во всѣхъ этихъ №№ содержатся письма и записки Коинса къ іезуитскому генералу и разнымъ

танницы были не только католички, но и лютеранки, и всѣмъ имъ вообще преподавался катихизисъ латинскій. Для мальчиковъ основано было іезуитами трехклассное училище при рижской латинской церкви. Мальчики выходили изъ этого училища почти съ такими познаніями, какія получаются въ наше время въ такъ называемыхъ прогимназіяхъ. Воспитанникъ выносилъ изъ училища знаніе языковъ: латинскаго, русскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго, русской исторіи, нѣмецкой и древней всеобщей, географіи Россіи и всеобщей, ариѳметики, знакомъ былъ съ нѣсколькими латинскими писателями (¹). Число учащихся въ рижскомъ іезуитскомъ училищѣ доходило до ста слишкомъ человѣкъ. Большинство принадлежало мѣщанскому сословію, но тутъ были такъ же дѣти дворянъ и уніатскихъ священниковъ (²). Конечно, не всѣ учащіеся въ рижскомъ іезуитскомъ училищѣ были дѣти католиковъ, напротивъ болѣе половины приходилось на долю дѣтей православныхъ и лютеранскихъ родителей (³). Чтобы завлечь въ іезуитскую трущобу дѣтей православ-

лицамъ о состояніи рижской латинской церкви, о школѣ для дѣвицъ заведенной графинею Бриссакъ, также Histore de la Compagnie de Jésus, tom. VI, pag. 44.

(¹) Арх. М. Н. Пр. № 79, дѣло, по рапорту ректора Полоцкой іезуитской академіи, объ открытіи лекцій въ оной академіи, о состояніи оной и подвѣдомыхъ ей училищъ.

(²) Тамъ же. Число учениковъ было иногда 119; изъ нихъ около 10 были изъ дворянъ, и 1 или 2 изъ дѣтей уніатскихъ священниковъ, а прочіе всѣ изъ мѣщанъ.

(³) Въ арх. М. Н. П. дѣло подъ № 16, 1817 г. о томъ чтобъ въ Полоцкой іезуитской академіи и подвѣдомыхъ ей училищахъ обучалось только юношество римско-католическаго исповѣданія. «Изъ этого дѣла между прочимъ открывается, что въ іезуитскомъ рижскомъ училищѣ было 33 мальчика православныхъ и 14 лютеранъ.

ныхъ и лютеранъ, Коинсъ придумалъ одно весьма замѣчательное и могущественное средство: онъ посредствомъ своего знакомства съ призидентомъ экспедиціи ревизіи и посредствомъ разныхъ ухищреній достигъ того, что всѣ ученики и пансіонеры іезуитскаго училища изъ податнаго сословія, особенно тѣ, которые отличались даровитостію, успѣхами въ наукахъ, и на которыхъ іезуиты могли расчитывать, какъ на будущихъ кандидатовъ въ члены іезуитскаго ордена, или будущихъ ренегатовъ отъ своего исповѣданія, были исключены изъ податнаго сословія и освобождены отъ подушнаго оклада, безъ испрошенія на это права, или особенной законодательной мѣры отъ правительства (¹). Коинсъ высоко поднялъ въ Ригѣ знамя латинства; о немъ, какъ о замѣчательной личности, какъ о преобразователѣ нравственномъ и просвѣтителѣ еретической и развращенной Риги, говорили въ салонахъ петербургскихъ, даже во дворцѣ. Бриссакъ, и другъ Коинса военный губернаторъ Риги Паулуччи надрывали свои легкія отъ похвалъ Коинсу и вообще іезуитамъ (²). При такихъ во-

(¹) Внут. переп. іезуит. № 220. «Пять писемъ отца Коинса изъ Риги къ генералу. Въ одномъ говоритъ о пріемѣ новыхъ кандидатовъ и пансіонеровъ, дабы доставить нѣсколько людей обществу (іезуитскому). Онъ присовокупляетъ; «вотъ планъ, который въ виду у меня нѣсколько лѣтъ; онъ былъ гораздо обширнѣе и его п-во Маркизъ Паулуччи обѣщалъ доставить успѣхъ, но видя его бездѣйствіе, надобно совершить безъ него и сокращеннѣе. Предписана новая ревизія, такъ какъ президентъ сей экспедиціи мнѣ совершенно преданъ, то я постараюсь недопустить ко внесенію въ подушный окладъ тѣхъ, которые способны къ наукамъ, иначе мы не посмѣемъ ихъ принять и они не могутъ быть приняты.»

(²) Паулуччи родомъ италіянецъ изъ Модены, былъ воспитанникомъ и другомъ іезуитовъ. Пользуясь огромнымъ вліяніемъ нѣкоторое время при Александрѣ I-мъ, онъ много сдѣлалъ въ пользу іезуитовъ, особенно во время губернаторства своего въ Ригѣ. Онъ отрекомендовалъ Коинса

сторженныхъ похвалахъ со стороны аристократическихъ лицъ при такомъ обширномъ кругѣ знакомства Коинса со многими знатными семействами, было бы со стороны его ошибкою и большимъ промахомъ, еслибы онъ невоспользовался всѣми этими обстоятельствами для заведенія благороднаго пансіона въ Ригѣ. Коинсъ дѣйствительно устроилъ при рижской латинской церкви нѣчто въ родѣ благороднаго пансіона, или тайной западни, которая уловляла дѣтей знатныхъ родителей и приготовляла ихъ для поступленія ихъ потомъ въ петербургскій іезуитскій пансіонъ. На рижскомъ благородномъ пансіонѣ лежала какая-то таинственность, наброшенная рукою іезуитовъ; видно было, что они нехотѣли возбуждать противъ себя и безъ того напряженнаго противъ нихъ чувства лютеранъ, особенно знатныхъ, съ другой стороны, они спасали отъ злобы, насмѣшекъ и даже преслѣдованій тѣхъ родителей изъ лютеранъ, которые давали воспитаніе дѣтямъ своимъ въ іезуитскомъ пансіонѣ. Такъ намъ извѣстно, что Армфельдъ, лютеранинъ по исповѣданію, воспитывалъ племян-

самому Государю во время пребыванія Александра 1-го, въ Ригѣ и представилъ его лично Императору, который благодарилъ его за оказываемую іезуитами пользу Его подданнымъ. Барклай-де-Толли и другія знаменитости временъ Александра 1-го ласкали Коинса, когда случалось имъ быть въ Ригѣ. Но іезуитъ былъ слишкомъ практическій человѣкъ, чтобы довольствоваться только комплиментами и ласковыми словами. «Все это, писалъ онъ іезуитскому генералу, хорошо для свѣта; но я предпочелъ бы быть простымъ монахомъ въ своей кельѣ, гдѣ я выигралъ бы болѣе, бесѣдуя съ Богомъ, чѣмъ теряя время за обѣдами, три часа продолжающимися. Его Величество сказалъ, что Онъ доволенъ приносимою іезуитами пользою, но между тѣмъ всѣ сіи прекрасныя слова одни комплименты, и я ничего отъ нихъ неполучаю» (см. Внутр. переп. іезуит. № 220-й, также 211-й).

ника своего тайно у іезуитовъ ([1]). Поклонница рижскихъ іезуитовъ графиня де-Бриссакъ представила въ даръ имъ своего сына, имя котораго оставалось, по свидѣтельству самихъ іезуитовъ, тайною для всѣхъ; но изъ котораго сдѣлается, какъ выражается іезуитъ, превосходный членъ общества Лойолы. Тутъ же лукавый членъ іезуитскаго общества прибавляетъ такую фразу: «опытъ достаточно насъ научилъ, сколь нужно скрывать добрыя дѣянія, дабы не было онымъ никакихъ препятствій» ([2]). И сколько, можетъ быть, Армфельдовъ и Бриссаковъ подъ фальшивыми именами помѣстили своихъ племянниковъ и сынковъ въ рижскомъ іезуитскомъ пансіонѣ, откуда они отправлены были подъ такими же именами въ Петербургъ, Полоцкъ, Динабургъ, Могилевъ и другія мѣста.

Коинсъ стремился какъ можно болѣе придать Ригѣ видъ латинскаго города и внести въ нее по больше латинскихъ элементовъ и латинскихъ учрежденій, не только воспитательно-образовательныхъ, но и филантропическихъ. Воспользовавшись тѣмъ предлогомъ, будтобы рижскіе лютеране и протестанты неохотно принимаютъ въ свои больницы и другія филантропическія заведенія исповѣдующихъ латинство, Коинсъ придумалъ проектъ основать въ Ригѣ госпиталь собственно для латинянъ. Для этой цѣли онъ сильно тормошилъ кошельки Лаваль, Бриссакъ, оберъ-гофмаршала Толстаго и его жены, простеръ свои искательства даже до

([1]) Тамъ же, № 229-й. «Небольшія записки графа Армфельда о его племянникѣ, воспитывающемся у іезуитовъ; письма жены его и барона Армфельда о томъ же».

([2]) Тамъ же, № 292-й. «Подлинныя письма руки отца Розавена, занимавшагося перепиской на французскомъ языкѣ.» На страницѣ первой благодарность графини Коссе Бриссакъ, урожденной д'Армелье, за то, что она представила іезуитамъ въ даръ своего сына.

Высочайшихъ особъ и наконецъ до самого Государя ([1]), которому во время пребыванія его въ Ригѣ подалъ свой проектъ о рижскомъ латинскомъ госпиталѣ ([2]). Въ тоже время Коинсъ началъ требовать отъ рижскаго магистрата отведенія или отрѣзанія участка изъ городской земли для особеннаго латинскаго кладбища. Изумленіе Государя тому, что въ Ригѣ находится одна только латинская церковь, послужило для Коинса прекраснымъ случаемъ, чтобы требовать отъ рижскаго магистрата отведенія особаго участка земли подъ латинское кладбище, а вмѣстѣ наводило іезуита на мысль построить въ Ригѣ другую латинскую церковь, хотя бы то было и на кладбищѣ ([3]).

Всѣ эти дѣйствія Коинса и его сотрудниковъ не могли не возбуждать въ рижскихъ лютеранахъ сильнаго движенія. Нѣмцы не Русскіе; они не дадутъ себя въ обиду кому бы то ни было, хотя бы и іезуитамъ, если послѣдніе посягаютъ на ихъ права. Въ религіозной нетерпимости они также неуступятъ латинянамъ; пасторы лютеранскій и протестантскій не менѣе ревниво, какъ и латинскіе патеры, оберегаютъ свою вѣру, и они знать не хотѣли всѣхъ правительственныхъ гарантій, предоставленныхъ рижскимъ латинянамъ. Въ Ригѣ образовался сильный союзъ изъ граждан

([1]) Внут. переп. іезуит. № 220, гдѣ Коинсъ пишетъ своему генералу, что онъ терпитъ нужду въ припасахъ для больныхъ, и если бы оберъ-гофмаршалъ Толстой былъ съ Государемъ (въ Ригѣ), я бы все сдѣлалъ; къ несчастію моему, его не было. Если онъ въ Петербургѣ, напомните о запечатанномъ предначертаніи, поданномъ Императору, тогда, можетъ быть, что нибудь выйдетъ. Я хочу писать къ графинѣ Лаваль; если она ничего больше не дастъ, то Богъ намъ поможетъ.

([2]) Тамъ же и тотъ же №.

([3]) Тамъ же, № 211; такъ же Histoire de la Compagnie de Jèsus, tom. VI, pag. 45.

и пасторовъ противъ іезуитовъ. Союзъ этотъ неограничивался только стѣнами Риги, но распустилъ свои вѣтви по всѣмъ значительнымъ городамъ эсто-латышскаго края. Онъ велъ войну съ іезуитами и на офиціальной почвѣ и неофиціальной, посредствомъ формальныхъ жалобъ и посредствомъ насмѣшекъ въ печати. Такъ, рижскій магистратъ, выведенный изъ терпѣнія показанными нами поступками Коппса и опасаясь въ будущемъ еще болѣе смѣлыхъ выходокъ со стороны іезуита, подалъ формальную жалобу на него тогдашнему министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю Голицыну. Если бы тутъ шло дѣло объ оскорбленіи іезуитами правъ господствующей въ Россіи вѣры, то князь могъ бы какъ нибудь зажать ротъ осмѣлившимся взывать о попраніи достоинства своей вѣры, но здѣсь было дѣло совершенно другое: теперь столкновеніе произошло между іезуитами и нѣмцами лютеранами, тутъ было дѣло не шуточное и легко можно было попасть изъ огня въ полымя; съ нѣмцами шутить нельзя и давать ихъ въ обиду іезуитамъ опасно. Іезуиты сами хорошо понимали силу и значеніе нѣмцевъ въ Россіи и въ Петербургѣ въ особенности; а потому они порядочно испугались, когда принесена была на нихъ формальная жалоба правительству рижскимъ магистратомъ; они тотчасъ подняли на ноги своего друга и покровителя Паулуччи и заклинали его всѣмъ святымъ защитить ихъ противъ нападеній еретиковъ. Паулуччи пользовался тогда авторитетомъ при дворѣ, а необыкновенная его смѣлость и горячность заставляли многихъ остерегаться его и не вступать съ нимъ въ борьбу. Паулуччи самъ, кажется, понималъ и сознавалъ значеніе своего положенія, а потому онъ прямо завѣрялъ іезуитовъ, что онъ не дастъ ихъ въ обиду лютеранамъ. «Такъ какъ князь Голицынъ, писалъ Паулуччи

іезуитскому генералу, писалъ ко мнѣ по предмету сему, то я предпишу рижскому губернскому правленію доставить мнѣ обстоятельное свѣдѣніе, по которому сдѣлаю я потомъ представленіе министру, присовокупя къ тому такъ же слѣдующее мое мнѣніе: что католики должны пользоваться въ Ригѣ тѣми же преимуществами, какими они пользуются въ С.-Петербургѣ. Я не безъизвѣстенъ о проискахъ протестантовъ, кои весьма строги противъ прочихъ вѣроисповѣданій и кои, напротивъ того, своимъ послѣдователямъ даютъ такую свободу, которая доходитъ до величайшаго излишества. Званіе католика обязываетъ меня исполнять въ точности предписанія начальства и не дѣлать ничего, чтобы было пристрастно, ибо въ противномъ случаѣ магистратъ можетъ принести на меня жалобу, и я тогда не въ правѣ уже буду подать мнѣніе мое». Потомъ, расхваливъ іезуитовъ, въ Ригѣ находящихся, онъ продолжаетъ: «я долженъ признаться, къ прискорбію моему, что похвальное качество отцевъ іезуитовъ причиною тому, что лютеране ихъ ненавидятъ, ибо сравненіе съ ними ни мало невыгодно для протестантскихъ пасторовъ, кои всѣ по большей части иллюминаты (¹)». Голицынъ радъ былъ, что Паулуччи принималъ на себя адвокатуру за іезуитовъ, избавлялъ его отъ прямаго столкновенія съ нѣмцами петербургскими и сваливалъ съ плечь его чуть не цѣлую гору. Благодаря вмѣшательству въ дѣла рижскихъ іезуитовъ Паулуччи, протесты лютеранъ противъ нихъ не производили тѣхъ результатовъ, какихъ можно было ожидать, и всѣ послѣдствія этихъ протестовъ ограничивались внушеніями на бумагѣ, чтобы іезуиты были сдержаннѣе, а

(¹) Внутр. переп. іезуит. № 267-й.

тутъ же прибавлялось, чтобы и сами лютеране не были такъ придирчивы къ іезуитамъ; а это на языкѣ іезуитскомъ просто означало то, чтобы они продолжали идти по своей дорогѣ и неизмѣняли ничего въ предначертанной ими программѣ для своей дѣятельности.

За неудачи въ правительственныхъ сферахъ, лютеране тѣмъ безпощаднѣе мстили іезуитамъ въ области неофиціальной, напр. въ печати. Въ это время, въ самый разгаръ іезуитской дѣятельности, явилась въ Ревелѣ въ двухъ томахъ книжка, напечатанная въ типографіи Петра Миллера старшаго, приписываемая перу графа Унгернъ-Штернберга (1). Во второмъ томѣ этой книжки описывается іезуитскій орденъ, его правила, тутъ же говорится и объ основателѣ этого ордена Лойолѣ, который представляется совершенно сходнымъ съ Донъ-Кихотомъ и котораго явленіе объясняется въ этомъ сочиненіи духомъ донъ-кихотства и рыцарства, объявшимъ тогда всю Испанію (2). Сочиненіе попало въ цѣль и уязвило іезуитовъ въ самое больное ихъ мѣсто, какъ видно изъ ихъ воплей къ министру народнаго просвѣщенія о запрещеніи этого зловреднаго

(1) Баронъ М. А. Корфъ утверждаетъ, что это сочиненіе вовсе не принадлежитъ графу Унгернъ-Штернбергу и напечатано было не въ Ревелѣ, а въ Эрфуртѣ, и вышло изъ типографіи или книжной лавки извѣстнаго фабриканта романовъ и продавца Геннинга. Такой авторитетъ, какъ баронъ М. А. Корфъ, не пререкаемъ. Но для насъ въ этомъ сочиненіи важно не повѣствованіе о баснословной и полусказочной исторіи графа, или барона, Унгернъ-Штернберга, а появленіе въ печати протеста противъ іезуитовъ и насмѣшекъ надъ основателемъ ихъ ордена, и распространеніе этой книжки въ Ригѣ, Ревелѣ, однимъ словомъ, въ Эсто-Латышскомъ краѣ. (См. примѣч. бар. М. А. Корфа къ сочиненію «Merkwürdige memoiren des Grafen von Un-St-bg, Erster Band, Reval, 1807).

(2) См. Zweiter und letzter Band того же сочиненія.

произведенія ([1]). Мы неупоминаемъ здѣсь о разныхъ непечатныхъ насмѣшкахъ, остротахъ и колкостяхъ, которыми осыпали іезуитовъ въ Ригѣ нѣмцы лютеране и протестанты.

([1]) Внутр. переп. іезуитовъ № 252-й. «Записка на имя министра нар. просвѣщенія, съ просьбою о запрещеніи вышедшей въ Ревелѣ у Мюллера книги, подъ заглавіемъ: «Любопытныя замѣчанія графа У—ст—бгъ».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отправленіе русскимъ правительствомъ посольства въ Китай подъ начальствомъ графа Головкина. Приготовленія и сборы къ этому посольству. Назначеніе трехъ іезуитовъ въ Китай для вспомоществованія и содѣйствія въ переговорахъ нашего посланника съ китайскимъ правительствомъ. Инструкція, данная назначеннымъ въ Китай іезуитамъ: Корсаку, Грасси и Штюрмеру. Іезуиты должны отправиться моремъ, чрезъ Стокгольмъ, Лондонъ, Лиссабонъ и Макао въ Кантонъ, а оттуда въ Пекинъ, и пріѣхать туда ранѣе нашего посольства, отправившагося сухимъ путемъ чрезъ Сибирь. Печальный конецъ нашего посольства въ Китай. Іезуиты и римская курія выдумываютъ разные предлоги къ тому, чтобы не ѣхать въ Китай тремъ іезуитскимъ эмиссарамъ. Препятствія со стороны нунція папскаго, или римскаго двора; потомъ со стороны іезуитскаго генерала; наконецъ со стороны самаго будто бы китайскаго правительства. Нашъ взглядъ на всѣ эти препятствія, и преимущественно анализъ и разборъ степени достовѣрности мысли, пущенной іезуитами въ ходъ, о гоненіи, воздвигнутомъ въ Китаѣ на христіанство. Правительство наше поняло наконецъ, что всѣ предлоги къ прекращенію путешествія трехъ іезуитовъ въ Китай, выдуманные іезуитами, по бо̀льшей части лживы, а потому уничтожило посылку іезуитовъ въ Китай. Іезуиты наши изъ Лиссабона отправляются въ Лондонъ, чтобы возвратиться въ Россію, но имъ не позволено ѣхать въ русскіе предѣлы. Ходатайство Березовскаго о возвращеніи іезуитовъ въ Россію. Отказъ въ этомъ и позволеніе ѣхать имъ въ Американскіе Штаты. Грасси ѣдетъ въ Америку. По ходатайству князя Голицына позволено означеннымъ тремъ іезуитамъ прибыть въ Петербургъ. Мнѣніе Вигеля о посольствѣ нашемъ въ Китай. Трагическая смерть Грубера.

Въ первые годы царствованія Александра I-го явилась мысль объ отправленіи въ Китай посольства, необыкновеннаго по своей обстановкѣ, приготовленіямъ къ нему и даже по тѣмъ несбывшимся результатамъ, какими оно кончи-

лось. Мы не имѣемъ нужды съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на изысканіяхъ того, кому первому нужно приписать мысль о такомъ чрезвычайномъ посольствѣ, а равно изслѣдовать причины проявленія мысли объ этомъ посольствѣ, потому что это не относится къ кругу нашей задачи и принадлежитъ къ сферѣ другой, а не нашей. Мы только считаемъ нужнымъ замѣтить, что проектъ александровской эпохи не есть что нибудь новое и оригинальное, а есть повтореніе неосуществившагося намѣренія Екатерины Великой объ отправленіи посольства въ серединное государство. Два знаменитыхъ государственныхъ мужа екатерининскаго царствованія Потемкинъ и Безбородко трудились надъ обработкою этого проекта и надъ способомъ приведенія его въ исполненіе. Изъ внутренней переписки іезуитовъ мы узнаемъ, что Потемкинъ и Безбородко думали осуществить свой проектъ о посольствѣ въ Китай посредствомъ іезуитовъ. Въ 1792-мъ г. іезуитскій генералъ получилъ отъ русскаго правительства инструкцію парализировать посредствомъ іезуитовъ, живущихъ въ Китаѣ, намѣренія Англіи, стремившейся присвоить себѣ одной всю торговлю съ этимъ государствомъ. Въ этихъ видахъ Англія отправила въ Китай въ то время особенное посольство подъ начальствомъ лорда Макартнея. Іезуитскому генералу открыты были всѣ виды нашего правительства. Тотъ въ свою очередь сообщилъ намъ необходимыя свѣдѣнія о Китаѣ, о торговлѣ его, объ іезуитахъ, пребывающихъ тамъ и т. п. Правительство наше требовало отъ іезуитскаго генерала, чтобы китайскіе іезуиты, посвященные генераломъ въ намѣренія русскаго двора, всячески содѣйствовали намъ заключить торговыя связи съ Китаемъ и разстроить планы Англіи касательно торговли ея съ Китаемъ и разрушить всѣ торговыя связи,

существовавшія между обоими этими государствами. Нѣсколько іезуитовъ съ этою цѣлью отправлено было изъ Россіи въ Китай съ особенными письмами отъ іезуитскаго генерала къ китайскимъ іезуитамъ ([1]). Русскіе іезуиты снабжены были особою инструкціею, въ которой подробно объяснено было, какъ они должны были доставить письмо іезуитскаго генерала китайскимъ іезуитамъ. А въ письмѣ этомъ говорилось, что русская Императрица удостоиваетъ Высочайшаго покровительства орденъ, оставленный всѣми, и что Она будетъ доставлять всякаго рода вспомоществованія китайскимъ іезуитамъ, съ тѣмъ только, чтобы они старались противопоставить всѣ мѣры ухищреніямъ англійскаго правительства и извѣщали русскій дворъ о всѣхъ намѣреніяхъ и о всемъ въ Пекинѣ сдѣланномъ англійскимъ посольствомъ, а также, если можно, и о всемъ происходящемъ въ покоренной Англичанами Индіи ([2]). Потемкинъ до такой степени лелѣялъ мысль о развитіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ въ большихъ размѣрахъ, нежели въ какихъ они до него существовали, что завелъ въ предѣлахъ Иркутской губерніи суконную фабрику, на которой работали ссыльные за преступленія изъ Россіи, и произведенія этой фабрики частію назначались для обмѣна на китайскіе товары, а частію для обмундированія нашего войска предназначаемаго любимцемъ Екатерины II-й для устрашенія китайскаго правительства, въ случаѣ сопротивленія его удовлетворить желаніямъ и намѣреніямъ Россіи касательно заключенія съ нимъ торговаго трактата, и даже, если откроется возможность и укажутъ обстоятель-

([1]) См. внутр. переп. іезуитовъ № 279-й.

([2]) Тамъ же.

ства, то и для совершеннаго завоеванія его ([1]). Молодой Государь былъ пораженъ грандіозностію проекта Своей Бабки; воображеніе Его было такъ еще юно и впечатлительно, перспектива всего великаго и величественнаго будущаго такъ обаятельно дѣйствовала на Его душу, что Онъ не могъ неподдаться дѣйствію этого чарующаго проекта и вздумалъ осуществить его и довести до конца мысль Своей Бабки, которой, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, неудалось привести въ исполненіе этого плана. По многочисленности свиты посольства, по огромнымъ приготовленіямъ, по всей обстановкѣ его, можно было назвать его чѣмъ-то восточнымъ, напоминающимъ посольства восточныхъ царей, состоявшія изъ нѣсколькихъ каравановъ, двигавшихся по песчанымъ степямъ Азіи или Африки. Начальникомъ посольства былъ избранъ оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Головкинъ, родственникъ управлявшаго тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князя Чарторыйскаго, одинъ изъ самыхъ страшныхъ типовъ нашихъ русскихъ дворянъ, у которыхъ, кромѣ русскаго имени, нѣтъ ничего русскаго, ни вѣры, ни языка, ни русскаго чутья, ни знанія своего отечества и своего народа. Подъ начальствомъ этого человѣка состояла огромная толпа подчиненныхъ, простиравшаяся до 300 человѣкъ, представлявшая собою коллекцію всѣхъ національностей, не только европейскихъ, но даже и азіатскихъ, начиная съ голландца Сухтелена и кончая бурятомъ или калмыкомъ казакомъ. Всѣ сословія и состоянія имѣли здѣсь такъ же своихъ представителей: тутъ были и аристократы, начиная съ самаго посла и кончая сыномъ министра финансовъ Гурьевымъ, и цѣлая духовная миссія,

([1]) Записки Вигеля въ рукописи, ч. 2-я, гл. 9-я.

подъ начальствомъ 35-ти лѣтняго архимандрита Аполлоса, и ученые, какъ напр. Шубертъ, Клапротъ, Сухтеленъ и проч., и медики, и художники, и придворные лакеи, и казаки. Вся эта смѣсь племенъ и націй получала хорошее содержаніе, обезпечена была жалованьемъ, вся эта масса людей не понимала ни цѣли своего посольства, ни своего назначенія, за исключеніемъ двухъ—трехъ человѣкъ; а имѣла только въ виду совершить прогулку, прокатиться изъ одного конца Россіи до другаго на казенный счетъ, видѣть необыкновенное и древнее государство, чтобы потомъ пускать другимъ пыль въ глаза и въ петербургскихъ гостиныхъ разсказывать съ видомъ знатока о китайскихъ дѣлахъ, о Сибири, или въ роли занимательнаго и юмористическаго разсказчика смѣшить салонное общество анекдотами о странныхъ обычаяхъ Китайцевъ. Огромныя суммы денегъ совершенно непроизводительно истрачены были на это посольство, кончившееся для насъ самымъ жалкимъ и плачевнымъ образомъ: нашъ посолъ, прожившій нѣсколько мѣсяцевъ въ Ургѣ, пограничномъ Китайскомъ городѣ, не видившій столицы поднебесной имперіи, безъ всякихъ результатовъ, со стыдомъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ даже не принятъ былъ Государемъ, не желавшимъ видѣть такого безтактнаго своего агента, уронившаго честь Россіи и неоправдавшаго довѣрія Своего Государя (¹). Для оправ-

(¹) См. Записки Вигеля, ч. II, гл. 9, 10, 11 и 12, гдѣ изложены подробности нашего посольства въ Китай и возвращенія Головкина въ Петербургъ послѣ этого неудавшагося посольства. «Императоръ, позволивши всѣмъ чиновникамъ посольства возвратиться въ Петербургъ, приказалъ Головкину остаться въ Иркутскѣ съ глазу на глазъ съ оклеветавшимъ его въ Петербургѣ секретаремъ своимъ Байковымъ. Надобно признаться, говоритъ Вигель, что въ изысканности, медленности и продолжительности наказаній Александръ былъ знатокъ». Въ обществѣ Головкинъ явил-

данія себя, мы старались свалить вину въ своей неудачѣ то на Англичанъ, то на іезуитовъ (1). Мы не имѣемъ нужды входить здѣсь въ разбирательство основательности подозрѣнія Англичанъ въ неудавшемся нашемъ посольствѣ въ Китай; что же касается до іезуитовъ, на сколько они помогали, или вредили намъ въ нашихъ переговорахъ съ Китаемъ въ царствованіе Александра I-го, то мы должны остановить наше вниманіе на этомъ обстоятельствѣ и войдти въ нѣкоторыя подробности относительно его.

Слѣдуя съ буквальною точностію проекту, начертанному Безбородко въ царствованіе Екатерины Великой касательно посольства нашего въ Китай, мы и во время Александра I-го хотѣли вести это дѣло при участіи и содѣйствіи нашихъ іезуитовъ, предпославши ихъ въ Китай нѣсколькими мѣсяцами ранѣе отправленія нашего посольства изъ Петербурга и отправивши ихъ другою дорогою, а не тою, по которой двигалось наше посольство. Съ этою цѣлію наше правительство вошло въ переговоры съ іезуитскимъ генера-

ся спокойно, продолжаетъ Вигель, и безбоязненно, но при дворѣ долго не показывался. Въ продолженіе всего царствованія Александра не могъ онъ заставить Его забыть свою первую неудачу, иногда приподымался, но никогда совершенно не могъ стать на ноги.

(1) На сколько повредили намъ Англичане въ нашемъ посольствѣ въ Китай, мы не знаемъ; а на сколько мы сами повредили себѣ въ этомъ дѣлѣ своею безтактностію, своимъ презрительнымъ отношеніемъ къ Китайцамъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Довольно для доказательства этого привесть только фактъ, который передаетъ Вигель въ своихъ запискахъ. «Когда Головкинъ въ Маймачинѣ принималъ родственника китайскаго императора Бейса, съ многочисленною его свитою, то Байковъ въ углу со смѣхомъ ругалъ Китайцевъ непотребными словами, не замѣчая, что въ свитѣ Бейса находились маймачинцы, очень хорошо понимающіе русскій языкъ и любимыя народныя поговорки» (см. Записки Вигеля, ч. II, гл. 10).

ломъ Груберомъ, которому принадлежало сочиненіе и Екатерининскаго проекта о Китайскомъ посольствѣ и которому слѣдовательно это дѣло хорошо было извѣстно. Груберъ принялъ живое участіе въ намѣреніи нашего правительства и тотчасъ началъ приводить его въ исполненіе. Въ то самое время, какъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ занималось составленіемъ инструкціи для посланника въ Китай и приготовленіемъ разныхъ подарковъ для китайскаго богдыхана и его чиновниковъ, Груберъ работалъ надъ пріисканіемъ членовъ изъ іезуитскаго общества, которые должны были служить піонерами для нашего посольства въ Китаѣ, писалъ для нихъ инструкцію, заготовлялъ письма къ іезуитамъ въ Лондонъ и Китай, трудился надъ изысканіемъ лучшаго способа для пересылки нашимъ іезуитамъ-путешественникамъ денегъ и для корреспонденціи съ ними. Избранные Груберомъ іезуиты для путешествія въ Китай были: Норбертъ Корсакъ изъ поляковъ, пользовавшійся необыкновеннымъ довѣріемъ генерала и тайный его наблюдатель за дѣйствіями полоцкаго ректора и провинціала (¹), и искусившійся во всѣхъ лукавствахъ и хитростяхъ іезуитскихъ, не смотря на свои молодые тридцатилѣтніе съ небольшимъ годы, Іоаннъ-Антуанъ Грасси, родомъ итальянецъ такъ же тридцатилѣтній, такъ же лукавый и фанатичный, и нѣмецъ Штюрмеръ, хотя старѣйшій своихъ товарищей, но не имѣвшій, подобно имъ, степени священства, а только простой лаикъ. Эти отцы съ своимъ помощникомъ должны были отправиться въ Китай не сухимъ путемъ, а моремъ чрезъ Лондонъ, Лиссабонъ и Макао въ Кантонъ. Жившій въ Лондонѣ извѣстный намъ уже іезуитъ Стрикландъ долженъ былъ

(¹) Внутр. переп. іезуитовъ № 196-й. «Секретный рапортъ Корсака къ отцу генералу объ управленіи въ Полоцкѣ отца намѣстника».

служить главнымъ посредникомъ во всѣхъ сношеніяхъ нашихъ съ отправленными въ Китай іезуитами. На имя его отправленъ былъ вексель изъ Петербурга въ 6.000 рублей на путевыя издержки нашихъ трехъ іезуитовъ. У Стрикланда должны были остановиться наши путешественники, а для этого имъ указаны были улица и домъ, гдѣ жилъ въ Лондонѣ Стрикландъ (1). Въ инструкціи, данной нашимъ іезуитамъ, предписывалось, чтобъ они, прибывши въ Кантонъ, послали оттуда по составленной Груберомъ формѣ извѣстительное письмо о своемъ прибытіи къ отцу Пуаро (іезуиту) въ Пекинъ, но не прежде, какъ увѣрившись, что оно дойдетъ до него нераспечатанное; если же нѣтъ, то лучше его уничтожить, и ограничиться простымъ извѣщеніемъ его о прибытіи миссіонеровъ, и поручить ему выхлопотать для нихъ просто позволеніе пріѣхать въ Пекинъ... Такъ какъ извѣстно изъ опыта, что въ обычаѣ Пекинскаго двора обращаться со всѣми чужеземными посланниками такъ, чтобы держать ихъ въ заперти и не позволять имъ никакихъ сношеній съ туземцами, то вотъ почему признается разумнымъ отправить іезуитовъ съ нашимъ посольствомъ, но для полнаго успѣха въ этомъ предпріятіи, имъ необходимо ѣхать чрезъ Кантонъ, не давая никакого знака, что на нихъ возложено такое порученіе, такъ что, для лучшаго замаскированія цѣли ихъ посольства, они должны имѣть при себѣ только рекомендательныя письма своего

(1) См. въ арх. М. И. Дѣлъ дѣло подъ № 2-мъ. «О посольствѣ графа Головкина въ Китай, о іезуитахъ, отправленныхъ впередъ посольства въ Пекинъ: Норбертѣ Корсакѣ, Иванѣ Грасси и Иванѣ Штюрмерѣ; отъѣздъ ихъ въ Лондонъ». Лондонскіе іезуиты жили Roland Street Oxford Rowd, № 11-й. Здѣсь должны были остановиться и прожить нѣсколько времени и наши іезуиты.

генерала, и векселя на Лондонъ должны быть сдѣланы по предписанію генерала. Іезуитовъ для посольства въ Китай должно быть три человѣка: два математека и одинъ художникъ механикъ. Они должны отправиться гораздо ранѣе посланника и быть уже къ его пріѣзду въ Пекинѣ, снабженные словесными инструкціями относительно большей части предметовъ входящихъ въ кругъ переговоровъ, такъ чтобы при помощи своихъ собратовъ приготовили посланнику успѣхъ въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя ими будутъ сдѣланы китайскому правительству. Три эти эмиссара, отправляясь чрезъ Кантонъ, не должны подавать никакого подозрѣнія о ихъ миссіи, и имъ даны будутъ всѣ средства извѣщать нашего посланника о всемъ, что будетъ для него нужно (1).

Эта была только канва для подробнѣйшей инструкціи, которою должны быть спабжены іезуиты-путешественники; или лучше, это былъ общій взглядъ нашего министерства на миссію іезуитовъ въ Китаѣ; на основаніи его Груберъ долженъ былъ составить для своихъ эмиссаровъ болѣе обстоятельныя и подробныя правила о возложенномъ на нихъ порученіи и способѣ исполненія его.

Цѣль посольства въ Китай, говорилось въ инструкціи, состоитъ въ томъ, чтобы дать большее развитіе нашимъ коммерческимъ сношеніямъ съ этою страною, и такъ какъ теперь всѣ наши сообщенія съ Китаемъ производятся чрезъ сбытъ товаровъ въ Кяхтѣ, то получить отъ китайцевъ право торговать по всему протяженію пограничной мѣстности на извѣстныхъ договорныхъ условіяхъ. Китайцы, въ настоя-

(1) См. въ арх. М. И. Дѣлъ вышепоказанное нами дѣло подъ № 2-мъ, г. 1805-й, о посольствѣ графа Головкина въ Китай. . . .

щее время не изъявляя никакихъ притязаній на вознагражденіе за уступки, которыхъ желаетъ отъ нихъ получить наше правительство, впослѣдствіи будутъ требовать чего нибудь. Если требуемый ими предметъ будетъ трудно уступить имъ, или совсѣмъ невозможно, то во всякомъ случаѣ изъ этого можно будетъ извлечь ту выгоду, что посланникъ, имѣя предлогъ, что требуемый китайцами предметъ выходитъ изъ области его полномочій, будетъ имѣть возможность послать курьера въ Петербургъ и продлить свое пребываніе въ Пекинѣ, прикрываясь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ ожидаетъ приказаній своего государя. Онъ воспользуется этимъ временемъ, чтобы лучше познакомиться съ мѣстностію, завязать связи и постепенно привесть китайцевъ къ предположенной нами цѣли. Посланнику приказано во время своего путешествія собирать свѣдѣнія о предметахъ, въ которыхъ китайцы могутъ имѣть нужду. Эти свѣдѣнія будутъ сообщены іезуитамъ для того, чтобы они внушили занимающимъ важные посты китайцамъ быть откровенными съ нашимъ посланникомъ, который постарается изъ этого извлечь наивозможно большія выгоды. Іезуиты съ своей стороны также должны озаботиться тѣмъ, чтобы узнать, что любятъ китайцы, и расположатъ ихъ посредствомъ косвенныхъ способовъ выразить посланнику свои желанія. Іезуиты постараются сообщить китайцамъ истинное понятіе о русской имперіи, о средствахъ, которыми она располагаетъ, о ея неисчислимыхъ богатствахъ, о значеніи, которымъ пользуется петербургскій кабинетъ у другихъ государствъ, о правилахъ справедливости, отличающихъ царствованіе Императора Александра, о благодѣтельныхъ учрежденіяхъ, устроенныхъ въ послѣднее время по большей части для блага человѣчества, и преимущественно изъ желанія нынѣ благополучно

царствующаго Государя жить въ мирѣ со всѣми сосѣдями.»

Іезуиты должны озаботиться доставленіемъ подлинныхъ свѣдѣній о лицахъ, составляющихъ китайское министерство. Они должны узнать, какія лица между министрами имѣютъ болѣе вліянія на дѣла, кто изъ нихъ ближе къ императору, кто болѣе изъ нихъ имѣетъ власти надъ нимъ, и кто изъ нихъ долженъ быть болѣе отличенъ подарками. Они должны постараться узнать вполнѣ характеръ императора, его причуды, обычаи, предметы, преимущественно любимые имъ и о которыхъ онъ чаще всего любитъ говорить. Собравши всѣ эти свѣдѣнія, іезуиты должны сообщить ихъ посланнику по пріѣздѣ его. Такъ какъ для посланника составляетъ немаловажную вещь то обстоятельство, чтобы онъ зналъ, какъ расположено къ нему китайское министерство, какъ на него смотрятъ тѣ и другіе изъ министровъ, и по этому онъ можетъ расчитывать на успѣхъ или неуспѣхъ своего посольства, то необходимо, чтобы іезуиты употребили всѣ средства знать все происходящее въ китайскихъ канцеляріяхъ относительно нашей миссіи и увѣдомлять въ точности наше посольство о всемъ этомъ. Точно такъ же они должны употребить всѣ средства къ тому, чтобы косвенными путями довести до свѣдѣнія вліятельныхъ лицъ всякаго рода извѣстія и новости, которыя они признаютъ полезными въ интересахъ Россіи и которыя могутъ содѣйствовать успѣху нашего посланника въ его переговорахъ съ Китаемъ (1).»

Кромѣ инструкціи, данной нашимъ іезуитамъ, генералъ іезуитскій и другіе члены русскаго іезуитскаго общества

(1) См. вышеприведенное дѣло о посольствѣ графа Головкина.

написали письма къ китайскимъ іезуитамъ. Латинство прие сено было въ Китай знаменитымъ іезуитомъ Францискомъ Ксаверіемъ еще въ половинѣ XVI-го вѣка. Въ началѣ XVII-го столѣтія въ Китаѣ уже насчитывали до 400.000 христіанъ. Ксаверій былъ родомъ португалецъ, а потому и послѣдующіе за нимъ просвѣтители Китая главнымъ и преимущественнымъ образомъ являлись изъ Португаліи. Правительство Португальское сильно хлопотало о водвореніи іезуитовъ въ Поднебесной имперіи и для этой цѣли отправляло къ китайцамъ особыя посольства. Наконецъ результатомъ всѣхъ домогательствъ португальскаго правительства было то, что іезуитамъ позволено было поселиться въ Китаѣ, но только не подъ собственнымъ или настоящимъ именемъ члена іезуитскаго общества, но подъ названіемъ какого нибудь художника, или ученаго, напр. живописца, скульптора, музыканта, механика, математика, астронома, доктора и т. п. Но для іезуитовъ довольно было и того, что имъ позволило китайское правительство утвердиться хоть въ одномъ уголкѣ своего государства и подъ какимъ бы то ни было именемъ, а тамъ все остальное они сами сдѣлаютъ, не спрашивая на то позволенія ни у какого правительства. Дѣйствительно, впослѣдствіи, не смотря на всѣ невзгоды, иногда поднимавшіяся противъ нихъ, они умѣли обработывать свои дѣла, и достигли даже, предъ появленіемъ буллы Климента XIV объ уничтоженіи іезуитскаго общества, того, что епископомъ пекинскимъ сдѣланъ былъ одинъ изъ членовъ іезуитскаго общества, нѣкто Поликарпъ изъ фамиліи Соуза ([1]). Булла Климента XIV

([1]) См. Сибирскій Вѣстникъ за 1822-й г., статья «объ іезуитахъ въ Китаѣ», или отрывокъ изъ китайскихъ записокъ іеромонаха Ѳеодосія Сморжевскаго, также Сибир. Вѣстникъ за 1823-й г. «Дневныя записки Е. Ѳ. Тимковскаго, во время пребыванія его въ Пекинѣ».

«Dominus ac Redemptor» не произвела на китайскихъ іезуитовъ никакого дѣйствія: подъ разными предлогами они уклонялись отъ исполненія ея и не хотѣли оставлять Китая и возвращаться въ Европу. Даже панигиристъ іезуитовъ Кретино-Жоли проговаривается на этотъ разъ, хотя съ іезуитскою нецеремонностію и старается всячески оправдать ихъ въ ихъ непокорности ([1]). Въ разсматриваемую нами эпоху число христіанъ въ Китаѣ, по свидѣтельству іезуитовъ, простиралось свыше милліона. Внутри самаго Пекина было 4 іезуитскихъ коллегіи. Одна называлась полуденною и была самою древнею изъ всѣхъ христіанскихъ учрежденій въ столицѣ Поднебесной имперіи; въ ней было много серебряныхъ подарковъ отъ самихъ китайскихъ императоровъ. По внѣшнему своему виду она походила совершенно на китайскій храмъ или домъ: на лицевой сторонѣ ея находился китайскій гербъ, т. е. змѣй, высѣченный изъ камня. Внутренность храма этой коллегіи болѣе напоминала христіанскій храмъ, чѣмъ внѣшность его. Надъ алтаремъ по лазуревому полю по китайски были написаны слѣдующія слова: неба и земли истинный Царь. Другая коллегія восточная, иначе называемая португальская, довольно великая. Всѣ іезуиты, пріѣзжающіе въ Пекинъ изъ разныхъ своихъ провинцій, обыкновенно останавливаются и живутъ въ этихъ двухъ коллегіяхъ, за исключеніемъ іезуитовъ изъ французской провинціи, для которыхъ существовала въ Пекинѣ своя особая коллегія, извѣстная подъ именемъ французской или сѣверной, или дворцовой, потому что въ этой части города находится и богдыханскій дворецъ. Четвертая западная коллегія, весьма

([1]) Histoire de la Compagnie de Jésus, tom V, pag. 404—414.

малая и убогая. Кромѣ этихъ 4-хъ пекинскихъ коллегій, іезуиты имѣли коллегію въ Хайдинѣ. Пекинскіе іезуиты зависѣли въ іерархическомъ отношеніи отъ начальника іезуитовъ, пребывавшихъ въ Макао. Отсюда они получали деньги на свое содержаніе; чрезъ начальника макаоской миссіи вели переписку съ Европою и другими частями свѣта, получали разные подарки отъ королей, королевъ и всѣхъ знатныхъ и богатыхъ людей въ Европѣ. При начальникѣ макаоской миссіи для этой цѣли находился всегда отъ пекинскихъ іезуитовъ такъ называемый диспенсаторъ, котораго спеціальностію было собирать пожертвованія въ пользу пекинскихъ іезуитовъ и отправлять все собранное по назначенію въ разныя пекинскія коллегіи. Кромѣ того, пекинскіе іезуиты накупили себѣ множество земли, садовъ, огородовъ, лавокъ, рабовъ, вели торговлю, отдавали въ ростъ деньги, входили въ разныя спекуляціи. Костюмъ пекинскихъ іезуитовъ, ихъ внѣшняя обстановка, даже ихъ образъ жизни, болѣе напоминали въ нихъ мандариновъ китайскихъ, чѣмъ христіанскихъ проповѣдниковъ ([1]). Ходятъ они, говоритъ о. Сморжевскій въ своихъ запискахъ, въ Пекинѣ по китайски: бороды, да косы и усы оставляютъ, всю же голову брѣютъ, и въ траурѣ публичномъ такъ поступаютъ, какъ бы и прочіе китайцы. Платье носятъ въ дому камчатое, невысокое, смирнаго цвѣту. Если же изъ дому выѣзжать, то хорошее и самое честное имѣютъ платье, какъ и прочіе китайцы, а которые по провинціямъ живутъ, и тѣ въ китайчатомъ ходятъ платьѣ, какъ бы истые простые мужики, немножко токмо отъ деревенскихъ поуборнѣе. Ѣздятъ они верхами и въ теле-

([1]) См. вышеприведенную статью изъ Сибирскаго Вѣстника за 1822-й г: «объ іезуитахъ въ Китаѣ».

гахъ, токмо телеги свои дѣлаютъ и съ китайскаго манера, но на пасахъ, и съ убранствомъ, подобающимъ честному и почтенному ([1]). Пріемы и способы ихъ дѣйствованія въ распространеніи латинства въ Китаѣ, имѣя много общихъ чертъ съ всегдашними, обычными іезуитскими манерами въ подобномъ случаѣ, по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ края принимали здѣсь особенный, мѣстный колоритъ и окрашивались въ особый мѣстный цвѣтъ. «Они, продолжаетъ о. Сморжевскій, принимаютъ слугъ, которые служатъ имъ обыкновенно, взимая помѣсячное серебро. Изъ нихъ, которые лучше и честнѣе другихъ и вѣрнѣе покажутся, тѣхъ не оставляютъ; которыхъ же изъ нихъ остроумнѣйшихъ увидятъ, да и младшихъ, и тѣхъ, водя съ собою, обучаютъ латинскому языку и вѣры христіанскія догматамъ. Иныхъ отъ сихъ обучивши нѣсколько, изъ Макао посылаютъ тайно въ Европу, или и сами съ собою увозятъ, и тамъ обучаютъ ихъ, не токмо совершеннѣе латинскому языку, но риторикѣ и Богословіи моральной. Сіи же паки китайцы европейцовъ учатъ тамо китайскому языку. На каковой конецъ заведены нынѣ фундаціи въ Римѣ и въ Неаполѣ. Откуда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ посвятившись тамо въ ксендзы, возвращаются въ китайское государство въ орденѣ каковомъ іезуитскомъ, или доминиканскомъ, или иномъ; а когда возвратится, жалованье погодное получаетъ оттуда, какова есть ордена. Иніиже въ Европу непосылаются, но или въ Макао, или въ Филиппинскихъ островахъ, или при миссіонаріяхъ обучаются. И тако тѣхъ, которые или ученые совѣтомъ, или серебромъ совращены іезуитами въ свою вѣру и покрестилися, или

([1]) Тамъ же.

при миссіонаріяхъ поучилися, или въ Европу посланы были, ксендзами ставятъ, а кои суть мірскіе, и тѣ катехистами бываютъ, кое производится таковымъ образомъ: въ уреченныя времена обучаютъ они катехуменовъ и по праздникамъ сходящихся крещеныхъ китайцевъ, пока время будетъ на большую мшу. Тако крещенные или катехумены слушаютъ, единъ же другому сказующе; ово любопытствомъ, ово желаніемъ познать и прочіе приходятъ китайцы и слушаютъ. Учрежденный чья очередь есть, ксендзъ, сидя начнетъ говорить, или поговоря мало и уйдетъ; тотъ же катехистъ, понеже литеры и смыслъ ихъ, и языкъ гораздо знаетъ, и начнетъ пространнѣе толковать. Что же толковать надобно, то на весь годъ езуиты на всякое воскресенье выдадутъ и выпечатаютъ по китайски. Многіе же и спорить приходятъ, и о тѣхъ распрося перво, іезуиты совѣтъ и возраженія у себя составятъ, и философомъ онымъ о всемъ дадутъ информацію (объясненіе, или наставленіе), какъ отвѣщать и куда ихъ отправлять.

Сіи же катехисты, не токмо здѣсь, но и по провинціямъ посылаются, а за то имъ годовое дается жалованье. Съ оными книжными крещеными езуиты переложили Евангеліе, Апостолъ и всѣ догматы вѣры на китайскій языкъ. Святцы христіанскіе подвели подъ китайскіе мѣсяцы и числа, и раздаютъ ихъ безденежно всѣмъ своимъ христіанамъ. Кромѣ сего и повѣстчиковъ имѣютъ, кои посѣщаютъ о праздникахъ оныхъ. Учредили при воротахъ своихъ (коллегій) ученіе вѣры; но сверхъ сего, ово христіанинъ не христіанина, знакомый знакомаго, сродникъ сродника поощряетъ и совѣтами привлекаетъ къ христіанству; ово тѣже сами литераты (ученые), ходя и между китайцами обращаяся, при данномъ каковомъ либо случаѣ паговариваютъ и привлекаютъ. Ибо туда слушать не всякъ можетъ

пойдти, но развѣ скуднѣйшій; ежели же случится богатаго кого наговоритъ, то на домъ къ нему тѣже философы ѣздятъ (а езуиты ради подозрѣнія столь часто не могутъ ѣздить) и тамо въ дому обучаютъ ихъ. Много езуиты и симъ способомъ наворачиваютъ, что подъ именемъ и видомъ леченія, или обученія, какъ то: музыки и проч., пріѣзжаютъ. Служители у езуитовъ всѣ крещеные китайцы. Езуиты, кромѣ обученія въ законѣ, обучаютъ еще живущихъ при нихъ служителей, хотя и невсякаго, и художествамъ. Таковые езуитскіе служители и поступками своими отличаются отъ прочихъ китайцевъ, принимая на себя видъ европейской вѣжливости, скромности и учтивости (¹). Разныя конгрегаціи, духовныя церемоніи и экзерциціи, разные образки, фигурки, до которыхъ особенно охотники китайцы, реликвіи, развозимыя іезуитами по китайскимъ ярмаркамъ, служили также въ рукахъ іезуитовъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ распространенію латинства въ Китаѣ. Неудивительно, что іезуиты съ каждымъ годомъ пріобрѣтали себѣ сотнями неофитовъ изъ Китайцевъ и число христіанъ въ Китаѣ простиралось свыше 400.000 человѣкъ, и что иногда принимали христіанство люди ближайшіе къ китайскому императору и наконецъ нѣкоторые даже изъ богдыхановъ такъ явно выражали свои симпатіи къ латинскимъ проповѣдникамъ и ихъ ученію, что давали поводъ думать, что они были тайными христіанами (²).

(¹) См. вышеприведенную статью Сибир. Вѣст. «объ іезуитахъ въ Китаѣ.»

(²) Особеннымъ расположеніемъ къ Христіанству отличался Ханъ Капсій, дѣлавшій богатыя пожертвованія на іезуитскіе костелы и даже самъ писавшій литеры надъ алтаремъ іезуитскаго костела (Тамъ же).

Іезуиты смотрятъ на Китай, какъ на исключительное достояніе своего ордена, а потому всѣмъ другимъ латинскимъ орденамъ, желающимъ основать здѣсь свои резиденціи или миссіи, они противопоставляютъ всякаго рода затрудненія, препятствія и интриги. Отсюда постоянныя несогласія у іезуитовъ съ миссіонерами въ Китаѣ изъ другихъ орденовъ, вѣчные нелады и противорѣчія во взглядахъ почти по всѣмъ предметамъ. «Въ чемъ другіе почти всѣ ордены, пишетъ о. Сморжевскій, усмотрятъ худость и начнутъ оставлять, или вопреки разсудятъ, что никакой въ томъ нѣтъ худости, и Езуиты спорятъ, и чего другіе воспящаютъ и запрещаютъ, то они позволяютъ, или, вопреки, на что всѣ соизволяютъ, а они едини спорятъ. Покаже въ Римъ пріидетъ разсудитися и оттуда резолюція возвратится, а тѣмъ часомъ много способнаго уплыветъ времени. Такожде, что случится изъ оныхъ орденовъ пріѣхать въ Макао, дабы современемъ въ Пекинъ быть пропущену, езуита же ни единаго не будетъ, то они всячески препятствуютъ и мѣшаютъ, чтобъ тотъ въ Макао дожидался, пока какой езуитъ прибудетъ, а тотъ, дожидаяся долго и недождався, въ Европу возвращается, какъ нынѣ отъ 1747 года къ Сигизмунду ксензу четвертой коллегійки пріѣхалъ преизрядной какой-то живописецъ, а и по нынѣ въ Макао дожидается, хотя многажды была способность представить объ немъ хану. А то все того ради, дабы во всѣхъ ремеслахъ езуитамъ быть во дворцѣ, по чему и нынѣ за скудость превеликую принуждены Сигизмунда онаго отъ августіанскаго закона припустить; а однако и своего французскаго езуита туда же въ часовщики подтащили, хотя и ничего не умѣетъ; а тѣмъ временемъ его бы

не искусства чтобъ и не повидѣть [1]. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что китайскіе іезуиты, состоящіе изъ представителей различныхъ національностей Европы, Азіи и Америки, живутъ во враждѣ между собою и постоянно интригуютъ другъ противъ друга; одна іезуитская коллегія, напр. южная или португальская, ведетъ ожесточенную борьбу съ сѣверною или французскою [2]. Причинами этого соперничества между членами одного и тогоже института были главнымъ образомъ народное самолюбіе и національная гордость и заносчивость, оспариваніе вліянія при дворѣ въ пользу своихъ земляковъ и чаще всего столкновеніе на предметахъ пріобрѣтенія и захвата чьей либо собственности, напр. земли, денегъ и разныхъ матеріальныхъ богатствъ. Въ эпоху отправленія нашего посольства въ Китай шла ожесточенная борьба между іезуитами португальскими и французскими, жившими въ Пекинѣ. Споръ вышелъ изъ за нѣсколькихъ клочковъ земли и изъ за нѣсколькихъ душъ прихожанъ изъ крещеныхъ Китайцевъ. Дѣло между французскими и португальскими іезуитами восходило даже до папы. Кретино, какъ іезуитъ, хранитъ глубокое молчаніе объ этихъ внутреннихъ междуусобіяхъ іезуитскаго ордена въ Китаѣ, и какъ французъ, ничего намъ неговоритъ объ іезуитахъ португальскихъ въ Китаѣ, оставшихся тамъ и послѣ буллы Ганганелли, также объ іезуитахь изъ Итальянцевъ, а только распространяется объ іезуитахъ французскихъ: Дюпрé, Доллерѣ, Сибò,

(1) Въ Сибир. Вѣстникѣ за 1823-й г. ч. I. «Дневныя Записки Тимковскаго, и статью о. Сморжевскаго въ томъ же Вѣстникѣ за 1822-й г. «объ іезуитахъ въ Китаѣ.»

(2) Тѣже Дневныя Записки Тимковскаго.

Буржуа, Аміо и другихъ ([1]). А между тѣмъ изъ дневника Тимковскаго, также изъ актовъ нашихъ архивовъ, мы узнаемъ, что во время отправленія въ Китай нашихъ іезуитовъ тамъ находились, кромѣ французскихъ іезуитовъ, еще іезуиты изъ Итальянцевъ, Португальцевъ и Бразильцевъ, а именно: Циполли, Рибейра (престарѣлый іезуитъ изъ португальцевъ), Ферейра (дряхлый старикъ 70 лѣтъ) и другіе ([2]). Къ этимъ іезуитамъ теперь адресованы были письма отъ начальствующихъ лицъ іезуитскаго русскаго общества, или связанныхъ съ ними знакомствомъ или другими какими либо отношеніями. Вотъ что писано было китайскимъ іезуитамъ отъ русскаго іезуитскаго генеральнаго викарія съ эмиссарами нашего іезуитскаго общества: Вы уже знаете, что наше общество канонически признано въ россійской имперіи нынѣ царствующимъ верховнымъ первосвященникомъ. Мы обязаны этимъ великимъ благодѣяніемъ промысла русскому правительству, покровительствомъ котораго часть общества спасена отъ всеобщаго разрушенія. Имперія эта въ настоящее время имѣетъ огромное значеніе въ Европѣ по мудрости своихъ законовъ и своего правительства, сохраняющаго до сего времени всѣ силы и всю неприкосновенность своего государства, а также уклоненіемъ отъ новыхъ завоеваній находящагося въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ своимъ сосѣдямъ. Впрочемъ огромное пространство этой имперіи непозволяетъ ей дѣлать новыхъ завоеваній, которыя могутъ только ослабить ее, какъ, извѣстно намъ, это и случилось со всѣ-

([1]) Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. V, pag. 404—414.

([2]) Спб. Вѣстникъ за 1823-й г. ч. I. Записки Тимковскаго, и въ арх. М. И. Д. дѣло 1805-го г. подъ № 2-мъ, «о посольствѣ графа Головкина въ Китай.»

ми великими государствами. И такъ воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія наслаждается глубокимъ миромъ среди войнъ и революцій, потрясающихъ всю Европу, нашъ почтенный генералъ Гавріилъ Груберъ разсудилъ послать насъ въ Китай, чтобы хотя нѣсколько восполнить недостатокъ священниковъ въ этой странѣ, и если будетъ удачно это первое посольство, то онъ намѣренъ послать послѣ насъ и многихъ другихъ. Насъ въ настоящее время находится въ Кантонѣ три человѣка: два священника и одинъ братъ лаикъ; вотъ наши имена: о. Норбертъ Корсакъ, Полякъ, 32 лѣтъ, о. Жанъ-Антуанъ Гросси, итальянецъ, 30 лѣтъ, и Жанъ Штюрмеръ, Нѣмецъ, 46 лѣтъ. Что касается до нашихъ познаній, то мы знаемъ математику и физику, а братъ лаикъ искусенъ въ скульптурѣ и пластикѣ. Мы думаемъ, что эти науки и искусства будутъ пріятны и полезны для китайской имперіи. На будущее время достопочтенный господинъ генералъ готовъ лишить себя лучшихъ своихъ подчиненныхъ, если это пріятно будетъ китайскому императору, который всегда оказывалъ обществу величайшія благодѣянія, и котораго правосудіе и милость могутъ служить образцемъ для всей вселенной, потому что при всеобщемъ гоненіи общества, мы нигдѣ не нашли такой безпристрастной справедливости и такой надежной помощи, какъ только въ китайской имперіи. Нужно желать, чтобы между двумя имперіями столько великими, какъ Китай и Россія, царствовало совершенное единодушіе и согласіе. Мы узнали, что русскій императоръ Александръ готовъ послать посольство къ его китайскому величеству и желаетъ жить съ нимъ въ такой тѣсной дружбѣ, что императоръ Александръ готовъ дать китайской имперіи все, чего только она ни попроситъ и ни пожелаетъ и какихъ бы трудовъ это ни

стоило. И такъ если ваше преподобіе или кто нибудь изъ нашихъ захотѣли бы внушить китайскому министерству, не стѣсняясь ничѣмъ, объявить, какихъ оно желаетъ товаровъ или другихъ какихъ либо вещей, то несомнѣнно и съ полною готовностію россійская имперія доставитъ все по требованію. Еслибы ваше преподобіе или кто нибудь изъ нашихъ отцевъ при случаѣ могъ извѣщать русскаго посланника, который будетъ присланъ, обо всемъ, что̀ можетъ быть пріятно или полезно китайскому министерству, о вліятельныхъ также лицахъ при дворѣ, которыхъ благосклонность важно пріобрѣсть, такъ же о томъ, какія науки и искусства преимущественно нравятся его китайскому величеству, то этимъ бы ваше преподобіе оказали великую услугу императорамъ Россіи и Китая. Общество наше много разъ имѣло счастіе возстановлять доброе согласіе между этими двумя государствами, и въ будущемъ Богъ поможетъ намъ въ нашихъ усиліяхъ, потому что мы имѣемъ единственную цѣль—выразить нашу признательность за благодѣянія, полученныя нашимъ обществомъ и христіанской религіей. Что же касается до насъ, прибывшихъ въ эти страны, то ваше преподобіе оказали бы намъ великую услугу, если бы могли выхлопотать намъ позволеніе пріѣхать въ Пекинъ, чтобы мы могли скорѣе служить тѣми нашими талантами, которыми владѣемъ; потому что огромное разстояніе мѣстъ требуетъ многаго времени на пересылку и обмѣнъ писемъ, тогда какъ для нашего достопочтеннаго о. генерала было бы великимъ утѣшеніемъ, еслибы онъ могъ скорѣе получать отъ насъ свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ и о томъ, изъ чего онъ могъ бы видѣть, что мы содѣйствуемъ его намѣреніямъ. Покорнѣйше прошу ваше преподобіе удостоить отвѣтомъ это письмо и вручаю себя и своихъ товарищей вашимъ

святымъ молитвамъ ([1]). Эдуардъ Десперамо или Десперамусъ, игравшій важную роль при Груберѣ и его преемникѣ, старѣйшій изъ русскихъ іезуитовъ и лично знакомый съ однимъ изъ китайскихъ іезуитовъ, патеромъ Циполою, написалъ ему съ своей стороны также письмо, въ которомъ извѣщалъ его о себѣ и отчасти о состояніи своего ордена въ Европѣ. Письмо это отличается особеннымъ тономъ и характеромъ. «Вспоминаешь ли обо мнѣ, любезный отецъ Ципола, писалъ Десперамо, какъ мы жили въ одной провинціи и въ одномъ домѣ; я по истинѣ никогда не забывалъ тебя. Послѣ многихъ странствованій, когда утверждено Піемъ VII въ Россіи общество, благополучно возвратился я къ любезнѣйшей матери за три года тому назадъ. По смерти почтеннаго о. генерала Габріеля Грубера, избранъ на его мѣсто нынѣшній генералъ, какъ явствуетъ изъ его письма ([2]). На ономъ же соборѣ я не-

([1]) См. въ арх. М. И. Д. Дѣло подъ № 2-мъ «о посольствѣ графа Головкина въ Китай.»

([2]). Груберъ не дожилъ до окончанія посольства своихъ эмиссаровъ въ Китай. Преемникъ его, какъ кажется, не имѣлъ тѣхъ симпатій къ китайскимъ дѣламъ, какими былъ воодушевленъ Груберъ. Многія обстоятельства постороннія также привзошли къ этому дѣлу и опредѣлили исходъ его неблагопріятный для видовъ нашего правительства. Преемникъ Грубера написалъ также отъ себя письмо къ китайскимъ іезуитамъ; но содержаніе письма почти исключительно наполнено выраженіями заботливости объ интересахъ іезуитскаго ордена, а не о видахъ Русскаго правительства. «Почтенный о Христѣ отецъ, писалъ Березовскій старѣйшему изъ китайскихъ іезуитовъ, посылая письмо сіе къ вашему преподобію съ греческими священниками, идущими изъ Россіи въ Пекинъ, съ тѣмъ, чтобы заступить мѣсто собратій своихъ, находящихся доселѣ еще въ ономъ городѣ и долженствующихъ нынѣ возвратиться въ столицу сея имперіи, прошу васъ, дабы вы, пользуясь симъ случаемъ, прислали съ ними отвѣтъ на мое письмо, а чтобъ сихъ священниковъ удобнѣе склонить на доставленіе ко мнѣ письма вашего, то стоитъ только имъ сказать, что

достойнѣйшій выбранъ ему въ помощники, и живу нынѣ въ Петербургѣ при отцѣ генералѣ. Несумнѣваюсь я, чтобъ письмо сіе, ежели паче чаянія о. Поаро скончался, тебѣ

князь Голицынъ, оберъ-прокуроръ св. Сѵнода съ благосклонностію принялъ на себя сіе мое письмо переслать къ вашему преподобію, и позволилъ, чтобы тѣмъ же самымъ образомъ доставленъ былъ ко мнѣ и отвѣтъ.

Какъ вы желаете быть извѣщенными о дѣлахъ ордена нашего, то, вкратцѣ удовлетворяю оному. Почтенный от. Габріель Груберъ, генералъ общества, который васъ вторично въ оное принялъ, 1805-го г. апрѣля 6-го дня переселился въ блаженную, какъ желательно, вѣчность, а на его мѣсто 14-го сентября того же года на общемъ собраніи избранъ тотъ, который къ вашему преподобію сіе пишетъ. Насъ теперь въ сей имперіи находится всѣхъ вообще до 330 братій и пользуемся покровительствомъ великаго императора россійскаго Александра I-го, который насъ милостиво охраняетъ и изливаетъ на насъ свои благодѣянія. Число другихъ собратій, находившихся до сего времени въ королевствѣ обѣихъ Сицилій и приведенныхъ въ прежнее состояніе, какъ явствуетъ изъ буллы св. папы Пія VII, простирается до такого же числа, какое находится и въ Россіи. Но они сего 1806-го г. въ іюлѣ мѣсяцѣ французами, которые теперь все опустошаютъ, и завладѣли уже Неаполемъ, оттуда, т. е. изъ Неаполя выгнаны. Европа теперь въ бѣдственномъ состояніи, о чемъ вѣроятно нѣкоторые изъ Европы посланные миссіонеры васъ извѣстятъ, и по сей причинѣ св. папа не могъ по желанію своему оказать намъ болѣе благодѣяній. Достопочтенный предшественникъ мой при жизни своей старался сдѣлать вамъ нѣкоторыя пособія, по случаю соизволенія всемилостивѣйшаго Государя Императора нашего на отправленіе миссіонеровъ къ великому императору китайскому, и въ томъ числѣ трехъ іезуитовъ, довольно свѣдущихъ въ физикѣ, математикѣ, рѣзьбѣ и лѣпной работѣ; но какъ нынѣ никому нельзя отправиться въ китайскія духовныя миссіи, не получивъ напередъ позволенія на то отъ папы, то по сей причинѣ и они находятся теперь другой уже годъ въ Лиссабонѣ; надѣюсь, однакожъ, что они дѣйствительно въ скорости отправятся. Имена же ихъ суть: от. Норбертъ Корсакъ, полякъ, физикъ и математикъ, от. Іоаннъ Антонъ Грасси, итальянецъ бергаманскій, физикъ и математикъ, Іоаннъ Стирмеръ, братъ, рѣзчикъ и лѣповщикъ. Ежели Богъ имъ позволитъ пріѣхать въ Кантонъ ранѣе и они оттуда до-

или кому нибудь изъ нашихъ, нынѣ еще здравствующихъ, не было доставлено; сдѣлай милость, прошу покорно, отпиши ко мнѣ, какъ брату твоему о Христѣ, о томъ, что почитаешь для насъ нужнымъ, и увѣдомь

ставятъ вамъ письмо отца викарія генерала, то прошу васъ, до благополучнаго пріѣзда ихъ въ Пекинъ, увѣдомить насъ о распространеніи вами и другими, давно тамъ пребывающими, отцами нашими въ тѣхъ странахъ слова Божія и объ оказываемыхъ обоимъ великимъ императорамъ малыхъ услугахъ вашихъ. Ваше преподобіе весьма меня обрадуете, ежели вы, пользуясь симъ, чрезъ греческихъ, разумѣю русскихъ священниковъ, находящихся нынѣ въ Пекинѣ, перешлете ко мнѣ письмо, ибо мнѣ весьма нужно знать все, что до той миссіи касается. И такъ, когда вы будете писать ко мнѣ, то, во 1-хъ, напишите, полученъ ли вами утвердительный отвѣтъ достопочтеннаго отца Грубера на ваши письма, въ которыхъ вы просили его о присоединеніи васъ вновь къ обществу и о позволеніи вамъ собственной профессіи (рукоприкладства!), во 2-хъ, живъ ли почтенный отецъ Ципола? находятся ли другіе какіе собратіи? Сколько изъ общества въ Пекинѣ и другихъ мѣстахъ остается еще въ живыхъ? и наконецъ, какой тамъ имѣютъ успѣхъ дѣла Христовы и Св. Церкви? За 20 и болѣе лѣтъ получено нашими въ Россіи обширное письмо отъ почтеннаго отца Буржоа (Буржоа или Буржуа былъ сынъ бѣднаго пекинскаго солдата, воспитанъ французскими іезуитами въ пекинскомъ французскомъ монастырѣ; іезуиты готовили его быть проповѣдникомъ римскаго исповѣданія во внутреннихъ провинціяхъ Китая; для этой цѣли хотѣли предварительно отправить его для дальнѣйшаго образованія въ Европу и дѣйствительно впослѣдствіи онъ былъ посланъ во Францію, Римъ, изучилъ языки: латинскій, французскій и сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и извѣстнѣйшихъ распространителей латинства среди своихъ соотечественниковъ Китайцевъ, по возвращеніи своемъ изъ Европы. Пропаганду свою среди своихъ единоплеменниковъ Буржуа началъ съ своихъ родственниковъ и первымъ лицемъ, обращеннымъ имъ въ латинство, былъ родной племянникъ его, названный въ крещеніи Петромъ. Этотъ Петръ также обучался у французскихъ іезуитовъ въ Пекинѣ, но онъ не былъ на столько твердъ, чтобы до конца жизни остаться христіаниномъ, и впослѣдствіи отрекся отъ Христіанства и обратился къ китайской религіи). (Сибир. Вѣстн. за 1824-й г. ч. II-я, Дневныя записки Е. Ѳ. Тимковскаго). Ваше преподобіе

обо всемъ въ откровенности. Хотя французы, овладѣвъ неаполитанскимъ королевствомъ, выгнали нашихъ, однако немогли никакого сдѣлатъ вреда живущимъ въ Палермѣ въ великомъ обществѣ и въ одномъ соборѣ, коихъ число простирается до 170; Сицилія противу ихъ желаній хорошо укрѣплена, и туда переѣхалъ король Фердинандъ со всею королевской фамиліею; Англія и Россія ему вспомоществуютъ. По овладѣніи обѣихъ Калабрій, несумнѣнная есть надежда, что французы, числомъ хотя и весьма превосходящіе, принуждены наконецъ будутъ отступить отъ того государства. Прощай, любезнѣйшій Алоизій; ежели имѣешь надобность въ моемъ пособіи, то прикажи, и включи меня въ свои молитвы, который сердечно къ тебѣ расположенъ и есть о Христѣ твой братъ и слуга Эдуардъ Десперамо [1]».

Снабженные и вооруженные разными инструкціями и письмами груберовскіе эмиссары отправились изъ Петербурга чрезъ Стокгольмъ въ Лондонъ. Здѣсь ожидали ихъ письма изъ Россіи и векселя, посланные на имя Стрикланда [2]. Посланникамъ нашимъ при тѣхъ государствахъ, чрезъ которыя придется проѣзжать тремъ нашимъ іезуитамъ, дано было знать шифрованными депешами, чтобы

имѣете теперь удобный случай отписать ко мнѣ чрезъ священниковъ, о которыхъ я уже упомянулъ прежде; воспользуйтесь симъ случаемъ для того дабы я могъ имѣть письменное сношеніе съ вами; я сего желаю и о томъ васъ для славы Божіей прошу, препоручая себя молитвамъ всѣхъ нашихъ, сколько оныхъ тамъ есть». (Дѣло о посольствѣ въ Китай графа Головкина).

[1] См. вышеприведенное дѣло о посольствѣ графа Головкина въ Китай.

[2] См. въ томъ же дѣлѣ о посольствѣ Головкина предписаніе Трощинскому, чтобы онъ распорядился доставить изъ Императ. кабинета въ М. И. Д. вексель въ 4000 руб. на имя Стрикланда и депеша М. И. Д. на имя посланника нашего въ Португаліи Васильева. Въ письмѣ Березовскаго

они оказывали съ своей стороны возможное покровительство и защиту іезуитскимъ эмиссарамъ. Когда сравнить и сопоставить всю эту хлопотливую дѣятельность русскаго правительства, всѣ эти приготовленія и траты съ тѣми результатами, которые увѣнчали это предпріятіе, а результаты эти равнялись чистѣйшему нулю и совершенно у ничтожеству, то становится на душѣ и больно, и досадно за русское правительство, позволившее себѣ сдѣлаться игрушкою въ рукахъ мошенническаго и плутовскаго общества, высосавшаго изъ него немалую сумму денегъ и нетолько неисполнившаго возложеннаго на него порученія, но и насмѣявшагося надъ нимъ и обманувшаго его ожиданія самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Дѣйствительно, таковы были дѣйствія іезуитскихъ эмиссаровъ, отправленныхъ въ Китай, и въ такомъ видѣ они представляются всякому безпристрастному и вникающему въ сущность дѣла наблюдателю, несмотря на всѣ усилія іезуитовъ накинуть покровъ на нихъ и облечь ихъ какою-то сумрачною таинственностію. Будемъ слѣдить за дѣйствіями посланцевъ Грубера по

къ Корсаку говорилось, что письма его получены въ Россіи, и что Груберъ умеръ. «Reverende in Christo pater superior! Omnes Reverentiae vestrae epistolae inscriptae R. Patri Nostro vite fuerunt perlatae: binas superiores ipsemet legit, posteriores vero duae pervenerunt, postquam placuit Domino ad accipiendam aeternam mercedem patrem nostrum 26 Martii veteris styli evocare. Suffragia, quae ipsi debentur, haec sunt: 7 sacra 7 coronae, 10 officium defunctorum. Ex omnibus litteris allatis apparet, iter, non culpa, certe, aliqua, sed Domino sic disponente, retardari: timetur proinde hic, ut nostri in tempore adveniant, ideoque providentur aliqua media, nec opus notum retardetur. Prosequatur tamen Reverentia Vestra item suum cum sociis juxta Reverendi domini generalis mentem, quae est mens moderni reverendi Lustig vicarii generalis, immo totius societatis.» (См. дѣло о посольствѣ графа Головкина въ Китай).

нашимъ официальнымъ документамъ и перепискѣ самихъ іезуитовъ между собою.

Изъ Лондона наши агенты прибыли въ Лиссабонъ, гдѣ представились папскому нунцію Галеппи; тотъ отвелъ имъ мѣсто въ одномъ изъ лиссабонскихъ монастырей; здѣсь они могли спокойно жить и получать содержаніе до отправленія своего въ Кантонъ. Нашъ посланникъ въ Лиссабонѣ, вслѣдствіе полученнаго имъ отъ нашего министерства предписанія, обязанъ былъ заниматься всѣмъ, что касалось до новыхъ пришельцовъ въ Лиссабонъ: хлопотать объ ихъ квартирахъ, содержаніи, руководить ихъ своими совѣтами, заботиться о паспортахъ для ихъ путешествія, отправленіи ихъ въ Макао и проч. и проч. (1). Но іезуиты, какъ

(1) Тамъ же, донесеніе Васильева Чарторыйскому, въ которомъ посланникъ пишетъ, что la depêche chiffrée de Votre Excellence du 3 de Mai m'est parvenue. Les trois missionnaires qui en font l'objet sont ici et à leur arrivée à Lisbonne ils s'étoient adressés à Mgr. Galeppi nonce apostolique, qui les avait accuellis, et tant pour les soustraire à la curiosité du public, que pour leur procurer un moyen de subsister à meilleur marché possible, il les avait placés dans un couvent où ils sont encore. Aussitôt que j'ai reçu les ordres de Sa Majesté Impériale à leur égard, je leur ai parlé et les ai instruits des mésures qui ont été pour leur atteindre leur destination, de la somme destinée pour la continuation de leur voyage, de la manière dont elle leur parviendra et de l'autorisation que j'ai eu de leur fournir quelque secours pour leur entretien, si leur sejour ici se prolonge encore et s'il leur devint absolument necessaire. La permission demandée au souverain pontife, pour aplanir les difficultés de continuer leur voyage, devant parvenir par le voie du nonce apostolique, j'ai crû ne pouvoir me dispenser de l'en prévenir. Il m'a promis de me faire savoir aussitôt qu'il l'aura reçue, et d'employer tous les moyens qui sont en son pouvoir pour leur faciliter le passage à Macao, de même que s'ils étaient des missionnaires du St. Siège. Au reste cette permission du saint père ne sera autre chose qu'un ordre au nonce de leur obtenir un passeport du gouvernement portugais, sans lequel aucun missionnaire ne peut passer d'ici

оказалось, и недумали оставлять такъ скоро Лиссабона, какъ предполагало наше правительство, и неторопились въ такое дальнее и небезопасное путешествіе. Жизнь въ Лиссабонѣ имъ понравилась, тѣмъ болѣе, что Галеппи принималъ ихъ хорошо и устроилъ ихъ пребываніе въ этомъ городѣ довольно комфортабельно, и что они нестѣснялись здѣсь никакими ограниченіями и условіями въ своей жизни и дѣятельности. Несмотря на то, что они должны были скрывать здѣсь свое званіе и ходить въ платьѣ не своего ордена, имъ удалось проявить свои миссіонерскія способности въ столицѣ Португалліи и пріобрѣсти для латинской церкви трехъ прозелитовъ, или собственно двухъ и завербовать одного француза въ свой орденъ; прозелиты эти были еретики—лютеране ([1]). Употреблены были всякаго рода предлоги, выдумывались всякаго сорта были и небылицы, чтобы продлить имъ свое пребываніе въ Лиссабонѣ и отклонить путешествіе въ Кантонъ. Но будемъ справедливы и безпристрастны къ нашимъ путешественникамъ-іезуитамъ и небудемъ безусловно обвинять ихъ въ ихъ уклоненіи отъ путешествія въ Китай, а постараемся по возможно-

ni en Chine, ni en Afrique, et c'est d'après une convention existante depuis des siècles entre le st. siège et ce royaume. L'on est très attentif ici sur la conservaton de ce droit. Le nonce m'a dit que le gouvernement est instruit de la présence de ces missionaires ici, et de l'ordre auquel ils appartiennent, et qu'il en est instruit par l'Angleterre, où il ne leur a paété permis de s'embarquer directement pour le lieu de leur destinations Cependant il est persuadé qu'on continuera à ne pas les inquieter et qu'en son temps on ne refusera pas à leur de livrer un passeport à sa requisition, où il les nommera simplement religieux.» (Тамъ же).

([1]) Внутр. переп. Іезуитовъ, № 149. Собраніе писемъ, относящихся до отправленія въ Китай миссіонерами отцевъ Корсака, Грасси и Стирмера.

*

сти опредѣлить мѣру и степень ихъ участія въ этой винѣ, а такъ же мѣру и степень вліянія другихъ лицъ на это дѣло. Припомнимъ, что общество іезуитское въ Александровскую эпоху находилось въ лучшихъ отношеніяхъ къ папѣ за каноническое возстановленіе его въ Россіи, Неаполѣ, и за постоянно питаемыя и возбуждаемыя въ немъ римскою куріей надежды на возстановленіе его во всемъ свѣтѣ. При Екатеринѣ Великой и Павлѣ 1-мъ іезуиты явно и тайно возставали противъ папской власти и подкапывали самыя основанія ея; при Александрѣ 1-мъ они ревностно и усердно служили ей и были вѣрною и преданною ея гвардіею.

Папа немогъ питать къ намъ чувства пріязни послѣ того, какъ мы удалили изъ Петербурга его нунція и прервали всѣ сношенія съ нимъ, ввѣривши все управленіе латинскою церковію въ Россіи Сестренцевичу, стороннику галликанизма и человѣку опасному по своимъ взглядамъ на папство и своимъ честолюбивымъ замысламъ. Іезуиты, теперь вѣрные слуги папскіе, немогли не вторить чувствамъ папы и не пѣть съ нимъ въ унисонъ. Сближеніе, совершившееся между Александромъ 1-мъ и Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира, еще болѣе отталкивало папское правительство отъ русскаго двора, побратавшагося съ гонителемъ папы и хищникомъ достоянія св. Петра, возложившимъ свою святотатственную и дымящуюся еще кровію одного изъ Бурбоновъ руку на самаго представителя Христіанской церкви. Послѣ всѣхъ такихъ поступковъ русскаго Императора—содѣйствовать его видамъ и планамъ, съ точки зрѣнія римской куріи, было преступно и крайне унизительно для достоинства папы. Напротивъ, всякое возможное и подъ всякими формами и видами противодѣйствіе состороны Рима видамъ и намѣреніямъ русскаго двора будетъ малою мѣрою возмездія за обиды, нанесенныя Россіей папѣ, и въ

нѣкоторой степени возстановленіемъ оскорбленнаго и попраннаго русскимъ правительствомъ достоинства св. отца. Такъ отнеслось римское правительство къ проекту Россіи о посылкѣ въ Китай трехъ вышеупомянутыхъ нами іезуитовъ; подъ такимъ угломъ зрѣнія смотрѣли на это предпріятіе и сами іезуиты, когда они находились вдали отъ власти русскаго правительства, или за предѣлами Россіи, гдѣ они удобнѣе и лучше могли познакомиться съ мыслями папы объ этомъ предметѣ. Къ этимъ причинамъ болѣе или менѣе политическимъ, присоединились личныя вражды, страсти, оскорбленныя самолюбія нѣкоторыхъ членовъ самаго іезуитскаго общества, дѣйствовавшія если неразрушительно на осуществленіе проекта объ отправленіи нашихъ іезуитовъ въ Кантонъ, то паралитически, постоянно оттягивая время исполненія его, постоянно поставляя ему преграды, замедляя ходъ его и постоянно день за днемъ, самою медлительностію охлаждая и усыпляя послѣдніе остатки желанія и расположенія совершить его въ тѣхъ, на которыхъ возложена была эта обязанность русскимъ правительствомъ. Нашъ агентъ въ Лондонѣ по дѣлу о посылкѣ нашихъ іезуитовъ въ Китай іезуитъ Стрикландъ былъ недоволенъ Груберомъ, что онъ обѣщалъ въ своихъ письмахъ къ нему многое іезуитамъ, пребывающимъ въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, а на дѣлѣ сдѣлалъ весьма мало и даже нехотѣлъ присоединить ихъ общины къ русскимъ іезуитамъ [1]. Недовольный генераломъ, Стрикландъ хотя и исполнялъ его предписанія и порученія касательно Груберовскихъ посланцевъ, но безъ особеннаго жара и какъ бы изъ подъ палки. Интриги и ожесточенная война между начальникомъ іезуитской сицилійской провинціи и генералъ-прокуроромъ

[1] См. Внутр. переп. Іезуит., № 13.

іезуитскаго ордена при папѣ Іосифѣ Анжіолини и іезуитскимъ генераломъ Березовскимъ отозвались самымъ невыгоднымъ образомъ на предпріятіи русскаго правительства отправить трехъ іезуитскихъ эмиссаровъ въ Китай. Роль Анжіолини выросла до огромнаго значенія у папы и сицилійскаго короля, послѣ того какъ онъ съ самоотверженіемъ предложилъ папѣ свои услуги для спасенія его отъ французскаго плѣна и пріобрѣлъ необыкновенное вліяніе на сицилійскаго короля, а преимущественно на королеву. Кардиналъ Пакка въ своихъ мемуарахъ такъ расказываетъ о попыткѣ Анжіолини и его друзей спасти папу отъ французскаго плѣна. Когда французы содержали Пія VII плѣнникомъ въ собственномъ его дворцѣ и стерегли зорко всѣ входы и исходы его, тогда въ поздній августовскій вечеръ является въ переднюю Пакки неизвѣстный человѣкъ и говоритъ, что онъ присланъ отъ кардинала Эрскина. Я приказалъ его ввести въ мою комнату и увидѣлъ предъ собою человѣка, худо одѣтаго, растрепаннаго, смуглаго и загорѣлаго. Я, сказалъ онъ мнѣ, братъ изъ ордена францисканскаго, и такъ изуродовалъ себя для того, чтобы лучше скрыть свою миссію. Я прибылъ изъ Сициліи на англійскомъ фрегатѣ, посланномъ королемъ Фердинандомъ, по просьбѣ кардинала Габріелли, для того, чтобы принять на него св. отца и привести его на этотъ островъ. Этотъ фрегатъ, на которомъ находится іезуитъ, *от. Анжіолини*, чтобы привѣтствовать его святѣйшество и состоять при немъ, уже нѣсколько дней лавируетъ на высотахъ Фіумичино [1]. Хотя папа невоспользовался предложеніемъ услугъ Эрскина,

[1] Mémoires du Cardinal B. Pacca sur le pontificat de Pie VII, tom. I, pag. 148—151.

Анжіолини и сицилійскаго короля, но онъ высоко цѣнилъ благородный порывъ этихъ лицъ и питалъ глубокую признательность къ нимъ за ихъ самоотверженную любовь, Анжіолини сдѣлался близкимъ лицемъ папы и позволялъ себѣ дѣйствовать во многихъ случаяхъ самостоятельно, не спрашивая на это позволенія у своего генерала и безъ предварительныхъ съ нимъ сношеній; но это по іезуитскому кодексу было однимъ изъ смертныхъ грѣховъ и равнялось уголовному преступленію, достойному безпощадной кары. Березовскій приходилъ въ сильное негодованіе отъ самовольнаго образа дѣйствованіи Анжіолини. Близость Анжіолини къ сицилійскому королю и королевѣ внушала ему дѣйствія еще болѣе независимыя отъ воли іезуитскаго генерала, а слѣдовательно дѣлала его еще болѣе преступнымъ въ глазахъ Березовскаго. Особенно раздражила Березовскаго дерзость Анжіолини, по которой онъ позволилъ себѣ, не спросясь своего генерала, подать какое-то прошеніе Сицилійскому королю. Начались интриги и разные подкопы подъ Анжіолини со стороны Березовскаго, пущена была въ ходъ всякаго рода клевета, подосланы были шпіоны, слѣдившіе за всѣми движеніями Анжіолини, наконецъ послѣдовало формальное объявленіе низложенія Анжіолини изъ должности генералъ-прокурора іезуитскаго ордена [1]. Анжіолини явно возсталъ противъ Березовскаго и не хотѣлъ

[1] Внутр. переп. Іезуит., №№ 9, 35, 37, 39, 53 и 111. Подъ этими №№ заключаются письма агентовъ Березовскаго изъ Италіи объ Анжіолини, напр: Зюнинга и другихъ; въ этихъ письмахъ говорится о худомъ управленіи іезуитской коллегіи въ Палермо, о несогласіи между собою управляющихъ ею, о нарушеніи дисциплины, о разныхъ безпорядкахъ и ссорахъ между собою сицилійскихъ іезуитовъ, о просьбѣ, поданной отцемъ Анжіолини сицилійскому королю, какъ о преступленіи, за которое онъ долженъ быть исключенъ изъ общества.

слагать съ себя званія генералъ-прокурора ордена, такъ какъ онъ утвержденъ былъ въ этомъ достоинствѣ самимъ папою и сицилійскимъ королемъ [1]. Однимъ словомъ, между іезуитскимъ генераломъ и Анжіолини образовались самыя враждебныя отношенія, и каждый изъ нихъ старался вредить видамъ и намѣреніямъ другаго. Неудивительно, что ко многимъ причинамъ, побуждавшимъ папу къ противодѣйствію намѣреніямъ русскаго правительства касательно посылки іезуитовъ въ Китай, прибавилась еще одна, обязанная своимъ происхожденіемъ личнымъ враждебнымъ отношеніямъ, возникнувшимъ между Березовскимъ и Анжіолини: послѣдній весьма радъ былъ поставить іезуитскаго генерала въ положеніе, непріятное и щекотливое по отношенію къ русскому правительству, подсказывая папѣ, чтобы онъ противодѣйствовалъ отправленію іезуитовъ въ Китай, или по крайней мѣрѣ тянулъ и проволочивалъ это дѣло до послѣдней возможности. Галеппи, папскій нунцій

[1] Тамъ же и тѣже NN, гдѣ содержатся оправдательныя письма Анжіолини о своемъ управленіи и оказанной противъ него несправедливости генераломъ Березовскимъ, лишившимъ его достоинства генералъ-прокурора, въ коемъ онъ утвержденъ былъ самимъ папою и сицилійскимъ королемъ; тутъ же находится протестъ Анжіолини противъ отрѣшенія его отъ должности генералъ-прокурора іезуитскаго общества, а также заключаются письма многихъ сицилійскихъ іезуитовъ, увѣдомляющихъ, что все идетъ худо и даже хуже, чѣмъ прежде, подъ управленіемъ отца Анжіолини, который, къ сожалѣнію, сдѣлался жертвою клеветы. Въ письмѣ къ неаполитанской королевѣ Березовскій проситъ ее побудить Анжіолини подъ какимъ либо предлогомъ оставить Палермо, пріѣхать къ ней въ Вѣну, откуда такимъ образомъ она можетъ послать его въ Венгрію, гдѣ получилъ бы Анжіолини приказаніе отца генерала отправиться немедленно въ Полоцкъ. Симъ-то образомъ сія жаркая голова, угрожающая даже напечатаніемъ жалобъ противъ своего ордена, могла бы наконецъ лишена быть средствъ безпокоить общество.

въ Лиссабонѣ, отъ себя ли, или по внушенію, полученному изъ Рима, или стакнувшись съ самими путешественниками іезуитами, началъ, какъ доносилъ Стрикландъ іезуитскому генералу, а тотъ управлявшему тогда нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князю Чарторыйскому, дѣлать затрудненіе въ отправленіи нашихъ путешественниковъ, говоря, что португальцы сохраняютъ доселѣ прежнія свои предразсужденія противъ іезуитовъ, и что ежели узнаютъ про нихъ португальскіе купцы; то или не примутъ ихъ на свои корабли, или отвезутъ въ Макао, гдѣ будутъ содержать ихъ въ такомъ стѣсненіи, что они не возмогутъ доѣхать до Китая, ни возвратиться въ Европу. Наконецъ нунцій совѣтовалъ нашимъ іезуитамъ путешественникамъ писать къ о. Анжіолини въ Неаполь для исходатайствованія чрезъ него отъ папы письменнаго вида, что и исполнилъ Корсакъ (какъ начальствующій надъ іезуитами-эмиссарами), но онъ неувѣренъ, дошло ли письмо его по назначенію по причинѣ нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ ([1]). Къ затрудненіямъ, возбужденнымъ со стороны Галеппи, наши іезуиты присовокупляли еще новыя, выдуманныя ими, или дѣйствительно существовавшія—теперь это трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ преднамѣренно ими увеличенныя и раздутыя, какъ напр. что послѣ Марта во весь годъ ни одинъ корабль не поѣдетъ въ Китай ([2]). Но отговариваясь отъ путешествія въ Китай, наши путешественники не краснѣли выпрашивать въ тоже время у нашего правительства денегъ, которыхъ у нихъ оставалось не болѣе 1500 крейцеровъ, а за одинъ проѣздъ до Китая нужно заплатить до

([1]) См. дѣло о посольствѣ графа Головкина въ Китай.

([2]) Тамъ же.

2000 крейцеровъ (¹), какъ будто бы они сей часъ же садились на корабль и отплывали въ Китай. Стрикландъ, по предписанію іезуитскаго генерала, далъ знать путешественникамъ-іезуитамъ, чтобъ они оставались въ Лиссабонѣ и ожидали дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ въ умѣ начальствующихъ лицъ іезуитскаго общества образовался новый, чисто іезуитскій взглядъ на цѣль посольства трехъ іезуитовъ въ Китай. По соображеніямъ іезуитскимъ, съ перемѣною цѣли путешествія іезуитовъ въ Китай, сами собою уравняются и сгладятся и всѣ препятствія къ путешествію. Генеральный викарій іезуитскаго общества, патеръ Люстигъ, представилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ такого рода замѣчанія: 1-е, полагая, пишетъ онъ, что отправленіе миссіонеровъ въ Китай сдѣлалось безполезнымъ касательно посольства, не безполезно будетъ, однакоже для видовъ Россійской Имперіи, чтобъ они доѣхали до назначеннаго мѣста, ибо въ Пекинѣ находится теперь одинъ или два 70-лѣтніе іезуита, по смерти коихъ Россія не будетъ имѣть надежныхъ людей къ употребленію по дѣламъ съ Китайцами; 2-е, если признается за полезное отправить сихъ миссіонеровъ въ Китай, то неугодно ли будетъ истребовать чрезъ россійскаго въ Неаполѣ министра письменное отъ папы позволеніе тремъ іезуитамъ—россійскимъ подданнымъ для проѣзда въ Китай, или по крайней мѣрѣ исходатайствовать отъ португальскаго правительства паспортъ для свободнаго проѣзда (²). Министерство наше охотно склонялось на предложеніе Люстига, находило всѣ его замѣчанія весьма основательными и вторило ему, что всегдашнее пребываніе іезуитовъ въ Китаѣ будетъ полезно на предбудущія

(¹) Тамъ же.
(²) Въ томъ же дѣлѣ о посольствѣ графа Головкина въ Китай.

времена для видовъ россійскаго двора, или для обыкновенныхъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ. Въ одномъ только, повидимому, нѣсколько расходилось наше министерство съ взглядомъ Люстига, именно: въ способѣ пріобрѣтенія паспортовъ для путешественниковъ. Министерство въ этомъ случаѣ предпочитало не гласный способъ гласному: о доставленіи имъ (іезуитамъ) нужныхъ паспортовъ можно написать министру, въ Лиссабонѣ пребывающему, докладывалъ Чарторыйскій Государю, чтобы онъ употребилъ негласнымъ образомъ нѣкоторыя издержки, буде симъ способомъ можетъ уничтожить встрѣтившіяся затрудненія и наклонить португальское правительство къ ласковому пріему сихъ миссіонеровъ. Офиціальное требованіе позволенія отъ папы и паспортовъ изъ Португаліи здѣсь кажется быть не у мѣста, ибо чрезъ сіе намѣреніе россійскаго двора, содѣлавшись гласнымъ, само по себѣ уничтожится, и Китайцы, будучи предувѣдомлены о прибытіи сихъ новыхъ миссіонеровъ изъ Россіи, навѣрно ихъ не примутъ или скоро выгонятъ. Министерство полагаетъ, заключалъ Чарторыйскій, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ самое безопасное и легчайшее средство отправить ихъ въ Китай изъ Копенгагена (1).

Когда придумывались въ нашемъ министерствѣ разныя средства и способы для отправленія іезуитовъ въ Китай и переставлялись и измѣнялись цѣли этого путешествія, вдругъ Галешпи объявляетъ, что онъ получилъ отъ папы позволеніе на путешествіе іезуитовъ въ Китай, но это позволеніе обставлено было такимъ обстоятельствомъ, которое не только невыдвигало дѣла изъ его состоянія неподвижности, но еще болѣе затрудняло и дѣлало невозмож-

(1) Тамъ же.

нымъ дальнѣйшее движеніе его впередъ. Галеппи, передавая нашимъ іезуитамъ позволеніе папы на отправленіе ихъ въ Китай, тутъ же объявилъ, что въ Лиссабонѣ получено извѣстіе о гоненіи, воздвигнутомъ въ Китаѣ на христіанъ, и что онъ удивляется, что въ Россіи до сихъ поръ незнаютъ объ этомъ событіи, и о разныхъ подробностяхъ этого происшествія, а также о многихъ другихъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ отношеніе къ нему (1). Іезуиты тот-

(1) Въ дѣлѣ о посольствѣ Головкина въ Китай находится и копія съ письма Корсака къ Березовскому, содержащая разсказъ объ этомъ событіи. «La permission que nous désirions, пишетъ Корсакъ, est enfin parvenue au nonce apostolique. Sa sainteté l'a accordée en consideration de la Russie, nonobstant l'opposition de quelques cours puissantes, comme le secretaire d'État de Rome l'écrit au nonce Galeppi. Ce dernier se charge, aprês avoir conferé avec le ministre de Russie, de nous faire jouir de la permission qui nous est accordée, quoique la persecution suscitée en Chine contre les chretiens lui donne sujet de craindre de grandes difficultés, il en craint aussi de la part des Portugais; il est surpris qu'on n'ait pas encore reçu en Russie des nouvelles de cette persecution par la Tàrtarie. L'empereur actuel de la Chine est grand ennemi des chretiens et très sevère à leur égard; il a augmenté les peines que le tribunal avait prononcées contre quelques missionnaires; il a envoyé en exil deux de ses proches parens par ce qu'ils étaient constans dans la foi qu'ils avaient embrassée. Deux missionnaires français qui après avoir passé quatre ans à Canton, n'avaient obtenu la permission de se rendre à Pekin et qui étaient deja près de cette ville, ont reçu ordre de retourner en Europe. Pour ces raisons et d'autres semblables le saint siège a ordonné au nonce de se conduire avec la plus grande prudence dans l'affaire de notre voyage, pour ne point offenser la cour de Portugal, et pour qui l'arrivée de nouveaux missionnaires dans un temps défavorable ne nuisse point à ceux qui y sont deja. (Il a dit qu'il voulait nous envoyer comme des prêtres). Il est arrivé à Lisbonne un père Franciscain destiné pour la Chine, et il est recommandé au nonce de le retenir en Portugal jusqu'à ce que les choses n'aient changé dans cet Empire. Je ne sais, quand, ni comment le nonce nous fera partir. Il a dit qu'il voulait nous envoyer comme des prêtres seculiers à Goa, sur un vaisseau anglais, ce qui ne me parait pas avanta-

часъ постарались сообщить эту новость своему генералу, а тотъ министру иностранныхъ дѣлъ. Іезуитскій генералъ смиренно представлялъ русскому министру, что іезуиты готовы съ самоотверженіемъ ѣхать въ Китай, но непреминулъ при этомъ вставить свое *но*, въ которомъ заключался смыслъ торжественный съ non possumus ([1]). Потомъ спохватившись, что русское правительство можетъ необратить вниманія на іезуитское *но*, особенно если оно приметъ на себя трудъ повѣрить справедливость слуха о гоненіи, воздвигнутомъ на христіанство въ Китаѣ, Березовскій выставляетъ русскому министерству цѣлую баттарею новыхъ затрудненій и препятствій къ отправленію своихъ подчиненныхъ въ Китай. Представляя министру свои замѣчанія на патенты, доставленные римскою пропагандою

geux, par ce qu'il n'y a plus de commerce à Goa et que par consequent nous y trouverions difficilement un batîment pour aller de là en Chine. Il ne veut point nous envoyer à Macao, par ce que le gouverneur de cette ville est un portugais très contraire aux missionnaires étrangers et qui voudrait même faire sortir du pays le procureur de la congregation de propaganda fide. Notre ami M-r Coltzmann qui a longtems demeuré dans le pays m'a dit que si le gouverneur de Macao dit seulement une parole contre nous au mandarin Chinois, il nous sera impossible de parvenir jamais en Chine, sans que nous en sachions la raison».

([1]) Тамъ же письмо Березовскаго къ министру И. Д., отъ 15 Января 1807 г. «Monseigneur, il est vrai que la permission du S-t siège est venue pour le voyage des pères; aussi sont ils prêts à partir; *mais* je crois être de mon dévoir indispensable de prévenir votre Excellence sur l'état où est le christianisme à la Chine en cas qu'elle n'en soit pas instruite par une autre voye. C'est pourquoi je joins ici la lettre que j'ai reçue dernierement de nos missionnaires de Lisbonne, avec la relation que j'avais interieurement reçue, et dont le ministre de Naples a du faire part à votre Excellence. Je la supplie de mettre ces pièces sous les yeux de Sa Majesté Imperiale et de m'intimer ses ordres à l'execution desquels il n'y aura aucun rétard de ma part».

тремъ іезуитамъ, находившимся въ Лиссабонѣ, для проѣзда ихъ въ Китай, Березовскій находитъ, что патенты эти несогласны съ правилами ордена, равно какъ и съ прежними намѣреніями министерства, а потому онъ и неможетъ согласиться на путешествіе іезуитовъ въ Китай (1). Правительство наше было раздражено постояннымъ подбрасываніемъ камней подъ ноги его сынами Лойолы, тѣмъ болѣе, что подозрѣвало тутъ фальшь и интригу со стороны іезуитовъ. Самому іезуитскому генералу давалъ разумѣть это новый министръ иностранныхъ дѣлъ, заступившій мѣсто Чарторыйскаго и далеко неимѣвшій тѣхъ симпатій къ іезуитамъ, какими отличался князь польскій. Когда Березовскій, послѣ всѣхъ такого рода поступковъ, явился

(1) Тамъ же, замѣчанія Березовскаго на патенты: «Les patents envoyés par la sacrée congregation de la propagande sont venues de Rome pour les trois jesuites à Lisbonne. En voici la teneur: 1) la congregation de la propagande choisit et députe à son plaisir les trois jesuites pour être missionnaires à la Chine; ce qui veut dire que cette congregation envoye les pères comme prêtres seculiers; 2) la même congregation soumet les pères aux Evêques et aux vicaires apostoliques du lieu, et elle veut qu'ils en dependent et leur obeissent absolument tant pour le lieu que pour le tems de leur mission. На это Березовскій дѣлаетъ отъ себя такія замѣчанія: 1) La congregation soustrait donc les pères à l'autorité et à la jurisdiction de leurs superieurs religieux;—chose qui jamais ne s'était pratiquée, que même d'après les decrets des souverains pontifes, ne doit pas se pratiquer: les Evêques de l'église latine n'entrent point dans le gouvernement des religieux, si ce n'est pour leur accorder les pouvoirs ecclesiastiques quant à l'administration des sacremens, à la prédication et à quelques autres objets. 2) La congregation pourra donc séparer les trois pères d'entre eux et envoyer chacun en quelque lieu bien eloigné de la Chine, et surtout de Pekin. Je prevois qu'elle le fera, et les pères m'écrivent de Lisbonne qu'ils en sont sûrs. Cela étant, je ne puis consentir à leur voyage avec de telles conditions, qui, pour n'en rien dire de plus, contrarient les intentions de Sa Majesté Imperiale».

къ Будбергу и просилъ у него аудіенціи, то управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, непринялъ іезуитскаго генерала и отказалъ ему въ бесѣдѣ [1]. Въ тоже время къ сибирскому генералу Пестелю послано было отъ Будберга письмо, хотя осторожное и сдержанное и, повидимому, выражающее довѣріе къ слухамъ, распущеннымъ іезуитами, но тѣмъ не менѣе весьма опасное для іезуитовъ. «Извѣстно вашему превосходительству, что, при отправленіи посольства въ Китай, положено было отправить туда же другимъ путемъ іезуитовъ, для лучшаго содѣйствованія пользамъ нашимъ. Трое сихъ миссіонеровъ, отправившіеся отсюда въ исходѣ 1804-го г., встрѣтили въ Лиссабонѣ затрудненія къ дальнѣйшему путешествію, изъ коихъ главнѣйшее состояло въ неполученіи отъ папы позволенія. Нынѣ хотя и прислано къ нимъ сіе позволеніе, но другія обстоятельства ихъ удерживаютъ. На сихъ дняхъ генералъ іезуитскій сообщилъ мнѣ полученное имъ изъ Лиссабона письмо, изъ коего нужнымъ нахожу препроводить къ вашему превосходительству выписку, какъ для свѣдѣнія вашего, такъ и для соображенія по встрѣчающимся дѣ-

[1] Будбергъ, не принявшій Березовскаго, косвеннымъ путемъ доводилъ до свѣдѣнія его, что іезуиты, не смотря на всѣ затрудненія и отговорки генерала, будутъ отправлены русскимъ правительствомъ на кораблѣ прямо изъ Лиссабона въ Макао. Когда Березовскій, испугавшись такого проявленія рѣшимости со стороны министерства, отступилъ отъ своихъ прежнихъ мыслей и изъявилъ готовность въ особомъ письмѣ къ Будбергу, что онъ весь къ услугамъ нашего правительства, тогда министерство вдругъ дѣлаетъ ему отказъ и извѣщаетъ его, что оно теперь занято предметами болѣе важными, а посольство въ Китай іезуитовъ для него составляетъ такой второстепенный вопросъ, что оно не можетъ сосредоточивать надъ нимъ своего вниманія. Посольство это могло бы совершиться только тогда, когда министерство было бы увѣрено, что оно безопасно достигнетъ мѣста своего назначенія.

ламъ. Извѣстіе, помѣщенное въ ономъ о гоненіи христіанскомъ, кажется, не можетъ относиться до духовной нашей миссіи, въ Пекинѣ пребывающей. Впрочемъ, желательно бы было имѣть отъ васъ, милостивѣйшаго государя моего, подтвердительныя о томъ извѣстія, и, буде возможно, учредить постоянныя связи, посредствомъ коихъ можно бы было получать важнѣйшія новости изъ Пекина, невозбуждая подозрительности Китайцевъ. На всеподданнѣйшій докладъ мой о семъ Его Величество Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ, предоставить сію послѣднюю статью на собственное ваше соображеніе, въ твердомъ удостовѣреніи, что одна польза службы будетъ васъ руководствоватѣ въ семъ дѣлѣ, и что поступки ваши основаны будутъ на крайней осторожности (1)».

Пестель далъ приказъ, чтобы курьеры, отправлявшіеся въ Ургу допытывались бы тамъ и узнавали бы, нѣтъ ли въ Китаѣ гоненія на христіанъ, но всѣ извѣстія, приносимыя нашими курьерами съ самой ближайшей границы къ Пекину, были самаго успокоительнаго свойства и ни слова не говорили о какомъ либо преслѣдованіи, воздвигнутомъ въ Китаѣ на христіанство. Пестель поэтому отвѣчалъ Будбергу, что о гоненіи въ Китаѣ христіанскаго закона хотя и любопытствовано было у тѣхъ курьеровъ, но они отозвались, что совсѣмъ нѣтъ въ Ургѣ о семъ никакихъ слуховъ (2). Дѣло принимало курьезный характеръ; раждался вопросъ: ужели такую наглую ложь могло позволить себѣ іезуитское общество въ отношеніи къ русскому правительству? Наше министерство, занятое весьма важными и

(1) Тамъ же, въ дѣлѣ о посольствѣ графа Головкина въ Китай.

(2) Тамъ же.

жгучими вопросами, не имѣло времени ломать головы своей надъ розысканіемъ и изслѣдованіемъ этого дѣла и уже получивъ сильную оскомину отъ него, рѣшилось покончить съ нимъ однимъ разомъ, вовсе отказаться отъ проекта посылки іезуитовъ въ Китай, и въ такомъ духѣ сдѣлало докладъ Государю. «Іезуитскій генералъ Березовскій (Бржозовскій), при письмѣ своемъ препроводилъ ко мнѣ выписку изъ письма, полученнаго имъ изъ Лиссабона, докладывалъ Будбергъ, отъ отца Корсака, прося дальнѣйшаго разрѣшенія, касательно путешествія въ Китай трехъ миссіонеровъ, предназначенныхъ по прежнему плану для лучшаго содѣйствованія нашему посольству. Изъ свѣдѣній сихъ, въ подлинникѣ прилагаемыхъ, явствуетъ, что позволеніе отъ римскаго двора, по многимъ затрудненіямъ, наконецъ прислано. Но теперь новое встрѣчается затрудненіе, по полученному въ Лиссабонѣ извѣстію, что китайскій императоръ объявилъ себя гонителемъ христіанъ; не менѣе же опасаются миссіонеры всегдашняго къ нимъ недоброжелательства португальцевъ; а потому пребываютъ въ неизвѣстности, когда и какъ отправятъ ихъ изъ Лиссабона».

При отправленіи іезуитовъ въ Китай, главная цѣль состояла скрыть отъ китайцевъ, что они россійскіе агенты, безъ чего и пользы никакой ожидать было не можно. Выраженіе, помѣщенное въ письмѣ Корсака: «sa sainteté a acordée la permission en consideration de la Russie, nonobstant l'opposition de quelques cours puissantes», доказываетъ, что намѣреніе наше содѣлалось гласнымъ для всей Европы. Сомнѣваться нельзя, чтобы извѣстіе сіе недошло въ скоромъ времени до Кантона и наконецъ до ушей китайскаго императора. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемой пользы отъ сихъ миссіонеровъ, они сами подвержены будутъ безчисленнымъ трудностямъ и непріятностямъ. Если

можно еще застать ихъ въ Лиссабонѣ, я полагаю, что нужно бы остановить ихъ поѣздку и даже отмѣнить вовсе до другаго удобнѣйшаго времени, на что испрашиваю Высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества [1]. Государь приказалъ отмѣнить поѣздку іезуитовъ въ Китай, и Будбергъ далъ знать іезуитскому генералу, что разныя затрудненія, встрѣчавшіяся доселѣ касательно предположеннаго отправленія іезуитовъ въ Китай, уничтожили главную цѣль онаго, т. е. способствовать нашему посольству; нынѣ же, по разглашеніи сей посылки въ Португаліи и Римѣ, оно содѣлалось безполезнымъ и для будущихъ нашихъ видовъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, а потому и отправленіе въ Пекинъ вышеупомянутыхъ трехъ іезуитовъ не признается нужнымъ [2]. Такъ кончилось задуманное съ такими приготовленіями посольство іезуитовъ въ Китай! Два года пробыли эти наши іезуиты въ Португаліи, отсюда переѣхали въ Лондонъ, чтобы возвратиться въ Россію; но наше правительство на этотъ разъ сознало, что оно оскорблено іезуитами въ его достоинствѣ и спохватилось вступиться за свою честь—оно отказало іезуитамъ въ паспортахъ для возвращенія въ Россію и оставило ихъ на произволъ судьбы [3]. Кажется, донесенія нашей духовной миссіи въ Китаѣ открыли глаза нашей администраціи и приподняли отчасти покровъ, который старались набросить іезуиты на событія въ Китаѣ, чтобы отдѣлаться отъ путешествія въ это государство для исполненія видовъ русскаго правительства. Дѣло о гоненіи, будтобы воздвигнутомъ въ Китаѣ на христіанъ, какъ тру-

[1] Въ дѣлѣ о посольствѣ графа Головкина въ Китай № 7-й.

() Тамъ же.

[3] Внутр. пер. іезуит. № 292-й, письма разныхъ лицъ къ іезуитскому генералу.

били іезуиты, представляется подъ перомъ нашихъ отечественныхъ повѣствователей совершенно не въ такомъ видѣ, какъ изображали его іезуиты, и не въ такихъ ужасающихъ формахъ, чтобы его можно было назвать собственно гоненіемъ, а слѣдовательно и считать его неодолимымъ препятствіемъ къ путешествію трехъ іезуитовъ въ Китай. Самое начало или поводъ къ такъ называемому іезуитами гоненію, воздвигнутому въ Китаѣ на христіанство, были обязаны своимъ происхожденіемъ не китайцамъ, а самимъ іезуитамъ. Мы уже упоминали выше, что между іезуитами китайскими, принадлежавшими къ разнымъ народностямъ, всегда происходила взаимная вражда, а особенно между французами и португальцами. Въ эпоху отправленія головкинскаго посольства въ Китай вражда эта между французскими и португальскими іезуитами дошла до послѣднихъ границъ: французскіе іезуиты подали формальную жалобу папѣ на португальскихъ іезуитовъ, что послѣдніе отнимаютъ принадлежавшія имъ издавна земли и имѣнія; къ жалобѣ приложенъ былъ французскими іезуитами и планъ земель и приходовъ, отнятыхъ у нихъ португальскими іезуитами. Жалоба послана была съ нарочнымъ чрезъ Кантонъ, но португальскіе іезуиты узнали объ этомъ, перехватили на дорогѣ посланца французскихъ іезуитовъ, отняли у него всѣ бумаги и представили ихъ Богдыхану, возбудили въ немъ подозрѣніе къ замысламъ французскихъ іезуитовъ планомъ, приложеннымъ къ жалобѣ, на которомъ изображены были нѣкоторыя мѣста внутреннихъ китайскихъ губерній (1). При этомъ естественно вспомни-

(1) Сибир. Вѣстникъ 1823-го г. ч. 1. Записки Тимковскаго и die Russische Gesandtschaft nach China, im Jahr 1805, Leipzig und Petersburg 1809.

лось и то, что іезуиты завалили всѣ суды тяжбами съ разными лицами по имущественнымъ владѣніямъ, отдавали деньги въ ростъ съ огромными процентами и взыскивали ихъ съ неумолимою жестокостію, сѣяли вражду въ семействахъ, насиліемъ, или обманомъ пріобрѣтали слугъ, серебро, земли и разныя вещи, закупали рабовъ, женили ихъ, съ тою именно цѣлію, чтобы развратничать съ ихъ женами и дочерьми и прикрывать лучше свой развратъ; мало того, давали теріакъ забеременившимъ отъ нихъ женщинамъ и дѣвицамъ, чтобы онѣ не зачинали и не раждали; вмѣшивались во всѣ придворныя интриги, поддерживали одну политическую партію противъ другой (1). Такіе поступки іезуитовъ въ Китаѣ, при природной подозрительности китайцевъ, всегда поддерживали въ китайскомъ правительствѣ недовѣрчивость къ обществу Лойолы, доходившую иногда до употребленія стѣснительныхъ мѣръ противъ него. Не разъ китайцы думали избавиться отъ іезуитовъ и предлагали членамъ нашей духовной миссіи принять на себя тѣ ученыя должности, которыя обыкновенно несли іезуиты, напр. астрономовъ, физиковъ, механиковъ, математиковъ, живописцевъ, часовщиковъ, музыкантовъ, докторовъ и т. п.; но наши миссіонеры, или по скромности, или изъ опасенія, или по недостатку знанія въ наукахъ и искусствахъ, преподаваемыхъ іезуитами, всегда отказывались отъ подобнаго предложенія (2). Ссора, возникшая между французскими и португальскими іезуитами, особенно карта китайскихъ владѣній, составленная

(1) Выписки изъ Сибир. Вѣстника, изд. Григор. Спасскимъ 1823 г. ч. 1, Записки Тимковскаго, также дѣло о посольствѣ графа Головкина въ Китай.

(2) Тоже Записки Тимковскаго.

іезуитомъ итальянскимъ Адеодатомъ, при подстрекательствѣ и нашептываніи португальскихъ іезуитовъ, пробудили давно накипѣвшія чувства въ китайцахъ, чувства подозрительности, недовѣрчивости и многихъ другихъ страстей противъ іезуитовъ. Перехваченныя китайскимъ правительствомъ бумаги и карты французскихъ іезуитовъ переданы были для перевода на китайскій языкъ архимандриту нашей пекинской миссіи, который приказалъ студентамъ Каменскому, Липовцову и Новоселову заняться этимъ дѣломъ, но исключить изъ этихъ бумагъ, при переводѣ, все, что могло представить іезуитовъ съ невыгодной стороны (1). Въ такомъ видѣ представленныя китайскому трибуналу бумаги не заключали въ себѣ ничего опаснаго и страшнаго для іезуитовъ; но карта китайскихъ владѣній возбуждала ужасъ въ китайцахъ и заставляла предполагать что-то недоброе и зловѣщее въ этомъ дѣйствіи французскихъ іезуитовъ. Слухи о французской революціи, дошедшіе при содѣйствіи тѣхъ же іезуитовъ и до небесной имперіи, въ самыхъ преувеличенныхъ и притомъ искаженныхъ формахъ, здѣсь, можетъ быть, сослужили для французскихъ іезуитовъ самую недобрую службу и немало содѣйствовали къ усиленію предубѣжденія и подозрительности въ китайцахъ противъ нихъ. Первая мысль, прямо представившаяся, при захватѣ переписки французскихъ іезуитовъ, была та: не замышляютъ ли іезуиты какого нибудь политическаго заговора или переворота? Началось слѣдствіе надъ французскими іезуитами; хотя слѣдствіе это не могло открыть въ дѣйствіяхъ ихъ ничего политическаго и революціоннаго, но за то оказалась сильная латинская пропаганда не только между

(1) Die Russische Gesandtschaft nach China, im Jahr 1805, стр. 70.

низшимъ классомъ народа, но и между татарами, военными и даже между женщинами, близкими къ ханскому двору и находившимися въ родствѣ съ семействомъ императора. Главными пособниками іезуитамъ въ ихъ пропагандѣ были катихисты изъ китайцевъ. Надъ ними главнымъ образомъ и разразилась вся буря мщенія и злобы китайскаго трибунала: выбитые бамбуковыми палками, низведенные въ состояніе рабовъ, въ заключеніе посланы въ ссылку на островъ Или. Что же касается до самихъ французскихъ іезуитовъ, то они высланы были изъ китайскаго государства, за исключеніемъ одного Адеодата, который посланъ былъ въ ссылку, коллегія ихъ въ Пекинѣ была закрыта; но португальскіе іезуиты оставались въ Пекинѣ безопасными, спокойно являлись въ богдыханскомъ дворцѣ, какъ напримѣръ 80-ти-лѣтній старикъ Бернардо ([1]), коллегія ихъ была открыта. Хотя министры китайскіе, враждебно расположенные къ христіанству, Ляканъ, Чан-гимъ и Гіу-го, склонили будто бы императора утвердить составленный ими докладъ противъ христіанской вѣры, и хотя дѣйствительно съ этого времени китайское правительство стало строже смотрѣть за дѣйствіями христіанскихъ миссіонеровъ, но во всемъ этомъ не было ничего похожаго на то, что можно назвать собственно преслѣдованіемъ христіанства. Мы даже сомнѣваемся въ происхожденіи самаго доклада китайскихъ министровъ противъ христіанства отъ самаго китайскаго правительства; намъ кажется, и сдается сильно, что этотъ докладъ есть фабрикація самихъ французскихъ іезуитовъ. На сомнѣніе въ подлинности его, насъ наводитъ то, что редакція его въ письмѣ Корсака представляетъ значитель-

([1]) Die Russische Gesandtschaft nach China, Seite 79.

ную разницу съ редакціею его Клапротовской, въ извѣстномъ сочиненіи Крапрота «Die Russische Gesandtschaft nach China», между тѣмъ какъ Корсакъ получилъ копію съ этого доклада отъ тѣхъ же самыхъ макаосскихъ іезуитовъ, съ писемъ коихъ Клапротъ и помѣстилъ его въ своемъ сочиненіи ([1]). Если же нельзя совершенно отвергнуть происхожденіе доклада отъ китайскаго правительства и приписать его всецѣло измышленіямъ іезуитовъ, то можно думать съ большою вѣроятностію, что они преднамѣренно внесли въ него много отъ себя, стараясь усилить строгость и суровость мѣръ, заключавшихся въ немъ. Замѣтимъ вообще, что въ Китаѣ, по государственному законоположенію, всѣ вѣроисповѣданія, не исключая христіанскаго, пользуются терпимостію; эта вѣротерпимость была глубокимъ политическимъ расчетомъ манджурской династіи и стала преданіемъ государственнымъ китайской администраціи ([2]). Что касается въ частности христіанства, то въ пользу его китайскимъ правительствомъ въ разныя времена изданы были самыя благопріятныя узаконенія; особеннымъ же почетомъ оно пользовалось при императорѣ Кансіѣ, отцѣ того хана, которому приписывается іезуитами воздвигнутое на христіанство гоненіе. А извѣстно, въ Китаѣ разъ изданный законъ сохраняетъ свою силу во всѣ времена и никогда не отмѣняется. Поэтому разныя стѣсненія, проявляющіяся въ поднебесной имперіи и направленныя противъ христіанства, нужно почитать не иначе, какъ личнымъ мщеніемъ и нерасположеніемъ частныхъ или мѣстныхъ китайскихъ правителей противъ христіанъ, всегда ограничивающемся райономъ ввѣренной имъ

([1]) Сравн. текстъ напечатанный въ Die Russ. Gesandtschaft съ помѣщенными въ дѣлѣ о посольствѣ Головкина въ Китай.

([2]) Сибир. Вѣст. 1824 г. Дневныя Записки Тимковскаго

власти, а отнюдь не общею государственною мѣрою, такъ что въ то время, когда въ одной мѣстности Китая христіане терпятъ преслѣдованіе, въ другой, пограничной съ первою, они пользуются всѣми правами свободы и терпимости, и мало того, въ той же самой мѣстности, гдѣ происходило гоненіе на христіанъ при извѣстномъ правителѣ, тотчасъ является свобода и полная вѣротерпимость съ замѣщеніемъ прежняго правителя новымъ. Тимковскій въ своихъ запискахъ по этому случаю разсказываетъ слѣдующее происшествіе: на сихъ дняхъ изъ полуденныхъ губерній новому Хуандію представлено однимъ изъ государственныхъ стряпчихъ нѣсколько приговоренныхъ къ наказанію китайцевъ, обвиняемыхъ за исповѣданіе ими христіанской вѣры. Тотъ спросилъ: въ чемъ именно состоитъ проступокъ сихъ подсудимыхъ? Стряпчій объяснилъ, что они оставили законъ предковъ своихъ и послѣдуютъ ученію иностранному. Хуандій, не открывая въ такомъ поступкѣ ничего вреднаго государственному спокойствію, повелѣлъ возвратить ихъ въ домы на счетъ казны [1]. Даже тѣ правители, которые воздвигали гоненіе на христіанъ, выставляли мотивомъ своихъ такихъ дѣйствій не религіозный фанатизмъ, не вѣроисповѣдный вопросъ, а политическія побужденія, государственныя цѣли: они преслѣдовали христіанство, не какъ религію, а какъ ученіе, подъ которымъ скрывается разрушительное начало для общественнаго и государственнаго уклада китайской имперіи. Поразительный контрастъ при этомъ представляется въ дѣйствіяхъ китайскаго правительства по отношенію къ членамъ нашей пекинской духовной миссіи и къ латинскимъ миссіонерамъ: члены нашей

[1] Сибир. Вѣстн. 1824-й г. Дневныя Записки Тимковскаго.

духовной миссіи, не смотря на разные недостатки ея (1), никогда не подвергались преслѣдованію со стороны китайскаго правительства, какъ христіанскіе миссіонеры (2), а римскіе постоянно и съ какою-то періодическою правильностію возстановляли противъ себя китайскихъ властей. Причина такого различія въ отношеніяхъ китайской администраціи къ представителямъ или членамъ двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій заключается въ разности образа дѣйствій духовныхъ этихъ исповѣданій. Кто не знаетъ, что подъ сутаною латинскаго проповѣдника, а преимущественно іезуита, всегда скрываются цѣли и средства для достиженія этихъ цѣлей вовсе нехристіанскія; тутъ всегда замѣшиваются интрига, обманъ, ложь, политика, начала противугосударственныя, семейный и политическій развратъ, грабежъ матеріальный и умственно-нравственный. Вотъ такого-то рода дѣйствія іезуитовъ въ Китаѣ по временамъ и поднимали китайскихъ правителей противъ нихъ и возбуждали стѣснительныя мѣры противъ іезуитовъ. Взаимная вражда іезуитовъ между собою служила всегда однимъ изъ

(1). Румянцовъ въ замѣчаніяхъ своихъ на приготовленную для Головкина инструкцію дѣлаетъ между прочимъ такой отзывъ о нашей миссіи въ Пекинѣ: «Духовныя свиты, и понынѣ въ Пекинъ посылаемыя, никакой пользы государству неоказали. У Китайцевъ были они въ небреженіи. Причиною тому было развратное самаго духовенства поведеніе, а частію скудость опредѣляемаго чиновникамъ симъ содержанія». (См. дѣло о посольствѣ Головкина въ Китай).

(2) При начальникѣ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ, архимандритѣ Петрѣ Каменскомъ, было много обращеній китайцевъ въ православіе, и даже нѣкоторыхъ изъ знатныхъ родовъ, или изъ желтопоясыхъ, т. е. принцевъ манджурскихъ; но за эти обращенія члены нашей миссіи неподвергались отъ китайцевъ никакимъ не только преслѣдованіямъ, но даже выговорамъ или упрекамъ. (Сибир. Вѣст. 1823-й г. Записки Тимковскаго).

лучшихъ средствъ для китайскаго правительства ближе ознакомиться съ іезуитскими махинаціями и ихъ совершенно нехристіанскими стремленіями; тогда обыкновенно начиналось собственно не преслѣдованіе христіанства, а преслѣдованіе или изгнаніе изъ китайской имперіи одной іезуитской фракціи, навлекшей на себя подозрѣніе китайскаго правительства, по интригамъ другой стороны или другой іезуитской національности, какъ это и случилось въ 1805 году. Такого рода дѣйствія китайскаго правительства не только нельзя назвать гоненіемъ христіанства, но даже и латинства, а можно правильнѣе считать наказаніемъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ китайскаго іезуитскаго общества, за политическое ли преступленіе, или по клеветѣ и интригамъ другой партіи того же общества. Въ такомъ видѣ представляется намъ то событіе, которое послужило препятствіемъ къ отправленію нашихъ трехъ іезуитовъ въ Китай и изображаемое іезуитами, какъ гоненіе христіанства. Но для чего же нужно было іезуитамъ представить результаты и дѣйствія ихъ частной вражды и интриги подъ формою гоненія христіанства? Во первыхъ, чтобы скрыть внутренній разладъ, происшедшій въ средѣ пекинской іезуитской общины, и невыносить сору за порогъ, что почитается у іезуитовъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ правилъ ихъ ордена, и за несоблюденіе этого правила наказываютъ іезуиты обыкновенно ядомъ, кинжаломъ, пытками въ подземныхъ пещерахъ, голодною смертію и тому подобными человѣколюбивыми и отеческими мѣрами, и такимъ образомъ избавить свой орденъ отъ скандала, сложивши съ себя всю вину на китайское правительство. Во 2-хъ, прибытіе въ Китай трехъ іезуитовъ изъ Россіи, изъ самаго центра высшей іезуитской администраціи, лицъ довѣренныхъ іезуитскаго генерала, могло

обнаружить предъ іезуитскимъ начальствомъ всѣ безпорядки и злоупотребленія пекинской іезуитской общины, которые до сихъ поръ оставались тайною для іезуитскаго генерала, и могли бы заставить его принять противъ нихъ такія мѣры, которыя бы крайне были для нихъ невыгодны. Пусть бы, наконецъ, іезуитскіе эмиссары изъ Россіи были національности португальской, тогда бы можно было еще поладить съ ними и даже привѣтствовать ихъ прибытіе, какъ земляковъ и будущихъ пособниковъ въ общемъ дѣлѣ, нѣтъ, то выборные изъ народностей польской, итальянской и нѣмецкой, съ которыми не только нельзя сойтись, но при первой же встрѣчѣ можно встрѣтить мстителей за изгнаніе изъ Китая іезуитовъ французской національности, такъ какъ поляки, итальянцы и даже нѣмцы въ іезуитскомъ обществѣ болѣе тяготѣютъ другъ къ другу, чѣмъ къ представителямъ другихъ національностей. Тогда поставляются португальскими іезуитами разныя препятствія къ путешествію русскихъ іезуитовъ въ Китай; тогда пускается въ ходъ слухъ о гоненіи, воздвигнутомъ въ Китаѣ, на христіанство. Французскіе іезуиты, подвергшіеся изгнанію изъ Китая вслѣдствіе интригъ португальскихъ іезуитовъ, не только неопровергаютъ этого слуха, но и распространяютъ его, чтобы съ одной стороны, держась іезуитскаго правила «невыноситъ сору за порогъ» избавить отъ всеобщаго позора цѣлое іезуитское общество и скрыть отъ постороннихъ глазъ внутреннее безобразіе и семейныя дрязги ордена, а съ другой стороны въ этомъ было единственное средство замаскировать свое пораженіе и свой стыдъ, нанесенные имъ рукою своихъ же братьевъ и сложить всю вину своего изгнанія на китайцевъ, воздвигнувшихъ гоненіе на христіанство. Съ точки зрѣнія чисто іезуитской, въ распущенномъ ими слухѣ о гоненіи въ Ки-

таѣ на христіанъ не было лжи, потому что французскіе іезуиты подверглись преслѣдованію со стороны китайскаго правительства, а они христіане и представители христіанства, слѣдовательно въ лицѣ ихъ гонимо было китайцами христіанство.

Наши три іезуита были ли посвящены въ тайны, происходившія среди китайской іезуитской общины, и до какой степени были посвящены въ эти тайны, мы не можемъ сказать теперь объ этомъ ничего положительнаго; раздѣляли ли они вполнѣ или невполнѣ воззрѣнія китайскихъ іезуитовъ,—тоже это пока остается тайною для насъ; по крайней мѣрѣ официальные документы умалчиваютъ объ этомъ. Можно только предположить, что по тѣмъ колебаніямъ, которыя обнаружилъ папскій нунцій въ Лиссабонѣ къ отправленію ихъ въ Кантонъ, по тѣмъ искусственнымъ преградамъ, время отъ времени воздвигаемымъ имъ Галеппи, по тѣмъ застращиваніямъ, которыя шли отъ Стрикланда изъ Лондона, наконецъ по тѣмъ возраженіямъ и отнѣкиваніямъ, которыя сдѣланы были Березовскимъ, по случаю даннаго папою позволенія на путешествіе нашихъ іезуитовъ въ Китай, іезуитскіе наши эмиссары могли заключить, что имъ нѣтъ нужды спѣшить своимъ путешествіемъ, а должно его оттягивать, а потомъ и совсѣмъ непредпринимать, потому что въ средѣ іезуитскаго общества оно неодобряется и несоотвѣтствуетъ интересамъ ордена. Когда наши три іезуита получили въ Лиссабонѣ чрезъ нашего посланника извѣщеніе, что миссія ихъ въ Китай оставлена нашимъ правительствомъ, они не безъ радости приняли это извѣстіе, и отправились въ Лондонъ къ своему собрату Стрикланду. Здѣсь только ожидало разочарованіе: они думали изъ Лондона прибыть въ Петербургъ, но имъ объявлено было, что они могутъ ѣхать

куда хотятъ, только не въ Россію, и что русское правительство оставляетъ ихъ на произволъ судьбы.

Въ 1809 г. Березовскій сталъ ходатайствовать у нашего правительства о позволеніи возвратиться означеннымъ тремъ іезуитамъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы имъ сухимъ путемъ отправиться отсюда въ Китай. Въ письмѣ своемъ къ Будбергу іезуитскій генералъ хотя два - три слова говоритъ объ интересахъ Россіи, но видно, что единственно занимаютъ его при этомъ только выгоды его ордена (1).

(1) Вотъ письмо Березовскаго къ Будбергу: Il n'y a quatre ans que trois missionnaires Iésuites sont partis, de S.-Pétersbourg pour se rendre en Chine conformemment aux ordres de Sa Majesté Imperiale. Votre Excellence connait les principales difficultés qui les ont empêchés jusqu'à present de parvenir à leur déstination, et il est inutile que j'entre là-dessus dans un détail circonstancé; il me suffira de lui dire que ces trois missionnaires sont actuellement à Londres, attendant des circonstances plus favorables et des ordres ulterieurs. J'ai reçu dernièrement de Pekin des lettres par lesquelles j'apprends qne nous y avons encore un ancien missionnaire de notre ordre nommé le père Poirot. Votre Excellencc se persuadera facilement qu'il serait très-avantageux que nos trois nouveaux missionnaires passent arriver à Pekin avant la mort de ce vieillard presque octogenaire (*), probablement le seul jésuite qui soit dans la Chine. J'ai donc récours à votre Excellence pour qu'elle me préscrive ce que j'ai à faire dans ces circonstances où je n'ai en vue que de faire quelque chose qui puisse être utile au service de Sa Majesté Imperiale. Si l'on persiste à preferer la voie de la mer, les difficultés ne s'applaniront vraisemblablement pas long-tems, on sera exposé à mille hazards et dans aucun cas on ne pourra parvenir en Chine qu'après plusieurs années et selon toute probabilité, après la mort du père Poirot. Il me semble que le chemin par terre souffrira beaucoup moins de retardement, si votre Excellence juge avanta-

(*) Іезуитъ намѣренно лжетъ здѣсь и не хочетъ упоминать о португальскихъ іезуитахъ, оставшихся въ Пекинѣ. Они находились въ это время, вѣроятно, подъ остракизмомъ іезуитскаго генерала и какъ бы несуществовали для іезуитскаго ордена.

Правительство наше отвѣчало на это ходатайство Березовскаго позволеніемъ отправиться тремъ іезуитамъ въ Сѣверо-Американскіе штаты. Даннымъ позволеніемъ воспользовался только одинъ изъ нихъ—Грасси, а остальные два оставались въ Лондонѣ и ждали благопріятнаго времени для возвращенія въ Россію. Это благопріятное для іезуитовъ время настало въ страшную для всей Россіи годину—въ 1812-й годъ. Когда мысли и сердца народа русскаго и государя заняты были одною мыслію спасти отечество отъ страшнаго завоевателя, когда правительству было не до того, чтобы заниматься такими маловажными предметами, какъ возвращеніе въ Россію трехъ іезуитовъ, у одного изъ самыхъ близкихъ лицъ къ государю нашлось въ эту эпоху и досужее время и свобода отъ государственныхъ дѣлъ, чтобы подъ грохотомъ неслыханной брани народовъ и страшной бойни людей заниматься судьбою трехъ іезуитовъ и обременять правительство въ такое время такими пустяками, какъ возвращеніе трехъ членовъ іезуитскаго ордена, не исполнившихъ возложеннаго на нихъ правительствомъ порученія, въ наше отечество. Конечно, все это дѣлалось не безъ расчета, конечно такое бурное время, переживаемое тогда Россіей, было избрано для хо-

geux pour le service de Sa Majeste Imperialé de favoriser cette entreprise. Il faudrait seulement qu'elle êut la bonté premiérement de faciliter à nos trois missionaires qui sont à Londres, le retour à S.-Pétersbourg, ensuite de donner des ordres aux chefs des gouvernemens, par lesquels ils devraient passer pour se rendre en Chine de les aider en tout et de leur faciliter de tout leur pouvoir l'entrée dans la Chine et leur admission à Pekin. Celui de nos pères qui est dans cette ville, ne manquera pas de joindre tous ses efforts pour les y introduire. Je me flatte que votre Excellence ne verra en tout ceci que mon desir le plus vif de correspondre aux intentions de Sa Majesté Imperiale manifestées à mon predecesseur le père Gruber (Дѣло о посольствѣ графа Головкина въ Китай).»

датайства объ іезуитахъ не безъ причины: іезуитскій ходатай, съ юныхъ ногтей жившій въ придворной атмосферѣ, не столько искусный въ дѣлахъ ввѣреннаго ему вѣдомства, сколько сильный въ придворной наукѣ, которую онъ изучилъ до послѣдней черты и до самой тонкости, а потому онъ умѣлъ всегда во время подойдти съ докладами къ своему Государю. Въ 12 году Александру 1-му некогда было вникать въ подробности дѣла трехъ іезуитовъ, отправленныхъ въ Китай; голова его и мозгъ горѣли отъ идей и заботъ громадныхъ, великихъ и небывалыхъ; въ такія минуты мысль, сосредоточенная на одномъ предметѣ, пораженная его величіемъ, остается глухою и замкнутою для всѣхъ другихъ предметовъ, особенно маловажныхъ, въ такой моментъ рука машинально, безъ участія мысли, по указкѣ другихъ, безсознательно чертитъ на бумагѣ то, что подсказываютъ другіе. Въ такой-то моментъ и при такомъ-то душевномъ состояніи императора Александра 1-го, любимецъ его князь Голицынъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ запискою о возвращеніи въ Россію трехъ вышеупомянутыхъ іезуитовъ. Комитетъ безъ всякихъ возраженій, какъ бы потерявшій память о позорѣ, такъ недавно нанесенномъ іезуитами русскому правительству, съ полною готовностію согласился на предложеніе ходатая іезуитовъ и любимца императора. Александръ I-й, два года тому назадъ рѣшительно отказавшій тремъ іезуитамъ въ возвращеніи въ Россію, теперь утвердилъ предложеніе комитета своихъ министровъ ([1]). . . Въ заключеніе нашей статьи о посольствѣ нашемъ въ Китай мы почитаемъ интереснымъ привести взглядъ на причины безуспѣшности его, человѣка,

([1]) Апрѣля 30-го дня 1812-го г. статсъ-секретарь Молчановъ препроводилъ къ князю Голицыну выписку изъ журнала комитета министровъ 26-го Апрѣля, такого содержанія: «слушана записка главноуправляющаго

лично участвовавшаго въ этомъ посольствѣ, а потому вполнѣ компетентнаго, извѣстнаго Ф. Ф. Вигеля, который, между прочими причинами печальнаго исхода нашего посольства въ Китай, полагаетъ смерть іезуитскаго генерала Грубера, случившуюся въ началѣ путешествія нашего посольства. «Въ началѣ весны, говоритъ Вигель, умеръ благонамѣренный іезуитскій генералъ, патеръ Груберъ, великій помощникъ нашъ въ семъ дѣлѣ; узнавъ о сей смерти, агенты его къ намъ охладѣли [1]». Мы не можемъ сказать, до какой степени можно было расчитывать нашему правительству на симпатіи и содѣйствіе Грубера въ видахъ нашихъ на Китай, но, сравнивая личность Грубера съ его преемникомъ Березовскимъ, можемъ утверждать, что взглядъ Грубера на дѣла политическія и дѣятельность и на значеніе своего ордена былъ несравненно шире, выше, космополитичнѣе, чѣмъ кругозоръ Березовскаго, который былъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова іезуитъ, и притомъ іезуитъ-полякъ, и въ этомъ случаѣ можетъ

духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій о дозволеніи тремъ іезуитамъ, отправленнымъ въ Китай, возвратиться въ Россію.

«Генералъ іезуитскаго ордена представляетъ, что за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, по волѣ правительства, посланы были въ Китай три миссіонера изъ ордена сего; но они не могли достигнуть своего назначенія; одинъ изъ нихъ отправился въ Американскіе Соединенные Штаты, а двое остаются въ Англіи. Генералъ іезуитовъ, находя ихъ полезными здѣсь ордену, проситъ о дачи имъ паспортовъ на возвращеніе въ Россію. Изъ свѣдѣній, вытребованныхъ въ поясненіе представленія сего отъ самаго генерала и изъ иностранной коллегіи, видно, что означенные миссіонеры въ 1805-мъ г. отправлены были на казенномъ иждивеніи въ Китай для успѣшнѣйшаго произведенія предполагаемыхъ тогда переговоровъ съ пекинскимъ дворомъ, при отправленіи посла графа Головкина; но въ 1810-мъ г., по ходатайству іезуитскаго генерала, Высочайше дозволено имъ отправится изъ Лондона въ Америку.

(1) Дѣло о посольствѣ Головкина въ Китай.

быть слова Вигиля о Груберѣ получаютъ вѣсъ и значеніе, и на этотъ разъ, можетъ быть, сожалѣніе о смерти Грубера имѣетъ основаніе и причину, хотя въ другихъ случаяхъ смерть Грубера была, можетъ быть, не малымъ благодѣяніемъ для нашего отечества, и самый образъ, въ какомъ явилась смерть Груберу, можетъ быть служитъ доказательствомъ, что судъ Божій надъ Груберомъ за его дѣла началъ совершаться еще здѣсь на землѣ. Груберъ погибъ въ своей комнатѣ, сначала задохшись отъ дыма, а потомъ сгорѣвшій во время случившагося въ іезуитскомъ домѣ пожара. 1805 г. съ 25 на 26 Марта случился въ іезуитскомъ домѣ пожаръ и, кажется, начался съ комнатъ самаго генерала; это было въ самую полночь; Груберъ, задыхаясь отъ дыма, всталъ съ своей постели и видя неминуемую бѣду подбѣжалъ къ окну, чтобы выскочить, или призвать кого нибудь на помощь; среди свѣта пожарища, Груберъ увидѣлъ фигуру своего друга Де-Местра, напрасно зовущаго его въ свои объятія и метающагося, чтобы подать ему помощь; помощь была невозможна: домъ и снаружи и внутри былъ охваченъ пламенемъ; Груберъ бросился отъ окна въ свои комнаты и здѣсь погибъ жертвою пламени [1]. Такъ трагически прекратилась жизнь этого необычайнаго человѣка, подносившаго многимъ во время своего существованія на землѣ страшно трагическіе сюрпризы.

[1] Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. V, pag. 514.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Трагическая смерть Грубера возбуждаетъ неумѣренныя надежды въ однихъ и преувеличенные страхи въ другихъ. Іезуиты дѣлаютъ тщетными усилія Сестренцевича и другихъ ограничить власть іезуитскаго начальника и уничтожить независимость ордена. Кн. Голицынъ покровительствуетъ іезуитамъ. Выборъ преемника Груберу палъ на Березовскаго. Побѣда польскаго элемента надъ иностраннымъ, обнаружившаяся при этомъ выборѣ. Свойство и характеръ Березовскаго. Положеніе его выгодное, условливаемое присутствіемъ при немъ такого совѣтника какъ графъ Де-Местръ, а также бурнымъ и поворачивающимъ къ реакціи положеніемъ Европы. Вопросы, оставленные Груберомъ въ наслѣдство своему преемнику и требовавшіе отъ него разрѣшенія. Вопросъ о расширеніи іезуитскихъ миссій въ предѣлахъ Россіи и вопросъ объ изъятіи іезуитскихъ учебныхъ заведеній изъ подъ контроля правительственнаго. Іезуитскія миссіи въ Крыму. Давнишнее знакомство общества Лойолы съ этою мѣстностію. Первая серія іезуитовъ, посланныхъ въ Александровскую эпоху въ Крымъ. Недовольство первыхъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Крыму своимъ положеніемъ. Березовскій отказывается болѣе посылать въ Крымъ членовъ изъ своего ордена. Поиски нашего правительства найдти за границею капуциновъ для Крыма остаются безъ успѣха и оно обращается опять къ іезуитамъ. Іезуиты въ числѣ 15-ти человѣкъ отправляются въ Крымъ и поселяются здѣсь во всѣхъ значительныхъ мѣстахъ. Витри начальникъ крымскихъ Іезуитовъ, а Николь визитаторъ всѣхъ латинскихъ церквей Южной Россіи. Дѣйствія іезуитовъ въ Крыму и ихъ экскурсіи по другимъ мѣстностямъ. Одесса центръ ихъ дѣятельности. Педагогическая дѣятельность іезуитовъ и преимущественно Николя въ Одессѣ. Миссіи іезуитскія въ Романовѣ и Сибири.

Груберъ въ сознаніи враговъ и друзей своихъ представлялся такимъ великаномъ и одареннымъ такимъ могуществомъ умственнымъ, нравственнымъ и даже политическо-

общественнымъ, что смерть его произвела неумѣренныя и слишкомъ смѣлыя надежды въ однихъ, и излишнія опасенія и отчаяніе за іезуитскій орденъ въ другихъ. Всего ярче открывается переполохъ іезуитовъ изъ писемъ начальствующихъ лицъ іезуитскаго ордена къ Сестренцевичу, писанныхъ спустя нѣсколько часовъ послѣ трагической смерти Грубера. Люстигъ, Гохбихлеръ, Островскій, начинаютъ ли они извѣщать официально о смерти своего прежняго начальника, или просить о перевезеніи тѣла его въ родную усыпальницу іезуитскихъ генераловъ—въ полоцкій іезуитскій костелъ, при этомъ непреминутъ упомянуть униженно, чтобы митрополитъ содѣйствовалъ имъ своимъ высокимъ покровительствомъ избранію новаго орденскаго генерала и неоставлялъ изливать свои благодѣянія и милости на ихъ малочисленное семейство. Когда случившаяся въ іезуитскомъ домѣ катастрофа принесла трагическую смерть іезуитскому генералу, то, лишь только отысканы были между дымящимися развалинами іезуитскаго зданія обугленные и обгорѣлые остатки Груберовскаго тѣла, Гохбихлеръ, какъ ректоръ петербургскаго іезуитскаго коллегіума, тотчасъ отправился къ митрополиту Сестренцевичу и словесно донесъ ему о случившейся катастрофѣ въ его заведеніи. Спустя нѣсколько времени за словеснымъ донесеніемъ Гохбихлера о смерти Грубера подано было Сестренцевичу формальное, на бумагѣ, донесеніе отъ ректора іезуитскаго коллегіума о случившемся трагическомъ событіи въ его коллегіи ([1]). Какъ іезуиты опасались подкоповъ себѣ со стороны

([1]) Вотъ письма Гохбихлера и Островскаго къ Сестренцевичу, одно на латинскомъ языкѣ, а другое на польскомъ, и оба наполненныя выраженіями униженія и самой безстыжей лести. «Conformiter ad quintum punctum Regulaminis pro ecclesiasticis facti, пишетъ Гохбихлеръ, cum intimo

своихъ недоброжелателей, это видно, кромѣ униженныхъ и смиренныхъ ихъ писемъ къ митрополиту, такъ же изъ того обстоятельства, что они, испрашивая позволенія перевезти тѣло Грубера для погребенія въ Полоцкъ, тутъ же присоединяли и прошеніе о позволеніи избрать имъ преемника Груберу: на душѣ іезуитовъ лежала теперь другая забота, кромѣ погребенія своего генерала; ихъ чутье необыкновенно всегда тонкое предчувствовало, что въ воздухѣ носится что-то зловѣщее и грозное для нихъ. Погребеніе Грубера при такой обстановкѣ было чѣмъ то несвоевременнымъ, отвлекающимъ вниманіе орденскихъ начальниковъ въ сторону, отъ него старались скорѣе отдѣлаться и сдать съ рукъ, чѣмъ имъ долго заниматься и производить торжественностію и великолѣпіемъ погребальной церемоніи эффекты.

dolore refero Jllustrissimae ac Reverendissimae Excellentiae Vestrae id, quod jam nuper ipso die obitus viva voce referebam: reverendum patrem nostrum Gabrielem Gruber praepositum generalem Societatis die vigesima sexta mensis Martii tertia matutina pie in Domino obiisse (Узнавайте послѣ этого истину отъ іезуитовъ объ ихъ дѣлахъ, когда они некраснѣя въ оффиціальномъ рапортѣ не говорятъ правды о событіи извѣстномъ всей столицѣ, а слѣд. и митрополиту, и нехотятъ сказать истины о родѣ смерти своего генерала, а маскируютъ это подъ неопредѣленными и ходячими выраженіями: «благочестиво почилъ о Господѣ»), et reverendum patrem Antonium Lustig juxta leges ordinis ab eodem reverendo patre generali adhuc vivente nominatum esse vicarium generalem ad tempus electionis usque.

Humillime itaque peto ad Excellentia vestra Reverendissima, ut media competentia suppeditentur ad electionem novi praepositi in locum demortui. Accedet per hoc magnus cumulus collatis jam ante hoc in minimam nostram familiam ab Excellentia Vestra beneficiis ac movitis singularibus, pro quibus a Deo copiosam mercedem et dignam remunerationem petimus et ardenter efflagitamus (см. въ архив. катол. коллег. дѣло подъ № 30-мъ).

Тамъ же письмо полоцкаго ректора Островскаго къ Сестренцевичу, въ которомъ еще беззастѣнчивѣе выступаетъ наружу іезуитское ниско-

Въ склепахъ церкви Св. Спаса положено было тѣло Грубера рядомъ съ его умершими предшественниками: Ленкевичемъ, Черневичемъ и Кареу. Опасенія іезуитовъ были небезосновательны: Сестренцевичъ радъ былъ скорѣе выпроводить тѣло Грубера изъ Петербурга и вмѣстѣ съ умершимъ Груберомъ фалангу живыхъ и вліятельныхъ въ орденѣ лицъ, чтобы въ отсутствіе ихъ удобнѣе дѣйствовать ему въ сокрушеніи силы и значенія начальника ихъ ордена и ослабленіи независимости самаго этого общества. Изъ имѣющихся у насъ документовъ мы дѣйствительно видимъ, что Сестренцевичъ въ это время дѣйствовалъ усиленно и напряженно, чтобы ослабить значеніе іезуитскаго генерала. У насъ подъ руками лежитъ документъ въ родѣ докладной записки, представленный Сестренцевичемъ, кажется, Лопухину; въ этомъ документѣ въ общихъ чертахъ обрисовывается внутренняя организація іезуитскаго общества, тутъ же изобра-

поклонство и ласкательство. «Illustrissime, Excellentissime ac Reverendissime Domine! Uprzedzony nayłaskawszém uwiadomieniem Pańskim o Naywyższey Woli Monarszey względem przewiezienia ciała I. X. Grubera Generała naszego do Połocka dla pogrzebienia, niosę naypokornieysze i oraz naypowinnieysze dzięki Iaśnie Wielmożnemu Panu i Nayosobliwszemu Dobrodziejowi naszemu za tę Jego troskliwość, czułość nad drobną trzodką naszą. Strata tego męża byłaby dla nas szkodą nie nadgrodzoną, gdybyśmy w tyle iuż nieraz równie krytycznych dla nas okolicznościach, po Bogu, nieznaydowali w wysokiey protekcyi Pańskiey pewney dla siebie ochłody i pociechy, pod którą i w teraźnieyszym zdarzeniu z całą naszą gromadką, jak osierociałe pisklęta garnąc się, składam z nayglębszą uniżonością u stóp Pańskich głowę moię, żebrząc naypokorniey Arcy-Pasterskiego błogosławieństwa (№ 31-й).

Тамъ же, № 29-й. Сестренцевичъ усиленно хлопоталъ о скорѣйшемъ вывозѣ тѣла Грубера изъ Петербурга и самъ извѣстилъ Островскаго о полученномъ отъ Государя позволеніи на это. «Z woli Monarszey ciało P. Grubera przewiezione będzie do Połocka dla pogrzebienia. Praevenio o tym Pana.»

жается власть іезуитскаго генерала, безграничная, незнающая никакихъ законовъ, никакихъ предѣловъ, непризнающая ничего выше себя, а слѣд. въ высшей степени опасная для всякой свѣтской и государственной власти ([1]). Общій

([1]) Изъ бумагъ полученныхъ мною отъ К. С. Сербиновича. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ Сестренцевичъ изображаетъ самыми мрачными красками власть іезуитскаго генерала. Мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь этотъ документъ весь цѣликомъ, а представимъ изъ него тѣ только выдержки, которыя собственно относятся до власти іезуитскаго генерала. «Чтобы быть генераломъ іезуитскаго общества, пишетъ Сестренцевичъ, то нѣтъ надобности имѣть отъ папы никакого подтвержденія. Во время существованія іезуитскаго ордена, выбирали они себѣ генерала, кого желали, и потому генералу, какъ полному властелину, цѣлый орденъ долженъ былъ повиноваться безмолвно; онъ опредѣлялъ для цѣлаго ордена начальниковъ и чиновниковъ, какъ-то: провинціаловъ, ректоровъ, духовниковъ и секретарей, изъ которыхъ послѣдніе вели всегда журналъ секретный во всякомъ монастырѣ, описывая въ ономъ какъ свѣтскія, такъ и монашествующія лица, и не упуская вноситъ даже того, кто что говорилъ, или кто что́ ѣлъ или пилъ. Онъ принималъ отчеты въ приходахъ и расходахъ, смѣнялъ всѣхъ чиновниковъ по своему произволу, и никто не могъ на него жаловаться; словомъ сказать, генералъ ордена не можетъ быть подсудимъ никому.

«Мѣстные архіереи не имѣли никакого права на орденъ іезуитскій, и только въ случаѣ требованія ихъ рукополагали іеромонаховъ и святили церкви. Когда бы случилось вамъ прочитать іезуитскій институтъ, въ Прагѣ напечатанный, то бы вы изволили усмотрѣть всю власть ихъ генерала, которая освобождаетъ и его, и орденъ *изъ зависимости даже и самаго папы.* Государи собственно собою не поставляли надъ ними генераловъ, но генералы были выбираемы, какъ выше сказано, отъ самихъ іезуитовъ. А хотя недавно и изданы были буллы отъ нынѣшняго папы въ пользу покойнаго Грубера, но сіе случилось по слѣдующей причинѣ: поелику въ Россіи іезуитское общество, какъ во всемъ свѣтѣ упраздненное *и здѣсь терпимое только подъ строгимъ надзоромъ,* какъ о томъ видѣть можно изъ многихъ указовъ, до 1802 г., *отъ папы не было признано,* то напослѣдокъ папа возстановилъ буллою сіе общество въ Россіи и въ Неаполѣ, о чемъ видно изъ газетъ россійскихъ, въ прошломъ году напечатанныхъ въ № 79, такимъ то образомъ воз-

выводъ изъ всѣхъ этихъ посылокъ былъ ясенъ самъ собою. Замѣчательно то, что на сторонѣ Сестренцевича было и бѣлое латинское духовенство, даже къ нему пристали и нѣкоторые представители латинскихъ орденовъ въ Россіи: до

становился самъ собою и генералъ надъ обществомъ, и когда сего общества, въ Россіи бывшій генеральный викарій Кареу умеръ, то покойный Груберъ исходатайствовалъ указъ, съ котораго прилагается у сего копія, дозволяющій іезуитамъ избрать *шефа, а отнюдь не генерала*, каковое званіе покойный Груберъ присвоилъ себѣ *ложно*, да и предшественники его, отъ времени уничтоженія іезуитовъ, не были никогда названы генералами, но викарными и съ властію весьма ограниченною, ибо они во всемъ должны были повиноваться епархіальному архіерею, какъ главному своему препозиту, о чемъ читать можно въ прежде доставленныхъ къ вамъ указахъ.

«Орденъ іезуитовъ по существу своего учрежденія есть наиопаснѣйшее общество, какое когда либо существовало. Въ самыхъ уставахъ ихъ ордена содержится ключъ ко всѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ. Любимымъ планомъ іезуитовъ издавна было соединить весь свѣтъ подъ одною державою. Они старались присвоивать себѣ во всѣхъ земляхъ воспитаніе народное. Сказываютъ, что Фридрихъ великій и Екатерина великая непочитали іезуитовъ столь опасными, каковыми принимали ихъ прочіе монархи тогдашнихъ временъ. Я неотваживаюсь проницать въ тайныя побудительныя причины, которыя заставили сихъ вѣнценосцевъ дать іезуитамъ въ своихъ владѣніяхъ убѣжище и покровительство въ то время, когда они изъ католическихъ владѣній были изгнаны. О обоихъ монархахъ можно покрайней мѣрѣ сказать, что они, будучи превыше страха, не почитали за возможное быть обезпокоенными отъ іезуитовъ. Но весьма невѣроятно, чтобъ они для споспѣшествованія нравственности и просвѣщенія своихъ подданныхъ сохранили существованіе сего ордена. Оба монарха въ своей собственной и министровъ своихъ мудрости могли найдти дѣйствительнѣйшія средства къ образованію своихъ народовъ. Между тѣмъ, однакожъ, незаслуженное покровительство, обрѣтенное іезуитами въ Пруссіи и Россіи, имѣло самыя важныя послѣдствія. Подъ защитою государей они имѣли средоточіе, изъ коего могли распространять орденъ свой далѣе, не отступая ни въ чемъ отъ своихъ правилъ. Они нашли средства чрезъ хитрыя уловки сдѣлать себя непримѣтно значущими и необходимыми. Они вкрались безпрепят-

такой степени гордость, наглость, презрительное отношеніе іезуитовъ ко всѣмъ, непринадлежащимъ къ ихъ институту, всѣмъ надоѣли и сдѣлали ихъ всѣмъ несносными. Лопухинъ до того былъ убѣжденъ доводами записки Сестренцевича, что раздѣлялъ мысли митрополита объ іезуитскомъ обществѣ, но по обычной своей медлительности или неуспѣлъ доложить Государю записки Сестренцевича и далъ сторонникамъ іезуитовъ предупредить себя и забѣжать впередъ себя съ ходатайствомъ предъ Императоромъ за іезуитское общество, или же докладъ Лопухина встрѣтилъ сильный отпоръ и противовѣсъ со стороны такого іезуитскаго заступника, который

ственно во всѣ города и общества. Не можно думать, чтобъ ихъ кругъ дѣйствія ограничивался только католическою Силезіею, Могилевомъ и Полоцкомъ. Онъ вездѣ присутствуетъ, духъ его и правила дѣйствуютъ даже невидимо.

«Очень вѣроятно, что ни въ Берлинѣ, ни въ Петербургѣ не почитали доселѣ за нужное со всею строгостію и безпристрастіемъ изслѣдовать установленія общества Іисусова. Такое изслѣдованіе не могло бы служить къ чести ордена, который по видимому къ распространенію славы Божіей учрежденъ, и коего намѣренія, однако, столь явно не къ иному чему клонятся, какъ только къ распространенію и обогащенію общества. При таковомъ изслѣдованіи удивились бы силѣ генерала (начальника іезуитовъ), которому конституціи доставляютъ средства съ безпредѣльною властію господствовать не только надъ іезуитами, но и надъ такими людьми, которые по состоянію и отношеніямъ своимъ долженствуютъ быть чужды сему ордену.

Изо всего сказаннаго явствуетъ, что мы необходимо должны быть весьма осторожны. Кому извѣстны іезуиты, духъ римскаго двора, тотъ не будетъ равнодушно смотрѣть на все, что происходитъ. Формальное уничтоженіе іезуитскаго ордена папскимъ престоломъ никогда не могло быть достаточно къ успокоенію нашему, и тѣмъ болѣе теперь, когда мы имѣемъ явныя доказательства, что отнюдь нельзя почитать орденъ ихъ уничтоженнымъ, и что вообще никакого средства не находится уничтожить его совершенно. Почти съ непонятною хитростію взяты были уже при самомъ началѣ ордена предосторожности на таковые случаи.»

былъ ближе Лопухина къ Александру 1-му и пользовался у Государя большимъ довѣріемъ и расположеніемъ, чѣмъ министръ юстиціи. Послѣднее предположеніе кажется намъ основательнѣе и ближе къ истинѣ, притомъ оно подтверждается самимъ признаніемъ и исповѣдью въ этомъ іезуитовъ. Шантырь, несмотря на свой іезуитизмъ, является до наивности простодушнымъ въ своемъ разсказѣ, когда онъ говоритъ объ этомъ фактѣ. «Около этого времени умеръ, разсказываетъ Шантырь ([1]), въ Петербургѣ не разъ упоминаемый нами ксендзъ Груберъ, бывшій по смерти Кареу генераломъ іезуитовъ. Извѣстно, что митрополитъ старался вредить этому ордену при всякой представившейся возможности. Желая поэтому недопустить новаго избранія, написалъ отношеніе къ князю Лопухину о недопущеніи выбора новаго генерала іезуитскаго ордена, выставляя ту причину, что заграничные іезуиты, пользуясь покровительствомъ генерала, вліяли на дѣла государства; вообще онъ небылъ скупъ на обвиненія противъ этого ордена. Іезуитъ Люстигъ, преемникъ умершаго (Шантырь выражается здѣсь неточно: Люстигъ небылъ преемникомъ Грубера, а былъ только назначенъ генеральнымъ викаріемъ, т. е. долженъ былъ пользоваться правами генерала въ весь періодъ времени отъ смерти Грубера до избранія новаго генерала), человѣкъ расторопный и искусный въ веденіи дѣлъ, нашелъ возможность посредствомъ прокурора Овцына представиться оберъ-прокурору синода князю Голицыну. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ подалъ чрезъ Голицына прошеніе Государю. Это сильное покровительство сдѣлало то, что былъ изданъ указъ, дозво-

([1]) Zbiór Wiadomości o kościele Katolickim w Cesarstwie Rossyjskiem, Rozdział X.

лявшій іезуитамъ выбрать себѣ генерала ([1])». Послѣ этого наивно-іезуитскаго разсказа намъ нѣтъ нужды долго останавливать вниманіе читателей на подробностяхъ этого событія, скажемъ только, что нашъ князь, принявшій на

([1]) См. Zbiór Wiadomości o Kościele Katolickim..... Внутр. переп. іезуит. № 266-й «Двѣ просьбы, поданныя въ 1805 г. на Высочайшее имя отцемъ Люстигомъ генеральнымъ викаріемъ, въ коихъ проситъ онъ дозволенія приступить къ избранію новаго генерала на мѣсто умершаго отца Грубера,—избранію безъ коего орденъ не можетъ существовать, хотя право онаго и оспаривается. Люстигъ жалуется здѣсь на интриги католическаго духовенства, старающагося разными происками и несправедливыми обвиненіями воспрепятствовать избранію новаго генерала, дабы подчинить себѣ іезуитовъ.»

Вся официальная процедура избранія преемника Груберу была довольно сложна и прошла чрезъ разныя министерства. Сначала бѣлорусскій генералъ-губернаторъ извѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ о смерти Грубера и о прошеніи іезуитовъ произвесть выборъ новаго генерала ордена. Кочубей отнесся къ Чарторыйскому, прося у него совѣта, какъ ему должно поступать въ настоящемъ случаѣ. Чарторыйскій сдѣлалъ докладъ объ этомъ дѣлѣ самому Государю, указавши Императору на то важное и поставляющее министра въ затрудненіе обстоятельство въ этомъ дѣлѣ, что орденъ іезуитскій существуетъ, кромѣ Россіи, въ другихъ странахъ Европы. Государь приказалъ Чарторыйскому снестись по этому предмету съ министромъ юстиціи Лопухинымъ. Но Чарторыйскій, вѣроятно, боясь оппозиціи со стороны Лопухина, прежде совѣщанія съ нимъ, поспѣшилъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по этому дѣлу и подобралъ ихъ такъ, чтобы они всѣ были въ пользу выбора преемника Груберу. «Я непреминулъ, писалъ Чарторыйскій Лопухину, собрать нѣкоторыя свѣдѣніи, до того дѣла касающіяся. Изъ оныхъ явствуетъ: 1) что генералъ іезуитскій долженъ бы имѣть пребываніе въ Римѣ, слѣдственно состоятъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ папы; 2) что никакой власти, по ихъ институтамъ, генералъ іезуитовъ не повинуется; 3) что, позволивъ существованіе іезуитскаго общества въ Россіи, нельзя воспретить имъ выбрать себѣ начальника тамъ, гдѣ пожелаютъ, а какъ мнѣ кажется небезполезнымъ, чтобъ начальникъ іезуитскаго общества имѣлъ пребываніе свое въ Россіи и чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и подчиненъ правительству, то, чтобъ сохранить обѣ сіи выгоды, я не вижу

себя роль iезуитскаго провидѣнія, со словъ iезуитовъ изображалъ Сестренцевича предъ Государемъ человѣкомъ опаснымъ по своему честолюбію, а въ подкрѣпленіе своихъ словъ приводилъ дѣйствительныя, или мнимыя предосте-

инаго средства, какъ слѣдовать тому самому примѣру, каковъ данъ Высочайшимъ указомъ 1798 г., Декабря 7 дня, съ тою только разностію что вмѣсто титула генеральнаго викарія провинціальнаго iезуитскаго общества, который въ томъ указѣ данъ былъ начальнику iезуитовъ, нынѣ назвать его генеральнымъ викаріемъ iезуитскаго общества, со властію, статутами и правами, генералу присвоенными, поколику оныя не противны государственнымъ узаконеніямъ.»

«Начальникъ сей, не имѣя титула генерала, будетъ имѣть всю власть онаго на основаніи статутовъ общества, а папа не будетъ имѣть права требовать, чтобъ онъ учредилъ пребываніе свое въ Римѣ, ибо къ сему обязанъ нѣкоторымъ образомъ одинъ токмо генералъ, а потому самому папа лишится средства имѣть общественное и прямое вліяніе надъ умами обитающихъ въ Россіи католиковъ. Въ силу вышеупомянутаго указа, преждебывшій начальникъ iезуитовъ состоялъ въ подчиненности у управляющаго Римско-Католич. въ Россіи церквами, какъ изъ прилагаемой при семъ съ онаго указа копіи усмотрѣть изволите; слѣдовательно и вновь избираемый, буде позволеніе дается ограниченное, избрать его на томъ точно положеніи, отъ таковой подчиненности отговариваться неосмѣлится, а какъ митрополитъ, управляющій Римско-Католич. церквами въ Россіи, состоитъ подъ властію правительства и обязанъ во всемъ оному отчетъ давать, то само по себѣ разумѣется, что всѣ подвластные ему повинуются уже равномѣрно правительству.»

«Iезуитское общество, будучи по нынѣ возстановлено только въ Неаполѣ, я думаю, не учинитъ тамъ никакого затрудненія признать своимъ начальникомъ генеральнаго викарія, котораго здѣсь изберутъ. Каковому примѣру, предполагать должно, что послѣдуютъ и подобныя ихъ имени общества, въ другихъ краяхъ впослѣдствіи возстановляемыя.»

Чарторыйскій эти свѣдѣнія успѣлъ представить Государю, который въ тоже время былъ уже осаждаемъ докучливымъ ходатайствомъ объ iезуитскомъ генералѣ со стороны Голицына. Еще продолжались совѣщанія между Лопухинымъ, Чарторыйскимъ и Сестренцевичемъ на счетъ выбора новаго начальника iезуитскаго общества, какъ послѣдовалъ на имя Сестренцевича Высочайшій рескриптъ, поразившій своими особен-

реженія и внушенія противъ намѣреній митрополита, полученныя отъ папскаго правительства, и притомъ путемъ самымъ вѣрнымъ—посредствомъ іезуитовъ. Іезуиты, далѣе докладывалъ вѣрноподданнѣйшій министръ своему Государю, служатъ противувѣсомъ митрополичьимъ замысламъ и сдерживаютъ его въ его противогосударственныхъ намѣреніяхъ и стремленіяхъ. Съ довѣріемъ выслушивалъ Александръ I медоточивыя и мудрыя слова своего любимца и благосклонно принималъ его ходатайство за бѣдныхъ и теперь осиротѣлыхъ іезуитовъ. Іезуиты при содѣйствіи кн. Голицына еще разъ одержали побѣду надъ митрополитомъ и изъ положенія униженныхъ и пресмыкающихся у ногъ Сестренцевича рабовъ вдругъ перешли къ роли гордыхъ и побѣдоносныхъ тріумфаторовъ. Митрополитъ получилъ Высочайшее повелѣніе, которымъ разрѣшалось іезуитамъ по уставу ихъ ордена произвесть выборы генерала іезуитскаго общества ([1]). Послѣ этого оставалось

ностями митрополита и Лопухина и даже, можетъ быть, Чарторыйскаго Вотъ онъ! Господинъ Митрополитъ Римско-Католич. въ Россіи церквей Сестренцевичъ.

«Снисходя на прошеніе, принесенное намъ отъ іезуитскаго общества, Всемилостивѣйше позволяемъ ему избрать между братіею его начальника вмѣсто умершаго генерала іезуитскаго ордена, патера Грубера, и предоставляемъ избранному генералу власть, статутами и правами званію сему присвоенную, поколику оные не противны государственнымъ узаконеніямъ, съ тѣмъ, чтобы ему, яко члену Римско-Католич. духовенства, состоять подъ владычествомъ Римско-Католич. Духовной коллегіи.» (см. въ арх. М. И. Д. г. 1805-й, № 2-й, о смерти іезуитскаго генерала Грубера и о дозволеніи произвести выборъ новаго генерала въ Полоцкѣ.).

([1]) Сестренцевичъ притворялся и давалъ видъ іезуитамъ, что онъ и въ помышленіи неимѣлъ, чтобы мѣшать іезуитамъ въ избраніи себѣ генерала. Іезуиты въ свою очередь ни однимъ движеніемъ непоказывали, что они чрезъ Голицына такъ побѣдоносно разрушили всѣ враждебные

митрополиту только преклонить голову и покориться волѣ Монарха. Іезуиты съ торжествомъ открыли свои выборы въ Полоцкѣ и неторопились скорѣе окончить ихъ. Въ Мартѣ умеръ Груберъ, а только 2 Сентября избранъ былъ преемникъ ему, и преемникъ этотъ былъ не изъ старшихъ членовъ ордена, не Вихертъ и не Люстигъ, какъ можно бы было предполагать, а секретарь ордена Ѳаддей Березовскій,—истый полякъ. Сколько позволяютъ намъ документы, при отсутствіи прямыхъ положительныхъ свидѣтельствъ, дѣлать догадки и предположенія, мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностію утверждать, что, при голосованіи іезуитскихъ професовъ по случаю избранія генерала ордена, образовались двѣ партіи—одна за выборъ генерала изъ иностранцевъ, а другая за туземца—поляка, и что такъ называемая польская партія выборомъ Березовскаго одержала верхъ надъ противною партіею. Намеки на существованіе этихъ партій встрѣчаются даже въ іезуитскихъ біографіяхъ Березовскаго ([1]). Нужно сказать, что польскій элементъ сильно преобладалъ у іезуитовъ въ это время надъ чужеземнымъ, а слѣдовательно полякамъ-іезуитамъ

замыслы митрополита, но только тонъ ихъ послѣдующихъ писемъ и отношеній къ митрополиту измѣняетъ имъ и предательски обнаруживаетъ ихъ торжество надъ митрополитомъ. Вотъ что̀ писалъ Сестренцевичъ Гохбихлеру по случаю полученія первымъ Высочайшаго повелѣнія о позволеніи іезуитамъ приступить къ выбору генерала ордена.» Rever. Pater Hochbichler, rector ecclesiae parochialis petropolitanae et collegii Paulini Societatis Jesu retulit mihi litteris scriptis 31 die Martii hujus 1805 anni de obitu R. P. Gruber generalis ordinis Societatis Jesu et petiit, ut media compotentia suppeditentur ad electionem novi praepositi in locum demortui. Quibus litteris respondendo, mitto exemplar Rescripti Imperatorii ad me gratissime directi, ejusmodi electionem permittentis.» (Арх. Катол. Колл. дѣло подъ № 27-мъ, 1805-го года).

([1]) Miesięcznik Połocki, № 11, roku 1820, dnia 29 Lutego.

не трудно было при избраніи генерала ордена получить верхъ (¹). Но тутъ былъ пущенъ еще слухъ о чудесныхъ знаменіяхъ и предъизвѣщеніяхъ о томъ, что, по указанію свыше, долженъ быть избранъ въ генералы не кто иной, а именно Березовскій (²). Новоизбранный генералъ самъ собственноручно рапортомъ извѣстилъ митрополита о своемъ избраніи. Такой поступокъ Березовскаго, неимѣвшій примѣра въ предшествовавшихъ случаяхъ избранія іезуитскихъ генераловъ, являлся чѣмъ-то необычайнымъ и могъ быть перетолковыванъ различно. Было ли это самохвальство и самоуслажденіе побѣдителя своимъ торжествомъ, или злая насмѣшка надъ безсиліемъ козней своего врага,

(¹) Сравн. въ Catalogus personarum et officiorum Societatis Jesu in Imperio Rossiaco, ann. 1805, число членовъ іезуитскаго общества съ польскими фамиліями и чужестранными.

(²) Miesięcznik Połocki, № 11, roku 1820. Біографъ Березовскаго разсказываетъ намъ слѣдующее чудное событіе: предъ днемъ избранія въ іезуитскіе генералы Березовскаго, одна особа, извѣстная всѣмъ въ Полоцкѣ своею святостію, знавшая хорошо какъ краснорѣчіе и проповѣдническій талантъ Березовскаго, такъ и его набожность, имѣла во снѣ такое видѣніе, что въ полоцкомъ костелѣ, у алтаря Сердца Іисусова, св. Игнатій Лойола предъ Господомъ Іисусомъ, пригвожденнымъ ко кресту и имѣющимъ на главѣ терновый вѣнецъ, поставилъ стоявшаго на колѣняхъ въ глубокомъ смиреніи Ѳаддея Березовскаго и *рекомендовалъ* его Господу Іисусу; тогда Христосъ тотчасъ снялъ корону съ Своей главы и возложилъ ее съ такимъ *притискиваньемъ* на голову коленопреклоненнаго, что кровь показалась на головѣ Березовскаго отъ острыхъ шиповъ вѣнца. Послѣ такого сопнаго видѣнія всѣ гласно заговорили, что Березовскій, а не кто другой, можетъ быть избранъ въ генералы іезуитскаго ордена, и слухъ объ этомъ видѣніи распространился даже до значительныхъ лицъ.» Вотъ къ какимъ пріемамъ прибѣгла польско-іезуитская партія, чтобы выбрать въ генералы своего ордена одноплеменника! Пріемъ не новый въ исторіи іезуитскаго ордена, даже довольно опошлившійся отъ частаго повторенія, но всегда достигающій благопріятныхъ результатовъ и увѣнчивающійся успѣхомъ.

или выраженіе формальной, чисто номинальной зависимости іезуитскаго генерала отъ митрополитской юрисдикціи, неимѣющей и призрака дѣйствительности,—трудно это опредѣлить, особенно въ тѣхъ мрачныхъ пропастяхъ, которыми прорыта іезуитская душа, во всякомъ случаѣ тутъ небыло и тѣни тѣхъ чувствъ, въ которыхъ іезуитъ хочетъ увѣрить Сестренцевича; здѣсь каждое слово выражаетъ противоположное чувство [1].

Преемникъ Грубера далеко уступалъ ему въ обширности умственныхъ способностей, во всесторонности позцаній, въ смѣлости и грандіозности замысловъ, въ творчествѣ, широтѣ взгляда, тонкости и проницательности, необыкновенномъ искусствѣ завладѣвать людьми и событіями и обращать ихъ въ свою пользу, наконецъ, если можно такъ

[1] Вотъ собственноручное письмо Березовскаго къ Сестренцевичу, гдѣ іезуитскій генералъ, извѣщая митрополита о своемъ избраніи, испрашиваетъ его благословенія на новую свою должность и предлежащіе ему труды. «Excellentissime et Reverendissime Domine, Patrone Gratiosissime! Czegom się nigdy nie spodziewał, o czym myślić nigdy nie chciałem, to z rozrządzającey losami naszemi czcigodney Opatrzności Boskiey dnia 2 7-bra mię potkało, iż zgromadzeni Xięża Professowie na wybór nowego generała zakonu, urząd ten znajomemu i najobowiązańszemu słudze Pańskiemu polecili. Znam, Excellentissime et Reverendissime Domine, całą niedostoiność moię; ale w tym, który słabych wybiera i posila, mam nadzieię, przy łasce i względach Arcy-pasterskich, o które naypokorniey proszę, że nie ustanę pod cięžarem. Excellentia Vestra Reverendissima pobłogosławiłeś mi tyle razy idącemu na Ambonę dla opowiadania słowa Božego, pobłogosław i teraz zaczynającemu urząd nowy, a łaskami i protekcyą swoją wszystko mogącą zasilay mię, ochraniay tych, na czele których ja pierwszy schylam głowę moię na błogosławieństwo Arcy-Pasterskie i wyznaię mię z nayglębszym uszanowaniem Excellentiae Vestrae Reverendissimae Nayobowiązańszym sługą X. Tadeusz Brzozowski. P. G. S. S. Połock. 5 7-bra 1805. (См. въ катал. кол. дѣло подъ № 27-мъ, № 41-й).

выразиться, въ космополитизмѣ. Березовскій, при всемъ своемъ іезуитизмѣ, слишкомъ много отражаетъ на себѣ племенныхъ свойствъ того народа, отъ котораго онъ происходилъ. Онъ скрытенъ, лукавъ, безстыжъ до того, что, пойманный въ самомъ актѣ преступленія, открещивается и божится, что онъ невиненъ, какъ агнецъ, лицемѣренъ до послѣднихъ предѣловъ фарисейства, мстителенъ и ласкателенъ до униженія въ себѣ всякаго человѣческаго достоинства, но въ тоже время обладалъ большимъ запасомъ энергіи, интриги и такимъ избыткомъ фанатизма, къ которому способенъ только іезуитъ изъ Поляковъ ([1]).

([1]) Фанатизмъ Березовскаго ярко проглядываетъ въ одномъ его разсужденіи, или циркулярномъ посланіи. «Вы не должны даже, говоритъ іезуитскій генералъ, имѣть понятія о ложномъ ученіи. Ваше любопытство все читать, все слышать, можетъ погубить васъ. Нѣтъ для васъ прощенія, если представленія лживыя могутъ имѣть на васъ вліяніе, ибо Іисусъ Христосъ повелѣваетъ быть вамъ на всегдашней стражѣ. Онъ ясно васъ научаетъ почитать того, кто невнимаетъ нашей церкви, кто бы онъ ни былъ, и даже если бы творилъ чудеса, язычникомъ, отступникомъ и возмутителемъ. Вотъ тотъ ужасный бичь, который опровергаетъ, разрушаетъ и въ самомъ основаніи подкапываетъ, такъ сказать, всѣ ереси, всѣ секты, отдѣлившіяся отъ камени (Петра), на коемъ всесильный Богъ основалъ свою церковь; всѣ лжемудрствованія, на коихъ утверждена сія терпимость вѣръ, дабы изъ религіи Іисуса Христа сдѣлать всеобщее смѣшеніе, чудовище вѣры, дабы человѣкъ могъ жить безъ религіи, и болѣе всего безъ угрызенія совѣсти нарушать законы вѣры, которая, бывъ единою, ибо она есть истинна, необходимо должна отметать всѣ другія религіи. Я не вѣрю, чтобы въ числѣ сихъ героевъ (о коихъ, должно быть, сказано было прежде) могли указать мнѣ одного философа, одного человѣколюбца, одного изъ адептовъ, посѣщающихъ ложи Франкъ-Масоновъ и заглушающихъ свѣтъ безпрестанными сужденіями своими о человѣчествѣ.» (Внутр. пер. іезуит. № 251-й). Ребиндеръ, приводя эту выдержку изъ произведенія Березовскаго, замѣчаетъ, что этотъ отрывокъ долженъ принадлежать или къ циркуляру, адресованному отцемъ генераломъ къ своимъ собратіямъ, или же къ какому либо похвальному слову, произнесенному имъ въ память святыхъ сего ордена. (Тамъ же).

Вопросы, на которые долженъ былъ обратить свое вниманіе Березовскій, уже ясно намѣчены были предшественникомъ его, Груберомъ; Березовскому оставалось только осуществлять планы Грубера и неломать головы надъ произведеніемъ чего нибудь новаго, хотя, нужно сознаться, что и осуществленіе груберовскихъ проектовъ требовало со стороны его преемника энергіи, умѣнья, искусства и большой доли интриги. Притомъ же Березовскому пришлось жить и управлять іезуитскимъ обществомъ въ такую эпоху, когда жизнь народовъ и обществъ дѣлала самые быстрые и неожиданные скачки, когда событія смѣнялись другими съ непостижимою скоростію, быстро измѣнялось лице государствъ и направленіе мнѣнія; все это порождало новыя положенія и новыя отношенія іезуитскаго общества и его генерала; при этомъ требовалось уже отъ Березовскаго самодѣятельность, сообразительность, умѣнье найдтись, овладѣть событіями, отвратить ихъ удары отъ общества, если они грозили опасностію ему, или направить ихъ въ интересахъ своего ордена. Работа его въ этомъ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, довольно была облегчена стеченіемъ нѣкоторыхъ счастливыхъ для Березовскаго условій. На помощь ему во всемъ этомъ пришелъ графъ де-Местръ, въ котораго, со смерти Грубера, какъ бы перешелъ духъ его друга и который смотрѣлъ на іезуитскій орденъ, какъ на свое дѣтище, завѣщанное ему его умершимъ другомъ. Дѣйствительно со смерти Грубера дѣятельность де-Местра удесятерилась, дошла до какого-то лихорадочнаго состоянія: онъ вмѣшивается во всѣ даже мелочи, касающіяся ордена; безъ него не обходится рѣшеніе ни одного вопроса, ни одной мѣры въ іезуитскомъ обществѣ; онъ играетъ роль генія-покровителя іезуитовъ; онъ ихъ вдохновитель, наставникъ, ходатай,

шіонъ,—онъ генералъ ордена, хотя и неносящій этого официальнаго имени. Громадная и величавая фигура Грубера застѣняла собою личность де-Местра; теперь, когда нестало этого исполина іезуитскаго общества, выступала и выдвигалась съ торжественнымъ величіемъ личность де-Местра и представлялась чѣмъ-то недосягаемымъ по своей высотѣ и чѣмъ-то необыкновеннымъ по своему уму, краснорѣчію, обширнымъ соображеніямъ и своей плодовитой и творческой изобрѣтательности. Подобные люди, какъ де-Местръ, иногда стоятъ цѣлаго войска и съ ними нестрашно выступать на войну и съ сильнымъ непріятелемъ; слѣдовательно, тяжесть управленія іезуитскимъ орденомъ значительно была облегчена для Березовскаго, когда около него стоялъ такой совѣтникъ.

Самыя политическія событія и общественный духъ много помогали іезуитскому генералу въ его работѣ. Постоянныя войны, огромная ломка государствъ, громадное движеніе массъ народныхъ съ одного конца Европы на другой, шедшихъ по мановенію геніальнаго солдата, какое-то судорожное и немогшее придти въ спокойное состояніе волненіе народовъ, все это какъ нельзя лучше помогало іезуитамъ въ глубокой тьмѣ обдѣлывать свои дѣла и ловить рыбу въ мутной водѣ. Постоянно волнующееся государство или общество, постоянно отвлекаемое внѣшними событіями отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, отъ разсмотрѣнія самого себя въ сторону, ко внѣшнимъ предметамъ и занятіямъ, не имѣетъ достаточнаго времени и даже вниманія вникать въ подробности внутренней своей жизни, а еще болѣе слѣдить за темными и подпольными работами такихъ обществъ, къ какимъ принадлежитъ іезуитскій орденъ. При такомъ положеніи дѣлъ въ извѣстномъ государствѣ или обществѣ открывается много простора для дѣятельности такихъ лю-

дей, каковы іезуиты. По этому случаю мы невольно вспоминаемъ вырвавшееся у Пакки признаніе въ томъ, что бурное состояніе обществъ поддерживаетъ спокойствіе латинской церкви. Сказавши въ своихъ мемуарахъ о томъ, какъ римская курія съ часу на часъ ожидала завладѣнія Рима Наполеономъ и плѣна папы и его священной коллегіи, Пакка пишетъ, что исполненіе этого нечестиваго намѣренія было остановлено войною, возгорѣвшеюся между Франціей и Пруссіей, и потомъ продолжаетъ: «такимъ образомъ еще разъ оправдалось подтвержденное многими примѣрами заключеніе, что церковь находитъ нѣкоторый покой и тишину въ ссорахъ и несогласіи свѣтскихъ государей, и что, напротивъ, въ спокойствіи міра происходятъ самыя великія потрясенія въ ней и самыя сильныя утѣсненія ея ([1])».

Съ другой стороны, какъ самыя благодѣтельныя идеи и начала въ своемъ крайнемъ и исключительномъ развитіи вызываютъ противъ себя реакцію, возбуждаютъ недовѣріе и охлажденіе къ себѣ, такъ неумѣренность и презрѣніе, съ какими относились дѣти французской революціи къ прежнимъ началамъ и идеямъ, а особенно тотъ деспотизмъ,

([1]) Mémoires du cardinal B. Pacca sur le pontificat de Pie VII, première partie (1804—1809). «Après l'expédition de lettre (папскаго) au Cardinal Caprara, on croyait à Rome que Napoléon ne tarderait pas d'y répondre par l'usurpation de l'État pontifical; et le pape, ainsi que le sacré collège, attendait avec une pieuse résignation un si triste évenement. Mais tout-à coup éclata en Septembre la guerre entre la France et la Prusse, et l'empereur, obligé de partir pour l'armée d'Allemagne, suspendit l'exécution de son projet sacrilège.

Ainsi se verifia encore cette observation confirmée par tant d'exemples, que dans les querelles et les discordes des princes de la terre l'Église trouve quelque calme et quelque répos, et dans la paix du monde, au contraire, ses plus grandes tribulations, ses plus fortes amertumes».

который позволялъ себѣ сынъ и порожденіе революціи— Наполеонъ по отношенію къ самымъ священнымъ преданіямъ народовъ, къ самымъ дорогимъ и завѣтнымъ его чувствованіямъ, естественно порождали нерасположеніе, чувства злобы и ненависти къ самымъ понятіямъ и началамъ революціи, доходившія такъ же до крайности и выражавшіяся самымъ неумѣреннымъ образомъ, даже смѣшнымъ до ребячества ([1]). Въ природѣ человѣческой никогда,

([1]) Вѣстникъ Европы, г. 1869, № 1-й, стат.: «Италія и Маццини, стр. 187—188». Піемонтъ, созданный вопреки желанію Австріи, въ которой это небольшое государство всегда возбуждало опасенія, тотчасъ же попалъ подъ самый худшій деспотизмъ—деспотизмъ солдатчины и іезуитовъ. Король Викторъ-Эммануилъ, вступивъ на престолъ въ 1814 году, отмѣнилъ въ своемъ государствѣ все то, что внесли туда съ собою французы, и такимъ образомъ воскресло законодательство и административный порядокъ 1770 года. Опять Піемонтъ увидѣлъ у себя десятину въ пользу духовенства, право первородства и привилегіи всякаго рода, монаховъ всевозможныхъ орденовъ, суды военные, духовные и удѣльные, лишенныхъ гражданскихъ правъ протестантовъ и евреевъ, пытку, колесованіе, клейменіе, отнятіе рукъ предъ возведеніемъ на висѣлицу и четвертованіе. Ненависть короля ко всему французскому доходила до безумія: многихъ усилій стоило заставить его отказаться отъ желанія уничтожить дорогу чрезъ Монъ-Сенисъ и взорвать великолѣпный мостъ чрезъ По, только потому, что эти сооруженія были предприняты по распоряженію Наполеона.

Правосудіе перестало существовать и судебные приговоры измѣнялись подъ вліяніемъ произвола и фаворитизма. Власть военныхъ губернаторовъ и комендантовъ сдѣлалась безграничною и давала имъ возможность поступать со страною по образцу турецкихъ пашей. За военною властію слѣдовало духовенство, монахи всѣхъ цвѣтовъ, и въ особенности іезуиты. Первоначальныя школы, коллегіи и университеты были подчинены ихъ власти. Іезуитскій духъ господствовалъ при дворѣ, между высшими сановниками и проникалъ во всѣ отрасли администраціи, правительственной и судебной. Посредствомъ исповѣди и подкупа слугъ, іезуиты узнавали семейныя тайны и сообщали ихъ полиціи. Ремесло шпіоновъ скоро сдѣлалось самымъ доходнымъ занятіемъ, и тайная полиція стала

при всей ея испорченности, неумираетъ чувство законности, а съ нимъ и чувство сострадательности къ тѣмъ, которые сдѣлались жертвою насилія сильнаго, злоупотребившаго своимъ правомъ и своимъ могуществомъ; въ душѣ человѣческой всегда слышится какой-то протестъ противъ сильнаго, угнетающаго безсильнаго, всегда поднимается чувство возмущенія противъ оскорбителя и нарушителя законныхъ правъ другихъ, или противъ неумѣреннаго и перешедшаго границы умѣренности мстителя за свои права. Такой переворотъ въ общественномъ мнѣніи Европы особенно сталъ обнаруживаться во второй половинѣ первой четверти XIX вѣка. Торжественное путешествіе Пія VII въ Парижъ на коронацію Наполеона непроизвело такого поворота въ пользу латинскаго исповѣданія въ массахъ народныхъ, какой произведенъ былъ грубымъ, солдатскимъ и унизительнымъ влаченіемъ его по Италіи и Франціи и наконецъ заключеніемъ его, какъ плѣнника, въ разныхъ городахъ Италіи и Франціи. Это внѣшнее униженіе представителя латинскаго міра новымъ цезаремъ, порожденнымъ революціей, было побѣдою надъ представителемъ началъ революціи и невидимымъ пораженіемъ ея. Если да-

вѣрнымъ убѣжищемъ для всѣхъ ветерановъ разврата и распутства. Литература, подъ вліяніемъ самой нелѣпой цензуры, упала: бо̀льшая часть иностранныхъ книгъ и газетъ были запрещены.

Папа Пій VII, возвративъ себѣ свѣтскую власть, началъ съ того, что возстановилъ инквизицію и іезуитовъ; вмѣсто отмѣненнаго французскаго кодекса возстановилъ силу 87000 законовъ, дѣйствовавшихъ до революціи, передалъ высшія судебныя должности духовенству и возвратилъ аристократіи всѣ прежнія привилегіи.

Все это въ одинаковой мѣрѣ можетъ быть приложено и къ другимъ государствамъ Европы, подвергшимся реакціи, за немногими развѣ исключеніями.

же видѣть въ описаніи Пакки путешествія плѣннаго Пія VII нѣкоторое преувеличеніе и нѣкоторое пристрастіе, то и тогда придется согласиться съ нимъ въ томъ общемъ выводѣ, что крайности, которыя позволилъ себѣ Наполеонъ въ обращеніи съ папою, вызвали по естественному закону природы физической и нравственной реакцію нетолько противъ личнаго деспотизма вѣнчаннаго солдата, но и противъ самыхъ идей и началъ революціи ([1]). Все это облег-

([1]) Mémoires du Pacca, partie III-me, pag. 249—250, такъ же partie IV-me, pag. 24—25. «Le peuple qui pleurait et criait: Santo Padre! releva en un instant la caisse; un gendarme ouvrit la portière qui était toujours fermée à clef, tandis que les camarades, pâles et defigurés, s'efforçaient d'éloigner le peuple, qui, devénu furieux, leur criait: «Cani! Cani!». La route était couverte de monde accouru des pays voisins, et la foule allait croissant à mésure que nous approchions de Grenoble. C'était un spectacle touchant de voir ce bon peuple se mettre à genoux d'aussi loin qu'il apercevait la voiture, et attendre ainsi le passage du pape pour recevoir sa benediction. Plusieurs nous accompagnaient en courant, et de jeunes personnes jetaient des fleurs dans la voiture pour que le pape daignât les bénir. Elles lui temoignaient hautement leurs sentimens de respect et de veneration, et je me sonvieus qu'une d'entre elles criait en pleurant: que vous avez l'air maigri, saint père! Ah! ce sont les grandes afflictions que l'on vous donne. Et, lorsque le pape étendait la main pour les benir, elles s'elançaient pour la baiser, quoique la voiture courût très-vite, au risque d'être écrasées par les roues et foulées par les chevaux des gendarmes. En entrant dans la ville, nous vîmes les fenêtres garnies de spectateurs, et la rue encombrée de peuple qui s'agenouillait en démandant la benediction. Пакка такъ былъ пораженъ этими выраженіями народнаго уваженія къ папѣ въ городахъ Франціи, что почитаетъ это явленіе сверхъестественнымъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько лѣтъ употреблено было французскимъ правительствомъ на то, чтобы порвать всѣ религіозныя связи, существовавшія между латинскимъ народонаселеніемъ Франціи и представителемъ латинской церкви; но цѣль не только не была достигнута, а вышло совершенно противное. Даже въ Парижѣ,— этимъ rendez-vous, по выраженію Пакки, de tous les sectaires, où regnaient les coryphées de la philosophie, dans cette ville que l'on pourrait

чало положеніе іезуитскаго генерала и упрощивало рѣшеніе тѣхъ задачъ, которыя предлагали ему событія и эпоха.

Послѣ смерти Грубера на очереди стояли два главныхъ вопроса и ждали рѣшенія отъ новаго генерала, а именно: о распространеніи іезуитскихъ миссій въ предѣлахъ Россіи и объ изъятіи іезуитскихъ школъ изъ-подъ контроля госу-

appeller, comme Rome paienne *Silva frementium bestiarum*, on comptait plusieurs milliers de catholiques dont la foi avait traversé, vive et pure, les jours orageux de la revolution, et qui offraient le spectacle d'une vie vraiment edifiante et exemplaire. *J'appris même avec autant de joie que de surprise que plusieurs gentilshommes illustres dont l'impieté, n'était que trop fameuse avant la revolution, ramenés dans le sein de l'Eglise par la voix du malheur et la terrible leçon de l'experience*, s'efforçaient de réparer par leur zèle et leurs bonnes oeuvres le mal qu'ils avaient fait à la réligion par leur incredulité et la protection qu'ils avaient accordée à la philosophie. J'ai dit que j'appris cette nouvelle avec *surprise*, et ce n'est pas sans raison. Dans le temps de mes deux nonciatures à Cologne et à Lisbonne, j'eus occasion de connaitre la plupart des emigrés français, et je dois dire avec douleur qu'à part quelques gentilshommes de province tous professaient hautement les maximes philosophiques qui avaient amené la catastrophe dont ils avaient été les premières victimes. Ils convenaient parfois, dans les moments lucides, que la chute de l'autel avait amené celle du trône, et que c'étaient les pretendues lumières de la philosophie qui avaient introduit au sein des peuples, les ideés nouvelles de liberté et d'égalité si funestes par eux; mais ils ne perseveraient pas moins dans leurs efforts pour les propager, soit par leurs discours, soit par des ouvrages abominables. Далѣе Пакка разсказываетъ, что въ Парижѣ, помимо намѣренія правительства, образовалось нѣсколько христіанскихъ общинъ, слѣдовавшихъ строгимъ правиламъ монашескихъ орденовъ; общины эти соблюдали всѣ христіанскія правила въ эпоху невѣрія и кощунства надъ христіанствомъ, у нихъ были свои домовыя церкви, гдѣ совершались литургіи и разныя богослуженія. Всѣ эти явленія во французскомъ обществѣ именно вызваны были тѣми крайностями, въ которыхъ проявилось отношеніе тогдашняго французскаго правительства къ главѣ латинства и къ самому римскому исповѣданію.

дарства. Помощниками Березовскому въ рѣшеніи этихъ вопросовъ были слѣдующія начальствующія лица изъ ордена: Люстигъ, Вихертъ, Гохбихлеръ, Деперамо, Корицкій, Островскій, Сюрогъ, Николь и многіе другіе (¹);—мы неупоминаемъ здѣсь о пособникахъ Березовскаго, непринадлежавшихъ офиціально къ іезуитскому ордену. Вопросы эти обязаны своею постановкою не Березовскому, а Груберу; преемнику Грубера здѣсь оставалось немного трудиться и напрягать свои мозги, хотя вопросъ объ іезуитскихъ школахъ потребовалъ отъ него болѣе умственной работы, чѣмъ вопросъ о миссіяхъ. Новые вопросы, необязанные своимъ происхожденіемъ Груберу, создались политическими обстоятельствами новой эпохи, наставшей спустя нѣсколько годовъ послѣ смерти Грубера. Здѣсь уже проявилась самодѣятельность Березовскаго, впрочемъ не безъ сильныхъ подкрѣпленій со стороны и постороннихъ лицъ.

Груберъ распустилъ паутину іезуитскихъ миссій по степямъ саратовскимъ, астраханскимъ, началъ закидывать свои ловческія сѣти въ Пензѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Казани, пробилъ брешъ въ протестантской стѣнѣ эсто-латышской столицы, сдѣлалъ шагъ къ водворенію членовъ своего общества въ Крыму, но здѣсь дѣятельность его была прервана смертію, и работа миссіонерская на этой окраинѣ Россіи завѣщана была имъ своему преемнику. Нужно сказать, что Крымъ небылъ для іезуитовъ страною невѣдомою, напротивъ, они стали посѣщать его давно. Первые іезуиты, зашедшіе въ эту страну, были выходцы изъ поляковъ, которые часто находились въ сношеніяхъ съ крымскими ханами, то какъ наемники, то какъ союзники

(¹) Catalogus personarum et officiorum Societ. Jesu in Imperio Rossiaco, г. 1805-й.

противъ своихъ единоплеменниковъ, то какъ бѣглецы и дезертиры, спасавшіеся отъ петли и острога. Бывшій въ 1706-мъ г. медикомъ при крымскомъ ханѣ, французъ Ферандъ, и пріѣзжавшій около этого времени въ Константинополь, расказывалъ между прочимъ константинопольскимъ іезуитамъ о томъ, какъ два года тому назадъ пріѣзжалъ туда одинъ іезуитъ-полякъ, и какъ онъ тамъ началъ распространять латинство, но, проживши здѣсь 10-ть мѣсяцевъ, заболѣлъ отъ свирѣпствовавшей тогда въ Крыму язвы и умеръ. Этотъ разсказъ французскаго медика навелъ на мысль членовъ константинопольской іезуитской миссіи отправить, при содѣйствіи французскаго посланника въ Турціи, маркиза Феріоли, одного изъ своихъ собратовъ въ Крымъ. Избранный для распространенія латинства въ Крыму, былъ іезуитъ Стефани; онъ отправился въ эту страну, въ сопровожденіи доктора Феранда. Іезуитъ явился въ Крымъ не съ пустыми руками, а съ подарками хану и рекомендательными письмами отъ французскаго посланника въ Турціи. Первая аудіенція іезуита Стефани съ крымскимъ ханомъ произошла въ Бахчисараѣ, ханской столицѣ. Результатъ аудіенціи былъ благопріятенъ для іезуита, въ томъ отношеніи, что онъ получилъ разрѣшеніе отправлять свое богослуженіе даже въ ханской столицѣ. Народонаселеніе Крыма, кромѣ татаръ, состояло тогда еще изъ грековъ и армянъ. По свидѣтельству іезуита Стефани, армяне были весьма невѣжественны и холодны къ проповѣди о вѣчномъ спасеніи; но они всетаки были уступчивѣе и лучше грековъ; они уступили іезуиту маленькое пространство въ своей полуразвалившейся церкви въ Бахчисараѣ, для отправленія богослуженія по его обряду. Армяне и греки были свободными жителями Крыма, и занимались здѣсь торговыми

промыслами. Но здѣсь были еще плѣнники татарскіе, принадлежавшіе къ разнымъ европейскимъ народностямъ, какъ напримѣръ: нѣмцы, поляки, венгры, русскіе, кроаты, сербы и проч. Замѣчательно, что іезуитская пропаганда прежде всего нашла благодатную для себя почву между нѣмцами, а не между армянами, какъ можно бы было предполагать съ перваго взгляда, судя по неразвитости этого народа, и наконецъ по тому обстоятельству, что іезуитъ отправлялъ свое богослуженіе въ армянской церкви и здѣсь раздавалась его проповѣдь о превосходствѣ латинства предъ всѣми христіанскими исповѣданіями. Впрочемъ, явленіе это можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что Стефани преимущественно говорилъ свои проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ, а слѣдовательно, проповѣдь его была главнымъ образомъ доступна для людей этой народности, а потому въ этой же средѣ она и должна была прежде всего найдти отзывъ себѣ и послѣдователей. Даже можно предположить, что іезуитъ Стефани былъ самъ по происхожденію нѣмецъ, а потому и проповѣди свои говорилъ чаще на нѣмецкомъ языкѣ, какъ родномъ, чѣмъ на другихъ. Но онъ владѣлъ и татарскимъ языкомъ, какъ оказывается, и нерѣдко произносилъ свои поученія и на этомъ языкѣ, какъ туземномъ и притомъ понятномъ для всей разнообразной смѣси народностей, наполнявшихъ Крымъ. Пропаганда латинская шла удачно между лютеранами, кальвинистами и русскими. Нѣкоторые изъ этихъ прозелитовъ латинства сдѣлались самыми дѣятельными пособниками Стефани въ распространеніи латинства въ этой мѣстности и облегчали такъ же труды его по отправленію богослуженія и церковныхъ требъ. При содѣйствіи Феріоли построена была въ Бахчисараѣ первая латинская церковь. Напрасно шведскій посланникъ, жившій въ Бенде-

рахъ, возмущенный совращеніемъ въ латинство многихъ лютеранъ и кальвинистовъ, пребывавшихъ въ Крыму, старался вредить іезуиту и вытѣснить его изъ Крыма; онъ неуспѣлъ въ своихъ замыслахъ, и латинская пропаганда шла быстро: въ одномъ Бахчисараѣ было до 80 армянъ, принявшихъ латинство, да нѣсколько нѣмцевъ. Кажется, іезуитъ уловилъ въ свои сѣти даже армянскаго епископа, жившаго въ Крыму, потому что впослѣдствіи видимъ, что этотъ епископъ позволилъ іезуиту отправлять латинское богослуженіе во всѣхъ армянскихъ церквахъ Крыма. Іезуитъ, по свойственной замашкѣ его ордену, простеръ свою миссіонерскую дѣятельность и за предѣлы Бахчисарая; отсюда само собою открывалась нужда въ вызовѣ въ Крымъ еще новыхъ членовъ іезуитскаго общества. Дѣйствительно впослѣдствіи мы встрѣчаемъ въ Крыму уже не одного, а трехъ іезуитовъ. Такимъ образомъ въ памяти іезуитовъ александровской эпохи еще жили и свѣжи были преданія о пребываніи членовъ ихъ общества на крымскомъ полуостровѣ. Булла Ганганелли и бури французской революціи положили, кажется, конецъ и іезуитской дѣятельности въ Крыму. Латинскіе священники и миссіонеры стали послѣ этого посылаться въ Крымъ отъ конгрегаціи де-ля пропаганда; начальникъ отцевъ преобразованныхъ миноритовъ, находившихся въ Константинополѣ, былъ главнымъ префектомъ и такъ называемой одесской или крымской латинской миссіи. На немъ лежала обязанность посылать миссіонеровъ въ Крымъ. Эти миссіонеры принадлежали къ разнымъ орденамъ: тутъ были иногда капуцины, иногда францискане, иногда кармы или кармелиты. Въ описываемое нами время должности латинскихъ священниковъ въ Крыму почти исключительно отправляли францискане и кармы. Но при Груберѣ еще сюда успѣли пробраться и

іезуиты; первая мѣстность, удостоившаяся на Крымскомъ полуостровѣ увидѣть въ царствованіе Александра I-го сыновъ Лойолы, была такъ называемая Іозефтальская колонія близъ Одессы ([1]). Крымъ, а преимущественно окрестность Одессы и сама она, были богаты латинскимъ элементомъ въ эпоху Александра I-го: тутъ кромѣ латинянъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ, были итальянцы, французы, богатыя польскія фамиліи, какъ напр. Браницкіе, Потоцкіе и другія. Какою-то таинственностію окружено дѣло отправленія двухъ іезуитовъ изъ Петербурга въ Іозефтальскую колонію близъ Одессы: эти первые іезуитскіе застрѣльщики и піонеры на крымскомъ полуостровѣ явились тамъ какъ будто неожиданно и выросли какъ бы изъ земли. Изъ каталога лицъ іезуитскаго ордена за 1805 годъ мы въ первый разъ узнаемъ, что іезуиты открыли свою миссію близъ Одессы и отправили туда двухъ своихъ сочленовъ— священника Алоизія Лёфлера и коадъютора ему Либа ([2]). Резиденціей этой миссіи была колонія Клейнлибенталь, но такъ какъ тутъ небыло церкви, то іезуиты отправляли богослуженіе въ Іозефтальской церкви, построенной въ 1806 г. и освѣщенной въ томъ же году Лёфлеромъ ([3]).

([1]) Lettres edifiantes et curieuses, tom. III. pag. 158—272; такъ же въ арх. М. И. Д. г. 1810, № 2-й, дѣло о пріисканіи за границею священниковъ ордена капуциновъ для одесской римско-католической церкви и для колоній; такъ же Собр. Зак. № 22.569.

([2]) Catalogus personarum et officiorum Socie tatis Jesu in Imperio Rossiaco, г. 1805-й.

([3]) См. въ арх. рим.-кат. коллегіи Визиты рим.-кат. церквей Херсонской епархіи за 1805 г. Іозефтальская церковь, въ колоніи Іозефталь, построена въ 1806 году, каменная, и освящена въ томъ же году священникомъ Лёфлеромъ. Главный престолъ въ честь Іосифа, а придѣлы въ честь Лойолы и Франциска. Клейнлибентальская церковь, во имя св. Венделина, построена въ колоніи Клейнлибенталь, въ Херсонской губерніи, Одес-

Послѣ этихъ скудныхъ и короткихъ извѣстій о первомъ поселеніи іезуитовъ въ Крыму, мы невстрѣчаемъ никакихъ историческихъ данныхъ о пребываніи и дѣятельности ихъ до 1808 года, когда іезуитскій генералъ Березовскій вошелъ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ особою запискою о крымскихъ іезуитахъ. Записка гласила, что изъ посланныхъ въ 4 года отъ іезуитскаго ордена въ Іозефтальскую близъ Одессы колонію 4-хъ нѣмецкихъ миссіонеровъ трое уже умерли, да и о четвертомъ того же опасаться должно, судя по нездоровому тамошнему климату, подверженному лихорадкамъ, и по недостаточному имъ жалованью; что, по отдаленности сего мѣста отъ настоящаго ихъ жительства и по приличію духовному ихъ званію, онъ долженъ, кромѣ самого миссіонера, содержать тамъ другого такого же патера, который, въ случаѣ болѣзни перваго, можетъ заступить его мѣсто; что, кромѣ сего, и самый ихъ орденъ, по недостатку въ нѣмецкихъ урожденцахъ, чувствуетъ въ посылкѣ ихъ немалое затрудненіе и тягость, отправляя ихъ къ мѣсту на свой счетъ, и дѣлая отъ себя прибавку на ихъ содержаніе, каковыхъ денегъ орденъ переплатилъ уже болѣе 2.000 рублей. Вслѣдствіе сего іезуитскій генералъ просилъ Кочубея, чтобы: 1) разрѣшено было имѣть въ Іезефтальской колоніи всегда двухъ миссіонеровъ и чтобъ издержки на ихъ туда отправленіе производимы были со стороны правительства, и 2) чтобы жалованья

скомъ уѣздѣ, въ 1819 году, и освящена іезуитомъ Перлингомъ. При церкви было училище. Одесская приходская церковь, въ честь Успенія Божіей Матери, сооружена еще капуцинами. Видъ ея готическо-византійскій; она находится въ центрѣ города, на Ришельевской улицѣ. Прихожанъ до 6-ти тысячъ; при церкви училище и 5 домовъ; она богата вкладами отъ извѣстной Марьи Антоновны Нарышкиной, урожденной Четвертинской, Потоцкихъ и княгини Кудашевой.

имъ обоимъ производимо было по крайней мѣрѣ по 400 р. въ годъ, подобно тому, какъ получаютъ протестантскіе пасторы. Въ случаѣ же, если сего нельзя сдѣлать, или если и еще одинъ изъ іозефтальскихъ миссіонеровъ помретъ, то онъ, Березовскій, проситъ избавить ихъ общество отъ посылки впредь туда патеровъ, принявъ мѣры къ доставленію на будущее время въ оную колонію патеровъ изъ другихъ орденовъ ([1]). Кочубей какъ ни былъ преданъ интересамъ іезуитовъ, на этотъ разъ разошелся во мнѣніи съ іезуитскимъ генераломъ: безстыдство и нахальство Березовскаго, думавшаго застращивать правительство русское угрозами—отозвать іезуитовъ изъ Крыма, и похвалявшагося тѣмъ, что онъ обязываетъ русское правительство и приноситъ даже жертву, посылая въ Крымъ іезуитовъ, возмутили министра, и онъ далъ почувствовать Березовскому, что онъ хорошо понимаетъ іезуитскаго генерала и непозволитъ ему водить себя за носъ, а напротивъ если захочетъ, то дастъ ему почувствовать свою силу и посмѣется его безсильнымъ угрозамъ. Представляя записку Березовскаго Государю, Кочубей въ докладѣ своемъ проводилъ такія мысли: «принявъ въ уваженіе, что лютеранскій пасторъ въ тѣхъ колоніяхъ исправляетъ одинъ всѣ требы по своему званію; что ему опредѣлено жалованья болѣ 100 рублями потому, что онъ женатъ, и конечно быть можетъ обремененъ семействомъ, католическій же патеръ есть человѣкъ одинокій, и что по сей причинѣ и въ Саратовскихъ колоніяхъ католическіе патеры, кои такъ же іезуиты, получаютъ жалованья 100 рублями меньше протестантскихъ пасторовъ, я ненахожу нужды какъ въ двухъ патерахъ въ одесскихъ колоніяхъ, такъ и въ увеличеніи издер-

([1]) Собр. Зак. г. 1808, № 22.935.

жекъ казенныхъ на ихъ содержаніе, кромѣ только выдачи прогоновъ, если на мѣсто умершаго отправлять отсюда должно; буде же орденъ захочетъ отозвать одного и опредѣлить па мѣсто его другого, въ такомъ случаѣ казна необязана отвѣчать ни за какія издержки. Предварительно однако жъ потребовалъ я на сіе мнѣнія херсонскаго военнаго губернатора, дюка Ришелье, который увѣдомляетъ меня, что одинъ патеръ весьма успѣвать можетъ, и что довольно, если къ нынѣшнему жалованью (300) прибавить еще 100. Что касается до прогоновъ, то онъ согласенъ съ мнѣніемъ моимъ ([1])». Государь рѣшительно отказалъ въ прибавкѣ жалованья одесскимъ іезуитамъ, т. е. утвердилъ мнѣніе Кочубея.

Іезуитскій генералъ былъ разсерженъ такимъ исходомъ дѣла, а особенно былъ золъ на Кочубея, который до сихъ поръ былъ такъ обязательно внимателенъ къ интересамъ іезуитскаго ордена, а теперь отворотился отъ общества Лойолы и такъ немилостиво обращается съ нимъ. Березовскій какъ бы оставилъ безъ вниманія нанесенную ему министромъ обиду и отказался отъ своихъ прежнихъ мыслей касательно іезуитскихъ миссій въ Крыму. Между тѣмъ историческіе документы выводятъ наружу и возводятъ на степень непререкаемой достовѣрности и несомнѣнности тотъ фактъ, что подъ покровомъ внѣшняго спокойствія и наружнаго равнодушія кипѣла внутренняя дѣятельность въ высшихъ іезуитскихъ сферахъ. Главные двигатели въ этой работѣ были: градоначальникъ одесскій Ришелье ([2]), эмигрантъ французскій, воспитанникъ и другъ

([1]) Тамъ же.

([2]) Наши бояре не такъ-то благосклонно смотрѣли на Ришелье и завидовали ему, какъ видно изъ отзыва Растопчина, который всячески ума-

іезуитовъ, извѣстный уже намъ аббатъ Николь и генералъ іезуитскій Березовскій. Дѣло велось чисто по іезуитски—издалека, съ тайными подкопами подъ другихъ, съ закрытіемъ тѣхъ лицъ, которыя были болѣе всѣхъ заинтересованы въ немъ и болѣе всѣхъ работали тутъ. Въ 1810-мъ г. Ришелье прислалъ къ покровителю іезуитовъ князю Голицыну письмо такого рода, что «въ Одессѣ стеченіемъ разныхъ иностранныхъ народовъ составилось значительное количество содержащихъ римско-католическое исповѣданіе, отъ чего произошла необходимая надобность имѣть нѣсколько священниковъ, знающихъ языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій и польскій, какъ при одесской церкви, такъ и по колоніямъ, въ разныхъ мѣстахъ распространеннымъ; что, по причинѣ недостаточныхъ средствъ къ содержанію бѣлаго духовенства, орденъ капуциновъ, яко питающихся подаяніемъ, всегда признаваемъ былъ къ исправленію мірскихъ требъ способнѣйшимъ. Но какъ, по дошедшимъ сюда свѣдѣніямъ, монахи ордена сего, въ Россіи находящіеся, незнаютъ другихъ языковъ, кромѣ польскаго и латинскаго, въ Тироли же и Баваріи монашескіе ордены, въ томъ числѣ и капуцинской, уничтожены, почему и монахи остались безъ мѣстъ,—полагая, что между ними есть

лялъ достоинство и способности его. «Il faut réellement que nous soyons bien pauvres, писалъ Растопчинъ Циціанову, en hommes capables, puisqu'on donne à Richelieu une place pour laquelle toi seul serait convenable. J'ai connu beaucoup de Français de tout âge, de toutes races, de toutes espèces, mais pas un n'est bon pour une chose serieuse, par ce qu'il reste toujours Français et fait tout à la française, c'est-à-dire sans l'ombre du bon sens». Materiaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Theodore Rastoptchine rassemblés par son fils, pag. 501; такъ же Чтен. Общ. И. и Др. 1869-й г. кн. 2 статья Долгорукова «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810-го года», стр. 161.

и такіе, кои знаютъ языки: итальянскій, нѣмецкій и французскій, прошу выписать ихъ оттуда человѣкъ до 8-ми, изъ коихъ одни помѣстятся въ Одессѣ, другіе по колоніямъ, а иные отправлены будутъ въ монастыри, съ тѣмъ, чтобъ могли быть употреблены по прочимъ мѣстамъ, гдѣ встрѣтится въ нихъ нужда (1).

Голицынъ дѣятельно принялся хлопотать о выпискѣ Капуциновъ для одесскихъ колоній, и самой Одессы: онъ вошелъ въ переписку по этому дѣлу съ графомъ Румянцовымъ, митрополитомъ Сестренцевичемъ. Митрополитъ мало обнадеживалъ Голицына въ пріисканіи внутри Россіи лицъ латинскаго духовенства, могшихъ удовлетворить требованіямъ, изложеннымъ въ письмѣ дюка Ришелье къ князю Голицыну. «Хотя бы, писалъ Сестренцевичъ оберъ-прокурору св. Синода, въ нѣкоторыхъ монашескихъ орденахъ, въ Россіи пребывающихъ, и была возможность найдти небольшое число монаховъ съ требуемыми знаніями, но они обыкновенно употребляются къ преподаванію наукъ, а потому и нельзя ихъ отвлечь отъ исполненія сихъ обязанностей, а небудетъ ли разсуждено, заключалъ митрополитъ свое письмо, поручить херсонскому военному губернатору, по удобности получить отъ иностранцевъ, находящихся во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, нужныя свѣдѣнія объ иностранныхъ духовныхъ, достойныхъ и надежныхъ къ отправленію здѣсь должности, чтобъ онъ выписалъ таковыхъ священниковъ съ надлежащимъ условіемъ въ разсужденіи содержанія и путевыхъ ихъ издержекъ, по согласію съ прихожанами одесской церкви. Что же касается до колоній, то потреб-

(1) Въ арх. М. И. Д. г. 1810, № 2-й, Дѣло о пріисканіи за границею священниковъ ордена капуцинскаго для одесской рим. кат. церкви и для колоній.

ныя для выписки священниковъ издержки можно распорядить на такомъ основаніи, какъ учинено было въ 1762-мъ г. для колонистовъ евангелическаго исповѣданія. А когда они пріѣдутъ и учинятъ присягу на вѣрность и подданическое повиновеніе, на время ихъ въ Россіи пребыванія, тогда снабдены будутъ и дозволеніемъ исправлять мірскія требы» (1).

Румянцовъ сдѣлалъ особый докладъ Государю о представленіи Голицына. На докладѣ Румянцова Императоръ приказалъ ему снестись по этому предмету съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ и поручить ему выборъ и приглашеніе духовныхъ изъ капуцыновъ—въ Одессу и крымскія колоніи. Бывшій тогда въ Вѣнѣ нашимъ посланникомъ графъ Штакельбергъ повелъ переговоры по этому случаю съ папскимъ нунціемъ Североли и вѣнскимъ архіепископомъ Гогенвартомъ. Результаты всѣхъ этихъ переговоровъ были почти совершенно отрицательные и необѣщали никакого успѣха дѣлу. «Осуществленіе вашихъ приказаній, отвѣчалъ Штакельбергъ Румянцову, если несовсѣмъ неисполнимо, то всячески встрѣтитъ огромныя затрудненія, особенно въ требованіи осторожности въ выборѣ лицъ. Я входилъ въ переговоры по этому дѣлу съ папскимъ нунціемъ графомъ Североли и архіепископомъ вѣнскимъ Гогенвартомъ. Выраженія, въ которыхъ изъясняли свои мысли объ этомъ предметѣ оба эти почтенныя лица, не позволяютъ мнѣ почти надѣяться достигнуть желанной цѣли. Они единогласно говорятъ, что рѣдкость лицъ, посвящающихъ себя духовному званію вообще и монашескому въ особенности, увеличивается съ каждымъ днемъ въ такихъ размѣрахъ, которымъ трудно предвидѣть границы, и потому бѣдность въ

(1) Тамъ же.

духовныхъ лицахъ такъ велика, что множество мѣстъ остается праздныхъ. Впрочемъ они употребятъ всѣ возможныя съ ихъ стороны усилія для удовлетворенія моей просьбы (¹)».

Если депеша Штакельберга подавала мало надежды на прінсканіе за границею капуциновъ для Одессы и крымскихъ колоній, то письмо папскаго нунція въ Вѣнѣ къ графу Румянцову разбивало въ конецъ всякую надежду на успѣхъ этого дѣла. Письмо нунція къ Румянцову начиналось выдержкою изъ письма секретаря конгрегаціи де-ля Пропаганда къ нунцію о капуцинахъ, которые требовались для Одессы. «Миссія одесская, писалъ секратарь пропаганды нунцію, снабжалась отцами реформованными миноритами изъ Константинополя, которыхъ начальникъ имѣлъ обычай посылать туда миссіонеровъ. Извѣстно также, что тамъ теперь нѣтъ ни одного минорита. Нѣтъ никакой возможности заставить прибыть сюда капуциновъ изъ римской области, особенно по случаю затрудненія въ полученіи паспортовъ. Если вы имѣете хорошихъ капуциновъ въ другихъ провинціяхъ, то посылайте ихъ, по соглашеніи вашемъ съ дворомъ (требующимъ ихъ), снабдивъ ихъ тѣми же самыми полномочіями, какія обыкновенно давались префектамъ миссій въ Константинополѣ.» Далѣе нунцій самъ отъ себя прибавлялъ въ письмѣ къ Румянцову такое извѣщеніе, что онъ, для успѣха въ предпринимаемомъ русскимъ правительствомъ дѣлѣ, обратилъ свои поиски въ другую сторону, а именно: онъ можетъ требуемыхъ 8-мъ человѣкъ духовныхъ для Одессы и ея колоній представить изъ членовъ іезуитскаго общества, и что онъ можетъ рекомендовать ихъ и ру-

(¹) См. вышеприведенное дѣло о прінсканіи за границею священниковъ ордена капуциновъ.

чаться нетолько за ихъ знаніе языковъ, но и за ихъ разумное поведеніе. Прошу это мое предложеніе представить Императорскому двору. Если же мы найдемъ капуциновъ, тогда вы должны смотрѣть на мое предложеніе, какъ бы на небывшее никогда ([1]).

Такимъ образомъ всѣ поиски наши за границею и вся погоня наша за капуцинами оказались безуспѣшными и въ концѣ всѣхъ концовъ пришлось нашему правительству выслушать отъ папскаго нунція въ Вѣнѣ предложеніе—взять въ Одессу и ея колоніи вмѣсто капуциновъ іезуитовъ. Предложеніе было сдѣлано лицемъ, находившимся въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ іезуитскимъ генераломъ и другомъ іезуитовъ ([2]), слѣдовательно нельзя пропускать этого обстоятельства безъ вниманія. Въ тоже время стали совершаться въ Крыму съ францисканами и кармами явленія, которыхъ прежде не было, или они проходили, невозбуждая къ себѣ вниманія Правительства, а теперь дошли до свѣдѣнія самого Государя и были поставлены на одну доску чуть не съ государственными преступленіями. Дѣло заключалось въ томъ, что нѣкоторые изъ служащихъ въ Крыму духовныхъ францисканскаго и кармскаго орденовъ стали домогаться получать отъ иностранныхъ дворовъ пенсіи въ видѣ пособія на свое содержаніе и въ вознагражденіе за услуги, оказанныя ими подданнымъ этихъ дворовъ. Такаго рода поступки латинскаго духовенства были и прежде, проявлялись и послѣ, но необращали на себя строгаго вниманія нашего правительства; оно смотрѣло на нихъ сквозь пальцы; но теперь, благодаря усердію къ русскимъ интересамъ и достоинству Россіи друга іезуитовъ, герцога Рише-

([1]) См. вышеприведенное дѣло о пріисканіи священниковъ за границею.
([2]) Внутр. переп. іезуит., IV тетрадь.

лье, обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ Императору и найдено, если не прямымъ преступленіемъ, достойнымъ наказанія, то покрайней мѣрѣ заслуживающимъ предупрежденія со стороны правительства. Кочубей написалъ Ришелье, чтобы онъ сдѣлалъ этимъ священникамъ внушеніе, но отъ себя, и необъясняя имъ, что онъ получилъ предписаніе на это свыше, а долженъ отъ своего лица объявить имъ, что, зная о таковомъ ихъ домогательствѣ, онъ считаетъ нужнымъ предупредить ихъ, что такія жалованья отъ иностранныхъ дворовъ не могутъ быть дозволены, и что ежели они примутъ и будутъ получать оное отъ какого бы иностраннаго правительства ни было, то онъ будетъ принужденъ удалить ихъ отъ мѣстъ, ими занимаемыхъ, и замѣнить другими (1). »Это было уже такое предостереженіе, за которымъ должно слѣдовать совершенное прекращеніе дѣятельности францисканъ и кармовъ въ Крыму. Дѣйствительно дни пребыванія этихъ духовныхъ въ Крыму были уже сочтены; при всей безукоризненности своего поведенія, они не избѣжали бы грозы; потому что въ умѣ Ришелье предрѣшено уже было поселить іезуитовъ въ Крыму вмѣсто францискановъ и кармовъ, а іезуитовъ нужно было вызвать въ Крымъ, сколько для усиленія іезуитскаго элемента въ Одессѣ и для достиженія предположенныхъ Ришелье и іезуитомъ Де-Волсеемъ цѣлей, столько же для того, чтобы найдти благовидный предлогъ вызвать въ Одессу іезуита аббата Николя—друга Ришелье и Волсея,—друга, безъ котораго имъ нельзя было осуществить въ такой полнотѣ и широтѣ, въ какихъ нужно было, своихъ замысловъ.

(1) Гл. арх. М. И. Д. Карт. 11—19, 1810, № 1-й, «О домогательствѣ католическихъ священниковъ въ Одессѣ получать пенсіи отъ иностранныхъ дворовъ».

Въ описываемый нами періодъ времени другъ Ришелье, извѣстный подъ именемъ аббата Николя, находился безъ дѣла и скучалъ отъ бездѣйствія, проживая въ подмосковномъ помѣстьѣ княгини Голицыной, фанатической и самой бѣшеной почитательницы іезуитовъ и отступницы отъ православія. Знаменитый пансіонъ его въ Петербургѣ пересталъ существовать, вслѣдствіе обнаружившейся между воспитанниками его какой-то повальной болѣзни, наведшей страхъ на дѣтей и родителей ихъ и заставившей совершенно опустить пансіонъ ([1]). На Николя эта болѣзнь сдѣлала также сильное впечатлѣніе и весьма невыгодно повліяла на его карманъ. Къ этимъ бѣдамъ присоединилось еще новое горе для Николя: другъ его и правая рука по пансіону и такой же іезуитъ, какъ и онъ самъ, аббатъ Сeптавò (Septavaux) умеръ въ это время ([2]). Всѣ эти несчастія такъ мрачно отозвались въ душѣ Николя, что онъ оставилъ Петербургъ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ ждали его ласки и утѣшенія латинскихъ прозелитокъ изъ русскихъ барынь. Но и патріархальная и гостепріимная Москва казалась слишкомъ шумною и веселою для пораженнаго горемъ и хандрившаго аббата: онъ и здѣсь скучалъ среди преданныхъ ему сердецъ. Ришелье, внимательно слѣдившій за всѣми перипетіями жизни своего друга, ведшій съ нимъ самую оживленную переписку и знавшій изъ нея все душевное состояніе Николя, принималъ живое участіе въ его

([1]) Ни самъ Николь, ни біографъ его Фрапà, ни другіе писатели, не говорятъ ни слова о томъ, какая повальная болѣзнь разогнала всѣхъ пансіонеровъ аббата Николя и опустошила заведеніе его (Vie de l'abbé Nicolle vicaire géneral et chanoine honorable de Paris, ancien directeur de l'academie, par l'abbé Frappaz, chanoine honorable d'Agen du clergé de Paris, 1857, pag. 24).

([2]) Тамъ же, pag. 33.

судьбѣ и старался облегчить тяжелое его состояніе души. Ришелье не только хотѣлъ разсѣять мрачное расположеніе духа своего друга, помѣстивши его вмѣстѣ съ собою, приблизивши его непосредственно къ себѣ, но и вызвавъ его къ обычной его дѣятельности, направить его къ прежнимъ его любимымъ педагогическимъ занятіямъ, среди которыхъ бы онъ могъ увлечься до самозабвенія, до совершеннаго обновленія своей души.

Другъ аббата Николя при этомъ дѣйствовалъ съ величайшею деликатностію и съ крайнею предосторожностію, чтобы нетолько неоскорбить какимъ бы то нибыло образомъ возбужденное и сдѣлавшееся раздражительнымъ отъ несчастія самолюбіе извѣстнаго педагога, и нетолько не нанести удара его гордости и сознанію собственнаго своего достоинства поставленіемъ его въ положеніе, напоминающее какую либо его зависимость отъ кого либо, но и возвысить и оживить въ немъ всѣ эти чувства до самой недосягаемой степени, выдумавъ и образовавъ для него положеніе не только совершенно независимое, но и необыкновенное и небывалое. Обстоятельства и сами собою такъ сложились, и люди своимъ умомъ и своею волею такъ сформировали и направили ихъ, что іезуитское дѣло въ Крыму шло быстро и имѣло всѣ шансы на успѣхъ. Поиски наши за заграничными капуцинами, какъ мы видѣли, кончились ничѣмъ; папскій нунцій въ Вѣнѣ, неподавая нашему правительству почти никакой надежды въ отысканіи капуциновъ, съ увѣренностію и ручательствомъ въ успѣхѣ предлагаетъ ему іезуитовъ. Въ предложеніи слышится прямое указаніе и ясный намекъ, что русскому правительству нѣтъ нужды искать вдалекѣ, за границею, духовныхъ, когда у него находятся подъ руками іезуиты. Тѣ, до которыхъ касалось ближе всѣхъ это дѣло, поняли этотъ на-

мекъ и начали дѣйствовать. Iезуитскiй генералъ, который такъ недавно клялся небомъ и землею, что у него нѣтъ въ орденѣ достаточнаго количества лицъ для Крыма, и что климатъ крымскiй такъ смертоносенъ для iезуитовъ, что въ 4 года убилъ 3-хъ iезуитовъ, и что жалованья мало даетъ правительство iезуитамъ, теперь незаикаясь, съ необыкновеннымъ усердiемъ предлагаетъ правительству для Крымскихъ колонiй столько членовъ изъ своего общества, сколько понадобится для правительства. Ришелье, какъ бы стыдясь за свою прежнюю недальновидность и раскаяваясь въ своей прежней простотѣ, спѣшитъ теперь скорѣе поправить свою ошибку и воспользоваться сокровищемъ, котораго онъ не оцѣнилъ по достоинству, и хлопочетъ изо всѣхъ силъ предъ Голицынымъ о вызовѣ iезуитовъ въ Крымъ. Немного нужно прозорливости, чтобы замѣтить, что пѣвчiе этого концерта давно спѣлись между собою и издавали звуки по извѣстному камертону. Только Голицынъ не имѣлъ способности понять и оцѣнить по достоинству этой интриги. По своему обычаю оберъ-прокуроръ св. синода игралъ здѣсь какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, забавную роль кошки, вытаскивающей каштаны для обезьянъ. Осажденный письмами Ришелье, въ которыхъ французскiй дюкъ видѣлъ спасенiе и счастiе ввѣреннаго ему края только въ опекѣ и просвѣтительной дѣятельности оббата Николя и iезуитовъ ([1]), Голицынъ вошелъ къ Импера-

([1]) Вотъ что писалъ Ришелье Голицыну на счетъ Николя и его особенныхъ полномочiй: «Desirant fixer l'abbé Nicolle dans ces contrées, je voudrais bien, mon prince, que vous voulussiez nous le renvoyer promptement comme visiteur et directeur des églises catholiques de la Nouvelle Russie, où il y en a un assez grand nombre; il serait à desirer qu'il eût des pouvoirs très-étendus, afin de pouvoir faire quelque bien sans être obligé

тору Александру съ докладомъ, чтобы онъ приказалъ потребное число монаховъ для Одессы и для колоній избрать изъ ордена іезуитскаго, въ Россіи обитающаго. Государь утвердилъ докладъ Голицына (1). Такъ какъ главный и господствующій элементъ одесскихъ колоній состоялъ изъ племени германскаго (2), то, само собою разумѣется, и

de récourir perpetuellement à l'archevêque, ce qui entraverait tout et mettrait un grand rétard dans tout ce qu'on voudrait faire de bon. J'espère, mon prince, que vous voudrez bien m'accorder cette grâce; je ne vous cacherai pas que j'attache un grand prix à fixer ici l'abbé Nicolle: independamment de tout le bien qu'il peut faire, il serait bien doux pour moi de me réunir à un ancien camarade d'études, auquel je suis sincerement attaché». (Catholicisme Romain en Russie, tom. II, pag. 171, примѣч. 1-е).

(1) Голицынъ такъ извѣщалъ Румянцова о результатѣ своего доклада Государю касательно водворенія іезуитовъ въ Крыму: «Милостивѣйшій государь графъ Николай Петровичъ! Отзывы папскаго въ Вѣнѣ нунція и россійскаго посланника, кои Ваше Сіятельство препроводить ко мнѣ изволили, при отношеніи отъ 15 минувшаго мая, касательно пріисканія за границею капуциновъ, требованныхъ въ Одессу и для колоній, я имѣлъ счастіе доводить до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. По причинѣ затрудненія, встрѣтившагося въ пріисканіи капуцинскихъ монаховъ, и по объясненію какъ военнаго херсонскаго губернатора, что въ такомъ случаѣ съ пользою могутъ быть употреблены іезуиты, такъ и генерала іезуитскаго ордена, что способные къ тому люди между ими въ Россіи отысканы быть могутъ, — Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, потребное число монаховъ для Одессы и для колоній избрать изъ ордена іезуитскаго, въ Россіи обитающаго. Такъ какъ теперь уже нѣтъ надобности приглашать изъ-заграницы іезуитовъ, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, извѣстить о семъ россійскаго въ Вѣнѣ посланника.» (См. нѣсколько разъ указанное нами дѣло о пріисканіи за границею священниковъ ордена капуциновъ).

(2) Долгорукой въ своемъ путешествіи въ Одессу и Кіевъ 1810 года говоритъ: «на вопросъ: давно ли и на какомъ основаніи колоніи вокругъ Одессы населены? Хотя я не могу дать очень удовлетворительнаго отвѣта отъ многихъ причинъ, однако не могу же чего нибудь не сказать самымъ

выборъ духовныхъ лицъ изъ іезуитскаго ордена главнымъ образомъ долженъ быть сдѣланъ изъ нѣмецкой народности. Этимъ дѣломъ по преимуществу долженъ былъ озаботиться іезуитскій генералъ. Что же касается до аббата Николя, то Ришелье и Голицынъ всею тяжестію своего вліянія налегли на митрополита Сестренцевича, чтобы онъ далъ аббату самыя обширныя полномочія. Митрополитъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, согласиться на требованіе Голицына и Ришелье: онъ произвелъ Николя въ кіевскіе каноники (1), должность почетную и выгодную въ матеріальномъ отношеніи, утвердилъ его визитаторомъ латинскихъ церквей южной Россіи съ жалованьемъ въ 3.000 рублей и съ такими правами и преимуществами, которыя дѣлали его совершенно независимымъ отъ власти епархіальной и какимъ-то автокефальнымъ (2), а въ тоже время покрывали

поверхностнымъ образомъ. Вотъ, какъ я слышалъ, ихъ коренное постановленіе. Вывезено до 16 тысячъ семей лютеранскаго и римскаго исповѣданія изъ всей Германіи и Эльзаса. При водвореніи ихъ въ нашихъ степяхъ, давать имъ предназначено по 60 десятинъ земли и по 355 рублей деньгами на постройку хатъ, покупку рогатаго скота и сбруи, со льготой на 10 лѣтъ, т. е. съ свободой отъ всякой подушной повинности.» (Чт. Об. И. и Др. 1869 года, кн. 2-я, статья «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 года»).

(1) См. имѣющуюся у меня рукопись «Списокъ священникамъ, коихъ митрополитъ Сестренцевичъ произвелъ въ кіевскіе каноники»; также «Vie de l'abbé Nicolle», pag. 65, и въ Глав. Арх. М. И. Д. дѣло 1831 г. № 13141-й.

(2) Въ арх. Рим. Кат. коллегіи дѣло подъ № 288-мъ «копія предписанія Г. митрополита къ настоятелю Одесской церкви Витри о визитаторѣ Николѣ, съ препровожденіемъ разрѣшенія для Одесскихъ прихожанъ». Redibit Odessam, писалъ Сестренцевичъ къ Витри, R. D. Canonicus Kijoviensis Nicole, creatus a me Visitator propter regendas Ecclesias in Chersonensi, Ecatharinoslaviensi et Taurica praefecturis. Потомъ излагаются тѣ полномочія, которыя дарованы были митрополитомъ Николю. Вотъ

непроницаемымъ мракомъ всѣ его личныя дѣйствія и сподручнаго ему сборища.

они: 1) D'absoudre les fideles dans tous cas réservés à la chaire apostolique et dans ceux qui sont désignés dans la bulle *Caena Domini*. 2) Celui de dispenser des voeux simples ou de les commuer en d'autres oeuvres pieux, même celui de chasteté, mais non celui d'entrer en religion. 3) Celui de dispenser dans le for interieur de l'irregularité provenant d'un délit occulte non introduit au for contentieux, mais non cependant de l'homicide volontaire ou de la bigamie. 4) Celui de dispenser des empêchements matrimoniaux de consanguinité et d'affinité aux troisième et quatrième degrés simple ou mixte, pourvu que ce ne soit pas le second, si ce n'est pour le sexe. 5) Celui de dispenser de l'empêchement d'adultère, toutefois à l'instigation ni de l'un, ni de l'autre des époux, et de rendre le droit perdu de démandes le droit matrimonial. 6) Celui d'accorder l'indulgence plenière à tous les fideles *in articulo mortis*, qui ont le coeur contrit, s'ils ne sont pas en état de se confesser. 7) Celuide bènir, sans publication prèalable, des banns, et en temps prohibé, les mariages qui sont reconnus légaux et si aucun empêchement spirituel ne se decouvre, pour éviter le scandale, avec le consentiment ou du moins après le rapport préalable du curé. 8) Celui d'autoriser la conclusion d'un mariage après la séconde publication des banns, en cas de necessité absolue et sans que la première et la troisième aient lieu. 9) Celui de permettre de se nourrir de viande, d'oeufs, de laitage durant les jours de jêune et le carême, tant aux ecclesiastiques pu'aux laïques. 10) Celui de celebrer la messe dans des maisons particulières, dans des endroits propres et convenables, sur un autel portatif. 11) Celui de bénir les habits sacerdotaux et les autres accessoires de la messe, pour lesquels l'onction n'est pas neccessaire, pour votre usage particulier et pour celui des prêtres habitant les gouvernements susmentionnés, qui n'ont point ce pouvoir. 12) Celui d'entendre la confession des fidèles repentants, selon la forme usitée dans l'église, et même de les absoudre de cas reservés après la promesse de se confesser au propre curé, lorsqu'on le pourra commodement. 13) Celui d'enterrer les corps des catholiques morts et de celebrer tous autres offices pour les catholiques de ces contrées lointaines, avec l'obligation toutefois d'informer les curés de tout acte accompli, s'il est impossible de le faire préalablement. 14) Celui de bènir solennellement les églises érigées ou à ériger dans ces contrées, mais non de les consacrer, puisque l'onction est necessaire dans ces dernières ceremonies; et de bènir les cimetières. 15) Celui de

Явившаяся въ Крымъ іезуитская колонія была немалочисленна и простиралась даже за дюжину людей: вмѣсто прежнихъ двухъ іезуитовъ, помѣщавшихся въ Іозефсталѣ и Клейнлибенталѣ, явилось теперь до 15-ти человѣкъ, занявшихъ чуть не всѣ замѣчательныя мѣстности Крыма, начиная съ колоній и кончая Одессою. Главнымъ начальникомъ или настоятелемъ всей іезуитской общины въ Крыму сдѣланъ былъ Эрверанжъ-Витри, бывшій командоръ мальтійскаго ордена и казначей, а теперь одинъ изъ жаркихъ послѣдователей Лойолы ([1]). Онъ основалъ свою резиденцію, какъ и слѣдовало, въ Одессѣ и былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Ришелье.

Въ этомъ случаѣ настоятель іезуитскихъ миссіонеровъ въ Крыму любовно уживался съ визитаторомъ латинскихъ

permettre d'entendre les confessions des fidèles aux prêtres qui auraient suffisament de dispositions à cet égard, et qui viendraient travailler dans le vigne du Seigneur, et non à des vagabonds, et leur accorder ces pouvoirs, soit en géneral, soit d'une manière determinée, selon l'urgence et tant que votre conscience le trouve utile. 16) D'installer ou d'établir des curés pour les églises et les paroisses qui peuvent se trouver dans ces contrées ou qui pourront y être érigées. Les présents seront valables pour trois ans. 1-er Iuin. 1811. (Catholicisme Romain en Russie, par Tolstoy, tom. II, pag. 449, Annexes, № 6).

([1]) L'Empereur, пишетъ де-Местръ, accorde aux R. R. P. P. Jésuites, en indemnisation du bel établissement de Dunabourg, une rente de 30,000 roubles pendant dix ans. Les missions de Siberie et des gouvernements de Crimée et d'Odessa leur ont été aussi confiées. Le chef à Odessa sera le père d'Erverange Witry, ci-devant commandeur de l'ordre de Malte, avec qui je suis parfaitement lié depuis le temps où il était ici trésorier de l'ordre, et qui depuis s'est fait jésuite. Il a été placé avec beaucoup de bon sens par le général à côté du duc de Richelieu. En tout cela il y a un grand et rémarquable changement d'opinions qui a une cause comme tout le reste». (Correspondance diplomatique Ioseph de Maistre 1811—1817, recueillie et publiée par Albert Blanc, tom. I, pag. 18).

церквей южной Россіи и не ревновалъ послѣдняго за особенное расположеніе къ нему герцога; равно и Николь не старался оспаривать любви Ришелье къ Витри и вредить послѣднему въ мнѣніи перваго. Община іезуитская въ Крыму расположилась на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были какіе нибудь слѣды пребыванія и присутствія латинскаго элемента и гдѣ предчувствовалась какая нибудь пожива для іезуитской пропаганды. Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ уже были намѣчены прежде; уже самое существованіе латинскихъ церквей въ извѣстныхъ мѣстностяхъ опредѣляло и условливало потребность существованія тутъ іезуитской стоянки или резиденціи. Такими пунктами можно почитать, кромѣ Одессы, Херсонъ, гдѣ латинская церковь существовала съ 1787 г. и сооружена была іезуитомъ Елизумомъ Шицъ, въ честь Спасителя,—Ямбургъ (колонія), въ 18 верстахъ отъ Екатеринославля, имѣвшій латинскую церковь еще въ 1794 г., Севериновку, помѣстье графа Северина Потоцкаго, гдѣ латинская церковь во имя Богородицы построена была въ 1800 году, и колонію Іозефсталь, гдѣ первая серія іезуитовъ, явившаяся въ Крыму въ царствованіе Александра I-го, подъ начальствомъ Лефлера, построила въ 1806 г. первую іезуитскую церковь ([1]).

([1]) Первая серія іезуитовъ, состоявшая спачала изъ Лефлера и Либа, а потомъ изъ Гишшовскаго и Осмоловскаго, помѣщалась по большей части въ Клейнлибенталѣ, или въ Іозефсталѣ. Вторая серія прибывшихъ въ Крымъ іезуитовъ построила церкви въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: 1) въ Зельтцѣ каменную, въ 1811-мъ г., въ честь Успенія Божіей Матери, съ каменнымъ домомъ для священника; 2) Филіальную, въ колоніи Маріенталь, во имя Рождества Богородицы, освященную въ 1819-мъ г. іезуитомъ Пирлингомъ; 3) въ колоніи Клейнлибенталѣ, каменную, освященную также въ 1819-мъ г. Пирлингомъ; 4) въ колоніи Раштадтъ камен-

Новые пункты для іезуитскихъ резиденцій указывались сами собою, именно: сосредоточеніемъ и скученностію народонаселенія латинскаго въ извѣстной мѣстности и видами на пропаганду. Такими мѣстами были болѣе населенныя и обширныя колоніи, служившія центромъ для другихъ. Руководясь такого рода соображеніями и отправляясь отъ такой точки зрѣнія, іезуитская колонія въ Крыму расположилась такимъ образомъ на свои стоянки: настоятель Витри, и при немъ три священника іезуита: Кофассо, Лыко, Брикманъ, и коадъюторъ Садовскій—въ Одессѣ; Андрей Пирлингъ въ колоніи Ляндау; Антоній Янъ и помощникъ его Оберлинъ — въ колоніи Іозефстальской; Франдискъ Гофманъ—въ Мангеймѣ; Коерверсъ и помощникъ его Окуличь—въ колоніи Раштадтъ; Раушъ и Мейлеманъ—въ Херсонѣ, наконецъ Фанъ-Монфортъ—въ колоніи Зельцъ ([1]). Размѣстившись такимъ способомъ, іезуитская

ную, освященную въ 1816-мъ году; 5) въ Таганрогѣ, каменную, въ честь Пресвятой Троицы, освященную въ 1812-мъ г. Кромѣ того, іезуиты старались умножать въ разныхъ мѣстахъ крымскаго полуострова каплицы, такъ что, спустя весьма немногаго времени послѣ появленія второй іезуитской серіи въ Крыму, всѣ стоянки іезуитскія уже имѣли у себя церкви. Іезуиты при этомъ случаѣ обращали вниманіе не на духовныя нужды прихожанъ, а имѣли въ виду лишь свои собственные интересы; а потому они вовсе не заняты были вопросомъ о томъ, что число іезуитовъ, простиравшееся до 15-ти человѣкъ, и количество латинскихъ церквей, восходящее до 10-ти, не пропорціальны и не соотвѣтствуютъ наличному составу прихожанъ, едва равняющемуся 6.000 человѣкъ (см. въ арх. Рим. Катол. Кол. «Визиты Римско-Катол. церк. Херсонской епархіи за 1850-й г. и Catholicisme Romain en Russie, par le comte Tolstoy, tom. II, pag. 172).

([1]) Catalogus personarum et officiorum Societatis Iesu in imperio Rossiaco, ann. 1814—1815, также Spisek Łacińskiego Duchowieństwa Mohilewskiey Archi-Dyecezyi, Roku 1808.

община зажила одною общею жизнію; въ ней царствовали миръ, любовь и какое-то довольство другъ другомъ. Николь такъ былъ доволенъ прибытіемъ іезуитовъ въ Крымъ и осуществленіемъ своихъ іезуитскихъ плановъ касательно Одессы и крымскихъ колоній, что даже колонистамъ навязалъ свои чувствованія и отъ лица ихъ выражалъ предъ Голицынымъ чувства признательности и благодарности за присылку іезуитовъ въ Одессу и крымскія колоніи [1].

Распредѣливъ каждому свойственныя ему роли, іезуитское воинство въ Крыму принялось за обычную свою работу. Эта работа по своему характеру ничѣмъ не отличалась отъ той дѣятельности, какою ознаменовали себя іезуиты въ саратовскихъ колоніяхъ, Ригѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи. Тѣже стремленія, какъ можно болѣе захватить въ свои руки мѣстъ и прихожанъ; тѣже попытки преступить начертанныя закономъ границы того района, въ которомъ допущена правительствомъ дѣятельность іезуитская; таже наглость и дерзость въ нарушеніи правъ господствующаго исповѣданія въ Имперіи, и наконецъ тотъ же фанатизмъ и ничѣмъ несдерживаемая страсть къ латинской пропагандѣ среди православнаго и другаго иновѣрнаго населенія. Отсюда мы видимъ, что іезуиты стараются построить какъ можно болѣе латинскихъ церквей въ крымскихъ колоніяхъ, такъ что почти въ каждой изъ нихъ, маломальски отличавшейся отъ другихъ народонаселенностію или централь-

(1) Аббатъ Николь писалъ благодарственное письмо къ Голицыну, гдѣ благодарилъ его такъ за присылку въ Крымъ іезуитовъ: «Les voeux des catholiques d'Odessa et des colonies catholiques allemandes répandues dans les trois gouvernements ont été comblés par l'envoi des huit missionnaires, dont l'arrivée a été regardée comme un des plus grands bienfaits de sa Majesté Imperiale». (Catholicisme Romain en Russie, tom. II, pag. 171, № 1, par Tolstoy).

ностію по отношенію къ другимъ, явились церкви, напр: въ Зельнезани, Маріенталѣ, Клейнлибенталѣ, Раштадтѣ, Францфельдѣ (Таганрогѣ) и колоніи Красной ([1]). Недовольствуясь этимъ, іезуиты заботятся съ необыкновеннымъ рвеніемъ о распространеніи церквей такъ называемыхъ филіальныхъ, каплицъ, ораторіумовъ и т. под. вещей; такъ явились каплицы въ колонистскихъ селеніяхъ: Шпаерѣ, Катариненталѣ, Карлсруе и Зульцѣ; такъ они приписали къ Севериновской церкви каплицу осиновскую, отстоящую отъ Севериновки въ 65-ти верстахъ ([2]). Наконецъ страсть ихъ къ захвату чужихъ церквей дошла до геркулесовскихъ столбовъ: они имѣли нахальство просить чрезъ аббата Николя самого Государя, чтобы имъ позволено было обратить православную симферопольскую церковь въ латинскую ([3]), на томъ основаніи, что латинская симферопольская церковь очень ветха и находится почти въ развалинахъ ([4]). Изъ Крыма іезуиты дѣлали разныя экскурсіи въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ у нихъ были хорошія знакомыя изъ совращенныхъ въ латинство изъ православія русскихъ дамъ и барышень, и гдѣ они находили себѣ уютное и гостепріимное гнѣздышко въ богатыхъ по-

([1]) См. въ арх. Римско-Катол. коллегіи визиты Римско-Католическихъ церквей Херсонской епархіи за 1850-й годъ, изъ нихъ видно, когда и кѣмъ построена была извѣстная церковъ въ Крыму, а также открывается что главнымъ образомъ іезуитамъ обязаны своимъ происхожденіемъ существующія до нашего времени латинскія церкви на Крымскомъ полуостровѣ; см. тамъ же дѣло подъ № 1436-мъ, г. 1808-й, по предложенію министра юстиціи Князя Лопухина о снабженіи строющейся въ Таганрогѣ католической церкви священниками и церковными снарядами.

([2]) Тѣже Визиты за 1850-й годъ.

([3]) Catholicisme Romain en Russie, par Tolstoy, tom. II, pag. 172.

([4]) См. Визиты Рим. Кат. цер. за 1850-й г. Въ 1842 г. латинская Симферопольская церковъ была вся въ развалинахъ.

мѣстьяхъ этихъ ренегатокъ (1), Кіевъ и Моздокъ. Послѣдній городъ почему-то сталъ предметомъ самыхъ пламенныхъ желаній іезуитскихъ. Еще настоятель іезуитской рижской общины Коинсъ осаждалъ съ нѣкотораго времени самыми докучливыми своими просьбами и письмами графиню Коссе, чтобы та чрезъ Паулуччи и другихъ вліятельныхъ лицъ хлопотала о поселеніи іезуитовъ въ Моздокъ (2). Близость къ этому городу саратовскихъ и астраханскихъ іезуитскихъ резиденцій естественно должна была привесть къ тому результату, какого добивались іезуиты, т. е. къ водворенію ихъ тамъ. Первая серія іезуитовъ, поселившихся въ Крыму, такъ же много помогла ускоренію этого дѣла. Уже въ 1808-мъ г. мы встрѣчаемъ появленіе іезуитовъ въ Моздокѣ и іезуитскую миссію, состоявшую изъ трехъ человѣкъ: суперіора миссіи Яна Войшилло, Эгидія Генри и лаика Игнатія Воронича (3). Теперь, съ умноженіемъ элемента іезуитскаго въ Крыму, сношенія между Одессою и Моздокомъ сдѣлались оживленнѣе и экскурсіи изъ одного города въ другой чаще (4).

(1) Внутр. Переп. Іезуит., № 55. Письма Макарта къ Билли, въ письмѣ, адресованномъ изъ Войтова, что въ Подольской губерніи, говорится слѣдующее: аббатъ Сюрюгъ далъ госпожѣ и дѣвицѣ Петровскимъ хорошее и надежное направленіе, съ котораго, надѣюсь, онѣ никогда несовратятся, и что онъ живетъ (здѣсь), вздыхая по Франціи.

(2) Тамъ же, 141-й №, письма Коинса къ графинѣ (Коссе) въ Ригѣ.

(3) Латинство въ Моздокѣ было еще при Екатеринѣ Великой. Метрическія книги примоздокской церкви ведутся съ 1764-то г., а въ 1766-мъ г. Императрица пожертвовала на всегдашнее владѣніе подъ моздокскій костелъ строеніе и огородъ, длиною въ 40, а шириною въ 30 саженъ (см. Визиты), также Spisek Łacińskiego Duchowienstwa Mohilewskiey Archi-Dyecezyi, roku 1808, стр. 33.

(4) Войшвилло былъ большой плутъ; у него многому могли поучиться и одесскіе іезуиты. Въ рапортахъ своихъ къ іезуитскому генералу Вой-

Но главнымъ центромъ ихъ дѣятельности была Одесса, гдѣ іезуиты непреминули въ первые же годы своего по-

шилло извѣщаетъ, что онъ привелъ многихъ плѣнныхъ къ латинской вѣрѣ, что онъ изгналъ дьяволовъ, которые безпокоили многихъ особъ и наполняли домы (Внутр. переп., № 206). Потомъ, описывая свои подвиги и товарища своего Генри, говоритъ, что они въ Моздокѣ тайно приманивали въ свою вѣру не только протестантовъ, но и русскихъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ апостольства были госпитали, гдѣ лежали представители всѣхъ вѣръ въ Европѣ и Азіи, начиная отъ магометанина до протестанта. Одинъ совращенный изъ подобныхъ лицъ дѣлался апостоломъ латинства для прочихъ больныхъ, окружавшихъ его. Конечно, въ описаніи подвиговъ своего апостольства Войшилло и Генри не жалѣютъ красокъ и преувеличиваютъ донельзя свои успѣхи, чтобы выставить себя предъ своимъ генераломъ и возвысить себя въ его глазахъ, такъ напр. Генри пишетъ, что одинъ русскій офицеръ, переодѣвшись въ солдатское платье, всячески его разсматривалъ въ продолженіи 8 дней и въ 8-й день, надѣвъ свой мундиръ, воскликнулъ при всѣхъ (ни съ того, ни съ сего, какъ говорятъ): «Слава Богу, я познаю теперь истинную вѣру!» Но не смотря на всѣ эти преувеличенія, нужно признаться, что эти два іезуита были одни изъ лучшихъ представителей своего ордена въ самомъ гнусномъ его видѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа Генри. «Русскихъ солдатъ, пишетъ іезуитъ, подговариваютъ писаря госпитальные, приводятъ ко мнѣ и увѣряютъ, что они поляки; я соглашаюсь, исповѣдую ихъ и, похоронивши, узнаю, что они русскіе; я объяснялся о томъ съ начальникомъ гарнизона, и онъ смѣялся этому; я писалъ объ этомъ генералу, который также смѣялся. Что дѣлать. Я неисповѣдывалъ бы ихъ знавши, кто они, но меня обманываютъ, а я неимѣю времени дѣлать дальнѣйшія изслѣдованія (чѣмъ отличается этотъ іезуитскій священникъ отъ самого безстыжаго мошенника и плута—предоставляемъ судить объ этомъ самимъ читателямъ). Притомъ попъ (т. е. православный русскій священникъ) боится (?!) приходить въ госпиталь, чтобъ незаразиться, или по какой иной причинѣ. Я дѣлаю, сколько можно, добра и потомъ скрываюсь (только дѣла тьмы и темные дѣлатели боятся свѣта и скрываются; значитъ, іезуитское добро имѣетъ нужду въ сокровенности). Опрометчивость моя мнѣ удается (?,. Моздокскіе іезуиты зависѣли отъ о. Сюрина, начальника астраханской миссіи. Этотъ Сюринъ часто пріѣзжалъ въ Моздокъ и подавалъ своимъ подчиненнымъ самый назидательный примѣръ для подражанія. Моздокскіе іезуиты были исполнены ка-

явленія открыть при церкви третье классное приходское училище, и гдѣ префектомъ сдѣланъ былъ Брикманъ, а учителями Садовскій и Лыко. Училище это съ первыхъ же годовъ такъ стало процвѣтать, что имѣло уже до 70 учениковъ (1). Этимъ однимъ неограничивалась дѣятельность іезуитская въ Одессѣ: заниматься однимъ приходскимъ училищемъ и только стѣнами его ограничить свою педагогическо - просвѣтительную дѣятельность, это было слишкомъ плебейски и слишкомъ недостойно такого великаго ордена, каковъ іезуитскій, ищущій всегда вліять на высшіе и богатые слои обществъ и презрительно или съ покровительственнымъ тономъ относящійся къ среднему и

кого-то благоговѣйнаго удивленія къ нему и съ воодушевленіемъ описываютъ его дѣйствія». Въ послѣднюю среду, пишутъ Войшилло и Генри, пріѣхалъ сюда (въ Моздокъ) старѣйшина отецъ Сюринъ; онъ отправился обратно по утру въ Четвергъ. Господь увѣнчалъ мужество, съ какимъ преодолѣлъ онъ препятствія, отдѣлявшія его отъ кавказской миссіи. Вся линія приняла его, офицеры давали праздники (?!) и оказывали ему почести. Онъ выслушалъ отъ 600—700 исповѣдей; число не кающихся несвыше 30, кои всѣ или франкъ-масоны, или раскольники. Онъ прекратилъ 24 наложничества, совершивъ законныя бракосочетанія; обратилъ одного дьякона, отступника отъ вѣры, крестилъ жида, обратилъ до 28 протестантовъ. Онъ болѣе сдѣлалъ въ 3 мѣсяца, чѣмъ мы въ 7 лѣтъ. (Внутр. переп., № 221-й). Этотъ Сюринъ, увлекаемый ревностію къ апостольству подъискивая вездѣ жертвъ для своей просвѣтительной дѣятельности, былъ въ Владикавказѣ, гдѣ нашелъ человѣка, съ которымъ было у него много родственнаго; это былъ владикавказскій комендантъ Дель-Поццо, итальянецъ родомъ и латинянинъ по вѣрѣ. Съ Владикавказа Сюринъ проникъ даже до Тифлиса. Но искусный ловецъ, кажется, напрасно расточалъ свое знаніе, трудъ и время; дневникъ его самымъ молчаніемъ много говоритъ о безуспѣшности проповѣди іезуита Miesięcznik Połocki, № V, стр 154.

(1) См? въ арх. М. Нар. Пр. дѣло подъ № 79-мъ «по рапорту ректора полоцкой іезуитской академіи, объ открытіи лекцій въ оной академіи, о состояніи оной и подвѣдомыхъ ей училищъ, съ 1813-го г. по 1820-й.

нисшему классу парода; однимъ словомъ, іезуитъ не можетъ обойдтисъ безъ того, чтобы неосновать благороднаго пансіона или конвикта, или неможетъ невтереться съ своими образовательными сокровищами въ заведеніе, спеціально назначенное для высшихъ или благородныхъ молодыхъ поколѣній. Въ Одессѣ съ 1804-го еще года одинъ французскій эмигрантъ и іезуитъ Де-Волсей въ такъ называемомъ короткомъ платьѣ завелъ частный пансіонъ для дѣтей благородныхъ и богатыхъ родителей. Подъ вліяніемъ и руководствомъ того же Волсея открытъ былъ и пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ какимъ-то итальянцемъ Поцци, женатымъ на русской. Эти два заведенія, по соображеніямъ іезуитовъ, могли обратиться въ рукахъ ихъ въ могущественный рычагъ, посредствомъ котораго они могли олатинить нѣсколько поколѣній въ южной Россіи; а потому необходимо было забрать эти заведенія въ свои руки, поставить ихъ подъ государственную гарантію, выхлопотать для нихъ особенныя права и преимущества. Ришелье въ это время пользовался огромною довѣренностію у Государя, и репутація его, какъ организатора и устроителя Одессы и южнаго края Россіи за нимъ была уже упрочена. Чрезъ него можно было достигнуть всего у русскаго правительства, а на Ришелье имѣлъ неотразимое вліяніе аббатъ Николь, котораго интимныя связи съ іезуитскимъ обществомъ не были тайною для крымскихъ іезуитовъ; слѣдовательно, дѣло о возведеніи заведенія Волсея въ учрежденіе, поставленное подъ особенное покровительство самаго правительства, непредставляло для іезуитовъ большихъ трудностей и нетребовало отъ нихъ слишкомъ напряженныхъ усилій. По внушенію Николя и по настоянію всей латинско-іезуитской эмиграціонной корпораціи, имѣвшей пріютъ въ Одессѣ, Ришелье дѣйствительно принялъ подъ свое

покровительство оба заведенія Волсея и Поцци, и съ этого времени началось и опредѣлилось спеціальное назначеніе этихъ заведеній—образованіе дѣтей высшаго класса общества и приготовленіе ихъ преимущественно для военной службы.

Соотвѣтственно спеціальному назначенію одесскаго пансіона онъ принялъ, по ходатайству Ришелье, официальное названіе одесскаго благороднаго института; за этимъ слѣдовало дарованіе ему новыхъ преимуществъ, а именно Высочайше повелѣно было военной коллегіи окончившихъ курсъ въ одесскомъ институтѣ принимать ихъ безъ экзамена на казенное содержаніе во 2-ой кадетскій корпусъ, а по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ представлять ихъ къ производству въ офицеры. Программа воспитанія въ благородномъ одесскомъ институтѣ была обширнѣе гимназической: въ послѣднихъ двухъ классахъ тутъ преподавались: философія, законовѣдѣніе, коммерческія и военныя науки. Но оно было недоступно, по дороговизнѣ платы, взимаемой съ воспитанниковъ, не только нисшимъ классамъ общества, но и среднимъ: каждый воспитанникъ обязанъ былъ ежегодно платить по 675 руб. въ годъ, да кромѣ того единовременно долженъ былъ внести 200 р. на книги, платье и бѣлье. Пансіонъ былъ совершенно іезуитскимъ конвиктомъ, въ родѣ полоцкаго, петербургскаго и другихъ и по своему внутреннему устройству, по дисциплинѣ, по характеру преподаванія предметовъ, носилъ всѣ слѣды замкнутаго іезуитскаго учрежденія. Официальнымъ директоромъ института былъ назначенъ Волсей; прибытіе въ Одессу аббата Николя и когорты іезуитской произвело то, что душею и главнымъ движителемъ заведенія и даже образованія юношества цѣлаго края южной. Россіи сталъ Николь и сподручное ему іезуитское одесское общество.

Ришелье, вѣрный іезуитскимъ традиціямъ по своему воспитанію, по своему происхожденію, вдохновляемый и возбуждаемый еще со внѣ внушеніями Николя, Витри и другихъ, убивалъ въ самомъ корнѣ всѣ попытки къ учрежденію въ Одессѣ публичныхъ и открытыхъ заведеній, особенно для среднихъ и нисшихъ классовъ общества. Напрасно совѣтъ Харьковскаго университета напрягалъ всѣ свои силы ослабить вліяніе іезуитской партіи, во главѣ которой стоялъ сильный Ришелье, всѣ попытки университета завести въ Одессѣ училище, болѣе доступное для всѣхъ классовъ общества и болѣе приспособленное къ мѣстнымъ потребностямъ края и города, напр. въ родѣ коммерческой гимназіи, сокрушались въ прахъ о неприступную, какъ скала, оппозицію Ришелье. Наконецъ Харьковскій университетъ увѣренъ былъ, что онъ одержалъ побѣду надъ Ришелье и отправилъ въ Одессу одного изъ своихъ профессоровъ, именно Дегурова, вооруженнаго особенной инструкціей отъ министра народнаго просвѣщенія, направленной къ преобразованію Одесскаго института и содержащей въ себѣ статью о подчиненіи его Харьковскому университету. Дегуровъ на мѣстѣ собственными своими глазами увидѣлъ, какъ сильна, смѣла и рѣшительна іезуитская оппозиція. Инструкція министерская оказалась напрасною: еще до пріѣзда Дегурова въ Одессу, Николь составилъ уставъ для обоихъ Одесскихъ благородныхъ институтовъ—мужскаго и женскаго, и іезуитская партія поспѣшила скорѣе отпечатать его подъ слѣдующимъ названіемъ: «Начертаніе правилъ воспитанія въ обоихъ одесскихъ благородныхъ институтахъ,» чтобы противупоставить министерскому проекту свой, какъ болѣе цѣлесообразный и обдуманный. Въ Николевскомъ проектѣ аристократическій и іезуитскій характеръ заведеній сохранился во всей

его неприкосновенной цѣлости: все воспитаніе направлено было только къ тому, чтобы образовать изъ воспитанниковъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, а потому вниманіе воспитателей главнымъ образомъ устремлено было на преподаваніе наукъ военныхъ: артиллеріи, фортификаціи, механики. Преподаваніе шло по большей части на французскомъ языкѣ, да неизвѣстно почему, воспитанниковъ очень долго держали на латыни. Заведеніе было совершенно закрытое, и воспитанникъ долженъ былъ пробыть 8 лѣтъ въ стѣнахъ его, совершенно разобщенный со всѣмъ остальнымъ міромъ, даже воспитанники разныхъ класовъ несообщались между собою, и каждый классъ занимался и обѣдалъ въ особыхъ залахъ и гулялъ въ особыхъ отдѣленіяхъ сада. Дегуровъ не могъ измѣнить Николевскаго проекта, а только могъ кое-какими усиліями выхлопотать, чтобы тѣ же предметы, какіе преподаются въ институтѣ, были допущены и во вновь открытой Коммерческой Одесской гимназіи, и чтобы статистика, коммерческая бухгалтерія и преподаваніе вмѣсто древнихъ языковъ новогреческаго и итальянскаго, введены были въ благородномъ институтѣ. Гнетъ со стороны Харьковскаго университета на Николя и его партію непрекращался; положеніе дѣла іезуитскаго въ Одессѣ могло ухудшиться и испортить всѣ іезуитскіе замыслы не только въ будущемъ, но и въ ихъ прошедшемъ уже осуществившемся, тѣмъ болѣе, что сильный покровитель іезуитовъ Ришелье оставилъ постъ Одесскаго градоначальника и уѣхалъ въ Парижъ, куда призвалъ его Людовикъ XVIII на должность перваго министра Франціи. Ланжеронъ, заступившій мѣсто Ришелье, былъ также преданъ интересамъ латинства и іезуитства, но онъ былъ далеко не такъ могучъ, какъ Ришелье; прямая, открытая и такая смѣлая оппозиція университету и министерству народ-

наго просвѣщенія, какую можно было держать при Ришелье, теперь стала если не совсѣмъ возможна, то весьма опасна и рискованна, нужно было измѣнить тактику дѣйствій; нужно показать наружное подчиненіе требованіямъ министерства, но на самомъ дѣлѣ удержать свои старые порядки; даже можно простирать свою покорность начальству до того, что предупредить исполненіемъ его желанія, забѣжать, такъ сказать, впередъ его видамъ; благо такъ кстати подвернулся къ этому благопріятный случай. Ланжеронъ, по воспитанію и по направленію раздѣлялъ взгляды и убѣжденія Ришелье касательно публичныхъ училищъ, а потому Николю легко было посвятить его въ свои идеи и планы. Нужно было какъ нибудь и чѣмъ нибудь утишить бурю, поднявшуюся со стороны министерства и Харьковскаго университета на институтъ; нужно было формальною и внѣшнею стороною поставить его подъ номинальную зависимость отъ университета, чтобы сохранить неизмѣнными и неприкосновенными все внутреннее его устройство, его духъ и направленіе, а внутреннее его управленіе совершенно передать въ руки іезуитской партіи и еще сильнѣе сплотить власть надъ заведеніемъ въ рукахъ Николя. Аббатъ подсказалъ Ланжерону, что въ память заслугъ герцога Ришелье не худо бы было благородный Одесскій институтъ обратить въ лицей и назвать его ришельевскимъ; тутъ же готовъ ужъ былъ у Николя и уставъ новаго лицея. Ходатайство Ланжерона увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; уставъ Николя принятъ былъ министерствомъ безъ всякихъ возраженій, какъ знакъ великодушной уступки со стороны его требованіямъ министерства; великодушный творецъ лицейскаго устава назначенъ былъ и директоромъ лицея.

Ришельевскій лицей наслѣдовалъ духъ и характеръ бывшаго благороднаго института. Учебная и нравственная

часть заведенія была безконтрольна въ рукахъ Николя. Характеръ замкнутости преобладалъ въ лицеѣ. При лицеѣ былъ пансіонъ въ родѣ іезуитскаго конвикта; воспитанники раздѣлялись на пансіонеровъ и вольноприходящихъ, или, выражаясь іезуитскимъ языкомъ, на внутреннихъ и внѣшнихъ. Все попеченіе лицейскаго начальства было устремлено на пансіонеровъ, а на вольноприходящихъ, или на внѣшнихъ, какъ доносилъ профессоръ Харьковскаго университета Джунковскій, ревизовавшій лицей, не обращалось директоромъ должнаго вниманія. Намѣренно самыми постановленіями лицейскими поддерживалось строгое различіе между пансіонерами и внѣшними воспитанниками лицея: начальство лицейское неумолимо преслѣдовало и воспрещало всякое сообщеніе между тѣми и другими. Мало того; по усиліямъ іезуитовъ, выхлопотаны были разныя государственныя права для внутреннихъ и внѣшнихъ воспитанниковъ лицея: пансіонеры, послѣ окончанія 10 лѣтняго курса ученія въ лицеѣ, получали право на 14 и 12 классы, а вольноприходящіе только на 14 классъ. Николь завелъ еще при лицеѣ дополнительный или педагогическій классъ или институтъ, въ которомъ по штату положено было имѣть 24 воспитанника и содержать ихъ на счетъ доходовъ, получаемыхъ съ аренды, пожертвованной Ришелье. Воспитанники, совершившіе курсъ наукъ въ этомъ дополнительномъ классѣ, поступали на государственную службу съ 10 и даже 9 классомъ. Курсъ наукъ, преподаваемыхъ въ лицеѣ, былъ самый разнообразный: тутъ учили и грамматикѣ языковъ русскаго, латинскаго, греческаго, французскаго, итальянскаго и нѣмецкаго; тутъ читались словесность, реторика, географія, статискика, исторія, физика, математика, философія, науки военныя, искусства, а въ дополнительномъ классѣ—правовѣдѣніе, политическая эко-

номія и коммерческія науки. Въ составѣ наставниковъ преобладалъ по числу и вліянію элементъ иностранный, преимущественно французскій, какъ показываетъ перечень слѣдующихъ именъ: Буавэнъ, Пиллеръ, Петцъ, Ферорри-ни, Жилле, Флуки, Нодо, самъ Николь и другіе. Отсюда естественно вытекали слѣдующія явленія, засвидѣтельствованныя офиціальными и не офиціальными документами, а именно: въ грамматическомъ и реторическомъ классахъ пренебрегалось изученіе русскаго языка, а въ то же время дѣти, едва умѣвшіе читать по русски, въ 6 мѣсяцевъ дѣлали необыкновенные успѣхи въ латинскомъ языкѣ, при помощи одного молодаго учителя, нарочно для этого выписаннаго изъ Парижа и употреблявшаго для скорѣйшаго вкорененія латини въ русскихъ молодыхъ умахъ особенную новоизобрѣтенную методу.

Недальновидность отцевъ и матерей русскихъ воспитанниковъ лицея и даже передовыхъ русскихъ людей александровской эпохи была такъ велика, что они не замѣчали всей неестественности воспитанія, даваемаго русскому юношеству въ заведеніи Николя. Даже такіе люди, какъ Батюшковъ, такъ выражали свое восхищеніе заведеніемъ Николя въ письмахъ своихъ къ Тургеневу и другимъ: «нестану хвалить Николя: вы его знаете; я видѣлъ его мало, но смотрѣлъ па него съ тѣмъ почтеніемъ, которое невольно вселяетъ человѣкъ, посѣдѣвшій въ добрѣ и трудахъ. Онъ безпрестанно на стражѣ: живетъ съ дѣтьми, обѣдаетъ съ ними, больница ихъ возлѣ его спальни. Я говорилъ съ родственниками дѣтей: всѣ просвѣщенные и добрые люди относятся о немъ съ благодарностію. Спросите у княгини С. Г. Волконской; ея дѣти тамъ, а голосъ матери всегда краснорѣчивъ, и силенъ, и справедливъ; прибавлю, я видѣлъ нѣкоторыхъ родственниковъ въ Москвѣ

и привезъ ихъ письма къ дѣтямъ. Всѣ хвалили лицей и благодарили за него правительство и Провидѣніе, и для нихъ, по перепискѣ дѣтей, успѣхи ихъ были очевидны. Но аббатъ, слышу стороною, и судя по письму вашему, имѣетъ недоброжелателей. Не удивляюсь ни мало: добро *даромъ* недѣлается. Лицей имѣетъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Но за то въ защиту (его?) общественное мнѣніе, или по крайней мѣрѣ доброе мнѣніе людей просвѣщенныхъ. Все, что узнаю касательно лицея, сообщу вамъ изустно, при первомъ свиданіи; теперь не могъ удержаться и несказать вамъ, что первое впечатлѣніе было мнѣ пріятно. Вы сами съ удовольствіемъ бы увидѣли дѣтей *степныхъ*, говорящихъ *по латинѣ*, готовящихъ себя на пользу государству (латинью-то? много будетъ пользы!!), здѣсь—въ землѣ новой и едва вышедшей изъ пеленокъ. Самое имя Ришелье, благодѣтеля сего края, пріятно слуху истиннаго патріота, и должно быть счастливымъ знаменованіемъ для сего училища. Дай Богъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія поддержало лучшее свое произведеніе и дало ему способы усовершенствоваться. Но произведеніе сіе дышетъ аббатомъ. Надобно быть здѣсь, чтобы удостовѣриться въ истинѣ моихъ словъ. Безъ страсти и безъ предразсудка объявилъ вамъ мое мнѣніе, основанное на внутреннемъ убѣжденіи, что лицею надобно пожелать здравія и долгоденствія для пользы и славы Россіи, для пользы и славы вашего министерства (1)».

(1) См: Рус. Арх. за 1867-й г. стр. 1523—1530. Вообще источниками для составленія нашей статьи объ одесскомъ лицеѣ служили слѣд. сочиненія: 1) Vie de l'abbé Nicolle, par l'abbé frappaz, Paris, 1857 an; 2) Одес. Общ. Ист. и Др. т. III-й; 3) Матеріалы для общественнаго образованія въ Одессѣ, 1867-й г; 4) Дневникъ квакера Стефана Грелле де

Мы съ намѣреніемъ привели эту довольно обширную выдержку изъ письма Батюшкова, чтобы показать, до какой наивности и оптимизма доходили взгляды нашихъ лучшихъ людей на іезуитское заведеніе въ Одессѣ, и какъ люди, подобные Батюшкову, не могли изъ за внѣшняго блеска заведенія и его пышной обстановки видѣть его внутренней пустоты и разъѣдающихъ русскую жизнь началъ. Люди менѣе развитые, чѣмъ Батюшковъ, или менѣе дальновидные, чѣмъ онъ, приходили въ экстазъ и изумленіе отъ заведенія Николя и обрекали себя жертвовать на это безпримѣрное педагогическое учрежденіе въ Россіи въ продолженіе всей своей жизни довольно значительную по тогдашнему времени сумму ([1]).

Мобильё, гдѣ между прочимъ объ аббатѣ Николѣ говорится слѣдующее: «A Odessa nous avons trouvé les écoles sous la surveillance de l'abbé Nicolle, les jesuites sont fortement établis ici. Leur influence est si grande ici, qu'ils ont fait enlever des bibles dans les colonies du culte Romain. L'abbé Nicolle a defendu aux garçons du Lycée de souscrire à la societé biblique pour la bible«.

([1]) Къ числу восторженныхъ почитателей Николевскаго лицея принадлежалъ Подольскій Губернаторъ Бердяевъ, котораго письмо къ Николю, какъ обращикъ восхваленій, несшихся изъ устъ удивленныхъ заведеніемъ аббата русскихъ баръ тогдашняго времени, мы приводимъ въ подлинникѣ здѣсь. «Monsieur l'abbé, je viens de recevoir le reglement du lycée, que vous avez eu la bonté de m'envoyer. Je ne saurais assez vous en exprimer toute ma reconnaissance. Les éloges que l'on m'avait faites du lycée, et surtout de votre personne, m'avaient fait deja desirer de pouvoir y placer mon fils. Une lettre que j'ai reçue, il y a quelques jours, de M. le comte de Lambert, qui m'informe qu'il a placé son fils Joseph dans l'institut Richelieu, m'avait encore affermi davantage dans cette resolution, mais le reglement, que vous avez bien voulu me communiquer, m'a subjugué tout à fait».

«Un institut où la réligion, la foi et les vertus chretiennes sont prises pour bases de l'éducation, doit ètre preferé à tous les autres établisse-

А что въ этомъ образцовомъ и приводившемъ въ восторгъ русскихъ отцевъ и матерей заведеніи дѣти ихъ облатинивались, выходили совершенными Французами, въ чемъ съ нахальнымъ самодовольствомъ сознается самъ директоръ заведенія, тяготѣвшими всѣми помыслами души своей и всѣми движеніями сердца своего къ Франціи, а не къ Россіи,—это пока никому изъ Русскихъ неприходило въ голову, мы пока еще удивлялись мудрости заграничнаго просвѣтителя и щедро осыпали его милостями [1]. . Толь-

ments, où quelque fois cette partie de l'éducation, quoique la plus salutaire et la plus essentielle pour le vrai bonheur de l'homme, est traitée très légerement, souvent même est tout-à-fait negligée. Je prefère, monsieur l'abbé, voir dans mon fils un homme vertueux, pieux, bienfaisant, *adonnè à la réligion selon préceptes du vrai christianisme*, et philosophe à la mode du monde. Je vous confesse franchement que mon opinion, depuis un certain temps, était contre les instituts publics; une triste expérience m'avait donné cet éloignement. J'ai été élevé dans un de ces instituts, où tous les moyens pour tourner la tête d'un jeune homme sont employés, mais où le coeur et l'ésprit sont abandonnés à eux-mêmes. Ce n'est qu'après bien des années, que, par l'unique bonté du Tout-Puissant, j'ai pu être tiré de l'abime, où j'étais. Je m'étais donc décidé d'élever mon fils sous mes yeux; mais le général Michel Orloff et d'autres personnes de ma connaissance m'ont dit tant de bien du lycée, et notamment de votre personne, monsieur l'abbé, que je suis empressé de m'adresser à vous». Тутъ же говорится, что этотъ Бердяевъ положилъ каждогодно во всю свою жизнь жертвовать на Одесскій лицей 300 рублей. (Vie de l'abbé Nicolle, par. Frappaz, pag. 133 и другія.

[1] Біографъ Николя влагаетъ ему въ уста слѣдующее выраженіе: «воспитывая въ Россіи русскихъ, я работалъ для Франціи. Потомъ нѣсколько разъ въ своей книгѣ приводитъ примѣры того, какъ русскіе военные, разумѣется, изъ высшаго общества, во время взятія Парижа чувствовали здѣсь себя, какъ на родинѣ, и обращались съ Французами болѣе, какъ съ своими земляками и короткими знакомыми, чѣмъ съ непріятелями (См: Vie de l'abbé Nicolle, par Frappaz).

Императоръ Александръ 1-ый, при посѣщеніи своемъ Одессы, пожало-

ко впослѣдствіи спала повязка съ нашихъ глазъ—и мы усмотрѣли что-то нехорошее въ прекрасномъ заведеніи Николя.

валъ Николю орденъ Анны 2-й степени, осыпанный алмазами (Тамъ же, стр. 134). «Cette faveur, говоритъ Николь, a excité ma profonde reconnaissance; elle m'a fait d'autant plus de plaisir, qu' elle prouve tout l'intérêt qu'inspire le lycée à l'Empereur». (Тамъ же).

Примѣчаніе. Мы ни слова не сказали о женскомъ институтѣ въ Одессѣ, потому что организація его была похожа на устройство всѣхъ нашихъ закрытыхъ женскихъ заведеній, такъ хорошо извѣстныхъ каждому изъ насъ. Только для полноты картины почитаемъ нужнымъ сказать, что уставъ для этого заведенія сочиненъ былъ тѣмъ же аббатомъ Николемъ, который составилъ уставъ для мужскаго благороднаго пансіона. Но аббату пришлось немного трудиться самому надъ сочиненіемъ этого устава, потому что если первоначальный планъ русскихъ женскихъ институтовъ есть подражаніе извѣстному заведенію г-жи Кампанъ въ Парижѣ, то и благородный женскій институтъ въ Одессѣ былъ ничто иное, какъ сколокъ съ знаменитой школы или монастыря St. Cyr, основанной при Людовикѣ XIV-мъ г-жею Де Ментенонъ. Николь и подчиненная ему одесская іезуитская община имѣли большую долю участія въ направленіи института, въ преподаваніи и проч. Послѣ жены де Поцци, директриссою института была французская эмигрантка, графиня Генріетта де Фонтенэ (de Fontenais); слѣдовательно, здѣсь все вѣяло французскимъ, латинскимъ и іезуитскимъ духомъ, но отнюдь не русскимъ и православнымъ.

Примѣчаніе. Говоря о лицеѣ Николя и благородномъ женскомъ одесскомъ институтѣ, нельзя не познакомить читателя съ личностію нерасположеннаго къ Николевскому заведенію ревизора, присланнаго отъ Харьковскаго университета, профессора Дегюрова, или Дюгурова. Это былъ такой же французскій эмигрантъ, какъ и Николь, только изъ противоположнаго лагеря и съ идеями совершенно другими. Дюгуровъ былъ секретаремъ у Робеспьера и орудіемъ терроризма во Франціи. Онъ явился въ Россію тоже съ пламеннымъ желаніемъ воспитывать молодое поколѣніе русскихъ, на началахъ противоположныхъ іезуитскимъ и Николевскимъ, на началахъ, по его собственному выраженію, *vraiment libérales*, что, впрочемъ, не попрепятствовало ему въ эпоху Магницкаго и Аракчеева писать и печатать о вредѣ либеральнаго направленія. При

Что немогло удасться іезуитамъ въ 1802 году, когда министрами были Державинъ и Румянцовъ, то легко могло сбыться въ 1811—1812 г., когда у Россіи на плечахъ лежало титаническое дѣло—борьба съ цѣлою Европою за свое политическое и государственное существованіе, когда все казалось мелкимъ и даже ничтожнымъ въ сравненіи съ этимъ великимъ, историческимъ и необъятно громаднымъ всенароднымъ дѣломъ. Такое положеніе Россіи было самымъ выгоднымъ для видовъ іезуитовъ: у правительства была потеряна память о прежнихъ продѣлкахъ съ нимъ іезуитскаго ордена и недоставало времени вникать въ сущность предметовъ, казавшихся ему слишкомъ маловажными сравнительно съ тѣми, которые поглощали все его вни-

покровительствѣ попечителя Харьковскаго университета, Потоцкаго, Дюгуровъ сдѣланъ профессоромъ Харьковскаго университета и свое французское имя Дегюръ перемѣнилъ на русское Дюгуровъ. Въ этой должности онъ отправленъ былъ ревизовать одесскій лицей. Такъ какъ Николь и его партія хорошо знали прежнюю профессію Дюгурова во Франціи, а съ другой стороны, Дюгуровъ знакомъ былъ съ духомъ и направленіемъ іезуитскаго воспитанія, то очень понятно, что при первой же встрѣчѣ Николь и Дюгуровъ обнаружили несходство своихъ взглядовъ на методы и способы воспитанія. Дальнѣйшія ихъ ознакомленія и бесѣды другъ съ другомъ еще болѣе повели къ выраженію противоположности ихъ воззрѣній на разные предметы и совершенному антагонизму. При такомъ ходѣ дѣла, Дюгуровъ сдѣлалъ неблагопріятный отзывъ о лицеѣ Николя, особенно въ томъ отношеніи, что пренебрегается тамъ русскій языкъ и тратится много времени воспитанниками на изученіе латини, хотя, замѣтимъ, самъ Дюгуровъ незналъ русскаго языка и всегда возилъ съ собою переводчика. Впослѣдствіи мы видимъ бывшаго робеспьеровскаго секретаря даже ректоромъ петербургскаго университета, но оставшагося вѣрнымъ началамъ французской революціи и поклонникомъ Наполеона. Желающихъ подробнѣе изучить эту личность отсылаемъ къ статьѣ г. Фортунатова «Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ», и къ Рус. Архиву 1869-го, стр. 1542, къ стат. г. Лавровскаго «Педагогъ прошлаго времени».

маніе въ эту эпоху. При такихъ обстоятельствахъ довольно было для іезуитовъ только имѣть человѣка, который бы взялся доложить Государю ихъ (іезуитскій) проектъ о чемъ бы то нибыло; достаточно было, чтобы этотъ проектъ имѣлъ внѣшній видъ благонамѣренности и вѣрноподданности, а въ сущности онъ могъ скрывать самыя антигосударственныя стремленія, самыя разрушительныя начала; при такихъ обстоятельствахъ проектъ этотъ могъ легко получить правительственную санкцію и пущенъ быть въ ходъ. Такая обстановка политическаго состоянія Россіи обусловливала появленіе вновь на сценѣ отвергнутаго уже нѣкогда въ комитетѣ министровъ проекта объ учрежденіи іезуитскихъ миссій въ Сибири. Собственно говоря, едвали какая нибудь мысль носила въ себѣ столько задатковъ на свою безполезность, на свою несостоятельность, на отрицаніе самой себя, какъ проектъ объ іезуитскихъ миссіяхъ въ Сибири. Кажется, сами іезуиты сознавали это, а потому мотивировали главнымъ образомъ свой проектъ непобужденіями и причинами религіозно-миссіонерскими, но вообще цивилизаторскими, они подошли къ сибирскому генералъ-губернатору Пестелю съ предложеніемъ своихъ услугъ, отнюдь не въ качествѣ латинскихъ священниковъ и миссіонеровъ, а въ профессіи агрономовъ, нивеллировъ, садоводовъ, пчеловодовъ и наконецъ политическихъ агентовъ, могшихъ доставлять нашему правительству вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Китаѣ и вообще объ азіатскихъ дѣлахъ. Дѣйствительно, странно бы было слушать Пестелю и другимъ лицамъ, стоявшимъ тогда на высшихъ постахъ администраціи, изъ устъ іезуитовъ рѣчь о томъ, что въ присутствіи іезуитовъ въ Сибири нуждается латинская паства, довольно значительная по своей численности, и что проповѣди іезуитской ждутъ съ нетерпѣніемъ наши Сибир-

скіе инородцы. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ описываемую нами эпоху въ Сибири почти не было латинскаго элемента въ народонаселеніи. То, что называлось польскимъ, или латинскимъ, было или вовсе не польское и не латинское, или до такой степени успѣло потерять свою національность и вѣру и сдѣлаться русскимъ, что его нельзя было въ собственномъ смыслѣ назвать польскимъ и латинскимъ. Чтобы насъ незаподозрѣли въ умышленномъ искаженіи фактовъ, мы въ подтвержденіе своихъ мыслей будемъ приводить свидѣтельства изъ самихъ же польскихъ авторовъ и притомъ іезуитовъ, бывшихъ въ Сибири въ качествѣ миссіонеровъ и оставившихъ намъ описанія своихъ странствованій по Сибири. Въ этомъ случаѣ драгоцѣнными документами для насъ могутъ служить, не смотря на всю ихъ сухость и краткость, описанія іезуитовъ Каменскаго и Машевскаго. Первый пишетъ, что, не смотря на свою погоню за католиками въ Сибири, онъ съ товарищемъ своимъ Козакевичемъ почти ни одного католика тамъ не нашелъ, они думали было отыскать католиковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, которыя извѣстны были подъ названіемъ польскихъ, но оказалось, что эти поляки были раскольники, выселенные правительствомъ въ Сибирь изъ западныхъ нашихъ губерній, а потому у туземцевъ получившіе названіе поляковъ, или греко-униты, или чехи, никогда не отличавшіеся приверженностію къ латинству и охотно и быстро дѣлавшіеся православными въ Сибири [1]. Машевскій, проѣхавшій Сибирь отъ Иркутска до Читы, чтобы отыскать своихъ единовѣрцевъ, съ горестію сознается, что онъ почти на каждомъ шагу долженъ былъ разочаровываться въ

[1] Miesięcznik Połocki, № 1-й, 1818 Roku, стр. 62—69, Wyjątek lz listu X. Marcellego Kamieńskiego, r. 1816 z Tomska pisanego.

своихъ надеждахъ на значительное количество католиковъ, живущихъ въ Сибири. «Въ Верхнеудинскѣ надѣялся я найдти многихъ католиковъ, говоритъ Машевскій, но обманулся, ибо въ семъ городѣ нашелъ только *одного*. Ко мнѣ приведены были многіе военнослужащіе, но они были другаго исповѣданія, которыхъ въ сей странѣ называютъ потому католиками или поляками, что предки ихъ нѣкогда жили въ Польшѣ (1). Въ Читѣ Машевскій не нашелъ ни одного католика, въ Нерчинскѣ 9-ть, такъ что послѣ такихъ данныхъ страннымъ и совершенно подозрительнымъ становится слѣдующій его выводъ, что на пространствѣ 3900 верстъ онъ видѣлъ 200 католиковъ, изъ коихъ исповѣдывалось у него 168 человѣкъ! (2). Ни одна мѣстность въ Россіи такъ несодѣйствовала быстрому обрусѣнію польско-латинскаго элемента, какъ Сибирь;—это фактъ неопровержимый; нигдѣ полякъ и католикъ такъ скоро не превращался въ русскаго и православнаго, какъ въ Сибири. Даже первое поколѣніе польскихъ поселенцевъ въ Сибири, подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ, напр.: отсутствія латинскихъ церквей въ краѣ, необходимости знакомства съ русскимъ обществомъ, чтобы непропасть отъ скуки и незачахнуть, сознанія сходства языковъ русскаго и польскаго и общеславянскаго племеннаго сродства, между рус-

(1) Сибир. Вѣстникъ за 1821-й г. Путешествіе кс. Ѳаддея Машевскаго изъ Иркутска въ Нерчинскъ.

(2) Тамъ же. Такіе выводы не новость въ латинской практикѣ. По своимъ особеннымъ разсчетамъ и соображеніямъ, латинскіе духовные вообще, а іезуиты въ особенности, любили и любятъ преувеличивать число своихъ прихожанъ: для этой цѣли они записываютъ въ числѣ латинянъ такихъ, которые никогда не принадлежали къ латинской паствѣ, ставятъ въ числѣ живыхъ умершихъ. Машевскій въ своихъ выводахъ держится обыкновенныхъ іезуитскихъ пріемовъ и традицій.

скими и поляками, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія своего въ Сибири теряло польскія черты, ходило въ православные храмы, говорило русскимъ языкомъ и роднилось съ туземнымъ русскимъ обществомъ, гдѣ съ каждымъ годомъ разучалось съ своимъ отечественнымъ языкомъ. Второе поколѣніе этихъ поселенцевъ, а тѣмъ болѣе третье, были уже совершенно русскими ([1]).

([1]) До сихъ поръ, пишетъ Максимовъ, между фамиліями коренныхъ сибиряковъ - старожиловъ сплошъ и рядомъ попадаются фамиліи польскія, и при нихъ семейныя преданія, указывающія прямо на происхожденіе отъ ссыльныхъ поляковъ. При этомъ преданія невосходятъ дальше дѣдовъ и въ рѣдкихъ случаяхъ нисходятъ ближе къ намъ отъ временъ Екатерины Второй, богатыхъ высылкою шляхты изъ Заднѣпровья и Польши, изъ Литвы и Бѣлоруссіи и изъ губерніи Смоленской. Не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми группами распоряжалась ссылка въ тѣ времена съ такимъ успѣхомъ, что обрусѣніе ссыльныхъ поляковъ представляется въ Сибири явленіемъ осязательнымъ и безспорнымъ. Въ Западной Сибири, около Семипалатинска, въ красивой и богатой мѣстности, на плодородной землѣ, укрѣпились двѣ деревни, образованныя изъ польскихъ потомковъ, до сихъ поръ умѣющихъ говорить по-польски и существующихъ отъ любимаго бѣлорусскаго промысла—пчеловодства. Въ 20-ти верстахъ отъ Тары (Тоб. губ.), недалеко отъ Екатерининскаго завода, волостной голова Пановскій, сохраняя польскій типъ лица и молодцоватую осанку, имѣлъ дѣдомъ конфедерата; въ самой Тарѣ у двухъ братьевъ, торгующихъ мѣщанъ (Грабіанскихъ) былъ полякомъ отецъ, но они считали себя коренными сибиряками и вовсе неумѣли говорить по-польски; въ Березовѣ—Новицкій, Шенявскій. Въ Восточной Сибири, за Байкаломъ, на Ингодѣ, гдѣ такъ цѣльно сохранили свою національность малороссы, во многихъ деревняхъ съ польскими живутъ коренные сибиряки, а на Ононѣ (между прочимъ въ Усть-Илинскомъ селеніи) цѣлыя семейства (напр. Барановскіе) происходятъ отъ барскихъ конфедератовъ. Между чиновниками туземцами попадаются даже съ такими знаменитыми фамиліями, какъ Ходкевичи (по всѣму вѣроятію, потомки тоже какого нибудь конфедерата); внукъ конфедерата Хилковскій, кромѣ фамиліи и памяти, что дѣдъ его былъ полякомъ, ничего польскаго въ себѣ не имѣетъ. Слѣдующія фамиліи также совершенно обрусѣли:

Слѣдовательно было бы слишкомъ нецеремонно и неловко мотивировать свой проектъ о необходимости учрежденія іезуитскихъ миссій въ Сибири тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ остаются неудовлетворенными духовныя потребности латинской паствы, когда этой паствы на самомъ дѣлѣ тамъ не существовало. Еще менѣе было бы благоразумно со стороны іезуитовъ въ проектѣ своемъ обнаруживать мысль о латинской пропагандѣ среди нашихъ сибирскихъ инородцевъ, напр. Бурятъ, Тунгусовъ и другихъ, когда еще съ 1799 г. учреждена была въ Сибири православная миссія пр. Веніаминомъ, епископомъ Иркут-

Юдицкіе, Тарновскіе и Казановскіе потомки барскихъ конфедератовъ; Зелинскіе, Бржозовскіе (Березовскіе) и Домашевскіе потомки сосланныхъ за повстаніе Костюшки. Примѣровъ такого рода на столько много, что наблюдавшіе за подобными превращеніями могли придти къ тому выводу, что дѣти, рожденныя отъ отца поляка и матери сибирячки, употребляя языкъ матери, только въ чертахъ лица, либо въ характерѣ успѣваютъ сохранять слѣды польскаго происхожденія. Но стоитъ этому метису жениться на сибирячкѣ, чтобы во внукахъ самый пристрастный и увлекающійся полякъ не нашелъ уже ни малѣйшихъ признаковъ польской крови. Какъ бы то ни было, но всѣ поляки, слѣдившіе за такими превращеніями на мѣстѣ, твердо убѣждены въ томъ, что главная причина такого явленія заключается въ этихъ смѣшанныхъ бракахъ, обусловленныхъ правительственными узаконеніями, чтобы дѣти исповѣдывали православно-христіанскую вѣру, а чрезъ то обрекались на одно изъ главныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ постепеннаго и медленнаго обрусѣнія людей, надъ которыми владычествуетъ Россія. «Знали мы, говоритъ одинъ изъ поляковъ, долго прожившій въ Сибири, очень много дѣтей отъ супружествъ, въ которыхъ одна особа была православной вѣры; за малыми исключеніями, всѣ тѣ дѣти необладали польскою народностію и часто въ душѣ были русскими... Поляки такъ быстро русѣли въ Сибири, что указы о возвращеніи ихъ на родину въ былыя времена не производили на нихъ никакого впечатлѣнія, какъ напр.: указъ Павла I-го и чрезъ 15-ть лѣтъ указъ Александра I-го». (См. Отеч. Зап. г. 1869-й, № 8-й, статью г. Максимова «Политическіе ссыльные», ч. IV-я).

скимъ и Нерчинскимъ, съ успѣхомъ подвизавшаяся въ обращеніи инородцевъ въ православіе, особенно подъ смотрѣніемъ протоіерея Слѣпцова, которому св. синодъ въ 1799 г. поручилъ должность проповѣдника по Якутской области, съ дозволеніемъ имѣть для этой цѣли походную при себѣ церковь (1).

Даже ссылка со стороны іезуитовъ на англійскихъ миссіонеровъ въ настоящее время немогла имѣть мѣста и іезуиты немогли приводить ее въ своемъ проектѣ, какъ предлогъ, или поводъ къ учрежденію своихъ миссій въ Сибири, потому что англійская миссія явилась позже поселенія іезуитовъ въ этой мѣстности (2). И такъ оставалось іезуи-

(1) Въ арх. св. син. дѣло подъ № 22-мъ, г. 1809-й. «Предложеніе г. правящаго должность оберъ-прокурора св. синода Гаврила Журихина о выданныхъ иркутскаго губернскаго правительства изъ казенной экспедиціи протоіерею Слѣпцову прогонныхъ денегъ». Впослѣдствіи Слѣпцовъ сдѣлался жертвою интриги и дѣло его было испорчено: его обвиняли въ неумѣренныхъ поборахъ съ инородцевъ пушными товарами, въ злоупотребленіи выданными ему суммами и во многихъ другихъ проступкахъ. Главное столкновеніе было у него съ свѣтскими властями незначительнаго ранга, но владѣвшими искусствомъ и орудіями вредить.

(2) Англійская миссія, состоявшая изъ протестантскихъ пасторовъ Сталлибраса и Свана, получила начало свое въ 1817-мъ году, для обращенія идолопоклонниковъ въ христіанство; мѣстопребываніе ея было близь Селенгинска. Впослѣдствіи къ Сталлибрасу и Свану присланы были на помощь новые члены отъ англійскаго миссіонерскаго общества. Всѣ миссіонеры были женатые, владѣли богатыми средствами, имѣли при себѣ аптеку, съ большимъ успѣхомъ лечили болѣзни туземныхъ жителей, завели типографію, въ которой отпечатали въ большомъ количествѣ экземпляровъ св. писаніе В. З. на монгольскомъ языкѣ, приступили къ печатанію св. писанія на бурятскомъ языкѣ, какъ миссія ихъ была прекращена въ 1840-мъ г., по настоянію иркутскаго архіепископа Нила. Миссіонеры старались болѣе распространить просвѣщеніе между Бурятами, нежели обращать ихъ въ христіанство, такъ что Буряты, получившіе образованіе въ школахъ ихъ, оставались по прежнему въ языче-

тамъ единственное средство преобразиться въ агрономовъ и вообще цивилизаторовъ, чтобы утвердиться въ Сибири. Сибирь тогда стонала подъ варварскимъ и звѣрскимъ управленіемъ получившаго печальную историческую извѣстность сибирскаго военнаго генералъ-губернатора Пестеля, который въ продолженіе 11 лѣтъ изъ Петербурга управлялъ Сибирью безъ всякаго контроля, не обращая вниманія на всѣ предписанія министровъ, защищаемый, какъ неприступною скалою, покровительствомъ Пукаловой, любовницы Аракчеева; а Пестелемъ изъ Сибири управлялъ иркутскій губернаторъ Трескинъ, находившійся въ свою очередь подъ башмакомъ

ствѣ (см. въ арх. св. син. дѣло 1840-го г. объ англійской миссіи за Байкаломъ и о мѣрахъ къ обращенію Бурятъ въ христіанство).

До какой степени появленіе англійскихъ миссіонеровъ въ Сибири встревожило іезуитовъ даже китайскихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Тимковскаго, приведенныхъ имъ въ его запискахъ: «латинскій епископъ, пребывавшій въ Пекинѣ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія и произведенный въ этотъ санъ изъ священниковъ іезуитскаго ордена, спрашивалъ о. Петра, начальника нашей духовной миссіи, зачѣмъ проживаютъ англійскіе миссіонеры у насъ въ Селенгинскѣ?» Онъ отвѣчалъ: что англичане обучаются тамъ монгольскому языку. (См. въ Спб. Вѣстн. за 1824-й г. ч. 2, Дневныя Записки Е. Ѳ. Тимковскаго, во время пребыванія въ Пекинѣ, съ 1-го Дек. 1820-го г. по 15 Мая 1821-го года).

Примѣчаніе. Но вотъ странность въ дѣйствіяхъ сибирскихъ іезуитовъ, заставляющая призадуматься всякаго: гоняясь за отыскаиіемъ прихожанъ въ Сибири и искрещивая для этой цѣли всю Сибирь изъ конца въ конецъ, они въ тоже время оставляли безъ духовнаго утѣшенія, безъ исповѣди и причастія тѣхъ весьма малочисленныхъ своихъ прихожанъ, которые у нихъ находились, такъ сказать, подъ руками. Такъ, политическіе преступники Щавельскій и Добровольскій, заключенные въ Омской крѣпости, жаловались въ 1812-мъ г., что какъ они, такъ и многіе другіе католики, находящіеся въ различныхъ уѣздахъ и селеніяхъ Тобольска, остаются безъ исповѣди, безъ причастія и умираютъ безъ утѣшенія церковнаго (Catholicisme Romain en Russie, tom II, pag. 192, Note I).

у своей жены, женщины развратной и самой жадной и ненасытимой взяточницы (¹). Но Трескинъ, при огромныхъ, чудовищныхъ и многочисленныхъ своихъ недостаткахъ, имѣлъ нѣкоторыя добрыя качества и стремленія, напр. старался распространить и развить земледѣліе въ Сибири, пріучить къ нему и къ осѣдлости кочующихъ Бурятъ, колонизировать край, проложить пути сообщенія, и т. под., но къ несчастію все это совершалось мѣрами варварскими, звѣрскими и тираническими (²). Пользуясь сильнымъ вліяніемъ на Пестеля, Трескинъ легко убѣдилъ его въ благо-

(¹) См. жизнь графа Сперанскаго, барона Корфа, т. II-й, стр. 164—177; также Отеч. Зап. г. 1869-й, № 8-й, статью г. Максимова «Политическіе ссыльные,» ч. 4-я. «Сибирь не только въ прошломъ, но и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка представляла страну, страдающую отъ произвола властей, отъ ихъ жестокаго, корыстолюбиваго права и дикихъ чертъ характера въ такой степени, что съ трудомъ вѣрится жалобамъ очевидцевъ и сказаніямъ современниковъ. Кому неизвѣстенъ сибирскій герой Пестель, 11-ть лѣтъ управлявшій Сибирью изъ Петербурга, съ клевретомъ своимъ, иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ! Въ тоже время Трескинъ тѣже 11-ть лѣтъ изъ Иркутска управлялъ Пестелемъ въ Петербургѣ, и на мѣстѣ былъ жестокимъ тираномъ и деспотомъ: министерскихъ предписаній не слушался, частныхъ правъ неуважалъ. Зашалившійся на выходкахъ произвола, онъ заставлялъ не только старшихъ чиновниковъ, но и самого вице - губернатора, снимать и подавать себѣ шубу и, замѣчая неловкость, бранилъ ихъ тутъ же на чемъ свѣтъ стоитъ. При помощи жены своей, ему невѣрной и жадной взяточницы, онъ съумѣлъ поставить дѣла управленія на ту ногу, что они стали всѣмъ ненавистны и невыносимы. Вмѣстѣ съ Пестелемъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ крѣпокъ, и оба вмѣстѣ они были едва побѣдимы. За жителей иркутской губерніи счелъ обязанностію заступиться тогдашній архіерей Михаилъ.»

(²) Трескинъ, проложивши знаменитую Кругобайкальскую дорогу, совершилъ этимъ чуть не чудо, по одолѣннымъ имъ препятствіямъ и по смѣлости предпріятія. (Жизнь графа Сперанскаго, барона Корфа, ч. II, стр. 164—177).

творности всѣхъ тѣхъ мѣръ, какія онъ предпринялъ и предпринимаетъ къ просвѣщенію Сибири. Пестель, живя въ Петербургѣ, повторялъ слова Трескина о необходимости мѣръ къ просвѣщенію Сибири при всякомъ удобномъ случаѣ конечно и въ присутствіи вліятельныхъ лицъ, могшихъ содѣйствовать ему, или лучше Трескину, въ его мѣропріятіяхъ. Обладая необыкновеннымъ чутьемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представляются выгоды, іезуиты скоро прознали о намѣреніяхъ Пестеля; начались переговоры между Пестелемъ и іезуитскимъ генераломъ Березовскимъ. Тотчасъ явился проектъ доклада Государю о необходимости учрежденія миссій іезуитскихъ въ Сибири, вѣроятно сочиненный самимъ Березовскимъ, или Розавеномъ. При покровительствѣ Аракчеева Пестелю, послѣдній немогъ имѣть недостатка въ лицахъ, которые бы взялись доложить проектъ Пестеля Государю; даже самъ Аракчеевъ могъ принять на себя этотъ трудъ. Вліяніе Аракчеева на Александра I-го было неограниченное; эпоха, когда докладывался проектъ, была самая бурная и грозная; слѣдовательно проектъ имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ; іезуитская миссія въ Сибирь была сформирована. Составъ сибирской іезуитской миссіи весь состоялъ изъ іезуитовъ-поляковъ; начальникомъ ея назначенъ былъ Викентій Ляшкевичъ, а подчиненными ему были: Марцеллъ Каменскій, Ѳаддей Машевскій и коадъюторъ Ѳома Дроздовичъ ([1]), а впослѣдствіи къ нимъ присоединилась новая личность, нѣкто Казакевичъ. Резиденцію свою основали іезуиты въ Иркутскѣ. Утвердившись прочно въ Иркутскѣ, іезуиты отбросили въ сторону свои цивилизатор-

([1]) Catalogus personarum et officiorum Societatis Iesu in Imperio Rossiaco, an. 1815-й, также Miesięcznik Połocki, № VIII, г. 1818, стр. 298—306, и г. 1816-й, № 1-й, стр. 2—69.

скія стремленія и изъ агрономовъ, инженеровъ, садоводовъ и пчеловодовъ, скоро превратились въ піонеровъ латинства и обнаружили инстинкты латинскихъ миссіонеровъ; маска скоро была снята и іезуиты явились въ своемъ цвѣтѣ. Первою заботою преобразившихся цивилизаторовъ было завести латинскую церковь въ Иркутскѣ, чтобы сгруппировать около нея латинско-польскій элементъ сибирскаго народонаселенія. На первый разъ довольно казалось іезуитамъ ограничиться помѣщеніемъ церкви въ нанятомъ домѣ. Потомъ заботы ихъ простирались на отыскиваніе прихожанъ; для этой цѣли предпринимаемы были іезуитами путешествія по Сибири изъ конца въ конецъ; производилась погоня за заблудшими латинскими овцами. Но такъ какъ Восточная Сибирь доставляла самый скудный и убогій элементъ для іезуитской ревности, то взоры іезуитовъ обратились на Западную Сибирь. Іезуитская миссія раздѣлилась на два отдѣла: Каменскій и Дроздовичъ основали свое пребываніе въ Томскѣ, а Лукашевичъ и Машевскій остались въ Иркутскѣ. Томская градская дума была такъ радушно-внимательна къ дорогимъ гостямъ, что отдала іезуитамъ безъ всякой платы принадлежавшій ей каменный домъ, въ которомъ были 3 комнаты для квартиры священника и двѣ комнаты для церкви (1). Въ Томскѣ іезуиты были не болѣе

(1) Латинская церковь въ Иркутскѣ помѣщалась въ наемномъ домѣ до 1827 г., когда изъ добровольныхъ пожертвованій, собранныхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Иркутскѣ ксёндзами бернардинами, построена была на городской площади во имя Успенія Богородицы особенная для латинскихъ жителей Иркутска церковь. Мѣсто для церкви куплено было у иркутскаго купца Зубова и мѣщанъ Сухановыхъ. Церковь, съ пристроенными къ ней съ обѣихъ сторонъ флигелями для квартиръ священниковъ, имѣетъ квадратную фигуру и занимаетъ 64 квадратныхъ сажени. Фундаментъ подъ церковью и кельями каменный, а стѣны деревянныя, обитыя

счастливы, чѣмъ и въ Иркутскѣ—они и здѣсь оставались буквально безъ дѣла. Матеріалъ для іезуитской дѣятельности въ Сибири въ нѣкоторомъ количествѣ сталъ доставляться съ 1811 года, когда сталъ прибывать туда довольно порядочныйі контингентъ политическихъ преступниковъ, особенно изъ западныхъ губерній, вслѣдствіе тогдашнихъ по-

досками. Образъ Успенія Божіей Матери съ вызолоченными рамами пожертвованъ графомъ Литтою. (Визиты иркутской римско-католической церкви за 1841-й г., въ арх. римск.-катол. коллегіи).

О Томской іезуитской церкви свѣдѣніе находимъ въ дѣлѣ колл. подъ № 2993-мъ, по предложенію его сіятельства, г. министра дух. дѣлъ и народнаго просвѣщенія о приглашеніи духовенства и народа къ приношеніямъ на построеніе въ городѣ Томскѣ священническаго дома. Въ этомъ предложеніи Голицынъ говоритъ, «что тобольскій и томскій генералъ-губернаторъ Капцевичъ относился къ нему еще въ 1822-мъ г., что римско-католическіе священники, прежде бывшіе іезуитскаго, а нынѣ бернардинскаго орденовъ, съ давняго времени занимаютъ въ Томскѣ безъ всякой платы домъ, градской думѣ принадлежащій, который необходимо нуженъ для другаго употребленія, а потому и требуетъ его распоряженія объ отпускѣ ежегодно по 800 рублей на наемъ квартиры для бернардиновъ. Еще до того, продолжаетъ Голицынъ, имѣлъ я представленія о надобности построить въ Томскѣ каменный домъ для римско-католическихъ священниковъ, и хотя я ходатайствовалъ о назначеніи изъ казны потребной на то суммы, исчисленной по смѣтѣ до 9.500 рублей, но мѣры, принятыя ко всевозможному сокращенію издержекъ отъ казны, непозволили ассигнованія денегъ на сей предметъ. Нынѣ вновь подтверждено Высочайшимъ именнымъ указомъ 14-го минувшаго марта мѣсяца объ ограниченіи казенныхъ расходовъ. Посему, не почитая себя въ правѣ входить съ представленіемъ о назначеніи новыхъ суммъ на помянутый предметъ, я предлагаю римско-католической духовной коллегіи войдти въ разсмотрѣніе, не можноли опредѣлить для бернардиновъ въ Томскѣ часть доходовъ отъ какого-либо римско-католическаго монастыря, имѣющаго избыточный фундушъ, или пригласить подвѣдомое коллегіи духовенство къ добровольнымъ пожертвованіямъ для построенія священническаго дома въ Томскѣ». Правительство приказало построить деревянный молитвенный домъ изъ собранныхъ пожертвованій. (Тамъ же.)

литическихъ обстоятельствъ. Еще въ 1811 г., и даже ранѣе ксёндзы Піары уличены были въ распространеніи сочиненій, направленныхъ противъ Россіи ([1]); потомъ въ 1812 г. довольно значительное число ксёндзовъ доминикановъ, капуциновъ, тринитаровъ и другихъ орденовъ явно уличены были въ сообщничествѣ съ явившеюся тогда въ западныхъ губерніяхъ шайкою зажигателей, образовавшеюся изъ поляковъ, нашихъ бѣглыхъ солдатъ и ксёндзовъ, и истреблявшею огнемъ цѣлыя селенія ([2]); затѣмъ плебанъ Годлевскій самыми неопровержимыми доказательствами обвиненъ былъ въ соучастіи съ извѣстнымъ въ западныхъ губерніяхъ разбойникомъ Софрономъ ([3]). Наконецъ нѣсколько военно-плѣнныхъ солдатъ изъ такъ называемаго польскаго легіона, служившихъ Франціи противъ Россіи и принадлежавшихъ къ подданнымъ русской имперіи, и нѣсколько французскихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ Россіи, явно скомпрометировавшихъ себя, или заподозрѣнныхъ въ антиполитическихъ и враждебныхъ русскому правительству замыслахъ, своимъ прибытіемъ въ Сибирь доставили порядочный за-

([1]) Въ арх. римско-катол. коллегіи дѣло подъ № 1234-мъ, г. 1806-й, по предложенію министра юстиціи князя Лопухина, о учиненіи надлежащаго взысканія съ витебскихъ ксёндзовъ Піаровъ за продажу польскихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «Содержаніе донесеній сейму отъ депутаціи».

([2]) Тамъ же дѣло 1807-го г., подъ № 1309-мъ, «О запрещеніи всякихъ неприличныхъ и развратныхъ толковъ о военныхъ и политическихъ дѣлахъ»; также дѣло по предложенію главноуправляющаго кн. Голицына о зажигателяхъ, оказавшихся въ сей тайнѣ, священникахъ Консовскомъ и Петриковскомъ, г. 1812-й, № 1736.

([3]) Тамъ же дѣло 1809 г., подъ № 1512-мъ, по сообщенію виленскаго губернскаго правленія о передерживаніи ксёндзомъ Годлевскимъ разбойника Софрона.

пасъ для іезуитской паствы и нескудный источникъ для проповѣднической и миссіонерской дѣятельности іезуитовъ ([1]). Тогда-то положено было начало того обособленія польскаго элемента въ Сибири отъ русскаго, которое продолжается безостановочно и до нашего времени; тогда-то въ первый разъ пущенъ былъ въ ходъ проектъ о прекращеніи обрусѣнія польскаго населенія въ Сибири, который впослѣдствіи Высоцкимъ возведенъ былъ въ политическій догматъ польской народности, назвавшій браки поляковъ съ сибирячками измѣною отчизнѣ, достойною не только всеобщаго презрѣнія, но и кровавой кары. Іезуиты строго пре-

([1]) Въ сочиненіи Домерга «La Russie pendant les guerres de L'Empire (1805—1815) во многихъ мѣстахъ упоминается о подозрительныхъ французскихъ личностяхъ, выпровоженныхъ Ростопчинымъ въ 1812-мъ г. и особенно въ послѣдующіе годы то въ Нижній, то Казань и наконецъ въ Сибирь. Въ числѣ французовъ очень часто попадали и поляки, скрывавшіе свое происхожденіе и названные русскими французами только потому, что они были во французской униформѣ и говорили по французски. До какой степени правительство наше было подозрительно съ 1807—1815-й г. къ иностранцамъ, видно изъ разсказа самого Ростопчина, который говоритъ, что отъ подозрѣнія правительства неспасались и такія личности, которыя пользовались довѣріемъ во многихъ нашихъ аристократическихъ домахъ. «Il y a, говоритъ Ростопчинъ въ своихъ запискахъ, quelques jours que l'on a arrêté un Français nommé Stadler; il a été gouverneur chez la princesse Gagarine, née Pletcheew, puis chez le prince Voldemar Galitzine, pour l'éducation des enfants de sa fille Apraxine, qu'il a quittés au mois de Mai 1807 an. Convaincu d'espionnage, on prétend qu'il est le chef de quinze autres coquins répartis dans l'interieur de la Russie. Lutzo, que vous avez connu, arrivé ici depuis deux jours, a été renvoyé hier à la frontière, et Lanscoy, geuverneur en Pologne, a été bien grondé pour lui avoir donné ses passe-ports. C'est un homme qui a été constamment avec Bonaparte depuis la bataille d'Iena et l'a suivi de Berlin à Varsovie». (Materiaux en grande partie inédits pour la biographie future du Comte Theodore Rastoptchine, rassemblés par son fils, pag. 430).

слѣдовали такъ называемые смѣшанные браки и ни подъ какимъ видомъ не позволяли полякамъ сообщаться съ русскими до интимности, а напротивъ употребили всѣ свои силы и средства для образованія изъ польскаго населенія своего замкнутаго и отдѣльнаго кружка, и этимъ-то положили прочное основаніе той работѣ, которая особенно съ Высоцкаго пошла и идетъ кресцендо въ Сибири и стала обнаруживаться впослѣдствіи чуть не періодически повторяющимися бунтами поляковъ въ этой области, отсюда-то происходятъ тѣ неестественныя, тяжелыя обреченія себя на аскетизмъ, который съ Венжика ([1]) сталъ проявляться во многихъ полякахъ Сибири и сопровождается нечеловѣческими усиліями надъ собою, чтобы только не влюбиться въ сибирячку и главнымъ образомъ не жениться на ней, хотя любовь къ ней и будетъ сушить его и преждевременная чахотка быстро сведетъ его за это въ могилу. Наконецъ со времени іезуитовъ въ Сибири вопросъ о существованіи постоянныхъ латинскихъ церквей, чего всячески избѣгало наше правительство до этого времени, сдѣлался не только совершившимся фактомъ, но и непреложнымъ и неизбѣжнымъ. Дѣятельность сибирскихъ іезуитовъ немогла ограничиться только кругомъ политически-религіознымъ, но она должна была захватить и область чисто религіозную,

([1]) Максимовъ (Отеч. Зап. 1869-й г.; № 8-й) въ статьѣ «Политическіе ссыльные», подробно говоритъ, какъ Венджикъ влюбился въ одну сибирячку и хотѣлъ жениться на ней, но изъ страха общественнаго презрѣнія и нарушенія данной клятвы, съ необыкновенными усиліями надъ собою, долженъ былъ оставить эту мысль, предался религіозному аскетизму и подвигамъ благотворительности. Извѣстно также, что почти всѣ служащіе въ Сибири поляки ѣздятъ въ Варшаву, или Вильну, или Волынь, чтобы тамъ жениться, и съ женами-польками опять пріѣзжаютъ на службу въ Сибирь.

или религіозную въ строгомъ смыслѣ слова: іезуитъ неможетъ не быть пропагандистомъ латинства при первомъ представившемся ему случаѣ, онъ не можетъ по принципу не совращать въ латинство или обманомъ и хитростію, или даже насиліемъ. Холодъ сибирскій немогъ охладить іезуитскаго жара и ревности къ пропагандѣ: іезуитъ остается вѣренъ своимъ началамъ и въ Читѣ, и въ Нерчинскѣ, и въ Бразиліи, и въ Мексикѣ. Въ Сибири іезуитская миссіонерская ревность обратилась на маленькую горсть греко-унитовъ, числомъ не болѣе 22 человѣкъ, а также выразилась въ усиліяхъ крестить по латинскому обряду дѣтей православныхъ родителей, пользуясь въ послѣднемъ случаѣ дальностію разстоянія, отдѣляющаго православныхъ жителей Сибири отъ ихъ приходскихъ священниковъ, и дѣйствуя на простодушныхъ поселянъ застращиваніемъ, что младенецъ можетъ умереть безъ крещенія и слѣдовательно погибнуть вѣчно по винѣ и оплошности своихъ родителей, а также вліяя своимъ убѣжденіемъ на крестьянина, что латинское крещеніе ничемъ не отличается отъ православнаго. Но, къ несчастію для іезуитовъ, въ этой сферѣ дѣятельности они встрѣтили энергическое противодѣйствіе и со стороны мѣстныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ властей. Пестель, по внушенію Трескина, не только отказалъ іезуитамъ въ ихъ домогательствѣ обратить въ латинство сибирскихъ греко-унитовъ, но даже несогласился на то, чтобы построена была въ Томскѣ постоянная для латинянъ церковь (¹). Тотъ же Пестель и Трескинъ, по доносу иркутскаго епископа Михаила объ окрещеніи іезуитомъ Машевскимъ одного крестьянскаго

(¹) Тамъ же, № 114-й, также тетрадь V-я, изъ которой видно, что они старались совращать въ латинство русскихъ и даже крестили дѣтей ихъ по своему обряду.

младенца, рожденнаго отъ православныхъ родителей, подняли сильную переписку,—и Машевскій могъ оправдаться въ своемъ поступкѣ только прибѣгнувши къ обыкновенному іезуитскому пріему, что онъ рѣшился совершить крещеніе надъ младенцемъ православныхъ родителей, будучи понуждаемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ребенокъ былъ слабаго сложенія, а потому его нужно было окрестить прежде, чѣмъ могъ бы онъ умереть [1]. Такимъ образомъ не шумна и не трескуча была по внѣшности іезуитская дѣятельность въ Сибири, но въ сущности она была такъ же зловредна, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, даже еще зловреднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, потому что здѣсь она, кромѣ чисто религіознаго свойства, окрасилась въ политическій цвѣтъ; здѣсь она, кромѣ вѣроисповѣднаго фанатизма, усвоила себѣ духъ полонизма. Конечно въ такомъ направленіи іезуитской дѣятельности въ Сибири сказалось и отразилось преобладаніе польскаго элемента въ тогдашнемъ іезуитскомъ обществѣ и племенныя симпатіи іезуитскаго генерала Березовскаго. Какъ полякъ, Березовскій, не смотря на космополитическій характеръ своего ордена, не могъ остаться чуждымъ интересовъ своей отчизны, особенно находясь подъ вліяніемъ такого польскаго патріота и друга іезуитовъ, каковъ былъ графъ Ильинскій. Тенденціи тогдашнихъ польскихъ патріотовъ: Чацкаго, Чарторыйскаго и Ильинскаго въ эту эпоху обозначались уже ясно: одни стремились ополячить западныя наши губерніи

[1] См. во внутр. перепискѣ Іезуитовъ № 112-й пакетъ, подъ названіемъ на латинскомъ языкѣ: «Польскій архивъ,» гдѣ находится переписка между иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ, сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и іезуитомъ Ляшкевичемъ, по случаю окрещенія отцемъ Машевскимъ одного крестьянскаго ребенка по католическому обряду.

посредствомъ науки, преподаваемой въ польскомъ духѣ, и польскаго языка, навязываемаго всему народонаселенію этихъ мѣстностей; другіе посредствомъ облатиненія и вообще развитія въ огромныхъ размѣрахъ латинской пропаганды среди русскаго народонаселенія западныхъ губерній. Первый способъ ополяченія назывался философскимъ, второй—религіознымъ; по первому способу главное вниманіе обращено было на то, чтобы посредствомъ распространенія знанія въ польскомъ духѣ, посредствомъ фальшиваго освѣщенія особенно историческихъ фактовъ, посредствомъ уничтоженія историческихъ памятниковъ, напоминавшихъ о Руси и кровномъ родствѣ и единствѣ жителей западныхъ губерній съ коренными русскими, совершенно обособить и изолировать эти губерніи и Польшу отъ Россіи; при этомъ религіозный вопросъ или латинскій отодвигался на второй планъ. По второму способу, все стараніе сосредоточено было на религіи, на латинствѣ; ее нужно было пропагандировать, ее нужно избавить отъ того гнёта, который она терпитъ отъ православія; латинство нужно какъ можно болѣе распространять между населеніемъ западныхъ губерній; въ латинскомъ свѣтѣ и подъ латинскимъ угломъ зрѣнія нужно распространять знаніе и науки среди русскаго населенія, а за этимъ само собой придетъ и политическое обособленіе западныхъ губерній отъ Россіи; по этому способу, наука отходитъ на второе мѣсто, а первое принадлежитъ вѣрѣ. Перваго способа держались Чацкій и Чарторыйскій, а втораго Ильинскій. Эти тенденціи, принявшія уже довольно ясную и опредѣленную форму, не могли не быть извѣстны и въ польско-іезуитскомъ кружкѣ, особенно вторая ихъ категорія, по близкому и частому сношенію Ильинскаго съ іезуитскимъ орденомъ и его генераломъ. Можетъ быть, подъ вдохновеніемъ

Ильинскаго и поднятъ былъ снова iезуитами проектъ о сибирскихъ миссiяхъ; можетъ быть, влiянiе и значенiе этого польскаго пана въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и содѣйствовало осуществленiю этого предпрiятiя; можетъ быть, наконецъ, самый образъ дѣятельности iезуитовъ въ Сибири опредѣлялся тѣми тенденцiями, которыя проводилъ въ практикѣ Ильинскiй. Покрайней мѣрѣ тотъ политическiй оттѣнокъ, который приняла iезуитская работа въ Сибири, тотъ составъ сибирской iезуитской миссiи, который исключительно состоялъ изъ польскаго элемента, даютъ нашей догадкѣ значительную степень вѣроятiя.

Яснѣе и съ большею опредѣленностiю обозначились польскiя стремленiя и цѣли Ильинскаго. Селенiе Ильинскаго Романово, недалеко отъ Житомiра, губернскаго города Волынской губернiи, было реставрировано этимъ богатымъ польскимъ паномъ съ необыкновенною роскошью и изумительнымъ великолѣпiемъ. Современники Ильинскаго не находили словъ и выраженiй для описанiя палаццо польскаго вельможи и ограничивались только тѣмъ, что называли его замкомъ фей. Пышность и изящество здѣсь соединены были вмѣстѣ въ удивительной гармонiей и съ необыкновеннымъ искусствомъ. Окна въ замкѣ были зеркальныя и одноштучныя; всѣ двери сдѣланы были изъ краснаго дерева; мебель въ замкѣ стоила болѣе 250.000 червонцевъ, одинъ письменный столъ цѣнился въ 25.000 рублей. Библiотечные шкафы сдѣланы были также изъ краснаго дерева, съ украшенiемъ изъ серебра. Между разными и многочисленными рѣдкостями дворца, особенно обращали на себя вниманiе двѣ большiя агатовыя колонны. При палаццо Ильинскаго была картинная галлерея, гдѣ собраны были оригинальныя произведенiя Рафаеля, Рубенса, Тицiана, Веронезе и Фанъ-Дейка, также свой театръ и своя цер-

ковь. Но палаццо Ильинскаго, какъ знаменитый дворецъ, въ Пулавахъ Чарторыйскаго было не просто только роскошною резиденціею польскаго пана-сибарита, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и польскимъ политическимъ клубомъ, гдѣ два раза въ недѣлю собирались изъ сосѣднихъ и окружныхъ фольварковъ и помѣстьевъ знатные польскіе паны (1), и послѣ концертовъ, театровъ, роскошныхъ обѣдовъ и ужиновъ, разсуждали о дѣлахъ ойчизны, объ избавленіи сотни тысячъ туземнаго народонаселенія отъ притѣсненій тиранніи (?) Россіи (2), гдѣ придумывались разныя средства ополячить Волынь и оторвать ее отъ Великороссіи, гдѣ разсуждалось вкривь и вкось и на разные лады о мѣрахъ Чацкаго, объ его Кременецкомъ лицеѣ, о стремленіяхъ Чарторыйскаго и его виленскомъ университетѣ. Результатомъ бывшихъ въ Романовкѣ совѣщаній конечно былъ такъ же и проектъ объ учрежденіи іезуитскаго коллегіума въ знаменитомъ владѣніи Ильинскаго и основаніи іезуитской миссіи, какъ одного изъ самыхъ могущественнѣйшихъ средствъ къ олатиненію и ополяченію русско-православнаго населенія Волыни. Чацкій достигалъ этой цѣли посредствомъ своего кременецкаго лицея, или по выраженію его философскимъ способомъ, а Ильинскій хотѣлъ дойти до

(1) Russland unter Alexander dem Ersten, eine historische Zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch, 7. Band, Miscellen, Seite 415—417.

(2) Внутр. переп. Іезуитовъ, № 269-й, «письмо графа Ильинскаго изъ Романова въ отвѣтъ на письмо Іезуитскаго генерала, въ этомъ письмѣ есть слѣдующая замѣчательная фраза: «коль скоро я приведу къ окончанію дѣла губерніи, *кои по волѣ Господа принялъ на себя для избавленія милліона соотечественниковъ моихъ отъ несноснѣйшаго притѣсненія*, то, какъ вы полагаете, что присутствіе мое можетъ много способствовать ко благу религіи нашей, тотчасъ пріѣду въ Петербургъ и поспѣшу на помощь служителямъ ея.»

этой же цѣли посредствомъ учрежденія іезуитской миссіи въ Романовкѣ, или религіознымъ путемъ. Осуществить свой замыселъ было легко Ильинскому по тогдашнему положенію Россіи: Голицынъ, завѣдывавшій иностранными исповѣданіями, а въ томъ числѣ и латинскимъ, всегда былъ готовъ служить интересамъ іезуитовъ и польскихъ вельможей; довѣріе къ нему Государя было чрезвычайное; время, которое переживала Россія, было грозное и притомъ выдвинувшее на высоту партію іезуитскую, какъ благонамѣреннѣйшую и спасшую государство отъ измѣнниковъ, въ родѣ Сперанскаго. Итакъ вотъ летитъ отъ Ильинскаго письмо или прошеніе къ Голицыну такого содержанія, что «вѣрноподданный польскій панъ убѣжденъ въ томъ, что ничто не можетъ такъ содѣйствовать благу Государя и государства, какъ орденъ іезуитовъ, который методомъ своего воспитанія уже образовалъ столько отличныхъ вѣрноподданныхъ, а потому онъ проситъ позволенія основать въ своемъ имѣніи Романовкѣ (волынской губерніи, Новоградоволынскаго уѣзда, по близости Житоміра) іезуитскую школу, церковь, пансіонъ или конвиктъ, библіотеку, что все онъ сдѣлаетъ на свой счетъ, а равно на себя же беретъ содержаніе 14 іезуитовъ, которые необходимы будутъ для предполагаемаго заведенія [1]». Само собою разумѣется, прошеніе Ильинскаго не встрѣтило никакого возраженія ни въ департаментѣ Голицына ни въ кабинетѣ Императора. Іезуиты явились въ Романовѣ; сначала весь составъ ихъ состоялъ изъ 4 человѣкъ: Рациборскаго, начальника стана, Жантиля, Реута, Чернышевича [2], а въ послѣдствіи, имен-

(1) Catholicisme Romain en Russie, tom. II, pag. 178, par. Tolstoy.

(2) Cathalogus personarum et officiorum societatis Jesu in Imperio Rossiaco, an. 1811—1812 и 1815.

но въ 1818 г. число ихъ возрасло до 11 (¹). Всѣ эти іезуиты пользовались помѣщеніемъ, столомъ и жалованьемъ отъ Ильинскаго; они неимѣли также своей отдѣльной церкви, но служили въ домовой церкви графа; графская библіотека была отдана въ полное распоряженіе іезуитовъ. Конвиктъ и коллегія доставляли іезуитамъ значительныя денежныя суммы. Если они содержали въ своемъ коллегіумѣ на свой счетъ до 10 воспитанниковъ и этимъ думали пускать постороннимъ пыль въ глаза, то оказывается, что эти воспитанники были ихъ же ближайшіе родственники, ихъ братья, или племянники (²); притомъ же и эта трата съ избыткомъ вознаграждалась платою, взимаемою съ пенсіонеровъ, съ вольноприходящихъ, а также доходами, получаемыми съ суконной фабрики, заведенной самими ли іезуитами, или подаренной на извѣстныхъ условіяхъ и договорахъ іезуит-

(¹) Въ арх. Рим. Кат. Колл. дѣло подъ № 1939-мъ, г. 1815, по запросу департамента Дух. Дѣлъ, о доставленіи свѣдѣній о провинціалахъ и визитахъ, ч. I-я, репортъ іезуитскаго провинціала Тиванкевича о романовскомъ коллегіумѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ членовъ коллегіума: 1) Рациборскій, суперіоръ романовскаго коллегіума, былъ профессоромъ философіи и богословіи въ петербургскомъ институтѣ, 2) Зраницкій (Іосифъ) префектъ, 8-мь лѣтъ былъ миссіонеромъ, *поведенія слабаго*, 3) Антоній Жолтовскій, преподаватель русскаго языка; 4) Киселевичь, учитель гражданской архитектуры; 5) Жантиль, профессоръ французскаго языка, *поведенія слабаго;* 6) Инфельдъ, учитель нѣмецкаго языка; 7) Хмѣлевскій, учитель въ 1-мъ классѣ; 8) Янъ Зраницкій, учитель (но чего? не сказано), слабаго поведенія; 9) Мореловскій, профессоръ въ нисшихъ классахъ языковъ: Латинскаго, Польскаго и Русскаго, и секретарь провинціи, слабаго поведенія; 10) Брокъ, регентъ конвикта и преподаватель нѣмецкаго языка; 11) Чарнышевичь, префектъ и профессоръ школъ и проповѣдникъ; 12) Лемешевскій, прокураторъ при суконной фабрикѣ и распорядитель въ коллегіи.

(²) Это показываютъ самыя фамиліи этихъ воспитанниковъ, тожественныя съ іезуитскими. (Тамъ же).

ской общинѣ Ильинскимъ, но только управляемой однимъ іезуитомъ изъ романовской общины, носившимъ по этому особенное названіе прокуратора суконной фабрики и распорядителя въ коллегіи ([1]). Въ какой степени іезуиты оправдали ожиданія и намѣренія партіи Ильинскаго, по недостатку прямыхъ историческихъ данныхъ, судить объ этомъ трудно. Конечно, результаты работы Чацкаго и Чарторыйскаго обозначились выпуклѣе и ярче на характерѣ народонаселенія Сѣверо-Западныхъ и Юго-Западныхъ нашихъ окраинъ, чѣмъ плоды дѣятельности Ильинскаго; но можно съ достовѣрностію предполагать, что въ дѣлѣ общаго растлѣнія народонаселенія западныхъ губерній не малая доля принадлежитъ іезуитской дѣятельности партіи Ильинскаго. Довольно для доказательства этого перечислить тѣ агитаціи, которыя получали начало свое въ этой мѣстности, или самую дѣятельную себѣ поддержку, довольно упомянуть о такихъ личностяхъ, какъ бывшій пріоръ овручьскихъ базиліанъ Сѣроцинскій, задумавшій поголовный побѣгъ въ 1814 г. всѣхъ поляковъ изъ Сибири ([2]). Впрочемъ, есть и прямыя историческія указанія, что іезуиты вліяли на русско-православное юношество Волыни и напитывали его въ своемъ коллегіумѣ и школахъ, конечно, не духомъ православія ([3]).

([1]) Тамъ же.

([2]) Отч. Зап. № 8, г. 1869-й, статья Максимова «Политическіе ссыльные,» ч. 4-я.

([3]) Въ арх. М. Н. П. дѣло подъ № 16-мъ, г. 1817-й, о томъ, чтобъ въ Полоцкой іезуитской академіи и подвѣдомыхъ ей училищахъ обучалось только юношество Римско - Католическаго исповѣданія. Изъ этого дѣла открывается, что въ романовскомъ іезуитскомъ училищѣ воспитывалось, по сознанію самаго ректора полоцкой академіи, а совѣсть іезуит-

И такъ Березовскій осуществилъ во всей полнотѣ одно изъ предположеній своего предшественника Грубера—покрыть сѣтью іезуитскихъ миссій, коллегій и разныхъ учрежденій какъ можно большее пространство русскаго государства, и такъ Березовскій разнесъ іезуитское просвѣщеніе по всѣмъ концамъ Россіи—отъ Петербурга до Тифлиса, отъ Полоцка до границъ Китая. Теперь существовали заведенія іезуитскія подъ разными названіями въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Россіи: Полоцкѣ, Петербургѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Витебскѣ, Ужвальдѣ, Ригѣ, Романовѣ, Дагдѣ, Пущѣ, Халчѣ, Чечерскѣ, Лозовичахъ, Ряснѣ, Астрахани, Саратовѣ, Моздокѣ, Одессѣ и Сибири [1]. Нельзя также не причислить къ мѣстностямъ, заполоненнымъ іезуитами, и нашей первопрестольной и любящей гордиться своимъ православіемъ Москвы. При двухъ московскихъ латинскихъ церквахъ находилось до 20-ти латинскихъ священниковъ, изъ которыхъ 18-ть приходилось на церковь св. Людовика, пользовавшуюся особенною привилегіею—имѣть при себѣ священниковъ только изъ Французовъ и вызывать

ская весьма эластичная вещь,—12-ть мальчиковъ православнаго исповѣданія.

Примѣчаніе. Романовскіе іезуиты неотличались аскетизмомъ и строгою нравственностію. Провинціалъ Тиванкевичь въ письмахъ своихъ къ іезуитскому генералу жалуется на безпорядки, которые происходили въ Романовѣ, и называетъ это мѣсто опаснымъ, гдѣ актеры и актрисы графа строятъ козни непорочности юношей, воспитанныхъ іезуитами (Внутр. пер. № 281-й). Сравните съ этимъ отзывъ Тиванкевича о самыхъ начальникахъ и наставникахъ романовскаго училища (приведенной нами выше), и вы можете ясное составить понятіе о нравственности учащихъ и учащихся въ этомъ заведеніи.

[1] Catalogus personarum et officiorum societatis Iesu in Imperio Rossiaco, an. 1815; Rubon, tom. VIII. Krótka wzmianka o Iezuitach na Białorusi i o byłej Połockiej Akademii.

ихъ изъ Франціи по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь никакими препятствіями ни со стороны нашего правительства ни со стороны мѣстной епархіальной власти. Вслѣдствіе этого церковь св. Людовика въ Москвѣ наполнилась духовными-выходцами изъ Франціи, эксъ-іезуитами или явными іезуитами, каковы напр. Бильи, Сюрюгъ и Перрэнь, у которыхъ брали уроки въ наукѣ совращенія православныхъ въ латинство даже петербургскіе іезуиты ([1]). Во время на-

([2]) Въ Москвѣ двѣ латинскихъ церкви и обѣ считаются приходскими одна во имя Св. Ап. Петра и Павла, находящаяся въ Лефортовской части, другая во имя Св. Людовика, въ Мясницкой части. Прихожане первой состоятъ изъ всѣхъ народностей исповѣдающихъ латинство, а къ послѣдней исключительно относятся французы. При первой приходскими священниками были кармы или кармелиты; при второй французы, не считавшіе даже своею обязанностію объявлять къ какому они латинскому ордену принадлежатъ, а потому митрополитъ Сестренцевичъ въ общемъ спискѣ духовныхъ латинскихъ, находившихся въ Россіи, въ графѣ о духовныхъ московской латинской церкви Людовика, принужденъ былъ ограничиться простымъ перечнемъ именъ духовныхъ, неимѣя возможности съ точностію опредѣлить, къ какому они принадлежатъ ордену (Spisek Lacinskiego duchowenstwa Mohilewskiey Archi-Dyecezyi, roku 1808, стр. 18). Въ царствованіе покойнаго Императора Николая I-го стремленіе прихожанъ французской церкви Людовика въ Москвѣ и духовенства совершенно обособиться отъ обыкновенныхъ иностранцевъ, живущихъ въ Россіи, и почитать себя нѣкоторымъ образомъ *status in statu* россійской имперіи, выразилось въ одномъ довольно курьезномъ фактѣ, который мы сейчасъ разскажемъ. Бывшій посланникомъ французскимъ при нашемъ дворѣ маршалъ маркизъ Мезонъ, представилъ нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ записку, въ которой говорилось, что поселившіеся въ Москвѣ французы желаютъ, чтобы священнику, находящагося тамъ французскаго латинскаго прихода, разрѣшено было во время Богослуженія, послѣ молитвъ объ Императорской фамиліи, упоминать и короля французовъ, *какъ это будто бы и доселѣ было*. Нессельродъ, озадаченный такимъ оригинальнымъ и страннымъ заявленіемъ, обратился за рѣшеніемъ этого необычайнаго вопроса къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Министръ сообщилъ Вице-Канцлеру, что въ бумагахъ

шествія французовъ многія изъ латинскихъ въ Москвѣ духовныхъ навлекли на себя подозрѣніе русскихъ властей своимъ поведеніемъ и отношеніемъ къ французамъ, и вслѣдствіе этого были удалены или совсѣмъ изъ Россіи и высланы за-границу, или посланы въ отдаленные города Имперіи, а потому правительство прямо обратилось къ іезуитамъ, какъ способнѣйшимъ изъ всѣхъ латинскихъ орденовъ удовлетворить духовнымъ нуждамъ латинской Московской паствы и съ большею пользою замѣнить тѣхъ духовныхъ, которые удалены были изъ Москвы, хотя эти духовные въ боль-

департамента дух. дѣлъ иностранныхъ исповѣданій нѣтъ примѣра, чтобы когда либо подобное вышеозначенному домагательство было изъявляемо отъ чужестранныхъ иновѣрцевъ и особенно французовъ поселившихся, или временно въ Россіи пребывающихъ; нѣтъ также и въ актахъ Р. Кат. Дух. Коллегіи свѣдѣнія о разрѣшеніи въ церкви Св. Людовика въ Москвѣ, управляемой тѣмъ же порядкомъ, какъ и другія Римско-Католическія церкви въ Россіи, молиться за короля французскаго послѣ установленной молитвы о здравіи и благоденствіи Императора Всероссійскаго и Августѣйшаго Его Дома. Если въ Англиканской церкви молятся за короля Англійскаго, то, вѣроятно, потому, что сія церковь построена на счетъ великобританскаго правительства и находится въ непосредственномъ вѣдѣніи посольства сей державы, притомъ и самое ея учрежденіе послѣдовало по сношеніямъ и распоряженіямъ не Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а Иностранныхъ.

По всѣмъ симъ причинамъ я признаю себя не въ правѣ входить въ какое либо посредство къ удовлетворенію нынѣшней просьбы нѣкоторыхъ прихожанъ церкви св. Людовика въ Москвѣ, на изъявленномъ ими основаніи, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ находятся и давшіе присягу на вѣрность подданства Державѣ Россійской, и сами священники сей церкви Впрочемъ, если испрашиваемое ими разрѣшеніе признаете нужнымъ и возможнымъ по видамъ политическимъ, то отъ усмотрѣнія Вашего Сіятельства будетъ зависить представить о томъ на благоусмотрѣніе Государя Императора и испросить Высочайшее повелѣніе». (См. имѣющуюся у меня рукопись, полученную мною отъ покойнаго А. С. Иванова).

шинствѣ и были совершенные іезуиты. Коллегія приказала Березовскому послать пятерыхъ іезуитовъ въ Москву, для исправленія приходскихъ требъ при двухъ московскихъ латинскихъ церквахъ и назначила содержаніе имъ отъ 2.500 до 3.000 въ годъ изъ суммъ іезуитскаго ордена [1]. Такимъ

[1] Въ арх. Колл. дѣло 1813-го г., № 1811, по предложенію князя Голицына о назначеніи въ московскія католическія церкви 5-ти монаховъ, и тутъ же предписаніе катол. департамента генералу іезуитскаго ордена Березовскому назначить пять іеромонаховъ для исправленія приходскихъ требъ при московскихъ катол. двухъ церквахъ. Хотя Березовскій отнѣкивался послать на счетъ іезуитскаго ордена этихъ монаховъ, и извинялся въ этомъ предъ митрополитомъ Сестренцевичемъ, по потомъ какъ видно, или согласился самъ исполнить предписаніе департамента, или принужденъ былъ покориться высшей власти. (Внутр. Переп. Іезуит. III-я тетрадь).

Примѣчаніе. Говоря о разныхъ Іезуитскихъ заведеніяхъ въ Россіи, мы не внесли въ перечень ихъ динабургскаго коллегіума, потому что правительство взяло себѣ коллегію и іезуитскія имѣнія въ Динабургѣ и обратило ихъ въ крѣпость. Стратегическія соображенія привели наше правительство къ убѣжденію въ важности пункта, занимаемаго іезуитскимъ заведеніемъ, и впослѣдствіи дѣйствительно здѣсь явилась первоклассная крѣпость. Безъ всякаго сомнѣнія, іезуиты щедро вознаграждены были нашимъ правительствомъ за динабургское свое заведеніе: правительство обязалось выдавать имъ 30.000 рублей въ продолженіи 10-ти лѣтъ, такимъ образомъ они взяли съ Россіи за свой динабургскій коллегіумъ 300.000 рублей (Correspondance Diplomatique de Joseph de Maistre, 1811—1817, recueillie et publiée par Albert Blanc, tom. 1 pag. 18). Воспитанники динабургскаго коллегіума всѣ переведены были въ Краславль, куда перемѣстились и начальники, и наставники закрытаго заведенія (Арх. М. Н. П. № 79-й, по рапорту ректора Полоцкой іезуитской академіи, объ открытіи лекцій въ оной академіи и о состояніи оной и подвѣдомыхъ ей училищъ). Кстати замѣтимъ, что іезуиты, по присущей ли этому ордену самой ненасытимой алчности, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ, были недовольны столь щедрымъ вознагражденіемъ отъ нашего правительства за свой динабургскій коллегіумъ. Во внутренней перепискѣ ихъ мы находимъ явные слѣды этого недоволь-

образомъ православная Москва изъ рукъ, такъ сказать, самаго правительства получила въ даръ себѣ часть папской гвардіи и впослѣдствіи времени до поразительной ясности, показала, что она не уступаетъ нѣмецкому Петербургу въ пламенномъ стремленіи къ латинству и въ легкомысленной быстротѣ мѣнять вѣру своихъ отцевъ на папизмъ, такъ нетерпимый русскими еще со временъ Владиміра Святаго. И такъ къ вышепоименованнымъ нами іезуитскимъ учрежденіямъ въ Россіи мы относимъ и Москву и считаемъ ее такою же іезуитскою миссіею, или резиденціей, какъ Одессу, Саратовъ и Ригу.

Если въ Россіи іезуитское воинство основало столько своихъ лагерей, то, конечно, и число или составъ этого воинства былъ немалочисленъ въ александровскую эпоху. По офиціальнымъ іезуитскимъ свѣдѣніямъ, число ихъ простиралось въ первую половину управленія орденомъ Березовскаго до 349 человѣкъ, изъ коихъ 174 священника, 91 схоластикъ, и 84 коадъютора. Самое большее число іезуитовъ приходилось на Полоцкъ, гдѣ находилось 119 іезуитовъ; потомъ числа іезуитовъ по разнымъ мѣстностямъ распредѣляются въ такой градаціи: въ Пущѣ 49 человѣкъ, въ Петербургѣ 27, Оршѣ 21, Витебскѣ 16, Мстиславлѣ 15, Одессѣ 14, Саратовѣ 18, Ригѣ 7, Романовѣ 7, а на самомъ дѣлѣ 12, Ужвальдѣ 5, Астрахани 5, Сибири 4, Дагдѣ 3, Халчѣ 3, Чечерскѣ 2, Лозовичахъ 3, Ряснѣ 2, Моздокѣ 2,

ства: то они обиняками говорятъ, что они принуждены были уступить динабургское свое заведеніе для построенія укрѣпленій, то прямо выражаютъ, что обращеніе іезуитской коллегіи въ Витебскѣ въ военный госпиталь и вообще потеря, причиненная интересамъ ихъ ордена военными обстоятельствами, простирается до 1.300.000 рублей, конечно часть этой потери относится и къ динабургской коллегіи. (Внутр. Пер. III-я тетрадь, и тамъ же № 292-й).

да еще въ различныхъ мѣстахъ, какъ выражается іезуитскій официальный указатель лицъ іезуитскаго ордена, 12 ([1]). Если прибавить къ этому числу еще московскихъ іезуитовъ да еще служившихъ въ качествѣ приходскихъ священниковъ при разныхъ домовыхъ или приходскихъ церквахъ, напр. въ Севериновкѣ у Потоцкаго ([2]), у папскаго нунція въ Петербургѣ ([3]), у Ливіо на дачѣ, находившейся въ 7 верстахъ отъ Петергофа ([4]), при церквахъ въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Гатчинѣ, Кронштадтѣ, и въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ ([5]), гдѣ они рѣдко или почти ни-

([1]) Catalogus personarum et officiorum Soc. Jesu in Imperio Rossiaco ann. 1814, также Rubon, tom VIII, стр. 60. Въ Латинскихъ рубрицеллахъ встрѣчаются часто очень значительно пропуски,—намѣренные, или не намѣренные. Такъ могилевская латинская консисторія въ рубрицеллахъ своихъ пропустила такую значительную въ іезуитскомъ обществѣ церковь, какова Ужвальдская, и впослѣдствіи официально принуждена была сознаться въ своемъ промахѣ. (См. въ арх. колл. дѣло подъ № 2577-мъ, г. 1821-й, по предложенію князя Голицына о доставленіи свѣдѣнія о по—іезуитскихъ приходскихъ церквахъ).

([2]) Внутр. Переп., № 291-й, письмо графа Северина Потоцкаго къ генералу Березовскому изъ Львова, въ которомъ (письмѣ) онъ проситъ прислать ему двухъ іезуитовъ для отправленія службы въ его селѣ Севериновкѣ близъ Одессы.

([3]) Въ арх. колл. опись бумагамъ церквей С.-Петербургскихъ, Царскосельской и другихъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи іезуитовъ, съ 1797-го г. по 1814-й, № 15-й, гдѣ говорится, что у папскаго нунція была своя домовая церковь и свой священникъ, итальянецъ іезуитъ Пингелли, который обвѣнчалъ въ этой церкви кн. Голицыну съ графомъ Сэнъ-При.

([4]) Тамъ же, № 346-й, извѣщеніе аббата Грандидье о томъ, что митрополитъ далъ позволеніе отправлять ему богослуженіе во время лѣта на дачѣ Г-на Ливіо, находящейся въ 7 верстахъ отъ Петергофа.

([5]) Тамъ же, № 278, гдѣ графъ Литта извѣщаетъ Мезонева, что Государь пожаловалъ полтора дома въ Царскомъ Селѣ подъ № 329 и 330-мъ съ принадлежащею къ нимъ землею для духовенства римско-католической церкви. Приходскимъ священникомъ Царскосельской латинской

когда незначатся подъ именемъ іезуитовъ, а скрываются подъ неопредѣленнымъ названіемъ приходскихъ священниковъ, а потому и не входятъ въ общій іезуитскій указатель членовъ этого ордена, то цифра іезуитовъ въ Россіи въ эпоху первую управленія Березовскаго приблизительно и съ вѣроятностію можетъ подходить къ 400.

Показанное нами количество воинства Лойолы, эксплуатируя русскій умъ, русскую совѣсть и сердце, въ тоже

церкви сдѣланъ былъ состоявшій при церкви мальтійскаго ордена домовымъ священникомъ аббатъ Цезарисъ, переодѣтый іезуитъ. У Голицыной въ Алексѣевкѣ была своя (тайная) латинская церковь, гдѣ служивалъ аббатъ Николь и другіе іезуиты, но не называемые офиціально этимъ именемъ. Такъ Сюрюгъ пишетъ къ своимъ товарищамъ-іезуитамъ, «что онъ провелъ нѣсколько дней въ Алексѣевкѣ при княгинѣ Голицыной и имѣлъ утѣшеніе служить каждый день обѣдню. Окружающіе княгиню католики были тѣмъ довольны». (Внутр. Пепер. № 115-й). Жена повидимому вполнѣ русскаго человѣка и истиннаго патріота графа Растопчина была самая безумная и неистовая латинянка. Въ подмосковномъ имѣніи своемъ Вороновѣ она устроила домашнюю латинскую церковь, гдѣ отправлялъ службы по латинскому обряду гувернеръ сына Ростопчина, аббатъ Леонаръ Фроманъ. Позволеніе на отправленіе Фромановъ латинскаго Богослуженія выпрошено было подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, а имянно, что разстояніе, раздѣляющее Воронова отъ Москвы, не позволяетъ аббату каждое воскресенье пріѣзжать въ Москву, а слѣд. и исполнять обязанности христіанина и духовнаго, а потому онъ проситъ митрополита позволить ему служить литургію и прочія службы на дачѣ Растопчина. Имя графини такъ было скрыто, хотя извѣстно было, что по ея-то домагательствамъ все это и дѣлалось. Мужъ котораго мы привыкли почитать типомъ русскаго человѣка, энергичнымъ, горячимъ и неостанавливающимся ни предъ какими препятствіями, ни предъ какими даже крайностями, оказывается однимъ изъ тѣхъ десятковъ тысячь мужей, которые—Юпитеры съ своими подчиненными и рабы своихъ женъ. (Тамъ же, № 140).

Въ Калужской губерніи, мещовскомъ уѣздѣ, селѣ Сафоновѣ помѣщица Минина, урожденная Донбровская, построила латинскую каменную церковь, съ дозволенія митрополита Сестренцевича. (Тамъ же; № 287-й).

время поглощала матеріальныя силы Россіи. Невольно удивляешься съ Сестренцевичемъ огромному количеству богатства, не только не производительно, но съ явнымъ вредомъ для Россіи, поглощенному въ Россіи этимъ прожорливымъ, какъ акулла, орденомъ. Удивляешься при этомъ простодушію русскихъ, становишься въ тупикъ при ненасытимомъ корыстолюбіи іезуитовъ, и наконецъ задаешь себѣ вопросъ: куда же эти русскія богатства, такъ безумно расточительно лившіяся изъ русскихъ сокровищницъ на проповѣдниковъ латинства, исчезли и какая сила, такъ быстро и незамѣтно для глазъ правительственныхъ, унесла ихъ изъ земли русской? Въ самомъ дѣлѣ, невольно съ удивленіемъ остановишься предъ тѣми фактами, которые не подлежатъ никакому сомнѣнію и которые краснорѣчиво говорятъ о самой безсовѣстной и грабительской эксплуатаціи іезуитами вещественныхъ богатствъ и силъ Россіи. Мы не будемъ комментировать этихъ фактовъ, а ограничимся простымъ перечисленіемъ ихъ,—они ненуждаются въ нашихъ комментаріяхъ и сами говорятъ за себя, іезуитское общество въ Россіи владѣло 14,000 душъ крестьянъ на правахъ помѣщичьихъ, или точнѣе панскихъ, поглощая и раззоряя силы и имущество своихъ крѣпостныхъ съ такимъ же безчеловѣчіемъ, грабя ихъ съ такимъ же звѣрствомъ, какъ и польскіе паны, и обременяя ихъ самымъ тяжелымъ оброкомъ и самыми египетскими работами (1).

(1) См. въ арх. М. И. Д. Mèmoires, Notices et Observations relatifs aux affaires ècclesiastiques, № 24—29, «Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія, въ Россіи пребывающемъ отъ того времени, какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу—Богушу». «Чего не въ состояніи предпринимать, восклицаетъ Сестренцевичъ, такое общество, которое чуждается спокойствія,

Если на бѣлорусскихъ нашихъ крестьянахъ, находившихся долго въ крѣпостномъ плѣну у польскихъ пановъ, легъ неизгладимыми чертами типъ запуганности, рабства, убожества и какой-то безотрадности, отупѣлости и умственной нищеты, то все это ярче, крупнѣе и сильнѣе отразилось въ крестьянахъ, бывшихъ крѣпостными іезуитовъ. Вообще съ однихъ своихъ крѣпостныхъ въ Россіи общество Лойолы, давшее обѣтъ нищеты, получало деньгами и натурою до 700.000 рублей. Это доходъ, получаемый іезуитами, какъ помѣщиками. Къ этому нужно присоединить еще суммы, получаемыя ими въ качествѣ приходскихъ священниковъ и воспитателей юношества. О цифрѣ этихъ доходовъ можно судить по количеству прихожанъ, принадлежавшихъ къ іезуитскимъ церквамъ. Этихъ прихожанъ въ одной Бѣло-

имѣя 14,000 душъ и знатный денежный капиталъ, которые до 1800-го г. принадлежали для потребы только ста человѣкъ? Для какихъ намѣреній, кромѣ тѣхъ, коими поколебать можно безопасность мирныхъ и спокойныхъ обывателей, нужно было оному исходатайствованіе указа 12 Окт. 1800-го г. о возвращеніи по мѣрѣ умноженія его въ своемъ числѣ тѣхъ поіезуитскихъ имѣній, которыя со времени оцѣнки ихъ и отдачѣ изъ платежа процентовъ, назначенныхъ на воспитаніе юношества, могли перейти чрезъ многія руки?»

Въ описываемую нами эпоху вообще у чернаго латинскаго духовенства было 73,741 душа крѣпостныхъ; у іезуитовъ, какъ и водится, было крестьянъ и недвижимыхъ имѣній болѣе всѣхъ латинскихъ орденовъ. (См. имѣющуюся у меня записку Овцына). Какъ не умолимо драли оброкъ и притомъ высокій съ своихъ крестьянъ, и какъ отягощали ихъ барщиною, это впослѣдствіи открыто засвидѣтельствовано было офиціальными дознаніями, произведенными по Высоч. повелѣнію. Дознанія эти вызваны были непосредственнымъ, личнымъ наблюденіемъ Императора Александра I-го бѣдственнаго положенія іезуитскихъ крестьянъ, встрѣтившаго въ Царскомъ Селѣ жалкихъ нищихъ, мимо которыхъ нельзя было пройдти безъ состраданія и которые оказались крѣпостными знаменитаго нищенскаго ордена Лойолы. Тамъ же примѣчаніе.

руссіи и Литвѣ было около 30,000 (1); присоедините къ этому числу цифру прихожанъ въ Петербургѣ, гдѣ однихъ свадебъ въ году бывало до 50 (2), Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ, саратовскихъ колоніяхъ, и вы не ошибетесь, если опредѣлите общій итогъ іезуитскихъ прихожанъ въ 100.000 душъ. По большей части іезуиты за отправленіе должности приходскихъ священниковъ получали жалованье отъ казны какъ напр. въ саратовскихъ, крымскихъ колоніяхъ, Астрахани, Одессѣ, Москвѣ и другихъ городахъ жалованье, котораго *minimum*, при казенной, квартирѣ, прислугѣ, состоялъ въ 300 рубляхъ, а *maximum* доходилъ обыкновенно до 600, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 3.000 рублей (3). Не-

(1) См. въ арх. кол. дѣло подъ № 2577-мъ, г. 1821-й, «по предложенію князя Голицына о доставленіи свѣдѣнія о поіезуитскихъ приходскихъ церквахъ», и тутъ же вѣдомость о недвижимыхъ поіезуитскихъ имѣніяхъ, поступившихъ по опискѣ въ казенное вѣдомство. Вѣдомость эта составлена была въ первый же годъ по изгнаніи іезуитовъ, и составлена весьма обстоятельно: въ ней указаны имена мѣстностей, число дворовъ и жителей. Тутъ же находится и другая вѣдомость о числѣ приходскихъ іезуитскихъ церквей ихъ прихожанъ. На этой то вѣдомости мы основали свои заключенія о количествѣ іезуитскихъ прихожанъ. Мы нашли между прочимъ въ этой вѣдомости одинъ достойный примѣчанія фактъ: въ іезуитскихъ имѣніяхъ было до 9-ти греко-унитскихъ церквей, къ священникамъ которыхъ іезуиты относились также, какъ помѣщики къ своимъ, такъ называемымъ, ружнымъ или домовымъ священникамъ. Легко можно вообразить себѣ положеніе этихъ бѣдныхъ священниковъ при такихъ человѣколюбивыхъ, вѣротерпимыхъ, простыхъ и добрыхъ помѣщикахъ!

(2) Въ Арх. Кол. дѣло подъ № 1490-мъ, г. 1809-й, по рапортамъ здѣшней (Петербургской) католической церкви ректора Анжіолини, съ приложеніемъ вѣдомостей о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ.

(3) Тамъ же дѣло подъ № 1840-мъ, г. 1813-й, по предложенію кн. Голицына о предписаніи всѣмъ епископамъ, чтобы прислали свѣдѣніе, сколько всякій духовный получаетъ дохода. Несмотря на явное стремленіе

довольствуясь казеннымъ жалованьемъ, iезуиты брали съ своихъ прихожанъ за требы деньгами, овощами, плодами, мясомъ, рыбою и т. под. вещами, при этомъ плата взималась или съ каждаго прихожанина отдѣльно, за совершенiе каждой требы, или заключался договоръ съ общиною, сколько она должна жертвовать въ годъ своему приходскому священнику деньгами и натурою за совершенiе всѣхъ вообще требъ въ году въ цѣломъ приходѣ (1). Въ колонiяхъ сумма получаемая iезуитами за требы, всячески равнялась получаемому ими жалованью изъ казны, а въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва и Одесса, конечно превосходила его въ пять разъ и болѣе и могла достигать отъ 2.000—3.000 на каждаго iезуита. Педагогическая дѣятельность iезуитовъ была также весьма прибыльною и доходною для нихъ статьею. По имѣющимся у насъ документамъ, iезуитскiе благородные пансiоны и конвикты по самой меньшей мѣрѣ поглощали каждогодно нашихъ боярскихъ денегъ 100.000 рублей, а вообще педагогическое поприще доставляло iезуитскому ордену въ Россiи не менѣе 300.000 рублей въ годъ (2). Къ этимъ круглымъ

скрытъ количество этихъ доходовъ, общiй итогъ съ ихъ доходитъ до полумильонной цифры на одно черное латинское духовенство, а изъ него болѣе всего приходится этихъ доходовъ на орденъ iезуитскiй.

(1) Тамъ же см. генеральную вѣдомость о доходахъ и расходахъ денежныхъ духовенства римско-католич. епархiи Изъ этой вѣдомост видно, что саратовскiе iезуиты получали каждогодно по уговору съ своими прихожанами за совершенiе требъ 184-200; кромѣ того, они получали еще натурою рыбу, икру, плоды, молоко, мясо, дичь и проч. Въ Бѣлоруссiи и Литвѣ iезуиты держались подобныхъ же правилъ; но здѣсь къ вышеупомянутымъ статьямъ дохода присоединялись еще доходы съ такъ называемыхъ фундушей, которые были не незначительны.

(2) Вѣдомость о числѣ русскихъ питомцевъ, обучавшихся въ iезуитскихъ благородныхъ пансiонахъ, и выводы наши о суммѣ, ежегодно

доходамъ нужно прибавить еще тѣ суммы, которыя они получали отъ фабрикъ, мельницъ, пивоваренъ и разныхъ другихъ промышленныхъ заведеній, отъ печатанія книгъ, книжекъ, гравюръ, мѣсяцеслововъ въ своей полоцкой типографіи, наконецъ тотъ систематическій грабежъ, съ коимъ они расхищали праотческое богатство и сокровище нашихъ простодушныхъ барынь,—и тогда вы можете, хотя приблизительно, опредѣлить цифру доходовъ іезуитскаго братства въ Россіи. Замѣтимъ еще черту въ характерѣ этого ордена: не смотря на свои несмѣтныя богатства, онъ постоянно нылъ и всѣмъ кричалъ о своей бѣдности, о своихъ убыткахъ, раззореніи, подучалъ своихъ знакомыхъ и покровителей распространять слухи въ обществѣ о своей нищетѣ ([1]). Впослѣдствіи оказалось, что всѣ эти восклицанія

взимаемой Iезуитами съ нашихъ баръ за воспитаніе ихъ дѣтей, основаны на оффиціальныхъ документахъ министерства народнаго просвѣщенія, относящихся ко многимъ годамъ александровской эпохи, начиная съ 1813 г. и кончая 1820. Мы, опасаясь упрека въ преувеличеніи цифры русскихъ пансіонеровъ въ іезуитскихъ пансіонахъ, брали minimum числа и самихъ воспитанниковъ и суммы, взимаемой съ нихъ за воспитаніе, и пришли къ тому заключенію, которое высказали въ нашемъ текстѣ. Документы М. Н. П., на которыхъ основываются наши выводы, суть слѣдующіе: 1) Дѣло подъ № 16, г. 1817-й, о томъ, чтобы въ полоцкой іезуитской академіи и подвѣдомыхъ ей училищахъ обучалось только юношество римско-католическаго исповѣданія; 2) списокъ воспитанниковъ іезуитскаго пансіона, съ показаніемъ особъ, на попеченіи коихъ они состоятъ; 3) дѣло подъ № 79, по рапорту ректора полоцкой іезуитской академіи объ открытіи лекцій въ оной, о состояніи оной и подвѣдомыхъ ей училищъ.

([1]) Внутр. переп. № 218-й, двѣ подлинныя записки Березовскаго къ неизвѣстнымъ лицамъ; въ одной изъ нихъ онъ пишетъ: «Вы припомните, что сказалъ князь: Iезуиты богаты. Сдѣлайте милость, опровергните сіе мнѣніе въ предстоящемъ случаѣ; скажите, что отъ послѣдняго разоренія—потери одной полоцкой коллегіи превышаютъ милліонъ рублей.»

іезуитовъ о своей бѣдности были направлены къ одной цѣли—какъ можно больше взять и забрать у русскаго правительства денегъ и потомъ не отдать подъ предлогомъ бѣдности и недостатка денегъ у ордена. Такъ они поступили напримѣръ при займѣ изъ казны 200.000 руб. на построеніе флигелей въ своемъ домѣ и поставили Императора Александра I въ необходимость уплатить эти деньги казнѣ изъ собственной своей шкатулки. Но не здѣсь еще положены были геркулесовскіе столбы іезуитскому хищничеству и безсовѣстности,—іезуиты въ своихъ продѣлкахъ по денежнымъ дѣламъ пошли еще дальше: на имя своего покровителя графа Литты, іезуиты надавали фальшивыхъ векселей на огромныя суммы денегъ и требовали отъ казны уплаты по этимъ векселямъ. Имя, значеніе въ русскомъ обществѣ графа Литты, его положеніе при дворѣ,—все это давало полную силу претензіи Литты, никто и подозрѣвать не могъ что тутъ идетъ чисто шуллеровская и плутовская игра, герои которой вполнѣ заслуживаютъ владиміровки и нерчинскихъ рудокопней; казна уплачивала по предъявленнымъ ей Литтою векселямъ іезуитскіе долги; іезуиты съ Литтою заливались смѣхомъ надъ русскимъ простодушіемъ, потирали отъ удовольствія свои руки и дѣлили пополамъ полученные такимъ честнымъ путемъ доходы (1). Мы бы не кончили нашей повѣсти о разныхъ источникахъ доходовъ іезуитскихъ, еслибы вздумали перечислять ихъ всѣ — такъ ихъ было много и такъ они были разнообразны,—въ заключеніе скажемъ только, что іезуиты позволяли себѣ присвоивать чужія земли, чужія деньги, разныя драгоцѣнныя вещи, не платили долговъ, воровали серебро, золото, драгоцѣнные камни, принадлежавшіе церквамъ или монастырямъ, отдавали въ

(1) См. въ рукописи біографію Литты, Д. А. Кропотова.

ростъ и за жидовскіе проценты свои и церковныя деньги, не рѣдко не возвращали залоговъ, если они были цѣннѣе суммы, данной въ долгъ, отпирались отъ своихъ росписокъ или составляли фальшивые акты, подмѣнивали вещи и такъ далѣе (1).

Вотъ въ какомъ нравственномъ безобразіи предстаетъ предъ нами эта квинтъ-эссенція латинскаго духовенства! Вотъ съ какимъ деморализирующимъ вліяніемъ на русскую жизнь и общество является этотъ знаменитый орденъ латинства! Но въ нашей картинѣ онъ изображенъ еще не во всю его полноту, а только съ нѣкоторыхъ сторонъ,—въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ онъ явится предъ нами съ новыми сторонами, новыми чертами и удивитъ насъ новымъ своимъ нравственнымъ безобразіемъ.

(1) Въ арх. католич. колл. такихъ дѣлъ огромное количество; мы ограничимся ссылкою только на нѣкоторыя изъ нихъ, напр. на слѣдующія: 1) Дѣло подъ № 1538, г. 1809-й, по сообщенію могилевскаго губернскаго правленія по дѣлу камергера Стаховскаго съ мстиславскими іезуитами о фольваркѣ *Гризъ*; 2) дѣло подъ № 2041, г. 1816-й, по предложенію кн. Голицына о должной помѣщикомъ Своlынскимъ полоцкимъ іезуитамъ суммы; 3) дѣло, подъ № 2337, г. 1819-й, по докладу коллегіи о фундушевой суммѣ витебскихъ іезуитовъ 2000 талеровъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Другое наслѣдство, завѣщанное Груберомъ своему преемнику, состояло въ томъ, чтобы освободить іезуитскія заведенія изъ подъ зависимости университетовъ. Такъ какъ обстоятельства не благопріятствовали іезуитамъ завладѣть виленскимъ университетомъ, то усилія Березовскаго устремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы поставить всѣ іезуитскія учебныя заведенія въ независимое отъ университета положеніе и образовать изъ нихъ свой особенный учебный округъ съ своимъ высшимъ учебнымъ центромъ—полоцкой академіей. Докладная записка, поданная Березовскимъ Александру 1, по этому случаю. Она осталась безъ отвѣта Государева. Березовскій не падаетъ духомъ отъ этой неудачи, но еще съ большею настойчивостію преслѣдуетъ свою мысль. Переписка Березовскаго съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Разумовскимъ по этому предмету. На помощь Березовскому въ этомъ дѣлѣ приходитъ графъ Де-Местръ. Покровитель іезуитовъ пишетъ по этому поводу цѣлую книгу, гдѣ съ критикою предмета иногда вѣрною, тонкою и остроумною, странно соединяются самые чудовищные пародоксы, гдѣ вмѣсто серьезнаго доказательства авторъ старается совершенно увернуться отъ рѣшенія вопроса, или отдѣлывается остротою, шуткою, пошлымъ сравненіемъ, наконецъ буквально лжетъ, клевещетъ и даже прибѣгаетъ къ застращиванію и запугиванію. Переписка Де-Местра съ Разумовскимъ сдѣлалась извѣстною Государю Александру 1 и имѣла рѣшительное вліяніе на окончаніе дѣла объ эманципаціи іезуитскихъ учебныхъ заведеній и возведеніи полоцкаго іезуитскаго коллегіума на степень академіи. Тогдашнія обстоятельства и начинающая обнаруживаться нравственная перемѣна въ Императорѣ Александрѣ 1 давали вѣсъ и значеніе іезуитской партіи, а слѣдовательно и благопріятствовали осуществленію ихъ замысловъ

касательно своихъ учебныхъ заведеній вообще и полоцкой коллегіи въ частности. Торжество іезуитовъ, по случаю возведенія полоцкой коллегіи въ академію.

Другое наслѣдство, переданное Груберомъ Березовскому, заключалось въ освобожденіи изъ подъ университетской зависимости іезуитскихъ учебныхъ заведеній, въ совершенномъ эмансипированіи ихъ и въ дарованіи имъ правъ, какими владѣли университеты и подвѣдомыя имъ заведенія. Іезуиты не могли безъ скорби смотрѣть на виленскій университетъ, перешедшій въ чужія руки, но нѣкогда принадлежавшій іезуитамъ и всегда почитавшійся ими за родной и свой. Еще Груберъ при Павлѣ I пытался завладѣть виленскимъ университетомъ, но неожиданная смерть Императора и отчасти убѣжденія ректора университета Почобуша, пользовавшагося личнымъ расположеніемъ іезуитскаго генерала, остановили это дѣло. При Александрѣ I, при которомъ виленскому университету дано было столько новыхъ правъ, Груберъ боялся въ другой разъ выражать поползновеніе завладѣть старымъ достояніемъ іезуитовъ, тѣмъ болѣе, что Императоръ самъ лично видѣлъ виленскій университетъ, оказалъ особенные знаки благоволенія своего къ ректору университета и профессорамъ, и обнадежилъ ихъ продолженіемъ своей благосклонности къ нимъ и въ будущемъ. Хотя Государь не очень расположенъ былъ по природѣ своей къ расточаемымъ Ему похваламъ и вообще къ панигирикамъ, но по видимому, не безъ удовольствія выслушалъ льстивую рѣчь Почобуша, временно исправлявшаго тогда, за отсутствіемъ Стройновскаго, должность ректора университета [1]. Щедрою рукою сыпались Монаршія мило-

[1] Почобушъ въ рѣчи своей Императору Александру I назвалъ его сѣвернымъ или полночнымъ Маркомъ Авреліемъ и Соломономъ (см. Dawna Akademia Wilenska, przez Michala Balinskiego, 1862 rok., стр. 380—390).

сти на виленскій университетъ: Государь опредѣлилъ на содержаніе его выдавать ежегодно 105.000 р. съ поіезуитскихъ фундушей и доходовъ, да кромѣ того, ему дано право пользоваться доходами съ 4 богатѣйшихъ каноній въ виленскомъ капитулѣ и съ 4 Жмудскихъ и одной суффрагании Троцкой; къ нимъ прибавлено еще 10 самыхъ важныхъ духовныхъ бенефицій [1]. При такихъ обстоятельствахъ всякое новое покушеніе завладѣть виленскимъ университетомъ со стороны Грубера было бы не только безуспѣшно, но даже опасно и могло весьма печально отозваться какъ на немъ самомъ, такъ и на положеніи его ордена. Ненужно забывать и того, что у Грубера, какъ австрійца по происхожденію, а не поляка, не могло быть столько симпатіи къ виленскому университету, сколько было у преемника его, потому что для перваго многія традиціи университета были или потеряны, или слишкомъ далеки, или даже совсѣмъ чужды, тогда какъ въ воображеніи послѣдняго онѣ оживлялись и обновлялись всякимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ.

Но и Березовскій не могъ, не смотря на всѣ свои симпатіи къ виленскому университету, сдѣлать рѣшительныхъ попытокъ къ завладѣнію имъ. Кромѣ указанныхъ уже сейчасъ препятствій къ этому, было еще новое обстоятельство, которое дѣлало покушеніе на завладѣніе виленскимъ университетомъ неосуществимымъ и почти невозможнымъ. Во главѣ управленія виленскимъ учебнымъ округомъ вообще и

[1] Тамъ же. Виленскій университетъ въ новомъ и преобразованномъ своемъ видѣ имѣлъ 4 факультета: физико-математическій, медицинскій, литературно-художественный и морально - политическій, къ которому отнесено было и Богословіе. Изъ группы языковъ исключенъ былъ греческій, а дано огромное преобладаніе латинскому.

виленскимъ университетомъ въ частности, стояло тогда такое лицо, съ которымъ борьба была неравная и опасная— это лицо былъ знаменитый князь Адамъ Чарторыйскій, другъ Александра I, сохранившій большое вліяніе на него даже и тогда, когда ропотъ русской партіи заставилъ польскаго пана удалиться съ поста министра иностранныхъ дѣлъ. Въ головѣ Чарторыйскаго образовался свой взглядъ на виленскій университетъ, различный отъ воззрѣній на него іезуитовъ: для іезуитовъ всѣ науки суть только средства, а цѣль—латинство и распространеніе въ возможно огромныхъ размѣрахъ въ массахъ русскаго населенія; откройте какъ можно обширнѣйшее русло для этой воды, дайте ей возможно обильнѣйшій притокъ, и съ ней притечетъ все: полонизмъ, религіозное и политическое ренегатство, забвеніе русскаго языка и полное отреченіе отъ своего прошедшаго и всѣхъ праотческихъ преданій и обычаевъ; по разсужденію же Чарторыйскаго, напротивъ, у котораго задушевною мыслію было отторженіе западныхъ нашихъ окраинъ отъ Россіи и самостоятельность Польши, на первомъ планѣ университетскаго образованія и всѣхъ образовательныхъ заведеній, ввѣренныхъ университету, должно стоять стремленіе какъ можно выше поднять уровень умственнаго развитія массъ западной мѣстности, какъ можно больше распространить просвѣщеніе среди этого народонаселенія, потому что въ этомъ случаѣ исторія даетъ тотъ непререкаемый урокъ, что господство грубаго и невѣжественнаго народа надъ образованнымъ бываетъ не твердо, временно и сопровождается наконецъ такаго рода результатами, что покоренный обращается въ побѣдителя, и наоборотъ побѣдитель дѣлается побѣжденнымъ и рабомъ. При такомъ воззрѣніи латинское исповѣданіе есть только одна изъ общеобразовательныхъ наукъ, и нетолько не есть цѣль, но даже

не есть самостоятельная наука, а часть нравственнаго знанія теряющаяся въ массѣ такъ называемыхъ политико-моральныхъ наукъ. Усиліе какъ можно болѣе распространить образованіе среди западнаго нашего народонаселенія сопровождалось еще нѣкоторыми особенными тенденціями: на русскую исторію наводился совершенно польскій колоритъ, польская исторія преподавалась подъ угломъ зрѣнія фальшивымъ, фанатизировался и возводился въ апоѳеозъ величія всякій трескучій фактъ исторіи польской, политическія шутихи раскрашивались ореоломъ геніальности; истреблялись всѣ историческіе памятники, напоминавшіе о русской жизни въ этомъ краѣ; подъ формою просвѣщенія полонизировалось русское населеніе этого края и утрачивало сознаніе историческаго единства съ коренною Русью. Могъ ли Чарторыйскій безъ страшнаго боя уступить свой университетъ іезуитамъ, когда онъ въ глазахъ его служилъ самымъ лучшимъ и единственнымъ средствомъ къ осуществленію его любимой и нѣсколько уже лѣтъ лелѣемой имъ мечты? Итакъ приходилось Березовскому оставить свои замыслы и не вступать въ борьбу съ Чарторыйскимъ, который много сдѣлалъ уже добра іезуитскому ордену, да и въ будущемъ можетъ еще пригодиться іезуитамъ нѣсколько разъ по своему положенію при русскомъ дворѣ. Усилія іезуитскаго генерала должны были направиться въ другую сторону: университетъ не могъ быть вырванъ изъ рукъ Чарторыйскаго, осталось употребить всевозможныя мѣры, изъять изъ университетскаго вѣдѣнія всѣ іезуитскія учебныя заведенія, подчиненныя, по университетскому уставу, тому учебному округу, къ которому они были приписаны, а еще бы лучше было, если бы удалось создать свой отдѣльный іезуитскій учебный округъ, во главѣ съ своимъ университетомъ, подчинить непосредственно ему всѣ среднія и низшія

іезуитскія учебныя заведенія, поставивъ свой округъ на одну ногу съ государственными учеными и учебными заведеніями; тогда бы скоро зажила рана и боль о виленскомъ университетѣ. Мысль такая для всякаго другаго представлялась бы довольно смѣлою и могла бы смущать совѣсть его и, пожалуй, остаться только мыслію и порывомъ, но іезуитскій лобъ устроенъ по другимъ формамъ и законамъ, нежели головы обыкновенныхъ смертныхъ. Добыча была слишкомъ привлекательна и обѣщала слишкомъ много поживы, чтобы для пріобрѣтенія ея не рискнуть чѣмъ нибудь. Съ осуществленіемъ этой мысли, іезуитскія заведенія не только освобождались отъ контроля и критики ненавистнаго имъ виленскаго университета и отъ обязательства жертвовать своими имѣніями въ пользу его, но и выходили изъ той узкой и тѣсной роли, которая до этого времени предоставлена была имъ русскимъ правительствомъ—быть, такъ сказать, частными заведеніями для воспитанія юношества одного терпимаго въ Россіи исповѣданія—латинскаго, напротивъ, теперь они становились государственными заведеніями, открытыми, на подобіе русскихъ университетовъ и гимназій, для всѣхъ подданныхъ Россійской Имперіи и находящимся подъ непосредственнымъ контролемъ и покровительствомъ правительства. Березовскій вооружился всею своею энергіею, обдумалъ планъ свой со всѣхъ сторонъ, обставилъ его всѣми возможными доказательствами какія только могла придумать іезуитская изобрѣтательность, и началъ приводить его въ исполненіе съ изумительною настойчивостію, въ продолженіи нѣсколькихъ годовъ, осаждая своими докучливыми просьбами, кажется, всѣхъ людей, занимавшихъ тогда государственныя должности ([1]). Смотря по характеру

([1]) Внутр. переп. II-я тетрадь, гдѣ заключаются письма, адресованныя

лицъ, къ которымъ обращается Березовскій съ своими просьбами, тонъ его писемъ и вообще отзывы его объ университетѣ виленскомъ бываютъ сдержаннѣе или рѣзче, но онъ все таки, имѣя въ виду главнымъ образомъ мысль объ эмансипированіи своихъ заведеній, не можетъ при этомъ отрѣшиться отъ того, чтобы не бросить грязью въ университетъ: такъ сильно накипѣла на сердцѣ іезуитовъ злоба противъ виленскаго университета (¹).

на имя кн. Голицына, графа Разумовскаго, кн. Куракина, Сперанскаго, герцога Виртембергскаго, Великой Княгини Екатерины Павловны, герцога Ольденбургскаго, маркиза Паулуччи, графини Толстой, графа Толстаго, Тургенева и проч. и проч., и доказывающія неудобство подчинить іезуитскія школы университетамъ, что отняло бы у молодыхъ людей охоту и цѣль ихъ назначенія.

(¹) Тамъ же № 228-й говорится только о томъ вредѣ, который можетъ произойдти для іезуитскаго общества отъ новыхъ правилъ, которымъ хотятъ его подвергнуть, т. е. отъ подчиненія іезуитскихъ заведеній университету. А въ № 221-мъ прямо и безъ всякой церемоніи виленскій университетъ называется гнѣздомъ якобинства. Вся желчь или вся сущность іезуитскихъ воззрѣній на виленскій университетъ выразилась въ отзывѣ Монталамбера о немъ. «L'université de Vilna si célébre autrefois et qui, depuis sa confirmation par Grégoire XIII en 1579, avait produit les hommes les plus distingués dans l'État et dans l'Église, se vit imposée par un oukase du 4 Avril 1803 an: une réforme calquée sur les idées irreligieuses du temps, elle fut placée sous l'autorité immediate du ministre de l'Institution publique. Les evêques perdirent le droit qui leur appartenait, comme chefs de l'eglise, de surveiller cet établissement d'instruction. Ils ne peuvent plus exercer leur contrôle ni sur les professeurs, ni sur les objets d'enseignement. La nomination des professeurs de theologie, l'éxamen de leurs connaissance et de leurs moeurs, tout jusqu'au choix des livres eux mêmes fut confié exclusivement aux recteurs de l'Université. On alla plus loin encore, et l'oeuvre odieuse du renversement de l'éducation catholique du clergé fut achevée par l'érection d'un seminaire génerale à Vilna, confirmé par l'oukase du 15 Fevrier 1804 an: (Vicissitudes de l'Église catholique des deux rites en Pologne et en Russie, par le comte de Montalambert, 1843, tom. 1-er, pag. 336).

Нужно сказать, что самыя обстоятельства болѣе благопріятствовали осуществленію мысли объ эмансипаціи іезуитскихъ заведеній отъ университетовъ, нежели о завладѣніи іезуитами виленскимъ университетомъ. Министръ народнаго просвѣщенія былъ тогда графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, получившій воспитаніе за границей и при томъ совершенно въ латинскомъ духѣ, а потому всегда благосклонный къ іезуитамъ и всегда покровительствовавшій имъ, и до такой степени связавшій свою служебную карьеру съ іезуитскимъ дѣломъ, что непостыдился тотчасъ оставить свой министерскій постъ и выдти въ отставку, какъ скоро получилъ вѣсть объ изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи ([1]). Разумовскій скомпроментировалъ бы себя, какъ

([1]) См. взглядъ на мою жизнь, записки дѣйст. тайн. Сов. Ив. Ив. Дмитріева, Москва, 1866-й г., ч. 3-я, кн. VII, примѣч. 18, стр. 293; также записки Вигеля, ч. III, 192 листъ. Предшественникъ Разумовскаго былъ также благосклоненъ къ іезуитамъ, онъ получилъ воспитаніе въ ихъ школахъ и окончилъ его въ Кіевской православной академіи. Еще при Завадовскомъ Березовскій началъ проводить въ разныхъ запискахъ свою мысль объ изъятіи іезуитскихъ заведеній изъ подъ власти университетовъ. Докладная записка, поданная Березовскимъ Александру I по этому дѣлу, относится къ эпохѣ министерства Завадовскаго. Она найдена была по смерти Александра I въ Его кабинетѣ и отсюда препровождена къ министру народнаго просвѣщенія. Записка писана на французскомъ языкѣ, на ней нѣтъ никакой резолюціи Императора, или помѣтки министра.

Sire!

«Le principal but, que c'est proposé notre ordre depuis sa première institution, a toujours été de former la jeunesse dans les sciences et surtout dans la vertu nécessaire à tous les hommes et plus indispensable que la science à ceux qui ont quelq'emploi dans la societé. Nous ne negligeons aucun moyen en notre pouvoir pour remplir ce double but, et nos constitutions tendent toutes à ce que nous ayons toujours un grand nombre d'instituteurs propres à former des citoyens pleins d'amour pour leur patrie, fidèles à leurs souverain et capables de s'acquiter avec gloire de tous les emplois qui leur seront confiés. Nous n'admettons parmi nous pour travailler à

министръ просвѣщенія, еслибы сталъ за-одно съ іезуитами хлопотать у Государя о передачѣ виленскаго университета іезуитамъ; совсѣмъ, напротивъ, другое выходило дѣло,

l'éducation que des jeunes gens qui ont fait leurs études avec succès jusqu'à la rhetorique inclusivement. Nous leur faisons faire deux années de noviciat pour les affermir eux-mêmes dans les principes de religion et de vertu qu'ils doivent inspirer à leurs disciples; ensuite ils repétent leur rhetorique dans l'interieur de nos collèges et font deux années de philosophie, enfin ils sont formés à l'art d'enseigner par d'anciens professeurs et n'ont admis à professer eux-mêmes qu'après avoir subi un examen rigoureux en présence des anciens pères et du recteur. Les maîtres ainsi formés s'appliquent avec zèle à instruire la jeunesse, non par un motif d'interêt, mais pour satisfaire à un devoir essentiel de leur état. Ils n'exigent et ne reçoivent aucun salaire de leur travail; quelques-uns ont rénoncé à de riches héritages pour embrasser un état où ils n'ont que la nourriture et le vetement. Dans la Russie-Blanche ce sont les revenus des colleges qui fournissent à leur entretien; mais peu de choses suffisent à des religieux qui regardent comme une récompense de se rendre utiles à leur patrie, en lui formant des citoyens habiles et vertueux.

«Pour se maintenir eux-mêmes dans l'esprit religieux et dans l'exactitude à remplir leurs devoirs, ils ont des superieurs dirigeants qui ne permettraient pas qu'ils s'en ecartassent impunement. Outre le general, le provincial, le recteur, il'y a dans chaque collège un prefet des études specialement chargé de les diriger, de visiter les classes, d'assister aux examens et de veiller à ce que chacun fasse exactement son dévoir. Les superieurs majeurs ne manquent pas de veiller aussi par eux-mêmes. Le maître negligent ou incapable serait sur le champ écarté sans qu'il soit besoin chez nous d'aucune formalité pour cela, chacun étant sous la main du superieur.

«Quant à la methode que nous suivons, c'est celle qui a toujours été en usage dans notre Compagnie et qui avant l'existence de la compagnie était suivie dans l'université de Paris et dans les plus celebres universités de l'Europe. Cette methode s'est perfectionnée avec le temps, elle ne nous empêche point de profiter des découvertes faites dans les derniers temps dans les mathématiques, la phisique, l'histoire naturelle, la chimie etc... et nous enseignons ces sciences comme on les enseigne dans les academies les plus florissantes de l'Europe. Mais on en pourra mieux juger par le tab-

если министръ народнаго просвѣщенія заботится о возведеніи еще другаго учебнаго заведенія на степень университета или академіи и слѣдовательно, заботится о большемъ распро-

leau que je joins ici des études et la distribution du temps dans nos collèges. (Такихъ таблицъ у насъ есть довольное количество; при всякой іезуитской рекламѣ о своихъ учебныхъ заведеніяхъ помѣщалась и таблица предметовъ, преподаваемыхъ, и часовъ). Cependant on veut aujourd'hui nous faire adopter une autre méthode et introduire parmi nous une nouvelle organisation qui nous détruirait en peu de temps. C'est ce qui me force de secourir à Votre Majesté Imperiale. Elle veut notre conservation. Elle a la bonté de paraître satisfaite de nos faibles efforts pour servir la patrie; je m'exposais au réproche d'avoir trahi mon dévoir, si je n'invoquais Sa clémence dans cette extremité. Mais je dois d'abord Lui montrer que nos craints ne sont pas éxagerées.

1) On veut que nul ne puisse chez nous remplir les places de professeurs, de prédicateurs, de recteurs ou de superieurs quelconques, s'il n'a fait ses études à l'université, ou s'il n'en a du moins reçu un certificat de capacité. Ce sera par le fait l'niversité qui nommera à toutes ces places, ou du moins personne ne pourra les remplir sans son consentement. Or cela ne rompt-il pas évidement tous les liens qui nous unissent entre nous? Il n'y a plus de subordination, dès que les inferieurs pourront trouver de moyens de se soustraire à l'obeissance, lorsqu'ils pourront obtenir des places ou s'y maintenir contre le gré de leurs superieurs légitimes, et l'obeissance si essentielle à tout ordre religieux succederont l'insubordination, l'ambition, les intrigues, les jalousies, les cabales, en un mot chacun se trouvera abandonné à ses passions, et il n'y aura plus rien qui distingue le religieux du seculier. On ne trouvera plus chez nous les avantages de la vie religieuse, et comme c'est la première chose qu'on y cherche, notre societé se trouvera dissoute.

2) Si nos collèges sont soumis à l'université et que l'université nomme les professeurs, si elle croit n'en pas trouver de capables parmi nous, ou en trouver de plus habiles parmi les seculiers, ne pourra-t-elle pas les nommer? Quels moyens aurions-nous de nous y opposer? Nous aurions donc parmi nous des seculiers absolument independans de nous; or peut-il y avoir quelque chose de plus contraire à notre institut que ce mélange bizarre?

страненіи высшаго образованія въ имперіи: здѣсь всякое ходатайство его объ этомъ будетъ имѣть значеніе, авторитетъ въ глазахъ Государя и пріобрѣтаетъ ему большее до-

On veut que nos professeurs enseignent plusieurs années de suite la même classe.

1) Cela serait absolument inutile, puisque notre societé fournissant une succession non interrompue de professeurs capables dans chaque classe, il ne peut y avoir aucun avantage à ce que le même enseigne plusieurs années de suite la même classe.

2) Cela nous serait très pernicieux: ceux qui enseignent les belles lettres ne sont pas encore prêtres. Ils professent communement 5 ou 6 ans commençant par la plus basse classe et s'elevant ensuite jusqu'à la plus experimentée. Ils doivent achever ce cours avant de recevoir la prêtrise; s'ils passaient plusieurs années dans chacun de ces classes, cela les rétarderait trop, d'autant plus qu'ils doivent étudier quatre ans la theologie. Une fois prêtres, ils ont une autre destination; l'enseignement n'est pas le seul ministère de notre societé; les uns deviennent prédicateurs, d'autres missionnaires, quelquns enseignent les hautes sciences: la philosophie, la theologie, les mathematiques, l'architecture, ou bien les langues. Les superieurs doivent nécéssairement avoir la libre disposition de leurs sujets afin de pouvoir satisfaire à toutes les obligations de l'ordre; en un mot l'enseignement, qui est chez nous une obligation indispensable, est tellement lié à nos considerations, au gouvernement interieur et exterieur de l'ordre, à nos voeux essentiels, que vouloir y changer quelque chose c'est bouleverser nos constitutions elles-mêmes et détruire l'esprit qui nous anime et nous conserve.

J'ose donc supplier Votre Majesté Imperiale par cette même bonté qui la porte à vouloir notre conservation, de nous laisser notre methode et de ne pas permettre qu'on introduisse chez nous des nouveautés dont l'effet necessaire et très prompt serait de nous aneantir.

Depuis près de trois siècles que notre ordre existe, il a eu des écoles inferieurs et exterieurs ou publiques, des pensionnats dans tous les Empires et dans les royaumes de l'Europe. Il y avait aussi dans ces états des academies, des universités, des seminaires; on ne saurait produire aucun exemple que l'on ait voulu soumettre les écoles de la Compagnie aux lois des universités, dans celles mêmes où la Compagnie avait des chaires, comme dans presque toutes celles de France; c'étaient toujours les supe-

вѣріе. Самъ Березовскій въ этомъ вопросѣ стоялъ прочнѣе, могъ говорить смѣлѣе, найдти сторонниковъ себѣ больше, нежели въ вопросѣ о завладѣніи виленскимъ университе-

rieurs de l'ordre qui nommaient les professeurs, et qui les changaient à leur gré, sans qu'on se soit jamais avisé de les tracasser sur ce point. On savait trop bien que c'eût été détruire l'ordre et la discipline religieuse, et que d'ailleurs personne ne peut être plus interessé que les superieurs à fournir de bons professeurs. Tels sont les motifs qui me determinent à me jetter aux pieds du trône de Votre Majesté Imperiale. Jusqu'à ce moment nous n'avons opposé que la patience à tout ce qu'on nous a fait souffrir. Nous nous sommes pretés à tout ce qu'on a exigé de nous, on nous a demandé de plans, on nous a envoyé des visiteurs, on a voulu que nous nous servissions des livres de l'université de Vilna, nous y avons consenti, quoique cela nous occasionnât une grande perte en vendant inutiles les livres imprimés à nos frais. Mais on n'est pas encore content; on en veut à notre existance, et il ne nous reste plus d'ésperance que dans la bonté de Votre Majesté Imperiale, au nom de laquelle je la supplie de rendre aux Iésuites de son Empire le droit d'immunité et d'exemption des universités,—droit dont notre societé a joui dans tous les temps et dans tous les pays où elle a été admise,—droit absolument necessaire à notre Conservation, et qui en même temps tournera à l'avantage de l'État par l'émulation qui existera entre nos collèges et ceux des universités. Oui, Sire, en ma qualité de chef de cet ordre je dois démander à Votre Majesté ce bienfait, de nous soustraire à la jurisdiction des universités, de nous permettre de suivre notre propre méthode et de nous prendre sous sa protection immediate, comme nous avons été sous celle de Votre Immortelle Ayeulle et de Votre Auguste père. J'ose assurer Votre Majesté que l'éducation de la jeunesse bien loin d'en souffrir en sera meilleure, plus chretienne, plus soignée et lui donnera des sujets plus fidelès et plus soumis. Nous devons deja tous nos soins, tout notre zèle pour les bienfaits que nous avons reçus, mais nous redoublerons encore nos efforts et nous nous cousumerons avec joie au service de Votre Majesté pour lui temoigner notre reconnaissance.

Sire!

De Votre Majesté Imperiale le très-obeissant serviteur et fidèle sujet Thadée Brzozowski General des Iésuites.

Ce 24 Juillet
1806.

томъ. И такъ на этой почвѣ повелъ свою работу іезуитскій генералъ. Сначала заявлены были Березовскимъ требованія самыя умѣренныя, подходъ или приступъ къ дальнѣйшей драмѣ сдѣланъ былъ самый скромный: дѣло, повидимому, идетъ только о томъ, чтобъ іезуитамъ оставленъ былъ ихъ старый методъ преподаванія наукъ, да оставили бы ихъ при ихъ прежнихъ порядкахъ и независимыми отъ университетовъ. При этомъ бросается иногда іезуитскою рукою камень за камнемъ въ университетскій огородъ, но съ нѣкоторою удержью и съ сохраненіемъ еще нѣкотораго приличія. Въ такомъ тонѣ написана была Березовскимъ въ 1806 г. докладная записка Императору Александру I. Она довольно пространна и мы ограничимся только выдержками изъ нея, отсылая любопытствующихъ къ подстрочному примѣчанію, гдѣ подлинникомъ помѣщается самая записка. Іезуитъ начинаетъ съ того, что его заведенія имѣютъ главною цѣлію не только просвѣтить молодое поколѣніе знаніемъ, но и наставить въ добродѣтели необходимой для всѣхъ людей и даже потребной больше самаго просвѣщенія для лицъ, занимающихъ должности въ обществѣ. Для достиженія этой цѣли іезуиты употребляютъ всѣ средства, имѣютъ огромное число наставниковъ, образующихъ изъ юношей будущихъ вѣрныхъ гражданъ, истинныхъ патріотовъ (?!) Вся эта фаланга наставниковъ раздѣлена на различныя іерархическія степени, подчиненныя высшимъ степенямъ, носящимъ различныя названія, и восходитъ наконецъ до генерала ордена,—и что замѣчательно—содержится на счетъ ордена и не требуетъ ничего отъ правительства. (Ненамѣренно будтобы оброненное іезуитомъ слово, многознаменательно намекающее на огромныя траты, расточаемыя правительствомъ на содержаніе профессоровъ университетовъ). Что касается до нашего метода

преподаванія наукъ, то онъ аппробованъ вѣками, принятъ былъ еще парижскимъ университетомъ и всѣми знаменитыми европейскими университетами и наконецъ три раза былъ разсматриваемъ русскимъ правительствомъ и три раза получилъ лестный отзывъ. Ввести новый методъ въ наши заведенія—это значитъ, совершенно внести разрушеніе въ нашъ орденъ. (Вотъ какія страшныя послѣдствія могутъ произойдти для іезуитскаго ордена, если университетъ принудитъ іезуитовъ перемѣнить латинскую грамматику Альвара и подобныя ей по своей ветхости и затхлости іезуитскія учебныя руководства!!). Но іезуитъ далѣе проговаривается и даетъ ясно понять, почему для его учебныхъ заведеній такъ страшенъ университетскій контроль. «Отъ насъ требуютъ, говоритъ іезуитскій генералъ, чтобъ у насъ никто немогъ занимать мѣстъ профессорскихъ, проповѣдническихъ, ректорскихъ, или должностей какихъ бы то ни было начальниковъ, кто необучался въ университетѣ или покрайней мѣрѣ неполучилъ оттуда свидѣтельство о его способности къ наставнической должности. Это значитъ, что университетъ de facto будетъ назначать на всѣ эти мѣста, или покрайней мѣрѣ никто не можетъ занять ихъ безъ его согласія. А это порветъ всѣ связи, соединяющія насъ между собою, произведетъ неповиновеніе младшихъ старшимъ, когда первые будутъ имѣть возможность получить мѣста противъ воли и согласія старшихъ, откроется дверь интригамъ, честолюбію, зависти, ябедамъ, однимъ словомъ, каждый будетъ дѣйствовать по своимъ страстямъ и не будетъ никакой возможности отличить духовное лице отъ свѣтскаго. При такомъ порядкѣ вещей нашъ институтъ можетъ наполниться людьми свѣтскими, совершенно независящими отъ насъ. А что можетъ

быть противнѣе нашему институту, какъ не эта уродливая смѣсь?

И такъ осмѣливаюсь умолять Ваше Императорское Величество, благоволить оставить намъ нашъ методъ, и непозволять вводить къ намъ новости, которыя скоро могутъ уничтожить самый нашъ орденъ. Нашъ орденъ существуетъ почти три вѣка и имѣлъ всякаго рода школы— высшія и нисшія, но никогда его учебныя заведенія не были подчинены университетамъ. Теперь явно посягаютъ на существованіе нашего ордена, и я умоляю Ваше Величество избавить насъ отъ этой опасности и даровать іезуитамъ Вашей Имперіи право независимости отъ университетовъ,—право, которымъ пользовалось наше общество во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ оно было допущено,— право совершенно необходимое для сохраненія нашего ордена и для интересовъ самаго государства, такъ какъ отсюда возникнетъ соревнованіе между нашими и университетскими заведеніями. Въ качествѣ начальника этого ордена, я долженъ просить Ваше Величество, освободить насъ отъ юрисдикціи университетовъ, позволить намъ слѣдовать нашему методу и принять насъ въ Ваше непосредственное покровительство, какимъ мы пользовались при Вашей безсмертной Бабкѣ и при Вашемъ Августѣйшемъ Родителѣ. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что отъ этого не только не пострадаетъ воспитаніе юношества, но сдѣлается лучше, христіаннѣе, тщательнѣе и доставитъ Вамъ самыхъ вѣрныхъ и покорныхъ подданныхъ.»

Записка Березовскаго осталась безъ отвѣта; Александръ I-й не обратилъ на нее вниманія пока оставалась въ кабинетѣ Его наряду съ кучами другихъ бумагъ, неполучившихъ никакого рѣшенія отъ Государя, до самой смерти Его. Неудача эта не уронила духа въ Березовскомъ, напро-

тивъ, она какъ будтобы дала особенный, сильный толчокъ его енергіи; по мѣрѣ увеличенія препятствій прогрессивно растетъ настойчивость іезуитскаго генерала и доходитъ до такой высоты или силы, что принимаетъ какой-то грандіозный характеръ. Встрѣтивши неудачу въ своихъ домогательствахъ у Государя, Березовскій обратился къ министру народнаго просвѣщенія Разумовскому, осаждаетъ его своими письмами, пускаетъ въ ходъ всѣ доказательства, беретъ ихъ отвсюду и вездѣ, гдѣ только могъ найдти ихъ іезуитскій глазъ,бросаетъ вдругъ всѣ ихъ въ глаза министра, чтобы вѣрнѣе поразить его ими и расположить его въ пользу изъятія іезуитскихъ учебныхъ заведеній отъ надзора университетскаго и образованія изъ нихъ особеннаго учебнаго округа съ своимъ высшимъ центромъ—Полоцкою академіей. Эти двѣ цѣли преслѣдуетъ Березовскій съ неутомимою неотвязчивостію, неослабляющеюся съ годами, но еще усиливающеюся съ каждымъ мѣсяцемъ. Кажется, не было ни одной стороны въ предметѣ, такъ сильно занимавшемъ іезуитскаго генерала, которой бы онъ не коснулся въ своихъ письмахъ къ министру, и въ результатѣ этого разсмотрѣнія всегда выходило такое заключеніе, что эманципировать іезуитскія заведенія и образовать изъ нихъ свой учебный округъ съ своимъ высшимъ учебнымъ центромъ, необходимо нужно, въ высшей степени полезно для самого государства и для возвышенія даже уровня науки, а преимущественно для воспитанія покорныхъ гражданъ и патріотовъ.

Въ перепискѣ Березовскаго съ министромъ Разумовскимъ повторяются иногда нѣкоторыя изъ тѣхъ мыслей, которыя встрѣчаются въ его извѣстной запискѣ. Но за то здѣсь мы находимъ ту особенность, что онѣ облечены въ новую форму, представлены съ большею выпуклостію и, можно

сказать, съ большею откровенностію. Еще новая черта этой переписки, также достойная примѣчанія: іезуитскій генералъ сначала подступаетъ къ русскому министру народнаго просвѣщенія съ самыми скромными и умѣренными просьбами—оставить іезуитскія учебныя заведенія при ихъ старомъ методѣ; только при этомъ онъ слишкомъ расточаетъ похвалы своимъ заведеніямъ, воспитывающимъ истинныхъ патріотовъ и вѣрноподданныхъ Россіи, и слишкомъ неумѣренно и несдержанно осыпаетъ грязью университеты и подвѣдомыя имъ заведенія. Потомъ съ продолженіемъ переписки іезуитскаго генерала, требованія его увеличиваются и въ заключеніе заканчиваются такимъ неотразимымъ выводомъ: наряду съ виленскимъ университетомъ нужно поставить полоцкую іезуитскую коллегію, возведши ее на степень академіи и даровавши ей всѣ университетскія права. «Конечно весьма важно, пишетъ іезуитскій генералъ русскому министру народнаго просвѣщенія, чтобы юношество Имперіи воспитано было *въ правилахъ патріотизма,* въ чувствахъ повиновенія, почтенія и преданности Государю. Но гдѣ ручательство на то, что эти чувства заботливо внушаются въ университетахъ, гдѣ бо̀льшая часть профессоровъ привязаны къ Имперіи однимъ только получаемымъ ими отъ нея жалованьемъ, имѣютъ интересы совершенно различные и независящіе отъ интересовъ государства и потому самому, кажется, болѣе способны погашать, чѣмъ воспламенять патріотизмъ въ сердцахъ юношества (¹)». Послѣ такого скромнаго приступа, въ которомъ всѣ почти университетскіе профессоры заподозри-

(¹) Первое письмо Березовскаго къ Разумовскому относится къ 24 Августа 1810 года La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820. D'après des documents la plupart inédits, par Henri Lutteroth, Paris, 1845, pag. 16.

ваются въ глазахъ правительства, какъ люди, погашающіе въ своихъ питомцахъ любовь къ отечеству, Березовскій начинаетъ приближаться къ своей задачѣ—о несообразности уничтожить въ іезуитскихъ заведеніяхъ прежній ихъ методъ преподаванія и ввести въ нихъ новый—университетскій. «Это безпримѣрное явленіе въ исторіи, что вздумали насъ подчинить университетскимъ законамъ, перемѣнять тотъ порядокъ, которому мы слѣдуемъ въ преподованіи, и стѣснять свободу начальниковъ въ выборѣ профессоровъ. Наше общество имѣло подъ своимъ управленіемъ огромное число университетовъ, во многихъ изъ нихъ оно имѣло свои коллегіи и, замѣчательно, что даже въ тѣхъ самыхъ университетахъ, которыхъ эти коллегіи составляли часть, отъ нихъ не требовали, какъ въ настоящее время, подчиненія университетамъ. Мы просимъ не новой какой нибудь милости: когда мы просимъ избавить насъ отъ юрисдикціи университетовъ, то просимъ только о сохраненіи столь же древняго нашего права, какъ древенъ нашъ орденъ, права, которымъ мы безъ всякаго пререканія пользовались всегда, которымъ мы не злоупотребляли никогда (?!) и которымъ мы,—пусть не безпокоятся,—незлоупотребимъ никогда, потому что наша собственная польза требуетъ оправдывать довѣріе правительства и заслуживать его покровительство нашею совершенною готовностію служить видамъ государства ([1])».

Потомъ іезуитъ вдругъ дѣлаетъ въ своей запискѣ къ Разумовскому немного крутый и неожиданный поворотъ, гдѣ прямо касается обѣими своими руками задушевнаго вопроса о возведеніи полоцкаго іезуитскаго коллегіума въ академію, но въ тоже время съ выраженіемъ такихъ

([1]) Тамъ же, стр. 18. Записка Березовскаго отъ 16 Сентября 1811 г.

чувствъ покорности іезуитовъ правительству, съ такимъ желаніемъ облегчить и взять на свои плечи часть правительственной его тяжести, что, по словамъ Березовскаго, наше министерство народнаго просвѣщенія рискуетъ нанести вредъ государству, если не приметъ столь патріотическихъ и столь полезныхъ предложеній іезуитскаго генерала. «Нѣтъ нужды доказывать того, говоритъ Березовскій, что все, относящееся къ общественному воспитанію, состояло подъ особеннымъ и непосредственнымъ надзоромъ правительства, и такъ какъ для него весьма трудно наблюдать за всѣми школами нашего ордена, то мы предлагаемъ самое простое и самое естественное средство облегчить его въ этомъ его трудѣ—поставить всѣ школы нашего ордена въ зависимость отъ нашей главной полоцкой школы, которая въ свою очередь займетъ по отношенію ко всѣмъ нашимъ учебнымъ заведеніямъ такое же мѣсто, какое имѣютъ университеты къ подвѣдомымъ имъ заведеніямъ ([1])». Вопросъ о возведеніи полоцкой коллегіи въ академію въ запискѣ Березовскаго явился какъ бы чѣмъ-то естественнымъ и со всѣми правами на рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ. Но остановите попристальнѣе ваше вниманіе на этой тирадѣ Березовскаго, и вы прочтете тутъ и подлость, и лукавство и совершенное презрѣніе къ способностямъ нашихъ министровъ проникать въ духъ людей и сущность вещей. Іезуитъ хочетъ облегчить нашему правительству бремя его трудовъ и часть этого бремени переноситъ на свой орденъ, но какъ? такъ, что правительству іезуитскій генералъ оставляетъ одно номинальное наблюденіе только надъ полоцкою академіею, а надъ всѣми прочими своими училищами будутъ наблюдать сами іезуиты. Дѣй-

([2]) Тамъ же, таже страница и тѣже даты записки.

ствительно правительство должно было благодарить іезуитовъ за то, что они снимали съ него всю тяжесть надзора за ихъ учебными заведеніями, оставляя ему для формы наблюденіе за однимъ только высшимъ ихъ учебнымъ заведеніемъ, но за то запирая ему входъ во всѣ прочія іезуитскія заведенія и предоставляя себѣ право дѣлать здѣсь все, что хотѣлось, и учить тому, что входило въ интересы іезуитовъ.

Такъ какъ еще Почобудъ доказывалъ Груберу, что іезуиты не въ состояніи поддержать своей академіи на той высотѣ, на которой она должна стоять, какъ высшее учебное заведеніе, равное университетамъ, и такъ какъ подобное возраженіе могло быть сдѣлано Березовскому и со стороны Разумовскаго или могло быть подсказано послѣднему кѣмъ либо изъ состоящихъ въ ученомъ совѣтѣ при министрѣ, то Березовскій съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ доказываетъ министру народнаго просвѣщенія, что всѣ европейскіе университеты, начиная съ парижскаго и кончая виленскимъ, никогда такъ не процвѣтали, какъ въ эпоху завѣдыванія ими іезуитовъ, что славный вѣкъ Людовика XIV-го обязанъ своимъ величіемъ іезуитамъ. . .

Но русское правительство имѣло на языкѣ еще возраженіе противъ общества Лойолы. Іезуитъ это хорошо предвидѣлъ и старается разсѣчь и этотъ узелъ. Правительство могло напомнить Березовскому, что интересы русскаго государства не могутъ сходиться съ правилами, идеями и стремленіями его общества, потому что по самому характеру его института, по самой цѣли его учрежденія, оно должно всѣми своими помыслами тяготѣть не къ Россіи, а къ папѣ, заботиться объ интересахъ Рима, а не русскаго правительства. Березовскій съ совершенно іезуитскою беззастѣнчивостію и съ безстыдствомъ іезуитскаго генерала

отвѣчаетъ: «да, интересы нашего общества совершенно тожественны съ интересами Имперіи (!?); русскому правительству мы обязаны своимъ сохраненіемъ, а потому мы не можемъ имѣть другихъ интересовъ, кромѣ блага государства. Если бы мы не были вѣрными подданными по долгу, по принципу религіозному, то мы должны сдѣлаться ими по долгу признательности, изъ-за интереса, по необходимости, такъ какъ мы все имѣемъ по милости русскаго правительства и оно пріобрѣло неотъемлемое право на безпредѣльную нашу ему преданность. Правда, въ нашемъ орденѣ есть также нѣсколько иностранцевъ, но эти иностранцы, какъ скоро вступятъ въ нашъ орденъ, усвояютъ его духъ, проникаются его интересами и правилами. Неразрывно связанные съ обществомъ, принадлежащимъ имперіи, они по необходимости дѣлаются русскими вѣрноподданными, и не могутъ имѣть интересовъ противоположныхъ государству ([1])». Отвѣтъ на возраженіе не только не былъ удовлетворителенъ, но и пробуждалъ неблагопріятныя для ордена чувства: Березовскій, усиливаясь оправдать свой орденъ, въ этихъ строкахъ произноситъ противъ него обвинительный приговоръ. Если вступающій въ іезуитскій орденъ до такой степени усвоиваетъ духъ и правила его, что болѣе не принадлежитъ себѣ, а обществу, въ которое онъ вступилъ; общество же все принадлежитъ генералу и папѣ, говорить о тожествѣ интересовъ коихъ съ интересами русскаго государства значитъ тоже, что доказывать тожество воды и огня; то слова генерала суть или безстыдная ложъ, или они скрываютъ и замаскировываютъ только истинный смыслъ рѣчи, т. е. что іезуитскіе

([1]) Всѣ эти выдержки мы взяли изъ цитованной уже нами книги Лютерота «La Russie et les Jésuites, pag. 20—24.

интересы совершенно противоположны государственному благу Россіи, потому что каждый іезуитъ есть подданный и вѣрный рабъ Рима, а не Россіи; но эту мысль столь опасную для ордена, всегда могущую вредно повліять на настоящее дѣло, теперь нужно было іезуиту отвесть отъ глазъ русскаго правительства, а для этого ни чего болѣе не представлялось, какъ сдѣлать такой отчаянный прыжокъ ко лжи и парадоксу—нимало не стѣсняясь сказать, что интересы іезуитскіе тожественны съ интересами русскаго государства.

Время шло, но невидно было никакихъ результатовъ по перепискѣ Березовскаго съ Разумовскимъ. Не смотря на огромный запасъ терпѣнія, которымъ владѣлъ іезуитскій генералъ, онъ началъ терять равнодушіе и спокойствіе, не видя въ продолженіе столь долгаго времени ни приказа, ни отказа на свои записки. Тогда Березовскій обращается къ генію-покровителю іезуитскаго общества, графу де-Местру, выражаетъ предъ нимъ свое сердечное горе и проситъ помочь любимому и близкому его душѣ ордену всѣми зависящими отъ него мѣрами. Слова іезуитскаго генерала какъ бы вдохновили миссіонера латинства въ Россіи и подложили огня и жару для этой горячей, фанатической и смѣлой до дерзости головы. Де-Местръ выступаетъ адвокатомъ за іезуитское дѣло не съ какими нибудь маленькими записочками, составленными по всѣмъ реторическимъ правиламъ, но слишкомъ отзывающимися узкостію школы, наполненными доказательствами, повидимому иногда убѣдительными, но непроизводящими впечатлѣнія неизгладимаго и долго обладающаго душею читателя; де-Местръ пишетъ по іезуитскому дѣлу не нѣсколько маленькихъ записокъ, какъ Березовскій, а цѣлую книгу, состоящую изъ пяти писемъ или лучше трактатовъ, гдѣ съ ѣдкой ироніей Вольтера, съ урод-

ливымъ парадоксомъ Руссо, съ салонными и искристыми остротами посѣтителя гостинныхъ, съ легкою и поверхностною ученостію свѣтскаго человѣка соединяются язвительная и во многихъ отношеніяхъ правильная критика, новость мысли, своеобразіе взгляда, необыкновенное искусство поражать противника оригинальными доказательствами, находчивость змѣи вывертываться изъ поставленныхъ затрудненій. Самый слогъ писемъ де-Местра рѣзко отличается отъ слога записки Березовскаго: у іезуитскаго генерала это что-то вымѣренное по извѣстной мѣркѣ, что-то сочиненное по извѣстной формѣ, въ которую, по іезуитской реторикѣ, должны укладываться извѣстнаго рода сочиненія; у де-Местра жизнь, огонь, оригинальность, сила; его письма болѣе импровизація, чѣмъ сочиненіе, выжатое изъ головы послѣ долгаго сидѣнія и труда [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что была и огромная разница въ результатахъ записки Березовскаго и писемъ де-Местра.

Первыя три письма заключаютъ весьма язвительную, во многихъ отношеніяхъ преувеличенную, а въ нѣкоторыхъ— правдивую критику нашего тогдашняго общественнаго воспитанія. Іезуитъ беретъ предметъ свой въ обширныхъ размѣрахъ, занимаетъ вниманіе русскаго правительства его общественными образовательными заведеніями и, представивъ ихъ въ самомъ непривлекательномъ образѣ, естественно и непримѣтно приводитъ его къ іезуитскимъ заведені-

(1) Пять этихъ писемъ де-Местра напечатаны во 2 томѣ «Lettres et Opuscules inédits du comte Joseph De Maistre, précedés d'une notice biographique par son fils le comte Rodolphe De Maistre,» Paris, 1851. Письма эти занимаютъ во 2 т. соч. де-Местра 64 страницы. Изъ этого изданія мы и дѣлаемъ въ нашемъ текстѣ выдержки изъ этихъ писемъ. У Лютерота приводятся также отрывки изъ этихъ писемъ, но слишкомъ короткіе.

ямъ, нарисовываетъ ему картину, изображающую совершенный контрастъ іезуитскаго воспитанія съ тогдашнимъ университетскимъ и гимназическимъ, и говоритъ ему: если ты не потеряло зрѣнія физическаго и умственнаго, то можешъ изъ этой картины понять, какое воспитаніе лучше для тебя самого—наше ли-іезуитское, или вашихъ заведеній, а слѣдовательно которому изъ нихъ нужно отдать преимущество и права господства и первенства.

Первое письмо де-Местра къ Разумовскому начинается довольно парадоксальною мыслію, что въ Россіи толкуютъ и хлопочутъ объ общественномъ воспитаніи, а никто не хочетъ узнать сначала и изслѣдовать: созданы ли русскіе для знанія? До сего времени опи еще ничѣмъ недоказали этого (?). Римляне были совершенными невѣждами въ искусствахъ: они никогда не имѣли ни великаго живописца, ни ваятеля, ни даже математика. Цицеронъ называлъ Архимеда маленькимъ человѣчкомъ. Въ Россіи слишкомъ много даютъ цѣны знанію. Руссо въ извѣстномъ своемъ сочиненіи сказалъ, что оно много надѣлало зла въ мірѣ. Несмотря на парадоксы, встрѣчающіеся въ этомъ произведеніи, въ немъ есть и правда. Знаніе дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ, неспособнымъ къ дѣламъ и великимъ предпріятіямъ, резонеромъ, упорнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и презрительно относящимся къ мнѣнію другихъ, критическимъ наблюдателемъ дѣйствій правительства, нововводителемъ по самой природѣ своей и неуважительно относящимся къ авторитету національныхъ догматовъ. Поэтому-то Баконъ въ одномъ мѣстѣ сказалъ, что религія есть ароматъ необходимый для того, чтобы не испортилось знаніе. Въ прошедшемъ вѣкѣ сдѣлали ту страшную ошибку, что воспитаніе полагали въ одномъ знаніи, тогда какъ послѣднее есть только часть перваго и получаетъ значеніе только

потому, что оно коренится на воспитаніи нравственномъ. Эта-то система, придуманная для уничтоженія іезуитовъ, въ 30 лѣтъ произвела ужасное поколѣніе, ниспровергшее алтари и зарѣзавшее французскаго короля.

Обратите вниманіе, графъ, вотъ на что еще: всѣ народы на земномъ шарѣ, побуждаемые однимъ только инстинктомъ, всегда ввѣряли воспитаніе юношества священникамъ; и это явленіе относится не ко временамъ только христіанства, напротивъ, съ самой глубокой древности знаніе было исключительною принадлежностію священниковъ. Это единодушное согласіе всѣхъ народовъ заслуживаетъ великаго вниманія, потому что никто не можетъ безнаказанно противорѣчить общему смыслу всего міра». Де-Местръ даетъ разумѣть этими своими словами, что воспитаніе ученое, принятое и въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, производитъ только ужасныя поколѣнія, ведетъ къ убійству королей, противоположить ему нужно воспитаніе іезуитское, которое одно только препятствуетъ убивать королей. Замѣтимъ, что у іезуитовъ, воспитаніе которыхъ де-Местръ выставляетъ какъ броню противъ убійства королей, убійство царственныхъ лицъ, враждебныхъ ихъ обществу, возведено въ догматъ и почитается одною изъ высшихъ добродѣтелей.

Къ несчастію, продолжаетъ де-Местръ, Его Величество лишенъ этой неоцѣнимой выгоды, потому что русское духовенство отдѣлено отъ общества и лишено всѣхъ гражданскихъ должностей; но я пока оставляю этотъ вопросъ и возвращаюсь опять къ разсужденію о томъ, что въ Россіи весьма ошибаются насчетъ пользы наукъ для этой страны. Думаютъ обыкновенно, что открыть заведеніе, найдти профессоровъ и заплатить имъ жалованье,—это значитъ сдѣлать все. Напротивъ, ничего не сдѣлано, если у васъ

неприготовлено къ этому поколѣніе. Государство тратитъ огромныя суммы, а школы стоятъ пустыя. Гимназіи постоянно закрываются по недостатку учениковъ. Представьте себѣ такое правительство, которое бы затрачивало огромныя суммы для того, чтобы покрыть великолѣпными гостинницами такую страну, по которой никто не путешествуетъ; это самое вѣрное изображеніе русскаго правительства, сыплющаго огромныя деньги на учебныя заведенія, не спрося у народнаго смысла, хочетъ ли онъ еще заниматься науками. Нужно пообождать еще и спросить у времени, что оно скажетъ касательно способности къ наукамъ, а въ настоящую пору объ этомъ предметѣ нельзя сказать *ни да, ни нѣтъ.* Въ Россіи овладѣла какая-то манія правительствомъ, толкающая его вводить съ самою необдуманною поспѣшностію просвѣщеніе среди массъ народныхъ. А между тѣмъ эта манія къ знанію производитъ самыя гибельныя явленія: происходитъ какое-то внутреннее броженіе, теряется здравый народный смыслъ, умножается число полу-знаекъ, которые во сто разъ хуже невѣждъ, являются умы гордые, презирающіе свою страну и готовые всегда ниспровергнуть то, что они презираютъ. Другое слѣдствіе, столько же вредное, вытекающее изъ этой маніи къ знанію, заключается въ томъ, что правительство, неимѣя у себя достаточнаго для открытыхъ имъ учебныхъ заведеній числа наставниковъ, по необходимости принуждено прибѣгать къ заграничнымъ профессорамъ, и такъ какъ люди истинно-образованные и нравственные рѣдко оставляютъ свое отечество, то являются въ Россію въ качествѣ профессоровъ всегда нетолько люди посредственные, но часто развратные и совершенно испорченные, которые только ради денегъ приносятъ подъ другой полюсъ свое мнимое знаніе. Преимущественно же теперь Россія покры-

вается каждый день этою пѣною или поддонками, которыя выносятся изъ всѣхъ странъ Европы политическими бурями. Эти перебѣжчики сюда приносятъ только наглость и пороки. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ и религіозныхъ, они издѣваются надъ близорукостію этихъ русскихъ, вручающихъ имъ все, что есть дорогаго для нихъ на свѣтѣ, они только спѣшатъ скорѣе побольше собрать съ русскихъ денегъ, чтобы потомъ зажить на нихъ въ другомъ мѣстѣ жизнью независимою.

Для Россіи, какъ страны по преимуществу воинственной, науки не только безполезны, но и вредны: онѣ сдѣлали бы русскаго человѣка лѣнивымъ, лишили бы его того безотвѣтнаго мужества и удальства, которыя столь необходимы для солдата.

Де-Местръ заключаетъ свое первое письмо весьма оригинальнымъ примѣчаніемъ. «Россія, говоритъ онъ, по отношенію къ наукамъ поставлена въ самое невыгодное положеніе. У всѣхъ европейскихъ народовъ церковнымъ языкомъ былъ языкъ классическій, языкъ Цицерона и Виргилія; духовенство было крѣпко связано съ обществомъ и принимало участіе въ его дѣлахъ. Россія не имѣетъ этой выгоды; ея церковный языкъ прекрасенъ, но безплоденъ и никогда не производилъ ни одного хорошаго сочиненія». Іезуитъ и фанатическій латинистъ не можетъ терпѣть языка схизмы; здѣсь ясно сказалось все отвращеніе латинянина отъ языка, который напоминаетъ о ненавистной схизмѣ.

Во второмъ письмѣ де-Местръ представляетъ обзоръ древняго воспитанія и ѣдкую критику на господствовавшее тогда въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитаніе. Сопоставляя то и другое рядомъ, де-Местръ находитъ несравненное превосходство стараго воспитанія надъ новымъ;

при первомъ юноша получалъ болѣе основательныя познанія и цѣлесообразныя; при второмъ голова набивается хламомъ множества предметовъ ненужныхъ, лишнихъ, даже вредныхъ, и самымъ поверхностнымъ образомъ изучаются науки самыя важныя и полезныя. Одинъ перечень предметовъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, производитъ изумленіе и заставляетъ сдѣлать невольный вопросъ: да какъ все это можетъ вмѣститься въ молодой головѣ и неразорвать ее? Де-Местръ въ числѣ наукъ питаетъ особенную антипатію къ слѣдующимъ изъ нихъ: 1) къ естественной исторіи, которую онъ считаетъ наравнѣ съ поэзіей, т. е. съ вымысломъ, а слѣдовательно и наукою безполезною; 2) къ исторіи вообще, о которой отзывается такъ, что она никогда невходила, какъ предметъ изученія, требующій профессора, ни въ какую систему общественнаго воспитанія; исторію легко изучить изъ книгъ: кто умѣетъ читать, тотъ будетъ знать и исторію. Воспитанники легко могутъ изучить ее, если вы заставите каждаго изъ нихъ по очереди читать во время стола каждодневно полный курсъ ея; 3) къ химіи; 4) астрономіи; 5) эстетикѣ; 6) систематическому изложенію физическихъ наукъ и различныхъ теорій о происхожденіи міра и его различныхъ переворотахъ; 7) къ идеологіи и психологіи; 8) юридическимъ наукамъ и 9) къ греческому языку. Іезуитъ возвращается къ своей старой пѣснѣ; всѣ труженики, занимавшіеся этимъ языкомъ, находили его прекраснымъ и весьма труднымъ; повѣрьте мнѣ, графъ, въ Россіи нѣтъ ни одного молодаго человѣка, принадлежащаго къ извѣстной фамиліи, который бы несогласился лучше сдѣлать три кампаніи и находиться при шести жестокихъ сраженіяхъ, чѣмъ изучать греческія спряженія.

Третье письмо де-Местра главнымъ образомъ исполнено

критики на воспитаніе, даваемое тогда въ недавно открытомъ царскосельскомъ лицеѣ. Нужно замѣтить, что де-Местръ имѣлъ особенныя причины злобствоватъ на юный лицей: во 1-хъ, неуважена была программа его, составленная для вновь основаннаго учебнаго заведенія, по которой исключались изъ лицейскаго курса естественная исторія, химія и другія науки; во 2-хъ, лицей оттянулъ отъ петербургскаго іезуитскаго конвикта вдругъ довольное количество самыхъ свѣжихъ, цвѣтущихъ и самыхъ лучшихъ по происхожденію русскихъ силъ. Небудь лицея, Россія м. б. неимѣла бы Пушкина, Дельвига, Горчакова, Корфа и другихъ; небудь лицея, всѣ эти личности, по тяготѣвшему надъ тогдашнимъ нашимъ высшимъ обществомъ обыкновенію, попали бы въ іезуитскую воспитательную лабораторію и чтобы изъ нихъ здѣсь выработалось, Богъ одинъ знаетъ... Поэтому де-Местръ ищетъ, т. сказать, только малѣйшаго повода, чтобы придраться къ лицею, и находитъ несообразность и въ томъ, что тамъ живутъ семейные профессоры, и что воспитанники не содержатся, какъ іезуитскіе ученики. Вообще это письмо, по нашему мнѣнію, слабѣе прочихъ и не выдерживаетъ даже поверхностной критики. Но оно служитъ переходомъ къ іезуитамъ, и въ этомъ только отношеніи заслуживаетъ вниманіе. Отъ мысли о целибатствѣ наставниковъ естественно было де-Местру начать свое разсужденіе объ іезуитахъ. Четвертое письмо все переполнено цитатами и свидѣтельствами всѣхъ знаменитостей всесвѣтныхъ о великихъ заслугахъ, добродѣтеляхъ и педагогическихъ способностяхъ іезуитовъ. Враги іезуитовъ всѣ люди невѣрующіе, развратные, лютеране, кальвинисты, янсенисты, иллюминаты, всѣ враги внутренняго и внѣшняго спокойствія государствъ.

Пятое письмо носитъ особенный характеръ и представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что іезуитъ здѣсь прибѣгаетъ къ системѣ застращиванія и этимъ способомъ хочетъ дѣйствовать на русское правительство. Воображеніе Де-Местра выдумываетъ какую-то секту, существующую во всѣхъ углахъ Европы; цѣль и главная задача этой секты уничтоженіе всякой власти на земномъ шарѣ, а такъ какъ іезуиты всегда были защитниками власти, то эта секта и предположила сначала уничтожить іезуитское общество, чего она и достигла посредствомъ той самой власти, подъ которую она подкапывается, а потомъ разрушила и самую власть. Въ Россіи, гдѣ существуетъ іезуитскій орденъ по милости Монарха, нельзя было употреблять противъ іезуитовъ тѣхъ же приступовъ, какіе возможны были въ Европѣ, гдѣ это общество уничтожено, а потому придуманы были другія средства для уничтоженія этого ордена. Такъ напр. пущена въ ходъ фраза: интересы государственные требуютъ единства въ преподаваніи (вотъ гдѣ западня) и подчиняютъ іезуитовъ университетамъ, что равносильно указу объ уничтоженіи ордена. Подчиненіе университета іезуитамъ имѣло бы смыслъ, носило бы видъ справедливости; но подчинять іезуитовъ университетамъ,—это похоже на то, еслибы мальчика, изучающаго азбуку, взяли бы и велѣли ему учить краснорѣчію знаменитаго оратора. Потомъ взводятъ на іезуитовъ обвиненіе въ томъ, что они стремятся составить государство въ государствѣ. Какая нелѣпость! восклицаетъ Де-Местръ. Развѣ можно сказать, что полкъ хочетъ составить государство въ государствѣ, если онъ хочетъ зависѣть только отъ своего полковника и если онъ почтетъ униженіемъ и позоромъ для себя, если подчинятъ его вѣдѣнію и контролю посторонняго полковника. Притомъ

іезуиты, какъ и всѣ другія законныя общества, состоятъ подъ властію Государя; отъ него зависитъ уничтожить ихъ однимъ почеркомъ пера.

Въ заключеніе письма іезуитъ въ короткомъ платьѣ начинаетъ доказывать русскому министру народнаго просвѣщенія вредъ, происходящій отъ монополіи вообще и монополіи знанія въ частности. Самое слово «монополія», говоритъ Де-Местръ, есть уже несправедливость. Монополія есть исключительная привиллегія или позволеніе дѣлать зло, которое заставляютъ оплачивать дороже обыкновеннаго. Для чего ваше мудрое правительство рѣшается на такой рискъ въ такихъ важныхъ дѣлахъ? Когда іезуиты явились во Франціи, то Парижскій университетъ всѣми силами противился ихъ водворенію тамъ; но правительство несогласилось съ университетомъ, а тѣмъ болѣе незахотѣло подчинить ему іезуитовъ; оно оставило оба эти учрежденія въ совершенной независимости ихъ другъ отъ друга. Точно такъ же должна поступить и Россія въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакого важнаго различія между двумя системами. Наставники университетовъ неговорятъ, что нужно презирать религію, нравственную философію, классическіе языки и литературу (сравните, что говорилъ Де-Местръ прежде о профессорахъ университетовъ, и подивитесь хамелеоновскому постоянству его взглядовъ); іезуиты, съ своей стороны, неутверждаютъ, что не нужно изучать ни химіи, ни естественной исторіи, ни ботаники, и проч:. Правительство можетъ быть спокойнымъ созерцателемъ этихъ учрежденій, въ той увѣренности, что оно отъ соревнованія двухъ системъ можетъ выиграть многое и не проиграть ничего. Со стороны правительства было бы весьма разумною мѣрою, еслибы полоцкую коллегію возвели въ академію со всѣми правами университета,

и именно съ одинаковыми правами съ Виленскимъ университетомъ. Два заведенія шли бы вмѣстѣ, и соревнованіе ихъ между собою было бы полезно для государства. Вы, графъ, обращается Де-Местръ къ Разумовскому, не можете оказать такой существенной услуги своему отечеству, какую окажете, если убѣдите Его Величество наконецъ объявить совершенную независимость іезуитовъ отъ Виленскаго университета. Пусть Его Величество позволитъ, чтобы въ продолженіе нѣкотораго времени обѣ системы шли рядомъ. Скоро Государь увидитъ, на какую сторону болѣе склоняются отцы семействъ. Я незнаю, можетъ ли на этотъ разъ обманываться одинъ отецъ, но увѣренъ, что нельзя обмануть въ этомъ случаѣ многихъ отцевъ. Самый худой отецъ ищетъ всегда дать сыну своему лучшаго наставника. Дидеро однажды возбудилъ удивленіе въ одномъ изъ своихъ друзей, заставивши свою дочь читать Евангеліе. «Что же лучшаго я могъ дать ей для чтенія»? сказалъ Дидеро своему изумленному другу.

Надѣемся, что просвѣщенный министръ, которому предлагаются эти мысли, разсѣетъ тотъ мракъ, который затемняетъ самыя очевидныя и самыя существенныя истины. Какое зрѣлище, г. графъ! съ одной стороны, важные и ученые духовные, въ продолженіе 40 лѣтъ учившіе добру, свято исполняющіе свои обязанности по отношенію къ Россіи, обучающіе прежде всего русскому языку (?), а потомъ латинскому; съ другой, польская академія, гордящаяся своимъ собственнымъ языкомъ, нападаетъ на іезуитовъ за ихъ привязанность къ своимъ старымъ обычаямъ. И въ такихъ обстоятельствахъ русское правительство еще колеблется между двумя учрежденіями и даже склоняется въ пользу польской академіи. Какое святотатство въ этомъ, графъ, и какой это неизъяснимый рокъ всегда влечетъ пра-

вительства къ тому, что ихъ губитъ и отталкиваетъ ихъ отъ того, что ихъ спасаетъ?

Результатъ записки Де-Местра далеко былъ не таковъ, какой послѣдовалъ послѣ записки Березовскаго. Неговоря уже о превосходствѣ меморіала Местра надъ записками іезуитскаго генерала въ новости мыслей, блестящемъ ихъ изложеніи, въ особенномъ умѣньи группировать ихъ и поставлять ихъ, даже въ парадоксальности, всегда занимательной, самыя обстоятельства, при которыхъ представлены были записки двухъ іезуитскихъ адвокатовъ, разнились до безконечности. Записка Березовскаго посредствомъ министра была доложена Государю, неполучила никакого положительнаго отвѣта и оставлена съ прочими подобными бумагами въ кабинетѣ Государя. Что же касается до переписки іезуитскаго генерала съ Разумовскимъ: то она могла даже не дойти до Государя и остаться въ портфелѣ министра. Совершенно при другой обстановкѣ составлялась записка Де-Местра. Прежде нежели Сардинскій эксъ-посланникъ принялся за сочиненіе своей записки, онъ постарался одному изъ членовъ Государственнаго Совѣта, лицу весьма близкому къ Государю и часто бывающему у Государя, сообщить такія вещи о Россіи, которыя поразили его до того, что онъ сталъ просить Де-Местра все это написать и составить объ этомъ въ родѣ записки [1]. Іезуиту это только и нужно было. Убѣдившись, что труды его не будутъ брошены на-вѣтеръ, Де-Местръ съ жаромъ занялся составленіемъ своей записки. Чтобы раздражить любопытство упомянутаго члена Государственнаго Совѣта, Де-Местръ начерталъ въ обширныхъ размѣрахъ планъ своей

[1] Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre 1811 — 1817, recueillie et publiée par Albert Blanc, tom. I, pag. 42.

записки: онъ предполагалъ разсмотрѣть Россію съ трехъ сторонъ: религіозной, ученой и со стороны свободы. Но едвали такую программу записки имѣлъ намѣреніе выполнить Де-Местръ, по крайней мѣрѣ въ это время, а, кажется, хотѣлъ только этимъ заинтересовать члена Государственнаго Совѣта и приковать его вниманіе къ той части записки, на которую, по намѣренію Де-Местра, главнымъ образомъ и должно быть обращено вниманіе его. Дѣйствительно, однажды Де-Местръ, встрѣтивши этого члена, Совѣта, говоритъ ему, что онъ можетъ представить ему въ въ настоящемъ случаѣ только отдѣлъ изъ своего труда, но позволяетъ себѣ надѣяться, что и этотъ отрывокъ будетъ полезенъ при поднятомъ вопросѣ по іезуитскому дѣлу. Предложеніе Де-Местра принято было съ удовольствіемъ, а чрезъ нѣсколько дней записка его или извѣстныя пять писемъ объ общественномъ воспитаніи въ Россіи были уже въ рукахъ Государя. По прочтеніи ихъ, Государь сказалъ передатчику записки Де-Местра: «я знаю, что онъ мыслитъ хорошо и къ намъ привязанъ (1).» Впечатлѣніе, произведенное на Государя запискою Де-Местра, было такъ благопріятно, что Императоръ, увидѣвши его во дворцѣ, самъ подошелъ къ нему и сказалъ: «вы заставили Меня прочитать такую вещь, которая доставила Мнѣ большое удовольствіе (2)».

Нельзя также неостановить вниманія на нѣкоторыхъ особенныхъ событіяхъ, совершившихся тогда въ Россіи и имѣвшихъ большое вліяніе на счастливый результатъ записки Де-Местра. Предъ собиравшеюся надъ Россіей внѣшней грозою, внутри ея происходили внутреннія бури,

(1) Тамъ же и та же страница.
(2) Тамъ же, pag. 49.

сопровождавшіяся болѣе или менѣе грозными катастрофами, отзывавшимися болѣе или менѣе сильными потрясеніями въ душѣ тогдашняго Самодержца земли русской. Промахи тогдашнихъ реформаторовъ, такъ естественные при всякихъ преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, оскорбленное честолюбіе, зависть, самолюбіе и претензіи на обширныя государственно-административныя дарованія людей прежнихъ царствованій, оставшихся теперь совершенно безъ дѣла и признанныхъ неспособными къ государственнымъ должностямъ, наконецъ просто преувеличенные и своекорыстные страхи за свои крѣпостническія права людей, прикидывавшихся патріотами, а вся сфера патріотизма этихъ людей, какъ показалъ опытъ, ограничивалась безконтрольнымъ распоряженіемъ своими крестьянами,—все это давало и поводъ порицать произведенныя реформы, и клеветать на реформаторовъ, и порождало въ Государѣ, отъ природы недовѣрчивомъ и подозрительномъ, недовѣріе къ реформаторамъ, сомнѣніе въ благотворности совершенныхъ реформъ, наконецъ заставляло его терять вѣру въ себя, въ свои дѣйствія, производило сомнѣніе за будущее, навѣвало мысль о необходимости оставить прежній путь и идти по тому, который указываетъ партія, оппонирующая реформаторамъ; реакція уже совершилась въ Александрѣ I еще прежде 1812 года. Поворотъ этотъ происходилъ въ душѣ Александра тѣмъ съ бо̀льшею быстротою, чѣмъ съ бо̀льшею неразборчивостію старая партія употребляла всѣ средства для достиженія своей цѣли. Недовольствуясь частыми посѣщеніями тверскаго Императорскаго дворца, гдѣ находилась одна изъ любимѣйшихъ сестеръ Императора, имѣвшая огромное вліяніе на него, и неограничиваясь полуофиціальнымъ, такъ сказать, доносомъ или докладомъ ей о томъ бѣдственномъ положеніи, до котораго доведена Россія

будто бы благодаря новымъ реформаторамъ, и о той ужасной пропасти, которая ими приготовлена для нея въ скоромъ будущемъ, враги александровскихъ реформъ прибѣгали иногда къ ребяческимъ, иногда къ низкимъ, иногда къ самымъ гнуснымъ средствамъ. Главный центръ и очагъ этой партіи была Москва, а главнымъ поджигателемъ ея былъ Растопчинъ; подъ его подстрекательствомъ этотъ городъ падшихъ величій совершенно превратился въ клубъ фрондистовъ. Отсюда писались и посылались въ Тверь и Петербургъ разныя патріотическія записки, съ разными восклицаніями о томъ, что отечество гибнетъ; отсюда летѣли прошенія и письма отъ лица всего дворянства къ Государю съ прошеніемъ о необходимости принять такія-то мѣры, смѣнить и удалить отъ должностей такихъ-то администраторовъ. Но вслѣдъ за этими патріотическими вѣрноподданническими прошеніями щедрою рукою изъ той же, по большей части, Москвы разсыпались пасквили, угрозы, всякаго рода застращиванія, самые разнообразные и самые нелѣпые слухи, которымъ съ трудомъ можно найти пріютъ у московскихъ салопницъ, но которые, какъ неподлежащіе никакому сомнѣнію, важно и съ особенною интонаціей разсказывались въ самыхъ аристократическихъ московскихъ и другихъ салонахъ [1]. Въ этомъ случаѣ

[1] Анастасевичъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что дворяне, напуганные страшнымъ призракомъ, воскрешоннымъ Сперанскимъ,—уничтоженіемъ крѣпостнаго права, видѣли въ войнѣ 1812 г. ловушку для себя и для своихъ правъ; они утверждали, что будто Александромъ заключенъ съ Наполеономъ договоръ нарочно впустить его въ Россію для низложенія кичливыхъ дворянъ и освобожденія крестьянъ отъ рабства, чего Александръ самъ собою не могъ сдѣлать, хотя съ самаго вступленія своего на престолъ мысль объ освобожденіи крестьянъ была въ числѣ первыхъ и уже нѣсколько разъ трактована была въ совѣтѣ, но всегда находились противники изъ большихъ помѣщиковъ, закоснѣвшихъ въ привычкѣ управлять судьбою рабовъ.

Москва недалеко ушла отъ Вильны, гдѣ польско-литовское дворянство послѣ бала, даннаго имъ Александру I-му, и послѣ восторженныхъ изліяній чувствъ неизмѣнной преданности своему обожаемому Монарху, подбросило Ему самый гнусный и грязный пасквиль (¹).

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ воля Александра I-го не поколебалась бы при этихъ махинаціяхъ, или онѣ подвергнуты были бы строгому обсужденію, и по достоинству оцѣнены бы были механики и ихъ дѣйствія. Но страшныя черныя тучи съ непостижимою быстротою надвигались съ запада на Россію; все въ атмосферѣ дышало чѣмъ-то зловѣщимъ, всѣ увѣрены были въ нашемъ пораженіи (²); воображеніе было поражено громадностію будущихъ жертвъ и безвыходностію положенія, опускались руки, воля теряла энергію. Подъ гнетомъ такихъ впечатлѣній Александръ I-й, съ невыносимою болью сердца, дол-

(¹) См. Записки Анастасевича, г. 1812, стр. 103, въ рукописи, хранящейся въ Имп. публичной библіотекѣ; такъ же «La Russie pendant les guerres de l'Empire (1805—1815), souvenirs historiques de M. Armand Domergue, tom. I, pag. 23, гдѣ изображается впечатлѣніе, произведенное на наше дворянство тилзитскимъ миромъ: оно было возмущено сближеніемъ Александра I съ Наполеономъ и при этомъ преимущественно боялось вторженія къ намъ идей революціонныхъ и якобинскихъ; тамъ же tom. II, pag. 368, авторъ, сказавши, какъ дерзко московское дворянство отзывалось о Государѣ, заключаетъ свой разсказъ слѣдующими словами: «il y a dans ces confidences des details qui font fremir»... Самые учители-французы, жившіе у московскихъ дворянъ, по замѣчанію автора, подражали своимъ хозяевамъ и отличались отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ болтливостію и наглостію въ рѣчахъ и отзывахъ о правительствѣ; такъ же Histoire de la déstruction de Moscou en 1812, par A. F. B-ch, Paris, 1822.

(²) Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811 — 1817, tom. I, pag. 60, приводится разговоръ оберъ-гофмаршала Толстова такого содержанія, что онъ увѣренъ, что Императоръ (Александръ) будетъ разбитъ, и что самъ Государь держится тѣхъ же мыслей.

женъ былъ въ угоду старой, мнимопатріотической партіи, жертвовать такими людьми, какъ Сперанскій ([1]), оставлять самого себя одинокимъ и безъ вѣрныхъ помощниковъ и совѣтниковъ; подъ давленіемъ необыкновенныхъ внѣшнихъ событій и страшныхъ душевныхъ потрясеній принужденъ былъ давать важные государственные посты такимъ людямъ, къ которымъ Онъ имѣлъ полное отвращеніе и ненавидѣлъ ихъ всѣми силами души своей, какъ напр. къ графу Растопчину ([2]) и многимъ другимъ. Мѣста Сперанскаго,

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, барона Корфа, стр. 24, гдѣ со словъ кн. Голицына передается то душевное состояніе Александра I, въ которомъ Онъ находился на другой день высылки Сперанскаго изъ Петербурга. На другой день, кн. Голицынъ, явясь къ Государю, какъ было ему приказано, послѣ засѣданія Государственнаго Совѣта, засталъ его ходящимъ по комнатѣ съ весьма мрачнымъ видомъ. «Ваше Величество нездоровы?» спросилъ Голицымъ. «Нѣтъ здоровъ.»—«Но вашъ видъ?» «Еслибъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою!»... Во всю бесѣду, довольно продолжительную, Государь только и говорилъ что о тяготившей его потерѣ, часто со слезами на глазахъ. «Ты разберешь съ Молчановымъ бумаги Михайла Михайловича, заключилъ Александръ; но въ нихъ ничего не найдется: онъ *не измѣнникъ*»...

([2]) Государь Александръ немогъ терпѣть Растопчина съ того времени, какъ онъ былъ еще наслѣдникомъ. Въ царствованіе Павла I у Александра было много столкновеній съ Растопчинымъ и притомъ такихъ, гдѣ нетолько нещадно оскорблялось самолюбіе наслѣдника престола, но безъ всякой церемоніи расточались угрозы (Matériaux en grande partie inedits pour la biographie future du Comte Theodore Rostoptchine, rassemblés par son fils, pag. 516). Александръ никогда недалъ бы Растопчину никакой должности и никогда бы не принялъ его на службу: до такой степени Императоръ не любилъ его; а послѣ самаго наглаго и самаго оскорбительнаго письма для Александра, написаннаго Растопчинымъ послѣ аустерлицкой битвы и адресованнаго хотя на имя княгини Голицыной, но съ явною цѣлію дать ему какъ можно болѣе гласности между московскимъ дворянствомъ и такимъ образомъ довести его до свѣдѣнія Государя и самымъ жестокимъ образомъ уколоть и ужалить Его, и безъ того уже потрясеннаго до глубины души послѣ аустерлицкой бойни, Императоръ

Новосильцова заняты были Балашовыми, Розенкампфами и тому подобными личностями (¹). Мы не можетъ съ точностію опредѣлить, насколько іезуитская партія была солидарна съ старою мнимопатріотическою или крѣпостническою партіею, но только то несомнѣнно извѣстно, что Сперанскій и его сторонники такъ же были ненавистны нашимъ дворянамъ, какъ и іезуитамъ. Если Растопчинъ и партія его видѣли въ Сперанскомъ якобинца, то когорта деместровская смотрѣла на него, какъ на иллюмината, проникнутаго новымъ духомъ, враждебнымъ церкви и престолу (²). Не-

просто немогъ безъ отвращенія видѣть его. Только нестерпимый гнетъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій; тонкая интрига, веденная Растопчинымъ чрезъ свою родственницу графиню Протасову; вмѣшательство въ нее В. К. Екатерины Павловны, доведенной растопчинской партій до убѣжденія, что спасеніе Россіи зависить только отъ людей, подобныхъ Растопчину, и старавшейся убѣдить въ этомъ и своего Державнаго Брата доставили Растопчину въ 1812 г. постъ московскаго градоначальника (La Russie en 1812, Rostoptchine et Koutousoff, tableau des moeurs et essai de critique historique, par M. S. H. Schnitzler, Paris, 1863, pag. 60 — 61; такъ же Matériaux... pag. 262.

(¹) La Russie en 1812 an, par Schnitzler, pag. 273—277 и 97, такъ же Corresp. diplomatique, tom. I, pag. 73. Де-Местръ, говоря объ отправленіи Государя къ арміи въ Вильну, разсказываетъ слѣдующее: Avec l'Empereur partent M. le baron d'Arenfeldt, suédois-finlandais, qui a passé au service de la Russie depuis la conquête de la Finlande et qui est à présent en grande faveur (Участіе его въ интригѣ противъ Сперанскаго вмѣстѣ съ извѣстнымъ Розенкампфомъ и Балашовымъ неподлежитъ никакому сомнѣнію, точно также самыя близкія интимныя отношенія его къ обществу Лойолы нами были указаны и доказаны внутреннею перепискою іезуитовъ до осязательной ясности; см. La Russie en 1812 an par Schnitzler, pag. 97; такъ же внутр. переписка, № 229, письма къ іезуитамъ *графа Армфельда о его племянникѣ, воспитывающемся у іезуитовъ*, тутъ же письма жены Армфельда къ іезуитамъ о томъ же племянникѣ) et le marquis Paulucci, qui est revenu de Georgie pour occuper le magnifique poste de quartier-maître de l'armée de l'Empereur.

(²) Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre.. tom. I, pag.

случайное также явленіе, что съ партіей, погубившей Сперанскаго, отправились въ Вильну съ Государемъ и чистой крови іезуиты (1). Этого мало: Де-Местръ въ нѣкоторомъ отношеніи занялъ должность Сперанскаго: онъ вызванъ былъ Государемъ въ Полоцкъ, и ему поручена была редакція всѣхъ секретнѣйшихъ государственныхъ бумагъ, а потому онъ назывался конфиденціальнымъ редакторомъ; положеніе Де-Местра было совершенно независимое; онъ неимѣлъ никакого отношенія къ завѣдывавшему тогда Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Государственному Канцлеру Румянцову; напротивъ, самъ министръ долженъ былъ преклоняться предъ нимъ (2); Де-Местеръ прямо сносился съ Императоромъ и имѣлъ съ нимъ совѣщанія во внутреннемъ кабинетѣ Государя. Точно такъ же второстепенныя должности при канцеляріи Александра заняты были явными іезуитами, напр. извѣстнымъ Козловскимъ, который замѣстилъ Жерве, друга Сперанскаго, вмѣстѣ съ нимъ погибшаго (3).

68—72. Новѣйшій духъ, овладѣвшій въ настоящее время всею Европою, подвигъ и Сперанскаго къ измѣнѣ, по мнѣнію Де-Местра. Духъ этотъ до тѣхъ поръ неможетъ успокоиться, пока стоятъ церковь и престолы; онъ владѣетъ какою-то сатанинскою предпріимчивостію.

(1) Напр. Балашевъ, Армфельдтъ, Розенкампфъ и другіе (Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, tom. I, pag. 68 — 72, такъ же «La Russie en 1812 an, par Schnitzler, pag. 97.»

(2) Corresp. diplomat. tom. I, pag. 62. «Mon sort est extraordinaire»... «Cet homme doit (канцлеръ Румянцовъ) être à vos genoux,» говорилъ обер-гофмаршалъ Толстой Де-Местру.

(3) Козловскій сталъ склоняться къ латинству еще тогда, когда онъ былъ переводчикомъ при нашемъ посланникѣ въ Римѣ Лизакевичѣ; здѣсь познакомился онъ съ секретаремъ кардинала Феша Шатобріаномъ; тотъ произвелъ на Козловскаго сильное впечатлѣніе (см. въ арх. М. И. Дѣлъ, г. 1803, № 57, депешу нашего министра Иностранныхъ Дѣлъ къ Лизаке-

Послѣ того какъ іезуитская партія такъ высоко поднялась въ лицѣ Де-Местра и другихъ членовъ общества, записка Сардинскаго министра объ эманципаціи іезуитскихъ учебныхъ заведеній отъ университетовъ и возведеніи полоцкаго коллегіума на степень академіи, было дѣломъ окончательно рѣшенымъ. Голицынъ, а можетъ быть, Березовскій, и даже самъ Де-Местръ, сочинилъ докладъ, въ которомъ съ строгою вѣрностію списаны были тѣ мотивы, которые проводятся въ запискѣ Березовскаго и Де-Местра. Докладъ безпрекословно былъ утвержденъ Государемъ, ([1]) и указомъ сенату возвѣщено было объ открытіи въ Полоцкѣ іезуитской академіи. Указъ опустилъ всѣ прочіе мотивы, которые выставлены въ докладѣ Голицына, а говоритъ только, что во уваженіе представленнаго Намъ желанія бѣлорусскаго дворянства и пользы для наукъ отъ соревновенія между нѣсколькими училищами равной степени, признали Мы за полезное возвести полоцкую іезуитскую коллегію на степень академіи, съ присвоеніемъ ей преимуществъ, дарованныхъ университетамъ ([2]). Это было истинное торжест-

вичу, въ которой говорится, что находящійся при миссіи вашего превосходительства переводчикъ князь Козловскій поѣхалъ въ Неаполь съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ свитѣ французскаго посла, кардинала Феша; я желаю знать, по какому случаю имѣетъ онъ связи съ чиновникомъ франц. миссіи и на какое время отпущенъ вашимъ превосходительствомъ; что вообще министры неимѣютъ власти отпускать подчиненныхъ своихъ за предѣлы того государства, гдѣ они аккредитованы). Впослѣдствіи Козловскій сдѣлался іезуитомъ; мы еще возвратимся къ нему (см. Fürst Koslоffsky, von Dorow, Leipzig, 1846).

([1]) См. въ арх. М. Н. П. дѣло 1811 г., № 81, по выпискѣ изъ журнала комитета министровъ, о возведеніи полоцкой іезуитской коллегіи на степень академіи, съ присвоеніемъ оной преимуществъ, дарованныхъ университетамъ.

([2]) Тамъ же.

Примѣч. 1-е. Де-Местръ, такъ много своими стараніями содѣйствовав-

во іезуитовъ надъ своими врагами. Іезуиты всякому мелочному событію, льстящему ихъ самолюбію, умѣютъ придать особенный эффектъ и театральную обстановку; возведеніе полоцкаго коллегіума въ академію и уничтоженіе зависимо-

шій возведенію полоцкаго коллегіума въ академію, благодарилъ Государя особымъ письмомъ за такую великую милость, дарованную іезуитамъ. Sire, писалъ онъ Александру, le collège des jésuites de Polozk vient d'être érigé en academie avec tous les privilèges des Universités de l'Empire, dans une independance absolue de ces dernières; c'est une assez belle victoire remportée sur le mauvais principe, car je ne connais pas d'institution plus monarchique et plus forte que celle de jésuites. La conservation de cet ordre celèbre à Saint-Petersbourg, à Londres et à Baltimore dans l'Amerique protestante, est un singulier phénomène; il me rappelle la lettre Frederic II à Voltaire, du 18 Novembre 1777) oeuvres de Voltaire, in 8º, tom. 89, pag. 248). Ganganelli me laisse mes chers jésuites; j'en conserverais la précieuse graine pour en fournir à ceux qui voudront cultiver chez eux une plante si rare... Je doute cependant que l'Empereur ait agi en cela, sans avoir à surmonter quelques répugnances de jeunesse et d'education, mais il est très capable d'agir par raison contre ses inclinations. Il est même de surmonter une répugnance personnelle, et c'est un très-beau côté de ce caractère.»

Примѣчаніе 2-е. Полоцкая академія состояла изъ трехъ факультетовъ: 1) лингвистическаго, гдѣ преподавались языки: русскій, французскій, нѣмецкій, латинскій, греческій и еврейскій; 2) свободныхъ наукъ, куда входили: философія, поэзія, риторика, философія нравственная, логика, метафизика, физика общая, частная и опытная, химія, математика чистая и прикладная, архитектура гражданская и военная, право естественное, народное и римское, исторія естественная и всеобщая; 3) Богословскаго Факультета, обнимавшаго такія науки: Богословіе догматическое, Богословіе нравственное, священнос писаніе, каноническое право и церковная исторія. Академія іезуитская получала права чисто государственнаго русскаго учрежденія, въ нее могли поступать люди всѣхъ званій и вѣроисповѣданій; кончившіе въ ней курсъ получали 14-й классъ; она могла раздавать ученыя степени, безпошлинно выписывать изъ заграницы книги и инструменты и безъ осмотру ихъ въ таможнѣ. Но справедливость требуетъ сказать, что іезуитская академія далеко несоотвѣтствовала своему названію; это былъ тотъ же прежній коллегіумъ, только перемѣнившій

сти iезуитскихъ учебныхъ заведенiй отъ университетовъ были такими громадными событiями въ жизни iезуитскаго ордена, что было бы непростительно со стороны iезуитовъ, если бы они не отпраздновали ихъ съ особенною торжественностiю. Несмотря на то, что непрiятель стоялъ, такъ сказать у порога Россiи, iезуиты поспѣшили открыть свою академiю: **10 Iюня 1812 г**: совершилось это торжество со всевозможнымъ великолѣпiемъ, какъ выражается Березовскiй въ письмѣ своемъ къ Разумовскому. Въ самомъ дѣлѣ, къ этому дню, по разосланнымъ отъ iезуитовъ повѣсткамъ и рекламамъ, собралось въ Полоцкъ множество дворянъ со всей Бѣлоруссiи и Литвы; герцогъ Виртембергскiй, занимавшiй должность бѣлорусскаго генералъ-губернатора, нарочно прiѣхалъ въ Полоцкъ для этого торжества съ своею свитою; Де-Местръ никакъ немогъ не быть при окончательномъ торжествѣ дѣла рукъ своихъ; изъ духовныхъ прелатовъ явились на это торжество Греко-унiатскiй архiепископъ и Латинскiй епископъ Дедерко. При музыкѣ, аккомпанируемой голосами, Дедерко совершилъ литургiю въ главномъ iезуитскомъ костелѣ и сказалъ проповѣдь; при литургiи находились всѣ чины академiи, воспитанники и постороннiя лица. Послѣ того, въ процесiи всѣ отправились въ большую iезуитскую залу, въ которой на золотой подушкѣ лежала грамота академiи предъ бюстомъ Государя Императора. Когда всѣ пришли въ залу и заняли мѣста, еп. Дедерко сказалъ рѣчь; потомъ прочитано письмо митрополита Сестренцевича, коимъ извѣщаетъ онъ еп. Дедерко,

имя (см. въ арх. М. Н. П. дѣло подъ № 83-мъ по письму генерала iезуитскяго ордена объ исходатайствованiи Высоч. утвержденiя представленному отъ него уставу полоцкой iезуитской академiи и подвѣдомыхъ ей заведенiй.

что Государь изъявилъ согласіе Свое на отлучку еп: изъ своей епархіи въ Полоцкъ для увеличенія торжественности открытія академіи. Послѣ этого надзиратель, находящійся при іезуитскомъ генералѣ, взявши грамоту, отдалъ ее герцогу Виртембергскому, который передалъ ее, какъ министръ, прелату, для торжественнаго отнесенія ея въ церковь; въ это время всѣ присутствовавшіе встали съ своихъ мѣстъ и въ процессіи, подобно крестному ходу, медленно двинулись въ іезуитскій костелъ по городской площади, среди оглушительныхъ громовъ музыки и выстрѣловъ изъ пушекъ. Процессія шла въ такомъ порядкѣ: напереди шли длинными рядами разставленные и раздѣленные на пять классовъ воспитанники академіи; за ними такъ же въ рядъ шли отцы іезуиты, изъ которыхъ многіе прибыли на это торжество изъ другихъ училищъ; потомъ прелатъ, окруженный двумя канониками, несъ грамоту, которой печать и кисти поддерживались двумя воспитанниками, одѣтыми въ бѣлое платье. Процессію заключалъ герцогъ Виртембергскій съ своею свитою». Но ничто столько не дѣлало пріятнымъ сіе зрѣлище, писалъ Березовскій къ Разумовскому, какъ то, что несены были юношами 70 знаменъ съ гербами разныхъ народовъ и областей подвластныхъ Его Императорскому Величеству. (1) Такимъ образомъ грамота принесена была въ церковь, которая на этотъ разъ была особенно украшена, и посреди которой поставленъ былъ тронъ, украшенный пурпуромъ, и надъ трономъ портретъ

(1) Описаніе торжества при открытіи Полоцкой іезуитской академіи взято нами изъ офиціальнаго документа, доставленнаго Березовскимъ Разумовскому (см. описаніе торжества, происходившаго при открытіи Полоцкой академіи, находящееся въ дѣлѣ М. Н. П. г. 1811, № 81, о возведеніи Полоцкой іезуитской коллегіи на степень академіи).

Алексадра I-го. Въ церкви прочитанъ былъ указъ о возведеніи полоцкаго коллегіума въ академію, потомъ прочтена была самая грамота и положена была на означенный тронъ; послѣ того, одинъ изъ іезуитовъ сказалъ похвальную рѣчь Императору Александру I-му; за рѣчью слѣдовалъ потокъ стихотвореній на 7-ми языкахъ. По окончаніи всего этого герцогъ взялъ грамоту и вручилъ ее ректору академіи для всегдашняго храненія ея. Торжество заключилось гимномъ т. е. Te Deum laudamus. Ночью была разная иллюминація вся площадь предъ іезуитскимъ заведеніемъ горѣла огнями и освѣщалась транспарантами. На передней части іезуитскаго костела, обращенной къ площади, поставленъ былъ огромнаго размѣра орелъ, держащій между двумя своими головами имя Александра I-го, окруженное лаврами и украшенное короною, подъ нимъ написано было: quaesivit bona genti suae (взыскалъ доброе народу своему); по правую и по лѣвую сторону его возвышались двѣ высокія пирамиды, составленныя изъ лампъ разныхъ цвѣтовъ. На лѣвой сторонѣ храма въ разныхъ символахъ и эмблеммахъ представлены были добродѣтели Государя. Такъ же различныя науки изображены были разными символами. Неостались забытыми и имена принца Виртембергскаго и министра Разумовскаго, и имъ даны были приличныя мѣста на іезуитскомъ храмѣ и съ приличными льстивыми эпитетами. Въ заключеніе спущенъ былъ огромный, расписанный разною живописью, аеростатическій шаръ, съ слѣдующею на немъ надписью.» tutus Alexandri auspiciis eo laetus ad astra (безопасный подъ защитою Александра, лечу я весело вверхъ).

Такъ закончилось іезуитское торжество открытія Полоцкой академіи. Іезуиты не скрывали своей радости при этомъ; это въ нѣкоторомъ отношеніи былъ зенитъ ихъ силы и могущества, но съ этого же времени началось и па-

деніе ихъ. Замѣчательно, что когда въ упоеніи своимъ успѣхомъ и съ сіяющимъ отъ радости лицемъ Березовскій явился къ Тургеневу благодарить его за участіе и содѣйствіе его въ ихъ дѣлѣ, то послѣдній съ рѣзкою откровенностію на потокъ льстивыхъ фразъ іезуитскаго генерала отвѣтилъ слѣдующею фразою: это начало конца; теперь вы натворите столько дѣлъ, что васъ выгонятъ (¹).

(¹) La Russie et les jésuites de 1772 à 1820, par Henri Lutteroth, pag. 39.

Приложенія.

1.

Именный указъ, данный Сенату 1815-го года Дек. 20 ([1]).
О высылкѣ всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ С.-Петербурга; о воспрещеніи имъ въѣзда въ обѣ столицы и о приведеніи католической церкви въ С.-Петербургѣ въ то положеніе, въ какомъ она до 1800 года пребывала.

По возвращеніи Нашемъ, послѣ благополучнаго окончанія внѣшнихъ дѣлъ, въ любезное Богомъ врученное Намъ отечество, изъ многихъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, жалобъ и донесеній, удостовѣрились мы совершенно въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: Монахи іезуитскаго ордена, Римско-Католическаго исповѣданія уничтожены были папскою буллою, и какъ самъ онъ изгналъ ихъ изъ областей своихъ, такъ равномѣрно и всѣ другія державы отринули ихъ отъ себя, они не имѣли нигдѣ пристанища. Россія, по добродѣтельному подвигу человѣколюбія и терпимости вѣръ, оставила ихъ у себя, давъ имъ убѣжище, и гонимыхъ успокоила подъ своимъ сильнымъ покровомъ. Она не возбранила имъ обращаться въ кругѣ своего вѣроисповѣданія, не отвлекала ихъ отъ онаго ни силою, ни притѣсненіемъ, ни прельщеніями, и въ воздаяніе за то

([1]) См. Собр. Зак. т. XXXIII, № 26.036.

ожидала отъ нихъ вѣрности, усердія и пользы. По сей надеждѣ допущены они (іезуиты) были до воспитанія и наставленія юношества. Отцы и матери безбоязненно ввѣряли имъ дѣтей своихъ для обученія наукъ и благонравія. Но нынѣ открылось несомнѣнно, что они, несохраняя долга благодарности и неоставаясь смиренными духомъ, какъ христіанскій законъ повелѣваетъ, и кроткими въ чужой странѣ жителями, возмнили потрясать господствующую издревле въ Царствѣ Нашемъ Православную Греческую Вѣру, на коей, какъ на твердомъ и непоколебимомъ камени, почиваетъ тишина и благоденствіе тмочисленнаго подъ Скипетромъ Нашимъ народа. Они начали сдѣланную имъ довѣренность употреблять во зло: стали порученныхъ имъ юношей и нѣкоторыя лица изъ слабѣйшаго женскаго пола отвлекать отъ Нашего и прельщать въ свое вѣроисповѣданіе. Домогаться сдѣлать человѣка отпадшимъ отъ своей вѣры, отъ вѣры предковъ его; погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ; отдѣлить духъ его отъ духа отечества; посѣять раздоръ и вражду между семействами; отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери; водворить несогласіе между чадами единыя церкви; сей ли есть гласъ и воля миролюбиваго Бога и единороднаго сына Его Богочеловѣка Христа, пролившаго за насъ пречистую кровь свою, да поживемъ тихое и мирное житіе? По сихъ дѣяніяхъ не удивляемся мы болѣе, что сообщество сихъ монаховъ отъ всѣхъ державъ изгнано и нетерпимо было. Кто въ нѣдрахъ своихъ потерпитъ сѣятелей вражды и несогласія? Сего ради, бодрствуя о благосостояніи вѣрноподданнаго Намъ народа, и почитая священнымъ и благоразумнымъ правиломъ искоренять зло въ самомъ началѣ онаго, дабы недопустить созрѣть его и принести горькіе плоды, повелѣваемъ мы: Католическую

церковь, здѣсь находящуюся, поставить въ то устройство, въ коемъ она пребывала въ царствованіе въ Бозѣ опочивающей Бабки Нашей Императрицы Екатерины II-ой и до 1800 года, выславъ немедленно всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ С.-Петербурга, и воспретя имъ въѣздъ въ обѣ столицы Наши. Для принятія нужныхъ къ скорому исполненію сего мѣръ, и для взятія подъ надзоръ состоящаго подъ управленіемъ ихъ дома и училища, даны отъ Насъ Управляющему Министерствомъ Полиціи и Министру Просвѣщенія особыя повелѣнія. Митрополиту же Римско-Католическому повелѣно, для непрерывнаго отправленія церковной службы по закону своему, употребить находящихся здѣсь священниковъ сего исповѣданія, до прибытія для предбудущаго служенія монаховъ католическихъ другаго ордена.

2.

Докладъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князя Голицына.

Узаконеніями въ Имперіи издавна запрещено было іезуитамъ имѣть пребываніе въ Россіи. Но, невзирая на сіе, они находили способъ проницать въ предѣлы ея подъ разными видами. Почему Императоръ Петръ I-й, коему извѣстны были руководствующія ихъ правила, въ 1719 году повелѣлъ всѣхъ іезуитовъ съ ихъ служителями выслать немедленно изъ всѣхъ городовъ и земель Россійскихъ, и декларацію о семъ привѣсить къ московской римско-католической церкви.

Съ возвращеніемъ въ 1772 г. Бѣлорусскаго края Россіи, вошли въ ея предѣлы и обитавшіе въ ономъ іезуиты. Вскорѣ потомъ (въ 1773 г.) буллою папы римскаго Климента XIV уничтожено іезуитское общество. Глава рим-

ской церкви объявилъ его лишеннымъ всѣхъ принадлежавшихъ ему должностей, званій и отличій, всѣхъ имуществъ, домовъ, училищъ, коллегій и другихъ заведеній, отмѣнилъ всѣ статуты и постановленія, для онаго изданныя, и совершенно подчинилъ членовъ его наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ епархіальнымъ епископамъ. Но іезуиты пребывающіе въ Россіи, искали защиты у Императрицы Екатерины II-й противъ папы, почитаемаго ими видимою главою церкви. Екатерина II-я, въ надеждѣ, что оставшіеся отъ всеобщаго уничтоженія чины сего ордена, отказавшись отъ всѣхъ дѣйствій, противныхъ гражданскому порядку, бывшихъ причиною уничтоженія ихъ общества, посвятятъ себя единственно воспитанію въ Бѣлоруссіи Римско-Католическаго юношества, которому бы они могли быть полезны своимъ просвѣщеніемъ, если бы оно было основано на любви христіанской, даровала имъ убѣжище въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Іезуитскому обществу нетолько предоставлены въ Бѣлоруссіи недвижимыя имѣнія, но еще повелѣно было съ принадлежащихъ оному крестьянъ не собирать и податей казенныхъ. Но даровавъ ему покровительство Екатерина II-я въ 1774 году изрекла торжественно, что сіе покровительство продолжится до тѣхъ только поръ, пока Іезуиты не преступятъ за границы начертаннаго имъ долга, а въ 1782 году Высочайше повелѣть соизволила, чтобы и самыя правила ордена іезуитскаго были наблюдаемы ими, поколику они могутъ быть соглашены съ государственными постановленіями.

Оказавъ снисходительную терпимость обществу, отверженному и папою, верховнымъ его начальникомъ, и всѣми державами Европы, Россія могла по справедливости ожидать, что они будутъ вѣрными ея Монарху, и не нарушатъ ея законовъ.—Слѣдствія показали противное. Высочайши-

ми указами и грамотами 12 Декабря 1772 г., 12 Мая 1774 г., 30 Декабря 1778 г., 9 Января 1780 г., и 17 Января 1782 г. повелѣно было іезуитамъ, которыхъ папа подчинилъ епархіальнымъ епископамъ, зависѣть отъ епархіальнаго ихъ архіерея, но они непризнавая уже папской власти, отреклись и въ Россіи отъ повиновенія начальству духовному, въ оправданіе же своего непокорства приводили они орденскія свои постановленія. Правительствующій Сенатъ еще въ 1782 г. объявлялъ, что іезуиты, зная Высочайшее предписаніе, по коему они обязаны повиновеніемъ архіепископу Могилевскому, своему истинному пастырю и главному препозиту, не должны отрекаться отъ сего предписаннаго имъ повиновенія, не должны, при столь ясно изображенной воли монаршей (по примѣру прежняго отзыва іезуитскаго провинціала), приводить въ защищеніе свое упоминаемыя ими орденскія правила.

Въ 1800 г. іезуиты допущены были въ С.-Петербургъ къ богослуженію въ Римско-Католической церкви. Высочайше же утвержденнымъ въ 12 день Февраля 1769 г. регламентомъ дозволено при сей церкви имѣть училище, въ которомъ могли образоваться одни только юноши римско-католическаго исповѣданія, но іезуитскій генералъ, увеличивъ безъ нужды число здѣшнихъ своихъ патеровъ, завелъ коллегію, въ которую началъ онъ принимать юношество не только иностранныхъ исповѣданій, но и Греко-Россійской церкви. Іезуиты на семъ не остановились. Они вопреки кореннымъ государственнымъ узаконеніямъ осмѣлились внушеніями своими обольщать ввѣренныхъ имъ питомцевъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ Греко-Россійской церкви, и привлекать ихъ въ свое вѣроисповѣданіе. Сверхъ того, пользуясь отъ исправленія требъ и отъ найма обширныхъ домовъ церковныхъ доходами, въ коихъ не

отдавали никому отчета, предписаннаго регламентомъ и Высочайшимъ указомъ 14 Мая 1801 года, и получая значительную плату за содержаніе пансіонеровъ, не только не освободили церкви отъ прежнихъ долговъ ея, но еще обременили ее новыми. Все сіе, служа убѣдительнымъ доказательствомъ нарушенія государственныхъ законовъ, побудило Ваше Императорское Величество въ охраненіе господствующей церкви, издать 1815 г. указъ, коимъ іезуиты высланы изъ С.-Петербурга и коимъ запрещенъ имъ въѣздъ въ обѣ столицы [1]. Принимая же участіе въ благосостояніи здѣшней Римско-Католической церкви, Ваше Величество повелѣть соизволили въ 1818 году уплатить отъ казны ея долги, до 200.000 простиравшіеся. Но удаленіе іезуитовъ изъ С.-Петербурга не послужило къ перемѣнѣ ихъ поведенія. Гражданскія и военныя начальства доносили, что іезуиты продолжаютъ дѣйствовать противозаконно. Въ коллегіи могилевской привлекали они къ своему вѣроисповѣданію обучавшееся у нихъ Греко-Россійское юношество, и когда, для отнятія у нихъ къ тому способа Высочайше повелѣно, дабы въ Полоцкой Академіи и подвѣдомственныхъ ей училищахъ обучалось одно только Римско-Католическое юношество, — начали они въ Витебскѣ обращать въ свое исповѣданіе военно-служащихъ Греко-Россійской церкви. И въ Сибири находящіеся іезуиты поступками своими не соотвѣтствуютъ той цѣли, съ какою были опредѣлены на мѣста свои. Подъ предлогомъ исправленія требъ, посѣщаютъ они и такія мѣста, въ которыхъ нѣтъ ни единаго римско-католика, прельщаютъ простолюдиновъ и переманиваютъ ихъ въ свое исповѣданіе. Въ Саратовской губерніи дѣйствуютъ они по симъ же правиламъ.

[1] См. Собр. Зак. т. XXXIII, № 26036.

Папскими предписаніями и государственными узаконеніями запрещено обращать Греко-Унитовъ въ Римско-Католическое исповѣданіе, но генералъ іезуитскаго общества противоставлялъ и тѣмъ и другимъ папскую буллу, разрѣшающую Греко-Унитамъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ греко-унитскаго священника, принимать причастіе отъ Римско-Католическихъ.—Но іезуиты привлекаютъ Греко-Унитовъ даже и тамъ, гдѣ находятся греко-унитскіе священники. Я приводилъ еще въ 1815 году іезуитскому генералу на память Имянный Высочайшій указъ 3 іюля 1803 года, въ которомъ сказано: «Тажъ самая терпимость, которая заставляетъ правительство неприкасаться къ убѣжденію совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы была послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ уніатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ уніи въ обрядъ римско-католическій. Если вѣра господствующая недозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кольми паче вѣра терпимая не можетъ ихъ употреблять. И въ колоніяхъ, обольщая послѣдователей евангелическаго исповѣданія, іезуиты посѣваютъ въ ихъ семействахъ безпорядки и несогласіе.—Въ 1801 году іезуиты, обращая въ вѣру свою дѣтей еврейскихъ употребляли насиліе,—«поступокъ» по словамъ Именнаго Высочайшаго указа 21-го Августа того же года, «не сообразный ни съ общими правилами Христіанской вѣры, насилія нетерпящей, ни съ государственными законами всякой подговоръ и обольщеніе строго наказующими». Потребна была сила губернскаго начальства, чтобъ исторгнуть изъ іезуитскаго монастыря вышеупомянутыхъ еврейскихъ дѣтей; но и послѣ сего іезуиты не исполнили Высочайшаго повелѣнія. Они дѣйствуютъ и нынѣ по тѣмъ же своимъ правиламъ.—Самое употребленіе имуществъ, имъ принадлежащихъ, не согласно съ пра-

вилами христіанскаго человѣколюбія: ибо положеніе крестьянъ, іезуитскому ордену въ Бѣлоруссіи подвластныхъ, доказываетъ, сколь мало пекутся іезуиты о благосостояніи крестьянъ сихъ. Ваше Императорское Величество Сами съ соболѣзнованіемъ видѣли нѣкоторыхъ изъ сихъ несчастныхъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ, отпущенныхъ съ плакатными паспортами и просящихъ подаянія. По Высочайшему повелѣнію, я писалъ къ іезуитскому генералу, что пускать по міру нищихъ и немощныхъ людей несообразно съ христіанскими правилами, наипаче, когда іезуитское общество имѣетъ всѣ средства призрѣть ихъ.

Таковы истины, относящіяся до іезуитскаго ордена: Могущественное Государство, въ минуту преслѣдованія и бѣдствія іезуитовъ, принимаетъ ихъ подъ защиту своихъ законовъ: чуждые благодарности, они нарушаютъ сіи благотворящіе имъ законы, упорно противополагаютъ имъ собственныя постановленія и, именуя себя миссіонерами, вопреки Высочайшему регламенту 1769-го года, запрещающему принимать сіе названіе Римско-Католическому духовенству, дѣйствуютъ посреди государства благоустроеннаго, какъ въ странѣ, свѣтомъ Христовымъ не озаренной. И когда всеобщая недовѣрчивость, справедливое негодованіе всей Европы ихъ преслѣдуютъ: Россія показываетъ имъ и довѣренность и уваженіе, она возлагаетъ на нихъ священную обязанность образовать юношей ихъ вѣроисповѣданія, дабы просвѣщая ихъ разумъ наукою, просвѣщали и сердце религіею. Они употребляютъ во зло сію довѣренность, обольщаютъ неопытную молодость, и сами пользуясь благомъ терпимости, поселяютъ въ сердцахъ, ими обманутыхъ, жестокую нетерпимость, стремятся уничтожить оплотъ царствъ, привязанность къ вѣрѣ отечественной, и тѣмъ разрушить счастіе семействъ, производя въ нихъ разномы-

сліе. Всѣ дѣйствія іезуитовъ направлены къ собственнымъ ихъ выгодамъ и распространенію власти, и совѣсть ихъ при каждомъ противозаконномъ поступкѣ удобно находитъ оправданіе въ правилахъ ихъ ордена. По свидѣтельству папы Климента XIV іезуиты съ самаго учрежденія ихъ общества занимались низкими происками, имѣли безпрестанныя несогласія, и раздоръ въ Европѣ, Азіи и Америкѣ не только между собою, но и съ другими монашескими орденами, свѣтскимъ духовенствомъ, съ учебными заведеніями, и даже дѣйствовали противъ правительства. Многіе роптали на ихъ ученіе, противное добрымъ нравамъ и истинному благочестію, всѣ вообще упрекали ихъ въ излишней склонности къ пріобрѣтенію благъ житейскихъ. Какія средства ни были употребляемы папами для прекращенія козней іезуитскаго общества, всѣ они остались совершенно недѣйствительными. Чѣмъ болѣе возрастало негодованіе противъ сего общества, тѣмъ опаснѣе дѣлались ропотъ и волненіе въ умахъ, тѣмъ болѣе разрывался союзъ любви христіанской, тѣмъ болѣе усиливался духъ возмущенія. Нѣкоторые католическіе государи, не видя другихъ способовъ отвратить угрожающую церкви пагубу, принуждены были изъ областей своихъ изгнать іезуитовъ. Такъ писалъ объ нихъ папа, который видя въ самыхъ коренныхъ правилахъ іезуитскаго ордена причину раздоровъ и зла, ими производимыхъ, уничтожилъ общество сіе, дабы возвратить миръ и порядокъ церкви Христовой.

Еще тогда когда іезуиты удалены были изъ С.-Петербурга, положено было выслать всѣхъ членовъ общества сего за предѣлы Россіи, но Ваше Императорское Величество соизволили остановить мѣру сію по той причинѣ, что надлежало прежде отыскать священниковъ, знающихъ иностранные языки, дабы по колоніямъ и другимъ мѣстамъ

могли быть замѣщены ими іезуитскіе. Нынѣ когда изъ собранныхъ мною свѣдѣній открылось, что въ другихъ орденахъ римско-католическаго исповѣданія есть потребное для колоній число священниковъ, знающихъ иностранные языки, а іезуиты показали себя, какъ изъ вышеизъясненнаго видно, еще виновнѣйшими, осмѣливаюсь я представить Вашему Императорскому Величеству, неблагоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть:

1) Іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ не только благодарности, но и подданнической присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ Россійскихъ законовъ, выслать, подъ присмотромъ полиціи, за предѣлы Государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію ([1])».

2) Полоцкую Іезуитскую Академію и подвѣдомственныя ей училища упразднить. Поелику же для бѣлаго духовенства Римско-Католиковъ существуютъ семинаріи, какъ Епархіальныя такъ и главная при Виленскомъ Университетѣ, а монашествующимъ преподаются науки въ разныхъ монастыряхъ другихъ орденовъ; то и должны обучаться первые въ семинаріяхъ, а послѣдніе въ монастыряхъ; свѣтское же юношество, вмѣсто іезуитскихъ коллегій, будетъ образоваться въ училищахъ зависящихъ отъ университетовъ и въ самыхъ университетахъ. Начальство Народнаго Просвѣщенія приложитъ стараніе, чтобы при нынѣшней перемѣнѣ, ежели нужно, учреждены были въ Бѣлорусской губерніи вновь училища для свѣтскаго юношества.

3) Къ приходамъ, гдѣ исправленіе требъ поручено было іезуитамъ и гдѣ нужно знаніе польскаго языка, опредѣлить по назначенію епархіальнаго начальства священниковъ

([1]) См. Собр. Зак. т. XXXVII, № 28198.

бѣлаго или монашествующаго духовенства изъ ближайшихъ мѣстъ. Въ тѣ же приходы, въ коихъ находятся жители неразумѣющіе ни польскаго ни русскаго языка отправить Бѣльцовъ, или монаховъ знающихъ языки прихожанъ. Но не прежде удалять іезуитовъ отъ приходовъ, какъ по прибытіи на ихъ мѣста другихъ священнослужителей. Епархіальное начальство, посредствомъ благочинныхъ, или декановъ будетъ пещись, чтобы въ Богослуженіи и въ исправленіи мірскихъ требъ не было ни малѣйшей остановки.

4) Такъ какъ признается нужнымъ выслать іезуитовъ изъ губерній Витебской и Могилевской прежде прочихъ, то тѣхъ изъ нихъ которые не имѣютъ на своей отвѣтственности движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, отправить за границу немедленно; тѣхъ же, въ непосредственномъ вѣдѣніи коихъ находится что либо принадлежащее обществу, отправить по отобраніи сего имущества.

5) Всѣ наличныя деньги, документы, церковную утварь и проч. движимое и недвижимое имѣніе общества іезуитскаго, принять немедленно мѣстнымъ деканамъ или духовнымъ визитаторамъ и депутатамъ съ городничими, земскими исправниками и стряпчими, за подписаніемъ описей сдатчиками и пріемщиками.

6) Для пріема по описямъ библіотекъ, инструментовъ и проч. учебныхъ принадлежностей содержимыхъ на счетъ іезуитскихъ доходовъ, отрядить къ вышеозначеннымъ лицамъ чиновниковъ изъ училищнаго вѣдомства.

7) Наличныя деньги, какія отобраны будутъ отъ іезуитовъ, отдать въ Приказы Общественнаго Призрѣнія для приращенія процентами; а вещи, за исключеніемъ нужныхъ къ употребленію, запереть въ приличныхъ мѣстахъ и запечатать печатьми сдатчиковъ и пріемщиковъ. Однѣ описи

движимымъ и недвижимымъ имѣніямъ доставить въ Казенныя Палаты, а другія въ Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

8) Недвижимыя имѣнія съ крестьянами по инвентарямъ или описямъ, поручить вѣдѣнію Казенныхъ Палатъ, которыя приведя въ извѣстность доходы будутъ наблюдать за цѣлостію оныхъ, за порядочнымъ управленіемъ и за благосостояніемъ крестьянъ; но ни причисляя ихъ къ казеннымъ, почитать особою статьею для Римско-Католическаго духовенства и богоугодныхъ предметовъ, донося Министерству Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія по третямъ года объ управленіи сихъ имѣній.

9) Потребныя на высылку іезуитовъ и на отправленіе къ приходамъ другихъ священниковъ деньги отпускать изъ губ. экстраординарныхъ суммъ; сколько же оныхъ будетъ выдано, Гражданскіе Губернаторы имѣютъ донести Министерству Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія для пополненія изъ доходовъ іезуитскихъ имѣній.

10) На Гражданскихъ Губернаторовъ возложить наблюденіе, чтобы сдача и пріемъ іезуитскихъ имуществъ, а также и высылка іезуитовъ происходили безъ всякой остановки. Кто именно, когда и чрезъ какія мѣста будутъ отправлены и выѣдутъ за границу, Губернаторы мѣстныхъ и пограничныхъ губерній обязываются доносить Министерствамъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ.

11) Но еслибы члены іезуитскаго общества изъ уроженцевъ присоединенныхъ къ Россіи губерній, не принявшіе никакихъ священническихъ степеней и находящіеся въ искусѣ, пожелали выдти изъ сего ордена, то имъ не возбранять остаться въ Россіи, возвратиться къ своимъ семействамъ и въ первобытное состояніе, или вступить въ другой

монашескій орденъ. Равномѣрно и тѣ изъ іезуитовъ, кои совершили всѣ обѣты своего ордена и приняли уже какія либо священныя званія, могутъ, если пожелаютъ, испросить отъ Римскаго престола разрѣшеніе на вступленіе въ другой орденъ или въ бѣлое духовенство; но таковые должны нынѣ же и письменно объявить, что они рѣшились оставить іезуитское общество и перейти въ какой либо другой монашескій орденъ или въ бѣлое духовенство, сіи отзывы ихъ имѣютъ быть немедленно представлены правительству для домогательства о томъ у римскаго двора. Но будучи въ предѣлахъ Россіи, они не должны болѣе называться іезуитами и лишаются всѣхъ привиллегій сего ордена.

Если Ваше Императорское Величество соизволите утвердить сіи предположенія, то не благоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть управляющимъ: министру внутреннихъ дѣлъ, министру финансовъ и мнѣ, каждому по своей части, приступить немедленно къ исполненію всѣхъ сихъ статей. Такимъ образомъ прекратится въ Россіи существованіе іезуитскаго общества, непокорнаго государственнымъ узаконеніямъ и властямъ, коимъ оно долженствовало повиноваться, по ученію Св. Ап. Павла, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, удалены будутъ изъ Россіи люди, неимѣющіе истиннаго просвѣщенія, низпосылаемаго свыше,—люди, не внемлющіе наставленію Св. Ап. Іакова, коего словами папа Климентъ XIV заключилъ буллу объ уничтоженіи іезуитскаго общества: кто премудръ и худогъ въ васъ да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и премудрости. Аще же зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, не хвалитеся, нилжите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска: и дѣже бо зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла

вещь. А яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна. Плодъ же правды въ мірѣ сѣется творящимъ миръ».

Собственной Его Императорскаго Величества рукою написно: «*Быть по сему*».

3.

Отношеніе Тургенева въ Министерство Народнаго Просвѣщенія 14 Марта 1820 года.

Государь Императоръ въ 13 день сего Марта Высочайше утвердить соизволилъ докладъ Г. Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князя Голицына о высылкѣ изъ Россіи Іезуитовъ.

4.

По указу правительствующаго сената о высылкѣ изъ Россіи іезуитовъ.—Марта 22-го 1820 года подъ № 2407.

1820 года Марта 22 римско-католической духовной коллегіи 1-й департаментъ слушавъ указъ правительствующаго сената отъ 19 сего Марта съ приложеніемъ одного экземпляра Высочайше конфирмованнаго Его Императорскимъ Величествомъ въ 13 день сегожъ Марта доклада г-на министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и кавалера о высылкѣ изъ Россіи іезуитовъ и взятіи имѣній ихъ въ казенное вѣдомство.—Приказали: Онаго Высочайше конфирмованнаго доклада разослать по одному экземпляру для надлежащаго до кого касается исполненія, ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, администраторамъ, епархіи Могилевской и Виленской консисторіямъ и для свѣдѣнія и всѣхъ орденовъ провинціаламъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Періодъ третій.

Стран.

Глава первая. Внезапная смерть Павла I-го была для іезуитовъ не только неожиданностію, но и нравственнымъ пораженіемъ. Іезуиты боятся Палена. Удаленіе отъ дѣлъ правленія Палена принято было іезуитами за хорошее предзнаменованіе. Самостоятельное правленіе Александра I-го если не возбуждало въ іезуитахъ большихъ надеждъ, то и не представляло большихъ опасностей для ихъ ордена. Воспитаніе, образованіе и характеръ Императора Александра I-го. Лица, стоявшія близко къ Александру I-му, были или прямые защитники и покровители іезуитовъ, или косвенно содѣйствовали ихъ видамъ и дѣламъ. Іезуиты сознаютъ твердость почвы подъ собою. Письмо Грубера къ Александру I-му въ день пасхи. Въ этомъ письмѣ Груберъ между прочимъ даетъ разумѣть, что ему извѣстно о полученіи русскимъ правительствомъ папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи, а слѣдовательно наступило время обнародовать его. Письмо Грубера осталось безъ отвѣта. Груберъ прибѣгаетъ къ ходатайству папы по этому дѣлу. Пій VII въ поздравительномъ письмѣ своемъ къ Александру I-му, по случаю восшествія Его на престолъ, говоритъ, что онъ послалъ Павлу I-му бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи, т. е. напоминаетъ Государю о необходимости обнародовать это бреве. Александръ I-й на письмо папы отвѣчалъ вѣжливымъ письмомъ, но бреве всетаки не было обнародовано. Причины такой устойчивости и твердости Александра I-го. Снятіе опалы съ Сестренцевича—врага іезуитовъ и учрежденіе особой комисіи по дѣлу объ удаленіи его отъ епархіальнаго управленія и предсѣдательства въ духовной коммисіи. Прави-

Стран.

тельство познакомилось изъ этого дѣла съ обстоятельствами весьма невыгодными для репутаціи іезуитовъ. Беклешовъ защитникъ Сестренцевича и противникъ іезуитовъ. Къ дѣлу Сестренцевича прибавились еще жалобы на іезуитовъ священика Масклэ и нѣкоторыхъ синдиковъ петербургской Латинской церкви. Правительство ограничиваетъ іезуитовъ въ ихъ привиллегіяхъ: запрещаетъ имъ распространять свои заведенія, безъ Высочайшаго разрѣшенія, далѣе Полоцка; а также возвращать имъ такъ называемыя поіезуитскія имѣнія, наконецъ не позволяетъ завладѣть Виленскимъ университетомъ. Ходатайство папы предъ русскимъ правительствомъ по дѣлу іезуитовъ болѣе было вредно для нихъ, чѣмъ полезно. По дѣламъ малтійскаго ордена образовались худыя отношенія между русскимъ правительствомъ и папою. Пій VII отказывается признать Павла I-го великимъ магистромъ малтійскаго ордена. Переговоры по этому случаю съ папою. Вопросъ о признаніи Павла I-го Гросмейстеромъ малтійскаго ордена и утвержденіе въ достоинствѣ великаго магистра Томаси дѣлается необходимымъ условіемъ принятія русскимъ правительствомъ папскаго посланника. Папа уступаетъ. Русскій дворъ принимаетъ посла папы, но только на 4 мѣсяца и притомъ въ званіи чрезвычайнаго, а не обыкновеннаго, посланника. Груберъ пользуется этимъ обстоятельствомъ и чрезъ Лопухина выхлопатываетъ обнародованіе папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго общества въ Россіи. Значеніе этого обнародованія для іезуитовъ, обнаружившееся въ перемѣнѣ взгляда іезуитовъ на самихъ себя, свои отношенія къ папѣ и свѣтскимъ властямъ. Письмо Грубера къ Александру по случаю смерти іезуитскаго генерала Кареу служитъ лучшимъ доказательствомъ этого взгляда. Выборы новаго генерала. Груберъ избранъ генераломъ іезуитовъ. Гохдихлеръ, землякъ Грубера, заступаетъ его мѣсто въ іезуитскомъ Петербургскомъ Коллегіумѣ 1—107.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Съ избраніемъ Грубера въ генералы іезуитскаго ордена Полоцкъ утрачиваетъ свое значеніе, а Петербургъ пріобрѣтаетъ его. Груберъ, послѣ короткаго пребыванія въ Полоцкѣ, возвращается въ Пе-

Стран.

тербургъ, который представляетъ всѣ удобства для осуществленія замысловъ іезуитскаго генерала. Пособники Груберу въ его планахъ Николь и Де-Местръ. Свѣдѣнія о томъ и другомъ. Первымъ дѣломъ Грубера по возвращеніи изъ Полоцка въ С.-Петербургъ было торжественное открытіе благороднаго пансіона въ новопостроенномъ іезуитскомъ зданіи. Противорусскій и противоправославный характеръ воспитанія русскаго юношества въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ. Вызовъ Груберомъ въ Россію въ значительномъ количествѣ эксъ-іезуитовъ и бывшихъ членовъ общества священнаго сердца фидентистовъ изъ всѣхъ мѣстъ Европы. Необыкновенное умноженіе іезуитовъ въ Россіи въ самый короткій срокъ управленія Груберовскаго іезуитскимъ орденомъ. Замѣчательныя личности въ іезуитскомъ орденѣ, вызванныя Груберомъ изъ Европы въ Россію. Характеристика іезуитовъ: Розавэна, Роотгана, Гривеля и Журдана. Цѣлію Грубера, при вызовѣ въ Россію, разныхъ личностей изъ эксъ-іезуитовъ, и бывшихъ фидентистовъ или членовъ общества священнаго сердца, было то, чтобы сосредоточить все даровитое, лукавое и фанатичное изъ іезутскаго общества въ Петербургѣ и Россіи, въ виду предстоящей огромной работы для дѣятельности іезуитовъ на русской землѣ . 108—159.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Перемѣна во взглядѣ Грубера и іезуитовъ на общества св. сердца и вѣры. Слитіе этихъ двухъ обществъ въ одно подъ названіемъ общества вѣры или Пакканаристовъ. Груберъ и его агенты въ Римѣ не только не содѣйствуютъ самостоятельному и независимому существованію общества Пакканаристовъ, но стремятся къ совершенному слiянію его съ іезуитскимъ и поглощенію его послѣднимъ. Борьба іезуитовъ съ Пакканари. Маневры іезуитовъ произвесть разложеніе въ обществѣ Пакканаристовъ. Іезуиты производятъ разладъ и раздѣленіе между членами этого общества. Слѣдствіемъ этихъ іезуитскихъ интригъ было выдѣленіе многихъ членовъ изъ общества и присоединеніе ихъ къ русскому іезуитскому обществу. Не уничтожая совершенно общества Пакканаристовъ, Груберъ поставляетъ начальни-

Стран.

ками надъ значительными отдѣленіями его или іезуитовъ, или людей, всецѣло преданныхъ интересамъ іезуитскаго ордена. Агенты Грубера въ Римѣ Паниццони и Анжіолини постоянно поддерживаютъ въ Пакканаристахъ надежды на скорое возстановленіе іезуитскаго ордена во всемъ свѣтѣ. Намѣренное преувеличеніе Груберомъ значенія папскаго бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи. Усилія іезуитовъ возстановить свой орденъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, чтобы произвесть большее обаяніе на Пакканаристовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь членовъ этого общества отъ своего института и пріобщить ихъ къ іезуитскому. Пигнателли и Анжіолини начинаютъ дѣйствовать въ этихъ видахъ на папу, перваго министра неаполитанскаго короля и королеву. Неожиданныя препятствія къ возстановленію іезуитовъ въ Неаполѣ, возбужденныя папою. Король неаполитанскій раздраженъ такими поступками Пія VII и пишетъ ему рѣзкое письмо. Наконецъ папа даетъ бреве на возстановленіе іезуитовъ въ неаполитанскомъ королевствѣ. Торжества по этому случаю въ Неаполѣ. Оборотная сторона этого факта 160—203.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Груберъ, убивая попытки Пакканаристовъ къ образованію самостоятельнаго и независимаго отъ іезуитовъ общества, употребляетъ всѣ средства поставить въ независимое отъ митрополита Сестренцевича положеніе родной іезуитамъ по духу своему базиліанскій орденъ въ Россіи. Для достиженія этой цѣли Груберъ преслѣдуетъ судомъ и всякими средствами тѣхъ изъ базиліанъ, которые обнаруживали стремленіе стать въ независимое положеніе отъ іезуитовъ; доказательствомъ этого служитъ дѣло ушацкихъ и полоцкихъ базиліанъ; а въ тоже время возбуждаетъ и поощряетъ попытки тѣхъ, которые думали совершенно уподобиться іезуитамъ и ввести у себя, по примѣру ихъ, званіе протоархимандрита или генерала въ базиліанскомъ орденѣ. Дѣло Фальковскаго. Протестъ іезуитской партіи въ катол. коллегіи противъ опредѣленія сената по дѣлу Фальковскаго. Увольненіе изъ коллегіи членовъ: Бениславскаго, Бышковскаго и Скерневскаго; отрѣшеніе отъ

Стран.

должности и преданіе суду прокурора коллегіи Скрендзевскаго. Назначеніе прокуроромъ коллегіи Овцына. Папскій нунцій Ареццо дѣйствуетъ за одно съ іезуитской партіей. Домогательства его заключить конкордатъ съ русскимъ дворомъ. Переписка его съ латинскими епископами Россіи и съ римскимъ дворомъ. Перехваченныя нашимъ правительствомъ письма Ареццо открываютъ его незаконное вмѣшательство въ дѣла латинской церкви въ Россіи и заставляютъ нашъ дворъ уничтожить нунціатуру въ Россіи. Дѣло Вернега. Разрывъ нашъ съ папскимъ дворомъ. Сестренцевичу повелѣно управлять латин. церковью въ Россіи на основаніи буллы Пія VI-го. Планъ Сестренцевича образовать управленіе лат. церковью на правахъ галликанизма. Разстройство этого плана іезуитами 204—253.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Груберъ хлопочетъ объ учрежденіи латинскихъ миссій на восточныхъ окраинахъ Россіи. Наши министры Лопухинъ и Кочубей содѣйствуютъ Груберу въ осуществленіи его миссіонерскихъ плановъ. Іезуиты оставляютъ свой проектъ о миссіяхъ на Кавказѣ и въ Грузіи, а устремляютъ взоры свои на колоніи Саратовскія. Число іезуитовъ, прибывшихъ въ Саратовскія колоніи и дѣятельность ихъ въ этихъ мѣстахъ. Іезуиты въ Астрахани и ихъ дѣйствія. Экскурсіи іезуитскія изъ Саратова и Астрахани подъ разными предлогами въ наши города: Пензу, Воронежъ, Тамбовъ, Харьковъ и другіе. Основаніе іезуитской резиденціи на западной окраинѣ Россіи, именно въ столицѣ эсто-латышской Ригѣ. Изложеніе продѣлокъ іезуитовъ, чтобы вытѣснить изъ Риги францисканъ и утвердиться тамъ самимъ на мѣсто ихъ. Возбужденіе іезуитами и сторонниками ихъ вражды между членами рижской латинской общины. Достиженіе іезуитами своей цѣли и утвержденіе ихъ въ Ригѣ. Число іезуитовъ, прибывшихъ въ Ригу. Дѣятельность въ Ригѣ іезуита Коинса. Покровители рижскихъ іезуитовъ. Миссіонерская дѣятельность іезуитовъ въ Ригѣ. Основаніе при рижской латинской церкви двухъ латинскихъ училищъ: женскаго и мужскаго. Половина воспитанниковъ и воспитанницъ этихъ училищъ принадлежитъ къ катего-

Стран.

ріи православныхъ и лютеранъ. Могущественное средство, придуманное Коинсомъ для привлеченія въ іезуитское училище дѣтей православныхъ и лютеранскихъ родителей. Тайный пансіонъ при іезуитской церкви для дѣтей благородныхъ родителей. Сынъ графини Бриссакъ и племянникъ Армфельда тайные пансіонеры этого института . 254—310.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Отправленіе русскимъ правительствомъ посольства въ Китай подъ начальствомъ графа Головкина. Приготовленія и сборы къ этому посольству. Назначеніе трехъ іезуитовъ въ Китай для вспомоществованія и содѣйствія въ переговорахъ нашего посланника съ китайскимъ правительствомъ. Инструкція, данная назначеннымъ въ Китай іезуитамъ: Корсаку, Грасси и Штюрмеру. Іезуиты должны отправиться моремъ, чрезъ Стокгольмъ, Лондонъ, Лиссабонъ и Макао въ Кантонъ, а оттуда въ Пекинъ, и пріѣхать туда ранѣе нашего посольства, отправившагося сухимъ путемъ чрезъ Сибирь. Печальный конецъ нашего посольства въ Китай. Іезуиты и римская курія выдумываютъ разные предлоги къ тому, чтобы не ѣхать въ Китай тремъ іезуитскимъ эмиссарамъ. Препятствія со стороны нунція папскаго, или римскаго двора; потомъ со стороны іезуитскаго генерала; наконецъ со стороны самаго будто бы китайскаго правительства. Нашъ взглядъ на всѣ эти препятствія, и преимущественно анализъ и разборъ степени достовѣрности мысли, пущенной іезуитами въ ходъ, о гоненіи, воздвигнутомъ въ Китаѣ на христіанство. Правительство наше поняло наконецъ, что всѣ предлоги къ прекращенію путешествія трехъ іезуитовъ въ Китай, выдуманные іезуитами, по бо̀льшей части лживы, а потому уничтожило посылку іезуитовъ въ Китай. Іезуиты наши изъ Лиссабона отправляются въ Лондонъ, чтобы возвратиться въ Россію, но имъ не позволено ѣхать въ русскіе предѣлы. Ходатайство Березовскаго о возвращеніи іезуитовъ въ Россію. Отказъ въ этомъ и позволеніе ѣхать имъ въ Американскіе Штаты. Грасси ѣдетъ въ Америку. По ходатайству князя Голицына позволено означеннымъ тремъ

1052'

Стран.
іезуитамъ прибыть въ Петербургъ. Мнѣніе Вигеля о посольствѣ нашемъ въ Китай. Трагическая смерть Грубера. . 311—369.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Трагическая смерть Грубера возбуждаетъ неумѣренные надежды въ однихъ и преувеличенные страхи въ другихъ. Іезуиты дѣлаютъ тщетными усилія Сестренцевича и другихъ ограничить власть іезуитскаго начальника и уничтожить независимость ордена. Кн. Голицинъ покровительствуетъ іезуитамъ. Выборъ преемника Груберу палъ на Березовскаго. Побѣда польскаго элемента надъ иностраннымъ, обнаружившаяся при этомъ выборѣ. Свойство и характеръ Березовскаго. Положеніе его выгодное, условливаемое присутствіемъ при немъ такого совѣтника какъ графъ Де-Местръ, а также бурнымъ и поворачивающимъ къ реакціи положеніемъ Европы. Вопросы, оставленные Груберомъ въ наслѣдство своему преемнику и требовавшіе отъ него разрѣшенія. Вопросъ о расширеніи іезуитскихъ миссій въ предѣлахъ Россіи и вопросъ объ изъятіи іезуитскихъ учебныхъ заведеній изъ подъ контроля правительственнаго. Іезуитскія миссіи въ Крыму. Давнишнее знакомство общества Лойлы съ этою мѣстностію. Первая серія іезуитовъ, посланныхъ въ Александровскую эпоху въ Крымъ. Недовольство первыхъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Крыму своимъ положеніемъ Березовскій отказывается болѣе посылать въ Крымъ членовъ изъ своего ордена. Поиски нашего правительства найдти за границею капуциновъ для Крыма остаются безъ успѣха и оно обращается опять къ іезуитамъ. Іезуиты въ числѣ 15-ти человѣкъ отправляются въ Крымъ и поселяются здѣсь во всѣхъ значительныхъ мѣстахъ. Витри начальникъ крымскихъ Іезуитовъ, а Николь визитаторъ всѣхъ латинскихъ церквей Южной Россіи. Дѣйствія іезуитовъ въ Крыму и ихъ экскурсіи по другимъ мѣстностямъ. Одесса центръ ихъ дѣятельности. Педагогическая дѣятельность іезуитовъ и преимущественно Николя въ Одессѣ. Миссіи іезуитскія въ Романовѣ и Сибири 370—467.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Другое наслѣдство, завѣщанное Груберомъ своему преемнику, состояло въ томъ, чтобы

333 8/8-68.

Стран.

освободить iезуитскiя заведенiя изъ подъ зависимости университетовъ. Такъ какъ обстоятельства не благопрiятствовали iезуитамъ завладѣть виленскимъ университетомъ, то усилiя Березовскаго устремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы поставить всѣ iезуитскiя учебныя заведенiя въ независимое отъ университета положенiе и образовать изъ нихъ свой особенный учебный округъ съ своимъ высшимъ учебнымъ центромъ — полоцкой академiей. Докладная записка, поданная Березовскимъ Александру I, по этому случаю. Она осталась безъ отвѣта Государева. Березовскiй не падаетъ духомъ отъ этой неудачи, но еще съ большею настойчивостiю преслѣдуетъ свою мысль. Переписка Березовскаго съ министромъ народнаго просвѣщенiя графомъ Разумовскимъ по этому предмету. На помощь Березовскому въ этомъ дѣлѣ приходитъ графъ Де-Местръ. Покровитель iезуитовъ пишетъ по этому поводу цѣлую книгу, гдѣ съ критикою предмета иногда вѣрною, тонкою и остроумною, странно соединяются самые чудовищные пародоксы, гдѣ вмѣсто серьезнаго доказательства авторъ старается совершенно увернуться отъ рѣшенiя вопроса, или отдѣлывается остротою шуткою, пошлымъ сравненiемъ, наконецъ буквально лжетъ, клевещетъ и даже прибѣгаетъ къ застращиванiю и запугиванiю. Переписка Де-Местра съ Разумовскимъ сдѣлалась извѣстною Государю Александру I и имѣла рѣшительное влiянiе на окончанiе дѣла объ эманципацiи iезуитскихъ учебныхъ заведенiй и возведенiи полоцкаго iезуитскаго коллегiума на степень академiи. Тогдашнiя обстоятельства и начинающая обнаруживаться нравственная перемѣна въ Императорѣ Александрѣ I давали вѣсъ и значенiе iезуитской партiи, а слѣдовательно и благопрiятствовали осуществленiю ихъ замысловъ касательно своихъ учебныхъ заведенiй вообще и полоцкой коллегiи въ частности. Торжество iезуитовъ, по случаю возведенiя полоцкой коллегiи въ академiю . 468—514.

ПРИЛОЖЕНIЯ. 515—528.

Bayerische Staatsbibliothek München

8-22(2).

Moroškin, Michail Jakovlevič

Iezuity v Rossii s carstvovanija Ekateriny II i do našego vremeni

Bd.: 2

S.-Peterburg 1870

Jes. 1108 w-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10570180-4